This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

F Slav 620.5 (1905)
1

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

ЯНВАРЬ. 1903.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1903.

Δ
P Slav 620.5 (1903/1)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 1 1959
Morse 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го января 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Земля**. Романъ. *А. М. Федорова*. Часть первая. . .	5— 60
2.	**Изъ воспоминаній женщины-врача** (Къ 25-лѣтію дѣятельности женщинъ-врачей). *Н. Драгневичъ*. . .	61— 74
3.	**Иванъ Ѳедоровичъ.** Повѣсть. *О. Н. Ольнемъ*. I—IV.	75—124
4.	**Ничше о Гюйо** (По неизданнымъ документамъ). *Альфреда Фулье*. Переводъ съ французскаго. . .	125—154
5.	*** Стихотвореніе *Н. Шрейтера*.	154
6.	**Въ особнячкѣ**. Разсказъ. *С. Я. Елпатьевскаго*. . .	155—167
7.	*** Стихотвореніе. *М. В. Ватсонъ*.	167
8.	**Пепелище.** Романъ. *С. Жеромскаго*. Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.	168—196
9.	**Практика** (Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ). *В К—ва*.	197—219
10.	**Отецъ** (Изъ Розенфельда). *П. Я*.	219—220
11.	**Очерки по исторіи цензуры**. *Евг. Лемке*.	221—248
12.	**Земля обѣтованная**. Романъ. *В. С. Реймонта*. Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова. (Въ приложеніи).	1— 48
13.	**Чтеніе шведскихъ и норвежскихъ писателей въ деревнѣ и въ городѣ**. *Х. Д. Алчевской*.	1— 21
14.	**Новыя книги:**	

I. Колышко. Волки и овцы.—Ив. Наживинъ. Дешевые люди.—А. Г. Туркинъ. Уральскія миніатюры.—Жюль Ренаръ. Рыжикъ.—П. Ѳ. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ.—Гр. Новополинъ. Въ сумеркахъ литературы и жизни.—Сказки и легенды, собранныя братьями Гриммъ.—Избранныя сказки братьевъ Гриммъ.—Т. Лубенецъ. Педагогическія бесѣды.—Кеннингомъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.—А. Ни-

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

кольскій. Земля, община и трудъ.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.—В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчія и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ.—Больница св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 21— 54

15. **Изъ Англіи.** *Діонео.* . . . . . 55—84

16. **Литература и жизнь.** (Г. Ашешовъ о Некрасовѣ. — Г. Мережковскій объ отцахъ и дѣтяхъ.—Г. Туганъ-Барановскій о самомъ себѣ.—Г. П. Г. о г. Струве.—Г. Пекаторосъ о современныхъ настроеніяхъ.—М. Э. Гуковскій о новыхъ вѣяніяхъ и настроеніяхъ). *Н. К. Михайловскаго.* . . . . . 84—108

17. **Изъ Франціи.** *Н. Е Кудрина.* . . . . . 108—138

18. **Хроника внутренней жизни:** I. Изъ итоговъ послѣдней сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній въ 1902 г.—Ходатайство шенкурскаго городского управленія о введеніи земскихъ учрежденій въ Архангельской губерніи.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—III. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. А. Мякотина.* . . . . . 139—167

19. **Отчетъ конторы редакціи.** 168

20. **Указатель статей** въ журналѣ «Русское Богатство» за 10 лѣтъ 1892—1903 г.

Открыта подписка на 1903 годъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ,

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . .	8 р.
За границу	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается *разсрочка:*

при подпискѣ.	5 р.	или	при подпискѣ . . . . . 3 р
			къ 1-му апрѣля. . . . . 3 »
и къ 1-му іюля	4 »		и къ 1-му іюля . . . . . 3 »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, **библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества,** доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ** не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА» (1899 г.) Ч. I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Ц. 2 р. Ч. II. ПУБЛИЦИСТИКА. Ц. 1 р.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изд. *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. Ц. 75.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): *Т. I.* Шелаевскій рудникъ.— *Т. II.* Съ товарищами. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *пятое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *Въ* **С.-Петербургѣ** — *контора журнала, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9. Въ* **Москвѣ** — *отдѣленіе конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія, 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ЗЕМЛЯ.

(Романъ).

„Древле убо отъ сущихъ создавый мя и образомъ Твоимъ Божественнымъ почтій—паки мя возвративъ въ землю, отъ нея-же взятъ быхъ, но еже по подобію возведи древлею добротою вообразитися".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ февраля 189* года изъ дверей военно-медицинской академіи вышли два студента.

Одинъ былъ довольно высокій, стройный блондинъ съ молодыми усами, пушистая мягкость которыхъ свидѣтельствовала, что они еще никогда не брились. Такіе же пушистые не густые волосы вились на слегка раздвоенномъ подбородкѣ и немного пониже висковъ, розовато гладкихъ, какъ у юноши, хотя ему шелъ двадцать шестой годъ.

Застегнувъ на ходу пуговицы своего хорошо сшитаго форменнаго пальто, онъ слегка повелъ плечами, чтобы ужъ затѣмъ окончательно не чувствовать ни малѣйшей неловкости отъ костюма, и машинально перешелъ отъ правой руки своего спутника къ лѣвой.

Тому, очевидно, было совершенно безразлично, съ какой стороны ни идти, но онъ замѣтилъ это передвиженіе и насмѣшливо сказалъ:

— Ишь, что значитъ привычка на пристяжкѣ-то у дамъ ходить: не ловко съ правой стороны.

Блондинъ добродушно улыбнулся и кивнулъ головой. Улыбался онъ сразу обоими углами губъ, слегка расширяя при этомъ ноздри, и улыбка его была ясная, какъ у людей, глубоко не страдавшихъ. Она шла къ его чистому красивому лицу, къ сѣрымъ, слегка щурившимся глазамъ, а особенно

къ неплотно сжатымъ губамъ безхарактернаго рта, и исчезала не сразу.

Рядомъ съ нимъ спутникъ его казался ниже своего средняго роста. Онъ былъ приземистъ, коренастъ и крѣпокъ. Въ то время, какъ его товарищъ шелъ прямо и свободно, слегка разставляя въ стороны тупые носки модныхъ ботинокъ,—онъ подвигался большими шагами, выставляя при каждомъ шагѣ впередъ правое плечо, какъ будто ему приходилось идти противъ сильнаго вѣтра, и размахъ его правой ноги былъ гораздо больше, чѣмъ лѣвой, что сбивало ровную походку блондина, машинально пытавшагося попасть съ нимъ въ ногу. Лицо у коренастаго было грубоватое, круглый годъ веснущатое, съ крупнымъ ртомъ, широкимъ носомъ и слегка выдавшимися скулами. Рѣдкіе рыжеватые усы опускались на верхнюю губу, а изъ-подъ нижней шла длинная кисточка волосъ вплоть до подбородка, гдѣ густо пробилась, загибаясь внизъ, небольшая рыжеватая борода.

Лицо было не красивое, но умное и сильное. Даже небольшіе голубоватые глаза, какіе часто встрѣчаются у крестьянъ, не нарушали этого выраженія силы и настойчивости, особенно какъ будто залегавшихъ въ замѣтныхъ даже изъ-подъ кожанаго козырька фуражки надбровныхъ выпуклостяхъ широкаго лба.

Перваго звали Михаилъ Хрисанфовичъ Останковъ, второго—Илья Матвѣевичъ Кургановъ.

Они шли по направленію къ Литейному мосту и продолжали начатый, повидимому, ранѣе разговоръ.

— Я не понимаю, почему тебя, Ѳедосѣева, Груздева и прочихъ изъ вашей компаніи удивило то, что я также вызвался ѣхать?—явно задѣтый за живое, говорилъ Останковъ, тщетно стараясь попасть въ ногу съ Кургановымъ. — Какъ хочешь, это странно.

Тотъ только пожалъ плечами.

— Или я, по вашему мнѣнію, полѣно, не способное къ состраданію?

— Ну, вотъ еще! Кто-же это говоритъ! Твоя доброта и отзывчивость всѣмъ извѣстны. Кто тебѣ не долженъ изъ товарищей!

Онъ сказалъ эту фразу ровнымъ тономъ, но Останкову почудился въ ней легкій уколъ насмѣшки. Нахмуривъ тонкія брови, Останковъ вызывающе поднялъ голову и слегка покраснѣлъ.

— Ну, извѣстны или неизвѣстны, мнѣ это безразлично и мало меня занимаетъ. Вообще, денежная помощь, которую я иногда оказываю нуждающимся, мнѣ ровно ничего не сто-

ить: я въ десять разъ больше бросаю денегъ даромъ... Чортъ знаетъ на что! И въ заслугу себѣ этого не ставлю.

— Что даромъ деньги-то бросаешь?

— И то, и другое... если хочешь.

— А мнѣ какое дѣло?

— Или это удивленіе оттого, что я стою какъ-то внѣ вашего кружка, — пропустивъ мимо ушей, или не дослышавъ послѣдняго замѣчанія Курганова, продолжалъ Останковъ.—Но я вообще не признаю ни какой партійности и кружковщины, хотя никто меня не можетъ упрекнуть, чтобы я въ чемъ нибудь проявилъ себя плохимъ товарищемъ, когда требовалась товарищеская солидарность.

— Да никто тебя въ этомъ и не упрекаетъ.

— Работать тоже, мнѣ кажется, я могу не хуже другихъ.

— Даже лучше. У профессоровъ на отличномъ счету.

— Ну, объ этомъ я мало забочусь.

— И это извѣстно: способности хорошія.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Почему вы всѣ такъ удивились, когда я заявилъ, что тоже ѣду? Почему всѣ эти восклицанія: „Какъ, ты ѣдешь!“ „Слышите, господа, Останковъ тоже ѣдетъ“. „Останковъ—каково!“—„Молодецъ Останковъ!“ И тому подобныя!—съ явнымъ раздраженіемъ повторялъ Останковъ.

Кургановъ, попрежнему не глядя на товарища и выпирая на ходу правое плечо, поморщился. Однако, не желая оставлять его безъ отвѣта, сказалъ:

— Не понимаю, почему тебя это безпокоитъ.

— Не безпокоитъ, а просто интересуетъ,—съ дѣланною небрежностью выговорилъ Останковъ.

— Ну, тогда и подавно объ этомъ не стоитъ говорить.

Они вошли на Литейный мостъ. Съ Невы дуло холодомъ, и порывы вѣтра иногда обливали лицо, какъ холодная вода съ леденящими струйками протекали по тѣлу. Длинная, бѣлая, какъ огромное грязное, измятое полотнище, протянулась Нева въ гранитныхъ берегахъ, но подъ этимъ полотнищемъ чувствовалось живое тѣло, извивающееся и сильное. Дальше изъ мутно-синяго тумана поблескивалъ шпиль Петропавловскаго собора и холодно стояли дворцы.

Кургановъ уже поглядывалъ впередъ, на конку, которая шла по Литейному проспекту и дальше. Онъ жилъ въ Измайловскомъ полку, у тетки, по смерти мужа продолжавшей заниматься содержаніемъ извозной артели,—жилъ у нея съ самаго поступленія въ академію, занимаясь за столъ и комнату съ двумя ея сыновьями, учившимися теперь въ классической гимназіи.

Конка за четыре копѣйки въ хорошую погоду и за шесть—

въ ненастную, когда нельзя было ѣхать на имперіалѣ, доставляла его почти до дома. На этотъ разъ приходилось пожертвовать шестью копѣйками; день былъ довольно непріятный. Вѣтеръ забирался не только за воротникъ, но и въ рукава острыми струями. Иногда онъ забѣгалъ впередъ и крутилъ мелкую пыль сухого колючаго снѣга, которымъ тоже наровилъ угодить въ наиболѣе чувствительное мѣсто. Небо было мутно-синее, непривѣтное. Не только люди, но и самые дома какъ будто ежились и хмурились отъ скучной и противной погоды. Поневолѣ хотѣлось спрятаться отъ всего этого. Къ тому-же, въ такіе дни почему-то особенно много бываетъ на Литейномъ покойниковъ. Похоронныя дроги тянутся однѣ за другими, сопровождаемыя тоскливо ковыляющими и ѣдущими въ экипажахъ черными фигурами, которыя, навѣрное, думаютъ единственно о томъ, какъ скверно не только жить, но и умирать въ такую сумрачную погоду.

— Я потому обратился къ тебѣ за объясненіемъ,—съ легкимъ упрекомъ въ тонѣ возобновилъ Останковъ прерванный разговоръ, понизивъ голосъ и слегка кривя красивыя губы,—что знаю тебя ближе, чѣмъ другихъ твоихъ пріятелей, что мы—земляки, знакомы чуть не съ дѣтства, что ты, наконецъ, знаешь меня. Если я не кричу о своей любви къ народу, это не значитъ, что я люблю его меньше, чѣмъ крикуны, готовые за него на словахъ хоть на крестъ идти, а на дѣлѣ отлынивающіе на попятный,—закончилъ онъ, впадая невольно почему-то въ несвойственный ему грубоватый тонъ.

— Это ты про Свиридова, что-ли?

— Хотя бы про Свиридова. Небойсь, онъ отказался ѣхать.

— Онъ не отказывался. Но у него старуха мать, которая такъ напугана всѣми газетными извѣстіями о голодѣ и эпидеміяхъ, что боится за сына. Онъ бы убилъ ее своей поѣздкой. Ты знаешь, что она лишилась въ холеру двухъ сыновей студентовъ и видитъ тутъ что-то роковое. И все-же, я убѣжденъ,—Свиридовъ успокоитъ ее и поѣдетъ. Онъ очень страдаетъ, что не можетъ ѣхать теперь и все боится, какъ бы товарищи не истолковали его поступка какими-нибудь неблаговидными причинами... Какъ ты, напримѣръ.

Послѣднія слова укололи Останкова. Онъ покраснѣлъ. Вмѣстѣ въ тѣмъ еще обиднѣе стало ему, что къ Свиридову, который, по чему бы то ни было, не ѣдетъ на голодъ, относятся гораздо сочувственнѣе, чѣмъ къ нему, Останкову, совершенно безкорыстно отправляющемуся изъ веселаго и кипучаго Петербурга въ глухія деревни, на борьбу съ цынгой и тифомъ.

Ѣхать къ голодающимъ Останкова увлекало общее настроеніе товарищей. Часъ тому назадъ онъ самъ навѣрное

не зналъ, поѣдетъ или нѣтъ и даже, до полученія билета, могъ передумать, но послѣ обидныхъ восклицаній товарищей, онъ уже безповоротно рѣшилъ ѣхать, чтобы не попасть передъ ними въ смѣшное положеніе. А въ настоящую минуту это настроеніе выросло у него еще болѣе.

— Мнѣ тоже есть кого и что жалѣть,—не безъ ударенія проговорилъ онъ въ отвѣтъ на слова товарища.—Однако я до сихъ поръ никому не ставилъ этого на видъ.

— Вотъ какъ! А я до сихъ поръ былъ убѣжденъ, что ты—одинокій.

— Да. Но у меня есть невѣста, которую я люблю. Она меня тоже любитъ и, вѣроятно, тоже будетъ умолять, чтобы я не ѣхалъ.

Кургановъ еще ниже наклонилъ голову и сильнѣе заработалъ плечомъ. Останкова удивило, что онъ на это не получилъ никакого ироническаго замѣчанія, и ему стало неловко за свою ненужную откровенность. Однако онъ не остановился на этомъ.

— Ты, конечно, догадываешься, что я говорю объ Ольгѣ Васильевнѣ.

— Ну... Ольга Васильевна не изъ такихъ натуръ,—не сразу отвѣтилъ Кургановъ.—Она-то ужъ не станетъ останавливать.

— Развѣ ты такъ хорошо ее знаешь?

— Да. Настолько-то знаю,—уклончиво отвѣтилъ Кургановъ.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ, она мнѣ что-то говорила о дружбѣ съ тобой,—желая расположить къ себѣ Курганова и не чувствуя высокомѣрія въ этой фразѣ, припомнилъ Останковъ.—Вы, кажется, вмѣстѣ росли, играли и потомъ...

— Да,—сухо прервалъ его Кургановъ.—Мой отецъ, еще будучи крѣпостнымъ, былъ приказчикомъ въ имѣніи ея отца. Потомъ, когда я поступилъ въ гимназію и пріѣзжалъ на каникулы, ея отецъ разрѣшилъ ей играть со мной. Я былъ лѣтъ на пять старше.

И, точно спохватившись, что сказалъ что-то лишнее, онъ нахмурился и умолкъ.

— Такъ, такъ...—продолжалъ за него Останковъ.—Кажется, ты даже уроки ей давалъ и просвѣщалъ разными книжками.

Но Кургановъ не обратилъ вниманія и на эту фразу, въ которой сказалось то же безсознательное высокомѣріе. Онъ, все какъ-бы продолжая смотрѣть по землѣ шага на три передъ собою, еще больше нахмурился и, захвативъ нижней губой кончикъ своего рыжаго уса, сталъ щипать его ровными, здоровыми зубами.

Останковъ все не могъ успокоиться и вернулся къ прежнему.

— Не спорю. Но, я не понимаю.., Не трусомъ же считаютъ меня?

— Если хочешь знать, не къ лицу это тебѣ... вотъ и все!— отрѣзалъ Кургановъ, обернувшись къ нему и взглянувъ прямо ему въ лицо.—Вотъ художества—музыка тамъ, да скульптура— это твое дѣло.

— А тебѣ къ лицу?

— Да, мнѣ къ лицу! Еще бы! Я самъ изъ этой среды вышелъ и буду тамъ какъ разъ кстати, а ты, ты явишься неожиданностью.

Останковъ попробовалъ разсмѣяться.

— А, вотъ что! Для этого надо родиться!

— Для этого надо *быть*, или *стать*. Если бы ты, напримѣръ, въ качествѣ военнаго врача отправился въ самое опасное и кровавое поле,—никто бы не удивился... А меня, конечно, не трудно представить въ той средѣ, куда я иду, какъ вѣчный должникъ.

— Все то у васъ долгъ, да принципъ, тамъ, гдѣ достаточно простого человѣческаго чувства... Я не знаю, почему я, какъ врачъ, явлюсь неожиданностью тамъ, гдѣ ждутъ медицинской помощи. Наконецъ,—слегка возвысивъ голосъ, точно озаренный удачной мыслью, продолжалъ онъ: — Нѣсколько поколѣній моихъ предковъ выросло, какъ вы любите выражаться, на почвѣ, политой потомъ и кровью народными, такъ что и со стороны всякихъ „долговъ"... Ты понимаешь, что я хочу сказать... Думаю, что я не меньше призванъ быть тамъ, чѣмъ всѣ вы...

Останковъ разгорячился и покраснѣлъ.

Кургановъ пристально и не безъ удивленія взглянулъ ему въ глаза: онъ не ожидалъ отъ Останкова подобнаго признанія, да и для самого Останкова оно было совершенно неожиданно. Никогда онъ о такомъ долгѣ не думалъ, да и народомъ-то никогда не интересовался. Но эта мысль зажгла его самого, какъ откровеніе. Теперь предстоящая поѣздка получила для него глубокій и значительный смыслъ. Даже желаніе что-то доказать несправедливо уязвившимъ его товарищамъ уступило вдругъ мѣсто чувству болѣе благородному и высокому, которое самого его возвышало и поднимало въ собственныхъ глазахъ.

Если онъ до сихъ поръ мало думалъ о народѣ, то теперь, наверстаетъ прошлый грѣхъ.

— Коли ты говоришь не только искренно, но и убѣжденно очень радъ отъ тебя слышать это,—подался Кургановъ и испытующе посмотрѣлъ въ нѣсколько возбужденное лицо товарища. Но, охладѣвъ отъ неожиданнаго впечатлѣнія, онъ скептически подумалъ, что это, можетъ быть, минутная кра-

сивая вспышка, которыя у Останкова такъ же скоро погасали, какъ и возникали. Однако, тотъ такъ открыто и ясно заговорилъ дальше, что Кургановъ подумалъ: „Чортъ его разберетъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ серьезно чувствуетъ это. Вѣдь малый, въ сущности, добрый“.

— Поэтому-то мнѣ и обидно... При такомъ дѣлѣ надо забыть всякія мелочи и предубѣжденія,—горячо закончилъ Останковъ.

— Значитъ, будемъ вмѣстѣ работать...

Кургановъ хотѣлъ прибавить еще: „Ты ужъ извини меня, если такъ, за мое недовѣріе“, но нашелъ, что и сказаннаго вполнѣ достаточно.

— Да, да! И мы еще посмотримъ, кто больше окажется на мѣстѣ.

Кургановъ поджалъ губы и подумалъ: „Хорошо я сдѣлалъ, что не извинился“.

Вмѣсто этого онъ неопредѣленно спросилъ:

— Ты тоже, значитъ, съ нами выѣзжаешь?

Останковъ слегка замялся.

— Да... видишь-ли... Я долженъ сдѣлать тутъ кое-какія дѣла... Затѣмъ, заѣду туда... на югъ, а оттуда ужъ прямо на работу... Впрочемъ...—пробормоталъ онъ,—я буду на мѣстѣ, вѣроятно, на день, на два позже васъ... не больше. Я думаю, это ничего.

— Разумѣется, ничего... Прощай.

— Ты куда-же спѣшишь? Поѣдемъ со мной позавтракать.

— Нѣтъ, спасибо, я на конку.

— Подожди, если такъ, я тебя подвезу,—ускоряя за нимъ шаги по панели, предложилъ Останковъ.—Кстати, вотъ лихачъ.

— Спасибо. Я изъ принципа не ѣзжу на лихачахъ.

— Опять принципъ.

— Опять принципъ,—повторилъ его слова Кургановъ съ иронической улыбкой, которая часто мѣшала понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно. Высвободивъ свою руку изъ руки спутника, онъ заспѣшилъ черезъ улицу.

— Кланяться отъ тебя Ольгѣ Васильевнѣ?—крикнулъ ему вслѣдъ Останковъ.

— А?—обернулся тотъ, не разслышавъ вопроса.

— Кланяться-ли, спрашиваю, Ольгѣ Васильевнѣ?—съ улыбкой воскликнулъ онъ.

Кургановъ нахмурился, точно досадуя, что его остановили за такимъ пустякомъ и теперь придется на ходу догонять конку, махнулъ рукой, ничего не отвѣтивъ, и побѣжалъ вслѣдъ удалявшемуся вагону, попрежнему неуклюже работая плечомъ.

Останковъ растерянно постоялъ съ минуту на мѣстѣ, за-

тѣмъ сдѣлалъ капризное движеніе губами и кивнулъ лихачу.

Полозья заскользили по снѣгу, со свистомъ царапая иногда камни. Останковъ по привычкѣ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ, почти не обращая вниманія на мужчинъ и стараясь уловить мелькавшія передъ нимъ женскія лица. Но это занятіе на этотъ разъ не развлекло его. Онъ былъ недоволенъ собой, недоволенъ Кургановымъ, недоволенъ тѣмъ, что высказалъ ему свою обиду и такимъ образомъ какъ будто унизилъ себя передъ нимъ.

„Пожалуй, онъ разскажетъ объ этомъ всѣмъ имъ,—чувствуя нѣкоторое раздраженіе и противъ своихъ товарищей, думалъ Останковъ—и они возомнятъ чортъ знаетъ что...“

Онъ въ это время замѣтилъ, что уже на Невскомъ, и приказалъ ѣхать къ Кюба, продолжая размышлять въ томъ же духѣ.

Досаднѣе всего ему было полунебрежное, полунасмѣшливое отношеніе къ нему Курганова. Онъ выдѣлялъ его изъ толпы товарищей не только за сильный умъ, необыкновенную стойкость въ убѣжденіяхъ, за удивительное умѣнье говорить, когда это было надо, передъ большой аудиторіей... Это и всѣ другіе цѣнили въ немъ. Кургановъ нравился ему потому, что въ немъ чувствовалось натура: за внѣшней суровостью необыкновенная мягкость и нѣжность души, которая выражалось и въ его симпатичномъ глубокомъ голосѣ, и даже въ пожатіи его энергичной и полной особеннымъ тепломъ, широкой руки.

И Останкову было досадно, что тотъ, въ свою очередь, не отдавалъ должнаго ему. Правда, въ его присутствіи Останковъ почему-то стѣснялся выказывать свои таланты, но они ужъ вовсе не были такъ ничтожны, чтобы къ нимъ относиться насмѣшливо. Самъ Кургановъ когда-то, однако, интересовался имъ и больше его цѣнилъ, чѣмъ теперь, когда Останковъ сталъ замѣчать въ его отношеніи къ себѣ нѣкоторую недоброжелательность. Онъ видѣлъ даже, что та нобѣда, которую, повидимому, одержалъ надъ нимъ, признавъ себя должникомъ народа, была мгновенной. Это казалось Останкову тѣмъ досаднѣе, что онъ самъ искренно повѣрилъ въ свой порывъ, открывшій ему новыя перспективы въ жизни.

Признать, что Кургановъ такъ несправедливо отнесся къ этому порыву изъ недовѣрія, значило бы признать себя совсѣмъ ужъ ничтожествомъ въ его глазахъ, а это было бы неправда. Тутъ скрывалось что-то иное.

Останковъ сталъ припоминать, съ какого времени особенно ясно обнаружилось передъ нимъ это странное отношеніе Курганова, и вдругъ, уже у самаго подъѣзда ресторана, его озарила догадка, въ первое мгновеніе показавшаяся дикой. Но

потомъ онъ обрадовался ей и даже пробормоталъ вслухъ самъ себѣ: „Навѣрное это такъ... И по времени какъ разъ совпадаетъ... Недаромъ мнѣ показалось, что онъ смутился, когда я упомянулъ объ Ольгѣ. Несомнѣнно, онъ влюбленъ въ нее, можетъ быть, еще съ того времени, какъ давалъ ей уроки. Это вполнѣ естественно: онъ по натурѣ такой эстетикъ, а Ольга такая хорошенькая, умница“...

И ему хотѣлось, чтобы это предположеніе было справедливо: оно какъ бы возвышало его надъ Кургановымъ, и самолюбіе его могло оставаться спокойнымъ.

II.

У Кюба, какъ и ожидалъ Останковъ, онъ нашелъ Петьку Кувайцева, Борьку Готовицкаго, Ваську Чемизова и еще двоихъ незнакомыхъ ему господъ, изъ числа примазывающихся къ такъ называемой „золотой молодежи“, чтобы ихъ также считали принадлежащими къ избранному петербургскому обществу, то-есть, къ тому, которое вездѣ бываетъ и ничего не дѣлаетъ.

Новые были не молодыхъ, но и неопредѣленныхъ лѣтъ, утрированно модно одѣтые и непріятно развязные. Одинъ черный, круглоголовый, съ жесткой, модно остриженной бородкой, что къ нему очень не шло, съ краснымъ и потнымъ какъ будто отъ природы лицомъ. Другой былъ блондинъ, нѣсколько еврейскаго типа, съ выправкой браваго нѣмецкаго бурша, съ брилліантовой булавкой въ галстухѣ и не въ мѣру тугими высокими воротничками.

Кувайцевъ,—студентъ, сынъ виднаго дѣятеля, съ профилемъ Наполеона, но съ лицомъ сильно помятымъ и со слѣдами пудры на щекахъ послѣ бритья, славился тѣмъ, что на вопросъ, какого онъ факультета, обыкновенно отвѣчалъ:

— Нынче Жозефинина, а въ прошломъ мѣсяцѣ былъ Матильдина.

Готовицкій былъ просто молодой человѣкъ хорошей фамиліи, готовившійся поступить въ кавалерію и потому заранѣе выработавшій себѣ походку кавалериста. Чемизовъ былъ товарищъ Останкова по академіи, высокій, длинноносый, похожій на цаплю. Онъ тоже готовился въ полкъ и носилъ узкіе, какъ рейтузы, брюки. Компанія только что приступила къ завтраку, но успѣла уже выпить и встрѣтила Останкова преувеличенно громкими криками.

— А, спасатель отечества!

— Кормилецъ голодающихъ!

— Деревенскій лѣкарь!

Даже незнакомые Останкову господа, разинувъ ротъ, съ улыбкой мычали что-то въ тонъ имъ.

„И зачѣмъ это я пришелъ сюда!"—Съ досадой подумалъ Останковъ, почувствовавъ на этотъ разъ въ своемъ настроеніи нѣчто новое, дѣлавшее его чужимъ этой компаніи.

Они не унимались.

— Вотъ удивилъ!

— Измѣнникъ!

— Мы его не отпустимъ, господа. Не отпускать.

— Не отпускать! Не отпускать! — поспѣшили вставить свои восклицанія и незнакомцы.

— Полно вздоръ говорить!—недовольно оборвалъ всѣхъ Останковъ, какъ будто все еще не рѣшаясь сѣсть съ этой компаніей за одинъ столъ, холодно протягивая руку незнакомцамъ, фамиліями которыхъ онъ даже не поинтересовался.

— Ты недоволенъ этими господами? — шепнулъ ему на ухо Кувайцевъ, по своему истолковавшій рѣзкій отпоръ Останкова.

— Кто такіе?—вскользь, но довольно громко спросилъ вмѣсто отвѣта Останковъ.

— А чортъ ихъ знаетъ. Борька привелъ. Вотъ этотъ бѣлокурый, съ еврейскимъ лицомъ, кажется, сынъ какого-то ростовщика. А другой себя все русакомъ рекомендуетъ. Точно заяцъ-русакъ.—Онъ прыснулъ со смѣха.—Да они, кажется, ничего, славные ребята. Фактъ.

Останкову еще непріятнѣе стала эта компанія. Онъ далъ себѣ слово позавтракать и тотчасъ же уѣхать.

— Ты что будешь пить?—обратился къ Останкову Готовицкій.—Мы здѣсь нынче на зубровку перешли съ водки.

— Я рюмку водки выпью.

— Вотъ это по моему. Я тоже русакъ, отечественную больше уважаю. И черный потянулся къ Останкову чокнуться.

— Виноватъ,—отозвался Останковъ, выпивъ раньше свою рюмку.—Это что же, ваша фамилія—Русакъ?

— Нѣтъ, фамилія моя Добровъ, а это я такъ только русакомъ себя прозываю. Русскій человѣкъ значитъ.

Онъ такъ сконфуженно улыбнулся при этомъ, оглянувъ всю компанію, которая привѣтствовала смѣхомъ шутку Останкова, что тому стало его жаль, и онъ, приказавъ подать себѣ другую рюмку, чокнулся съ Добровымъ и подумалъ: „А кажется, онъ, дѣйствительно, ничего себѣ парень—хамоватъ только. И что это у нихъ за страсть примазываться къ такой компаніи".

— Фамиліи всегда называютъ такъ, что не разберешь: промямлютъ что-то: тарамъ-барамъ... — оправдывался Останковъ, ставшій уже болѣе снисходительнымъ послѣ двухъ

выпитыхъ натощакъ рюмокъ. — Вотъ я и вашу фамилію не разслышалъ,—обратился онъ къ другому.

— Баронъ...

— А, виноватъ... Фамилія?

— Это и есть моя фамилія: Баронъ.

Опять всѣ захохотали. Захохоталъ и самъ Баронъ, котораго, очевидно, врядъ-ли можно было чѣмъ нибудь смутить.

— Архитекторъ Баронъ,—повторилъ онъ, готовый еще больше смѣшить публику.—Уроженецъ Петербурга, но воспитывался въ Германіи. Главнымъ образомъ, въ Берлинѣ.

Еще онъ договаривалъ послѣднія слова, а ужъ Останковъ не слушалъ его и заказывалъ завтракъ.

Послѣ двухъ стакановъ вина, Останковъ сталъ еще болѣе снисходительнымъ. Онъ уже не особенно порывался теперь изъ этой компаніи.

— Нѣтъ, ты таки, не шутя, ѣдешь?—возобновилъ свое Кувайцевъ, когда всѣ разговорились.

— Разумѣется, ѣду. Какія же тутъ шутки, — сказалъ Останковъ и тутъ же подумалъ: „И эти тоже удивляются"... Но удивленіе ихъ не только его не оскорбило, а какъ будто даже льстило ему.

— Да ты тамъ съ ума сойдешь отъ скуки,—подхватилъ Готовицкій.—Наконецъ, гдѣ ты тамъ будешь ѣсть?

— Ну, положимъ, можно съ собой повара взять,—поправилъ его Кувайцевъ.

— Да, но что же можетъ поваръ достать у голодающихъ,—захохоталъ Готовицкій, усмотрѣвъ въ этомъ замѣчаніи остроту.

— Положимъ, мы, военные, должны быть ко всему готовы,—возразилъ Чемизовъ, замѣтивъ гримасу на лицѣ Останкова.—Лишенія насъ не страшатъ... Но...

— Я вовсе ѣду къ голодающимъ не веселиться и не кутить,—рѣзко замѣтилъ Останковъ, видя, что разговоръ принимаетъ опять пошловатый оттѣнокъ, но тотчасъ прибавилъ, чтобы сгладить эту рѣзкость:

— Тамъ ужасъ что дѣлается. Мы здѣсь вотъ, сытые, и вообразить не можемъ, что люди могутъ не только голодать, но и болѣть... даже умирать отъ голода.

— Да вѣдь это все такъ въ газетахъ пишутъ. Надо же газетамъ чѣмъ-нибудь пугать публику! Безъ этого ихъ читать не станутъ,—рѣшительно объявилъ Кувайцевъ.—Хорошо, если есть чума, холера, революція... А если нѣтъ ничего подобнаго, тутъ и за голодъ схватишься... Фактъ!

— Ну, положимъ, начальство не позволило бы печатать воззванія, смущать публику и грабить ее, если бы голода, дѣйствительно, не было,—замѣтилъ Чемизовъ.—Вѣроятно, го-

лодъ есть, но почему? Вотъ вопросъ. Не потому-ли, что мужикъ избалованъ, лѣнивъ, не хочетъ работать...

— Страха на него нѣтъ... Фактъ!

— Ну, нѣтъ, это вы напрасно,—неожиданно вступился за мужика Добровъ, и самъ покраснѣлъ отъ своей смѣлости.— И страха на мужика достаточно осталось и работаетъ онъ, слава Богу, столько, что никому и въ горбъ не влѣзетъ. А ежели земля не родитъ, если засуха,—тутъ ужъ никто, какъ Богъ.

Останковъ одобрительно кивнулъ ему.

— Всетаки, я не допускаю, чтобы у мужика не было хлѣба, когда онъ самъ его сажаетъ и дѣлаетъ...—настаивалъ Кувайцевъ.—Откуда же у насъ хлѣбъ, коли не отъ мужика. Вѣдь въ городахъ хлѣбъ не растетъ... Если бы не было у нихъ, не было бы у насъ... Фактъ!

Онъ выпалилъ все это отрывисто и быстро и сдѣлалъ въ концѣ такое серьезное лицо, что, повидимому, послѣ своей рѣчи считалъ всѣ возраженія излишними.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что мужикъ продаетъ хлѣбъ, желая купить себѣ вина, гармонику и лаковые сапоги,—добавилъ свое мнѣніе Готовицкій. — Его не *порютъ*, вотъ онъ въ конецъ и *испортился*...—Ха-ха-ха—каковъ вышелъ каламбуръ. Не по-рютъ и ис-портился...

Но каламбура не оцѣнили.

— Какіе сапоги лаковые у мужика!.. Помилуйте...—всплеснулъ отъ изумленіи руками Добровъ.—Да у него и лапти-то не всегда есть, не токмо-что лаковые сапоги. Вино, дѣйствительно, по праздникамъ пьетъ... Это бываетъ... И на гармоникѣ случается... А на счетъ порки...

— Такъ насъ первыхъ слѣдовало бы пороть за наше пьянство и развращенность,—докончилъ Останковъ.

Всѣ сочли это за веселую шутку и расхохотались.

— Такъ неужели, дѣйствительно, люди болѣютъ и даже умираютъ отъ голода?—выразилъ свое сомнѣніе и Баронъ.— Отчего-же въ Германіи никогда ничего подобнаго не бываетъ? Тамъ никогда о такомъ голодѣ не слышно.

— Сравнилъ! Чтобъ у нѣмцевъ, да голодъ былъ?—замѣтилъ совсѣмъ ужъ осмѣлившійся Добровъ.—У нѣмца, если дождя нѣтъ, онъ начнетъ изъ пушекъ стрѣлять, вотъ и дождь настрѣляетъ. А у насъ развѣ начальство станетъ на это порохъ тратить!

— Я ужъ не знаю, какъ въ Германіи, но что у насъ голодъ, въ этомъ никакого сомнѣнія нѣтъ. Несчастный народъ, дѣйствительно, погибаетъ безъ хлѣба и ѣстъ вмѣсто него чортъ знаетъ какую гадость,—проникаясь все большимъ состраданіемъ къ голодающимъ, продолжалъ Останковъ.

И, сдѣлавъ большой глотокъ вина, онъ сталъ горячо передавать все то, что успѣлъ вычитать изъ газетъ, услышать отъ товарищей. Въ порывѣ искренняго увлеченія онъ невольно сгущалъ краски и заражался своимъ творчествомъ до того, что самъ блѣднѣлъ и спазмы схватывали ему горло.

„Вотъ если бы меня сейчасъ слышалъ Кургановъ",—растроганный самъ своею рѣчью, подумалъ Останковъ.—„Узналъ бы онъ, какъ я люблю народъ и горячо ему сочувствую."

И, ощущая при этомъ еще большій подъемъ духа, Останковъ продолжалъ:

— А мы?.. А общество? Что дѣлаетъ общество?

— Но оно жертвуетъ! — воскликнулъ Готовицкій. — Ужъ это-то фактъ!

— Жертвуетъ!—саркастически перебилъ его Останковъ.— Жертвуетъ гроши и думаетъ этими грошами откупиться.

— Помилуй, другъ мой... Какъ гроши?! Я самъ недавно читалъ, или слышалъ гдѣ-то, что пожертвовано уже около двухъ милліоновъ,—возразилъ Чемизовъ.

— Что могутъ значить два милліона, сравнительно съ потребностями сотенъ тысячъ голодающаго народа! Это капля въ морѣ! Мы пропиваемъ сотни рублей сразу, бросаемъ кредитныя бумажки на чай лакеямъ, чтобъ хоть у нихъ пользоваться уваженіемъ. А жертвуя на голодающихъ рубль, воображаемъ, что мы уже исполнили свой долгъ передъ народомъ. Свиньи мы... вотъ что!

До этой минуты всѣ слушали его по своему. Кувайцевъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, увлекаемый, впрочемъ, больше страстнымъ тономъ Останкова, чѣмъ содержаніемъ его рѣчи; Баронъ—съ любопытствомъ; Готовицкій и Чемизовъ съ тоскливымъ нетерпѣніемъ: „Когда, молъ, онъ кончитъ эту неидущую ни къ мѣсту, ни къ обществу канитель?"

Своими возраженіями Готовицкій хотѣлъ охладить его пылъ и тѣмъ прекратить бесѣду, казавшуюся ему даже не совсѣмъ приличной. Въ увлеченіи своемъ Останковъ говорилъ довольно громко и обращалъ на себя вниманіе троихъ какихъ-то господъ, по виду французовъ, сидѣвшихъ за столикомъ у окна, и двухъ господъ съ актерскими физіономіями, завтракавшими вмѣстѣ съ изысканно одѣтой дамой.

За то Добровъ слушалъ Останкова не только со вниманіемъ, а даже съ какимъ-то восторгомъ, слегка открывъ свой маленькій круглый ротъ, повторяя машинально всѣ почти его движенія и измѣненія лица, недовольно взглядывая на Готовицкаго, когда тотъ перебивалъ оратора своими возраженіями.

Когда Останковъ закончилъ свою рѣчь этимъ неожиданнымъ самоуничиженіемъ, Добровъ въ восторгѣ крикнулъ:

— Вѣрно! И все, что вы докладывали, вѣрно и на счетъ нашего свинства тоже вѣрно... Въ самую точку попали. Инда совѣсть заэрила... Свиньи мы...

— Parlez pour vous, monsieur,—пробормоталъ Чемизовъ, бросивъ на него презрительный взглядъ.

— Расписался въ полученіи,—замѣтилъ Готовицкій, впрочемъ, довольно добродушно.

— Да вы-то откуда знаете, что онъ вѣрно говоритъ?—обратился къ Доброву Кувайцевъ.

— Какъ-же намъ не знать, коли мой родитель большіе капиталы нажилъ около этого народа на хлѣбѣ. И я съ малолѣтства къ этому же дѣлу былъ приставленъ, да спретило оно мнѣ, батюшка и отправилъ меня въ Петербургъ представителемъ нашей фирмы.

— Вотъ оно что! Такъ чего-же вы, коли ужъ васъ такъ совѣсть заэрила, больше-то не жертвуете?

— А откуда вамъ извѣстно, что я не жертвую?

— Не слышно что-то, да и не замѣтно по васъ.

Не смотря на то, что Добровъ былъ уже выпивши, онъ еще болѣе покраснѣлъ и вспотѣлъ отъ безцеремоннаго замѣчанія Кувайцева.

— На насъ этого не написано...—пробормоталъ онъ.—Что досель не слышно было, это вѣрно. Не жертвовалъ я многаго потому, какъ правду вотъ они сказали, что свиньи мы... Да и пробрать нашего брата трудно... Ну, а только теперь пронятъ я, до подоплеки... А потому, прошу васъ... чѣмъ богатъ...

Онъ привычнымъ, размашистымъ жестомъ досталъ бумажникъ и, раскрывъ его, вытащилъ нѣсколько радужныхъ и не безъ горделиваго выраженія въ лицѣ положилъ передъ Останковымъ на столъ.

— Эка деньжищъ-то сколько!—съ завистью посмотрѣвъ на бумажникъ Доброва, пробормоталъ Готовицкій, удивленный этой выходкой. Онъ отлично зналъ, что кормить и поить тотъ никогда не отказывался за свой счетъ, но въ долгъ у него почти невозможно было выпросить даже красненькую.

— Вотъ... какъ вы ѣдете въ тѣ мѣста и я довѣряю вамъ...—говорилъ Добровъ торжественнымъ голосомъ,—то сдѣлайте милость, возьмите для голодающихъ на хлѣбъ, али тамъ на лѣкарства... Какъ усмотрите...

— Молодецъ!—одобрилъ Кувайцевъ.—Руку! Теперь я вижу, что вы, дѣйствительно, русакъ.

И онъ горячо пожалъ руку Доброва.

— Не за что-съ... По мѣрѣ силъ... Народныя же это денежки-то...—сознался тотъ.

— Чортъ возьми, нате вотъ и отъ меня,—заявилъ Останкову, послѣ этого, Кувайцевъ, высыпая изъ кошелька шесть

золотыхъ по десяти рублей и только одинъ изъ нихъ удерживая себѣ, чтобы расплатиться за завтракъ.—Больше нѣтъ.

И онъ непривычно сконфузился, видя, что за актерскимъ столомъ замѣтили эту сцену и она, повидимому, произвела на сосѣдей, а особенно на ихъ даму, впечатлѣніе.

— Коли такъ, и я не отстану,—сказалъ Чемизовъ.—Прими лепту вдовицы.—У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ отца скупщика хлѣба и потому больше десяти цѣлковыхъ я дать не могу.

— Да не язви ты хоть тутъ-то!—остановилъ его Кувайцевъ.

— Пожалуйста и отъ меня,—отвернувшись въ сторону и порывшись въ портмонэ, присоединился Баронъ и положилъ сначала семь съ полтиной, а потомъ прибавилъ еще золотой въ пять рублей.

Готовицкій чувствовалъ себя очень сконфуженнымъ. Онъ безнадежно ткнулся въ одинъ карманъ, потомъ въ другой... Затѣмъ нагнулся къ уху Доброва и торопливо зашепталъ:

— Послушай... дай мнѣ, пожалуйста четвертную. Эти-то деньги я, ей Богу, отдамъ... У меня нѣтъ.

Добровъ, ни слова не говоря, досталъ ему два золотыхъ и передалъ въ руки на виду у всѣхъ.

„Экой хамъ!"—съ злобой сверкнулъ на него глазами Готовицкій.—„И дать-то, какъ порядочный человѣкъ, не умѣетъ."

И, сначала опустивъ для чего-то деньги въ карманъ, онъ вынулъ ихъ тотчасъ же оттуда и тоже положилъ передъ Останковымъ всѣ.

— Вотъ... И отъ меня тоже.

Останковъ былъ изумленъ этимъ слишкомъ неожиданнымъ и реальнымъ проявленіемъ сочувствія. Но настоящій тріумфъ его былъ впереди.

— Господа,—пробовалъ, однако, онъ протестовать.—Зачѣмъ же это вы даете мнѣ? Несите въ какую-нибудь редакцію, или Красный Крестъ. Тамъ этими деньгами и распорядятся.

— Нѣтъ, нѣтъ...—отозвались со всѣхъ сторонъ.—Это въ руки.

— Вы тамъ будете ближе къ нуждѣ.

— Ты сумѣешь распорядиться этими деньгами лучше.

Откуда у нихъ взялось это убѣжденіе въ практичности и знаніи народной нужды Останковымъ,—неизвѣстно, потому что и для самого Останкова вся предстоящая дѣятельность была еще очень темна и смутна. Но онъ горячо поклялся, что ни одна копѣйка изъ этихъ денегъ не пропадетъ даромъ и тутъ-же еще разъ мысленно далъ обѣтъ не жалѣть для помощи нуждающимся и своихъ денегъ.

— Ура!—возбужденно подхватилъ Добровъ, когда Останковъ сказалъ свое слово.—Человѣкъ, шампанскаго!

— Ну, кто-же теперь пьетъ шампанское?—попробовалъ удержать его Останковъ, но другіе не дали ему договорить:

— Пускай, пускай, ничего. Для шампанскаго, какъ для поцѣлуя, всегда время.

Въ эту минуту отъ компаніи, сидѣвшей съ дамой, отдѣлился высокого роста бритый и необыкновенно представительный господинъ съ красивыми чертами слегка помятаго лица, съ правильно закругленнымъ подбородкомъ и высокимъ, но незначительнымъ лбомъ, на которомъ, съ умышленной небрежностью, были спутаны пряди выпущенныхъ волосъ. Поднявъ плечи, онъ подошелъ къ ихъ столу и тряхнулъ головой.

— Виноватъ.

Всѣ обернулись къ нему.

Онъ назвалъ свою фамилію, но его и безъ того всѣ уже узнали: это былъ извѣстный драматическій артистъ Кирсанскій. Задвигались стулья и руки потянулись къ его пухлой холеной рукѣ, на указательномъ пальцѣ которой блестѣлъ брилліантъ въ чугунной оправѣ.

— Позвольте и намъ,—началъ онъ, растягивая слова, тѣмъ мягкимъ груднымъ баритономъ, который такъ волновалъ публику, особенно дамъ... При этомъ Кирсанскій указалъ на сидѣвшую за столомъ даму и другого актера.—Позвольте и намъ присоединить свою лепту въ пользу голодающихъ.

И онъ протянулъ Останкову двѣ сторублевки и золотой браслетъ съ большой бирюзой, осыпанной розочками. На браслетѣ была выгравирована надпись „Высокоталантливой артисткѣ Кречетовой отъ почитателей ея геніальнаго дарованія“.

Останковъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ успѣхомъ, взволнованъ и умиленъ до того, что даже растерялся и, не зная, что ему отвѣтить на это лестное сочувствіе, какъ будто все это дѣлалось не для голодающихъ, а для него самого, растроганно пожималъ руку артисту, которому Добровъ уже совалъ бокалъ съ шампанскимъ.

Что-то легкое и опьяняющее, какъ шампанское, которое уже разливалось у него по жиламъ и еще болѣе возбуждало слегка опьяненную мысль и сердце, охватило Останкова. Онъ какъ будто самъ выросъ въ собственныхъ глазахъ и лицо его стало еще привлекательнѣй. Высказавъ артисту свои чувства, онъ быстро и увѣренно направился къ столу, за которымъ сидѣли любимая Петербургомъ артистка и извѣстный комикъ Колышевъ и, въ свою очередь представившись имъ, сталъ горячо и тоже какъ будто за себя, благодарить ихъ.

— Не стоитъ, не стоитъ... — повторялъ комикъ, качая своей крупной стриженой головой съ жирнымъ обрюзгшимъ, добродушнымъ лицомъ, похожимъ на женское. Кречетова устало и ласково улыбалась въ отвѣтъ Останкову, то опуская, то поднимая на него свои все еще прекрасные сѣрые глаза. Она, повидимому, также была растрогана сама тѣмъ, что пожертвовала дорогой для нея подарокъ, который не успѣла еще заложить для уплаты процентовъ вѣчно терзавшимъ ее кредиторамъ.

Лакеи съ недоумѣніемъ переглядывались, непривычные къ такимъ сценамъ въ общей залѣ. Трое сидѣвшихъ у окна французовъ тоже не безъ удивленія поглядывали на это зрѣлище. Наконецъ, кто-то изъ компаніи Останкова предложилъ Кирсанскому присоединиться къ нимъ и перейти въ отдѣльный кабинетъ. Кирсанскій сообщилъ это предложеніе своимъ товарищамъ и, вмѣстѣ съ нимъ, вся первая компанія двинулась знакомиться къ артистическому столу.

Кречетова не приняла предложенія подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нужно ѣхать къ портнихѣ. Кирсанскій и Колышевъ согласились.

— Только провожу Калерію Михайловну, — сказалъ Кирсанскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо,—воспротивилась она.—Вотъ еще нѣжности какія. Не украдутъ меня.

Останковъ, однако, помогъ артисткѣ одѣться и, усадивъ ее въ экипажъ, вернулся уже наверхъ, въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ Добровъ, возбужденно и радостно, точно это былъ для него истинный праздникъ, отдавалъ приказаніе ушастому, кривоногому татарину лакею, который кивалъ ему съ почтительной небрежностью и поправлялъ, когда Добровъ перевиралъ иностранныя названія по картамъ.

— Да куда это вы... Цѣлый гастрономическій магазинъ заказываете! —пробовалъ остановить Доброва Кувайцевъ.

— Душа разстегнулась! — отозвался тотъ. — На хорошаго человѣка больно напалъ, такъ теперь ужъ не сокращайте. За все плачу. Мой бенефисъ выпалъ.

— Ну, это зачѣмъ-же? — возразилъ Останковъ, явившійся при послѣднихъ словахъ,—на этотъ разъ ужъ разрѣшите мнѣ заплатить. Я считаю, что сегодня, наоборотъ, мой бенефисъ.

Добровъ даже испугался вмѣшательства Останкова и, быстрымъ шопотомъ справившись у Кувайцева, какъ зовутъ Останкова, всталъ передъ нимъ въ умоляющую позу и, складывая на груди короткія руки, заговорилъ:

— Михалъ Хрисанфчъ, не рѣжьте безъ ножа... Доставьте мнѣ также удовольствіе угостить васъ и всю честную

компанію. Вамъ денежки-то и тамъ пригодятся, а намъ здѣсь, все едино, какъ вы вѣрно изволили выразиться, свиньями придется оставаться. Ужъ сдѣлайте милость, дозвольте... И вы, господа, разрѣшите тоже,—обратился онъ къ компаніи.

— Но позвольте... Какъ же это такъ? Мы въ первый разъ только встрѣтились и вдругъ... вы за насъ будете платить,— какъ бы въ смущеніи разводя руками и поднявъ плечи, съ снисходительной улыбкой замѣтилъ Кирсанскій. Но его прервалъ Останковъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... вы наши гости...

Тогда Кирсанскій съ той-же улыбкой и съ жестомъ величавой покорности уступилъ и пригласилъ къ тому-же своего товарища. Но тотъ и не думалъ противиться.

— Это, такъ сказать, проводы мы вамъ устраиваемъ,— снова обратился Добровъ къ Останкову, который одинъ былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Но Добровъ такъ умоляюще на него глядѣлъ, что ему ничего не оставалось, какъ согласиться.

— Ну, вотъ, спасибо! - рявкнулъ обрадованный Добровъ и полилось шампанское.

Завтракъ, начавшійся въ три часа дня, окончился около шести, семи часовъ утра, но уже не у Кюба, а гдѣ-то въ такомъ мѣстѣ, одно воспоминаніе о которомъ покоробило Останкова, когда онъ проснулся, точно и изъ сердца у него поднималась такая-же изжога, какъ и изъ желудка. И не потому его покоробило, что онъ никогда не бывалъ тамъ, а потому, что очень уже это не подходило къ его настроенію и къ тѣмъ возвышеннымъ рѣчамъ и планамъ, которые онъ все время развивалъ передъ своими слушателями. Да и вообще, все, начиная съ самаго пріѣзда къ Кюба, представилось ему совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ вчера, и даже то, что вчера такъ льстило его самолюбію, заставляло нынче непріятно морщиться и краснѣть. И то, что у него въ карманѣ была порядочная сумма въ пользу голодающихъ и дорогой браслетъ, нисколько его не утѣшало. Наоборотъ, и это ему было непріятно, потому что эти деньги, какъ онъ мысленно выразился, попали къ нему какъ-то „дурóмъ“. Браслетъ совсѣмъ не слѣдовало брать и простой тактъ заставлялъ его сегодня-же отвезти эту вещь артисткѣ, пожертвовавшей ее сгоряча и теперь, вѣроятно, раскаивающейся въ этомъ. И, наконецъ, что ему дѣлать съ этой вещью?.. Не идти-же продавать, или закладывать въ ссудную кассу?

Ему хотѣлось забыть все остальное, но воспоминанія, какъ на зло, настойчиво лѣзли въ голову.

Съ нимъ чокались, ему удивлялись, его восхваляли чуть

ли не какъ героя, который самоотверженно идетъ спасать отъ эпидеміи и голода умирающихъ мужиковъ. Кирсанскій, послѣ завтрака, даже величественно благословлялъ его со слезами на глазахъ и называлъ „дитя мое“. Затѣмъ шли безконечные поцѣлуи, увѣренія въ вѣчной дружбѣ, любви и преданности. Все было напыщенно, преувеличенно, нелѣпо, хотя все же, не безъ искренняго, впрочемъ, пьянаго настроенія.

Останковъ самъ нѣсколько разъ прослезился, начиная считать чуть-ли не предопредѣленной свыше миссіей предстоящую ему поѣздку, а затѣмъ развивалъ ту-же самую идею о дворянскомъ долгѣ, которая пришла ему въ голову при разговорѣ съ Кургановымъ. Но тутъ онъ развивалъ ее въ особенно напыщенныхъ и хмельно-чувствительныхъ выраженіяхъ, придавая и этому значеніе и смыслъ дворянской миссіи.

— Мы имъ докажемъ,—онъ разумѣлъ компанію Курганова—что хорошо знаемъ, помнимъ свой долгъ и сумѣемъ выполнить его свято...

Ему апплодировали и опять цѣловались. Даже Чемизовъ, который увѣрялъ, что мужикъ не стоитъ такого вниманія, даже онъ, значительно охмелѣвъ, сталъ сочувствовать дворянской миссіи, а Кувайцевъ такъ положительно рвался уѣхать съ Останковымъ и, если что его удерживало, такъ это единственно новый романъ съ Жозефиной, сокровищъ которой, по его признанію, онъ не успѣлъ еще вполнѣ исчерпать.

Остальные тоже въ чемъ-то увѣряли, что-то кричали и пили за здоровье мужика.

— О, какая пошлость! Какая пошлость!—морщась, повторялъ Останковъ, и ему стыдно было при этомъ взглянуть на себя въ зеркало.—Вотъ, если бы все это видѣлъ и слышалъ Кургановъ!

Лицо Курганова и весь онъ, вдругъ, выплыли передъ Останковымъ и ему стало совѣстно самого себя, но по привычкѣ сваливать всю вину на другихъ, а именно—на тѣхъ, передъ кѣмъ, особенно стыдно,—онъ и тутъ нашелъ виновнаго въ Кургановѣ.

„Вѣдь я звалъ его съ собою завтракать, а онъ не захотѣлъ... Если бы онъ поѣхалъ со мною, ничего подобнаго бы не произошло... А особенно этого... послѣдняго...“

И Останкову до мельчайшихъ подробностей припомнилось это послѣднее, похожее на безобразный бредъ. Онъ хотѣлъ отогнать отъ себя непріятное воспоминаніе. Выпилъ стаканъ холодной зельтерской воды, газы которой ударили ему въ носъ, защекотали горло и даже заставили два раза чихнуть. Но отъ этого не стало легче.

Останковъ вспомнилъ, какъ артистъ, который хоть увѣрялъ всѣхъ, что никогда не пьянѣетъ и, дѣйствительно, твердо

держался на ногахъ, сначала сталъ хвастаться своими многочисленными побѣдами надъ женщинами, а потомъ, пошептавшись съ компаніей, посадилъ съ собою Останкова на извозчика и повезъ куда-то „освѣжиться“.

Они мчались по снѣгу, и Останкову казалось, что они мчатся съ лихорадочной быстротой и при томъ—какъ по волнамъ. И куда ни посмотришь,—вездѣ огни, фонари, звѣзды, но не смотря на это, на улицѣ кажется невыносимо темно. Вотъ они подъѣхали къ какому-то подозрительно освѣщенному фонарями подъѣзду, а затѣмъ имъ отперли дверь и, какъ добрымъ знакомымъ, сказали—пожалуйте.

Они вошли. Останкова сразу ошеломили послѣ ночной темноты яркій блескъ огня, шумъ, крики, женскій визгъ и нервные звуки фортепіано. Онъ сразу понялъ, куда попалъ, и хотѣлъ уйти вонъ, но Кирсанскій съ необычайно серьезнымъ лицомъ, убѣжденно увѣрялъ его, что нельзя такъ бросать товарищей, а они уже здѣсь, такъ какъ поѣхали раньше.

И дѣйствительно, въ отворенную дверь Останковъ увидѣлъ Кувайцева, сидѣвшаго съ вытянутыми ногами на полу, безъ сюртука. Онъ хохоталъ и ловилъ за платья женщинъ, плясавшихъ по залѣ съ французами, которыхъ онъ видѣлъ у Кюба.

Французы были тоже безъ сюртуковъ.

Кирсанскій нахмурилъ брови и замѣтилъ неодобрительно:

— Ну, ужъ это напрасно. Не умѣютъ люди пить, какъ слѣдуетъ. Какъ напьются, такъ и безобразничаютъ.

Самъ онъ, хваставшійся неисчислимыми побѣдами надъ женщинами, не думалъ, что онъ совершалъ безобразіе, за то безобразіе Кувайцева строго осудилъ и, подойдя къ нему походкой моряка во время бури, извинился по-французски передъ плясавшими, поднялъ Кувайцева и повелъ подъ руку его за собою наверхъ, вмѣстѣ съ Останковымъ.

Дамы провожали ихъ веселыми криками и привѣтствіями, называя Кирсанскаго попросту Аполлошкой или Аполлошей.

Кирсанскій, повидимому, чувствовалъ здѣсь себя, какъ дома, такъ же, какъ и его товарищъ, который уже ожидалъ ихъ съ компаніей въ особомъ отдѣленіи, похожемъ на будуаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ на спальню, такъ какъ налѣво у стѣны стояло подобіе катафалка, подъ розовымъ балдахиномъ, а подъ катафалкомъ—кровать. Все это отражалось въ зеркалѣ во всю стѣну на противоположной сторонѣ. На столѣ, въ углу, стояли ликеры и серебряный кофейникъ и синимъ пламенемъ горѣла спиртовая лампочка, варившая кофе, а въ другомъ углу—рояль, на которой бренчалъ что-то и пѣлъ, подражая цыганамъ, Готовицкій, снявъ галстухъ и зачѣмъ-

то разстегнувъ воротъ рубашки. Мебель была темнокрасная. На диванѣ сидѣли Чемизовъ и Баронъ, а на колѣняхъ у нихъ дѣвицы. Комикъ спалъ въ креслѣ, открывъ ротъ, распустивъ пухлыя фіолетовыя губы и откинувъ на спинку кресла круглую голову. Третья дѣвица запустила ему въ носъ „гусара".

— А вотъ онъ! Какъ Фениксъ изъ пекла!—съ хохотомъ привѣтствовалъ Останкова Добровъ, бросаясь къ нему съ объятіями.

— Фениксъ изъ пекла,—презрительно повторилъ Кирсанскій.—Не изъ пекла, а изъ пепла. Да знаете ли вы, что такое Фениксъ?..—засунувъ руки въ карманы и неподвижно уставивъ глаза на Доброва, обратился къ нему артистъ.

— Это дѣло не наше. А между прочимъ, герой какой-нибудь, или мученикъ вродѣ Даніила, который тоже, слышно, въ пеклѣ былъ... Н-ну! Шампанскаго!—неожиданнымъ ревомъ закончилъ онъ эту рѣчь.—Лей—не жалѣй, не утонешь!..

Все это съ отвращеніемъ вспомнилъ Останковъ, но еще съ бо́льшимъ отвращеніемъ вспомнилъ дальнѣйшее. Во-первыхъ,—что и тутъ продолжалъ говорить о голодающихъ и о дворянской миссіи. Затѣмъ, что ужъ было совсѣмъ невыразимо безобразно, тоже допустивъ на колѣни къ себѣ одну изъ дѣвицъ, долго объяснялъ ей, что у него есть невѣста, которую онъ благоговѣйно любитъ и которая любитъ также его, отвергнувъ любовь человѣка, великій умъ и благородство котораго станутъ скоро извѣстны всему міру.

Объясняя все это, повидимому, сочувственно слушавшей его дѣвицѣ, онъ сознавалъ, что пьянъ, что этого говорить не слѣдуетъ, что ему самому противно сознаваться въ томъ, что онъ это говоритъ, но удержаться не могъ и кончилъ тѣмъ, что вдругъ ощутилъ необыкновенную жалость ко всѣмъ этимъ игривымъ дѣвицамъ, сталъ громко сокрушаться о ихъ судьбѣ и оплакивать ихъ несчастную участь.

Ему сталъ вторить Добровъ, заливаясь горючими слезами. Остальные начали ихъ успокаивать. Явилась даже какая-то почтенная полная дама съ большимъ носомъ, истыканнымъ черными точечками, съ усиками, дѣвицы звали ее то madame, то maman, и она тоже стала успокаивать Останкова называя его цыпочкой и котикомъ. А актеръ все возмущался тѣмъ, какъ люди не умѣютъ пить, и хвастался, какъ однажды, выпивъ необыкновенное количество разныхъ напитковъ и споивъ двухъ кутившихъ вмѣстѣ съ нимъ мужей, побѣдилъ одну за другой ихъ женъ, которыхъ ему пришлось провожать.

Все это, какъ отвратительный угаръ, вспоминалъ Останковъ, и сердечная изжога его становилась отъ этихъ воспо-

минаній еще мучительнѣе. Она началась съ той самой минуты, когда онъ вышелъ изъ этого веселаго дома.

Уже разсвѣтало. Желтый туманъ, липкій и холодный, висѣлъ въ воздухѣ и на зданіяхъ, казавшихся непривѣтливыми и огромными. Кое-гдѣ, сквозь этотъ туманъ, какъ воспаленные отъ безсонницы глаза, еще мерцали огни и мутно фіолетовыми пятнами отражались на мокромъ просторѣ. Слышался глухой стукъ экипажей... Голоса... Каменщики, съ инструментами въ рукахъ, шли на работу, сдержанно и солидно разговаривая и, по пути, точно по командѣ, вдругъ замолкли, остановились и, дружно перекрестясь на темнѣвшій въ туманѣ Казанскій соборъ, продолжали путь и бесѣду.

Сонная кухарка, съежившись, прошмыгнула съ корзиной. Заспанные дворники, позѣвывая, выходили изъ воротъ и начинали скрести тротуаръ, невыносимо лязгая желѣзной лопатой о камень.

Начинался рабочій день, и Останкову было совѣстно и этого мутнаго дневного свѣта, и этихъ трудящихся людей, и, кажется, самыхъ стѣнъ и камней города, глядѣвшихъ на него мокрыми темными глазами.

III.

Ни на другой, ни на третій день Останковъ не выѣхалъ изъ Петербурга. Его задерживали разныя мелочи. Между прочимъ, онъ побывалъ у Кречетовой, уговаривая ее взять обратно браслетъ. Отдавая должное ея великодушному порыву, онъ, тѣмъ не менѣе, не считалъ себя вправѣ воспользоваться браслетомъ даже для такой хорошей цѣли. Не скрылъ отъ нея и тѣхъ затрудненій, которыя создавала для него эта жертва. Артистка долго и слышать не хотѣла о возвращеніи браслета, но, наконецъ, тронутая настойчивостью Останкова, взяла и пожертвовала вмѣсто этого двадцать пять рублей.

Непріятнѣе всего, что исторія о ея великодушномъ поступкѣ, а также о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ артистами, какимъ-то образомъ успѣла уже попасть въ уличныя газеты, но Останковъ намекнулъ, что этотъ обмѣнъ останется между ними, и тѣмъ дѣло кончилось.

И всетаки медлилъ ѣхать къ своей невѣстѣ. Ему хотѣлось, чтобы хоть немного вывѣтрилось впечатлѣніе отвратительной ночи, стерся нечистый слѣдъ ея. Онъ какъ будто боялся принести съ собою заразу дѣвушкѣ, которую любилъ, которая должна была скоро стать его женою.

Только черезъ недѣлю онъ счелъ себя до нѣкоторой сте-

пени вправѣ пуститься въ путь, предваривъ Ольгу о своемъ выѣздѣ телеграммой, отправленной до востребованія на условленныя литеры, чтобы не обезпокоить отца ея.

Невѣста Останкова, Ольга Васильевна Пасмурова, была дочь предсѣдателя уѣздной земской управы въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ.

Не смотря на давнишнее знакомство отцовъ, дѣти ихъ познакомились всего годъ тому назадъ; когда Останковъ учился въ мѣстной гимназіи,—Ольга была еще маленькой дѣвочкой и жила въ деревнѣ, а затѣмъ Останковъ перебрался въ Петербургъ и, только пріѣхавъ по дѣлу къ своему бывшему опекуну, въ прошломъ году познакомился съ Ольгой. Онъ такъ заинтересовался ею, что весной его невольно снова потянуло увидѣться съ ней и на этотъ разъ Останковъ долженъ былъ сознаться, что полюбилъ эту милую и не похожую на петербургскихъ барышень дѣвушку. Кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и она приняла его, думая, однако, со страхомъ о томъ времени, когда должна будетъ объявить о своемъ рѣшеніи отцу.

Во время разлуки они переписывались и эта переписка еще болѣе укрѣпила въ Останковѣ его чувство.

Онъ еще не успѣлъ ей написать о своемъ рѣшеніи. „Воображаю, какъ она удивится и обрадуется, получивъ отъ меня телеграмму о пріѣздѣ!“—думалъ онъ, садясь въ вагонъ перваго класса и не безъ удовольствія видя, что его никто не провожаетъ. Ему было бы крайне непріятно, если бы на вокзалъ явился кто-нибудь изъ той компаніи, вмѣстѣ съ которой онъ провелъ кошмарную ночь. Но и виновность передъ Ольгой за эту ночь стала въ немъ утихать.

„Въ сущности говоря, я ничего особенно дурного не дѣлалъ“—успокаивался онъ. „Такъ только... Некрасиво. Но я заглажу все это передъ ней... О, еще какъ заглажу!“

Онъ сталъ думать объ Ольгѣ, о томъ, какъ она будетъ ждать его эти два дня, какъ его встрѣтитъ, какое у ней будетъ въ это время лицо, ясно представлялъ себѣ, какой эффектъ произведетъ его заявленіе о поѣздкѣ въ голодную глушь, но тотчасъ-же, поймавъ себя на этой мысли, призналъ ее мелкой и недостойной и рѣшилъ, разъ навсегда, бороться съ склонностью къ самолюбованію, которое затемняетъ и затушевываетъ даже хорошіе порывы и чувства.

„Вотъ у Курганова, навѣрное, нѣтъ ничего подобнаго“,—упрекнулъ онъ себя, дѣлая это легкое раскаяніе еще болѣе чувствительнымъ для своей памяти. Но, припомнивъ Курганова, ревниво опять заступился за себя, рѣшивъ, что, знать цѣну своимъ поступкамъ, — еще не значитъ быть хвастли-

вымъ, тѣмъ болѣе, что за все дурное онъ бичуетъ себя безпощадно. А затѣмъ, — это свойство натуры, само по себѣ ни хорошее, ни дурное, потому что ни вреда, ни пользы отъ этого никому быть не можетъ. У Курганова натура другая, поэтому онъ, можетъ быть, и не склоненъ ни особенно казнить себя за грѣхъ, ни рисоваться своимъ хорошимъ передъ самимъ собою.

Мысли Останкова становились все успокоительнѣе и успокоительнѣе въ тишинѣ почти пустого вагона, который тихо вздрагивалъ на рессорахъ, выговаривая что-то настойчивымъ, живымъ языкомъ, и плавно мчался, прорѣзая холодный сумракъ ночи, съ блѣднаго и мутнаго сѣвера на солнечный югъ.

Останковъ развалился на бархатномъ диванѣ и, все съ тѣми же неопредѣленными, сбивчивыми думами, которыя въ вагонѣ мчащагося поѣзда такъ не похожи на размышленія въ тишинѣ и уединеніи кабинета, смотрѣлъ въ окно.

За этимъ окномъ была ночь и мракъ, изрѣдка пронзаемый одиноко мелькнувшимъ невѣдомымъ огонькомъ, или крупными искрами изъ паровозной трубы, которыя необыкновенно красивымъ и блестящимъ роемъ быстро-быстро летѣли навстрѣчу, подобно стремительному рою гонимыхъ бурей золотыхъ мотыльковъ, обезумѣвшихъ отъ мрака. Они гасли на лету, или падали внизъ, освѣщая слабымъ и быстро тающимъ свѣтомъ блѣдно-оранжевые кружочки на снѣгу.

Странное чувство тоски и грусти овладѣвало Останковымъ при видѣ этого сумрака и одиноко мелькающихъ огней. Сумракъ казался страшно пустыннымъ и печальнымъ, а между тѣмъ, въ немъ жили люди, которыхъ онъ никогда не увидитъ и не узнаетъ, совсѣмъ другой міръ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ чужой имъ и проносится мимо нихъ съ безумной быстротой въ поѣздѣ, которому нѣтъ также никакого дѣла ни до нихъ, ни до этой степи.

Стремительное движеніе поѣзда, ночь, и тишина и тепло натопленнаго вагона заставляли думать о такихъ вещахъ, о которыхъ Останковъ никогда прежде не думалъ. Но мысли были мимолетныя, не успѣвающія разгорѣться и погасавшія, таявшія, какъ искры на снѣгу, въ темнотѣ и холодѣ скучной февральской ночи, которой, казалось, не будетъ конца. Поѣздъ враждебно и гордо вонзался въ нее и пронизывалъ съ шипѣніемъ и грохотомъ ея настойчивый мракъ и, порою, какъ будто не выдержавъ этого жуткаго молчанія темноты, оглашалъ ее жалобнымъ, пронзительнымъ свистомъ, подобнымъ свисту огромной сказочной птицы, испуганно окликающей даль. Ночь не давала разлиться этому свисту въ темнотѣ и

глотала его своею черною пастью. Но за окномъ мелькали зеленые, красные, блѣдные огни станцій... Поѣздъ, мало-по-малу, успокаивался, замиралъ на мгновенія... Суетливыя тѣни метались подъ окнами... Слышались голоса... гулъ... звонки... хлопанье дверей. Поѣздъ сдержаннымъ свистомъ отрывисто спрашивалъ о чемъ-то у станціи. Она ему отвѣчала, а затѣмъ онъ неохотно удалялся отъ нея, какъ будто ему было жаль покидать гостепріимный уголокъ и жутко было бѣжать отъ нее впередъ, въ ту же непривѣтливую темноту.

По временамъ Останкову казалось, что онъ одинъ не только въ этомъ вагонѣ, но и во всемъ поѣздѣ, что онъ оторвался отъ городской жизни и мчится Богъ-вѣсть куда, и ему доставляло это впечатлѣніе непонятно грустное и томительное наслажденіе: была какая-то жуткая, щемящая душу прелесть чувствовать себя во власти стремительной силы, несущейся впередъ, и забыть о томъ, что ему предстоитъ, о своихъ желаніяхъ, обо всемъ на свѣтѣ.

На третьи сутки Останковъ былъ у цѣли, и когда поѣздъ сталъ подходить къ вокзалу, онъ почувствовалъ, какъ сердце у него забилось и затомилось отъ ожиданія.

„А вдругъ ея нѣтъ на вокзалѣ!.. Съ ней что-нибудь случилось. Заболѣла. Или, вдругъ, сейчасъ произойдетъ катастрофа... Налетитъ поѣздъ... убьетъ меня“... волновали его мысли, въ такія минуты обыкновенно лѣзущія въ голову даже особамъ положительнымъ послѣ долгой разлуки съ дорогими людьми.

Носильщики на ходу впрыгивали въ поѣздъ, предлагая свои услуги.

Останковъ машинально отвѣтилъ на прощальный поклонъ пассажира, съ которымъ очень дружно и оживленно бесѣдовалъ въ эти два дня пути, чтобы, разставшись, забыть и эту бесѣду, и этого господина. Такъ же машинально онъ отвѣтилъ носильщику на вопросъ о багажѣ, послѣ чего тотъ завладѣлъ его дорожнымъ чемоданомъ и подушками.

Останковъ почти вплотную прижался къ стеклу, надѣясь еще издали увидѣть и узнать Ольгу въ толпѣ, обыкновенно снующей на дебаркадерѣ во время прихода и отхода поѣзда, но, какъ на зло, въ вагонѣ вдругъ потемнѣло. Это зданія вокзала съ двухъ сторонъ закрывали свѣтъ, и всѣ фигуры въ первое мгновеніе казались изъ вагоннаго окна смутными силуэтами. Но вагонъ уже не шелъ, а какъ будто скользилъ по рельсамъ. Слышался особый шумъ и лязгъ, съ которымъ наши поѣзда обыкновенно останавливаются у большой станціи.

— Пожалуйте,—пригласилъ его носильщикъ, когда поѣздъ вздрогнулъ и остановился.

Останкову показался въ окно знакомый силуэтъ, который тутъ-же затерялся въ толпѣ.

Онъ бросился впереди носильщика на площадку вагона и напряженнымъ взглядомъ искалъ ее, внутренно вздрагивая при видѣ каждой мало-мальски схожей съ ней фигуры.

Вокругъ раздавался безпорядочный шумъ, восклицанія. Какая-то дама въ очкахъ взволнованно металась въ толпѣ отъ одного вагона къ другому, боясь кого-то пропустить и, вдругъ, ахнула очутившись въ объятіяхъ тонкаго и плоскаго, какъ доска, господина. Другой господинъ, совсѣмъ молодой, съ ребенкомъ, котораго онъ держалъ за руку, растерянно и безнадежно искалъ кого-то глазами, а хорошенькій голубоглазый мальчикъ испуганно жался къ нему и шепталъ: „Гдѣ-же мама? Гдѣ-же мама“?..

У Останкова сердце упало при мысли, что Ольга не пришла. Онъ всталъ на платформу и ему стало въ эту минуту жаль, что онъ уже пріѣхалъ, хотя ощущеніе все еще было такое, что онъ продолжаетъ двигаться вмѣстѣ съ этой платформой и людьми на ней.

— Миша!—услышалъ онъ въ эту минуту справа произнесенное взволнованнымъ шопотомъ свое имя.

Останковъ обернулся и сразу забылъ и о носильщикѣ, и о толпѣ, и своемъ сожалѣніи. Глаза его вспыхнули радостью, и онъ покраснѣлъ не меньше, чѣмъ эта высокая, тонкая дѣвушка въ англійскомъ сѣромъ пальто безъ таліи, съ пышными бѣлокурыми волосами, къ которымъ была приколота длинной шпилькой круглая шляпа безъ всякихъ украшеній.

Схвативъ ея руку, сперва одну, потомъ другую, онъ смотрѣлъ въ ея сѣрые глаза, въ ея не блѣдное, но лишенное румянца лицо съ неправильно изогнутыми губами, придававшими ему немного насмѣшливое выраженіе, сжималъ ея руки, радостно улыбался и бормоталъ:

— Ахъ, какъ я радъ! Какъ я радъ... Оля! Оля!

— Я думала, ты не пріѣдешь,—со сдержанной радостью отозвалась она.

— О! Развѣ я могъ тебя не видѣть, отправляясь туда!

Мимо сновала публика и носильщики съ чемоданами, заставлявшіе ихъ то и дѣло отходить въ сторону.

Такъ они подошли къ выходной двери, но и тутъ пришлось посторониться: изъ вагона на рукахъ несли больного, одѣтаго въ черкеску и черную мохнатую папаху, надвинутую почти до самыхъ бровей его, тонкихъ и мало изогнутыхъ. Его удивительно красивое лицо было мертвенно блѣдно и тонкій, слегка наклоненный къ губѣ носъ, заострился. Глаза на этомъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ были полузакрыты и, повидимому, безучастны ко всему, кромѣ своего страданія,

и даже къ тѣмъ, что несли его, тоже кавказцамъ, въ такихъ же папахахъ, буркахъ и чекменяхъ. Голову больного поддерживалъ сѣдой старикъ съ острой бѣлой бородой, впалыми щеками, но все еще стройный и красивый. Навѣрное, отецъ больного: они были похожи.

Глаза Ольги испуганно обратились на это зрѣлище.

— Ахъ, несчастный! Ахъ, несчастный! — вырвалось у нея.—И какой красавецъ. Можетъ быть, онъ ѣхалъ въ одномъ съ тобою вагонѣ... Не знаешь, кто такой? Откуда? Что съ нимъ?

Останкова слегка задѣло ея вниманіе къ этому бѣднягѣ.

— Право, не знаю,—вскользь отвѣтилъ онъ и порывисто схватилъ за руку, чтобы отвести въ сторону отъ носильщика, надвигавшагося на нихъ съ огромной корзиной на плечѣ.

— Но чего-же мы ждемъ? Гдѣ твой носильщикъ? Какой номеръ?—снова возвращаясь къ своему прежнему настроенію, спрашивала Ольга.

— А я и не замѣтилъ номеръ.

— Все такой-же...

— Какой?

— Милый!—сжавъ его руку, которую онъ не отпускалъ, отвѣтила она не только губами, но и всѣмъ своимъ лицомъ, вспыхнувшимъ до самыхъ ушей, съ синѣвшими въ нихъ круглыми камешками бирюзы.

Минутное облако изъ-за этого кавказца сразу у него разсѣялось. Онъ узналъ своего носильщика по вещамъ и громко крикнулъ:

— Сюда!

— Тише ты,—остановила его Ольга и шепнула:

— Возьми карету, иначе мнѣ нельзя будетъ поѣхать съ тобой. Остановись въ Лондонской... Или, лучше, поѣзжай одинъ, а я пріѣду послѣ.

Но онъ такими глазами взглянулъ на нее, что она улыбнулась и торопливо добавила:

— Хорошо... хорошо... Вмѣстѣ.

— То-то же!

Черезъ минуту носильщикъ усадилъ ихъ въ извозчичью карету, которая застучала по камнямъ мостовой.

Лишь только Останковъ очутился наединѣ съ Ольгой, онъ не выдержалъ, поцѣловалъ ея руки; потомъ, не успѣла она опомниться, быстро приблизилъ къ ней свое лицо и поцѣловалъ въ самыя губы.

— Не надо! Не надо,—отодвинувшись въ самый уголъ кареты, запротестовала Ольга.—Въ окна могутъ увидѣть... Мы сдѣлали глупость.

— Глупость?!

— Мы должны были отправить твои вещи съ комиссіонеромъ и пойти пѣшкомъ. Сегодня прекрасный день.

— Да, у васъ совсѣмъ весна, а въ Петербургѣ гадость.

— Первый день такой. Точно нарочно для тебя. А то все туманы и холода были.

— Если хочешь, можно сойти, а онъ довезетъ вещи.

— Не стоитъ. Успѣемъ... Только открой окно, а то душно и отъ твоего пальто вагономъ пахнетъ. Я думаю, меня не замѣтятъ.

— А если и замѣтятъ, велика бѣда! Вѣдь ты-же моя невѣста.

— Покуда это только мы съ тобой знаемъ...

— Ты стала ужасной трусихой.

— Папа не здоровъ. До него можетъ дойти...

— Провинція!

Онъ открылъ окно, и еще сырой, щекочущій кожу и нервы воздухъ охватилъ обоихъ свѣжестью и тепломъ почти весенняго молодого утра. Солнечные лучи скользили мимо окна, точно поддразнивая сидѣвшихъ въ каретѣ. Пухлыя, бѣлыя облака, млѣя, грѣлись въ синевѣ, сіявшей просвѣтленной радостью. Гдѣ-то звонили колокола, гдѣ-то звучала отчетливо и весело труба горниста, шумѣли экипажи по мостовой, слышались голоса...

Но во всемъ этомъ шумѣ было что-то переливчатое, особенное, замѣтное только въ первые дни весны, и эта особенность чувствовалась во всемъ: и въ движеніи экипажей, сновавшихъ мимо кареты, и въ лицахъ прохожихъ, спѣшившихъ черезъ дорогу и двигавшихся по панелямъ и больше— по сухой солнечной сторонѣ, въ то время, какъ другая сторона была сырая. Сказывалась она даже въ вывѣскахъ магазиновъ, среди которыхъ то и дѣло зазывающе кричали красныя и черныя буквы, намазанныя на полотнѣ: „Распродажа". „Окончательная распродажа" и прочія. А на кіоскахъ виднѣлись огромныя афиши, возвѣщавшія о концертѣ знаменитаго віолончелиста. Глядя то въ окно, то на Ольгу, Останковъ улыбался своей и окружающей молодой радости и говорилъ:

— Да, да... Славно... Славно...

И дышалъ полной грудью.

Они болтали эти пустяки съ нѣсколько неестественнымъ оживленіемъ. Радость свиданія ихъ слегка опьянила. Оба чувствовали какую-то странную неловкость и ни звукомъ не упоминали о предметахъ болѣе важныхъ... Хотя бы о предстоящей поѣздкѣ. Минутами оба замолкали, но неловкость молчанія заставляла ихъ снова хвататься за какую-нибудь мелочь, вздоръ, не трогавшій ни того, ни другого.

— Что-же ты мнѣ не скажешь, измѣнился я, или нѣтъ? Мы вѣдь такъ давно не видались.

— Нѣтъ, ни капелюшечки... ты все такой-же... А я?.. Говорятъ, я очень измѣнилась...

— Ты!.. Да... Пожалуй... Что-то есть въ лицѣ... Нѣтъ... во всей тебѣ есть что-то новое... А можетъ быть... постой... Ну, да... Разумѣется, это костюмъ такъ измѣнилъ тебя... Придалъ что-то стильное.

— О yes!..—шутливо опуская глаза и дѣлая строгое лицо, подтвердила она и вдругъ вспыхнула смѣхомъ...— Папа меня въ шутку называетъ миссъ... Говоритъ, я совсѣмъ англичанка, very misse...

— Вери-мисъ! О, вери-миссъ!
Сердцу и гол-о-вѣ ремизъ...

Неожиданно выпалилъ Останковъ и оба громко разсмѣялись надъ этимъ плохимъ каламбуромъ—экспромптомъ.

— Ужасно глупо,—сознался Останковъ.

— Совсѣмъ въ духѣ Вово, или Коко... изъ „Плодовъ просвѣщенія“...—подтвердила Ольга.

Между тѣмъ, колеса, стучавшія по камнямъ мостовой, мягко покатились по асфальту. Вмѣсто улицы была площадка. Слѣва—дорога шла вверхъ, въ городъ, справа узкимъ рукавомъ между каменными зданіями, падала внизъ, въ портъ... На площади стояло довольно красивое зданіе въ греческомъ стилѣ, публичная библіотека, рядомъ—биржа, а между ними—сверкнуло море.

— О, милое море!—въ восторгѣ воскликнулъ Останковъ.

— Ты возьми комнату съ окнами на море... Мы сейчасъ пріѣдемъ...

Мимо уродливаго памятника Пушкину лошади повернули налѣво, къ Николаевскому бульвару. Теперь виденъ былъ весь портъ, пестрѣвшій внизу судами и мачтами, затянутый кое-гдѣ дымомъ и паромъ. Оттуда шелъ свой гулъ и стукъ желѣза о желѣзо. Гдѣ-то низкимъ басомъ гудѣлъ пароходъ.

— Прикажи кучеру остановиться,—сказала Ольга.

— Какъ остановиться?! Зачѣмъ?

— Я выйду изъ кареты.

— Вотъ какъ!—упавшимъ голосомъ протянулъ Останковъ.

— Ну, чего ты?.. Чего? Вотъ странный господинъ. Мы вѣдь сейчасъ-же увидимся... Ты тамъ устройся покуда. Мнѣ-же неловко идти къ тебѣ, да еще среди бѣла дня. Наконецъ, тебѣ, можетъ быть, надо умыться, отдохнуть съ дороги... позавтракать.

— Ничего этого мнѣ не надо, — огорченно отозвался Останковъ.—Я пріѣхалъ всего дня на три, проститься съ тобой... Кто знаетъ, что будетъ тамъ со мною, а ты...

Ея лицо сразу стало серьезно и даже строго. Она прервала его.

— Перестань ребячиться. Я говорю, теперь неудобно и ты долженъ понять меня. Кромѣ того. я должна дать папѣ завтракъ. Черезъ часъ, много—черезъ два, я пріѣду и мы будемъ вмѣстѣ. Жди меня на бульварѣ... Здѣсь...

Его всегда поражала въ ней смѣсь наивной веселости и даже смѣшливости съ серьезной строгостью, вспыхивавшей при малѣйшемъ поводѣ. Но замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на него этой вспышкой, она также быстро и разсѣяла его.

— До свиданья... мой милый... дорогой мой... Нѣтъ, не цѣлуй меня... Дай я поцѣлую твои глаза...

И быстро запечатлѣвъ ему поцѣлуями сначала одинъ, потомъ другой глазъ, она выглянула въ окно... Было еще рано и пусто... Ольга почти на ходу выскочила изъ кареты, и фигура ея, высокая, тонкая, заколебалась по панели.

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ Останковъ и самъ иначе оцѣнилъ двухчасовую разлуку съ Ольгой. Во-первыхъ, эти два часа, дѣйствительно, дали ему возможность отдохнуть и даже освѣжиться ванной послѣ двухдневной вагонной копоти, пыли, неподвижности и тряски; во-вторыхъ—придти въ себя и приготовиться къ встрѣчѣ съ Ольгой снова, такъ какъ эти нѣсколько минутъ были чѣмъ-то вродѣ предисловія къ предстоящему свиданію.

Все незначительное, когда они были на вокзалѣ и въ каретѣ, онъ объяснилъ теперь, какъ естественное и даже неизбѣжное между людьми, давно не видавшимися и, можетъ быть, ищущими другъ въ другѣ съ безотчетнымъ любопытствомъ чего-то новаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняющимися высказать сразу ту близость, которую они чувствуютъ взаимно съ такою полнотою и ясностью.

Едва успѣвъ остыть и позавтракать послѣ ванны, онъ поспѣшилъ на Приморскій бульваръ, чтобы не потерять ни минуты свиданія съ Ольгой, и скоро замѣтилъ ее въ концѣ длинной бульварной аллеи, легко и быстро подвигавшуюся ему навстрѣчу.

— Не долго ждалъ?

— Нѣ-ѣтъ... только что вышелъ. Оля!—взявъ ея руку,

искренно и задушевно произнесъ онъ.—Конечно, намъ не было еще времени поговорить, какъ слѣдуетъ, но все же между нами не должно быть никакой недоговоренности! Не правда-ли?

— Я знаю, о чемъ ты хочешь сказать. Но понимаешь, мнѣ кажется, тебѣ удобнѣе было теперь остановиться не у насъ. Конечно, папа обидѣлся бы, что ты останавливаешься въ гостиницѣ, если бы узналъ, что ты здѣсь.

— А ты скрыла отъ него?

— Да,—отвѣтила она, избѣгая глядѣть ему въ глаза.— И надѣюсь, онъ не узнаетъ этого.

— Не понимаю.

Она помолчала немного, затѣмъ машинально оторвала вѣточку какой-то хвои, поднесла ее къ губамъ и, вздрогнувъ, отбросила, пробормотавъ вскользь:

— Панихидой пахнетъ.

Затѣмъ взглянула на Останкова и сказала опять съ строгимъ лицомъ:

— Видишь-ли, я сказала ему еще недѣлю назадъ, что ты спѣшишь на помощь голодающимъ... Кстати,—Кургановъ уѣхалъ?

— Уѣхалъ... Да.—Останковъ поморщился и продолжалъ.— Я понимаю... Да... Вотъ какъ... Можетъ быть, и ты, какъ твой отецъ, способна осудить меня за то, что я пріѣду туда на нѣсколько дней позже. Не могъ же я не повидать тебя!

— Ахъ, можешь-ли ты думать! Я такъ рада! Такъ рада!— заговорила она опять искренно и нѣжно.—Но мой папа... ты знаешь, какъ онъ суровъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. А газеты, какъ нарочно, эти дни полны такими дурными свѣдѣніями изъ голодающихъ краевъ, что, кажется, дорога каждая минута... Ахъ!—съ внезапнымъ порывомъ, отъ котораго голосъ ея дрогнулъ, воскликнула дѣвушка.—Если бъ папа былъ здоровъ, я не медля ни минуты отправилась бы туда... Съ тобою!—добавила она.

— Но что же, наконецъ, съ твоимъ папой?

Это, „наконецъ" вырвалось у Останкова невольно. Дѣйствительно, давно пора было спросить, что съ ея отцомъ, о болѣзни котораго она упоминала уже нѣсколько разъ. Но она даже взглядомъ не упрекнула его за это невниманіе, простительное только въ первый часъ свиданія.

— Право, не умѣю объяснить. И сами доктора хорошо не знаютъ... Что-то вродѣ удара.

Останковъ съ любопытствомъ молодого врача сталъ разспрашивать о проявленіяхъ болѣзни и осуждать дѣйствія доктора, лѣчившаго больного, но она его прервала:

— Нѣтъ, нѣтъ, все равно, ничего бы не вышло. Папа

такъ упрямъ! Ему доктора, главнымъ образомъ, предписываютъ покой, а онъ, каждое утро, прежде всего требуетъ, чтобы я читала ему телеграммы и извѣстія изъ голодающихъ мѣстъ, мѣры правительства на этотъ счетъ и прочее. Я ужъ заранѣе приготовляюсь къ этому чтенію, пропускаю самыя мрачныя свѣдѣнія и придумываю сообщенія о разныхъ небывалыхъ пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ, а также о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ самъ считалъ желательными и о которыхъ говорилъ наканунѣ.

— Славный онъ человѣкъ. Я мало какъ-то цѣнилъ его,— сознался Останковъ.

— Да, онъ добрый, мой папа... И больной, онъ все думаетъ о другихъ. Когда я ему сказала, что ты ѣдешь туда, онъ даже прослезился и знаешь, что сказалъ?

— Ну?

— Это для него будетъ хорошей школой. Близость къ человѣческому страданію облагораживаетъ душу и ослабляетъ эгоизмъ.

— А онъ меня считаетъ эгоистомъ? Благодарю покорно.

— Ты не долженъ на него обижаться,—ласково улыбнулась она.—И знаешь почему: онъ чувствуетъ, вѣрно, какъ я отношусь къ тебѣ и ревнуетъ.

— Ага... И это не эгоизмъ съ его стороны?

— Ну... ну... Не надо, не надо. Онъ былъ такъ несчастенъ, что если бы еще я... Не то, что не любила... Его нельзя не любить... А просто,—оставила его одного теперь,—это было бы невѣроятной жестокостью съ моей стороны.

— Но онъ будетъ съ нами... Это уже рѣшено.

— Да, да... Конечно... Конечно...—быстро поспѣшила она остановить этотъ, повидимому, непріятный ей разговоръ, за которымъ ей всегда чувствовалось что-то вродѣ тайной измѣны своему отцу.—Вторая причина, почему я нахожу неудобнымъ для тебя остановиться у насъ,—болѣзнь папы... Ну, да что это объяснять... Все само собой понятно. Не правда-ли? Вѣдь для тебя главное, чтобы я тебя любила,—съ лукавствомъ и гордостью добавила она.—Также и для меня... Лучше взгляни, какъ славно. Ахъ, хорошо жить! Хорошо жить!

Она дотронулась до его локтя и точно звенѣла вся, какъ тонкая серебряная струна, оглядываясь во всѣ стороны и слегка расширяя ноздри отъ щекотавшаго ихъ, нагрѣтаго солнцемъ воздуха, въ которомъ, словно купаясь, съ чуткой дрожью потянулись вверхъ и покачивались на влажномъ и раздраженномъ южномъ вѣтру вѣтки деревьевъ, тополей и акацій, кое-гдѣ чудомъ сохранившія безпомощно трепещущіе желтые смятые листья, или длинные, согнутые какъ пальцы, коричневые стручья, которые сухо постукивали и потрески-

вали. На одномъ изъ деревьевъ, усѣявъ его вѣтви подобно густымъ листьямъ, неистово ссорились и раздраженно-звонко щебетали воробьи, такъ что дерево, кишѣвшее ими, казалось живымъ. По асфальту мягко и сочно цокали лошадиныя копыта, точно отбивая тактъ.

Какой-то почтенный господинъ въ цилиндрѣ, блестѣвшемъ отъ солнца, важно шедшій впереди ихъ, поднялъ голову, остановился въ такомъ положеніи и, звонко чихнувъ, самъ себѣ пробормоталъ серьезно:

— Будьте здоровы, ваше превосходительство.

Потомъ, вдругъ опомнившись, обернулся назадъ и, увидѣвъ молодую парочку, невольно расхохотавшуюся при этомъ, сконфузился и быстро зашагалъ впередъ, обогнавъ няньку, везшую ребенка въ колясочкѣ. Ребенокъ былъ одѣтъ въ голубой капоръ и слѣдилъ молочными глазками за привязаннымъ на длинной ниткѣ впереди краснымъ шаромъ, который то весело и легко поднимался, то бросался внизъ или въ сторону, какъ будто нарочно дѣлалъ это, забавляя ребенка, и тѣнь отъ него то закрывала нѣжное личико ребенка, то скользила по землѣ.

— Странная вещь,—заговорилъ Останковъ,—я каждую весну точно отъ какой-то болѣзни выздоравливаю. Что-то вотъ бродитъ, бродитъ во мнѣ, какъ вино.

— Да. И точно въ первый разъ весну видишь. И чувствуешь себя какъ-то добрѣе и лучше.

Останковъ внимательно къ чему-то прислушался: гдѣ-то далеко лаяли собаки, гремѣли колеса, разговаривали и перекликались люди, а изъ порта доносился стукъ желѣза.

— Замѣчаешь-ли ты,—задумчиво заговорилъ Останковъ,— что, не смотря на весь этотъ шумъ, на все разнообразіе этихъ звуковъ, въ нихъ нѣтъ ничего нестройнаго. Все какъ-то легко и сдержанно... И говоришь какъ-то тише, чѣмъ всегда. Въ этомъ шумѣ есть своего рода ритмъ.

— Да... пожалуй. Ты, какъ музыкантъ, вѣрно уловилъ это.

— Ровно и стройно переливается городской гулъ. Какъ будто журчитъ широкій ручей, падая съ вышины въ глубокое, спокойное озеро. Это озеро—тишина, и она стоитъ отъ неба до земли. Вагнеръ отлично передалъ бы этотъ мотивъ.

— А какъ твоя музыка?

— Ну, стоитъ-ли говорить объ этомъ!

Онъ вспомнилъ смутныя чувства недовольства и даже обиды, поднятыя въ немъ происходившимъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разговоромъ о голодающихъ и упоминаніемъ о Кургановѣ и промолчалъ о своихъ музыкальныхъ начинаніяхъ и планахъ. Но она не замѣтила этого и продолжала говорить:

— Я очень люблю въ тебѣ эту чуткость. Съ тобой не надо объяснять того, что такъ вотъ хорошо, а неуловимо. Вотъ Кургановъ и умный, и глубокій человѣкъ, а въ немъ нѣтъ того, что въ тебѣ. Онъ какъ-то проходитъ мимо этого съ своимъ сосредоточеннымъ, ушедшимъ внутрь взглядомъ. Я не думаю, чтобы онъ не чувствовалъ того, что чувствуемъ мы, но онъ какъ-то не отдается этому, точно за грѣхъ считаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и правъ.

— Ахъ, Кургановъ! Кургановъ!—съ раздраженіемъ подхватилъ Останковъ.—Ты вотъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ уже другой разъ упоминаешь о Кургановѣ. Ну, да, онъ глубокій, умный, все, что угодно... Но я, признаюсь, не люблю такихъ людей, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Наслажденіе всѣмъ, что есть прекраснаго въ природѣ и искусствѣ, не можетъ помѣшать никакимъ возвышеннымъ чувствамъ. Наоборотъ, должно освѣжать ихъ. Закрывать глаза на все это,— или ханжество, или... или я ужъ не знаю что! Монашески узкій аскетизмъ!

Ольгу удивила эта неожиданная горячность, но она не подозрѣвала объ истинной причинѣ его раздраженія и, чистосердечно съ нимъ согласившись, добавила, однако, въ защиту Курганова:

— Нѣтъ, онъ не ханжа и не аскетъ. Но, можетъ быть, онъ невольно, какъ ты выражаешься, закрываетъ глаза, потому что ближе, чѣмъ мы, стоитъ къ тому, что мѣшаетъ ему отдаваться этимъ ощущеніямъ. Взять хотя бы сейчасъ вотъ, что переживаемъ мы... Во мнѣ нѣтъ-нѣтъ заговоритъ что-то, отчего стыдно становится за свое счастье. Ты подумай только: мы тутъ пользуемся довольствомъ, любовью, этими лучами, а тамъ, на сѣверѣ, гдѣ еще зима и сугробы, люди умираютъ отъ голода и страшныхъ болѣзней. Вѣдь это ужасъ! Ужасъ! Мнѣ все чаще и чаще приходятъ въ голову мысли, отъ которыхъ хочется бѣжать... Какое счастье, что ты ѣдешь туда, къ нимъ!—сурово сдвинувъ брови, закончила она.

Останкову стало какъ-то не по себѣ отъ этихъ рѣчей, которыя онъ слышалъ отъ нея въ первый разъ, и понялъ, что то, новое, что онъ замѣтилъ въ ней при встрѣчѣ, зависѣло не отъ костюма.

— Ты переписываешься съ Кургановымъ?—спросилъ онъ. Ольга не отвѣтила на этотъ вопросъ, вѣроятно, потому, что не слышала его и въ волненіи прибавила шагу.

Останковъ не рѣшился повторить и молча послѣдовалъ за нею. Они теперь были около широкой каменной лѣстницы, спускавшейся внизъ къ морю, въ гавань, пестрѣвшую трубами, мачтами, парусами и разными портовыми сооруженіями, надъ которыми кое-гдѣ стлался сизый дымъ и бѣ-

лый паръ. Большой молъ, изгибающійся, какъ рука, старающаяся обхватить какъ можно больше воды, шелъ отъ берега далеко въ море. Въ концѣ мола, справа, одиноко бѣлѣла башня маяка, а за нимъ шла пустыня воды, такъ полно налитой, что казалась выпуклой, какъ выгнутое зеркало.

Вблизи вода была изсиня зеленая, кое-гдѣ только тронутая мягкими фіолетовыми пятнами: тѣнями отъ облаковъ, а дальше—густо синяго цвѣта, переходившаго на горизонтѣ въ темно-лиловый. Отъ маяка по молу шелъ пароходъ, попыхивая бѣлымъ кудрявившимся дымкомъ.

Пройдя подъ эстокадой, гдѣ было сыро, грязно и пахло вареной рыбой, которую тутъ же продавала на лоткѣ торговка, они очутились въ порту, у самыхъ пароходныхъ пристаней съ старыми вывѣсками—амбарами для груза.

Тутъ шла совсѣмъ особая жизнь, отличная отъ той, которая кипѣла наверху. Гдѣ-то свистѣлъ локомотивъ тонко и жалобно, слышался настойчивый и сильный гулъ подъемныхъ цѣпей, стукъ молотка о желѣзо, голоса, оханье, точно вылетавшее изъ огромной груди, и другіе звуки еще не совсѣмъ пробудившейся отъ зимняго застоя морской жизни.

Мелкія льдинки покрывали кое-гдѣ прибрежье порта, но ужъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега море было совсѣмъ чисто отъ льда. Да и тутъ ледъ плавалъ рыхлый, грязный и легкій, какъ губка. По нему ходили строгія черныя вороны, точно вылитыя изъ чугуна, твердо ступая тонкими ногами, а на водѣ бѣлѣли чайки.

Цѣпи опускались и поднимались, унося съ берега въ пароходный люкъ грузъ, который тутъ же таскали черные люди, повидимому, греки—коренастые и молчаливые.

Два моряка, молодые и сильные, съ красивыми, здоровыми лицами стояли у мостковъ итальянскаго парохода и, скучая, слѣдили за нагрузкой, отмѣчая что-то карандашемъ на листикахъ бумажки.

Ольга по-итальянски спросила ихъ, можно-ли войти на пароходъ.

Лица итальянцевъ радостно оживились, и они оба разомъ отвѣтили:

— О, пожалуйста, синьорина... Можетъ быть, синьорина желаетъ, чтобы имъ показали пароходъ?

Но Ольга поблагодарила ихъ за любезность и сказала, что они посмотрятъ пароходъ сами. Итальянцы сняли фуражки и проводили своихъ гостей привѣтливыми улыбками.

Разговоръ, не вязавшійся между Останковымъ и Ольгой по пути къ морю, на пароходѣ снова вспыхнулъ съ прежнимъ радостнымъ настроеніемъ. Они обмѣнивались фразами, иногда какъ будто ничего не значущими, но полными осо-

беннаго смысла для нихъ, и взглядами, которые были яснѣе этихъ фразъ.

— Я люблю пароходы и часто путешествую сюда,—говорила Ольга.—Провожая ихъ, я всегда испытываю тоску, точно при проводахъ друга. Такъ бы и уѣхала сама и, притомъ, сразу на всѣхъ. И запахъ я на пароходахъ люблю. Какой-то особенный пароходный запахъ. Тутъ и машиннымъ масломъ пахнетъ, и недавно вымытымъ деревомъ, и рогожей, и смолой, и канатомъ и еще чѣмъ-то вкуснымъ... Не могу опредѣлить...

— Черносливомъ!—съ улыбкой подсказалъ Останковъ.— Мнѣ этотъ запахъ напоминаетъ дѣтство и толстую добрую лавочницу, которая кормила меня черносливомъ, гладила по головѣ и называла сироткой, чего я изъ любви къ черносливу не опровергалъ, хоть отецъ былъ еще живъ въ то время. Замѣчательно, что дома я могъ ѣсть черносливъ, но онъ никогда не казался мнѣ такъ вкусенъ.

Оба засмѣялись, и послѣдняя тѣнь, омрачавшая ихъ лица, исчезла.

Пароходъ весь былъ такъ чистъ, будто только что взялъ теплую ванну, и весь блестѣлъ на солнцѣ сталью, мѣдью, стекломъ и полировкой. Внизу, подъ палубой что-то тихо вздыхало: очевидно, разводили пары, и паръ до смѣшного тоненькой струйкой вился изъ огромной черной трубы съ бѣлой полосой наверху.

Среди рыхлыхъ искрошенныхъ льдинъ стояли суда и суденышки, отражаясь въ водѣ. Мягкія, синія тѣни лежали на льдинахъ, и эти вороны, этотъ соръ у пароходовъ, красный отъ рачьей скорлупы, папиросныхъ коробочекъ, кусковъ свеклы и еще какой-то дряни,—все было ярко и сильно на солнцѣ. Красныя полосы внизу черныхъ гигантовъ пароходовъ сильно подчеркивали зеленоватую влагу воды. На боку одного изъ такихъ гигантовъ висѣлъ въ своей „люлькѣ“ рабочій въ красной фескѣ, тоже отраженный въ водѣ, и стучалъ молоткомъ о желѣзный бокъ.

— Точно докторъ больного выстукиваетъ,—замѣтилъ Останковъ и, снова охваченный трепетомъ окружающей ихъ жизни, воскликнулъ. —Сколько солнца! Сколько солнца! Какъ все живописно и сильно! А эта фигура,—указалъ онъ на кудряваго черноволосаго итальянца, который, опершись одной ногой о канаты на кормѣ, уплеталъ рыбу съ хлѣбомъ.—Восторгъ! И какъ мало люди цѣнятъ разлитую вокругъ нихъ красоту въ природѣ! Какъ мало они ее понимаютъ! Уходить отъ этой жизни, закрывать на нее глаза! Да это преступленіе! Варварство!— снова напомнилъ онъ уколъ недавняго разговора, но ужъ безъ всякаго раздраженія и обиды. Вдали за моломъ пока-

зался дымокъ парохода и, какъ хоругвь, воздвиглась мачта съ опустившимся парусомъ.

Склянки на судахъ стали бить два часа.

— Мнѣ пора,—заторопилась Ольга.

— Неужели домой?

— Нѣтъ, видишь-ли, я тутъ урокъ даю въ одной семьѣ сапожника,—немного сконфузившись, пояснила она.—Вечеромъ я приду къ тебѣ. Мнѣ надо съ тобою поговорить.

По дорогѣ, усталые и разомлѣвшіе отъ своего свиданія и впечатлѣнія перваго весенняго дня, они остановились передъ новой картиной, которая какъ бы довершила ихъ разговоръ.

Изъ дверей гимназіи высыпали на улицу маленькіе гимназистики.

Отъ черныхъ досокъ, страшныхъ, какъ эшафоты, отъ тѣсныхъ партъ и латинскихъ спряженій, они сразу очутились на весеннемъ воздухѣ.

Облака блестѣли въ вышинѣ, какъ серебряныя. Сине и молодо было небо надъ ними, и дѣти, еще не успѣвшіе утратить чуткость растеній, сразу были охвачены первымъ трепетомъ весенней жизни и свободы.

Они зашумѣли, засмѣялись, запрыгали, какъ молодые козлята, путаясь въ своихъ длинныхъ шинелькахъ, стаскивая со спины уродующіе ихъ, какъ горбы, ранцы, въ которыхъ стучали книжки.

Съ тротуара они перебѣгали на улицу, гоняясь другъ за другомъ, сбивая синія фуражки съ гербами съ коротко остриженныхъ головъ другъ друга.

Среди нихъ одинъ только не могъ принять участія въ общемъ весельѣ: это былъ маленькій, хромой, горбатый гимназистикъ. Онъ шелъ на костыляхъ, стараясь хоть поспѣть за своими товарищами. Но все его личико, блѣдное, съ старческимъ выраженіемъ, его большіе глаза, все существо его—сливалось съ этимъ весельемъ. Онъ тоже смѣялся, слѣдя за разыгравшимися товарищами, шевелилъ головой и плечами, кому-то что-то кричалъ, даже хотѣлъ за кѣмъ-то погнаться, но его никто не слушалъ, на него никто не обращалъ вниманія.

Онъ не обижался и не огорчался этимъ невниманіемъ: онъ не замѣчалъ его.

Одинъ изъ его маленькихъ товарищей, не знавшій, повидимому, какую бы ему еще штуку выкинуть, вдругъ присѣлъ передъ маленькимъ горбуномъ на корточки и запрыгалъ, квакая лягушкой.

Тогда горбунъ перевернулся на костыляхъ и, въ свою очередь, показалъ ему свое искусство, быстро подскакивая

на своихъ деревянныхъ подпорочкахъ задомъ напередъ, постукивая ими по плитамъ тротуара.

Но этого было мало. Онъ засмѣялся тонкимъ смѣхомъ, вдругъ перевернулся на костыляхъ разъ, два, три,—и началъ крутиться волчкомъ съ удивительной легкостью и быстротой, взвизгивая по временамъ возбужденно и радостно. Онъ не завидовалъ своимъ красивымъ, стройнымъ товарищамъ. Радость жизни матерински нѣжной, веселой волной подхватила и его и пріобщила къ общему веселью.

Останковъ и Ольга переглянулись, растроганные, взволнованные этой картиной. Въ ней былъ такой глубокій смыслъ, она была такъ проста и ясна, что Ольга почувствовала, какъ слезы прихлынули къ ея глазамъ, и весь этотъ день, первый день ранней южной весны, получилъ въ ея глазахъ какое-то особенное значеніе, точно этотъ маленькій горбунъ былъ откровеніемъ природы и она нарочно избрала его въ этотъ часъ, чтобы показать на немъ все могущество своего свѣта, жизни и любви.

Но каждый изъ нихъ по своему понялъ смыслъ этой картины. Каждый взялъ изъ нея то, что было близко его душѣ.

— Ты не можешь нынче отложить свой урокъ... для меня?—обратился Останковъ къ Ольгѣ, когда они отошли уже далеко отъ гимназіи.

— Нѣтъ... Нынче особенно не могу. Видишь-ли,—обратилась она къ нему всѣмъ своимъ лицомъ.—Видишь-ли... у этого сапожника четверо дѣтей. Старшей дѣвочкѣ двѣнадцать лѣтъ. Младшему мальчику—семь лѣтъ. Бѣдность ужасная. Я не только учу ихъ, но и вообще... не знаю, какъ тебѣ сказать... Словомъ, мой приходъ всегда праздникъ для нихъ.

— Ты имъ помогаешь?

— Нѣтъ... Совсѣмъ пустяки... Отецъ ихъ не беретъ. Но я каждый день ношу дѣтямъ гостинцы... Вотъ...

Она вытащила изъ кармана конфекты и показала Останкову, прибавивъ въ видѣ извиненія:

— Каждый долженъ дѣлать, что можетъ. Мнѣ непріятно говорить о такихъ мелочахъ, но, понимаешь, въ такой день, какъ нынче, а особенно послѣ того что мы сейчасъ видѣли, разумѣется, нельзя лишить ихъ этого маленькаго праздника.

— Я понимаю. Но о чемъ-же ты хотѣла поговорить со мной? Можетъ быть, сейчасъ скажешь.

— Нѣтъ, вечеромъ. Я приду къ тебѣ.

— Хорошо. Это важное?—любопытствовалъ онъ.

— О, нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ,—поспѣшно отвѣтила она и покраснѣла.

Разставшись съ Ольгой, Останковъ долго бродилъ по улицѣ. Увидѣвъ витрину книжнаго магазина, онъ зашелъ туда и потребовалъ всѣ изданія, касающіяся голода. Ихъ было немного: кромѣ книги Короленко о голодѣ, онъ нашелъ еще только книгу Михневича, да брошюру Льва Толстого. Онъ взялъ эти книги, затѣмъ купилъ въ гастрономическомъ магазинѣ фруктовъ и вина и приказалъ все отправить по своему адресу.

Пообѣдавъ въ ресторанѣ при гостиницѣ, онъ поднялся къ себѣ, когда уже смеркалось. Окна его номера выходили на бульваръ и на море, такъ что онъ видѣлъ вдали зеленые и красные огни на мачтахъ судовъ. Направо можно было различить огненный глазъ маяка, который точно висѣлъ въ воздухѣ и, вращаясь, то и дѣло измѣнялъ свой цвѣтъ изъ багрово краснаго въ лимонный и совсѣмъ бѣлый.

Дымъ и паръ изъ пароходныхъ трубъ отливался на этихъ огняхъ то краснымъ, то оранжевымъ тонами. Порою, огни двигались и отраженія огненными змѣями скользили вслѣдъ за ними.

Останковъ все еще медлилъ засвѣтить электричество и любовался этими огнями до тѣхъ поръ, пока не раздался въ дверь быстрый, нетерпѣливый стукъ.

Онъ не успѣлъ еще отвѣтить и бросился къ двери. На порогѣ уже стояла Ольга, и тѣнь ея отъ свѣта изъ корридора протянулась черезъ всю комнату.

— Такъ бѣжала по лѣстницѣ... чуть не задохнулась,— порывисто дыша, проговорила она и затворила за собою дверь.

Останковъ съ благодарностью обратилъ къ ней свои глаза и протянулъ руки, чтобы обнять ее, но она тихо его отстранила, на минуту задержавъ въ своихъ рукахъ его пальцы, и, чтобы смягчить свое нежеланіе, мягко сказала:

— Нѣтъ... нѣтъ... Не надо... Здѣсь...

Онъ понялъ ее и не настаивалъ. Въ этихъ гостиничныхъ стѣнахъ кто только не перебывалъ и какихъ поцѣлуевъ и ласкъ онѣ не были свидѣтелями!

Онъ хотѣлъ засвѣтить электричество. Она его остановила и въ нерѣшительности стояла посреди комнаты, освѣщаемая только электрическимъ свѣтомъ, падавшимъ въ окна съ улицы. Останковъ, однако, ясно различалъ ея профиль, похожій въ темнотѣ на профиль сфинкса, загадочный и строгій, и ея фигуру, смутную, какъ видѣніе.

— У тебя такъ хорошо пахнетъ... фруктами?

— Да.

— Я хочу пить... Дай мнѣ апельсинъ.

— Можетъ быть,—вина?

— Нѣтъ, нѣтъ... Апельсинъ. Только не надо чистить.

Останковъ подалъ ей апельсинъ. Апельсинъ былъ холодный и душистый. Она оторвала кусочекъ кожи и, прокусивъ сочную мякоть, слегка запрокинула голову и, сдавливая въ рукѣ апельсинъ, стала пить лившійся изъ него свѣжій, ароматный сокъ. Въ комнатѣ еще сильнѣе запахло фруктами.

Онъ попрежнему стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и любовался ею.

— Славно,—сказала она, наконецъ, и, положивъ измятый апельсинъ на столъ, обратилась къ Останкову.

На лицо ея упала тѣнь и только чуть-чуть свѣтились волосы около ушей. Но Останковъ угадывалъ улыбку на ея лицѣ.

Онъ подошелъ къ ней и, касаясь большихъ холодныхъ пуговицъ ея пальто, предложилъ:

— Хочешь, я помогу тебѣ раздѣться...

— Нѣтъ, подожди... А не лучше-ли намъ пойти опять туда?—кивнула она за окно.

Ему показалось въ этихъ словахъ что-то вродѣ недовѣрія къ себѣ, и онъ сдержанно отвѣтилъ:

— Какъ хочешь.

— А-а! Все равно... Послѣ пойдемъ.

И она быстро разстегнула пуговицы и позволила ему снять съ себя пальто, оставшись въ простомъ сѣромъ платьѣ. Затѣмъ сняла шляпу и стала обѣими руками поправлять свои густые бѣлокурые волосы.

Останковъ чувствовалъ странную неловкость наединѣ съ любимой дѣвушкой въ полутемной комнатѣ, и какой-то неопредѣленный пріятный холодокъ охватывалъ ему то спину то голову, то руки.

Помолчавъ минуту, она сѣла на диванъ около круглаго стола и позвала его. Когда онъ сѣлъ рядомъ, она дотронулась до его руки кончиками своихъ пальцевъ, которые были также холодны и тихо, застѣнчиво засмѣялась.

— Будемъ такъ сидѣть въ темнотѣ. Я это люблю... Какъ-то больше чувствуешь и говоришь искреннѣе и смѣлѣе.

— Но что-же, наконецъ, ты мнѣ хочешь сказать, что для этого даже мракъ понадобился?—спросилъ Останковъ намѣренно-весело, но голосъ его прозвучалъ какъ-то неестественно и громко.

Она не сразу отвѣтила, и онъ почувствовавъ, какъ пальцы ея взволнованно зашевелились въ его рукѣ, взялъ ихъ тихонько и пожалъ, желая ее ободрить.

— Видишь-ли,—рѣшилась начать она, и Останковъ, едва различая въ сумракѣ ея черты, узналъ по этому тихому голосу серьезное и строгое выраженіе ея лица.

Остановившись послѣ первыхъ словъ, она слегка выпрямилась и залпомъ выговорила остальное:

— Такъ какъ я не могу сама поѣхать къ голодающимъ, возьми, пожалуйста, вотъ эти деньги мои и употреби ихъ тамъ, какъ найдешь нужнымъ...

И не успѣлъ Останковъ опомниться, какъ она неизвѣстно откуда достала пакетъ и сунула его въ руку ему, торопясь договорить взволнованнымъ голосомъ, упавшимъ въ концѣ до шопота:

— Здѣсь почти тысяча рублей. Я продала свои выигрышные билеты... Ради Бога... Иначе я отошлю эти деньги Курганову. Я должна... Мы всѣ должны... Нельзя оставаться равнодушной, когда народъ погибаетъ... погибаетъ тамъ...

И, вырвавъ изъ его руки свою руку, она подалась и быстро отошла къ окну, гдѣ остановилась, опершись о косякъ, какъ-то сгорбившись и уходя головой въ плечи.

Чувствуя у себя на колѣняхъ ея пакетъ, Останковъ, пораженный, слѣдилъ за ней глазами. Въ номерѣ стало тихо такъ, что слышно было, какъ изъ умывальника, звеня, падали, въ пустое ведро капли, да гдѣ-то далеко чуть слышно пѣла віолончель.

И вдругъ, Останкову почудился тихій стонъ, который онъ сначала принялъ за звонъ струны, но въ ту-же минуту замѣтилъ, какъ плечи Ольги вздрогнули.

Тогда, точно боясь встревожить ее, онъ тихо поднялся съ дивана, подошелъ къ ней и коснулся ея вздрагивавшаго плеча своей рукою.

— Оля, Оля... Ты плачешь!

Она перестала сдерживать себя и, обернувшись, прижалась къ нему, какъ къ брату, едва выговаривая сквозь слезы:

— Умираютъ отъ голода... Вѣдь это ужасъ... Отъ голода... Отъ того, что нечего ѣсть... нѣтъ куска хлѣба... И маленькія дѣти... дѣти...—съ болью повторяла она.—Цынга... Тифъ... Всѣ ѣдутъ, а я не могу. Изъ нашего города уже уѣхалъ цѣлый отрядъ... моя подруга... А я не могу... не могу оставить папу.

Останковъ не успокаивалъ ея. Онъ чувствовалъ, какъ лицо ея, прижимаясь къ его плечу, слегка смочило его щеку слезами и влага этихъ слезъ какъ будто проникала въ него самого. Ему стало тяжело и непріятно за свою мелочность, обидчивость, ревность и всѣ ничтожныя слабости, а главное за свой пріѣздъ сюда, за всю эту проволочку, которую она не могла не осуждать при своемъ настроеніи.

— Да, я не долженъ былъ дѣлать этого,—вслухъ отвѣтилъ онъ на свои мысли, и она его поняла и поспѣшила успокоить:

— Ты это сдѣлалъ потому, что любишь меня.

— Завтра-же утромъ я уѣду.

Слезы сразу застыли въ ея глазахъ, и она съ радостнымъ порывомъ проговорила:

— Да... да... Я такъ и знала, что ты уѣдешь. Иначе я бы чувствовала себя виновной въ томъ, что ты медлишь. Все время пишутъ, что тамъ нѣтъ людей и потому крестьяне оставлены на произволъ...

И, овладѣвъ, мало-по-малу, собою, она вытерла слезы платкомъ и съ виноватымъ лицомъ стала оправдываться въ своихъ слезахъ:

— Ты знаешь, я не плакса, но въ послѣднее время нервы разстроились. Болѣзнь папы, газетныя извѣстія, а тутъ еще твой пріѣздъ и день такой, въ который и безъ всякаго горя плакать и грустить хочется... Все туманы. Точно въ лихорадкѣ была земля, а сегодня въ сознаніе пришла.

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, она наклонилась къ его уху и, обдавая его чистымъ жаркимъ дыханіемъ, добавила:

— Хорошо-бы на эти деньги что нибудь для дѣтокъ... Только не поминай моего имени.

— Хорошо. Будь спокойна,—отвѣтилъ Останковъ, растроганный, и ему самому хотѣлось, улыбаясь отъ тихой радости, плакать.

Въ эту минуту, наединѣ съ любимой дѣвушкой, онъ самъ бы не узналъ своей кипучей и уже утратившей юношескую свѣжесть и чистоту натуры. Ему хотѣлось навсегда сохранить въ себѣ это ощущеніе чистоты и ясности, которое,— онъ чувствовалъ, — никогда уже не повторится болѣе, и потому очень обрадовался, когда она безотчетно пошла навстрѣчу его настроенію, предложивъ поѣхать прокатиться.

— У меня тутъ есть любимый уголокъ. Это недалеко. Катнемъ!—по мальчишески выговорила она послѣднее слово.

— Катнемъ!—повторилъ онъ, и обоимъ имъ стало вдругъ легко и радостно, какъ бываетъ только въ дѣтствѣ или въ ранней юности.

Все также въ темнотѣ они одѣлись и весело вышли наружу.

Вечеръ былъ чудесный: теплый и ясный. Звѣзды крупныя и какъ-то особенно чистыя. „Точно новенькія“ — выразилась о нихъ Ольга.

Она прижалась къ Останкову, обхватившему ее за талію, и подъ этими звѣздами они понеслись куда-то по улицамъ, освѣщеннымъ то газомъ, то круглыми шарами электрично-

скихъ фонарей. По обѣ стороны сіяли то окна домовъ, то зеркальныя стекла магазиновъ.

Скоро и этихъ стеколъ не стало. Пошла широкая и довольно пустынная улица съ домами не городской архитектуры, передъ которыми виднѣлись деревья. Затѣмъ экипажъ въѣхалъ въ уголокъ совсѣмъ европейскаго характера: съ одной стороны шелъ рядъ домовъ, богатыхъ и красивыхъ, съ другой—темнѣли деревья бульвара. Фонари съ номерами домовъ свѣтились, какъ огненныя бусы извивающейся лентой. На сыромъ асфальтѣ тротуара изумруднымъ свѣтомъ отражалось сіянье уличныхъ фонарей.

— Я совсѣмъ не узнаю этого мѣста,—сказалъ Останковъ.

— Давно не былъ здѣсь. А нашъ городъ растетъ съ каждымъ днемъ. Это въ одинъ годъ построены дома.

Экипажъ остановился около чугунной рѣшетки-забора, за которой виднѣлся садъ. Отворивъ тяжелую калитку, Ольга, а за нею—Останковъ вошли въ садъ и сразу точно отдѣлились отъ города.

— Мы на дачѣ Тамарина, — понижая голосъ, сообщила Ольга, беря Останкова подъ руку.—Тутъ живутъ мои друзья... Вотъ, видишь, огонекъ, — указала она влѣво, гдѣ пробивался сквозь густыя, похожія на спутанную сѣть вѣтви красноватый огонекъ изъ окна.—Но мы, конечно, къ нимъ не пойдемъ, а повернемъ сю-д-да...

И она тихонько потянула его за собою вправо.

Послѣ уличнаго освѣщенія здѣсь было совсѣмъ темно и тихо и, казалось, еще тише и темнѣе становилось отъ деревьевъ и садовой сырости.

Останковъ ощущалъ подъ ногами шуршащій мелкій гравій и песокъ. Пахло парниками, свѣжимъ деревомъ, почками и еще чѣмъ-то знакомымъ, заставившимъ Останкова воскликнуть:

— Да мы около моря! Вотъ славно-то!..

— Ага, узналъ,—торжествовала Ольга, увлекая его за собою впередъ между двумя рядами еще голыхъ деревьевъ, среди которыхъ, легкіе, какъ столбы дыма, стояли тополя и темнѣли иглистыя хвои. Въ вѣтвяхъ деревьевъ мелькали звѣзды, которыя казались не только близкими, но прямо-таки запутавшимися въ паутинѣ вѣтвей.

— Иди за мной. Закрой глаза. Откроешь, когда я тебѣ скажу.

Онъ, улыбаясь, повиновался, тѣмъ болѣе, что и съ открытыми глазами мало что различалъ вокругъ. Она шла увѣренно, а онъ теперь какъ будто каждую минуту готовился полетѣть въ бездну. Но ему пріятно было такъ идти за нею. Ноги его то попадали порой въ оледѣнѣвшіе слѣды чьихъ-то боль-

нихъ ногъ, то — на тонкій ледокъ, ломавшійся, какъ хрусталь.

Когда они остановились, она спросила его торжественно:

— Теперь скажи, что ты слышишь? Глазъ не открывай.

Останковъ прислушался и сталъ отвѣчать все еще съ закрытыми глазами:

— Я слышу, какъ шумитъ городъ. Гудитъ отъ экипажей мостовая... точно клавиши. Гдѣ то лаютъ собаки.—Потомъ, прислушиваясь, прибавилъ.—Въ этомъ гудѣньи можно различить и еще разные звуки... Вотъ какъ будто стукъ молота... звонъ далекихъ, далекихъ колоколовъ... Лай собаки... Но какая стройна гамма въ общемъ!

— Теперь—впередъ!—скомандовала Ольга.

Они шли еще нѣсколько минутъ.

— Стой... Слушай снова.

Но онъ еще раньше слышалъ широкій протяжный гулъ, похожій на вздохи огромной груди, которая медленно вздыхала во снѣ, и по этимъ вздохамъ чуялось гдѣ-то вблизи присутствіе живой, необъятной силы, спокойной и величавой.

— Море... Оно здѣсь... внизу,—тихо проговорилъ Останковъ, чувствуя, какъ этотъ шумъ поднимаетъ его душу.

Онъ открылъ глаза и, прежде всего, увидѣлъ звѣзды, которыя горѣли, сплетаясь въ гирлянды, спадавшія съ голубовато-сѣраго неба внизъ къ такой-же голубовато-сѣрой пустынѣ моря. Море было темнѣе неба и только поэтому можно было отличить его отъ неба.

Останковъ и Ольга стояли на высокомъ обрывѣ, около лѣстницы, круто спускавшейся внизъ по неровному берегу, темными холмами къ водѣ. Справа берегъ выступалъ далеко впередъ широкимъ мысомъ. Гдѣ-то внизу горѣлъ огонь... вѣрно въ какой нибудь рыбачьей избушкѣ, и огонь казался далекимъ.

Ольга приблизила свое лицо къ лицу Останкова, желая прочесть въ его чертахъ впечатлѣніе и, не дождавшись отзыва отъ него, внушительно и вдумчиво проговорила:

— Видишь-ли, я привела тебя сюда... Мнѣ хотѣлось, чтобы ты это слышалъ... Шумъ города съ одной стороны, съ другой шумъ моря... стихіи... И чтобы ты сравнилъ ихъ...

— Ну, и что-же?—задалъ вопросъ Останковъ, улыбаясь ея торжественному тону.

Ее, повидимому, огорчилъ этотъ вопросъ.

— „Ну и что-же?..“—передразнила его она.—Развѣ я знаю что... Мнѣ казалось, что этого не надо объяснять тебѣ... Въ этомъ сочетаніи что-то есть... Какой-то особенный смыслъ... Только, вотъ, я не могу опредѣлить—какой.

— Это не важно,—замѣтилъ Останковъ, на этотъ разъ

серьезно.—Но твоя правда. Здѣсь есть что-то такое, отчего шевелятся волосы на головѣ.

— То-то-же!

Она прижалась къ нему и нѣкоторое время оба, затаивъ дыханье, слушали гулъ моря и шумъ города, смутно доносившійся издали.

Пахнулъ свѣжій вѣтерокъ. Гдѣ-то близко, совсѣмъ по весеннему, зашелестила прошлогодняя трава, точно сама ночь прошла мимо нихъ, прошелестивъ шелковой ризой.

Останковъ почувствовалъ какую-то особую важность этой минуты и, обращая лицо свое къ Ольгѣ, заговорилъ такъ-же торжественно, какъ за минуту передъ тѣмъ говорила она:

— Клянусь тебѣ, никогда я, никогда не забуду этого дня, этого вечера, всего, что ты заставила меня пережить! И когда ты станешь моею женою, мы ежегодно будемъ справлять этотъ день, какъ первое откровеніе нашей любви... какъ ея благовѣщеніе. Спасибо тебѣ за это...

Она сама потянулась къ нему и поцѣловала его. А когда очнулась отъ этого поцѣлуя, тихо, радостно засмѣялась и сказала:

— Ахъ, какіе мы съ тобой глупые! Воображаю, что бы подумали о нашихъ головахъ солидные люди, если бы подслушали этотъ разговоръ.

— Напримѣръ, Кургановъ, — вырвалось у Останкова и онъ тотчасъ-же покраснѣлъ за свои слова и мысленно раскаялся, что сказалъ ихъ. Она это поняла и ничего не отвѣтила.

Затѣмъ, сопровождаемые все тѣмъ-же влажнымъ шумомъ дремлющаго моря, они вышли изъ калитки и сѣли въ экипажъ, грохотъ котораго скоро слился съ неумолкающимъ городскимъ гуломъ.

Останковъ довезъ Ольгу до самыхъ воротъ ея дома съ рѣшетчатымъ заборомъ и простился съ нею.

На прощанье они молча пожали другъ другу руки и, только очутившись за рѣшеткой, Ольга остановилась и сказала тихо, съ глубокой нѣжностью:

— До свиданья, милый.

— До свиданья! — взволнованнымъ голосомъ отозвался Останковъ.

Онъ подождалъ, пока ей отворили дверь большого одноэтажнаго флигеля съ закрытыми ставнями, сквозь которыя едва просачивался свѣтъ. И только когда силуэтъ ея, отчетливо продержавшись мгновеніе на порогѣ освѣщенной передней, исчезъ за вновь захлопнувшейся дверью, онъ съ гордою молодою улыбкою, растроганный до слезъ, вернулся къ экипажу, отпустилъ его и тихо побрелъ по улицѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черезъ трое сутокъ Останковъ подъѣзжалъ къ городу С., гдѣ находился главноуполномоченный Краснаго Креста Николай Павловичъ Карелинъ.

Въ окна вагона виднѣлись снѣжныя степи и среди нихъ чернѣли пятнами деревни, села. Иногда возвышались, какъ маяки среди этого бѣлаго океана снѣговъ, минаретъ мечети или колокольня съ крестомъ. Огромная страна простиралась со всѣхъ сторонъ съ невѣдомою жизнью, съ невѣдомыми людьми.

Тутъ былъ голодъ.

Станціи за двѣ до С. въ вагонъ II класа вошелъ молодой человѣкъ съ такимъ рѣшительнымъ взглядомъ и движеніями, точно вагонъ принадлежалъ ему и онъ сейчасъ будетъ распоряжаться всѣми сидящими въ немъ. Утвердивъ наверху чемоданъ, онъ съ шумомъ открылъ и закрылъ тяжелый серебряный портсигаръ, постучалъ о крышку папиросой, закурилъ и, закинувъ ногу на ногу, развалился противъ Останкова и безъ обиняковъ обратился къ нему:

— Вы вѣрно въ Красный Крестъ?

— Да. А вы, вѣроятно, изъ С.?

— Нѣтъ, я собственно хвалынскій. А здѣсь разныя дѣла юридическія: взысканія и прочее. Я повѣренный торговой фирмы братьевъ Назаровыхъ,—громко отрекомендовался онъ.

— У васъ въ уѣздѣ тоже, кажется, плоховато?—спросилъ Останковъ.

— Это вы на счетъ голода?

— Именно.

— Все преувеличенно. Газетами раздуто и прочее,—рѣшительно заявилъ тотъ. — Никакого голода нѣтъ, а обыкновенный недородъ.

— Съ цынгой и тифомъ, —рѣзко отозвался сѣдой и щетинистый пассажиръ, въ судейской фуражкѣ, сидѣвшій у окна.

— Не безъ того. Цынга есть и прочее, по преимуществу, однако, между татарскимъ населеніемъ.

— Ну и между русскимъ достаточно.

— Есть и между русскимъ и всетаки это ничего не доказываетъ Развѣ голодъ такой бываетъ!

— А какого-же вамъ еще надо голода! Чтобы люди другъ друга что-ли ѣли! Удивительный мы народъ, право!—воскли-

кнулъ судья, обращаясь уже ко всѣмъ присутствующимъ.— У насъ на глазахъ люди умираютъ отъ цынги, но покуда матери не ѣдятъ своихъ дѣтей, мы все еще не считаемъ это голодомъ. На дняхъ мнѣ пришлось быть въ деревнѣ Селины, Хвалынскаго уѣзда. Въ декабрѣ мѣсяцѣ у зажиточныхъ крестьянъ лошади по четыре было, а овецъ на все село приходилось тысячъ до восьми,—четыре гурта. Теперь объ овцахъ и помину нѣтъ, а больше одной лошади не найдешь даже у зажиточныхъ. Надѣлъ при этомъ дарственный, по $^1/_4$ десятины на душу, а теперь и того, конечно, не осталось, населеніе увеличилось. Арендная плата хорошей земли рублей двадцать десятина, хлѣба надо затратить $5^1/_2$ мѣшковъ на десятину, а собирали 6. Вотъ и живи. Соломы нигдѣ ни клочка не осталось. Труху ѣдятъ, а все не голодъ. Въ татарской деревнѣ Новозеленое на пятьсотъ человѣкъ двѣсти цынготныхъ, а все не голодъ, потому что людоѣдовъ еще не объявилось!

Онъ презрительно отвернулся и забарабанилъ по стеклу.

— Ну, это вы напрасно. Людоѣдовъ я не требую,—возразилъ повѣренный,—а требую только правды...

— Какой-же вамъ еще правды?—не поворачивая головы, отозвался судья.

— А такой-съ... Я вотъ въ прежнее время платилъ по 1 р. 80 к. въ день за лошадь и крестьяне меня съ удовольствіемъ возили, а теперь и за два не ѣдутъ. Небойсь, если бы голодъ былъ, поѣхали бы.

— А я думаю, и за три не поѣхали бы теперь.

— Ну, вотъ видите...

— Вижу. Но, во первыхъ, теперь кормы въ три раза дороже, во вторыхъ—лошадей нѣтъ.

— Сами лошадей они поспѣшили продать. Земскіе начальники имъ объявили, что крестьянамъ лошадей будутъ чуть не даромъ раздавать, вотъ они и распродаютъ своихъ. На даровщинку все расчитываютъ.

— Опять и это, извините, пустяки,—на половину оборачиваясь, оборвалъ его судья. Крестьянинъ за лошадь до послѣдняго держится, а признаться, было бы лучше, если бы онъ продавалъ лошадей своихъ съ разсчетомъ, а то доведетъ лошадь до того, что она, во первыхъ, ужъ не годна, во вторыхъ—цѣна на нее пала, и продаетъ за грошъ.

— Ничего, другую дадутъ, — иронически заявилъ повѣренный, длиннымъ, узловатымъ пальцемъ ловя пущенное имъ колечко дыма.

— Не особенно-то даютъ. На весь Хвалынскій уѣздъ пятьсотъ лошадей! Это на двѣсти тысячъ голодающихъ-то! Скажемъ, изъ нихъ треть, самое меньшее, не имѣетъ лошадей. Пятьсотъ лошадей раздадутъ, а какъ-же остальнымъ то быть! Все

это можетъ вызвать одну злобу и недовольство. Лошадь достается счастливцу по жребію, но вѣдь несчастному-то, оставшемуся безлошаднымъ, это не утѣшеніе. Опять таки, лошадь кормить нечѣмъ. Ѣду я теперь мимо одного волостного правленія. Вижу соломы навалено бугры. Подмокла, попортилась. Спрашиваю, что такое? Откуда?—Изъ земства, говорятъ, для обѣщанныхъ лошадей.

Повѣренный на этотъ разъ не нашелся что возразить и скептически улыбнулся.

— Вотъ всѣ такъ-то судятъ, какъ вы,—продолжалъ допекать его судья, глядя куда-то мимо него. По одному какому-нибудь случаю, а то и по личнымъ счетамъ. Былъ, знаете, у меня на глазахъ такой случай недавно,—обратился онъ къ Останкову.—Привезъ крестьянинъ на базаръ сѣно продавать. Продалъ сѣно и пошелъ для лошади покупать солому, а лошадь-то возьми, да издохни, пока онъ за соломой ходилъ. Тутъ вотъ для легкомысленнаго наблюдателя просторно судить и о жадности мужика, и о его звѣрской жестокости къ скотинѣ, которая его кормитъ, а стоитъ поближе взглянуть на это дѣло и совсѣмъ оно въ иномъ свѣтѣ является. У мужика семья съ голоду пухнетъ. Онъ сѣно-то до послѣдней минуты берегъ. Пришла эта самая черная минута, думалъ сбереженное сѣно выручитъ и его, и лошадь, анъ, вотъ что вышло. Надо было видѣть, какъ убивался мужикъ! Я думалъ съ ума сойдетъ. Нѣтъ, что тутъ толковать, — горе, бѣда такая, что не разскажешь. А главное, выхода никакого не предвидится. Разореніе непоправимое. Годъ за годомъ подошло. Съ 91 года недородъ, изъ четвертушекъ всѣ соки вымотаны и въ будущемъ на урожай нельзя надѣяться. Только и держались татарскими землями. У татаръ надѣлъ по 10 десятинъ на душу, да они сами-то работники плохіе, ну и сдаютъ въ аренду.

— А кустарныхъ промысловъ нѣтъ въ уѣздѣ?—несмѣло спросилъ Останковъ, знакомый съ деревней только по прочтеннымъ въ вагонѣ книгамъ.

— Есть. Деревни двѣ плетеньемъ рогожъ занимаются. Ну, онѣ еще кое какъ держутся. Да вѣдь это только подспорье. Фундаментъ всему земля.

— А земство какъ?

— Да что-же земство можетъ сдѣлать! Испрашивало было оно кредитъ милліонъ шестьсотъ тысячъ для общественныхъ работъ, да это все равно, что мертвому піявки. Общественныя работы—какія? Хозяйственнымъ способомъ земство ихъ все равно всетаки выполнить не можетъ, а подряднымъ, даже если подрядчиковъ обязать брать мѣстныхъ рабочихъ,—нѣтъ смысла: извѣстно, что такое наши подрячики. Дороги! На что

крестьянину дороги, когда ему возить-то по нимъ нечего. Вотъ еще ирригація, расчистка источниковъ... Есть у насъ рѣчка Терешка, такъ сказать, жизненный нервъ Хвалынскаго уѣзда. Мельницы на ней. Вода, сама-по себѣ въ Терешкѣ сильная, а источники засорились, рѣчка превращается въ лужу, такъ что мельницы принуждены прибѣгать къ паровымъ и газовымъ моторамъ. Расчисти земство источники около Терешки, масса народа кормилась бы... Впрочемъ,—устало закончилъ онъ,—все это опять только отсрочка бѣдствія... Тутъ одно, въ другомъ мѣстѣ—другое. У каждаго района свои условія. Э-эхъ! Какъ посмотрѣть на всю эту безысходную нужду, долго спать не будешь. Все кажется, ты какъ будто въ чемъ-то виноватъ.

— Ну, я себя, признаться, виновнымъ не считаю,— рѣшительно заявилъ повѣренный. Но всѣ такъ на него посмотрѣли, что онъ сконфузился.

Останковъ внимательно слушалъ то, что въ скоромъ времени предстояло увидѣть ему самому. Книги, прочтенныя имъ въ дорогѣ, и эта живая рѣчь наводили на него жуткое настроеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали любопытство и жажду труда, и потому онъ былъ очень доволенъ, когда поѣздъ привезъ его въ С.

Останковъ велѣлъ везти себя въ гостиницу.

— Въ Европейскую прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Почему именно въ Европейскую?

— Тамъ всѣ ваши господа останавливаются и главный вашъ тамъ.

— Поѣжай туда.

Лошадь затрусила по снѣгу, сани заскрипѣли полозьями и извозчикъ зачмокалъ губами и замахалъ кнутомъ, дѣлая видъ, что гонитъ лошадь.

День былъ теплый и сѣренькій. Съ крышъ капала вода и иногда обрывались сосульки и со звономъ падали на тротуаръ, разбиваясь какъ хрусталь.

Изъ трубъ вился дымокъ и на улицѣ пахло грибами и еще чѣмъ-то постнымъ.

Занявъ первый попавшійся номеръ, Останковъ поспѣшилъ умыться и, переодѣвшись, отправился въ канцелярію къ уполномоченному, помѣщавшуюся въ томъ-же самомъ коридорѣ.

Канцелярія—двѣ большія комнаты—представляла собою что-то вродѣ палатки главнокомандующаго. На стѣнахъ, на столахъ были карты, какіе то чертежи и образцы хлѣба, похожаго на уголь или на сухой кизякъ, который ѣли голодные. Около чертежей двое офицеровъ горячо о чемъ-то спорили. Одинъ изъ нихъ былъ не молодой, въ казацкомъ бешметѣ,

съ симпатичнымъ обвѣтреннымъ лицомъ, съ большимъ лбомъ, переходившимъ въ лысину. Онъ говорилъ медленно, добрымъ голосомъ, указывая пальцемъ по картѣ:

— Нужно всю энергію теперь направить на этотъ пунктъ, а затѣмъ—послать отрядъ сюда.

— Да, хорошо вамъ толковать—отрядъ, а что тамъ дѣлать отряду, когда хлѣба нѣтъ, — отвѣчалъ другой офицеръ, совсѣмъ юноша, на длинныхъ упругихъ ногахъ. Онъ то останавливался около стола, то ходилъ взадъ-впередъ по комнатѣ, легко повертываясь на каблукахъ, куря сигару и съ такою ловкостью удерживая пепелъ, что она, очевидно, забавляла его самого и доставляла ему удовольствіе. Кромѣ этихъ офицеровъ, въ канцеляріи былъ худощавый, черный студентъ съ узкими плечами и нервнымъ лицомъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ крутилъ все время бородку, то нерѣшительно останавливаясь, то переходя отъ окна къ столу и то и дѣло исподлобья поглядывая горящимъ взглядомъ на молодого офицера.

У стола сидѣла барышня, съ дѣтской фигурой и кроткимъ, блѣднымъ личикомъ.

При входѣ Останкова, она посмотрѣла на него въ пенсне и подошла къ секретарю, сидѣвшему за другимъ столомъ за работой. Секретарь, съ длинной шеей и съ височками, молодой человѣкъ, поднялся со стула, чтобы уступить ей мѣсто, но она притронулась къ его рукѣ своей рукой и, чтобы не помѣшать офицерамъ, стала шопотомъ его о чемъ-то спрашивать.

Изъ другой комнаты доносился высокій, слегка раздраженный голосъ, не совсѣмъ твердо выговаривавшій букву „р.“

— Мы пріѣхали помогать, а не разорять народъ! Такъ нельзя. Я уже подалъ докладъ... Такъ нельзя!

Другой голосъ сдержанно и сладко возразилъ что-то, при чемъ послышалось слово „министръ“. Тогда дверь отворилась и вошелъ молодой еще человѣкъ, въ сѣрой военной тужуркѣ, невысокій, но плотный, съ бѣлокурой острой бородкой и ясными голубыми глазами. Волосы его были коротко острижены и стояли ежикомъ надъ бѣлымъ спокойнымъ лбомъ. Все въ немъ: внѣшность и манеры обнаруживали человѣка свѣтскаго и независимаго.

Останкову показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо, и впослѣдствіи вспомнилъ, что видѣлъ на Невскомъ и Морской въ какомъ-то высокомъ, чрезвычайно оригинальномъ экипажѣ.

Это былъ уполномоченный.

За нимъ, мягко ступая, слѣдовалъ господинъ въ чиновничьемъ мундирѣ, франтоватый и красивый, съ вопроси-

тельно прищуренными глазами и слегка склоненной впередъ фигурой.

— Вотъ вамъ подтвердитъ Дмитрій Дмитріевичъ,—указывая на офицера въ казацкомъ бешметѣ, продолжалъ блондинъ,—что̀ такое для крестьянъ эта гужевая перевозка.

— Дѣло совсѣмъ не подходящее, — подтвердилъ тотъ.

— Судите сами—сверхъ пятидесяти верстъ безплатныхъ,— $^1/_{10}$ копѣйки съ пуда-версты. Да имъ пропитаніе дороже будетъ стоить, сбруи порвутъ вдвое больше. Къ тому же крестьянскія лошади истощены и не въ состояніи дѣлать большихъ перегоновъ, такъ что по правиламъ общины крестьяне должны прибѣгать къ уравнительной раскладкѣ, то-есть, дѣлать особый сборъ на возмѣщеніе убытка возчиковъ, отправляемыхъ обществомъ.

Онъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, точно жалѣлъ, что ему нельзя сказать чиновнику что нибудь болѣе пріятное и при этомъ задумчиво смотрѣлъ ему прямо въ глаза добрыми голубыми глазами.

— Я такъ и передамъ его превосходительству.

— Такъ и передайте, — закончилъ уполномоченный.—Не меньше $^1/_3$ копѣйки. Я уже докладывалъ министру.

Чиновникъ ловко расшаркался и безшумно исчезъ.

Блондинъ взглянулъ на казака и съ легкой гримасой пожалъ плечами. Затѣмъ онъ обернулся къ Останкову.

Убѣдившись, что это уполномоченный, Останковъ представился ему.

Тотъ съ привѣтливой улыбкой протянулъ ему немного пухлую, какъ у женщины, красивую руку и нѣсколько задержалъ въ своей рукѣ руку Останкова, глядя ему въ глаза своими ясными, но холодными голубыми глазами.

— Очень радъ. Очень радъ. Вашъ товарищъ Кургановъ уже освѣдомлялся о васъ. Вы отдохнете съ дороги и дня черезъ два отправитесь съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ въ Мелетинскій уѣздъ.

Онъ представилъ его казаку по фамиліи Данилину и другому офицеру, своимъ помощникамъ и, замѣтивъ, что Останковъ немного замялся при его предложеніи, вопросительно на него взглянулъ.

— Виноватъ,—отозвался Останковъ.—Если вопросъ только во мнѣ, я готовъ поѣхать хоть сейчасъ. Я и то опоздалъ противъ моихъ товарищей.

— Всѣ мы, батюшка, опоздали,—мягко замѣтилъ казакъ.— Явились на пожаръ, когда уже крыша сгорѣла. Теперь тушить трудно.

— Позвольте васъ представить нашей фельдшерицѣ Вѣрѣ Михайловнѣ Величкиной, — перебивая своего помощника

повидимому, не безъ намѣренія замять непріятный разговоръ, продолжалъ знакомить Останкова уполномоченный, и тотъ раскланялся съ худенькой барышней, а затѣмъ—съ студентомъ и секретаремъ.

Останковъ, не желая оставлять словъ казака безъ отвѣта, вернулся къ нему и спросилъ:

— Что же, средствъ мало?

— Не столько—средствъ, сколько—работниковъ... да и еще кое-чего,—щуря глаза, прибавилъ онъ.

— Ну, что вы обезкураживаете человѣка,—остановилъ его уполномоченный.—Правда, сразу немыслимо обхватить все бѣдствіе, все предвидѣть и прочее, но все же насъ нельзя упрекнуть, что мы мало работаемъ.

— Да развѣ я о томъ... Я только относительно запозданія... И потомъ... Вотъ рвутся теперь такъ люди, какъ вы, часа подождать не хотятъ, а тамъ... Онъ искоса взглянулъ на студента, взволнованно крутившаго маленькую черную бородку.

Тотъ передъ нимъ остановился и все его смуглое нервное лицо съ выдавшимися скулами сразу вспыхнуло. Онъ схватился за лобъ дрожащей рукою и, силясь вызвать на лицо небрежную улыбку, спросилъ:

— Это вы на меня, конечно, намекаете?

Ему не отвѣтили.

Тогда, вдругъ поблѣднѣвъ, онъ заговорилъ быстро, быстро, заикаясь и путаясь, при чемъ голосъ его, сперва слабый и чистый, сталъ скоро хрипѣть и срываться, а сухой языкъ то и дѣло облизывалъ нервныя губы:

— Ну, да, я не могу больше! Не могу! Смѣетесь надъ моей слабостью... Но еще смѣшнѣе... Нѣтъ, это не то... Это страшно... Это ужасно... Вѣдь я человѣкъ, господа...

— Послушайте, Смирновъ, кто же надъ вами смѣется!—остановилъ его молодой офицеръ.

— Ну, простите... баронъ, я виноватъ... Не смѣетесь, а... ну... осуждайте... Я самъ себя осуждаю... Позвольте... Да... Но нѣтъ силъ больше! Нѣтъ силъ! — надорваннымъ высокимъ голосомъ выкрикивалъ онъ, широко раскрывая глаза, точно передъ нимъ все еще стояли неотступно страшныя картины голода и болѣзней, выкрикивалъ съ какой-то страшной досадой и мукой, точно старался самъ себя убѣдить въ этомъ и найти оправданіе своей слабости:

— Вы понимаете... Что я могу сдѣлать тамъ, одинъ въ этомъ углу! Вѣдь это будетъ комедія... Нѣтъ, это драма! Ужасная драма!—перебивалъ онъ самъ себя, взмахивая руками.—Одинъ, одинъ на тысячи больныхъ... голодныхъ, которые валяются у меня въ ногахъ, плачутъ и умоляютъ меня

о помощи... Я не звѣрь, господа, не дерево, не камень... Да и камень можетъ треснуть... Ну, что же, мнѣ дѣлать? Что...

Онъ отступилъ на середину комнаты и безнадежно развелъ руками. Губы его вздрагивали, глаза были полны слезъ и, вотъ-вотъ, казалось, съ нимъ будетъ истерика.

Его старались успокоить, но онъ раздражался еще больше, точно сознаніе своего безсилія отравляло ему сердце и онъ своими напряженными выкрикиваніями хотѣлъ заглушить другой голосъ, убѣждавшій его въ томъ, что ни одно усиліе, безкорыстно направленное ко благу ближняго, не пропадаетъ даромъ.

Всѣмъ понятно было его настроеніе, всѣ его жалѣли, но ни у кого не повернулся языкъ уговаривать его снова возвратиться туда, откуда онъ бѣжалъ, а тѣмъ болѣе—укорять въ малодушіи.

Видно было, что онъ слишкомъ изстрадался, усталъ и разбитые нервы готовы лопнуть отъ напряженія. Ему прежде всего необходимъ былъ отдыхъ.

Особенно старался успокоить его невольный виновникъ этой сцены—Дмитрій Дмитріевичъ. Онъ съ такою ласкою уговаривалъ его, обнималъ, бралъ за руку, чуть не цѣловалъ, что тотъ, наконецъ, не выдержалъ и, боясь при всѣхъ разрыдаться, выскочилъ вонъ.

Дмитрій Дмитріевичъ бросился вслѣдъ за нимъ утѣшать его.

— Дисциплины мало,—осудилъ его баронъ, молодое безусое лицо котораго, однако, было красно отъ волненія.

Уполномоченный сдвинулъ брови и, заложивъ руки назадъ, раза два прошелся изъ угла въ уголъ. Величкина сидѣла за столомъ и нервно перебирала тонкими пальцами скатерть.

Казакъ вернулся и объявилъ, что Смирновъ заперся въ номерѣ и проситъ оставить его одного.

Всѣ подозрительно переглянулись, но онъ успокоительно сказалъ:

— Не безпокойтесь. Бѣдный малый... Жаль его... Такъ перемѣнился, что узнать нельзя. Пріѣхалъ розовый, а теперь вонъ какъ израсходовался.

— А вы бы дали ему поменьше участокъ,—обратился къ нему уполномоченный.

— Куда тутъ! Самъ зарылся въ глубину. Ему только отдохнуть надо. Отдохнетъ, опять вернется. Вотъ посмотрите. Не изъ такихъ, чтобы остаться. Ох-о-хо-хо-хо!

Разговоръ былъ прерванъ телеграфистомъ, который подалъ сразу три телеграммы. Распечатавъ первую, уполномоченный тревожно поднялъ брови и, поблѣднѣвъ, опустился въ кресло.

— Что такое?—спросили безпокойно сразу нѣсколько голосовъ.

Тотъ протянулъ телеграмму Дмитрію Дмитріевичу и онъ вслухъ прочелъ:

„Рылѣевъ умеръ отъ тифа нынче въ ночь. Присылайте на его мѣсто. Кургановъ.“

Въ канцеляріи сразу наступило тяжелое молчаніе. Останковъ почувствовалъ, какъ въ груди его зазвенѣло что-то и въ глазахъ всталъ туманъ. Онъ преодолѣлъ охватившее его волненіе и твердо сказалъ:

— Прошу васъ отправить меня на его мѣсто.

— Я тоже готова поѣхать туда,—тихо заявила Величкина.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы въ Нерубайскую волость!..—поспѣшно возразилъ Дмитрій Дмитріевичъ,—а вы,—обратился онъ къ Останкову,—пожалуй, поѣзжайте туда. Какъ вы думаете, Николай Павловичъ?—обратился онъ къ уполномоченному.

— Да... Больше некому.

— А въ Нерубайской волости?—застѣнчиво обратилась къ помощнику Величкина, но онъ понялъ ее и перебилъ съ доброю улыбкой:

— Будьте покойны, и тифъ и цынга есть.

Прочитавъ двѣ слѣдующихъ телеграммы, уполномоченный передалъ ихъ барону и сказалъ:

— Поѣзжайте, дорогой, сегодня же въ Ставропольскій уѣздъ. Необходимо... Сами видите.

— Отлично!—весело отвѣтилъ молодой офицеръ.—Только ради папы, дайте мнѣ парочку врачей, а то нѣтъ никакой возможности управляться. Мои барышни и студенты ужъ цынгой начали болѣть: ѣсть некогда... спать некогда... Честное слово! Пожалуй, тоже бѣгать начнутъ, какъ тотъ...

— Хорошо... хорошо...—пообѣщалъ ему уполномоченный, принимая какіе-то листки отъ секретаря.

Бѣгло взглянувъ на цифры этихъ листковъ, онъ покачалъ головой.

— Ужасно... Ужасно... Въ продолженіе трехъ дней, съ 25 по 28 въ одномъ Бирскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ зарегистровано больше трехъ тысячъ новыхъ цынготныхъ.

— А сколько всего больныхъ?—спросилъ Останковъ секретаря.

— Трудно опредѣлить. Десятками тысячъ надо считать. Больше женщины болѣютъ... Матери. Девяносто процентовъ матерей.

— Считай не считай, меньше не будетъ,—грустно отозвался Дмитрій Дмитріевичъ.—Мало работниковъ прибываетъ... Мало!

— Частный кружокъ много отбиваетъ,—простодушно за-

мѣтилъ баронъ.—И странно, вѣдь у нихъ платятъ меньше, даже совсѣмъ не платятъ инымъ, а идутъ къ нимъ... Сколько даровыхъ работниковъ и работницъ! Честное слово!

— Не все-ли равно,—остановилъ его казакъ.—У насъ-ли работаютъ, или у нихъ. Работаютъ прекрасно и этого достаточно.

— Нѣтъ, извините меня,—мягко, но недовольно отозвался уполномоченный.—Конечно, все равно, кто ни спасаетъ людей, но тутъ важна организація. Есть мелочи, съ которыми намъ приходится считаться. Я предлагалъ имъ слиться воедино, они отказываются, предпочитая быть самостоятельными. Намекаютъ на педантизмъ съ нашей стороны, принимая за него рамки, въ которыя мы поставлены, какъ органъ оффиціальный.

— Имъ не нравится наша дисциплина,—подхватилъ баронъ, дѣлая серьезное лицо.—А развѣ можетъ существовать безъ дисциплины такое огромное дѣло!

Онъ радостно засмѣялся, точно сказалъ невѣсть какую новость, и обвелъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ.

— Ну, какая ужъ тамъ дисциплина!—махнувъ рукою, проворчалъ Данилинъ.—Да и нужды въ ней нѣтъ при такихъ работникахъ и работницахъ. Будь у меня такое войско, какъ эти добровольцы, студенты и барышни, я бы весь міръ завоевалъ. Ахъ, бѣдный бѣдный Рылѣевъ!—вспомнилъ онъ и, покачавъ головою, умолкъ.

— Это правда. Чудеса творятъ... Прямо иной разъ на колѣни хочется встать передъ этимъ геройствомъ!—покраснѣвъ, заявилъ баронъ.

— Ну, ужъ вы, кажется...—улыбнувшись, остановилъ его уполномоченный...

— Честное слово! Ужасно, какъ учишься уважать здѣсь русскую молодежь... Женщинъ особенно... Иная по виду слабенькая... совсѣмъ ребенокъ,—онъ мелькомъ взглянулъ на Величкину,—а столько въ ней геройства, силъ, что не знаешь, откуда и берется. Напримѣръ, фельдшерица Рождественская...

— Слышалъ,—сказалъ Данилинъ.

— Такъ вотъ, она... Непремѣнно требовала, чтобы я ее въ тифозный участокъ отправилъ. Ну, я и принужденъ былъ согласиться. Заразилась тифомъ, и что-же вы думаете?

— Умерла!—вырвалось у Останкова.

— Выздоровѣла! — съ радостнымъ смѣхомъ отвѣтилъ баронъ. — Но дѣло не въ томъ. Не успѣла еще оправиться, выпросилась опять и орудуетъ тамъ. Георгія бы ей за храбрость... Честное слово!

При этихъ разговорахъ Останковъ все болѣе и болѣе проникался желаніемъ поскорѣе примкнуть къ этимъ работникамъ, въ которыхъ уже и теперь чувствовалъ людей близ-

кихъ ему, родныхъ братьевъ и сестеръ. Въ этотъ день, выходя изъ канцеляріи только затѣмъ, чтобы пообѣдать, онъ наслушался еще не мало бесѣдъ въ томъ-же духѣ и сразу узналъ такъ много о положеніи дѣла, объ организаціи помощи голодающимъ, объ ожидающихъ его обязанностяхъ и прочемъ, что сразу вошелъ въ курсъ дѣла.

О деньгахъ, данныхъ въ полное его распоряженіе, онъ ничего не сказалъ, полагая, что самъ найдетъ имъ настоящее примѣненіе, сталкиваясь съ нуждой, по отношенію къ которой, какъ выразился уполномоченный,—Красный Крестъ долженъ держать себя въ извѣстныхъ рамкахъ.

Взволнованный всѣми этими разговорами и ожиданіемъ, онъ вечеромъ принялся за письмо Ольгѣ, но когда пришелъ къ нему секретарь съ предложеніемъ составить партію въ винтъ, Останковъ, не смотря на волненіе и письмо, пошелъ и засидѣлся долго за картами.

Вернувшись, онъ принялся снова за письмо, но уже безъ прежняго жара; однако, онъ обстоятельно описалъ весь день, не упомянувъ только о картахъ. Кромѣ того, его томила усталость отъ трехдневнаго пути. Онъ легъ въ постель, но сна не было, а тутъ, какъ на грѣхъ, за стѣною слышались безостановочные шаги, то приближавшіеся къ постели Останкова, то удалявшіеся отъ нея. Это ходилъ взадъ-впередъ по своему номеру Смирновъ. Останкову было ужасно жаль его; хотѣлось пойти, утѣшить, ободрить его, но послѣ игры въ карты, за которыми онъ, по обыкновенію, горячился и увлекался, какъ будто на свѣтѣ не было ни умирающихъ отъ голода, ни этого несчастнаго студента, — ему было неловко сдѣлать это.

Тотъ такъ и оставался одинъ. Останкова начали мучить эти шаги за стѣной, не дававшіе ему спать. Онъ закрылся съ головой, но шаги стучали, какъ маятникъ, и онъ представлялъ себѣ тонкую, высокую фигуру, блѣдное лицо съ выдавшимися скулами и черной бородкой, сдвинутыя надъ горящими глазами брови...

„Выдержу-ли я?“—задалъ себѣ вопросъ Останковъ и мысленно поклялся не бѣжать, что бы ни было тамъ. Въ концѣ-концовъ, онъ заснулъ, считая шаги за стѣной, и проснулся на утро довольно поздно. Первая новость, которую онъ узналъ это—то, что Смирновъ снова рѣшилъ отправиться въ свой участокъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Величкиной рано поутру. А вечеромъ и Останковъ выѣхалъ съ Данилинымъ въ Мелетинскій уѣздъ.

А. М. Федоровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній женщины-врача.

(Къ 25-лѣтію дѣятельности женщинъ-врачей).

Тяжелый для нашего отечества 1877 годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ годомъ напряженной дѣятельности медицинскихъ студентокъ выпускного курса, будущихъ женщинъ-врачей перваго выпуска.

Не смотря на предстоявшій экзаменъ, около трети ихъ отправилось на театръ войны и тамъ размѣстились въ разныхъ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и Краснаго Креста, частью въ Румыніи, частью въ Болгаріи. Я и три товарки мои были откомандированы въ распоряженіе профессора Склифосовскаго, который находился въ Болгаріи.

Переправившись черезъ Дунай, мы узнали, что Николай Васильевичъ Склифосовскій находится подъ Плевной, куда и мы направились, но по дорогѣ остановлены были попавшимся намъ навстрѣчу военно-медицинскимъ инспекторомъ Приселковымъ, который, сообщивъ, что подъ Плевной съѣхалась со всѣхъ сторонъ масса врачей, предложилъ намъ отправиться въ Дервешко-село, гдѣ расположенъ былъ 63-ій военный госпиталь.

— Правда, работа ваша въ этомъ госпиталѣ не будетъ такъ на виду, какъ на перевязочномъ пунктѣ подъ Плевной,—сказалъ Приселковъ,—но въ Дервешко-село за недостаткомъ врачей вы будете очень нужны и полезны, такъ какъ всѣ раненые изъ-подъ Плевны будутъ стекаться въ этотъ госпиталь.

По словамъ доктора Приселкова, и Николай Васильевичъ Склифосовскій долженъ прибыть туда же.

Разумѣется, мы послѣдовали этому совѣту и водворились въ 63 госпиталѣ.

Мнѣ пришлось уже однажды коснуться положенія дѣлъ въ этомъ госпиталѣ *) и показать, насколько средства его не соотвѣтствовали той громадной работѣ, которую приходилось ему выполнять вслѣдствіе плохо предусмотрѣнныхъ случайностей войны.

---

*) Истор. Вѣст. 1901 г. № 8.

Устроенный на 600 человѣкъ, онъ долженъ былъ, напримѣръ, послѣ третьей Плевны, принять до 9000 раненыхъ.

Естественно, что въ этихъ условіяхъ раненые не могли получать своевременной помощи, оставаясь по нѣскольку дней не перевязанными, не кормленными. Неимовѣрныя усилія маленькаго медицинскаго персонала (15 врачей, 4 студентки и 15 сестеръ милосердія), во главѣ съ профессоромъ Склифосовскимъ, не могли предотвратить печальныхъ послѣдствій истощенія и голода.

Вспоминается мнѣ, какое жестокое равнодушіе въ критическихъ обстоятельствахъ, подобныхъ вышеописаннымъ, проявилъ одинъ агентъ Краснаго Креста въ городѣ Х., когда главный врачъ обратился къ нему съ просьбой помочь продовольствіемъ.

— Пожалуйста, примите участіе, помогите намъ,—обратился главный врачъ къ агенту.

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчалъ агентъ.

— Какъ не можете! Вѣдь это прямая ваша обязанность.

— Нисколько. Красный Крестъ обязанъ приходить на помощь военному вѣдомству только въ крайнихъ случаяхъ.

— Да помилуйте, какого вамъ еще крайняго случая, когда раненые, видите сами, умираютъ отъ голода.

— Нѣтъ, я еще не вижу крайняго случая.

А вечеромъ этотъ господинъ приглашалъ для угощенія въ палатку, служившую складомъ съѣстныхъ припасовъ Краснаго Креста (всевозможныхъ консервовъ, шоколада, печеній и пр.), докторовъ, студентокъ и сестеръ милосердія.

— Но вѣдь всѣ эти продукты предназначены для раненыхъ, а не для медицинскаго персонала, возражали ему.

— Все равно. Врачи съѣдятъ эти консервы, переварятъ ихъ, усвоятъ, напитаютъ ими свой мозгъ, мускулы и въ видѣ своего труда преподнесутъ ихъ раненымъ. Вотъ и выйдетъ, что консервы достигнутъ своего назначенія.

Само собою разумѣется, не многіе могли проникнуться этою своеобразною доктриною и принять предложенное угощеніе.

Такимъ образомъ, великое дѣло Краснаго Креста, въ зависимости отъ личностей его уполномоченныхъ, пользовавшихся, вообще говоря, полною самостоятельностью, подрывалось иногда въ корнѣ.

Вотъ еще случай съ другимъ агентомъ Краснаго Креста, хотя и не столь важнаго значенія, какъ описанный, но также довольно характерный.

Въ госпиталѣ не хватало хирургическихъ наборовъ, что очень затрудняло работу. Начальство посовѣтовало намъ, какъ командированнымъ Краснымъ Крестомъ, обратиться въ мѣстный складъ этого Креста.

Урвавъ полчаса отъ обѣденнаго времени, мы понеслись въ

складъ. Приходимъ, застаемъ тамъ агента, молодого откормленнаго блондина, видимо страшно скучающаго и томящагося въ бездѣйствіи. Очень обрадовался онъ намъ.

— Мы пришли за хирургическими наборами, дайте намъ пожалуйста, намъ нечѣмъ работать.

— А, наборы! Что-же, это можно, у меня ихъ вонъ сколько, дѣвать некуда.

Дѣйствительно, на полкахъ лежали кучи наборовъ.

— Вотъ и спасибо!—сказали мы обрадованныя,—давайте-же, пожалуйста, поскорѣй.

— Ишь какія вы, право, скорыя: „давайте поскорѣй". Куда вамъ торопиться? Садитесь, посидимъ, поговоримъ, вы отдохнете, а я немножко отъ скуки встряхнусь. Скучища, ей Богу, такая, что въ пору удавиться.

И начинаетъ балагурить, перекидываться шуточками. Мы поддерживаемъ разговоръ, насколько требуетъ того вѣжливость.

— Однако, отпустите насъ, право у насъ масса дѣла.

— Да посидите.

— Нѣтъ, пора. Позвольте выбрать намъ наборы.

— Какія вы, однако, строгія! Попросите хорошенько, улыбнитесь.

— Не задерживайте насъ, пожалуйста.

— А вотъ улыбнитесь, тогда и наборы получите, а то ей Богу не дамъ.

И далѣе въ томъ-же родѣ.

Ушли мы безъ наборовъ, а наборы продолжали валяться на полкахъ безъ всякаго употребленія. Узнавъ объ этомъ, Николай Васильевичъ отдалъ намъ свой большой хирургическій наборъ, который мы подѣлили на четыре части и кое-какъ обошлись.

Какъ на образецъ уполномоченнаго, который чутко относился къ своимъ обязанностямъ, слѣдуетъ указать на г. Ю—ча въ Зимницѣ. Этого города, до сдачи Рущука, не миновалъ ни одинъ раненый, вслѣдствіе чего тамъ было постоянное переполненіе госпиталя, который при устройствѣ своемъ на шестьсотъ человѣкъ долженъ былъ вмѣстить много тысячъ раненыхъ и больныхъ. Тутъ-то и оказалъ важныя услуги г. Ю—чъ, взявшій на иждивеніе Краснаго Креста продовольствіе больныхъ и вообще дѣятельно помогавшій госпиталю во всѣхъ его неотложныхъ нуждахъ, на сколько это было возможно.

Возвращаюсь къ госпиталю въ Дервешко-село. Какая страшная работа кипѣла въ немъ! Недостатокъ медицинскихъ силъ вынуждалъ работать съ неимовѣрнымъ напряженіемъ по пятнадцати-восемнадцати часовъ въ сутки, при чемъ многіе раненые все же оставались безъ медицинской помощи по 2—3 дня, валяясь, за отсутствіемъ мѣстъ въ госпиталѣ, на голой землѣ и на телѣгахъ.

Легко представить себѣ, какъ удручающе дѣйствовало это на всѣхъ насъ.

Мы, студентки, исполняли обязанности ординаторовъ, имѣя свои палаты: перевязывали раненыхъ, накладывали неподвижныя повязки, дѣлали операціи, начиная съ удаленія пуль и кончая ампутаціями. Въ области военно-полевой хирургіи нѣкоторыя изъ насъ не были новичками, такъ какъ еще за годъ до этого, въ 1876 году, работали въ Сербіи на театрѣ войны, гдѣ намъ приводилось, между прочимъ, извлекать очень много пуль.

Пока стояло жаркое время, въ ранахъ большинства раненыхъ, прибывавшихъ въ нашъ госпиталь изъ-подъ Плевны, разводились черви. Если раны были наружныя, то мы заливали ихъ скипидаромъ и черви погибали, но, напримѣръ, при раненіяхъ черепа, при трещинахъ черепа, а такихъ раненыхъ въ нашемъ госпиталѣ было много, удалять червей изъ трещинъ приходилось осторожно пинцетомъ, такъ какъ здѣсь скипидаръ былъ непримѣнимъ. И долго, бывало, долго тянулись такія манипуляціи.

Гипсовыхъ повязокъ накладывалось такъ много, что мы ходили осыпанныя какъ мукой, при чемъ отъ раздраженія гипсовою пылью вѣки у насъ были красны и постоянно воспалены. Вслѣдствіе утомленія болѣе слабыя изъ студентокъ имѣли видъ чрезвычайно изнуренный.

Однажды госпиталь нашъ посѣтилъ государь Александръ Николаевичъ. При обходѣ имъ палатъ главный врачъ представлялъ насъ ему. Студентка К—о съ воспаленными глазами, вся осыпанная гипсомъ, блѣдная, похудѣвшая, точно послѣ тяжкой болѣзни, поистинѣ имѣла страшный видъ. Государь окинулъ ее взглядомъ и спросилъ съ участіемъ:

— Вы, вѣроятно, очень утомились?

— Немножко, Ваше Величество,—отвѣтила она.

Когда въ Дервешко-село раненые почти перестали прибывать, что было въ связи съ затишьемъ, установившимся подъ Плевною, которую рѣшено было взять осадою, старые же раненые постепенно были эвакуированы въ Систово, Зимницу и далѣе,— и намъ было предложено переселиться въ Систово съ профессоромъ Склифосовскимъ.

Проснувшись очень рано въ день отъѣзда, мы услышали подъ окномъ разговоръ между нашимъ хозяиномъ и русскими. Прислушавшись, мы поняли, что русскіе просятъ болгарина продать имъ хлѣба, а тотъ не соглашается.

— Продайте намъ хлѣба, пожалуйста.

— Немамъ хлѣбъ.

— Продайте Христа ради; ей Богу совсѣмъ ослабли безъ пищи, который день уже не ѣдимъ.

— Азъ немамъ, немамъ. Идите си,—говорилъ болгаринъ, и сколько его ни просили, оставался непреклоненъ.

Хозяинъ нашъ былъ очень зажиточный крестьянинъ. У него было много скота, въ кладовой хранились разные съѣстные припасы и хлѣба всегда было вдоволь.

Одѣвшись наскоро, вышли мы во дворъ. При видѣ соотечественниковъ слезы выступили у насъ на глазахъ. Что за жалкія фигуры! Оборванные, истощенные стоятъ, понуривъ головы, два раненыхъ солдатика.

— Почему-же вы не хотите продать имъ хлѣба? Вѣдь у васъ его много,—обратились мы къ хозяину,—принесите пожалуйста, мы сами вамъ заплатимъ.

Хозяинъ повернулся, пошелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ кусокъ хлѣба въ нѣсколько фунтовъ. Солдатики перекрестились и, бросивъ на насъ благодарный взглядъ, поплелись, еле передвигая ноги.

На вопросъ нашъ, обращенный къ болгарину, почему онъ не хотѣлъ дать голоднымъ людямъ хлѣба, онъ не отвѣтилъ ни слова. Богъ знаетъ, что было причиною жестокаго поступка его—не одинъ ли это изъ случаевъ той взаимной непріязни, которая мѣстами раздѣляла русскихъ и болгаръ и которая, говорятъ, впослѣдствіи, во времена оккупаціи, переходила въ открытое раздраженіе.

Лично мнѣ пришлось въ скоромъ времени быть свидѣтельницей немилосерднаго отношенія одного полиціймейстера изъ русскихъ офицеровъ къ болгарамъ. Этотъ господинъ сопровождалъ верхомъ по узкой улицѣ города какой-то экипажъ и, чтобы расчистить ему дорогу, хлесталъ нагайкой направо и налѣво какъ обгоняемыхъ воловъ, такъ и сидѣвшихъ на арбахъ болгаръ. Когда я спросила его потомъ о причинѣ такого страннаго поведенія, онъ весело возразилъ:

— Ахъ, эти канальи—тѣ же скоты.

Въ Систовѣ мнѣ и студенткѣ В—ой отвели комнату въ одномъ болгарскомъ семействѣ. Рѣзко запечатлѣлась въ памяти моей молодая дѣвушка замѣчательной красоты, служившая у нашихъ хозяевъ. Она бѣжала сюда изъ Румеліи, гдѣ за полгода передъ этимъ родители ея были убиты башибузуками, а надъ ней самой совершено было гнусное насиліе. Въ чертахъ ея кроткаго милаго лица никогда не исчезалъ оттѣнокъ скорби. Часто заставали ее въ слезахъ. Она была для меня олицетвореніемъ жестокой судьбы ея родины и теперь, когда въ Македоніи вновь совершаются насилія, образъ этой несчастной дѣвушки живо воскресаетъ въ моей памяти.

Госпиталь нашъ въ Систовѣ помѣщался не въ одномъ зданіи, а во многихъ домикахъ, покинутыхъ мусульманскимъ населеніемъ. Здѣсь уже не было надобности въ такой тревожной и напряженной дѣятельности, какъ въ Дервешко-село. Хотя работы было много, но она была болѣе спокойнаго, правильнаго характера. Занимаясь въ госпиталѣ съ 7 часовъ утра до 7 вечера, съ часовымъ

промежуткомъ для обѣденнаго времени, мы успѣвали управиться со всѣми своими ранеными и потому чувствовали себя нравственно удовлетворенными.

Дни шли за днями въ относительномъ благополучіи, но вотъ однажды входитъ ко мнѣ въ палату главный врачъ П—овъ въ сопровожденіи молодого врача К—ва изъ абортовъ (такъ прозвали врачей ускоренныхъ по случаю войны выпусковъ) и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ:

— Прошу васъ самостоятельно болѣе не работать, вы будете состоять фельдшерицей при докторѣ К. и помогать ему при перевязкахъ.

Стою, какъ громомъ пораженная. Молча оканчиваю перевязку, обмываю инструменты, укладываю въ наборъ, и рѣшаю отнюдь не соглашаться быть фельдшерицей у К. Вѣдь такъ недавно еще была я свидѣтельницей, какъ этотъ врачъ, отыскивая и пытаясь извлечь пулю, ущемленную въ нижней челюсти одного раненаго, захватывалъ пулевыми щипцами вмѣсто пули кость и отламывалъ кусочки ея—и у меня при этомъ воспоминаніи морозъ пробѣгаетъ по кожѣ.

Выхожу на улицу и встрѣчаю моихъ товарокъ, которыхъ постигла та же участь: всѣмъ имъ главный врачъ объявилъ распоряженіе, которымъ обращалъ ихъ въ фельдшерицъ. Мѣру эту, ничѣмъ не вызванную, онъ принялъ, очевидно, подъ какимъ-то постороннимъ вліяніемъ. Самъ онъ былъ, повидимому, душевнобольной, лишенный воли человѣкъ, изнывалъ подъ бременемъ своихъ обязанностей, отъ которыхъ неоднократно просилъ избавить его, но просьбу его почему-то не исполняли. Видъ у него былъ растерянный, подавленный, двигался онъ точно во снѣ и говорилъ глухимъ замогильнымъ голосомъ, словомъ — меланхоликъ.

Мы такъ были взволнованы постигшей насъ катастрофой, что не могли сейчасъ идти къ консультанту госпиталя профессору Склифосовскому, чтобы сообщить ему о случившемся. Чувствовалось, что лишь только произнесемъ слово, какъ разрыдаемся. Бродили мы по улицамъ часа два, пока не успокоились настолько, что могли объясниться съ Николаемъ Васильевичемъ. Наше сообщеніе поразило его. Пригласивъ насъ слѣдовать за нимъ, онъ пошелъ къ главному врачу, который вскорѣ попался намъ навстрѣчу.

Произошелъ такой разговоръ:

— Н. А., вы жаловались, что у васъ нѣтъ врачей и просили меня доставить ихъ вамъ.

— Да.

— Такъ вотъ вамъ врачи, — указалъ Николай Васильевичъ на насъ.

— Но мнѣ нужны фельдшерицы.

— Вамъ нужны фельдшерицы, но у меня ихъ нѣтъ,—возражаетъ уже повышеннымъ голосомъ и раздражаясь Николай Васильевичъ.—Но вамъ нужны и врачи...

— Да, но мнѣ нужны фельдшерицы.

Профессоръ Склифосовскій поворачивается къ нему спиной и, обращаясь къ намъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы мы, начиная съ этого дня, состояли при немъ ассистентками.

А главный врачъ возьми, да и повѣсься черезъ два дня. Это никого особенно не удивило—настолько соотвѣтствовало ненормальному психическому состоянію его.

Былъ назначенъ другой главный врачъ Г—овъ, маленькій, толстенькій, добродушный старичокъ. Положеніе наше осталось, однако же, неизмѣннымъ. Въ качествѣ ассистентокъ мы помогали Николаю Васильевичу при изслѣдованіи раненыхъ, при операціяхъ, но своихъ больныхъ уже не имѣли. Хотя эта дѣятельность въ научномъ отношеніи была очень полезна, но такъ какъ мы ѣхали на войну не для усовершенствованія, а для работы, то, конечно, не чувствовали себя удовлетворенными въ положеніи ассистентокъ.

Такъ продолжалось до пріѣзда главнаго военно-медицинскаго инспектора Николая Илларіоновича Козлова, одного изъ создателей высшаго женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Вечеромъ, въ день своего пріѣзда, Николай Илларіоновичъ собралъ къ себѣ всѣхъ врачей, въ томъ числѣ и насъ. Разспросивъ о томъ, какъ мы живемъ, работаемъ, и узнавъ, что насъ хотѣли разжаловать въ фельдшерицы, Козловъ сильно разсердился, тутъ же накинулся на главнаго врача, кричалъ, жестикулировалъ и отдалъ приказаніе, чтобы на слѣдующій же день насъ назначили ординаторами. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ далѣе.

Инцидентъ этотъ не мало насъ напугалъ и мы говорили между собой:

— А что какъ и Г. вздумаетъ повѣситься!

Подъ вліяніемъ этой нелѣпой мысли, на другой день, когда мы пришли въ контору госпиталя, я неожиданно для моихъ товарокъ, да и для себя самой, обратилась къ главному врачу съ утѣшеніемъ:

— П. И., мы очень сожалѣемъ о случившемся вчера; пожалуйста, не принимайте этого близко къ сердцу. Повѣрьте, лишь только мы вернемся въ Петербургъ, тотчасъ отправимся къ Николаю Илларіоновичу Козлову и засвидѣтельствуемъ ему, что вы были къ намъ добры и справедливы. Ради Бога, не безпокойтесь.

Но Г. и не думалъ безпокоиться, былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, тутъ же сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи насъ ординаторами и впослѣдствіи никогда не проявлялъ неудовольствія противъ насъ. Товарки же не мало потѣшались надо

мной, вспоминая, какъ я обѣщала Г. свое покровительство въ Петербургѣ.

Теперь уже насъ стали опять назначать дежурными врачами по госпиталю. Госпиталь нашъ былъ разбросанъ по всему городу. Дѣло было холодною дождливою осенью. Въ глубокой ночной темнотѣ, по скверно вымощеннымъ, грязнымъ и неосвѣщеннымъ улицамъ странствовали мы съ фонарями въ рукахъ изъ домика въ домикъ для оказанія экстренной помощи раненымъ и больнымъ. Потомъ я узнала, что студентки, работавшія въ госпиталѣ въ Зимницѣ (Зимница расположена на берегу Дуная въ Румыніи, напротивъ Систова), жили въ досчатыхъ баракахъ, отстоявшихъ на полторы версты отъ госпиталя. Въ зимнее время, при отсутствіи дороги, чтобы попадать въ госпиталь, имъ приходилось ежедневно путешествовать по сугробамъ снѣга, поминутно проваливаясь въ него, вслѣдствіе чего въ госпиталь приходили онѣ совсѣмъ мокрыми и въ этомъ положеніи оставались цѣлый день; только поздно вечеромъ могли онѣ обсушиться дома, да и то кое-какъ, потому что баракъ почти не защищалъ отъ холода. У одной изъ студентокъ В—ле настолько расшаталось здоровье, что она отправлена была для излѣченія за-границу, на средства военнаго вѣдомства.

Не могу не отмѣтить той странности, что въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства студентки исполняли обязанности врачей, тогда какъ въ госпиталяхъ Краснаго Креста онѣ были только фельдшерицами. Въ положеніи фельдшерицъ, совсѣмъ не соотвѣтствовавшемъ объему и качеству ихъ знаній, имъ было не легко.

Систово было послѣднимъ этапомъ моего пребыванія въ Болгаріи. Отсюда я, какъ и нѣкоторыя другія студентки, возвратились въ Петербургъ, чтобы приступить къ окончательному экзамену, который вслѣдствіе отъѣзда студентокъ на войну былъ отложенъ. Нѣкоторыя товарки оставались еще въ Болгаріи и Румыніи до весны 1878 года. Имъ приходилось и во второй періодъ войны, послѣ паденія Плевны, переживать обстоятельства, похожія на тѣ, которыя происходили въ Дервешко-село. Опять вслѣдствіе многочисленныхъ сраженій масса жертвъ, опять госпитали переполнились ранеными и больными безъ числа. Не смотря на то, что раненыхъ некуда было класть, транспорты продолжали прибывать. Раненые доставлялись въ ужасномъ видѣ. Зима въ разгарѣ, стужа и метели, а раненые были босые, иногда съ отмороженными конечностями, одежда же представляла одни лохмотья сверхъ неимовѣрно грязнаго окровавленнаго бѣлья. Но вотъ что было самое трагическое: раненые лежали въ арбахъ въ нѣсколько слоевъ, и когда снимали лежавшихъ сверху, то нижніе оказывались иногда уже мертвыми. Такое перенагруженіе арбъ объяснялось недостаткомъ перевозочныхъ средствъ съ одной

стороны, а съ другой—страстнымъ стремленіемъ раненыхъ и больныхъ поскорѣй вернуться на родину; и они усаживались въ арбы въ такомъ количествѣ, что яблоку некуда было упасть, размѣщаясь какъ попало, а когда дорогой обезсиливали, то падали въ арбу, придавливая лежавшихъ уже на днѣ ея тяжело раненыхъ.

При выпискѣ раненыхъ изъ госпиталя для отправленія въ дальнѣйшій путь, ихъ одѣвали въ тѣ же лохмотья, въ то же грязное бѣлье, въ которомъ они прибывали въ госпиталь, при чемъ врачи и студентки покупали на собственныя деньги фланель и обвертывали имъ ноги. Только весной, когда стало уже тепло, изъ какихъ-то складовъ доставлены были полушубки, но теперь уже иные больные отвергали этотъ даръ, говоря съ ироніей: „Не надо, доѣдемъ и такъ“.

Какъ извѣстно, война сопровождалась сильнымъ развитіемъ эпидемій: дизентеріи, тифовъ и лихорадокъ. Онѣ унесли въ могилу не мало и медицинскаго персонала, въ томъ числѣ и студентку Некрасову, умершую въ Систовѣ отъ тифа. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ заболѣваніе врачей, студентокъ и сестеръ милосердія было такъ велико, что половина ихъ постоянно отсутствовала. Въ зимницкомъ госпиталѣ переболѣли тифомъ всѣ, за исключеніемъ главнаго врача, старшей сестры милосердія и студентки Б.

Выше я сказала, что нѣкоторыя студентки возвратились въ Петербургъ съ намѣреніемъ выдержать выпускной экзаменъ и затѣмъ вновь вернуться на театръ войны. Этому послѣднему намѣренію не суждено было осуществиться, такъ какъ прежде, чѣмъ окончились экзамены, военныя дѣйствія пріостановились.

Вслѣдъ за окончаніемъ курса многія изъ женщинъ-врачей перваго выпуска поступили въ земство. Мѣста находились легко и просто: на объявленія земскихъ управъ о приглашеніи врачей мы посылали заявленія и тотчасъ получали увѣдомленія объ опредѣленіи на службу. Такимъ образомъ, земства считали насъ полноправными врачами и даже настолько, что нѣкоторыя приглашены были для самостоятельнаго завѣдыванія городскими земскими больницами, а одна изъ женщинъ-врачей, получившая нѣкоторую практическую подготовку на войнѣ, отозвалась даже на вызовъ земствомъ хирурга, поощряемая къ тому своими знакомыми врачами-хирургами, увѣрявшими, что не боги горшки обжигаютъ. Мѣсто это она получила, и до меня, служившей въ сосѣднемъ уѣздѣ, о ея дѣятельности достигали путемъ народной молвы разные преувеличенные слухи въ родѣ того, напримѣръ, что она изъ кожи пятки дѣлаетъ носы, губы, щеки.

Съ своей стороны женщины-врачи также считали себя полноправными или, вѣрнѣе, правоспособными, такъ какъ въ то время и въ голову не приходило, что, пройдя полный курсъ высшаго

медицинскаго образованія, равный съ курсомъ медицинскихъ факультетовъ, можно быть лишеннымъ права примѣнять свои знанія на дѣлѣ.

Я лично получила приглашеніе завѣдывать городскою земскою больницею въ Кириловѣ Новгородской губерніи. Хотя губернія эта сосѣдняя съ Петербургской, но добраться до Кирилова удалось только на четвертый день, при чемъ отъ Рыбинска я ѣхала двое сутокъ на пароходѣ по рѣкѣ Шекснѣ. Что за мрачные берега этой рѣки и какъ пустынна Новгородская губернія въ этихъ мѣстахъ! Ни деревца, ни пейзажа, ничего, на чемъ глазъ могъ бы отдохнуть: все сѣро—и небо, и земля, и деревни, и безотчетная тоска овладѣла моею душою. Чего, кажется, не дала-бы я, чтобы вернуться! Но возврата не было.

Съ перваго же дня пріѣзда моего въ Кириловъ грустнаго настроенія какъ не бывало. Настоящая жизнь захватила меня своимъ могучимъ теченіемъ, и я понеслась по этому теченію со всѣмъ пыломъ молодости, съ силами здороваго, крѣпкаго, неутомимаго организма. Началась работа....

Больница, въ завѣдываніе которой я вступила, была довольно хорошо устроена, имѣла сорокъ кроватей и два помѣщенія: зимнее—въ центрѣ и лѣтнее—на окраинѣ города. Составъ больныхъ былъ разнообразенъ, не мало было хирургическихъ больныхъ, требовавшихъ оперативнаго лѣченія, преимущественно ампутацій, резекцій, пластическихъ операцій, удаленія новообразованій и т. п. При операціяхъ приходилось обходиться безъ помощи врача, довольствуясь помощью фельдшера, акушерки и повитухи, такъ какъ единственный для всего уѣзда участковый врачъ находился постоянно въ разъѣздахъ. Исходы операцій были вполнѣ благопріятны, многія раны заживали первичнымъ натяженіемъ, безъ нагноенія.

Въ больницѣ былъ ежедневный значительный амбулаторный пріемъ больныхъ, число которыхъ въ праздничные дни достигало иногда ста человѣкъ. Подъѣзжая бывало къ больницѣ, при видѣ двора, загроможденнаго телѣгами и людьми, чающими помощи и исцѣленія, я испытывала внутренній трепетъ при мысли о томъ, въ состояніи-ли я буду оправдать надежды этихъ бѣдныхъ людей. И какихъ только больныхъ здѣсь не было! Преобладали глазные больные и сифилитики, но на каждомъ пріемѣ приходилось то вправлять вывихи, то накладывать неподвижныя повязки, то удалять инородныя тѣла изъ глазъ и другихъ частей тѣла, или вскрывать нарывы, выдергивать зубы и т. п.

Къ числу обязанностей больничнаго врача относились и выѣзды въ экстренныхъ случаяхъ въ уѣздъ, для оказанія помощи при родахъ или такимъ тяжело больнымъ, доставка которыхъ въ больницу была затруднительна.

На первыхъ порахъ я не безъ труда понимала сѣверный

народный говоръ, а наивная прелесть иныхъ выраженій просто умиляла меня. На вопросъ, напримѣръ, обращенный къ одному больному, первый-ли разъ пришелъ онъ въ больницу, или былъ уже, онъ отвѣчалъ:

— Былъ, какъ же. Развѣ не помнишь? Еще тогда ты обняла меня и прильнула ко мнѣ.

Не буду долѣе останавливаться на моей дѣятельности въ земствѣ, одинаковой съ дѣятельностью земскихъ врачей вообще; отмѣчу только важнѣйшія особенности въ положеніи женщинъ-врачей, работавшихъ въ земствѣ, пользуясь и своими воспоминаніями, и опытомъ нѣкоторыхъ товарищей.

Устроившись въ земствѣ, женщины-врачи работали безпрепятственно впредь до того случая, когда какое-либо удостовѣреніе или свидѣтельство за подписью женщины-врача не попадало въ руки губернской администраціи; тогда слѣдовало извѣщеніе отъ этой администраціи въ такомъ родѣ: „на основаніи разъясненія медицинскаго совѣта отъ 31 Мая 1878 года, утвержденнаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, лица женскаго пола, окончившія врачебные курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, не только не имѣютъ права выдавать свидѣтельства о состояніи чьего-либо здоровья, но не имѣютъ и права врачебной практики". Легко было сказать: „не выдавать свидѣтельства", когда жизнь на каждомъ шагу требовала обратнаго. Вотъ, напримѣръ, приходитъ ко мнѣ на пріемъ маленькая жалкая женщина и проситъ выдать ей свидѣтельство въ томъ, что лѣсникъ ее избилъ.

— Вотъ, матушка, погляди, живого мѣстечка на мнѣ нѣтъ. Дома у меня пять дѣтишекъ малъ-мала меньше, ни одного работника, одна я и вся тутъ. Стужа, холодъ, избенка плохая, дѣтишки мерзнутъ, плачутъ, ну и пошла я въ лѣсъ, а онъ вотъ какъ меня...

Стоитъ передо мною эта женщина, обездоленная судьбою, униженная людьми, стоитъ и горько плачетъ, а я смотрю на нее и выдаю свидѣтельство. Охотно засвидѣтельствовала бы, что и этой женщинѣ, одѣтой въ однѣ заплаты, что и ей, равно какъ и ея сиротамъ-дѣтямъ, нужна пища и тепло, но такого свидѣтельства она у меня не проситъ...

Между тѣмъ, уѣздная администрація привлекала женщинъ-врачей къ участію въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось заключеніе или свидѣтельство врача. Такъ, женщинъ-врачей приглашали въ коммиссіи по освидѣтельствованію вдовъ нижнихъ чиновъ для назначенія имъ пенсій и въ тюрьмы для освидѣтельствованія здоровья арестантовъ, отправляемыхъ по этапу; слѣдственная власть вызывала женщинъ-врачей на вскрытія и для осмотра раненыхъ и требовала отъ нихъ судебно-медицинской экспертизы; полицейскія власти обращались къ экспертизѣ женщинъ-врачей при раз-

ныхъ происшествіяхъ повседневной жизни; бывало, наконецъ, что воинскія присутствія приглашали женщинъ-врачей для опредѣленія годности къ службѣ новобранцевъ.

Итакъ, въ дѣйствительности, женщины-врачи дѣлали все, на взглядъ же высшей администраціи онѣ не имѣли права дѣлать ничего, и хотя распоряженій о прекращеніи службы ихъ въ земствѣ еще не дѣлалось, но этого можно было ожидать всегда.

Только черезъ годъ, именно 28 апрѣля 1879 года, состоялось новое разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ впервые признавалось за женщинами-врачами право лѣченія женщинъ и дѣтей и самостоятельныхъ занятій въ женскихъ и дѣтскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. Этимъ разъясненіемъ женщинамъ-врачамъ разрѣшалось выдавать и свидѣтельства, но только о привитіи оспы и на погребеніе умершихъ. Дѣятельность въ очерченныхъ границахъ предоставлялась, однако, не иначе, какъ по исходатайствованіи каждою изъ женщинъ-врачей въ отдѣльности разрѣшенія высшаго правительства.

Распоряженіе министерства, въ случаѣ строгаго примѣненія его, должно было устранить женщинъ-врачей съ земской службы, такъ какъ земства не имѣли основанія содержать особыхъ врачей для лѣченія женщинъ и дѣтей. Такъ оно и было въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація настаивала на точномъ исполненіи циркуляра, значительное же большинство земствъ, ни въ чемъ не измѣняя фактическаго положенія женщинъ-врачей, продолжавшихъ лѣчить все населеніе и завѣдывать больницами и участками, ограничивалось увѣдомленіемъ губернаторовъ, что женщины-врачи приглашены для лѣченія женщинъ и дѣтей.

Тѣмъ не менѣе положеніе остававшихся на земской службѣ женщинъ-врачей продолжало быть непрочнымъ, безпокойнымъ, вслѣдствіе повторявшихся настояній администраціи, напоминавшей по разнымъ поводамъ объ ограниченности правъ женщинъ-врачей и даже требовавшей нерѣдко удаленія ихъ отъ службы и замѣнѣ „дипломированными“ врачами.

Всѣ эти ненормальности исчезли уже много лѣтъ спустя, въ 1895 году, когда правительство, считаясь съ требованіями жизни, установило права женщинъ-врачей закономъ, предоставивъ имъ самостоятельное завѣдываніе сельскими больницами и врачебными участками. Этимъ закономъ женщины-врачи устранены, однако же, отъ завѣдыванія городскими земскими больницами; но причины, вызвавшія это ограниченіе, не поддаются уясненію, потому что, если остановиться на сущности дѣла, окажется, что завѣдываніе городскими больницами налагаетъ менѣе отвѣтственности, чѣмъ завѣдываніе сельскими больницами. Во-первыхъ, хозяйственная часть въ городскихъ земскихъ больницахъ ведется управою, въ сельскихъ же больницахъ она всецѣло падаетъ на врача; во-вторыхъ, и это главное, въ городахъ всегда имѣются врачи земскіе

или посторонніе, къ содѣйствію которыхъ прибѣгаетъ больничный врачъ для консультаціи или при производствѣ операцій, между тѣмъ этого важнаго условія лишены врачи сельскихъ больницъ, вынужденные единолично и оперировать, и хлороформировать, и очищать себѣ операціонное поле. Наконецъ, нужно отмѣтить и то, что сельскія больницы нерѣдко и по количеству кроватей, и по величинѣ амбулаторій не уступаютъ городскимъ больницамъ.

Оглядываясь назадъ, невольно сожалѣешь о безплодной борьбѣ противъ правоспособности женщинъ-врачей, борьбѣ тѣмъ менѣе понятной, что въ то время, какъ она происходила, большая часть нашего отечества находилась въ медицинскомъ отношеніи въ распоряженіи фельдшеровъ, дѣйствовавшихъ вполнѣ самостоятельно, ибо предполагавшійся надъ ними врачебный надзоръ не могъ не быть фиктивнымъ. Нужно замѣтить, что среди этихъ фельдшеровъ бывали такъ называемые ротные, почти безграмотные, да, кромѣ фельдшеровъ, царили въ деревняхъ знахари и знахарки, которые отравляли народъ и подъ видомъ лѣченія, напримѣръ, глазныхъ болѣзней, случалось, выжигали больнымъ глаза, но имъ никто не мѣшалъ практиковать, между тѣмъ, какъ къ женщинамъ-врачамъ уѣздные врачи адресовались иногда съ бумагами такого содержанія: „позвольте узнать, милостивая государыня, по какому праву и на основаніи какихъ документовъ вы занимаетесь врачебной практикою?“

Въ чемъ же заключалась причина противодѣйствія правильному устройству женщинъ-врачей въ земствѣ? Очевидно, не въ недостаткѣ знанія или способности ихъ, такъ какъ повседневный опытъ доказывалъ совершенно противное. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что причина коренилась въ томъ соціальномъ предразсудкѣ, что не слѣдуетъ допускать равенства въ положеніи женщины и мужчины вообще, предразсудкѣ, отъ котораго, къ сожалѣнію, и теперь еще не свободны нѣкоторые общественные круги.

Среди невзгодъ и волненій ободряющую поддержку женщинамъ-врачамъ оказывали земство и общество.

Земство высоко цѣнило трудъ и пользу, приносимую женщинами-врачами. Отношеніе его къ женщинамъ-врачамъ легко прослѣдить по журналамъ земскихъ собраній, въ которыхъ разсѣяно множество постановленій о благодарности женщинамъ-врачамъ за ихъ полезную дѣятельность, о ходатайствахъ передъ правительствомъ какъ о расширеніи правъ женщинъ-врачей, такъ и объ открытіи вновь женскихъ врачебныхъ курсовъ, съ ассигнованіемъ на эту цѣль посильной лепты изъ земскихъ средствъ, о командировкахъ женщинъ-врачей въ Петербургъ и за-границу для усовершенствованія, съ сохраненіемъ имъ содержанія. Кромѣ того, еще во время существованія врачебныхъ курсовъ земства

имѣли не мало своихъ стипендіатокъ. Вознагражденіе женщинамъ-врачамъ земство давало равное съ мужчинами-врачами и многія земства всегда держались этого начала равенства; если же иныя земства съ теченіемъ времени оплачивали трудъ женщины-врача ниже, то это въ связи съ тѣми стѣсненіями и ограниченіями, съ которыми сопряжено было приглашеніе женщинъ - врачей на службу.

Общество относилось къ женщинамъ - врачамъ съ полнымъ довѣріемъ и охотно лѣчилось у нихъ, крестьяне же смотрѣли на женщинъ-врачей, какъ на явленіе обычное, естественное, и въ отношеніи пользованія медицинскою помощью не дѣлали никакого различія между женщиною и мужчиною-врачемъ. Такое простое и довѣрчивое отношеніе населенія объясняется, быть можетъ, издавна сложившеюся привычкою лѣчиться у женщинъ въ лицѣ помѣщицъ.

Оцѣнивая отношенія земскихъ врачей къ женщинамъ-врачамъ, я невольно вспоминаю, какъ часто во врачебной средѣ возбуждался и возбуждается вопросъ о томъ, что появленіе женщинъ-врачей должно увеличить конкурренцію и тѣмъ самымъ ухудшить положеніе врачебнаго труда. Слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ этотъ не волновалъ среду земскихъ врачей и среда эта никогда не смотрѣла на появленіе женщинъ-врачей съ точки зрѣнія конкурренціи. Это совершенно понятно. Какъ бы ни былъ великъ приливъ врачебныхъ силъ въ деревенскую Россію, все-же останется много дѣла, котораго не передѣлать! Въ этомъ морѣ общаго и необъятнаго труда тонутъ мелочные счеты. Вотъ почему совмѣстная дѣятельность въ земствѣ мужчинъ и женщинъ-врачей являетъ рѣдкую картину дружнаго сліянія силъ на общую пользу.

Въ заключеніе я должна сказать, что женщины-врачи дѣлали много въ земствѣ и дѣлали не безъ успѣха, какъ это много разъ засвидѣтельствовано земствомъ и печатью. Извѣстно, что изъ женщинъ-врачей, служившихъ въ земствѣ, выработалось не мало не только хорошихъ врачей вообще, но и спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины: акушеровъ, окулистовъ, хирурговъ, изъ которыхъ многія и въ настоящее время работаютъ въ земствѣ. Успѣхъ женщинъ-врачей объясняется и горячею отзывчивостью ихъ къ дѣлу, и высокою плодотворностью труда въ школѣ земской медицины, способствующей выработкѣ самостоятельности и иниціативы, предоставляя врача собственнымъ его силамъ.

Мнѣ остается сказать, что нѣтъ болѣе радостнаго, хотя и тяжелаго врачебнаго труда, чѣмъ трудъ земскаго врача, потому что онъ направленъ на пользу тѣхъ, кто наиболѣе въ немъ нуждается. Всякое облегченіе, приносимое обездоленному населенію, каковымъ является наше крестьянство, даетъ несравненное счастье и удовлетвореніе.

Н. Драгневичъ.

ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Повѣсть.

I.

Въ канцеляріи Z-го мирового судьи, Ивана Ѳедоровича Борисова, среда называлась „днемъ суднымъ“. На этотъ день назначали къ разбору уголовныя дѣла по полицейскимъ обвиненіямъ. Въ камерѣ тогда мелькала разнородная публика: околодочные надзиратели, городовые, уголовные адвокаты изъ частныхъ повѣренныхъ или подпольныхъ ходатаевъ. Появлялись санитарные врачи, архитекторы и другія „свѣдущія“ лица. Участокъ Борисова былъ обширный, неспокойный. Въ его районъ входили базарная площадь съ толкучимъ рынкомъ, ночлежный домъ, второстепенная, но бойкая торговая улица, громадная паровая мельница и скотобойни. Происшествій здѣсь случалось много; полиція заваливала судью протоколами.

И въ эту среду предстояло разобрать не мало дѣлъ.

Первымъ пришелъ въ камеру сторожъ Ларіонъ. Пришелъ и осмотрѣлся, все ли въ порядкѣ. Обстановка камеры носила отпечатокъ чего-то неопрятнаго, захватаннаго десятками несовсѣмъ чистыхъ рукъ. Публика уже успѣла протоптать недавно окрашенный полъ; деревянныя желтыя скамьи со спинками, зеленое сукно на судейскомъ столѣ, полдюжины вѣнскихъ стульевъ для привилегированныхъ посѣтителей — все отдавало казенщиной, однообразной и скучной. Ларіонъ открылъ форточку и вентиляторы, снова оглянулся по сторонамъ и направился въ канцелярію. Письмоводитель и его помощники писцы еще не приходили. Полутемная канцелярія обращена была окнами къ сосѣднему дому. Здѣсь Ларіонъ не нашелъ нужнымъ открыть форточку; онъ лишь наскоро смахнулъ пыль съ центральнаго, стоящаго посреди комнаты стола и въ ожиданіи посѣтителей присѣлъ на табуретѣ въ прихожей. Былъ пасмурный октябрь. Наступали осенніе хо-

лода, на дворѣ шелъ дождь. Ларіонъ озябъ и, согнувшись на табуретѣ, думалъ, какъ бы хорошо было протопить теперь печку.

Вскорѣ явились помощники письмоводителя, молодые люди въ потертыхъ пиджакахъ, но яркихъ, новенькихъ галстухахъ. За ними пріѣхалъ на извозчикѣ письмоводитель, Гилярій Осиповичъ Дербекъ, маленькій юркій мужчина съ козлиной бородой и сладкой усмѣшечкой. Дербекъ служилъ въ канцеляріи еще при прежнемъ судьѣ, „старикѣ Шмыгоревѣ". Онъ перешелъ къ Борисову какъ бы по наслѣдству. Z-скіе судьи назначались отъ правительства и потому ихъ считали несмѣняемыми. Тѣмъ не менѣе послѣ, одной внезапной и строгой ревизіи, старикъ Шмыгоревъ слетѣлъ съ своего годами насиженнаго мѣста, а въ Z. былъ присланъ изъ Петербурга Иванъ Ѳедоровичъ. Это оказался молодой, безразлично-вѣжливый со всѣми человѣкъ, недавно выпущенный изъ университета. Онъ придерживался иной политики, чѣмъ старикъ Шмыгоревъ: дружбы съ богатыми горожанами не водилъ, не принималъ доброхотныхъ приношеній отъ купцовъ, не бралъ заимообразно денегъ у расторопныхъ частныхъ повѣренныхъ. На первыхъ порахъ Гилярію Осиповичу показалось неудобнымъ служить вмѣстѣ съ Борисовымъ. Дербекъ сталъ хлопотать о перемѣнѣ службы, потомъ раздумалъ и остался; остался, не взирая на то, что при новомъ судьѣ пришлось измѣнить прежній канцелярскій режимъ. Раньше разныя справки, исполнительные листы, копіи протоколовъ и приговоровъ оплачивались въ канцеляріи у Гилярія Осиповича особымъ дополнительнымъ сборомъ. Молва гласила, будто Шмыгоревъ не только терпитъ, но и поощряетъ систему Гилярія Осиповича, получая львиную часть дополнительныхъ сборовъ. Этого, конечно, никто не могъ провѣрить на дѣлѣ. Многіе изъ адвокатовъ, желавшіе ускорить дѣло или получить необходимую поблажку, минуя судью, обращались къ Дербеку, и Дербекъ улаживалъ все, что требовалось. Онъ ни съ кого не спрашивалъ никакихъ приплатъ, однако, всѣ,—кому надлежало вѣдать,—знали, что приплачивать нужно—и приплачивали. Съ пріѣздомъ Борисова, Гилярій Осиповичъ долженъ былъ посократиться. Впрочемъ, побочные доходы у него время отъ времени всетаки наклевывались, хотя ихъ приходилось болѣе тщательно скрывать.

До разбора дѣлъ оставалось больше часа.

Дербекъ зазвенѣлъ ключами отъ шкафовъ, разложилъ на столъ все, что привыкъ имѣть подъ рукою, и велѣлъ писцамъ писать повѣстки. Въ канцеляріи замолчали. Въ это дождливое утро молчать было особенно скучно, и всѣ обра-

довались, когда въ прихожую вошелъ уличный адвокатъ, Грищенко-Волынскій, неимовѣрно худощавый, наклоняющійся на ходу субъектъ, въ черной разлетайкѣ и широкополой коричневой шляпѣ. Его фамилія была Грищенко; Волынскій онъ добавлялъ самовольно, для большей внушительности. Трудно было опредѣлить его возрастъ по наружности. Грищенко могъ имѣть и сорокъ лѣтъ, и двадцать пять. Сухощавое лицо его, лишенное усовъ и бороды, со слѣдами оспы на кожѣ, почему-то напоминало воробья: посмотритъ кто-нибудь на Грищенка и ни съ того, ни съ сего вспомнитъ о воробьяхъ. Онъ не любилъ разговаривать о своемъ прошломъ, и его біографія оставалась неизвѣстной. Какъ-то на досугѣ Гилярій Осиповичъ справлялся о немъ въ справкахъ о судимости, но тамъ его имени не оказалось; да еще однажды Грищенко проговорился, что служилъ въ одной изъ малороссійскихъ труппъ, откуда вышелъ вслѣдствіе потери голоса. Больше о немъ ничего не знали. Онъ держался особнякомъ отъ остальныхъ подпольныхъ ходатаевъ, былъ приличнѣе и умнѣе ихъ; въ обществѣ мало-знакомыхъ людей чаще всего помалкивалъ, осторожно наблюдая, что дѣлается вокругъ. Судебныя прошенія Грищенко составлялъ грамотно, имѣлъ онъ кой-какія и юридическія познанія. По крайней мѣрѣ, не смѣшивалъ аппелляціи съ кассаціей, отзыва о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла съ обжалованіемъ приговора. Иногда ссылался не безъ успѣха и на сенатскія рѣшенія. Дербекъ считалъ его человѣкомъ способнымъ, тактичнымъ и себѣ на умѣ, хотя несомнѣннымъ лѣнтяемъ, стремящимся къ наиболѣе легкому заработку. Гилярій Осиповичъ даже познакомилъ Грищенку съ своей семьей и, думая о немъ,— умная голова всегда можетъ пригодиться,—изрѣдка приглашалъ его къ себѣ то на блины, то на имянины.

— Здравствуйте, — сказалъ Грищенко, войдя въ канцелярію, и тотчасъ освѣдомился о здоровьи жены Гилярія Осиповича, Анны Семеновны.

Дербекъ фамильярно улыбнулся.

— Благодарствуйте... Она все съ мигренью и по хозяйству. Дѣло женское. А вы съ чѣмъ къ намъ пожаловали? Дѣльце ведете?

— Нѣтъ, я такъ... мимоходомъ. Нужно будетъ взять копію приговора по дѣлу Тарасюковой съ Платовымъ. Помните: объ угрозахъ? Да это не къ спѣху. А что, какъ онъ?

Грищенко, кивнувъ головой по направленію къ верху, возвелъ глаза къ потолку. Гилярій Осиповичъ понялъ, что „онъ“—это мировой судья, квартирующій въ верхнемъ этажѣ, какъ разъ надъ помѣщеніемъ камеры. Дербекъ слегка пренебрежительно махнулъ рукою.

— Что ему дѣлается? Киснетъ по старому. Деликатенъ со всѣми, какъ барышня въ кадрили. Но—сохрани Богъ—не подходите къ нему ближе: не запачкайте, пожалуйста... Ужъ такъ боится... такой чистенькій... Ку-у-да-а!

— Мечтаетъ о себѣ много?

— Не приведи Господи. А на дѣлѣ — унылый, безтолковый... Лежитъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни людямъ. Такъ и онъ. Вы только подумайте, какое мѣсто, какая позиція! Живи и Бога хвали, а онъ что? Расшаркивается и киснетъ. Нѣтъ, не дѣлецъ. Совсѣмъ не дѣлецъ... И глупъ при томъ...

— Но законы знаетъ, — возразилъ Грищенко, непроницаемо разсматривая свою порыжѣвшую шляпу.

— Это Уставъ-то о наказаніяхъ, мировыми судьями налагаемыхъ? Большая штука. Воистину законникъ. Я вамъ сороку научу этому Уставу. О попугаѣ и разсуждать нечего... Ларіонъ нашъ—на что болванъ—а и тотъ, поди, выучился. Не вѣрите? Проэкзаменуемъ. Ларіонъ! поди сюда, Ларіонъ!—позвалъ Дербекъ.

Ларіонъ съ недовольной миной приплелся въ канцелярію. Сторожъ видѣлъ въ Грищенкѣ отъявленнаго „прощалыгу“ и всегда немного удивлялся письмоводителю, зачѣмъ тотъ ведетъ знакомство съ такимъ подозрительнымъ господиномъ. Судачить же съ Грищенкой про Ивана Ѳедоровича,—всетаки мирового судью и хозяина,—казалось Ларіону ужъ рѣшительно неумѣстнымъ. Но онъ побаивался властнаго Дербека и не могъ не явиться на зовъ.

— Ну-ка, скажи, что у насъ предусмотрѣно статьями 31-й и 38-й?

Ларіонъ нехотя забасилъ:

— Нарушеніе тишины и порядка въ общественномъ мѣстѣ. Неповиновеніе или оскорбленіе...

— Такъ. А статьей 102-й?

— Нарушеніе санитарныхъ правилъ.

— Какая статья гласитъ насчетъ кражи?

— Сто шестьдесятъ девятая.

— А 144-я?

— Сто сорокъ четвертая? По ней, если подкидыша кто подброситъ...

— Довольно. Ну, а просто сорокъ четвертая?

Ларіонъ чуть-чуть повелъ усами:

— Это при закрытыхъ дверяхъ слушать полагается.

Гилярій Осиповичъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы говоря Грищенкѣ: вотъ, видите?

Ходатай продолжалъ упорствовать, исподволь вызывая Дербека на разговоръ о судьѣ. У Грищенки лежало въ боковомъ карманѣ прошеніе по такому сомнительному дѣлу,

съ которымъ не слѣдовало попадать подъ сердитую руку даже и самому снисходительному мировому судьѣ: надо было раньше узнать, какъ настроенъ Иванъ Ѳедоровичъ. И Грищенко замѣтилъ:

— Вы взяли уголовныя дѣла. Тамъ не такъ трудно разобраться. А гражданскія?

— Смѣю васъ увѣрить, что и для нихъ проходить университета не надобно. Ларіонъ точно также могъ бы постигнуть. Вникнуть въ дѣло, когда оно разжевано и подано готовенькимъ? Чужими руками жаръ загребать? Затруднительно, что и говорить. Пришелъ въ камеру, посидѣлъ съ одиннадцати до трехъ... Отзвонилъ и съ колокольни долой... Премудрость!

— Васъ, Гилярій Осиповичъ, послушать, такъ выходитъ— и мы съ вами могли бы быть судьями?

— Отчего нѣтъ? Случай, милый мой... Все случай и протекція. У нашего Соломона двоюродный дядя при министерствѣ юстиціи служитъ... И достаточно. Кончилъ Соломонъ университетъ: тыкъ-мыкъ, дѣваться некуда. Къ дядюшкѣ. А тотъ ему: ступай въ провинцію, чтобы почтеннымъ родственникамъ не мозолилъ глаза. Вотъ и вышелъ мировой судья нашего участка. Знаемъ мы... Подумайте: совсѣмъ молодой юристъ, молоко на губахъ не обсохло, а уже персона. Его высокородіе...

— Это-то правда.

— Все—протекція. Ни ума, ни познанія, ничего не надо, была бы протекція... Въ Питерѣ они съ мамашей по чердакамъ жили. Юлія Сергѣевна нахлѣбниковъ держала: сама стряпала, сама на рынокъ бѣгала... Пока-то сынокъ университетъ одолѣлъ... А теперь—господа. Младшая сестрица Ивана Ѳедоровича на курсахъ просвѣщается, пріѣдетъ на каникулы, такъ особую горничную для нея нанимаютъ. Знай, молъ, нашихъ... А все—протекція. Не будь дядюшки, поплясали бы на морозѣ. И съ дипломами нынче пляшутъ, всяко бываетъ. Много и ихняго брата развелось...

Грищенко далъ разговору иное направленіе:

— Говорятъ, вашъ Соломонъ съ Трачевской путается? Съ женою этого, сумасшедшаго... бывшаго члена палаты?

— Знаю... Слыхалъ и я, но сомнѣваюсь. Не думаю. Вѣдь Ольга Владиміровна съ Прокофьевымъ нѣсколько лѣтъ жила. Почти открыто жила, пока Прокофьевъ въ Москву не перевелся. Изъ-за этого, кажется, и мужъ тогда спятилъ съ ума. Мучился, мучился и рехнулся... Вы видѣли Прокофьева? Товарищъ прокурора, красавецъ. Барыни передъ нимъ—яко воскъ передъ лицомъ огня... И вдругъ послѣ него—нашъ Иванъ Ѳедоровичъ? Не вѣрится что-то...

— Вамъ нравится Прокофьевъ? — спросилъ Грищенко,— помню и я его. Брюнетъ, на цыгана похожъ, высокій, плотный? Какъ же, видѣлъ. Красавецъ, вы говорите? Эхъ, Гилярій Осиповичъ! Дайте мнѣ положеніе товарища прокурора при судебной палатѣ, да средства Прокофьева, такъ и я буду красавцемъ.

— Н-ну! — возражающимъ тономъ протянулъ Дербекъ.

— Вѣрно вамъ говорю. Выхоленность много значитъ, хорошій портной и все прочее такое... У кого деньги, тотъ и уменъ, и красивъ, и все что угодно... А нѣтъ денегъ—и ничтожество ты...

— Такъ-то оно такъ, а все же Прокофьевъ молодчина.

— Молодчина! Посадите вы этого молодчину въ мою кожу. Чтобы за квартиру платилъ восемь рублей въ мѣсяцъ, чтобы не зналъ сегодня, пообѣдаетъ-ли завтра... Куда все величіе и красота исчезнетъ. И пойдетъ въ неподходящее мѣсто, и скандалъ учинитъ, и мало-ли что... Все можетъ сдѣлать, потому не до разборчивости тутъ, коли ѣсть нечего. А потомъ не найдется даже, что сказать въ свою защиту. Оробѣетъ... Да и какъ не оробѣть? Что онъ? кто онъ? Человѣкъ безъ денегъ... ничтожество. — У Грищенки поблѣднѣли и безъ того блѣдныя, тонкія губы. Видно было, что онъ часто думалъ объ этомъ и думалъ съ большою горечью.

— Положимъ... мѣсто много краситъ человѣка,—отозвался Гилярій Осиповичъ, — иной съ дѣтства къ хорошей должности подготовляется...

— А иной и рождается кандидатомъ на скамью подсудимыхъ. Толкуютъ: врожденная преступность, наклонности... Врутъ. Жизнь доводитъ... Обстоятельства, а не рожденіе... Тамъ неудача, здѣсь неудача... Ну, и покатился человѣкъ... Не безпокойтесь: ни у кого нѣтъ наклонности въ грязи купаться. Чистота всякому пріятнѣе. Думаете, вашъ судья...

Гилярій Осиповичъ вдругъ многозначительно кашлянулъ, предупреждая о чемъ-то Грищенку. Тотъ обернулся къ дверямъ прихожей и умолкъ; въ передней показались постороннія лица. Публика нахлынула сразу. Привели трехъ арестованныхъ, появились двѣ дамы въ шляпкахъ. Частные повѣренные и околодочные спѣшили поздороваться съ Дербекомъ. Онъ со всѣми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, со всѣми шутилъ и сдержанно улыбался. Заговорили о послѣднихъ новостяхъ. Грищенко, отойдя къ окну, стушевался въ толпѣ.

Мировой судья спустился по лѣстницѣ, направляясь въ камеру. Ларіонъ проворно снялъ съ него накинутое на плечи пальто, публика притихла. Дербекъ съ оффиціально-почти-

тельнымъ видомъ, сладко улыбаясь, хотя избѣгая глядѣть въ глаза, вышелъ навстрѣчу Ивану Ѳедоровичу и подалъ ему толстую кипу сегодняшнихъ дѣлъ въ синихъ „уголовныхъ“ обложкахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, протянувъ руку письмоводителю, слишкомъ поторопился отдернуть ее обратно. Дербекъ при встрѣчахъ съ судьей не разъ замѣчалъ этотъ невольный жестъ нерасположенія и благоразумно игнорировалъ его причины.

Малорослый шатенъ съ остроконечной модной бородкой, еще довольно худощавый, но съ задатками будущей рыхлости, Иванъ Ѳедоровичъ какъ-то не имѣлъ опредѣленной физіономіи. Лицо его не запечатлѣвалось въ чужой памяти. Его можно было видѣть нѣсколько разъ, подолгу смотрѣть на него, разговаривать съ нимъ и впослѣдствіи всетаки не узнать съ перваго взгляда. У молодого судьи были красивые глаза, продолговатые, кроткіе, печально-мечтательные. Они глядѣли мягко и привѣтливо, но странно: его привѣтливость казалась показной и очень неглубокой, напоминала разъ навсегда усвоенную манеру холоднаго по натурѣ, но хорошо воспитаннаго человѣка; хотя въ дѣйствительности Иванъ Ѳедоровичъ менѣе всего заботился о хорошихъ манерахъ или о томъ впечатлѣніи, какое онъ производитъ своею внѣшностью. Было нѣчто пріятное и располагающее въ его улыбкѣ. Но онъ улыбался рѣдко, да и въ такія мгновенья въ глазахъ Ивана Ѳедоровича и въ очертаніяхъ его рта сквозила та задумчивая нерѣшительность, которая такъ часто встрѣчается на русскихъ лицахъ.

Сегодня онъ проснулся и всталъ съ постели въ удрученномъ настроеніи. Его болѣзненно раздражало все: и люди, и вещи. И эта холодная, мглистая погода, и тусклая камера, куда обязательно надо было идти, и необходимость разбирать съ глубокомысленнымъ видомъ мелочныя дѣла, и многое другое. Больше же всего не доволенъ былъ Иванъ Ѳедоровичъ самимъ собой, своею—какъ онъ мысленно опредѣлялъ — душевной дряблостью, безхарактерной покладистостью. Со времени пріѣзда изъ Петербурга въ Z Ивана Ѳедоровича не переставалъ томить внутренній разладъ. Сначала легкій, полусознательный, ощущаемый лишь изрѣдка; затѣмъ все болѣе и болѣе опредѣленный. Иванъ Ѳедоровичъ постоянно чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ. Сознаніе этой неумѣстности одновременно и смущало, и злило его. Служебная дѣятельность представлялась ему бездушно-формальной, пасивно-канцелярской; это было вовсе не то, что онъ собирался дѣлать, отвлеченно мечтая о жизни; не то, чему симпатизировалъ въ душѣ. Иванъ Ѳедоровичъ лишенъ былъ запаса выдержки, умѣнья давать

серьезный отпоръ кому бы то ни было и вездѣ ограничивался полумѣрами. Онъ, напримѣръ, до брезгливости, почти до физическаго отвращенія не любилъ Дербека. Судья еле выносилъ присутствіе своего письмоводителя и хотя не зналъ за Дербекомъ никакихъ существенныхъ проступковъ, но инстинктивно не довѣрялъ ни одному слову Гилярія Осиповича. А не смотря на то, держалъ Дербека у себя, старался быть деликатнымъ съ нимъ, тщательно избѣгая рѣзкихъ словъ, объясненій и столкновеній.

— Вѣдь все же,—думалъ Иванъ Ѳедоровичъ,—Дербекъ усердный работникъ, знающій свое дѣло письмоводитель... За что я буду обижать его? Зазорно какъ-то... Другой попадется, пожалуй, еще хуже. Да и гдѣ его искать, другого?

И онъ притворялся, будто не замѣчаетъ маленькихъ хитростей и подходцевъ Гилярія Осиповича, который иногда очень прозрачно гнулъ свою линію. Въ мелочахъ Иванъ Ѳедоровичъ даже уступалъ Дербеку, позволяя ему торжествовать и думать, будто судья довольно-таки близорукъ. Зачѣмъ дѣлалъ это Иванъ Ѳедоровичъ, онъ и самъ не могъ-бы отвѣтить. Такъ, просто ради святого спокойствія. Онъ не выносилъ шероховатостей въ отношеніяхъ къ людямъ и сторонился отъ тѣхъ, кто ему не нравился. Сторонился, но не уходилъ прочь, изъ боязни обидѣть или нарушить чужой покой. За то ему самому никакъ не удавалось успокоиться. Неспособность къ твердому противодѣйствію сказывалась непрерывно: на каждомъ шагу возникали противорѣчія между мыслью и дѣломъ, а вмѣстѣ съ ними возникалъ рядъ нравственныхъ страданій, упорное недовольство собою. Думалъ Иванъ Ѳедоровичъ почти всегда прекрасно, а поступками своими почти всегда оставался недоволенъ. Столкнувшись съ дѣйствительной жизнью, онъ растерялся передъ нею и противъ воли пошелъ на уступки. Въ служебныхъ дѣлахъ приходилось проявлять уступчивость особенно часто, часто до нестерпимости. Тутъ Иванъ Ѳедоровичъ совсѣмъ не видѣлъ возможности быть добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ въ томъ — болѣе широкомъ — смыслѣ слова, въ какомъ онъ привыкъ понимать добросовѣстность и безпристрастность. Точно какая-то замаскированная фальшь лежала въ основѣ всего того, что ему нужно было дѣлать. Работа, не принося удовлетворенія, тяготила, какъ нежеланное бремя; не во что было углубиться, на душѣ день-ото-дня становилось тяжелѣй и томительнѣй; на лицѣ Ивана Ѳедоровича временами отражалась тупая тоска, чаще же всего апатичное недоумѣніе. Онъ усиленно размышлялъ, что дѣлать дальше, попеременно впадалъ въ равнодушіе или въ тоску; не то страшился, не то не рѣшался формулировать свои выводы.

И все это, взятое вмѣстѣ, вызывало въ его душѣ большую угнетенность.

Дѣла въ камерѣ слушались незначительныя: о мелкихъ кражахъ,о буйствахъ,одно—о нарушеніи строительнаго устава.

Дождь лилъ на дворѣ. Стекла оконъ запотѣли; въ камерѣ въ пору было зажечь лампы, но ихъ не зажигали. Городовые, уходя въ свидѣтельскую комнату, оставляли на полу грязные слѣды отъ сапогъ. Воздухъ дѣлался душнымъ, запахло сыростью. Иванъ Ѳедоровичъ нервничалъ, не могъ обуздать свое раздраженіе. Сегодня онъ былъ далеко не такъ вѣжливъ, какъ обыкновенно. На боковомъ диванчикѣ, спиной къ окну сидѣлъ похожій на воробья Грищенко, онъ не сводилъ глазъ съ мирового судьи.

— Злится, — соображалъ уличный юристъ, — усталъ или не выспался, не знаю... Но сердитъ. Съ моимъ прошеніемъ обождать придется.

Иванъ Ѳедоровичъ вызвалъ къ судейскому столу шарманщика Джузепе Марцело и двухъ свидѣтелей-городовыхъ, которые сейчасъ же удалились въ свидѣтельскую комнату.

— Джузепе Марцело, вы обвиняетесь въ буйствѣ и оскорбленіи городовыхъ...

— Я не буйствоалъ, господинъ судья. Это—невѣрно,— произнесъ съ достоинствомъ Марцело, недурно владѣя русскимъ языкомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на обвиняемаго, красиваго, рослаго юношу. Глаза итальянца походили на крупныя темныя черешни. Что-то щегольское и породистое сквозило во всей фигурѣ Марцело. Его подвижная физіономія выражала полное довѣріе къ судьѣ, даже нѣкоторую симпатію. Онъ безъ словъ высказывалъ увѣренность въ поддержкѣ и надежду на защиту.

— Какъ не буйствовали?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ,— вотъ протоколъ составленъ... Сентября 23-го... городовой Татарчукъ, находясь на посту, предложилъ прекратить игру на шарманкѣ... А вы не хотѣли подчиниться? И бранились?

— Не бранился я... Но я говорилъ: почему нельзя играть на шарманкѣ? Затѣмъ пріѣхалъ въ Россію. Играть пріѣхалъ, кормиться, а не скандальничать. Три года играю, нигдѣ не мѣшали. А здѣсь нельзя... Чуть не побили меня...

— Новое постановленіе.

— Зачѣмъ? Кому моя шарманка вредитъ? Инструментъ хорошъ. Деньги даютъ, значитъ нравится. Въ Москвѣ даже очень хорошо было...

— Вы не признаете своей вины?

— Не признаю, господинъ судья. Какъ же такъ? Этого и въ законѣ нѣтъ... Я обиженъ, и меня же судятъ...

— Свидѣтель Татарчукъ!—раздражительно повысивъ голосъ, крикнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Татарчукъ, плечистый крестьянинъ съ солдатской выправкой, быстро расписался на подписномъ бланкѣ о присягѣ.

— Что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Городовой всматривался въ Марцело, не узнавая его.

— Не могу припомнить, ваше высокородіе.

— Какъ же это вы?—вспылилъ Иванъ Ѳедоровичъ:—пишете протоколы, а потомъ: не могу припомнить? Значитъ, ничего не было?

Полицейскій обвинитель, внушительно растягивая слова, напомнилъ свидѣтелю:

— Тамъ... на углу Разрѣзной улицы... Игралъ шарманщикъ... Вотъ онъ! Ну? Помнишь?

Строгій тонъ околодочнаго подѣйствовалъ на Татарчука.

— Такъ точно, ваше высокородіе!—вспомнилъ онъ,—виноватъ, упамятовалъ. Протоколовъ много, не вдругъ признаешь всякаго. Такъ точно: игралъ на шарманкѣ... Оказывалъ сопротивленіе... кричалъ: „я имѣю свободное право!“ Отправляли его въ участокъ, такъ бросилъ шарманку на землю. Не хочу, говоритъ, нести, неси самъ. На извозчикѣ его везли. Шумѣлъ, отбивался, собралъ толпу... и ругался неподобными словами.

Марцело горячо остановилъ свидѣтеля:

— Ничего этого не было! Не шумѣлъ я, не отбивался... Зачѣмъ вы такъ говорите? А вы меня хотѣли въ зубы ударить! Кричали: „я тебѣ покажу свободное право!“ Ну, я не позволилъ, чтобы въ зубы. Это не полагается...

— Ругался онъ сильно.

— Я и ругаться по-русски не умѣю.

— Еще какъ чисто ругается, ваше высокородіе.

Въ камерѣ раздался смѣхъ. Иванъ Ѳедоровичъ остановилъ Марцело.

Второй свидѣтель, городовой Безпалый, также не сразу припомнилъ обстоятельства дѣла, но подтвердилъ вину шарманщика.

Иваномъ Ѳедоровичемъ овладѣвалъ приливъ тягостной неловкости. Марцело глядѣлъ на него открытымъ взглядомъ, просящимъ защиты, но съ формальной стороны проступокъ былъ доказанъ свидѣтельскими показаніями. Мировой судья ясно видѣлъ, что придется обвинить итальянца. Хотя лично Ивану Ѳедоровичу не хотѣлось обвинять Марцело, а всетаки Марцело былъ приговоренъ къ пятидневному аресту.

Итальянецъ обидѣлся.

Его выразительное лицо тотчасъ отразило внутреннія ощущенія. Теперь его огорчало не столько самое наказаніе, сколько

разочарованіе въ мировомъ судьѣ, неоправдавшемъ довѣрія. Марцело смотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича съ упрекомъ, доходящимъ до легкаго пренебреженія. Вѣроятно, онъ думалъ разныя нелестныя для судьи вещи на своемъ родномъ итальянскомъ языкѣ, но сущность его размышленій сводилась къ укоризненному русскому:

— Эхъ, ты!

Иванъ Ѳедоровичъ нечаянно повернулъ голову въ сторону Грищенки. Глаза уличнаго ходатая свѣтились умной ироніей: онъ тоже находилъ приговоръ неосновательнымъ.

Потянулось слѣдующее по очереди дѣло—о кражѣ на скотобойняхъ, Грищенко поднялся съ своего мѣста и вышелъ въ прихожую. Душная камера начала пустѣть; отъ осенняго ненастья, глядѣвшаго въ окна, становилось темнѣй и темнѣй.

. . . . . .

Послѣ разбора дѣлъ, за обѣдомъ Иванъ Ѳедоровичъ заставилъ себя оживиться, не смотря на усталость физическую и нравственную. Къ обѣду пришелъ Алексѣй Петровичъ Трачевскій. Онъ забрелъ по дѣлу: похлопотать за отставного подполковника Зуева, которому понадобилось свидѣтельство о бѣдности. Иванъ Ѳедоровичъ пообѣщалъ исполнить просьбу. Трачевскій заговорился и хозяйка дома, Юлія Сергѣевна,—поблекшая женщина съ строгимъ болѣзненнымъ лицомъ, съ высокой, прямой, излишне-тонкой фигурой,—предложила ему обѣдать. Трачевскій, не колеблясь, изъявилъ согласіе.

— Только попрошу я у васъ, — обратился онъ къ Ивану Ѳедоровичу, — дайте мнѣ что-нибудь теплое — укутаться... Плэдъ, платокъ, одѣяло, — что нибудь. Зябну я все... Особенно ноги: не отогрѣю никакъ. И головокруженія начались, дѣло плохо. Нѣтъ-нѣтъ да и покажется, будто не то стѣна возлѣ тебя стремглавъ падаетъ, не то ты самъ летишь куда-то вбокъ... Боюсь: не мозговое ли что... Скверная это исторія—умирать.

— Ну вотъ еще выдумали!

— Какое выдумалъ... Я не мнительный, а вижу, что не хорошо. Смерть надвигается... старость, болѣзни... Зловѣщіе признаки: боюсь удара. Мнѣ не жаль жизни... И молодости не жалѣю: что въ ней? все равно, испортишь. А какъ начнетъ передъ тобою дефилировать прошлое, такъ жуть беретъ... Сколько ошибокъ, сколько заблужденій, несправедливостей! И жалко станетъ: зачѣмъ они были? зачѣмъ допускалъ ихъ? Сожалѣешь, а поздно. Вотъ это и есть страшный судъ...

Принесли плэдъ, и Трачевскій укуталъ себя со всѣхъ сторонъ, но изрѣдка онъ все же поводилъ плечами, какъ отъ ощущенія холода.

Ивану Ѳедоровичу нравился этотъ исхудалый, сгорбленный человѣкъ съ страдальческимъ лицомъ и посѣдѣвшей бородою, съ тою еле уловимой запинкой въ рѣчи, какая иногда остается послѣ нервныхъ заболѣваній. Трачевскій съ его странностями и больными нервами во всякомъ случаѣ не походилъ на шаблоннаго благополучнаго обывателя. Въ немъ не было непріятной для Ивана Ѳедоровича черты—несокрушимаго самодовольства, свойственнаго большинству сытыхъ людей. По своему, но онъ искренно искалъ чего-то высшаго въ жизни. Искалъ и не находилъ. Вообще Трачевскій былъ человѣкъ искренній, и это высоко цѣнилъ въ немъ Иванъ Ѳедоровичъ. Даже его религіозность, развившаяся въ послѣдніе годы послѣ болѣзни, не ограничивалась одною внѣшней стороною: онъ хотѣлъ дѣятельно любить ближняго и постоянно былъ занятъ чужими заботами. То пристроивалъ полузнакомыхъ людей, то хлопоталъ повсюду о разныхъ бѣднякахъ, о неудачникахъ. Впрочемъ, порой Ивану Ѳедоровичу казалось, что Трачевскій, заботясь о другихъ, старается отыскать для себя забвеніе гдѣ-то вдали, въ сторонѣ отъ своихъ личныхъ дѣлъ; что онъ умышленно отвлекаетъ свое вниманіе подальше отъ собственнаго дома и самъ не сознаетъ этой умышленности. Въ его шутливыхъ рѣчахъ, въ осторожныхъ отзывахъ часто звучала нотка чуть иронической снисходительности. Казалось, онъ переросъ окружающихъ и поневолѣ смотритъ на нихъ сверху внизъ.

— Что вы блѣдный такой, Иванъ Ѳедоровичъ?—не громко спросилъ Трачевскій за обѣдомъ.

— Усталъ немного. Сегодня у меня день судный: среда—полицейскія обвиненія. Въ камерѣ—жара, духота...

— Много дѣлъ было?

— Порядочно.

— Что же: скоро, справедливо и милостиво?

— Скоро-то скоро...

Иванъ Ѳедоровичъ оборвалъ фразу, усмѣхнулся и заговорилъ инымъ тономъ:

— Мальчишку-итальянца сейчасъ присудилъ къ аресту. городовыхъ онъ обругалъ, будто-бы. И понимаю я, что городовые сами вызвали его на буйство. Да, можетъ быть, и пріукрасили показанія; теперь даже не припомнятъ въ точности, какъ было дѣло. Но стоятъ на своемъ: ругался неподобными словами и—ни съ мѣста... У нихъ на все одинъ отвѣтъ: какъ по 31-й статьѣ, такъ—„неподобными словами“...

— Почему же ты не оправдалъ его? — поинтересовалась Юлія Сергѣевна, обращаясь къ сыну.

— Нельзя оправдать: обвиненіе доказано.

— Это еще что!—улыбнулся Трачевскій,—посидитъ италь-

янецъ нѣсколько дней на готовыхъ хлѣбахъ, выйдетъ на волю и забудетъ... А вотъ я помню одно дѣло... У насъ, въ палатѣ съ сословными представителями слушалось. Три дня тянулось, насилу кончили. Я — членомъ-докладчикомъ состоялъ. Въ уѣздномъ, видите ли, городкѣ нотаріусъ засвидѣтельствовалъ на духовной подпись умирающаго. Прекрасно... Духовная—въ пользу бездѣтной жены. Жена—молодая, а нотаріусъ—хорошій знакомый завѣщателя и другъ жены. Хотя замѣтьте: какъ далеко простирается эта дружба, слѣдствіемъ не выяснено совершенно. Прямые наслѣдники,—племянники покойнаго,—возбуждаютъ дѣло о подлогѣ: подпись на духовной, говорятъ, сдѣлана уже послѣ смерти старика. Наслѣдство—болѣе чѣмъ кругленькое, а свидѣтели, подписавшіеся на духовной, все родичи молодой жены. И родичи близкіе. Заварилась каша... Нотаріусъ попалъ къ намъ, въ палату: преступленіе по должности. Экспертиза сличаетъ разновременные почерки покойнаго, но не хочетъ сказать ни да, ни нѣтъ. Свидѣтели, какъ водится, одни со стороны обвиненія, другіе—показываютъ въ пользу защиты. Для меня, по крайней мѣрѣ, и по сей день не ясно: можетъ быть, впутала женщина человѣка въ гадкое дѣло, а можетъ онъ—ни душой, ни тѣломъ. Кто-то изъ свидѣтелей разсказывалъ такъ: когда нотаріусъ подъѣхалъ, барыня выскочила къ нему и говоритъ: „Только что умеръ. Но подписать успѣлъ... Свидѣтельствуйте, милый, поскорѣе". Милый взялъ и засвидѣтельствовалъ. Возможна и эта версія...

— А самъ онъ—отрицалъ вину?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Безусловно. Ну, засѣдаемъ мы, слушаемъ... Товарищъ прокурора... былъ здѣсь еще до васъ... дрянненькій, утробный человѣчекъ... Прокофьевъ назывался. Онъ обвинялъ... Громитъ съ плеча, чистоту общественной нравственности отстаиваетъ! Защитникъ распинается, чуть не плачетъ. Гражданскимъ истцомъ со стороны наслѣдниковъ петербургскій Козинцевъ выступалъ. Тотъ, по своему обычаю, стихи читаетъ, чернитъ преступную жену и нотаріуса. Доказываетъ, будто мужъ зналъ объ измѣнѣ; слѣдовательно, не могъ завѣщать женѣ состоянія... Декламируетъ этакъ патетически: „Но той руки ударъ смертеленъ, которая ласкала насъ!"—Трачевскій внезапно запнулся, задумался и потерялъ нить разсказа.

— Чѣмъ же кончилось?—нетерпѣливо произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— О чемъ я?—спохватился Трачевскій,—да! о процессѣ. А слова тогда адвокатъ приводилъ могучія: „той руки ударъ смертеленъ, которая ласкала насъ"... Бываетъ... Этакіе удары всегда мѣткіе. Чье это? не знаете?

Иванъ Ѳедоровичъ не зналъ, но предположилъ наугадъ:

— Не Лермонтова ли?

— А мнѣ помнится, какъ будто Некрасова? — мягко возразилъ Трачевскій и опять задумался.

— Что же процессъ? — напомнилъ снова Иванъ Ѳедоровичъ.

— Процессъ кончился по формальному. Съ точки зрѣнія буквоѣдства. Обвиненіе выставило достаточно свидѣтелей, только не внушали они мнѣ довѣрія почему-то... Путались часто, противорѣчили другъ другу, сбивались съ тона. Тянулось дѣло, тянулось, а освѣщеніе вышло сомнительное. Пошли мы совѣщаться. Я стоялъ за оправданіе: налегалъ на недостаточность уликъ. Предсѣдательствующій не соглашался, находилъ, будто на лицо улики. Въ меньшинствѣ я остался... Обвинили... Но знаете... и до сихъ поръ у меня сердце не на мѣстѣ, какъ вспомню про это дѣло!

Въ столовой зажгли лампу, подали чай послѣ обѣда, затопили каминъ. Дрова въ каминѣ зардѣлись красноватымъ жаромъ и вскорѣ зашевелились, какъ живыя. Юлія Сергѣевна вышла изъ комнаты.

— Да,—подтвердилъ Трачевскій послѣ продолжительнаго молчанія,—правда на землѣ часто бываетъ условная.

— Особенно въ нашемъ дѣлѣ,—подсказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какъ и во всякомъ дѣлѣ. Въ нашемъ еще меньше, чѣмъ въ другомъ.

Юлія Сергѣевна возвратилась.

— А гдѣ вашъ безногій протеже? Еврей тотъ? Устроился онъ?—спросилъ у Трачевскаго Иванъ Ѳедоровичъ, мѣняя тему разговора.

— Хацкель? Ничего, живетъ. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ. Каталъ меня на своихъ клячахъ.

— Какъ—каталъ?

— Очень просто: развлекать меня вздумалъ. Наслушался видно о моей меланхоліи... Почистилъ свою линейку и заѣхалъ за мною. Самъ за кучера, я—на линейкѣ... Важно...

Иванъ Ѳедоровичъ засмѣялся.

— Чего вы? Превосходно покатались, недаромъ же я за него передъ кагаломъ ходатайствовалъ?

— Какой безногій?—спросила Юлія Сергѣевна.

— Да тутъ одинъ... Ѣхалъ онъ, какъ подобаетъ порядочному еврею, зайцемъ въ товаро-пассажирскомъ поѣздѣ. На бѣду добросовѣстный контролеръ попался; Хацкель отъ него, контролеръ—за Хацкелемъ... Хацкель спрыгнулъ съ площадки, да неудачно: обѣими ногами поплатился бѣдняга. Вышелъ изъ больницы, никуда не годенъ. Раньше ману-

фактурнымъ приказчикомъ служилъ; теперь не берутъ нигдѣ. А у него дѣти—малъ-мала меньше.

Юлія Сергѣевна нервно вздрогнула.

— Какой ужасъ! Какъ же вы то его разыскали?

— Самъ пришелъ. За совѣтомъ. Ко мнѣ такъ многіе являются.

— И не боятся?—пошутилъ Иванъ Ѳедоровичъ,—вамъ, по вашему положенію уже, антисемитомъ быть полагается. Генералъ—на пенсіи...

— Нѣтъ, не боятся. Привыкли.

— Что же вы ему посовѣтовали?

— Пораскинули мы съ нимъ умомъ и вспомнили, что въ Предмѣстьи у насъ нѣтъ конки. Значитъ, тамъ требуются линейки для дешеваго провоза пассажировъ. А возницѣ можно и безъ ногъ обойтись... Денегъ на обзаведеніе у насъ у обоихъ не было въ запасѣ. Мы тогда къ книжникамъ и фарисеямъ іудейскимъ: вотъ, говоримъ, несчастье постигло соплеменника. Неужели ваше достойное общество не поможетъ ему? Помогли, спасибо... Уважили. Возитъ мой Хацкель пассажировъ.

Трачевскій помолчалъ и припомнилъ, что у него сегодня засѣданіе юридическаго общества. Уже одѣваясь, возлѣ вѣшалки въ передней, онъ воскликнулъ:

— Да! вотъ еще что... чуть не забылъ: Ольга просила васъ, Иванъ Ѳедоровичъ. Зайдите къ ней завтра или сегодня. Не забудьте. Говорила: ждать буду и очень прошу.

— Къ вашей женѣ? Хорошо, я зайду,—отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Послѣ ухода Трачевскаго онъ легъ отдохнуть. Но ему не спалось. Безотрадныя, неопредѣленно-тревожныя мысли будили сознаніе, волновали умъ. Иванъ Ѳедоровичъ лежалъ съ закрытыми глазами, негодуя за что-то на себя и на другихъ, безсильно жалуясь кому-то на хаотическій жизненный калейдоскопъ, утомительный и безцѣльный.

„Всѣмъ,—думалъ онъ,—плохо и каждому нехорошо. Сравнительно торжествуютъ лишь эгоисты. Тѣ, что не помнятъ о другихъ, а идутъ напроломъ къ собственной цѣли или радости. Имъ легче. Для нихъ нѣтъ ни близкихъ, ни дальнихъ, есть лишь свое я, свое удовольствіе. Да еще—бобыли... У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, считаться не съ кѣмъ. Никого не любятъ, никому не обязаны, ничѣмъ не дорожатъ. Если и не свобода, то хоть иллюзія свободы. Дѣлай, что хочешь... Иди, куда вздумалось... Хорошо быть бобылемъ!“

Онъ поймалъ себя на этой жестокой мысли и самъ устыдился передъ ея жестокостью. Убѣгая отъ кошмара, Иванъ Ѳедоровичъ всталъ съ дивана, приблизился къ окну и отво-

рилъ форточку—освѣжить разгоряченную голову. Пронизывающей туманной сыростью пахнуло на него со двора. Онъ слушалъ, какъ журчитъ вода, стекая по желѣзной трубѣ—монотонно и непрерывно, пристально глядѣлъ въ темноту и ничего не видѣлъ. Мало-по-малу онъ начиналъ сознавать себя виноватымъ передъ кѣмъ-то; потомъ понялъ, что чувствуетъ за собою вину по отношенію къ матери. Ему захотѣлось загладить провинность, пойти къ Юліи Сергѣевнѣ, сказать ей что-то радостное, утѣшительное, нѣжное, прикинуться веселымъ и довольнымъ, заразить ее своимъ довольствомъ. Но онъ не зналъ, что именно скааать и какъ это сдѣлать. У него не находилось веселыхъ, задушевныхъ словъ, онъ колебался, идти или нѣтъ. Лукавить передъ матерью Иванъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ, да и не сумѣлъ бы; заговорить откровенно—не могъ. Скорѣе онъ подѣлился бы своими думами съ первымъ случайнымъ встрѣчнымъ, чѣмъ съ нею. Высказаться передъ Юліей Сергѣевной теперь—это казалось ему верхомъ неделикатности: откровенность задѣнетъ ее черезчуръ обидно, причинитъ неизгладимую боль. Къ чему ненужныя жестокости въ отношеніяхъ другъ къ другу? Жизнь и безъ того жестока, жестока сама по себѣ.

Въ корридорѣ, за дверью раздались голоса. Говорили полушопотомъ, но отдѣльныя фразы доносились до Ивана Ѳедоровича. Кухарка Степанида сообщала Юліи Сергѣевнѣ:

— Мука у насъ уже вся вышла... Вы велѣли не брать больше въ лавкѣ?

— Не брать, не брать, — суетливо отвѣчала Юлія Сергѣевна,—я не намѣрена переплачивать... Надо будетъ съѣздить на новую мельницу: тамъ на рубль шестьдесятъ—отличная мука... крупчатка... Ты обожди. Завтра я сама поѣду.

Съ ранняго дѣтства привыкъ Иванъ Ѳедоровичъ къ озабоченному тону матери, къ ея выраженію: „я сама“. Какъ добрый геній семьи, она долго стояла на стражѣ домашнихъ интересовъ, несла на своей отвѣтственности мало примѣтную для другихъ, но изнурительную тяжесть борьбы за существованіе. Отецъ умеръ рано. Иванъ Ѳедоровичъ помнилъ его смутно; вѣрнѣе, совсѣмъ не помнилъ. Въ его памяти сохранились разсказы матери объ отцѣ, и онъ отождествлялъ ея разсказы съ далекой дѣйствительностью. Нахлѣбники и квартиранты, квартиранты и нахлѣбники... Какой длинной сплошной вереницей проходили эти случайно-сгруппированные люди въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Ивана Ѳедоровича! И среди нихъ неустанно-озабоченная, печально-дѣловитая фигура матери. Сперва Юлія Сергѣевна жила съ дѣтьми въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ служилъ и умеръ ея мужъ, занимавшій мѣсто судебнаго слѣдователя. Когда Иванъ Ѳе-

доровичъ поступилъ въ университетъ, они всею семьй переѣхали въ Петербургъ. Юлія Сергѣевна—интеллигентная женщина, бывшая курсистка — не брезгала самой черной женской работой. Она погрузилась въ мелочи жизни, провела лучшую и большую часть молодости то за кухонной плитой, то въ дѣтской и только такая — добровольно принятая на себя меркантильность помогла ей воспитать дѣтей... Сдѣлала она это просто, безъ жалобъ, безъ нареканій. Для нея въ двухъ словахъ: „такъ надо“ исчерпывалось содержаніе жизни. Долгое время не ослабѣвала ея напряженная энергія. Она сама готовила сына въ гимназію, репетировала его на первыхъ порахъ, находила ему черезъ знакомыхъ выгодные уроки въ старшихъ классахъ, поддерживала въ минуты унынія въ университетѣ. Иванъ Ѳедоровичъ окончилъ университетъ, и мать выхлопотала для него спокойную, необременительную должность мирового судьи въ Z. Передавши семейное первенство въ руки Ивана Ѳедоровича, она—уже полубольная и истомленная, съ запущенной болѣзнью печени и расшатанными нервами, — впервые почувствовала накопившееся съ годами стремленіе къ покою, жажду продолжительнаго отдыха. Но и теперь ея энергичная натура не мирилась съ полной бездѣятельностью. Ей еще хотѣлось облегчить жизненную борьбу для сына, сдѣлать его трудъ болѣе пріятнымъ и продуктивнымъ. Она принялась устраивать домъ Ивана Ѳедоровича. Ни одинъ рубль изъ судейскаго жалованья не пропадалъ у нихъ зря; каждая вещь пріобрѣталась съ выборомъ, съ разсчетомъ, нерѣдко по случаю, и въ домѣ не было плохихъ или рыночно-дешевыхъ вещей. Борисовы жили не хуже многихъ вполнѣ зажиточныхъ семействъ. Въ два года успѣли обзавестись солидной обстановкой и еще удѣляли порядочную сумму для младшей сестры, Тани, поступившей на медицинскіе курсы.

Нынѣшнимъ лѣтомъ шаловливая Таня, смѣясь, повторяла Ивану Ѳедоровичу:

— Ну, что — маменькинъ сынокъ? мазунчикъ, буржуй, чинуша? Наконецъ-то, благоденствуешь? Вытащили за уши? А скоро получишь подагру и надѣнешъ бархатные сапоги?

Таня при этихъ словахъ дѣлала до того лукавое лицо, что, глядя на нее, нельзя было не улыбнуться. Но Ивану Ѳедоровичу не нравилась ея грубоватая шутка, а эпитеты: „буржуй“ и „чинушъ“ больно ударяли его по нервамъ.

Онъ росъ болѣзненнымъ, слабымъ ребенкомъ, и на его долю приходилось больше материнской заботливости и ласки, чѣмъ на долю здоровой, безпечной Тани. Въ свою очередь и онъ лучше относился къ матери, чѣмъ сестра. Таня любила Юлію Сергѣевну, но не думала о ней, объ ея удобствахъ и

удовольствіяхъ, а материнскія заботы и услуги принимала, какъ нѣчто должное.

У Ивана Ѳедоровича любовь и уваженіе къ матери неразрывно смѣшивались съ чувствомъ признательности. Онъ дорожилъ покоемъ и комфортомъ Юліи Сергѣевны гораздо больше, чѣмъ своимъ собственнымъ, и оттого не допускалъ себя до откровенности съ нею.

II.

Юлія Сергѣевна читала, когда къ ней вошелъ Иванъ Ѳедоровичъ. Она сняла очки, посмотрѣла на него и спросила:

— Заснулъ?

— Немного,—солгалъ онъ.

Она взглянула на сына еще разъ спокойнымъ взоромъ человѣка, увѣреннаго въ справедливости собственныхъ дѣлъ и воззрѣній, чувствующаго подъ ногами твердую почву. Это было какъ разъ то выраженіе лица, котораго не доставало Ивану Ѳедоровичу; онъ никогда не смотрѣлъ подобнымъ взглядомъ.

— Не пора-ли пить чай? Хочешь? — предложила Юлія Сергѣевна.

— Рано еще.

— А къ Ольгѣ Владиміровнѣ не собираешься?

— Сегодня—нѣтъ. Не хочется мнѣ. И дождь...

Онъ сѣлъ на стулъ и подумалъ: все не то, не то...

— Что ты читаешь, мама?

Юлія Сергѣевна назвала книжку.

— Таня мнѣ оставила. Совѣтовала ознакомиться: послѣднее, говоритъ, слово... идеи новыя...

— Ну и что-же?

— Отупѣла я, должно быть. Не могу охватить, какъ цѣльную систему. Отдѣльныя мѣста хороши, мысли есть умныя... А въ общемъ... не знаю. По-моему, не симпатично: философія самоуслажденія, оправданіе эгоистичности...

— Надо брать вопросъ шире, мама. Это не эгоистичность, а индивидуализмъ. Всѣ мы теперь черезчуръ обезличены. У насъ все по трафареткѣ. Мораль — готовенькая, добродѣтели—отъ прародителей... У большинства не хватаетъ отваги ни для грѣха, ни для благочестія. Такъ и живемъ всѣ... На половинку... Насъ-то уже не передѣлаешь. Но другіе, послѣдующіе: тѣ, можетъ быть, будутъ и сильнѣе, и счастливѣе. Важно то, что объ этомъ начали думать.

— Но плохо, что оставлено слишкомъ широкое поле для толкованій. Опасный, скользкій путь. Средній человѣкъ за-

путается неизбѣжно. Начнетъ съ индивидуализма, а успокоится на эгоизмѣ.

Иванъ Ѳедоровичъ поглядѣлъ на мать немножко снисходительно, какъ глядятъ на людей, которые берутся разсуждать о томъ, что для нихъ несовсѣмъ ясно. Юлія Сергѣевна уловила снисходительное выраженіе его глазъ. Она отложила книгу и, улыбнувшись, добавила съ оттѣнкомъ горечи:

— Впрочемъ, старики всегда брюзжатъ. Можетъ быть, я попросту не понимаю...

Иванъ Ѳедоровичъ молчалъ. Ему было досадно: зачѣмъ онъ началъ разговоръ о книжкѣ. Все равно, это ни къ чему не поведетъ, а вотъ и размолвка.

Наступило молчаніе, тягостное и обидное.

Разговорились они лишь въ концѣ вечера, послѣ чаю, когда Юлія Сергѣевна къ слову вспомнила о Трачевской. По обыкновенію, она коснулась этой темы осмотрительно, какъ бы боясь задѣть слабую струнку.

— Можетъ, у Ольги Владиміровны дѣло какое-нибудь къ тебѣ? Такъ звала... А ты не пошелъ.

— Завтра пойду. Какое у нея дѣло! Она уже нѣсколько разъ звала меня такимъ образомъ. Пригласитъ: непремѣнно, непремѣнно надо! И ничего не скажетъ. А мнѣ и ходить-то къ ней не охота...

— Не охота? Отчего? Ты, кажется, къ ней хорошо относишься?

— Да всѣ полагаютъ, будто я ухаживаю за нею. Или что-то въ этомъ родѣ. Пошлость какую-то предполагаютъ... Иначе со мною не говорятъ о ней, какъ съ подходцемъ. Всѣ, безъ исключенія... Даже и ты...—Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ равнодушно. Его тонъ ничуть не отзывался тономъ влюбленнаго. Юлія Сергѣевна смутилась:

— Нѣтъ... я... я вовсе не думала...

— Обидно, если и Трачевскій подумаетъ тоже. Намекнетъ кто-нибудь, онъ и заподозритъ. А я люблю его и мнѣ непріятно.

— Слухи, конечно, всегда могутъ возникнуть.

— И какъ могутъ! На то провинція. Ольга Владиміровна сама говоритъ въ шутку: у меня на этотъ счетъ плохая репутація, я васъ компрометирую. Но потому-то, говоритъ, мнѣ и хорошо съ вами, что вы не смотрите на меня, какъ на женщину.

— Да? Однако, о ней разсказываютъ столько нехорошаго. Если хоть половина этихъ толковъ справедлива, то и тогда отъ нея лучше бы подальше.

— О комъ не разсказываютъ нехорошаго... А она... Она

какая-то странная. Все тоскуетъ и тоска серьезная: болѣзненная, приступами. Хотя въ ней есть что-то симпатичное.

— Бѣдная!—пожалѣла Юлія Сергѣевна съ непонятнымъ для нея самой облегченіемъ.

— Не пойму я ее толкомъ. Нервы у нея, что-ли... Подчасъ совсѣмъ полупсихопатка. Въ прошломъ этотъ романъ съ Прокофьевымъ... На глазахъ у мужа, и какого мужа!.. грязь изрядная, какъ ни толкуй...

Теперь Юлія Сергѣевна готова была всячески защищать Трачевскую, которую только что порицала.

— Въ личныхъ дѣлахъ,—замѣтила она,—трудно судить другого. Мало-ли какія бываютъ увлеченія и причины увлеченій...

— Но вѣдь тотъ ея... Прокофьевъ—пошлякъ, говорятъ, чистопробный. Всѣ въ одинъ голосъ твердятъ. Нѣтъ о немъ двухъ мнѣній. Даже Алексѣй Петровичъ и тотъ сегодня сказалъ: дрянненькій, утробный человѣчекъ... Чѣмъ же тамъ было увлекаться?

— Видно, не по хорошу милъ...

— Этакъ все оправдать можно. Не тебѣ бы это говорить, мама. Ты, напримѣръ, яркій образецъ, что если не думать объ увлеченіяхъ, не искать ихъ, такъ и не будетъ ихъ въ жизни.

— Ну, я—другое дѣло. Меня изъ иного тѣста вылѣпили. Мнѣ моя добродѣтель недорого и стоила.

— Толкуй: изъ иного тѣста, другое дѣло! Всѣ люди изъ одного тѣста. Одни—сдержаннѣе, другіе—распущеннѣе, а въ основѣ всѣ одинаковы... Развѣ ты...

— Что же я? Я къ вашему отцу была очень привязана... Вотъ и разгадка. Когда умеръ онъ,—да еще такъ рано и негаданно,—для меня все померкло. Исчезло желаніе жить, радоваться... да такъ и не возвратилось больше. А тутъ дѣти, нужда... У Трачевской же ничего этого нѣтъ. Мнѣ кажется, если бы не ты съ Таней, я бы не пережила тогда. До того тяжело было... до окаменѣлости. И потомъ, бывало, попаду ли въ театръ, въ гости куда-нибудь,—ничто не мило. На людяхъ—еще тяжелѣе. Слушаю ихъ и наполовину не понимаю. А сердце ноетъ, ноетъ... и домой меня тянетъ: спрятаться отъ всѣхъ хочется. Уйти, чтобы быть наединѣ съ своимъ горемъ, чтобы и не видѣлъ тебя никто. Нѣтъ, я другое дѣло. Меня нельзя и сравнивать съ нею. Трачевскій гораздо старше жены: съ ея стороны врядъ ли была горячая привязанность.

— Тѣмъ хуже. Зачѣмъ выходила за него безъ привязанности?

— Развѣ люди знаютъ, зачѣмъ дѣлаютъ ошибки? Ошибаются безсознательно.

— Мама, что, собственно, у отца было? Отчего онъ умеръ?

— Простудился. На слѣдствіи... Въ двѣ недѣли сгорѣлъ. Убійство случилось въ уѣздѣ. Осень, буря, ненастье, мѣста вокругъ сырыя, болотистыя, а тутъ цѣлый день осмотръ мѣстности въ лѣсу производили... Пріѣхалъ домой, зубъ на зубъ не попадаетъ. И слегъ... Доктора говорили: тифъ. Да нѣтъ, ошиблись они. Скорѣе—почки. Воспаленіе или другое что, не могу рѣшить, но не тифъ. Онъ все кричалъ: „Не отъ той болѣзни меня лѣчатъ, не отъ той! Убьютъ! убиваютъ меня!“ Не обращали вниманія, думали: бредъ. Укутываютъ его въ мокрыя простыни, а онъ стонетъ: „Убійцы! коновалы! что вы дѣлаете? У меня дѣти!“ И жутко же было... А можетъ быть, если бы лѣчили иначе...

Юлія Сергѣевна не договорила и отвернулась. Немного погодя, она докончила:

— Страшная была борьба: организмъ молодой, крѣпкій. Три дня длилась агонія. Всѣ признаки уреміи, и никто не понялъ во время. Умеръ онъ, а я никакъ не могу повѣрить. Не допускаю мысли... Кричу: „Живой! теплый.. не трогайте!“ Какъ я пережила? Какъ можно пережить такое горе? Дѣти удержали, только дѣти...

Ивана Ѳедоровича взволновалъ ея безсвязный разсказъ. Онъ живо представилъ себѣ картину смерти отца, безысходное горе матери. И снова у него не находилось теплыхъ словъ для выраженія участія. Онъ лишь нѣсколько разъ поцѣловалъ похолодѣвшую руку Юліи Сергѣевны, поцѣловалъ молча, какъ-то по-дѣтски—застѣнчиво ласкаясь къ ней. Въ тотъ моментъ онъ отчетливо сознавалъ, что мать безгранично любитъ его, любитъ не идеализируя, со всѣми его слабостями и недостатками. Онъ твердилъ себѣ, что быть такъ любимымъ—большое счастье, и что онъ не уступилъ бы своего счастья за многія блага жизни.

Это была хорошая минута.

Спать Иванъ Ѳедоровичъ легъ поздно и уснулъ успокоенный, какъ будто его приласкали и утѣшили въ горькой, невысказанной печали.

На утро жизнь пошла попрежнему. Опять мировой судья разбиралъ въ камерѣ дѣла—на этотъ разъ не уголовныя, а гражданскія, не въ синихъ, а въ бѣлыхъ обложкахъ; опять фальшиво улыбался передъ нимъ Дербекъ, избѣгая глядѣть въ глаза, но стараясь быть почтительнымъ. Разница сравнительно съ предыдущимъ днемъ была лишь въ томъ, что, вмѣсто вчерашнихъ приговоровъ, мировой судья писалъ сегодня рѣшенія, да публика въ камерѣ выглядѣла немного почище.

Вечеромъ Иванъ Ѳедоровичъ собрался къ Трачевскимъ.

У нихъ онъ засталъ дома одну Ольгу Владиміровну, молодую еще женщину, свѣтлую блондинку съ явными остатками недавней красоты на полуувядшемъ, изжелта-блѣдномъ лицѣ. Алексѣй Петровичъ отсутствовалъ.

Въ квартирѣ у Трачевскихъ было тѣсно; нагроможденныя другъ на друга вещи напоминали мебельный магазинъ. Сразу видно было, что здѣсь водворились люди, жившіе раньше на болѣе широкую ногу, а теперь вынужденные сократиться. Буфетъ оказывался слишкомъ великъ для невысокой, узкой столовой; въ гостиной едва размѣстились три гарнитуры мягкой мебели. Драпри и занавѣси лежали на полу, потому-что были длиннѣе, чѣмъ надо.

— Ну, спасибо, что пришли, — обрадованно заговорила Ольга Владиміровна. — Я васъ вчера ждала весь вечеръ. Думала, не хотите...

— Вотъ фантазія. Просто захандрилъ вчера. Что за охота идти въ гости съ унылымъ видомъ.

— Меня унылымъ видомъ не поразите. Мнѣ и самой не до веселья.

Они прошли въ гостиную. Иванъ Ѳедоровичъ сѣлъ въ кресло, все время опасаясь, какъ бы не зацѣпить чего-нибудь въ этой тѣснотѣ, не свалить этажерки или лампы. Мелкихъ вещицъ и бездѣлушекъ тутъ было особенно много: гостиная больше другихъ комнатъ походила на магазинъ. Трачевская спрашивала о здоровьи Юліи Сергѣевны, еще о чемъ-то и, нервно посмѣиваясь, потирала свои руки одну о другую, то вытягивая отдѣльные пальцы, то заламывая ихъ всѣ разомъ. Кожа на ея рукахъ издавала при треніи непріятный сухой звукъ. Ивана Ѳедоровича раздражалъ и этотъ шуршащій звукъ, и нервная порывистость Трачевской, сквозившая въ каждомъ ея движеніи. Зрачки глазъ у нея расширились и придавали лицу лихорадочно-возбужденное выраженіе.

— Мнѣ васъ такъ надо, такъ надо!—начала она, опуская голову и въ замѣшательствѣ разглаживая складки на своемъ темно-красномъ,—уже вышедшемъ изъ моды,—платьѣ.—Все хочу попросить... Давно собираюсь и не хватаетъ духу. Начну и не могу... Но теперь непремѣнно... Иванъ Ѳедоровичъ... поговорите вы съ Алексѣемъ... Обо мнѣ... Или даже отъ моего имени, но чтобы вы сказали ему. Онъ къ вамъ расположенъ, васъ онъ выслушаетъ... А меня не хочетъ...

— То-есть, о чемъ поговорить?

Иванъ Ѳедоровичъ догадывался и пугался щекотливаго порученія.

— О чемъ? Неужели вы не знаете? У меня... Но вѣдь вы слышали? Не можетъ быть, чтобы не слышали...

— Да, я знаю... Мнѣ говорили, — поспѣшно заявилъ Иванъ Ѳедоровичъ, боясь, какъ бы она не начала разсказывать.

— Ну, вотъ... Такъ скажите Алексѣю...

Она замолчала. Ивану Ѳедоровичу хотѣлось, чтобы Трачевская раздумала продолжать. Но она продолжала:

— Передайте вы ему, что я не могу жить такъ дальше... Скажите, я раскаиваюсь, прошу прощенья... Пусть лучше прибьетъ меня, выгонитъ вонъ... все, что хочетъ, но не молчитъ... Все молчитъ, все молчитъ, какъ будто меня и нѣтъ совсѣмъ. Засѣданія эти выдумалъ каждый вечеръ, лишь бы уходить изъ дому. Онъ изъ меня всю душу вымоталъ своимъ молчаніемъ! А еще — христіанинъ: Евангеліе читаетъ... Не примѣчаетъ, не видитъ. Заговорю я съ нимъ, отъ него только и добьешься: „да", „нѣтъ", „хорошо"... Никакой палачъ не придумаетъ большей пытки... Вѣдь я живой человѣкъ, мнѣ больно.

— Увольте меня, Ольга Владиміровна, — умоляюще попросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, болѣзненно морщась отъ ея словъ.

— Погодите, дайте мнѣ сказать... Зачѣмъ Алексѣй молчитъ? Я и безъ него страдаю. Никакая мука не сравнится съ тою, когда человѣка мучитъ совѣсть. Давно уже поняла я, какъ это было гадко. Едва Алексѣй заболѣлъ, тутъ я и опомнилась, и тогда же раскаялась. Говорятъ, Прокофьевъ убѣжалъ отъ меня? Побоялся, что овдовѣю? Неправда. Это я заставила его уѣхать. Я, а не онъ. Мнѣ съ нимъ стало невыносимо, видѣть я его не могла!.. И послѣ,—какъ Алексѣй поправился, хотѣла загладить... искупить... Но все неудачно.

— Ольга Владиміровна!

— Вы меня одну вините? И всѣ меня винятъ... Да я и виновата, очень виновата... Но и Алексѣй—тоже. Вѣдь онъ все видѣлъ! Онъ—слишкомъ серьезный, слишкомъ хорошій для меня: мнѣ подлѣ него было скучно... Признаю его достоинства, цѣню ихъ... и всетаки скучно. Я и не скрывала этого. А онъ—такой умный—онъ все понималъ... И предоставлялъ мнѣ свободу! Къ чему? Кричатъ: довѣріе, довѣріе! Нужно же знать, кому можно довѣрять, а кому нельзя. Зачѣмъ онъ молчалъ сначала, пока...

— Прошу васъ, Ольга Владиміровна, перестаньте. Я ничего не возьмусь передавать. Ничего ровно.

Трачевская опустила руки и безпомощно остановила глаза на лицѣ Ивана Ѳедоровича.

— Не... не возьметесь?

— Простите, но не берусь. Мое правило...

— Ваше правило: моя хата съ краю?

— Думайте, какъ вамъ угодно. Но не разсчитывайте на меня. Я противъ того, чтобы бередить больныя мѣста. Особенно чужими руками.

— Но и мнѣ тоже больно? И какъ больно! Если бы вы знали...

— Пожалуйста, оставимъ объ этомъ. Давайте о чемъ-нибудь другомъ...

— Не могу я о другомъ.

— Переговорите съ Алексѣемъ Петровичемъ сами. Вамъ удобнѣе.

— Пробовала. Не хочетъ: проситъ замолчать. Говоритъ, простилъ, а самъ помнитъ; каждую минуту помнитъ! И презираетъ меня. Сожалѣетъ, но презираетъ...

— Напишите ему. Удобнѣе написать, чѣмъ прибѣгать къ посредникамъ. Онъ прочтетъ, и все выяснится.

Ольга Владиміровна приподняла голову.

— Написать? Въ самомъ дѣлѣ... Вѣдь еще написать можно. А если... если онъ не захочетъ прочесть?

— Тогда ужъ я не знаю, право...

Разговоръ чрезвычайно смущалъ Ивана Ѳедоровича. И жаль ему было Трачевскую, и сердился онъ на нее за ея безтактность: зачѣмъ она посвящаетъ во все это его, совершенно постороннее лицо? Съ какой стати вмѣшается онъ въ чужую семейную драму?

— У меня никого нѣтъ, я одна,—объяснила Ольга Владиміровна, какъ бы отвѣчая на его мысль,—ни родныхъ, ни близкихъ... Воспитывали меня въ домѣ Иваненковыхъ: это бывшій предсѣдатель суда. Но я имъ чужая, подбросили меня, что ли... Росла съ ихъ дѣтьми, потомъ Алексѣй началъ бывать и женился. Теперь они въ N-скѣ, и я не могу пойти къ нимъ обратно. Да и что сказать имъ? „Возьмите меня опять, Христа ради“?

— Зачѣмъ же вамъ уходить?

— А если оставаться не подъ силу? Вы не можете представить, какъ это... когда молчатъ! Я была такая веселая, такая радостная... Правда, пустая... Но вѣдь Алексѣй видѣлъ это, когда женился на мнѣ? Ну и пусть—пустая! За то мнѣ хорошо было съ моею пустотой... Любила общество, развлеченія... Все любила. И всѣхъ. Не было никого веселѣе меня. А сейчасъ? видите, что со мной сдѣлалось? Развѣ я мало наказана... Зачѣмъ же онъ еще молчитъ?

— Нечего ему, вѣроятно, сказать вамъ, вотъ и молчитъ.

— А почему нечего? Потому, что презираетъ меня! А я... никогда я не была такъ къ нему привязана, какъ теперь... Все почему-то кажется, что онъ скоро умретъ. Какъ посмотрю на него, такъ онъ мнѣ и представляется мертвымъ. Будто

лежитъ въ кабинетѣ, въ гробу: худой, желтый, холодный. И кругомъ—вотъ эти пальмы. Потомъ суета, похороны, свѣчи капаютъ на полъ; разъѣхались знакомые, и я одна возвращаюсь домой... Одна въ цѣломъ свѣтѣ! Никого... А единственный человѣкъ, который любилъ меня, думалъ обо мнѣ, заботился... того я такъ обидѣла, что и простить немыслимо. Тогда я плачу, плачу... Мѣста себѣ не нахожу.

Ольга Владиміровна и теперь плакала крупными, быстро стекающими по щекамъ слезами, и плечи ея дрожали отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— У васъ кошмаръ,—сказалъ ей Иванъ Ѳедоровичъ вмѣсто утѣшенія.

— Нѣтъ, не кошмаръ; это—предчувствіе. Иногда всю ночь вижу передъ собою Алексѣя мертвымъ. Брошусь къ нему... Подойду къ дверямъ, прислушаюсь: стонетъ... Не спитъ, боленъ... Не хорошо ему. И опять такъ жаль его станетъ, а войти не рѣшаюсь. Сейчасъ начинаетъ казаться, что онъ будетъ недоволенъ. Посмотритъ, какъ будто скажетъ: „Оставь ты меня въ покоѣ, хоть ночью!“

Ея рѣчь оборвалась и перешла въ тяжелый истерическій припадокъ. Иванъ Ѳедоровичъ растерялся. Онъ хотѣлъ было ѣхать за докторомъ, но прибѣжавшая на крикъ Трачевской горничная остановила его:

— Не надо; ей доктора не помогаютъ. Накричится и затихнетъ... Съ Ольгой Владиміровной часто случается. Какъ подосадуетъ чего или разстроится, такъ ее и корчитъ.

Иванъ Ѳедоровичъ поспѣшилъ удалиться. Пріѣхалъ онъ домой съ смѣшаннымъ чувствомъ досады и состраданія, утомленный и развинченный. На письменномъ столѣ его поджидало городское письмо, доставленное вечерней почтой. Онъ вскрылъ сѣрый конвертъ, мелькомъ взглянувши на незнакомый писарской почеркъ на адресѣ.

„Что-жъ и что это означаетъ, что вы къ намъ не приходите“,—съ недоумѣніемъ прочиталъ онъ. Почеркъ письма былъ иной, чѣмъ на конвертѣ: кривыя, неувѣренно нанизанныя буквы, какими пишутъ малограмотные люди, полное отсутствіе знаковъ препинанія, изъ рукъ вонъ плохая орфографія. Иванъ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на подпись: Елизавета Румянская и догадался:

— Да вѣдь это отъ Лизы! Ну да, понятно, отъ нея.

Расхандрившись въ послѣдній мѣсяцъ, онъ не былъ у Лизы недѣли три и какъ-то забылъ о ней. Теперь она напоминала о себѣ. Лиза писала ему:

„Что-жъ и что это означаетъ, что вы къ намъ не приходите, а я безъ васъ соскучилась и не понимаю, не сердитесь ли за что, и жду всякій день, и все нѣту никакой вины моей

передъ вами, не было и такъ мнѣ обидно, что васъ не вижу и рѣшила писать: приходите скорѣе. Можетъ, веселѣе съ тѣми дамами, съ которыми ведете знакомство, тогда Богъ съ вами! Но я знаю, куда вы ходите, а если вы что замѣтили, то напрасно васъ настрашило: я въ жизни моей интересанкой не была и не навязывалась еще никому, и не буду, а если что между нами было, такъ я не маленькая: знала, на что иду, и сама за все отвѣчу передъ передъ Богомъ и людьми, но вы приходите, а то мнѣ безъ васъ не жизнь, а только безпокойство. Елизавета Румянская".

Иванъ Ѳедоровичъ перечиталъ Лизины строки два раза и всетаки не вдумался въ содержаніе письма: отсутствіе знаковъ препинанія затемняло смыслъ. Онъ понялъ одно: кто-то наговорилъ дѣвушкѣ небылицы относительно Трачевской. Лиза огорчена и, кромѣ того, обижена его невниманіемъ. До сихъ поръ этого съ нимъ не случалось. Онъ взглянулъ на часы: было половина одиннадцатаго. Лиза еще не возвратилась, но скоро будетъ дома: Краковская молочная закрывается въ одиннадцать. Иванъ Ѳедоровичъ рѣшилъ побывать у нея сегодня-же.

III.

Близкое знакомство Ивана Ѳедоровича съ Лизой продолжалось около года. Встрѣтились же они гораздо раньше, на первыхъ порахъ послѣ его пріѣзда въ Z. Тогда онъ сошелся довольно коротко съ членомъ окружнаго суда, Павломъ Ивановичемъ Дементьевымъ, завзятымъ холостякомъ и большимъ флегматикомъ. Въ Дементьевѣ соединялись два противорѣчивыхъ качества: съ одной стороны—непреоборимая флегматичность, полуфилософское равнодушіе ко всему на свѣтѣ, не исключая и собственной личности; съ другой—неудержимое пристрастіе къ красивымъ женщинамъ. Не смотря на природную неповоротливость и склонность къ домосѣдству, Павелъ Ивановичъ способенъ былъ пробѣжать версты четыре по городу, преслѣдуя приглянувшееся ему личико или стройную женскую фигуру. А въ то же время не успѣвалъ собраться съ визитомъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и къ своему непосредственному начальству. Жилъ онъ настоящимъ Діогеномъ: въ саду у какого-то разорившагося купца, въ отдѣльномъ, наполовину разрушенномъ флигелькѣ. Прислуживалъ ему дворникъ и прислуживалъ плохо. Комнаты не убирались по недѣлямъ; толстый слой пыли и ламповая копоть обильно покрывали старую, кое-гдѣ сломанную мебель. Костюмы Дементьева поражали непривычный взглядъ своею

неопрятностью. Но при этомъ онъ любилъ бѣлые галстухи и постоянно носилъ ихъ на шеѣ, что придавало его неподвижной, смуглой физіономіи нѣсколько парикмахерскій видъ. Поношенные бѣлые галстухи валялись у него въ квартирѣ кучами; когда ихъ накоплялось очень много, Дементьевъ призывалъ татарина и предлагалъ произвесть „шурумъ-бурумъ". Онъ вымѣнивалъ коллекцію галстуховъ на чайную скатерть или на какую-нибудь другую почти ненужную ему вещь, при чемъ отдавалъ „въ придачу" свое старое осеннее пальто или прошлогодній лѣтній костюмъ. Среди сослуживцевъ у него выработалась репутація философа и безнадежнаго „лѣнтяя по убѣжденію". Встрѣчая его въ обществѣ, надъ нимъ слегка трунили, высмѣивали его неряшливость и прочія комическія черточки, хотя трунили добродушно, потому что его боялись. Помимо внѣшнихъ смѣшныхъ сторонъ, Дементьевъ обладалъ большой наблюдательностью и умѣлъ быть язвительнымъ. Онъ съ поразительною быстротою подмѣчалъ чужія погрѣшности и недостатки, а если хотѣлъ уязвить кого-либо, то не стѣснялся въ выраженіяхъ. Своимъ лѣниво-насмѣшливымъ тономъ онъ, не задумываясь, высказывалъ такія горькія истины, отъ которыхъ бросало въ жаръ самыхъ закаленныхъ людей. Павелъ Ивановичъ короталъ свою жизнь, какъ въ полуснѣ, ничѣмъ не интересуясь; даже газеты просматривалъ онъ не каждый день. Но въ былыя времена Дементьевъ, повидимому, много читалъ и хорошо переварилъ прочитанное. Если онъ заговаривалъ въ серьезномъ тонѣ, его интересно было послушать, хотя это случалось съ нимъ рѣдко: недаромъ онъ самъ называлъ себя „угасшимъ человѣкомъ", опустившимся и измельчавшимъ. Въ его ежедневномъ обиходѣ употреблялся рядъ полушутливыхъ афоризмовъ. Чаще всего онъ приводилъ немного видоизмѣненный восточный рецептъ: „Стоять лучше, чѣмъ ходить, сидѣть лучше, чѣмъ стоять; лежать—лучше, чѣмъ сидѣть, а спать—лучше всего". Принципъ этотъ Дементьевъ проводилъ въ жизнь и подолгу валялся въ полудремотѣ на своемъ оборванномъ диванѣ. Излюбленнымъ лежаньемъ онъ могъ пожертвовать только ради женщины, да и то женщины болѣе или менѣе привлекательной.

Угасшій человѣкъ заинтересовалъ Ивана Ѳедоровича нѣкоторой оригинальностью во взглядахъ на вещи. На долю Дементьева выпало ознакомить молодого судью съ достопримѣчательностями города, а также съ своеобразными особенностями мѣстной жизни.

— Вамъ здѣсь,—говорилъ онъ,—съ непривычки многое покажется непонятнымъ. Городъ, конечно, русскій... и русскій элементъ въ немъ преобладающій. Но элементъ этотъ разбитъ

на кружки, разрозненъ такъ, что дальше некуда. Знакомства домами заводятся необыкновенно туго: всякъ держится особнякомъ, боится сліянія... Военнымъ, тѣмъ ужъ и Богъ велѣлъ: сословіе замкнутое. А у насъ и другіе туда же. Всѣ хотятъ жить на военномъ положеніи... Дробятся до безконечности, и никто не признаетъ другъ друга. Судейскіе, напримѣръ,— одна каста. Профессорскій кружокъ—другая. Судейскіе находятъ: у профессоровъ, молъ, карьеристъ на карьеристѣ ѣдетъ, карьеристомъ погоняетъ... А профессора говорятъ о насъ: „Стоячая вода... Мы хоть науку двигаемъ". И все—такъ. Скучища неистовая. Въ сущности, всѣ понемногу толкутъ воду въ ступѣ...

— Странно,—замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ,—а мнѣ вашъ городъ показался веселымъ... Съ кипучей жизнью.

— На первыхъ порахъ всѣмъ кажется: оттого, что уличная жизнь здѣсь развита... Какъ вообще на югѣ. А у насъ еще и польское вліяніе сказывается; въ среднихъ кружкахъ оно очень замѣтно. Всѣ бѣгаютъ въ припрыжку, точно мазурку танцуютъ... Сгораютъ отъ жажды понравиться, и потому оживленіе на лицахъ. Казовая сторона... Въ душѣ и у нихъ— холодъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, тутъ все устроено немножко на варшавскій ладъ: на каждомъ шагу—кавярни, цукерни...

— Культура, проше пана. Хоть и легкомысленная, а культура... Флячки ѣдимъ по четвергамъ. Бигосъ, мазагранъ, чѣмъ не Варшава? А всетаки—уныніе.

— Процвѣтаютъ клубы?

— Процвѣтаютъ. Но еще больше—рестораны и кофейни. Всѣ предпочитаютъ сходиться на нейтральной почвѣ. Благо, это ни къ чему не обязываетъ. А вы еще не побывали въ Краковской молочной?

— Не былъ.

— Надо будетъ сводить васъ туда.

— Это что же: вмѣсто клуба?

— Если хотите, лучше клуба. Непринужденнѣй, проще. За картами никто передъ вашими глазами не оболванивается, меньше претензій, чѣмъ въ клубѣ. Великолѣпная простокваша, сметана съ творогомъ... Получите, что угодно, кромѣ спиртныхъ напитковъ. Въ шахматы можно поиграть, если любите. Завтраки—вкуснѣе въ Варшавской кофейнѣ: кофе— въ Львовской. Но я посѣщаю Краковскую, потому что тамъ Лиза: оффиціантка и хорошенькая. Король-дѣвица! Хотите, пойдемъ?

— Пойдемъ, пожалуй.

— Я тамъ часто бываю. Во-первыхъ, Лиза... Во-вторыхъ, веселѣе, чѣмъ у знакомыхъ: не надо улыбаться, не надо

повторять: „да, дѣйствительно!“ или: „вы прекрасны!“ Чуть надоѣстъ сидѣть одному, иду въ Краковскую. Удобно: въ толпѣ, а самъ себѣ хозяинъ. Хочешь молчать и молчишь, и никому это не кажется неловкимъ. Приглядѣлись чужія физіономіи, всталъ и ушелъ. Люди вѣдь ужасно какъ утомляютъ. Меня, по крайней мѣрѣ... Надоѣдаетъ людская пошлость. Хотя во мнѣ самомъ, должно быть, непочатый кладъ этой пошлости.

— Вотъ тебѣ разъ! Почему же вдругъ этакій выводъ?

— Да я удивительно легко улавливаю ее повсюду... Вѣроятно, какъ нѣчто родственное. И не хочу, а вижу. Такъ вотъ передъ тобой и всплываютъ всѣ эти увертки и шашни ближняго твоего. Прелукавое существо человѣкъ: сотканъ изъ хитростей. Говоритъ одно, дѣлаетъ другое, а думаетъ третье. Подите, разберите его!

— Однако, кромѣ пошлости въ немъ много и высокоблагородныхъ чертъ. Даже въ заурядномъ человѣкѣ не мало благородства. Не надо только смотрѣть на него черезчуръ односторонне.

— А коли у меня такъ глазъ устроенъ?

— Нехорошо устроенъ.

— Каюсь, но не могу измѣнить. Говорю же вамъ: у меня это субъективное. Я и благородства не отрицаю, да пошлость затемняетъ его красоты. Присмотритесь-ка получше...

— Вы говорите: хитрость? А развѣ можно прожить безъ нея? Хитрость—орудіе борьбы.

— Для слабосильныхъ и трусовъ. Хотя, я согласенъ, не хитрить въ наше время—это уже предметъ роскоши. И большой роскоши... Но предпочитаю тѣхъ, кто позволяетъ себѣ такую роскошь.

— А сами—будто никогда не хитрите?

— Избѣгаю. Да для меня нѣтъ и надобности: я вѣдь никакихъ цѣлей не преслѣдую. Счастье же усматриваю токмо въ покоѣ. Ничего не желай, не въ чемъ будетъ разочаровываться.

— Старая пѣсня!

— И не претендую на новизну. Главное: чуточку подальше отъ людей, ибо чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ спокойнѣе. Иначе говоря, тѣмъ ближе къ счастью. Гляди со стороны на ихъ лицедѣйство и усмѣхайся себѣ въ усъ... Пока самъ окончательно не сойдешь съ подмостковъ. Все же развлеченіе... Но чтобы—не вблизи. На извѣстномъ пространствѣ отъ нихъ... Тогда еще можно дотянуть кое-какъ канитель.

— То-есть, какую?

— А жизнь. Преутомительное занятіе.

Въ Краковскую молочную они зашли подъ вечеръ. Молочная занимала длинное помѣщеніе въ видѣ магазина съ широкими окнами на улицу. Въ глубинѣ ея было душно, темно и грязно. Но сразу отъ входа — крошечные стулья, тѣсно-разставленные мраморные столики, и такой же мраморный прилавокъ съ пирожными—все ничѣмъ не отличалось отъ кондитерской средней руки. Прилавокъ соединялся съ кассой. За кассой сидѣла владѣлица молочной, расплывшаяся, слегка подрисованная пани Богушъ съ пышной прической, въ туго-обтянутомъ элегантномъ платьѣ, съ брилліантовыми „маркизами“ на рукахъ. Рядомъ съ нею, но пониже, очевидно, охраняя пирожныя, помѣщалась въ креслѣ ея мать, глубокая старуха съ круглой, почти горбатой спиною, вся въ черномъ, съ начесами сѣдыхъ волосъ, съ головой, прикрытой изящнымъ тюлевымъ чепцомъ. Дементьева здѣсь знали, какъ завсегдатая. Обѣ женщины, улыбаясь, раскланялись съ нимъ, а пани Богушъ замѣтила ему, пока онъ и Иванъ Ѳедоровичъ снимали у вѣшалки свои пальто:

— Какая жалость, вашъ столикъ занятъ. Но скоро долженъ освободиться.

— Не бѣда. Мы посидимъ и за другимъ.

Павелъ Ивановичъ искусно лавировалъ въ узкомъ проходѣ между столами, пока, наконецъ, не разыскалъ въ глубинѣ молочной двухъ только-что освободившихся мѣстъ. Едва они успѣли сѣсть, какъ мимо нихъ прошмыгнула высокая, статная дѣвушка, нагруженная тарелками и подносами разной величины.

— Здравствуйте, панна Элиза,—сказалъ ей Дементьевъ съ усиленной почтительностью въ голосѣ.

— Добрый вечеръ пану!—скороговоркой бросила Элиза, усмѣхаясь пунцовыми губами. И пробѣгая дальше, добавила съ замѣтнымъ польскимъ акцентомъ:

— Сейчасъ. Я въ мòментъ.

— Ну? какова? — торжествующимъ тономъ спросилъ у Ивана Ѳедоровича Дементьевъ.

— Ничего.

— Ничего! — кисло повторилъ Дементьевъ, подражая интонаціи своего спутника. — Единственная интересная женщина въ городѣ, а вы говорите: ничего!

— Ужъ и единственная?

— Да ужъ повѣрьте, коли говорю.

— Какое у нея странное произношеніе. Она—полька?

— Гдѣ тамъ. Самая православная россіянка: мѣщаночка изъ Предмѣстья. Это ее здѣсь, въ кофейнѣ ополячили. Но вѣдь хорошенькая?

Элиза дѣйствительно была хороша собою. Ея лицо приближалось къ великорусскому типу красоты: бѣло-розовое, съ нѣжнымъ румянцемъ, съ синими, какъ будто недовѣрчивыми глазами. Не смотря на кокетливо-привѣтливую улыбку, въ наружности Элизы было что-то строгое, самоувѣренно-горделивое. Несомнѣнно, она сознавала свою привлекательность и даже подчеркивала ее костюмомъ. Голубая англійская блузка изъ моднаго вельвета выгодно оттѣняла ея пепельные волосы; синяя юбка, подобранная въ тонъ къ кофточкѣ, обрисовывала красивую фигуру, перетянутую въ таліи низкимъ корсетомъ.

Кромѣ Лизы, въ молочной было еще нѣсколько оффиціантокъ, тоже молодыхъ и миловидныхъ. Но тѣ пробѣгали мимо Дементьева, не замѣчая его, вѣроятно напередъ зная, чьихъ услугъ поджидаетъ Павелъ Ивановичъ.

— Вамъ — простоквашу? — предупредительно спросила Лиза, возвращаясь обратно съ пустыми подносами. Дементьевъ отвѣтилъ съ вѣжливой серьезностью:

— Попрошу простокваши. А вотъ, панна Элиза, новый мировой судья, который пріѣхалъ на мѣсто вашего поклонника, старика Шмыгорева... Ему — сметанки съ творогомъ позвольте.

Когда Дементьевъ обращался къ Лизѣ, его потухшіе, желтовато-каріе глаза слегка разгорались и начинали блестѣть. Иванъ Ѳедоровичъ почувствовалъ на себѣ мгновенный, недовѣрчиво-любопытный взглядъ Лизы. Затѣмъ лицо ея приняло оффиціально-покорный видъ и она произнесла заученнымъ тономъ:

— Сію минутку.

На столѣ передъ Иваномъ Ѳедоровичемъ стоялъ подносъ съ опустошенными стаканами. Предыдущіе посѣтители оставили на немъ новенькій двугривенный—на чай оффиціанткѣ. Уходя, Лиза ловко захватила этотъ подносъ съ собою. Дементьевъ спросилъ у Ивана Ѳедоровича:

— Какъ вы полагаете, сколько вырабатываетъ въ мѣсяцъ вотъ такая королевна?

— Не имѣю понятія.

— А примѣрно?

— Рублей?.. да не знаю я!

— А я знаю. По моему разсчету, должно быть около сотни съ лишнимъ.

— Что вы?

— Право. Не меньше ста. Если выручитъ за день три рубля, жалуется: „нынче у меня день неудачный... три рубля всего“... Деньги въ сберегательной кассѣ имѣетъ. Дѣвица съ коммерческой жилкой. Черезъ пять лѣтъ откроетъ

свою молочную, головой ручаюсь... А посмотрѣли бы вы ее дома: какое достоинство.

— Вы развѣ видѣли?

— Проникъ. Съ большимъ усиліемъ, но добился. Къ ней попасть не такъ-то легко: панна Элиза женщина самостоятельная, неприступная. На чай, хоть цѣлковый давайте, возьметъ съ удовольствіемъ. Потому—это ея право... Пока вы въ кофейной въ роли посѣтителя, она передъ вами сама предупредительность... Олицетвореніе услужливости... А попробуйте сказать: „Позвольте проводить васъ домой, панна Элиза"?—посмотритъ вверхъ черезъ вашу голову и сдѣлаетъ видъ, будто не слышала. Десять, тридцать, сорокъ разъ скажете,—все безъ результата.

— Какъ же вы къ ней проникли?

— На первый день Пасхи... Нанесъ поздравительный визитъ.

— Вы?

— Я.

— Курьезъ!

— Ужъ очень интересно было. Заняла она меня: хотѣлось разузнать подробнѣе. Выпыталъ адресъ у пани Богушевой и поѣхалъ. Далеко это: въ концѣ Большой Михайловской, на Предмѣстьи.

— Не ожидалъ отъ васъ такой прыти.

— Мало-ли чего не ожидаешь. Пріѣзжаю... Оказывается, живетъ съ матерью и съ братомъ. Мать прежде въ экономкахъ гдѣ-то служила, теперь хвораетъ часто и—на покоѣ. А братъ въ реальномъ училищѣ учится. Вхожу въ домъ,—пасхальный столъ убранъ — одно ослѣпленіе... На окнахъ лиліи, крапивки... Часы съ гирями, полъ блеститъ: чистота такая... Котъ жирный на стулѣ, презанимательный котъ: служить умѣетъ... Все, какъ слѣдуетъ быть... Прошу я реалистика доложить „Елизаветѣ Захаровнѣ", и выходитъ ко мнѣ изъ внутреннихъ покоевъ кронпринцесса въ розовой шелковой кофточкѣ...

— Удивилась?

— Страшно. Сперва обдала полярнымъ холодомъ, приняла за нахала. Вѣрно думала, не полѣзу-ли христосоваться. Но какъ увидѣла, что я отъ всей глубины почтенія, смирилась. Даже растрогана была. И какъ начала угощать меня... Господи, Создатель мой! Ужъ я ѣлъ, ѣлъ ей въ угоду: послѣ до Ѳоминой недѣли боленъ былъ. У меня катарръ желудка и вдругъ: окорокъ, индюкъ, поросенокъ, пасха сырная... Все—жирное, тяжелое... Едва отлежался потомъ, за то познакомился. И съ мамашей, и съ братомъ... Дальше пригласили меня чай пить. Надя съ мужемъ въ гости пришли:

вонъ тамъ, налѣво видите въ углу—востроносенькая брюнетка? Это—Надя. Она замужемъ и мужъ у нея—тоже оффиціантъ. Въ Биржевой кондитерской служитъ. Очень пріятно провели мы тогда время. Пѣ-ѣли... У панны Элизы—хорошенькій голосъ. „Прі-и-ю-ти-и ме-ня-а, родна-а-а-я, въ ти-и-хо-ой ке-е-ельѣ гро-о-обо-во-оо-ой!“ Жалостно такъ... Съ удовольствіемъ вспоминаю. Съ тѣхъ поръ я нѣтъ-нѣтъ, да и навѣдаюсь къ нимъ на Предмѣстье. Атмосфера мнѣ у нихъ нравится: свѣжее что-то и простое.

Лиза показалась вдали молочной съ тарелками, Дементьевъ замолчалъ. Оффиціантка остановилась возлѣ ихъ столика. Иванъ Ѳедоровичъ съ интересомъ взглянулъ на нее и встрѣтился взглядомъ съ ея недовѣрчивыми глазами. Почему-то смутившись, Лиза поспѣшно перевела взглядъ на Дементьева и отошла отъ стола.

— И давно это вы начали бывать у нея? — спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, посыпая сахаромъ и корицей свой творогъ со сметаной. Дементьевъ ѣлъ простоквашу и отвѣтилъ не сразу:

— Съ полгода примѣрно. Съ Пасхи. Я и жениху ея былъ представленъ.

— Такъ она замужъ выходитъ?

Что-то, похожее на разочарованіе, прозвучало въ голосѣ Ивана Ѳедоровича.

— Нн-нѣтъ. Уже не выходитъ. И хорошо дѣлаетъ, что не выходитъ. Неподходящее дѣло: онъ студентъ, полякъ; она полуграмотна... Ничего общаго не нашлось бы между ними.

Въ это время Иванъ Ѳедоровичъ замѣтилъ, что Лиза опять пристально смотритъ на него, издали, черезъ головы посѣтителей. Опять встрѣтились ихъ перекрестные взгляды, и снова Лиза поспѣшила отвернуться.

— Красивъ былъ собою студентъ?—поинтересовался Иванъ Ѳедоровичъ.

— Недуренъ. Я его раньше здѣсь, въ молочной встрѣчалъ. Бѣднякъ, пролетарій... Спроситъ чашку чернаго кофе и сидитъ, пока всѣ газеты не прочитаетъ. Сапоги стоптаны, а бутоньерка въ петлицѣ. Но малый молодой и съ этакой нѣжностью въ голосѣ. Такіе, кажется, имѣютъ успѣхъ у женщинъ.

— Изъ-за чего же разстроилось дѣло?

— Она ему отказала. И знаете, почему? Изъ гордости.

— Измѣнилъ, что ли?

— Не совсѣмъ. Хотя въ родѣ того. Панна Элиза отправилась какъ-то ненарокомъ въ театръ, а онъ тамъ. Въ ложѣ съ знакомой польской семьей. Въ антрактѣ вышелъ въ боковую залу: гуляетъ съ паненками, развлекаетъ ихъ, конечно. Любезничаетъ, въ глазки засматриваетъ... „А чи кохашъ, чи

не кохашъ?"—а тутъ вдругъ: панна Элиза. Онъ смалодушничалъ и не поклонился. Не узналъ... Или не примѣтилъ... Своей то невѣсты! Та въ обиду и—какъ ножомъ, отрѣзала. Онъ потомъ и съ той стороны, и съ этой—все насчетъ примиренія. Безплодно... „Ницъ съ тего не бендзе, проше пана. Amen". Тѣмъ и кончилось.

— Особа съ характеромъ.

— И вѣдь какъ ей больно было, одинъ я только видѣлъ. Поблѣднѣла, подурнѣла даже. Теперь ничего, опять улыбается. А то было бѣгаетъ отъ одного столика къ другому: „Витамъ пана!"—„Слухамъ пана!"—„Жегнамъ пана!"—а у самой кошки скребутъ на сердцѣ. Но не поддалась: совладала съ собою. Люблю въ женщинѣ гордость!

Дементьевъ увлекся, говоря о Лизѣ, и глаза его разгорѣлись неузнаваемо. Иванъ Ѳедоровичъ скептически предположилъ:

— Хотя, въ концѣ концовъ, студентъ все равно, врядъ-ли бы женился на ней?

— И я полагаю, что нѣтъ. Да она то ему вѣрила. Это былъ романъ ея сердца, вотъ въ чемъ суть. Она отъ начала до конца вела себя безкорыстно. Разъ бы пошло на корысть, панна Элиза въ своей молочной—ого!—какую карьеру могла бы составить... На рысакахъ бы каталась! Но у нея у самой къ этому склонности нѣту. Ей, видимо, хочется, чтобы все по хорошему было.

— Однако, она вѣрно угадываетъ, что о ней идетъ рѣчь,—замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ:—все на насъ посматриваетъ.

Дементьевъ мгновенно остановился и заговорилъ о простоквашѣ.

Послѣ того Иванъ Ѳедоровичъ еще нѣсколько разъ заходилъ съ Дементьевымъ въ Краковскую молочную. Тамъ они заставали все одну и ту же картину. Лиза кипѣла, какъ въ котлѣ, то и дѣло спѣша на возгласы:

— Элиза!

— Паненка!

— Панна Элиза!

Изъ посѣтителей Лизу наиболѣе жаловали поляки. Они обращались съ нею чрезвычайно галантно, какъ бы желая поощрить ее за хорошо усвоенный польскій языкъ и за принятый ею польскій обликъ.

— Трудно повѣрить, что панна Элиза не полька,—говорили ей въ видѣ комплимента.

И Лиза улыбалась, какъ улыбаются въ отвѣтъ на что-то очень пріятное.

Въ числѣ оффиціантокъ было двѣ польки по происхожденію: Зося и Марыля. Но онѣ далеко не пользовались такимъ

фаворомъ, какъ ополяченная Лиза. Независимо отъ своей яркой красоты она нравилась именно тѣмъ, что считала для себя лестнымъ походить на польку. И хотя ея ополяченіе было отчасти корыстное,—безъ этого она не могла бы служить въ молочной съ такимъ исключительнымъ успѣхомъ,—но все же оно вмѣнялось ей въ большую заслугу. Со словъ Дементьева, Иванъ Ѳедоровичъ успѣлъ вскорѣ ознакомиться съ завсегдатаями кофейной, узналъ интимную исторію каждаго, ихъ клички и прозвища, неизвѣстно кѣмъ придуманныя, но неотъемлемо прилѣпившіяся къ каждому изъ нихъ. Тутъ былъ и „панъ кактусъ“ съ выкрашенною бородою (Лиза называла его „молодымъ старикомъ“), и толстый богатый „ананасъ“, который убѣгалъ въ молочную тайкомъ отъ ревнивой жены, и напыщенный „головастикъ“, и блѣдный „рыжикъ“ на высохшихъ ножкахъ, и другіе. Узналъ Иванъ Ѳедоровичъ также, что многіе изъ этихъ „гостей“ упорно увивались за панной Элизой, безцеремонно давая ей понять, что они не прочь осчастливить ее. Лизѣ нужно было не мало житейской ловкости и такта, чтобы, не задѣвая ничьего самолюбія, систематически игнорировать обращаемые къ ней любезности и намеки. По этому поводу завсегдатаи молочной конфиденціально сообщали другъ другу многочисленные эпизоды о находчивости панны Элизы. Правда, свѣдѣнія эти всегда исходили отъ пани Богушъ, и потому трудно было рѣшить, гдѣ тутъ истина, а гдѣ предусмотрительное желаніе порекламировать свою кофейню—хотя бы въ лицѣ интересной оффиціантки. Но посѣтители вѣрили разсказамъ пани Богушъ безъ провѣрки событій, и добродѣтель Лизы—до поры до времени—оставалась внѣ сомнѣній. Разсказывали, будто предшественникъ Ивана Ѳедоровича, старикъ Шмыгоревъ, съ особенной настойчивостью добивался вниманія Лизы. Одинъ разъ онъ цѣлый вечеръ просидѣлъ за простоквашей и передъ закрытіемъ молочной потихоньку показалъ Лизѣ сторублевку.

— Если панна Элиза поѣдетъ со мною сегодня поужинать,— вотъ что она получитъ за это!

Шмыгоревъ былъ легендарно скупъ и по его понятіямъ онъ предлагалъ съ точки зрѣнія Лизы колоссальную сумму.

— А ну, ну? Пусть панъ судья покажетъ поближе? Что это? Сто рублей? Ой, какая грязная бумажка! Гдѣ панъ досталъ ее,—такую засаленную? У меня есть двѣ—и чистенькія,—наивнымъ голосомъ отвѣтила Лиза и вынула изъ портмоне новенькія сторублевки. Она въ тотъ день съ утра взяла зачѣмъ то часть своихъ денегъ изъ сберегательной кассы. Такимъ образомъ, предложеніе Шмыгорева было отпарировано безъ лишнихъ объясненій.

Подобныхъ эпизодовъ, но съ варіаціями, Дементьевъ зналъ

нѣсколько. Иванъ Ѳедоровичъ, чѣмъ больше слушалъ Дементьева, тѣмъ сильнѣе начиналъ интересоваться красивой оффиціанткой. Кстати въ Z. у него почти не было знакомыхъ женщинъ, а тѣ, съ которыми онъ познакомился,—не нравились ему. Постепенно онъ принялъ по отношенію къ паннѣ Элизѣ тотъ же почтительный тонъ, какимъ разговаривалъ съ нею Дементьевъ. По всей вѣроятности, Лизѣ это было пріятно: она всякій разъ смущенно улыбалась, когда къ ней обращался Иванъ Ѳедоровичъ.

Какъ-то вечеромъ Дементьевъ сказалъ Лизѣ, принимая изъ ея рукъ неизмѣнную простоквашу:

— Собираюсь къ вамъ въ гости, панна Элиза, да не знаю, когда у васъ отпускной день?

Лиза покраснѣла.

— Теперь мой отпускъ не скоро: недавно былъ. Вы соберитесь вечеромъ. Хоть сегодня?

Она посмотрѣла на Ивана Ѳедоровича, какъ бы приглашая и его.

— Можетъ быть, и мнѣ можно?—неожиданно для самого себя спросилъ онъ.

Лиза покраснѣла еще ярче.

— И вы пожалуйте... Я буду рада.

Иванъ Ѳедоровичъ, не теряя удобной минуты, предложилъ Дементьеву:

— Поѣдемъ сегодня?

Дементьевъ нахмурился. Но отказываться было поздно—тѣмъ болѣе, что онъ первый заговорилъ о визитѣ. Рѣшили ѣхать. Дементьеву очень не понравилась та легкость, съ какою добился Иванъ Ѳедоровичъ разрѣшенія посѣтить Лизу. Онъ буркнулъ:

— Вы только того... держите себя поприличнѣе. Она обидчивая... Это она такъ, по простотѣ приглашаетъ насъ въ такое позднее время. А вы можете Богъ знаетъ что подумать...

— Что вы, Павелъ Ивановичъ!

— Да вы—тихенькій, тихенькій, а кто васъ знаетъ... Иногда въ тихомъ омутѣ...

— Это вы, кажется, тихій омутъ, а не я.

— Нечего съ больной головы на здоровую. Вы приглянулись, васъ и зовутъ.

— Ну, вотъ, еще что!—недовольно возразилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—У страха, говорятъ, глаза велики. И у васъ—также.

— А мнѣ чего бояться? Мое дѣло сторона. Я никакихъ корыстныхъ видовъ тутъ не имѣлъ и не имѣю. Честь и мѣсто—коли зовутъ.

— Не пугайтесь, я не опасный. Вообще не нравлюсь женщинамъ: слишкомъ смирный для нихъ.

Дементьевъ угрюмо проворчалъ что-то неразборчивое въ отвѣтъ и замолкъ.

Въ одиннадцать часовъ они вышли изъ молочной вмѣстѣ съ Лизой. На Лизѣ была надѣта шляпа, дорогая плюшевая кофточка и свѣжія перчатки. По внѣшности ее свободно можно было принять за тщательно-одѣтую красивую женщину изъ средняго, напримѣръ, чиновничьяго круга. Къ предмѣстью направлялась послѣдняя конка, и они сѣли въ вагонъ. Въ вагонѣ Дементьевъ разговаривалъ съ Лизой, но какъ-то строго и подозрительно, точно допросъ производилъ на судѣ. Безъ всякаго видимаго повода онъ вдругъ вспомнилъ:

— Вотъ, панна Элиза, судья жалуется, что онъ не нравится женщинамъ. Какъ вы думаете, правда это?

— Панъ судья шутитъ: того не можетъ быть!—откровенно заявила Лиза, произнося слово „судья“ на польскій ладъ, какъ: „сендья“.

Ивану Ѳедоровичу польстило ея замѣчаніе. Онъ оживился и весь остатокъ вечера былъ въ большомъ ударѣ.

У себя дома Лиза казалась иной, чѣмъ въ молочной. Исчезъ ея недовѣрчивый взглядъ, лицо стало добродушнымъ, кроткимъ, немного сентиментальнымъ. Она смѣялась шуткамъ Ивана Ѳедоровича и какъ будто робѣла передъ нимъ. Глядя на нее, Дементьевъ сдѣлался необыкновенно мраченъ; онъ все время напоминалъ, что пора домой.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Ѳедоровичъ причислилъ себя къ завсегдатаямъ Краковской молочной, а его пріятельскія отношенія съ Дементьевымъ явно пошли на убыль. Дементьевъ началъ упрямо избѣгать Ивана Ѳедоровича и при случайныхъ съ нимъ встрѣчахъ преслѣдовалъ его обидными колкостями.

Знакомство молодого судьи съ панной Элизой остановилось надолго на точкѣ замерзанія. Лиза краснѣла, завидя Ивана Ѳедоровича; онъ путался въ словахъ и волновался, заказывая ей простоквашу, но дальше этого дѣло не шло. Встрѣчая его одного, безъ Дементьева, Лиза не рѣшалась повторить свое приглашеніе, а онъ—тоже смущался и никакъ не могъ разговориться съ нею. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ не пріѣхалъ къ паннѣ Элизѣ съ пасхальнымъ визитомъ, по примѣру Дементьева. Затѣмъ судья забросилъ молочную и сталъ часто бывать у Лизы по вечерамъ.

Дома передъ матерью Лиза поставила себя самостоятельно и независимо. Зарабатывая порядочныя деньги, она содержала мать, воспитывала брата, но ни за кѣмъ не признавала права контроля надъ ея поступками. Относительно Ивана

Ѳедоровича она держала себя тоже самостоятельно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался какихъ-нибудь матеріальныхъ расходовъ съ его стороны. Обладая ровнымъ характеромъ, Лиза была ласкова съ нимъ, нѣжна, даже сентиментальна, но не допускала, чтобы ради нея совершались денежныя траты. Щепетильность ея въ этомъ вопросѣ доходила до педантизма. Если Иванъ Ѳедоровичъ дарилъ Лизѣ золотое колечко или недорогой браслетъ, она непремѣнно въ свою очередь преподносила ему цѣнный брелокъ къ часамъ, коробку сигаръ—и то хорошихъ,—или дюжину носовыхъ платковъ съ рѣдкостными мѣтками въ гладь, исполненными по особому заказу въ женскомъ монастырѣ. Она не любила оставаться въ долгу и это до извѣстной степени стѣсняло Ивана Ѳедоровича. Стѣсняло, вѣроятно, потому, что въ глубинѣ души онъ не смотрѣлъ на свои отношенія къ Лизѣ серьезно. Чувства Ивана Ѳедоровича къ ней были совсѣмъ несложныя, и иногда ему казалось, что она понимаетъ это, обидчиво огорчается, но избѣгаетъ жалобъ. Тогда онъ удваивалъ свою ласковость и внимательность, стараясь разогнать сомнѣнія Лизы. Мало-по-малу знакомство съ нею потеряло въ глазахъ Ивана Ѳедоровича первоначальную остроту новизны. Не то, чтобы Лиза надоѣла ему, но онъ привыкъ къ ея однообразной красотѣ, пересталъ цѣнить и замѣчать эту красоту и начиналъ понемногу скучать въ ея обществѣ. Не видя Лизы, онъ забывалъ о ней. А, являясь къ ней, пытался быть попрежнему любезнымъ и заботливымъ—изъ чувства деликатности.

IV.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи Лиза возвращалась домой въ сопровожденіи Дементьева.

У нея только что вышла непріятность съ хозяйкой молочной, пани Богушъ. Она наговорила хозяйкѣ дерзостей, почти отказалась отъ службы и еще сожалѣла, зачѣмъ не высказалась вполнѣ: пусть бы узнала, — крашеная кукла, — какъ придираться къ людямъ да вмѣшиваться не въ свое дѣло. Выходя изъ молочной, Лиза едва держалась на ногахъ отъ слабости и утомленія. Ей нездоровилось; Иванъ Ѳедоровичъ три недѣли не показывалъ глазъ; за это время обострились отношенія съ пани Богушъ: все складывалось непріятно и печально. Никогда не чувствовала себя Лиза такой обиженной, заброшенной и одинокой, какъ сегодня.

— А я васъ ожидаю, Елизавета Захаровна. Не проводить

ли васъ домой? — спросилъ Дементьевъ, приближаясь къ ней, когда она вышла изъ молочной. Въ ожиданіи Лизы онъ уже съ полчаса прогуливался по троттуару.

— Благодарю васъ, Павелъ Ивановичъ. Проводите. Чай будемъ пить... Добрый вы, спасибо вамъ.

Въ послѣднее время Дементьевъ возобновилъ прерванное было имъ знакомство съ Лизой и нѣсколько разъ побывалъ у нея, пользуясь частымъ отсутствіемъ Ивана Ѳедоровича.

Въ вагонѣ конки было пусто; они ѣхали до Предмѣстья вдвоемъ. Лиза, волнуясь, жаловалась на пани Богушъ.

— Все придирается, все привязывается, размалеванная рожа... какъ будто я ни вѣсть какъ въ ней нуждаюсь! Раньше дорожила... „Лизуню, кохана, сердце мое!“ Такъ, бывало, и виляетъ хвостомъ, лисица... Боялась: а ну какъ уйду въ Варшавскую кофейню? Меня давно переманивали. А сейчасъ—выговоръ за выговоромъ... И то не такъ, и это... и все ей нехорошо да неугодно. Кричитъ на меня, чертовка! Видитъ, что плохо. Рада чужому горю...

Сегодня Лиза говорила съ Дементьевымъ, какъ съ близкимъ знакомымъ, всецѣло посвященнымъ въ ея дѣла. Ни разу не разговаривали они такъ откровенно, но Лиза понимала, что Дементьевъ, не упуская ее изъ виду, слѣдитъ за нею, видитъ все и относится къ ней такъ же доброжелательно, какъ и раньше. Особенно цѣнила она такое отношеніе теперь, въ тяжелый и горестный періодъ ея жизни.

— Не бѣда, Елизавета Захаровна,—перебилъ Дементьевъ жалобы Лизы.—Вы только не унывайте. Не падайте духомъ... Надо пережить. Скажите себѣ это и переживайте мужественно. То ли еще другіе переносятъ.

— Знаю я... а досадно. Этакая... кукла! — и вдругъ она надъ тобою куражится? Подите, какъ измывается... Подожди жъ ты! Я тебѣ припомню. Ты думаешь, это уже конецъ мнѣ? Думешь, пропаду дальше? Свихнусь? Ну, нѣтъ. Мы еще посмотримъ. Можетъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Будешь еще ты бѣгать за мною, да просить назадъ. А я то тебя и не захочу...

— И дѣло. Плюньте на нее, Елизавета Захаровна. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Не только свѣта, что въ окошкѣ. Перейдете потомъ въ Варшавскую или въ Львовскую. Васъ вездѣ примутъ съ удовольствіемъ, а она останется въ потерѣ...

Дементьевъ упоминалъ объ этомъ „потомъ“, какъ о чемъ-то неотвратимомъ и достовѣрно ему извѣстномъ. Лиза соглашалась съ его совѣтами:

— Ужъ какъ нибудь переживать надо. Я и сама вижу,

что надо. Нѣтъ, не пойду больше въ молочную! Шутъ съ ними.

—И не ходите! Развѣ вамъ крайность? Въ случаѣ понадобятся деньги, я вамъ достану. Сколько скажете, столько и раздобуду. Отдадите послѣ...

— Спасибо вамъ. Деньги у меня найдутся.

— Такъ зачѣмъ остановка?

— Надоѣстъ безъ работы сидѣть такъ долго. Не привыкла я, нудно будетъ...

— Я васъ развлекать стану, коли позволите. Нѣтъ худого безъ добраго: отдохнете всетаки.

— Выходитъ, хочешь не хочешь, а отдыхай. Не то всякая мелюзга глаза тебѣ колоть начнетъ. И какое кому дѣло? Удивляюсь я, право...

— Люди!—лаконически опредѣлилъ Дементьевъ.—Это они даже и не со зла. Скорѣе отъ праздности.

Лиза, помолчавъ, спросила съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— А что... Ивана Ѳедоровича вы не видѣли? Не встрѣчали?

Дементьевъ, какъ бы обидѣвшись, отвернулся отъ нея и пристально началъ глядѣть въ запотѣвшее окно вагона.

— Нѣтъ, не встрѣчалъ. Гдѣ я его увижу? Я у Трачевскихъ не бываю.

Отвѣтъ былъ жестокій, и Павелъ Ивановичъ сознавалъ это. Но онъ находилъ необходимымъ излѣчить Лизу отъ ея привязанности къ Ивану Ѳедоровичу, излѣчить поскорѣе и радикально.

„Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ, только лишнія страданія для нея“,—думалъ Дементьевъ и безжалостно приступалъ къ радикальному лѣченію, уязвляя гордость Лизы. Онъ не въ первый разъ упоминалъ фамилію Трачевскихъ и всегда съ строго-обдуманнымъ намѣреніемъ. Павелъ Ивановичъ умѣлъ быстро и тонко распознавать людей. Но съ нѣкотораго времени онъ относился пристрастно къ Ивану Ѳедоровичу и считалъ его потайнымъ ловеласомъ. Дементьевъ искренно вѣрилъ, будто тотъ „атакуетъ“ теперь Трачевскую, добиваясь новой побѣды. И оттого онъ такъ прямолинейно примѣнялъ свое моральное лѣкарство, твердо надѣясь на близкое исцѣленіе.

Лиза съежилась отъ словъ Дементьева, какъ отъ физической боли, крѣпко стиснула зубы и не разспрашивала больше.

Конка остановилась. Они вышли изъ вагона и пошли Предмѣстьемъ по незамощеннымъ, грязнымъ отъ дождей тротуарамъ. Подходя къ дому, Лиза пошатнулась и ухватилась за рукавъ Павла Ивановича, чтобы не упасть.

— Вамъ дурно?—спросилъ онъ, пугаясь.

— Пройдетъ сейчасъ,—тяжело дыша, отвѣтила Лиза. Она замѣтила свѣтъ въ окнахъ своей комнаты, и это вызвало у нея внезапное сердцебіеніе. Обыкновенно тамъ не зажигали лампы вплоть до ея прихода. Развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

„Неужели онъ?—колебалась Лиза,—наконецъ то...А можетъ, уборка: полы моютъ? Но чего ради среди недѣли и ночью? Значитъ, что-то другое? Мама вошла, ищетъ чего-то... Кто нибудь, но не онъ. Ему письмо доставятъ не раньше вечера. Пожалуй, не будетъ дома: позвали въ гости, или самъ ушелъ... Нѣтъ, не онъ. Онъ если и пріѣдетъ, то завтра, никакъ не раньше... А если?“

Она боялась подѣлиться догадкой съ Дементьевымъ. Тотъ не знаетъ о письмѣ и будетъ смѣяться, когда выяснится ошибка. Не подастъ вида, а въ душѣ посмѣется. Лиза заспѣшила, Дементьевъ едва поспѣвалъ за нею. Одна мысль, что Иванъ Ѳедоровичъ поторопился на ея зовъ,—уже наполовину примиряла съ нимъ Лизу.

Она не ошиблась. Иванъ Ѳедоровичъ, въ самомъ дѣлѣ, ждалъ ее; онъ дремалъ въ Лизиной комнатѣ, прислонившись головой къ спинкѣ дивана. Въ первую минуту его непріятно удивило появленіе Дементьева въ такой неурочный часъ, но Лиза до того обрадовалась и взволновалась при встрѣчѣ, что ея волненіе растрогало Ивана Ѳедоровича. Она не находила словъ привѣтствія и лишь смотрѣла въ глаза нежданному гостю своими просіявшими глазами. Въ эти три недѣли Лиза и стосковалась безъ Ивана Ѳедоровича, и много сердилась на него за предполагаемую, хотя и недоказанную измѣну, за равнодушное невниманіе, а хуже всего—за столь продолжительное отсутствіе. Однако, при встрѣчѣ съ нимъ сумма нѣжной радости превысила всѣ подозрѣнія, накопившееся недовольство и злость, и Лиза забыла, какъ она собиралась проучить Ивана Ѳедоровича. Дементьевъ оказался лишнимъ.

Онъ понялъ это и, здороваясь съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, язвительно произнесъ:

— А вотъ и докторъ Фаустъ появился.

— И застаетъ здѣсь Зибеля,—добавилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Судьба. Когда Фаустъ ретируется, Зибель постоянно выступаетъ на сцену.

— Не завидую его судьбѣ.

— Дѣло взгляда. На мой вкусъ, его роль—благороднѣе Фауста.

— Что кому нравится. А по моему, Зибель—сплетникъ. Лучше было бы для всѣхъ, если бы онъ умѣлъ держать языкъ за зубами.

— Не вижу повода для Зибеля: почему ему не называть вещи ихъ именами...

Лиза сообразила, что они сейчасъ поссорятся, и вставила въ разговоръ свое замѣчаніе, перебивая обоихъ сразу:

— Такъ мнѣ сегодня нездоровится! Черезъ силу домой доплелась. Спасибо, Павелъ Ивановичъ проводилъ...

Иванъ Ѳедоровичъ обернулся къ ней:

— Что съ вами?

— Да разломило меня. Даже ноги болятъ, до того устала.

Предыдущій разговоръ былъ замятъ.

— И я хандрилъ эти дни,—отозвался Иванъ Ѳедоровичъ. Такая тоска на меня напала... Глазъ никуда не показывалъ.

„Ну, это ты врешь“, — подумала Лиза, вспоминая о Трачевской.

Порывъ нѣжности прошелъ, и снова вспыхнувшая злость вступала въ свои права. Видъ Ивана Ѳедоровича: его фигура, физіономія, привычка слегка растягивать слова и нерѣшительно глядѣть на собесѣдника,—все начинало пробуждать въ душѣ Лизы гнѣвъ и раздраженіе. Она недовѣрчиво усомнилась:

— Такъ-таки никуда не показывались? И у Трачевскихъ не были?

Онъ угадалъ намекъ и, разсердившись, холодно спросилъ:

— При чемъ тутъ Трачевскіе?

Лиза вспылила.

— При томъ Трачевскіе, что напрасно вы думаете меня обманывать! Я васъ не неволю. Можете и вовсе не приходить. Но къ чему дурачить? Я вамъ не какая нибудь...

— Съ ума вы сошли, Лиза? Кто васъ дурачитъ?

— Вы! Я не маленькая... И не дура... Всѣ въ городѣ кричатъ. Уже и въ молочной знаютъ, а вы мнѣ очки втираете... И что вамъ въ ней понравилось? Кошка драная—ваша Трачевская!

Лиза, закусивъ удила, наговорила много лишняго. Голосъ у нея дрожалъ, часто прерываясь. Ея красивое лицо превратилось въ разъяренное, отталкивающее и сразу постарѣло на нѣсколько лѣтъ. Она выражалась тривіально, не взвѣшивая отдѣльныхъ словъ и эпитетовъ: у нея накипѣло на душѣ и уже не было силъ оставаться въ предѣлахъ приличія.

Сначала Ивана Ѳедоровича покоробила ея вульгарность, потомъ онъ понялъ, какое чувство руководитъ Лизой, какія разнорѣчивыя душевныя ощущенія скрываются за ея грубыми словами, и смягчился. Досада испарилась, осталось лишь сожалѣніе, зачѣмъ Лиза мучитъ себя безпричинной ревностью. Въ томъ взглядѣ, какимъ онъ смотрѣлъ теперь

на Лизу, слушая ея рѣзкости, было гораздо больше мягкаго упрека и недоумѣнія, чѣмъ смущенія или желанія оправдаться. Лиза увидѣла, какъ смотритъ Иванъ Ѳедоровичъ, и безъ доказательствъ повѣрила, что онъ правъ. Она запнулась на полуфразѣ, устыдясь своихъ словъ.

— Ну? все?—спокойно спросилъ Иванъ Федоровичъ, беря ее за руку.—Вотъ что я вамъ скажу, Лиза. Не вѣрьте вы глупымъ сплетнямъ. Никогда не вѣрьте. Мало-ли что говорятъ! Говорятъ почти всегда однѣ глупости: запомните это. У Трачевскихъ я, дѣйствительно, бывалъ... И буду бывать, потому что друженъ съ самимъ Трачевскимъ. И ничего больше. Все остальное—ложь. Мы съ вами потолкуемъ объ этомъ послѣ... безъ свидѣтелей... А сейчасъ — напойте-ка Павла Ивановича чаемъ, да и я выпью...

Его спокойствіе и мягкость тона окончательно обезоружили Лизу. Она заплакала. Павелъ Ивановичъ сталъ отказываться отъ чаю, собираясь уходить, но появилась мать Лизы, Прасковья Яковлевна, и задержала его.

Лиза, завидя мать на порогѣ комнаты, сейчасъ же смахнула слезы. Какъ ни въ чемъ не бывало, она заговорила вполголоса съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и онъ внутренно подивился тому умѣнью владѣть собою, какимъ обладала эта не получившая никакого воспитанія дѣвушка.

Прасковья Яковлевна — рыхлая женщина въ широкой кофтѣ изъ синей бумазеи въ горошкахъ подсѣла къ Дементьеву. Она больше благоволила къ почтительному Павлу Ивановичу, чѣмъ къ молчаливому „Лизиному судьѣ". Прасковья Яковлевна любила поговорить, и Павелъ Ивановичъ, повидимому, съ интересомъ выслушивалъ ея рѣчи, находчиво вставляя въ нихъ свои замѣчанія. Ивана Ѳедоровича ея разговоры немножко раздражали. Хотя онъ ничѣмъ не не проявлялъ въ такихъ случаяхъ раздраженія, но Лиза, угадывая его недовольство, всегда перебивала разсказы матери и отдаляла ее отъ Ивана Ѳедоровича. Такъ что Прасковья Яковлевна показывалась у Лизы только въ присутствіи Дементьева.

— Куда же вы, родненькій?—остановила она Павла Ивановича,—безъ чаю? Да развѣ можно? Обождите... Сейчасъ самоваръ поспѣетъ. Уже шумитъ... Съ самоваромъ нашимъ сегодня какое дѣло случилось! Бѣлье у насъ моетъ поденщица. Осталась ночевать: домой ей далеко. Какъ пріѣхалъ Иванъ Ѳедоровичъ, я-то сама наморилась—и говорю ей, поденщицѣ: поставь, Ариша, самоварчикъ. Судья нашъ уже здѣсь, скоро Лизушка будетъ. Для нихъ чай приготовить надо. А она-то спросонья возьми и позабудь про воду: не налила вовсе. И что-жъ бы вы думали? Распаялся...

— Ай-я-й!—сочувственно протянулъ Дементьевъ, вникая въ положеніе вещей.

— Нужно завтра въ починку нести. Этакій самоваръ отличный: четырнадцать рублей Лиза заплатила. А былъ у насъ и старенькій, прежній. Лиза племянницѣ моей отдала... своей двоюродной. Та замужъ шла... за наборщика, изъ губернской типографіи. Хорошій человѣкъ попался. И говорила я Лизѣ: поберечь бы самоварчикъ... Еще и самимъ пригодится. Старое новенькое бережетъ...

— Какъ же вы безъ самовара теперь?

— Одолжили, батюшка, у сосѣдей. Насъ кругомъ всѣ знаютъ, намъ что угодно дадутъ. Только мы не охотники одолжаться. Все больше люди къ намъ, а не мы къ людямъ. Лизушка не любитъ. И я терпѣть этого не терплю. Ну, ужъ сегодня такое дѣло вышло...

Лиза нетерпѣливо сдвинула брови.

— Вы бы, мамаша, пошли посмотрѣли. Еще чужой самоваръ испортятъ...

— Нѣтъ, душенька, не безпокойся. Я сама наливала воду. Черезъ минуту поспѣетъ. Шумитъ уже.

Самоваръ, наконецъ, подали.

Прасковья Яковлевна снова начала говорить съ Дементьевымъ:

— А васъ какъ мой Павлушка дожидался! И не дождался: заснулъ.

— Зачѣмъ я ему?

— Задачи не рѣшилъ онъ. Никакъ не пойметъ... Плакалъ давеча, бѣдный. Даже до слезъ, а не разрѣшилъ.

— Что, видно, опять задача съ бассейномъ?

— Не знаю, родненькій. Просилъ все Павлуша: мамаша, ежели Павелъ Ивановичъ придетъ, разбудите... Хоть за ноги съ кровати, но чтобы я проснулся. Оченно просилъ.

— Что жъ, разбудите молодого человѣка. Не математикъ онъ у васъ.

— Сейчасъ, Павелъ Ивановичъ. Я и говорила ему: не ложись до полуночи, а онъ не выдержалъ.

— Мы съ Иваномъ Ѳедоровичемъ — полуночныя птицы. Раньше не прилетаемъ.

— Не то, что вы... А вотъ и Лизушка у меня. Хозяйка въ домѣ, а какъ жиличка. Рано утромъ да поздно ночью,— только и увидишь ее...

— Такъ разбудите, мамаша, Павлушу,—напомнила Лиза снова съ нетерпѣніемъ.

Прасковья Яковлевна, не спѣша, удалилась.

Павлуша вышелъ къ гостямъ заспанный и сморщенный,

застегивая на ходу свой мундирчикъ. Подъ лѣвой рукой онъ держалъ раскрытый задачникъ.

— Бассейнъ?—коротко спросилъ у него Дементьевъ.

— Тѣнь отъ колокольни, — такъ же коротко отвѣтилъ мальчикъ.

— Съ бассейнами—уже благополучно?

— Умѣю.

— Давай сюда, овладѣемъ колокольней.

Павелъ Ивановичъ прочиталъ условія задачи.

— Какъ же тебѣ не стыдно не догадаться? Тутъ очень просто. Надо лишь сообразить.

— Я соображалъ. Не выходитъ. Вѣрно, отвѣтъ въ задачникѣ неправильный.

Дементьевъ заглянулъ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, отвѣтъ вѣрный. Видишь, дѣло вотъ въ чемъ...

Онъ растолковалъ задачу. Павлуша понялъ, поблагодарилъ и зѣвнулъ.

— Смотри, не забудь до завтра. Пожалуй, заснешь и забудешь?

— Не забуду, у меня на бумажкѣ останется.

— А математикъ изъ тебя всетаки не выйдетъ. Займись лучше какимъ нибудь художествомъ. Вѣрнѣе будетъ. Ну, до свиданья... Мнѣ пора.

Дементьевъ ушелъ, Иванъ Ѳедоровичъ и Лиза остались вдвоемъ.

— Очень обидѣлись на меня?—вопросительно и заискивающе произнесла Лиза, какъ будто не глядя на Ивана Ѳедоровича, но слѣдя боковымъ взглядомъ за выраженіемъ его лица.

Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не очень. Что васъ укусило сегодня? Всегда такая уравновѣшенная...

— Не сердитесь,—виновато выговорила Лиза,—васъ все не было, я и подумала... Такъ тяжко мнѣ! Злая стала, какъ вѣдьма.

— Что же вы подумали?

— Что вы боитесь.

— Чего?

— Ну, какъ чего? Думала, вы замѣтили и ушли. Не бойтесь, Иванъ Ѳедоровичъ... Приходите. Я все приму на себя: и выхожу его, и вырощу... Ни за что не отдамъ въ воспитательный. Мой грѣхъ, мой и отвѣтъ будетъ. А до васъ это не касается...

Ивана Ѳедоровича ошеломили ея слова. Въ секунду онъ припомнилъ сегодняшнее письмо Лизы, только теперь уразумѣлъ его содержаніе и самъ поразился: можно ли было

быть настолько ослѣпленнымъ? Какъ онъ не догадывался раньше? Онъ сразу охватилъ всю степень важности случившагося факта, и странное чувство постепенно наполняло его душу: точно на него накинули петлю, изъ которой не остается возможности вырваться. Широко открывъ глаза, глядѣлъ онъ на Лизу, какъ бы впервые видя ее передъ собою или внимательно разсматривая, что это за существо передъ его глазами. Онъ думалъ: отнынѣ все должно пойти по новому, но боялся остановиться на этой мысли и опредѣлить, въ чемъ именно будетъ состоять перемѣна.

Лиза безъ усилій молча выдерживала его пристальный взглядъ.

Иванъ Ѳедоровичъ заговорилъ первый:

— И до сихъ поръ не сказали мнѣ?

— А зачѣмъ говорить? Развѣ такъ не видно?

— Я не видѣлъ.

Лиза удивилась и какъ будто не повѣрила. Но промолчала.

— Что же теперь дѣлать? — растерянно спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ скорѣе у себя, чѣмъ у Лизы.

— Я уже все обдумала! — съ живостью прервала его Лиза. — Въ молочную больше ходить не буду. Пережду... И то смѣются. А тамъ — опять поступлю на должность, и онъ пусть тогда растетъ при мнѣ. Справлюсь! У меня хватитъ силы. Не оставляйте вы меня: тоскую безъ васъ, не дай Господи... Вѣдь мнѣ ничего не надо... Чего вы испугались?

— Кто вамъ сказалъ, что я испугался? Хорошаго же вы обо мнѣ мнѣнія!

— Мужчины всѣ такіе, — съ убѣжденной твердостью грустно произнесла Лиза.

— Будто?

— Конечно.

— Если и я таковъ по вашему, то какъ же вы могли... ну, хоть симпатизировать мнѣ?

— Надо же кого нибудь любить, — простодушно пояснила Лиза. — Жизнь бѣжитъ, и такъ, одной жить... тоже не радость. А вы мнѣ по душѣ пришлись, потому что — скромный, не наглый... Не люблю тѣхъ, которые нахальные.

— Тронутъ...

Иванъ Ѳедоровичъ иронически наклонилъ голову, но задумавшаяся Лиза не замѣтила его ироніи.

Довольно долго длилось молчаніе. Опять началъ говорить Иванъ Ѳедоровичъ:

— А какъ же я буду? Обо мнѣ вы не вспомнили, когда все рѣшали сами? Не подумали, каково мнѣ?

— Да вамъ то что?

— Что мнѣ? Но вѣдь такія вещи не оставляются на

произволъ судьбы. Вы изволите все принимать на себя? Чудесно. А моя роль? Мнѣ значитъ предстоитъ жить и постоянно думать: вонъ, гдѣ-то тамъ мыкается мой ребенокъ... Безъ семьи, безъ опоры, обиженный, обойденный... Господи помилуй! Да это никогда не заснешь спокойно! Вѣчно будетъ стоять передъ глазами...

— Заснете! Не вы одинъ. У всякаго есть этакія дѣти.. И спятъ же?

— Какое же мнѣ дѣло до всякаго! Я о себѣ говорю.

— Ну, поможете ему, коли захотите. Никто вамъ не помѣшаетъ.

— Поможете! легко сказать... Нѣтъ, тутъ ужъ рублемъ не откупишься. Не то, Лиза, не то...

— А что же?

— Попробую я потолковать съ моею матерью? Попрошу усыновить? Она любитъ меня... Согласится, навѣрное.

Лиза вспыхнула румянцемъ гнѣва.

— Такъ я вамъ его и отдамъ! У меня, можетъ, только и утѣшенія останется... А вы и то забрать хотите? Не отдамъ. И не думайте...

— Какъ вы не можете понять...

— Чего понимать? Вамъ страшно, что незаконный? Это не порокъ. Я и сама незаконная. И Павлуша у насъ—незаконный, а еще Богъ дастъ, какой человѣкъ будетъ! Получше другихъ законныхъ. Незаконнымъ Богъ помогаетъ.

— Что вы говорите, Лиза!

— Что думаю, то и говорю. Нынче незаконнымъ новыя права даютъ. Можетъ, легче станетъ... Да и такъ — что за бѣда? Я бы хотѣла дѣвочку: выростетъ, выйдетъ замужъ — и въ законѣ... Въ гимназію отдамъ...

— Раньше вы сами можете замужъ выдти. Ребенокъ вамъ мѣшать будетъ.

— Напрасно говорите про это... Ей Богу, напрасно. Я васъ и въ глаза не видала, а ужъ постановила себѣ: не идти замужъ.

— А студентъ тотъ? помните?

— То еще раньше было. Потомъ увидѣла: лучше не идти совсѣмъ. За простого выйду,—онъ для меня неподходящій... За такого, какого мнѣ надо... я ему, какъ ярмо на шеѣ. Не надо никакого, когда такъ. Справлюсь и одна... Такъ и постановила тогда: выберу себѣ, чтобы понравился, и буду любить, а замужъ не пойду вовсе... Не желаю.

Иванъ Ѳедоровичъ задумался. Невидимая петля обвивала его все тѣснѣе и крѣпче, и онъ уже не помышлялъ о сопротивленіи.

— Въ такомъ случаѣ,—отважно отчеканилъ онъ, закры-

вая глаза и испытывая ощущеніе, подобное тому, какое испытывается при паденіи съ огромной высоты:—въ такомъ случаѣ больше ничего не остается, какъ повѣнчаться намъ съ вами.—И едва онъ выговорилъ эти слова, какъ гнетущая тяжесть легла на его душу и заслонила отъ него все, на что онъ до сихъ надѣялся. Иванъ Ѳедоровичъ рѣдко думалъ о женитьбѣ. Но бракъ рисовался ему въ будущемъ въ видѣ идеально-чистаго, поэтическаго образа, долженствующаго составить самую яркую эпоху въ его жизни. Сейчасъ мечта погибала безъ возврата. Вмѣсто нея, Иванъ Ѳедоровичъ сознательно взваливалъ себѣ на плечи новый, обременительный грузъ, взваливалъ надолго, быть можетъ—до могилы.

Лиза взглянула на него не то сердито, не то испуганно.

— Зачѣмъ же?—съ обидой въ голосѣ воскликнула она:—у васъ одна дорога, у меня—другая. Вовсе не нужно...

Онъ не обратилъ вниманія на ея интонацію и слегка назидательно замѣтилъ:

— Рѣчь идетъ не о васъ и не обо мнѣ. Надо подумать о третьемъ.

— О немъ я день и ночь думаю. Безъ конца все думаю. И буду думать... А только къ чему же вамъ завязывать свѣтъ? Все равно, хорошей жизни не будетъ.

— Вы полагаете?

— Да какъ же? Вѣдь вы такой... вы и за себя не постоите. Не то, чтобы за другого. И выйдетъ вотъ какъ: дома жалѣть меня будете, а на людяхъ—стыдиться. Какъ и тотъ панъ, тоже. Вдвоемъ если съ нимъ, такъ, Боже мой! Какой добрый... а встрѣтилъ при чужихъ и не поклонился! Нѣтъ ужъ... Не надобно.

Иванъ Ѳедоровичъ былъ удивленъ. То, что она не ухватилась съ жадностью за его вынужденное предложеніе, возвышало Лизу въ его глазахъ, хотя одновременно онъ испытывалъ также глухую, неясную для него самого обиду отъ ея неожиданнаго отказа. Онъ продолжалъ прежнимъ тономъ.

— Есть случаи, когда нельзя разсуждать: хочу или не хочу... Долженъ! Совѣсть велитъ и дѣлаешь, какъ она прикажетъ. Хоть и не желаешь, а слушаешься.

— Зачѣмъ же?—повторила свой вопросъ Лиза:—никто не неволитъ. Не хочется, и не нужно. Каждый пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ.

— А потомъ—что? Не знать ни минуты покоя? Повторять себѣ при каждомъ удобномъ поводѣ: подлецъ, ты подлецъ?

— Другіе же не повторяютъ?

— Мы этого не знаемъ. Жить, чтобы не въ чемъ было упрекнуть себя, да-а-а, вотъ задача.

— И я хочу жить по совѣсти,—задумчиво возразила

Лиза,—если бы видѣла, что вы ко мнѣ всей душой, ну, тогда... я понимаю. А такъ? То же неволя! еще хуже намучаешься...

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ уловилъ, что говоритъ съ нею слишкомъ холодно, разсудочно, риторически, обижая ее своею холодностью. Онъ перемѣнилъ тонъ на болѣе ласковый, и Лизу этотъ пріемъ немедленно успокоилъ. Она даже стала просить извиненія у Ивана Ѳедоровича, перешла отъ оффиціальнаго „вы“ къ интимному „ты“ и нѣсколько разъ въ недоумѣніи повторила:

— Значитъ, вотъ ты какой?

Но провожая Ивана Ѳедоровича со свѣчею въ рукахъ до входныхъ дверей, она опять произнесла съ колебаніемъ въ голосѣ и опять на „вы“:

— И всетаки... Тутъ что-то неладно. Можетъ, вы сгоряча рѣшили? Не подумавши? Обсудите... Я не принуждаю. Лучше подождать рѣшаться, и не говорите теперь никому. Бываетъ, дѣти мертвые родятся или вообще... можетъ, вы передумаете. Смотрите, чтобы потомъ не каяться!

Иванъ Ѳедоровичъ вмѣсто отвѣта—махнулъ рукою.

. . . . . .

Долго шелъ онъ по заснувшимъ улицамъ Предмѣстья и города. Въ полночь выпалъ большой дождь, и сейчасъ съ неба непрерывно моросило что-то мелкое, мокрое, густое. Было очень темно и грязно. Приближаясь къ центру городской территоріи, Иванъ Ѳедоровичъ набрелъ на задремавшаго извозчика, хотѣлъ было окликнуть, но раздумалъ и, постоявъ немного, пошелъ пѣшкомъ дальше. Приливъ разнородныхъ мыслей и чувствъ, налетѣвъ на Ивана Ѳедоровича, не давалъ ему опомниться. Жаль было Лизу, но жаль и себя. А больше всего сожалѣлъ онъ, зачѣмъ все это такъ случилось, зачѣмъ возникли непредвидѣнныя осложненія? Онъ былъ благодаренъ Лизѣ: все же не связала его сразу, не потребовала категорическихъ обѣщаній, не проявила даже затаеннаго намѣренія поймать его въ ловушку. Это тѣмъ болѣе цѣнно, что по своему Лиза несомнѣнно привязалась къ нему, даже полюбила, быть можетъ. И безкорыстно пренебрегаетъ ради него своими выгодами, оставляетъ совершенно открытыми дороги къ отступленію. Но, думая объ этомъ, Иванъ Ѳедоровичъ въ то же время чувствовалъ себя уже связаннымъ съ Лизой и напередъ зналъ, что не сможетъ противиться тому опредѣленному внутреннему голосу, который подсказывалъ ему, какъ поступать.

Впослѣдствіи онъ будетъ сожалѣть, раскаиваться, томиться отъ душевной неудовлетворенности, отъ всей тяжести принятой на себя ноши, но теперь—для него уже не остается

путей къ избавленію. Разъ появится на свѣтѣ близкое живое существо, одновременно съ его рожденіемъ для Ивана Ѳедоровича возникнутъ новыя обязанности, отвѣтственность за чужую участь. И чуть это сознаніе дойдетъ до умственнаго кругозора Ивана Ѳедоровича,—кончено. Тогда онъ рабъ своего долга, своихъ обязанностей. Хотя бы рабство было для него и въ тягость, онъ останется неизмѣненъ, не преступитъ того, что считаетъ обязанностью, не нарушитъ долга. Въ его натурѣ прочно заложено нѣчто рабское: вялая, пассивная душа, лишенная иниціативы, тренированная въ рабскихъ чувствахъ. Потому-то онъ и не живетъ всю жизнь такъ, какъ ему хотѣлось бы, а больше мается по указаніямъ судьбы. Да и многіе-ли живутъ по своему усмотрѣнію? Даже въ личныхъ дѣлахъ, даже въ мелочахъ? Неуклонно дѣйствуютъ однѣ исключительныя личности, если онѣ одарены могучей, часто жестокой силой воли, или славолюбивой настойчивостью. А безвольное большинство довольствуется отрицательными заслугами, культомъ отрицательныхъ добродѣтелей. Не дѣлать того, что мнѣ кажется дурнымъ! И не дѣлаю... Или, по крайней мѣрѣ, чистосердечно прилагаю усилія „не дѣлать". Въ случаѣ же спросятъ,—хорошо, но гдѣ же твоя самостоятельная, творческая, созидательная работа?—отвѣта нѣтъ...

Иванъ Ѳедоровичъ осуждалъ въ своемъ лицѣ слабовольное большинство, а гдѣ-то, въ тайникахъ его души, еще теплилась слабая надежда: авось все обойдется благополучно? Лиза сказала: бываетъ, дѣти мертвые родятся... Разумѣется, бываетъ. И кажется, въ большомъ процентѣ? Какъ бы то ни было, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Лиза права: обождать, обождать... Авось буря пронесется мимо, не разрушая ничьего жизненнаго строя, никого не вызывая на жертвы. Онъ начиналъ уповать на спасительное „авось", и стыдно становилось ему передъ собою за такую эгоистическую надежду.

Въ центрѣ города воздухъ сдѣлался теплѣе, но и здѣсь было невыносимо сыро.

По обѣимъ сторонамъ улицы еще горѣли фонари, теряясь въ дождливой мглѣ. На мостовой тряслись извозчичьи дрожки, по тротуарамъ шлепали калошами пѣшеходы. За угломъ, подлѣ увеселительнаго „Шато", взвизгивалъ полицейскій свистокъ. Иванъ Ѳедоровичъ всматривался въ туманную даль, и темнота этой ненастной ночи казалась ему такой же безысходной, какъ и тяжелое настроеніе его встревоженной души.

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ ОСОБНЯЧКѢ.

Разсказъ.

Ивану Павловичу скучно. День былъ—какъ день, какъ всѣ дни Ивана Павловича. Ничего особеннаго не случилось въ палатѣ, ничѣмъ не грозили изъ Петербурга, не поступало изъ другихъ палатъ коварныхъ, язвительныхъ бумагъ,—наоборотъ, онъ самъ только что написалъ въ помѣщавшуюся противъ его палаты такую же желтую каменную палату тонко-коварную и уничтожающе-язвительную бумагу, одну изъ тѣхъ, на которыя онъ былъ признаннымъ мастеромъ и которыя всегда приводили его въ отличное расположеніе духа. Онъ только что снялъ свой мундиръ и надѣлъ легенькій пиджачекъ, сидѣлъ съ разстегнутой грудью на террасѣ своего, отодвинутаго отъ улицы въ садъ, маленькаго особнячка, который онъ называлъ Островомъ Согласія. Все было какъ всегда,—его дожидался обѣдъ,—на бѣлоснѣжной скатерти стояли маленькій графинчикъ съ охлажденной на снѣгу водкой, отчего стекло потѣло; въ серебряной мисочкѣ сѣроватая глыбка свѣжей икры съ кусочкомъ льда въ серединѣ и были уже разставлены на столѣ многочисленные ингредіенты знаменитой въ городѣ ботвиньи Ивана Павловича. И тѣмъ не менѣе не было того, что бывало всегда, того особеннаго ощущенія освобожденія отъ мундира и палаты, тишины и покоя, которое онъ всегда испытывалъ на террасѣ своего особнячка. Не было согласія въ душѣ его, и было ему скучно.

Бывало скучно Ивану Павловичу и раньше, и въ послѣдніе годы все чаще и чаще, но то была виновата печень,—такъ онъ думалъ, такъ докторъ подтверждалъ. Нужно было только влить въ себя извѣстное количество бутылокъ карлсбада, походить по два часа въ день, да отказаться отъ клубныхъ ужиновъ, чтобы равновѣсіе организма Ивана Павловича возстановлялось и чтобы онъ снова приходилъ въ то ровное и бодрое настроеніе здороваго, радующа-

гося жизни человѣка, благодаря которому онъ назывался въ городѣ украшеніемъ общества. Онъ только что окончилъ курсъ карлсбада, старательно продѣлалъ все положенное и тѣмъ не менѣе ему было скучно. Иванъ Павловичъ выпилъ рюмку холодной водки и не повторилъ, балыкъ былъ прѣсный, а икра соленая, въ ботвиньѣ было мало соли и слишкомъ много сахару и дура Домна забыла подать раковыя шейки.

Было жарко и душно. Было жарко и душно въ пыльныхъ безлюдныхъ улицахъ города, по которымъ шелъ изъ присутствія Иванъ Павловичъ, было жарко и душно запыленнымъ тополямъ, цвѣтамъ съ поникшими головками, высохшей травѣ передъ террасой. Былъ вѣтеръ. И вѣтеръ не приносилъ прохлады, отъ него дѣлалось еще жарче и душнѣе, и деревья вздрагивали отъ порывовъ его и шумѣли сухимъ мертвымъ шелестомъ свернувшихся пожелтѣвшихъ листьевъ. Небо было ясное и чистое, и неизвѣстно, откуда брался вѣтеръ, и неизвѣстно, зачѣмъ онъ дулъ. Спутанный ворохъ какой-то высохшей травы и оторванныхъ сучьевъ докатился изъ глубины сада до калитки и глухо шумѣлъ жесткимъ тревожнымъ шелестомъ.

Иванъ Павловичъ думалъ, что сегодня жарко и душно, что въ палатѣ ремонтъ и пахло краской, что Ольга Петровна уѣхала изъ города къ сестрѣ и не къ кому ходить ему пить кофе, что уѣхалъ куда-то въ лѣсъ, на какое-то дурацкое озеро, гдѣ окуни хорошо клюютъ, Анемподистъ, и нельзя теперь устраивать обычный винтъ въ клубѣ. Мысли у него были скучныя, спутанныя и сердитыя. Злился онъ на Ольгу Петровну, на длиннаго Анемподиста съ унылыми усами — и отчество у него было такое же длинное и нелѣпое и потому въ городѣ не успѣвали выговорить и всѣ звали Анемподистъ— злился, что изощренная язвительная бумага, предназначенная Анемподисту, попадаетъ не къ нему, а къ его помощнику, что не придетъ онъ, какъ всегда, въ восемь часовъ въ клубъ къ раскрытому зеленому столу. И все представлялся ему Анемподистъ тамъ, на томъ дурацкомъ озерѣ, упорно смотрящій на поплавокъ и окруженный сыновьями, мальчишками, такими же нелѣпыми, длинными и такими же унылыми...

Въ сосѣднемъ саду порывисто вздыхали деревья и замолкали, и снова вздыхали. И вѣтеръ былъ бездушный и безсмысленный, неизвѣстно, откуда онъ брался и зачѣмъ дулъ, и жуткая тревога стояла въ воздухѣ, и неизвѣстно почему Ивану Павловичу было скучно,—тревога и печаль стояли въ его душѣ.

II.

Онъ былъ большой и сильный. У него было бѣлое здоровое упругое тѣло, начинавшіе сѣдѣть скобелевскіе баки, и смѣялся онъ громкимъ радостнымъ смѣхомъ здороваго веселаго человѣка. Онъ былъ холостъ и одинокъ, гордился титуломъ президента клуба безнадежныхъ холостяковъ, любилъ говорить, что онъ крѣпость—въ плѣнъ беретъ, но самъ не сдается. Это не мѣшало ему быть признаннымъ цѣнителемъ женской красоты и признаннымъ другомъ дамъ. Вмѣстѣ съ избранными дамами города онъ покровительствовалъ животнымъ и былъ президентомъ „Общества разведенія кохинхинскихъ куръ", гдѣ совсѣмъ не было куръ, а были однѣ дамы, почему ядовитый Анемподистъ и называлъ его „Обществомъ разведенія кохинхинскихъ дамъ".

По воскресеньямъ Иванъ Павловичъ ходилъ пить кофе къ Ольгѣ Петровнѣ, и, если въ будніе дни не являлся къ положеннымъ восьми часамъ въ клубъ, его обычные партнеры знали, что онъ у Ольги Петровны, и начинали искать четвертаго.

Въ городѣ передавали знаменитую остроту Ивана Павловича:

— Я очень люблю маленькихъ дѣтей... Только когда они плачутъ...

— Почему?

— Потому что ихъ тогда уносятъ.

Когда-то онъ былъ маленькимъ ребенкомъ, плачущимъ ребенкомъ,—тамъ „у степу", гдѣ стоялъ домикъ подъ соломенной крышей, окруженный унылыми ракитами, гдѣ натыкалъ онъ себѣ голыя ноги объ острое жнивье, дрогъ въ ночномъ и все плакалъ и плакалъ. Тамъ блеяли ягнята подъ лавками и цѣлыя ночи со стономъ качались зыбки съ дѣтьми, которыя болѣли и умирали и снова родились для того, чтобы болѣть и умирать. Тамъ были слезы, смѣнявшіяся бранью, и брань—слезами. Мясо тамъ было праздникомъ и мѣдный пятакъ большими деньгами, и материнскія платья и отцовскіе полукафтанья перелицовывались и перекраивались въ костюмы дѣтей.

Оттуда онъ вынесъ ненависть къ низкимъ и темнымъ душнымъ комнатамъ, къ дѣтскимъ пеленкамъ, къ печали, слезамъ и убожеству маленькой жизни, тамъ у него сложилась его теорія, по которой онъ жилъ и которую часто развивалъ своимъ знакомымъ. Задача жизни—имѣть чистое и хорошее, не рваное бѣлье, бѣлоснѣжную скатерть, красивыя

свѣтлыя и высокія комнаты; цѣль жизни человѣка, какъ выражался Иванъ Павловичъ, „прослѣдовать“ жизнь корректно и опрятно, безъ скандаловъ, безъ брани и слезъ, безъ дыръ и терній, понимая послѣднее въ расширительномъ смыслѣ, т. е. избѣгая самому и не втирая терній въ тѣло другихъ, по возможности беря отъ жизни все красивое и сладкое и избѣгая всего темнаго и горькаго. Въ свое время отдать дань юности, въ свое время взять отъ жизни статскаго совѣтника и четыре тысячи жалованья, прослѣдовать покойную сѣдую жизнь, и въ свое время уйти по возможности попозже и по возможности культурно и комфортабельно.

Былъ одинъ моментъ, когда его теорія готова была погибнуть, когда онъ совсѣмъ было собрался промѣнять то, что онъ считалъ красотой и радостью жизни, на маленькія сѣренькія будни. Это было тогда въ Петербургѣ, когда онъ оканчивалъ университетъ. Къ нему шла милая дѣвушка съ ясными глазами и нѣжной улыбкой и говорила: „возьми меня!“ Онъ не взялъ, чтобы не тяжело было идти, не взялъ потому, что испугался маленькой сѣренькой жизни, потому что не хотѣлъ идти въ низенькія комнаты къ дѣтскимъ пеленкамъ, къ печали, слезамъ и брани маленькой сѣренькой жизни. Онъ пошелъ одинъ, хотя ему было и трудно уйти, и долго въ длинныя ночи одиночества онъ просыпался съ бьющимся сердцемъ отъ сновидѣній: все не покидало его милое личико дѣвушки съ ясными глазами и нѣжной улыбкой. Черезъ пятнадцать лѣтъ онъ увидѣлъ ее, полную, суетливую и озабоченную. Отъ материнскихъ слезъ померкли прекрасные ясные глаза и маленькая жизнь сѣрой пылью легла на милое личико. Полная, озабоченная женщина пришла просить устроить ея мужа въ палатѣ, говорила длинныя скучныя слова о дровахъ, о квартирѣ, о мальчикѣ въ коклюшѣ, и улыбалась она,—старалась бѣдная улыбнуться,—той старой нѣжной улыбкой, которой улыбалась ему пятнадцать лѣтъ назадъ.

Съ тѣхъ поръ покинули его сновидѣнія, и жизнь стала проста и ясна, и программа жизни не подвергалась больше сомнѣніямъ. Онъ мало отдалъ юности: ему некогда было, пока онъ бѣгалъ по урокамъ; но онъ взялъ отъ жизни то, что хотѣлъ взять: былъ статскій совѣтникъ, получалъ четыре тысячи жалованья.

У него былъ солидный маленькій особнячокъ, липовая аллейка въ саду, цвѣтничокъ передъ домомъ. Въ домѣ было красиво, уютно и тихо, мебель была дорогая, солидная и покойная, двери не скрипѣли и стулья не шатались. Горничныя были хорошо одѣты, миловидныя и учтивыя, и ходили по комнатѣ безшумными шагами; кухарки были „за повара“, и рѣдкіе интимные ужины, которые онъ давалъ членамъ клуба

безнадежныхъ холостяковъ и дамамъ, признававшимъ этотъ институтъ, пользовались въ городѣ заслуженной извѣстностью. Горничныя врали и воровали бѣлье и серебряныя ложки, кухарки представляли фантастическіе счета, но Иванъ Павловичъ любилъ тишину и покой, говорилъ, что это „обычное право“ и „прибавочная стоимость“, и, когда кухарка развивала предъ нимъ убѣдительную аргументацію, по случаю внезапнаго повышенія стоимости рыбы на рынкѣ, онъ смотрѣлъ въ убѣжденное лицо кухарки и благосклонно говорилъ

— Хорошо... Очень хорошо.

Когда нормы обычнаго права и прибавочной стоимости рѣзко нарушались, тогда знаменитые въ городѣ скобелевскіе баки негодующе дрожали, выпуклые глаза Ивана Павловича наливались кровью и метали молніи, и раскаты гнѣвнаго баритона носились въ маленькомъ особнячкѣ. Тогда происходила смѣна министерства и появлялось новое министерство съ законными нормами обычнаго права и прибавочной стоимости.

И снова дѣлалось тихо, свѣтло и красиво въ маленькомъ особнячкѣ, снова опрятно и корректно слѣдовалъ по путямъ жизни Иванъ Павловичъ. Больше половины пути было уже пройдено, и хотя онъ не собирался уходить, но Карлсбадъ и сѣдую жизнь уже началъ.

III.

Тогда произошло, какъ выражался Иванъ Павловичъ, батыево нашествіе на его жизнь Домны. Вошла она совершенно случайно, послѣ смѣны одного изъ министерствъ. Въ концѣ концовъ, Ивану Павловичу надоѣлъ принципъ раздѣленія властей, котораго онъ держался въ своемъ хозяйствѣ,—надоѣли вѣчныя войны дворниковъ съ горничными и кухарками, сопровождавшіяся криками и подбитыми глазами. Въ особенности, надоѣли горничныя,—именно тѣ лощеныя, учтивыя и франтоватыя горничныя, которыя приходили наниматься къ нему почему-то все молодыя и миловидныя и почему-то всегда встрѣчали его, когда онъ ночью возвращался изъ клуба, въ особенно подчеркнутомъ дезабилье, съ цвѣточкомъ или свѣтленькой ленточкой въ волосахъ.

Потому онъ и взялъ ходившую въ городѣ по кухаркамъ Домну, жену его дворника, взялъ, не смотря на то, что она была „дылда“ и „лошадь“ и было у ней застывшее деревянное, никогда не улыбавшееся лицо и острыя лопатки, все двигавшіяся и дѣлавшія ее похожей на почтовую лошадь, и что вся она,—длинная, костистая и молчаливая,—не под-

ходила къ красивому и уютному домику Ивана Павловича. Гораздо труднѣе было бы сказать, почему она осталась и укрѣпилась въ маленькомъ особнячкѣ. Это было воистину батыево нашествіе. Три дня пыль и громъ стояли въ домѣ, Иванъ Павловичъ убѣгалъ изъ дому и готовъ былъ разразиться гнѣвными баритоновыми нотами; но необыкновенное количество пыли и паутины, собранное Домной изъ-за сдвинутыхъ съ мѣста шкафовъ и комодовъ и перевернутой мебели, заставляло его страдать, но терпѣть. Потомъ начались ежедневные подробные доклады о „семиткѣ", переплаченной за морковь, и о гривенникѣ, перерасходованномъ за карасей. Иванъ Павловичъ попробовалъ въ первый же разъ примѣнить старую систему и благосклонно качалъ головой и говорилъ:

— Хорошо... Очень хорошо.

Но Домна принесла счеты и сказала:

— Думаться будетъ, баринъ! Нѣтъ, ужъ вы положите на счеты.

И была въ ея лицѣ и фигурѣ такая несокрушимость и непреоборимость, что Иванъ Павловичъ глубоко вздыхалъ и злился, но отодвигалъ палатскія бумаги, бралъ счеты и клалъ гривенники, семитки и копѣйки.

Была она „лошадь", „дылда", „дура феноменальная", „дебоширка", „бенгальская тигра", и числилось за ней еще много гнѣвныхъ и яркихъ опредѣленій Ивана Павловича, но она осталась даже и тогда, когда онъ прогналъ излѣнившагося и избаловавшагося Домнинаго мужа, и даже—какъ-то незамѣтно вышло—осталась одна за горничную и кухарку. Иногда случались экстравагантныя дебоширства. Какъ-то весной Иванъ Павловичъ уѣхалъ на три дня на охоту и, когда возвратился, зеленая лужайка передъ домомъ, на которой онъ все собирался возростить мавританскій лугъ, оказалась раскопанной, были уже обдѣланы грядки и на грядкахъ посажены огурцы, редиска, капуста и прочая снѣдь. Тогда выпуклые глаза налились кровью и метали молніи, Иванъ Павловичъ наступалъ на Домну и гнѣвный баритонъ гремѣлъ:

— Кто тебѣ позволилъ? Я тебя спрашиваю, обломъ ты, кто тебѣ позволилъ? Получай разсчетъ! Чтобы духу твоего не было.

А Домна стояла предъ нимъ несокрушимая и непреоборимая и говорила:

— Чего она зря, земля-то лежитъ! По крайности своя морковь будетъ, капуста, рѣдька. Опять же огурецъ...

Онъ ждалъ, когда Домна придетъ за разсчетомъ, а она—когда ей дадутъ разсчетъ, и какъ-то такъ случилось, что прошла давность, и Домна продолжала служить. Въ другой

разъ передъ Рождествомъ, не смотря на категорическое запрещеніе ненавистной Ивану Павловичу передъ-праздничной уборки, она всетаки снова перевернула домъ вверхъ дномъ и при этомъ стерла съ печки нарисованный углемъ заѣзжимъ художникомъ портретъ длиннаго Анемподиста въ видѣ Мефистофеля на скалѣ,—рисунокъ, извѣстный всему городу и составлявшій предметъ гордости Ивана Павловича. И опять на сверканія его глазъ, на грозные оклики Домна съ прежней несокрушимостью отвѣчала:

— Чай Рождество Христово... Всѣ люди, какъ люди—къ празднику убираются, а вы, баринъ, такую пакость въ домѣ развели,—пылище, паутина... Да еще нечистая сила на печкѣ сидитъ!

Иванъ Павловичъ непоколебимо положилъ прогнать Домну сейчасъ же послѣ праздниковъ, но опять какъ-то вышло, что Домна осталась. И какъ ни ругался Иванъ Павловичъ, какъ ни приказывалъ строго-на-строго не касаться письменнаго стола, — столъ былъ всегда убранъ по тому особенному порядку, который несокрушимо сидѣлъ въ головѣ Домны: болшія книги съ большими, маленькія съ маленькими, большія бумаги отдѣльной стопочкой, а маленькія—отдѣльной.

Потомъ, устроивши по своему разумѣнію домъ и садъ, Домна принялась за самого Ивана Павловича, и всѣ продырявленные носки оказались заштопанными, и, не смотря на гнѣвъ Ивана Павловича, чувствовавшаго съ дѣтскихъ лѣтъ ненависть къ заплатанному платью и заштопаннымъ носкамъ, не смотря на бросаніе ихъ въ лицо Домны, въ концѣ концовъ, онъ покорился и началъ ходить въ заштопанныхъ носкахъ. И вообще сталъ покоряться. Осенью, когда было сиверко, Домна подавала уходившему на службу Ивану Павловичу осеннее пальто, вмѣсто „демисезона", который онъ, франтовства ради, желалъ надѣть, и подставляла ботики вмѣсто калошъ, и, если лицо Ивана Павловича начинало краснѣть и скобелевскіе баки тряслись, она говорила спокойно и убѣжденно:

— Нельзя, баринъ! Вонъ какой вѣтеръ свищетъ! Да я и портному велѣла завтра придти,—рукавъ въ немъ распоролся, въ легкомъ-то.

Иванъ Павловичъ съ ругательствами натягивалъ осеннее пальто и всовывалъ ноги въ ботики и, когда встрѣчалъ на улицѣ одну изъ дамъ, тяготѣвшихъ къ клубу безнадежныхъ холостяковъ, конфузливо смѣялся и, разводя руками, говорилъ:

— Представьте, дура-то моя, — демисезонъ распорола! Вотъ и приходится ходить въ осеннемъ...

И сталъ часто разсказывать знакомымъ про Домну. Ея неисто-

вое нашествіе на мирный и тихій маленькій особнячекъ было такъ необыкновенно и такъ переполнило жизнь Ивана Павловича, что онъ не могъ не дѣлиться съ друзьями, и въ восемь часовъ вечера, вскрывая карты для винта, сообщалъ своимъ партнерамъ про новый фортель, выкинутый дылдой и феноменальной дурой. Вслѣдствіе этого Домна сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ знаменитостью въ городѣ, и отдѣльныя выраженія ея вошли въ обиходъ клуба и города. Въ особенности понравилось: „безъ никоторой надобности", и съ тѣхъ поръ, когда зарвавшійся игрокъ безъ должныхъ рессурсовъ объявлялъ шлемъ и ремизился, партнеръ говорилъ ему:

— Ну это вы, Анемподистъ Поликарповичъ, безъ никоторой надобности!

Разъ Иванъ Павловичъ, тоже вскрывая карты, заговорилъ:

— Нѣтъ, представьте, моя-то дура...

Но „феноменальная" не прибавилъ и сталъ очень быстро мѣшать карты и торопливо разсказалъ достопримѣчательный случай изъ своей палаты.

А дѣло было вотъ въ чемъ. Иванъ Павловичъ возвратился съ охоты-пикника больной, въ жару. Всю ночь метался онъ на постели, все горѣлъ передъ нимъ жаркій огромный до неба костеръ, все лаяли собаки и трубилъ рогъ, и все хотѣлъ онъ сказать, чтобы потушили костеръ, чтобы не лаяли собаки и не трубилъ рогъ. Тогда къ нему наклонилась голова и ласковый голосъ сказалъ удивительное слово:

— Баринокъ!.. Баринокъ вы мой хорошій! Дайте-ка я васъ оботру водицей съ уксусомъ... Въ больницѣ служила, знаю...

Онъ не могъ сопротивляться, и Домна раздѣла его и вытерла водицей съ уксусомъ, напоила горячей малиной и подоткнула со всѣхъ сторонъ одѣяло. И не трубилъ рогъ, замолчали собаки, потухъ костеръ, и какъ всегда, когда онъ былъ боленъ, ему сдѣлалось жалко себя, какъ ребенка,—маленькаго одинокаго, покинутаго ребенка, и соленыя слезы текли изъ глазъ. Всю ночь, когда онъ высовывалъ голову изъ-подъ одѣяла, онъ видѣлъ,—на его письменномъ столѣ горѣла красная лампадка, принесенная изъ того домика подъ соломенной крышей, и у бѣлой печки сидѣла, какъ большая собака, Домна съ качающейся сонной головой и стерегла его. И когда Иванъ Павловичъ шевелился, она просыпалась и не Домнинымъ голосомъ, голосомъ изъ того домика подъ соломенной крышой, говорила ему:

— Испить, что-ли?..

И поила его теплой малиной, обтирала потъ съ его лица и опять сидѣла у печки, какъ собака, стерегла его и качала сонной головой.

Въ свое время „сады“ Домны выросли и уродилась всякая снѣдь,—редиска и огурецъ, и рѣдька, и капуста. Иванъ Павловичъ продолжалъ свое оппозиціонное отношеніе и, когда былъ кто-нибудь на балконѣ, нарочно при Домнѣ говорилъ:

— Представьте, совсѣмъ ужъ собрался мавританскій лугъ вотъ тутъ развести... И сѣмена хотѣлъ ужъ выписывать... А она вонъ что натворила!..

Но по утрамъ, когда Домна уходила на базаръ, Иванъ Павловичъ въ туфляхъ и въ легонькомъ пиджачкѣ спускался къ садамъ и тщательно осматривалъ, что случилось за день: какъ поднялся горохъ, что капуста, наливается-ли брюква, которую онъ такъ любилъ въ дѣтствѣ и почему-то не встрѣчалъ послѣ въ жизни, и въ особенности интересовался подсолнечникомъ, выросшемъ даже безъ вѣдома Домны у самаго балкона, поворачивалъ къ себѣ и смотрѣлъ на него. Лицо у подсолнечника было круглое, глупое и сіяющее. Иванъ Павловичъ все улыбался, вытаскивалъ редиску и майскую рѣдьку, шелъ въ кухню, самъ мылъ и предъ отходомъ въ палату кушалъ и все улыбался: и редиска, и майская рѣдька были необыкновенно вкусныя. Потомъ Иванъ Павловичъ сталъ посылать Ольгѣ Петровнѣ свою редиску и свой салатъ, потомъ позвалъ на завтракъ безнадежныхъ холостяковъ: на закуску была редиска и рѣдька, тертая и ломтиками въ сметанѣ. Гости ѣли за завтракомъ необыкновенно вкусно приготовленную брюкву и одобряли. Въ тотъ день подсолнечникъ выросъ выше балюстрады балкона и оборотился къ Ивану Павловичу: и лицо у него было огромное, круглое и сіяющее. Домна помнитъ: Иванъ Павловичъ выпилъ и повторилъ, былъ очень веселъ, одобрялъ ея брюкву и прочія блюда и все смѣялся. И гости повторяли и смѣялись.

Бываютъ осенніе вечера особенно длинные и особенно темные, когда у людей болитъ сердце и разыгрывается печень, когда въ маленькихъ особнячкахъ становится особенно тихо, особенно пустынно. Тогда Иванъ Павловичъ поднимался изъ-за письменнаго стола отъ своихъ палатскихъ бумагъ и шелъ въ маленькую комнату Домны. Лицо его было серьезно и строго. Медлительно и точно отдавалъ онъ приказанія Домнѣ, чтобы дворникъ принесъ для камина самыя маленькія и самыя сухія березовыя полѣнца; а глаза его долго и пристально смотрѣли на строгій порядокъ и суровую чистоту Домнинаго жилья, на красную лампадку у образа Заступницы, на божественныя картинки на стѣнѣ, — Николу Милостиваго, Сергія Радонежскаго, Се-

рафима Саровскаго и попавшаго между ними, очевидно, вырѣзаннаго изъ иллюстраціи, одного изъ извѣстныхъ русскихъ писателей.

Разгорался каминъ и, перегибаясь на потолкѣ длинной темной тѣнью, стояла у стѣны Домна, никогда не пѣвшая пѣсни, не улыбавшаяся, и говорила все о томъ-же, о чемъ думала денно и нощно, отчего не пѣла и не улыбалась,—о барской землѣ, безъ которой имъ дыхнуть нельзя, съ которой все никакъ не могутъ раздѣлиться наслѣдники покойнаго барина и которую—не миновать—продавать наслѣдникамъ. Трещали березовыя полѣнья въ каминѣ, говорили они о жиломъ мѣстѣ, о теплѣ и уютѣ комнаты, говорили, что нѣтъ одинокихъ унылыхъ осеннихъ вечеровъ. Иванъ Павловичъ въ десятый разъ повторялъ Домнѣ порядокъ покупки земли черезъ крестьянскій банкъ и снова погружался въ свои бумаги. Домна все стояла у стѣны, каминъ все грѣлъ и ворчалъ, и Домна говорила про Ваньку, девятилѣтняго мальчишку, бѣгавшаго тамъ „въ полѣ", говорила, что онъ поступилъ въ школу и шибко пошелъ по наукамъ. Потомъ Иванъ Павловичъ узнавалъ, что Ваньку совсѣмъ было забодалъ быкъ, и—гонялъ онъ въ ночное—свихнулъ себѣ ногу, и главная причина, что Ванька озорной и всюду лѣзетъ. Иванъ Павловичъ все былъ погруженъ въ въ свои палатскія бумаги и рисовалъ на поляхъ кудластаго босоногаго мальчишку съ озорными глазами.

IV.

Все проносился вѣтеръ надъ садомъ и вздыхали деревья. Казалось, становилось еще жарче, душнѣе, казалось, раскаленное солнце совсѣмъ не хотѣло уходить съ неба, и изнеможенное небо дрожало отъ охватившаго его зноя.

Иванъ Павловичъ все сидѣлъ на балконѣ за обѣденнымъ столомъ и вяло и скучно тыкалъ вилкой въ стоявшее предъ нимъ блюдо.

Онъ думалъ, что гдѣ-то тамъ въ лѣсу удитъ рыбу съ сыновьями Анемподистъ, что Ольга Петровна теперь у сестры и все равно только ругается съ сестрой, и все равно всѣ узнаютъ, что она вставила себѣ новую челюсть. И думалъ еще, что въ городѣ пусто и покинуто, и что у него пустая и покинутая сѣдая жизнь. Глаза у него были мутные и непонимающіе, лицо одрябло, щеки отвисли и мысли у него были душныя, спутанныя и сердитыя. На балконѣ стояла Домна,—глаза у нея были сухіе и горячіе и лицо сѣрое, словно запыленное, она смотрѣла на огромное раскаленное

солнце и дрожащее отъ зноя небо, вздыхала глухо и тяжело, какъ вздыхали деревья, и говорила:

— Ой бѣда! Ой, Владычица Небесная! Помоги, Заступница!..

— Какая бѣда? Какая Заступница?—Иванъ Павловичъ не понималъ, что говоритъ Домна и что говорилъ онъ самъ, и въ душѣ его было душно и жарко.

— Тамъ-же въ полѣ... Высушитъ зерно, какъ варомъ сваритъ вѣтеръ этотъ... Будутъ опять люди безъ хлѣба...

Онъ смотрѣлъ на Домну мутными непонимающими глазами, и ненависть поднималось въ его душѣ.

Ему сдѣлалось ненавистна длинная неуклюжая фигура и острыя лопатки, какъ у почтовой лошади, ненавистна деревенская звѣриная жадность къ землѣ, сдѣлалась ненавистна бабья жалость, о которой никто не проситъ и которой окутываютъ его жизнь,—ему хотѣлось сказать что-то злое и ненавистное, но было жарко и душно и было скучно Ивану Павловичу.

И опять вилка ковыряла въ тарелкѣ и мутные глаза устало смотрѣли предъ собой, поверхъ засохшаго подсолнечника и завядшихъ садовъ, на деревья съ свернувшимися, словно варомъ сваренными листьями, на раскаленное солнце и дрожащее отъ зноя небо.

— Баринъ, а баринъ!

Домна держала въ рукѣ письмо, и у нея было покорное и ждущее лицо.

— Прочитайте, баринъ... Мой-то дуракъ когда еще придетъ... Да и только хвастаетъ, что грамоту знаетъ: два дня письмо разбираетъ...

Письмо было обыкновенное деревенское, написанное разгонистымъ широкимъ писарскимъ почеркомъ. Иванъ Павловичъ началъ читать его, и потому-ли, что было жарко и душно, или потому, что давно не читалъ деревенскихъ писемъ, его голосъ дрожалъ и онъ волновался.

...„въ полѣ рожь вымокла, а овсы люди одобряютъ и сказываютъ въ цѣнѣ будутъ“... „И какъ скажете,—хлѣбъ убирать—два-ли скирда ставить, али овесъ сверху, какъ Игнатій Никитичъ приказывалъ?“

Иванъ Павловичъ разсердился и отложилъ письмо.

— Вотъ дуракъ! Развѣ можно хлѣбъ ломать?

— А я про што говорю!..—подтвердила Домна,—дуракъ и есть!

...„И дѣтки ваши, зятечекъ мой любезный, Игнатій Никитичъ, и дочка моя милая, Домна Петровна, живы и здоровы и пока сыты,—хлѣбъ есть. Только сыночекъ вашъ Ванюшка ночью въ лѣсу корову искалъ и глазъ себѣ проткнулъ, лѣкарь земскій думалъ: пропадетъ глазъ“...

Иванъ Павловичъ бросилъ письмо и лицо его сдѣлалось краснымъ и началъ онъ кричать на Домну:

— Бросили на старуху ребятишекъ, какъ щенятъ какихъ! Только чтобы брюхо толстое было... Землю укупить, — передразнилъ онъ. — Пока землю-то укупите, окривѣютъ ребятишки-то...

Лицо у Домны было покорное и печальное, и говорила она голосомъ тягучимъ и медлительнымъ.

— Родимый баринъ! Для кого же? Для нихъ же живемъ, для робятъ... Все думаешь: благословитъ Господь укупить землю—будетъ имъ жить на чемъ... Можетъ, спасибо скажутъ, вспомянутъ... Старость придетъ—пріютятъ...

Иванъ Павловичъ не слушалъ ее и кричалъ. Онъ нашелъ злыя ненавистныя слова и говорилъ про свое. Она тоже не слушала его и тоже говорила про свое.

— Собака и та въ конуру свою лѣзетъ... У всякаго свое родное есть, родное-то всякому мило... Кабы не дѣти—жила бы я тутъ, безъ никоторой надобности, ни къ чему, ни ты никому, ни тебѣ никто...—И вдругъ она заревѣла и завопила грубо и дико, какъ вопятъ деревенскія бабы:

— Иванушка! Кровушка моя! Кровиночка ты моя болѣзная! День-то идетъ—про тебя идетъ... Ночь-то придетъ, у подушечки стоишь!..

И тотчасъ же глаза ея высохли и сдѣлались горячіе и злобные, она подошла близко къ Ивану Павловичу и смотрѣла ему въ лицо и говорила грубымъ хриплымъ, полнымъ ненависти, голосомъ:

— Развѣ я не понимаю? Развѣ я не знаю? Мой-то дуракъ лизнулъ сладкаго—теперь изъ городу не утащишь... Къ Лушкѣ полковничьей ластится... Больно сладко по чужимъ-то людямъ жить...—кричала она.—Таскалась бы я по чужимъ дворамъ, какъ собака приблудная...

Оба они были красные, не слушали другъ друга и кричали злобнымъ голосомъ и смотрѣли другъ на друга ненавидящими глазами.

— Ты молчи! Я тебѣ говорю, молчи!—кричалъ Иванъ Павловичъ.—Ты постой! Я тебѣ скажу...

Но Иванъ Павловичъ ничего не сказалъ, только стукнулъ кулакомъ по столу... Нижняя челюсть тряслась у него и, шумно отодвинувши кресло, онъ убѣжалъ съ балкона въ свою спальню. Онъ долго стоялъ у комода, безсмысленно колотилъ по комоду пальцами, лицо его было гнѣвное и злобное, и нижняя челюсть все тряслась; а потомъ упалъ на постель и заплакалъ. Плакалъ онъ долго и трудно и все тѣснѣе приникалъ къ подушкѣ, все боялся, чтобы его не услышалъ кто, чтобы не вырвалось крика и рыданія. Временами онъ

поднималъ голову съ краснымъ опухшимъ лицомъ и съ омоченными слезами скобелевскими баками и прислушивался, не идетъ-ли кто-нибудь.

Но никто не слышалъ Ивана Павловича и никто не шелъ къ Ивану Павловичу, только деревья вздыхали протяжно и тяжко, и глухо и смутно шелестѣлъ у калитки спутанный ворохъ завядшей травы и оторванныхъ сучьевъ.

С. Елпатьевскій.

---

* * *

Межъ дикихъ, суровыхъ скалистыхъ громадъ,
Вздымаясь и пѣнясь, шумитъ водопадъ.
Столѣтнія сосны тѣснятся кругомъ,
Его осѣняя зеленымъ вѣнцомъ.

Свободный отъ вѣка въ свободной странѣ,
Онъ гордо поднялся къ родной вышинѣ,
И грозный далёко разносится вой...
Но странно (иль это лишь бредъ мой больной?) —
Сегодня и въ шумѣ свободныхъ валовъ
Мнѣ слышно бряцанье тяжелыхъ оковъ,
Мнѣ чудится—въ страхѣ и горѣ нѣмомъ,
Столѣтнія сосны поникли челомъ,
И черныя скалы, загадочный взглядъ
Впередъ устремляя, кому-то грозятъ!..

М. Ватсонъ.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Стефана Жеромскаго.*

Переводъ Н. Ю. Татарова.

(Съ разрѣшенія автора) *).

Въ горахъ.

Гончія помчались въ лѣсъ.

Эхо ихъ лая ослабѣвало все больше и, наконецъ, утонуло въ лѣсномъ безмолвіи. Временами только казалось, что едва слышное отраженіе эхо еще звучитъ въ чащѣ, неизвѣстно гдѣ,—не то со стороны Самсоновскихъ лѣсовъ, не то отъ Кленовой, не то отъ Буковой, Стравчаной, не то отъ Еленевской горы... Когда утихало дыханье вѣтра, все погружалось въ тишину, и ничего, ничего не было слышно.

Кругомъ стояли ели со сплющенными верхушками, подобно стройнымъ башнямъ, не доведеннымъ до самаго верха. Ихъ синеватые стволы виднѣлись въ темнотѣ. Старый мохъ свисалъ съ громадныхъ вѣтвей. Вростая между скалъ, впиваясь когтями вьющихся корней въ каждый клочокъ земли и высасывая каждую каплю влаги, большія ели не одну сотню лѣтъ уже раскачивали свои царственныя верхушки среди тумановъ Лысицы. Кое-гдѣ стояли одинокія ели, вѣтви которыхъ высохли и торчали, точно ступени, высѣченныя топоромъ. Только ихъ свѣтлозеленыя верхушки, съ шишками, глядящими вверхъ, качались въ воздухѣ, подобно аистовымъ гнѣздамъ. Вѣтви пихтъ, на которыхъ лежала тяжелая снѣжная постель, свѣшивались до земли и выгибались въ дугу. Эти протянутыя отовсюду вблизи и вдалекѣ, лохматыя лапы въ бѣлыхъ покрывалахъ,

---

*) Настоящій романъ печатается въ журналѣ Tygodnik Illustrowany. Авторомъ предоставленъ переводчику переводъ съ рукописи, но послѣднія по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могла быть еще получена и переводъ дѣлается съ печатныхъ экземпляровъ. Н. Т.

какъ будто отдѣланныя перламутромъ, казалось, подстерегали кого-то. Радостная зелень молодыхъ хвой выдѣлялась, точно открытые когти. Ежеминутно, отъ собственной тяжести, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, сыпался снѣжный пухъ и исчезалъ въ снѣжной постели на землѣ такъ же безъ слѣда, какъ капли дождя въ глубинѣ озера. Съ вершинъ слетали едва замѣтныя кристалныя пылинки, такія легкія, что прежде чѣмъ опуститься на землю, долго стояли, сверкая, въ воздухѣ.

Около полудня легкая оттепель начала отогрѣвать снѣга. По блѣдно-синему пространству неслись бѣлыя облака, насквозь прозрачныя отъ блеска солнца. На самыхъ верхушкахъ пихтъ тающій ледъ превращался въ большія капли, которыя сверкали на темной зелени хвой, какъ крупные алмазы. Здѣсь и тамъ длинная сосулька, свисая съ одеревенѣвшаго мха или съ потрескавшейся и угреватой коры, бросала снопъ холодныхъ искръ. Ниже, подъ тѣнью вѣтвей, таился прежній, утренній холодъ. Молодые огненно-пунцовые, у верхушки желтоватые „рсёки“ склонялись высокими головами до самой земли, сгибаясь подъ непомѣрной тяжестью снѣга, не въ силахъ оторвать отъ земли примерзшія вѣтви. Кое-гдѣ торчали вывороченные изъ земли суровыми свентокржискими вѣтрами стволы, образуя подъ насыпями земли и снѣга страшныя, зіяющія ямы.

Рафаилъ, опершись спиной о стволъ толстаго бука, стоялъ неподвижно и вслушивался.

Надъ головой и передъ собой онъ видѣлъ крупныя, искривленныя, обмерзшія вѣтви, цвѣта окуневой чешуи. Тонкіе, стальные прутья были неподвижны, а большой обледенѣвшій стволъ съ извилинами и клубками, похожими на напряженные мускулы человѣка, казался какимъ-то духомъ мороза. Громадный букъ стоялъ одиноко, суровый и холодный, какъ будто чуждый деревьямъ. Царь Лысицы! Не дрожатъ передъ вѣтромъ его вѣтви, не склоняется его стволъ. Его раскинувшаяся выше лѣсовъ крона съ царственной высоты глядитъ на широкія долины, на сѣверѣ и на югѣ, озирается на окрестныя горы. Пустынно вездѣ Далеко, за послѣднимъ холмомъ хребта, за Стружной, тянутся поля, до самой Крайны, вплоть до вершины горы Камня. Вѣковѣчный букъ помнитъ весну своей молодости, когда непроходимый лѣсъ былъ въ долинѣ Вилькова, Цекотъ, Бжезинокъ, и по горамъ, до самыхъ Кѣльцъ. На его глазахъ исчезли подъ топорами дубровы, высохли среди дѣлянокъ крестьянской новины мокрыя, закисшія, непролазныя топи, изъ которыхъ вѣчно сочились воды. Тамъ, гдѣ вѣками росъ и гнилъ косматый рсёкъ, — теперь вѣтеръ свиститъ между

хлѣбныхъ стеблей. Полянки нивъ въѣлись въ самую чащу, лишаемъ заползаютъ въ бахрому ея плаща, съ каждымъ годомъ забираются все выше, до самыхъ вершинъ, заброcанныхъ скалами Псаръ, Радостовой... Высыхаетъ у подошвы горъ вѣчная вода, кормилица деревьевъ, остается сухой красный грунтъ, и торчатъ на немъ камни, сверкая на солнцѣ. Только можжевельникъ прикрываетъ его наготу и раны. Уже все рѣже медвѣдь трется лохматымъ тѣломъ о стволъ стараго бука; все рѣже приходитъ мечтать въ тѣни его вѣтвей большерогій олень; и волкъ-кобылятникъ не такъ часто подстерегаетъ здѣсь пѣгихъ ягнятъ лани. Ужъ не свистятъ надъ головой его орлиныя крылья, и только ястребъ прилетаетъ изрѣдка и глядитъ съ верхушки, въ ужасѣ и гнѣвѣ, на разоренное царство.

Вопреки строгимъ охотничьимъ правиламъ, Рафаилъ сошелъ съ мѣста и ползкомъ добрался до вершины горы. Скоро онъ былъ тамъ, у входа на просѣку, и, проникнутый неясной тревогой, смотрѣлъ на то мѣсто, куда въ полночь слетаются вѣдьмы, упыри, духи, и гдѣ появляется самъ Сатана. Гладкіе бока громадныхъ глыбъ кварцита искрились на солнцѣ своими кристаллами, точно олицетвореніе мороза. Обмерзшія палки, торчавшія изъ-подъ снѣга, были похожи на оружіе, высѣченное изъ хрусталя. Старыя ели бросали тѣнь на половину утеса.

Вернувшись на свое мѣсто, молодой охотникъ сталъ напрягать слухъ, и ему стало казаться, что и лѣсъ слушаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Все такъ же было тихо,—глубоко, глубоко, поистинѣ безпредѣльно тихо...

Но вотъ съ окраинъ лѣсныхъ слетѣло нѣжное дуновеніе, протяжный, давно сдерживаемый вздохъ лысогорскихъ чащъ. Верхушки деревьевъ какъ будто съ благоговѣніемъ склонялись, когда долетала въ лѣсъ эта невыразимая мелодія.

Когда издалека доносилась эта пѣснь лѣсовъ, Рафаилу казалось, что она проносится по его тѣлу такъ же, какъ по деревьямъ. Онъ забывалъ тогда, гдѣ онъ, и что съ нимъ происходитъ. Предъ нимъ рѣяли воспоминанія, неясныя, неуловимыя, туманныя воспоминанія, которыя удивительно настойчиво лѣзли ему въ голову. Онъ былъ далекъ отъ своего пункта, у вершины Лысицы, не на облавѣ. Онъ былъ ребенкомъ. И таяла ледяная кора на всемъ, что было дѣйствительностью... Забытый садъ, на задворкахъ старой усадьбы, раскидистыя яблони, съ стволами, сдавленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ прежнихъ прививокъ. Кучи розовыхъ цвѣтовъ... Роскошный крыжовникъ, густая смородина обросли каждую тропинку. Изъ высокой травы, еще одѣтой каплями

росы, подымаются бѣлоснѣжныя, дѣвственныя вишневыя деревца. Кажется, какъ будто весеннія тучки, раннія облачка причалили съ далекихъ краевъ неба и безсильно опустились между высокими тополями и старыми плетнями. Жужжатъ пчелы, осы и мухи и наполняютъ весь садъ шумомъ, а сердце, непонятно почему, благоговѣніемъ и тревогой. О, какъ хорошо, какъ радостно въ этомъ тѣнистомъ саду родимаго дома! За фруктовыми деревьями тянутся недоступныя заросли, кусты ивняка. На островкахъ, среди заплѣснѣвшей воды, страшно глядятъ мохнатыя вербы съ прогнившими стволами, съ чащей огромныхъ вѣтвей и печальныя ольхи. Лягушки квакаютъ въ водѣ, сверкающей кувшинками и водорослями; птицы щебечутъ. Шелестъ листьевъ, жужжаніе насѣкомыхъ и едва уловимый, тихій шопотъ, шорохъ, едва доступные слуху вздохи или тихіе стоны, точно мурашки, проходятъ по тѣлу... Маленькій мальчикъ, здоровый, счастливый, веселый и шаловливый, бѣжитъ по тропинкамъ. Онъ прыгаетъ у ногъ отца, несущаго заряженное ружье, и думаетъ только о томъ, какъ бы не замочить росой ноги. Здѣсь бросается ему въ глаза бронзовка, ползущая по мокрому листу, тамъ улитка затемнѣла, лучъ солнца упалъ на пунцовую чашечку тюльпана, только что расцвѣтшаго въ это утро... Тихо, тихо... Въ кустахъ звучитъ нѣжный и веселый, какъ весна, какъ душа ребенка, голосъ иволги. Вдругъ, подобно грому, раздается выстрѣлъ и несется гуломъ между деревьевъ. Сердце замерло, мальчикъ весь дрожитъ... Съ верхушки вяза, растущаго въ углу сада, падаетъ, трепыхая крыльями, золотая иволга и обагряетъ кровью мокрую траву. Ахъ, еще виденъ ея открытый клювъ и ужасные, изумленные глаза! Слышенъ ея хриплый, подавленный пискъ, когда онъ жадно протянулъ къ ней руку. И вдругъ—этотъ страхъ! Внезапный, пронизывающій страхъ, невыразимое дѣтское страданіе, убивающее радость. Трепещетъ птица и мечется изъ стороны въ сторону. Встаетъ на ноги... Ея глаза помутились, еще нѣсколько разъ напряглись, глядятъ.. Что-то заволокло, какъ-будто замазало ихъ...

Когда это было и гдѣ? Были ли дѣйствительно, или только снились ему эти ужасные птичьи глаза, врѣзавшіеся въ память, какъ гвозди, вбитые въ раны...

Но вотъ настаетъ тишина, а вмѣстѣ съ нею, словно облачка въ вышинѣ, налетаютъ иныя видѣнія.

Темный лѣсъ, суровый, освѣщенный блескомъ луны. Огромная масса снѣга лежитъ въ этомъ лѣсу. Лаютъ гончія, и эхо ихъ лая несется, какъ дерзкій вызовъ на бой. Свѣтитъ холодный мѣсяцъ. Это безстрастное свѣтило призываетъ къ

себѣ, влечетъ на высоту, къ нѣжной гармоніи... Отецъ любилъ ѣздить „въ лѣсъ“, по мало проѣзженной дорогѣ. Въ чащахъ бродили стаи волковъ. Поэтому, въѣзжая въ нихъ, подсыпали порохъ на затравки двухъ ружей и вытаскивали изъ-за пояса двойные пистолеты. Слышится еще шопотъ молитвъ матери... Холодная дрожь пронизываетъ до мозга костей и поднимаетъ волосы на головѣ... Гончія лаютъ все громче и громче, наконецъ, ихъ лай становится похожимъ на трезвонъ. Четверка лошадей мчится по сугробамъ... Отъ ударовъ копытъ разсыпаются массы пушистаго снѣга, какъ груды пшеничной муки. Иногда заскрипитъ что-то подъ санями, слышатся непонятные голоса... Весь лѣсъ шумитъ и гудитъ отъ лая гончихъ. И вотъ въ одномъ мѣстѣ разверзается на мгновеніе стѣна пихтъ, и съ узенькой лѣсной поляны видна гора, а на ней старыя развалины. Мѣсяцъ освѣщаетъ снѣгъ и ледъ на карнизахъ разрушенныхъ стѣнъ, на подоконникахъ выбитыхъ оконъ.

. . . . . .

А весна... Послѣ пасхальныхъ праздниковъ возвращеніе съ родителями отъ родныхъ домой. Ѣдутъ той же дорогой. Медленно тащится бричка по корнямъ и лужамъ. Вокругъ густой лѣсъ, мокрый, дымящійся отъ пара. Вездѣ въ тѣни, подъ деревьями сверкаетъ вода. Скользкіе черные обломки вѣтвей гнилые прутья лежатъ въ темныхъ колеяхъ дороги. И вотъ опять наверху развалины показываются. Лошадей удерживаютъ, и родители позволяютъ дѣтямъ взобраться на вершину холма. Старшій братъ и сестры бѣгутъ въ запуски...

Когда-то на эту гору вела широкая проѣзжая дорога для колымагъ, бричекъ и возовъ, но и на ней уже появились сосны. Въ колеяхъ стоятъ толстыя пихты, на изгибахъ выросли столѣтнія ели, изо рва, бѣгущаго по серединѣ дороги, подымаются бѣлоствольныя березы. Лѣсъ замкнулъ доступъ къ развалинамъ, завладѣлъ всѣмъ, что вошло въ него... Уже нѣтъ ни оконъ, ни дверей. Никто не стережетъ отверженной святыни, кромѣ высокихъ кустовъ чертополоха. Дикая роза сползаетъ съ высоты по голому скату и вытягиваетъ колючіе, тощіе стебли. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, можетъ быть, былъ алтарь, гдѣ глаза вѣрующихъ искали знаменія,—черный скелетъ терновника. Неутомимая вода разъѣдаетъ кирпичъ и камень, а мохъ погребаетъ подъ собой ихъ разсѣянную пыль. Снаружи, въ глубинѣ каплички и въ лѣсу — множество лѣсныхъ фіалокъ. Сѣрые, незамѣтные цвѣточки похожи на капли блѣднаго неба сѣверной весны, которыя упали съ высоты и разсыпались по землѣ. Какое наслажденіе, какое таинственное,

непостижимое наслажденіе — этотъ лѣсъ!.. А какъ жутко и больно въ этихъ ослизшихъ отъ дождей и страшныхъ отъ эхо развалинахъ храма! Что тамъ живетъ, что плачетъ и кличетъ съ земли вслѣдъ за уходящимъ ребенкомъ? Глаза не могутъ разстаться съ ними и ноги не хотятъ уходить. Сорванные цвѣточки выпадаютъ изъ рукъ, и въ ушахъ какъ будто звучитъ хриплый пискъ убитой въ саду иволги...

Вдругъ далеко дрогнулъ въ лѣсахъ рѣзкій голосъ. За первымъ откликнулся второй, нѣжный и чистый теноръ. Рафаилъ точно пробудился отъ сна и машинально приложилъ ружье къ плечу. Немного погодя, онъ совсѣмъ пришелъ въ себя и уставился жадными глазами въ лѣсъ. Разсѣялись мечты. Солнце пригрѣвало, усиливались порывы теплаго вѣтра, и съ деревьевъ, то и дѣло, падали на землю огромные хлопья липкаго снѣга.

— Собаки гонятъ...—сказалъ онъ себѣ.

Дѣйствительно, уже слышались звуки голосовъ Нѣмана и Вислы, но такъ далеко, гдѣ-то на южномъ склонѣ цѣпи горъ, что только молодой слухъ могъ различить этотъ лай. Эхо неслось медленно, какъ будто утомленно, но все приближалось. Пока одно успѣвало достигнуть лѣсныхъ окраинъ, вдогонку ему уже несся другой бодрый звукъ, точно зловѣщая музыка, полная дикой красоты, энергіи и силы. Юноша внимательно изслѣдовалъ затравку ружья и заботливо осмотрѣлъ сухія и блестящія зернышки пороха. Онъ притихъ и весь превратился въ орудіе смерти. Желаніе, могущее задушить жизнь, загорѣлось въ его глазахъ и обратило ихъ въ пару убійцъ. Сердце громко колотилось въ груди и при каждомъ ударѣ, казалось, тоже подстерегало.

Собаки были все ближе и ближе... Уже можно было различить ихъ голоса.

Наконецъ, у вершины горы послышался тупой, монотонный, ритмическій звукъ бѣга—тухъ-тухъ, тухъ-тухъ... Сердце замерло у юноши и перестало биться. Невдалекѣ хрустнула вѣтка. Черезъ минуту чаще, обильнѣе посыпался снѣгъ... И вотъ изъ-за зарослей молодыхъ пихтъ появилось стадо козъ, а во главѣ ихъ шелъ, вытянувъ голову, темно-орѣховый рогачъ. Рафаилъ прижалъ прикладъ къ щекѣ, положилъ палецъ на курокъ и прицѣлился. Въ то же мгновеніе козелъ остановился. Онъ поднялъ лѣвую ногу, повернулъ прелестную голову и внимательно вслушался. Отъ всего стада валилъ густой паръ.

— Прямо въ сердце...—мечталъ Рафаилъ, направляя дуло подъ переднюю лопатку козла.

Вдругъ огромная шапка мокраго снѣга свалилась на его руки, лицо, прикладъ и затравку. Онъ потянулъ курокъ. Кре-

мень сухо треснулъ, но искра не зажгла мокраго пороха. Когда юноша протеръ глаза, онъ увидѣлъ только козлиныя ноги, вытянутыя, какъ стальныя пружины, и ихъ бѣлыя „тарелки“. Онѣ перескочили черезъ сосенки и исчезли. Только верхушки этихъ сосенъ, зеленыя и гибкія, еще долго дрожали и качались, а снѣгъ безпокойно летѣлъ съ потревоженныхъ вѣтвей.

Увидѣвъ, что онъ опять одинъ на томъ мѣстѣ, гдѣ только что произошло нѣчто необъяснимое, таинственное, Рафаилъ съ бѣшенствомъ бросилъ ружье въ кусты и повалился на землю, задыхаясь отъ слезъ.

Его привели въ себя выстрѣлы. Какъ громъ, раздались они два и долго гудѣли въ лѣсу. Послѣ второго послышались внизу, на половинѣ ската горы призывы:

— На-гогого! На-гого! На-гого!

Собаки замолкли. Тотчасъ же затѣмъ новый голосъ, бывшій ближе къ Рафаилу, отвѣтилъ одинъ разъ такимъ же образомъ.

Молодой охотникъ еще нѣкоторое время лежалъ на землѣ, задыхаясь отъ злобы. Немного погодя, однако, онъ вскочилъ на ноги, стряхнулъ съ себя снѣгъ и отыскалъ въ кустахъ свою одностволку. Затѣмъ вытеръ глаза и, какъ коза, прыгая черезъ кустарники, побѣжалъ внизъ.

На разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ стоялъ надъ убитымъ козломъ громадный мужикъ въ короткомъ красномъ кафтанѣ и внимательно осматривалъ свое небольшое ружье.

— Убили, Касперъ!—проговорилъ Рафаилъ, запыхавшись отъ бѣга.

— И-и... такъ и подвернулся самъ... Я даже не знаю, какъ это вышло. Я думалъ вѣдь, что этого козлика вы, ясне-паничъ, подстрѣлите.

— Да онѣ не выходили на меня...—сказалъ Рафаилъ, краснѣя.

— Ахъ, батюшки! Скажите, пожалуйста... А вѣдь въ то мѣсто какъ разъ направлялись. Не вышли—и баста! У-ухъ, подъ тѣмъ букомъ не одинъ изъ нихъ легъ и не всталъ больше. Иногда они тамъ даже останавливаются, поискать верескъ или схватить молодые отростки ели. Пошли въ сторону, собачьи дѣти...—говорилъ старичина, съ явной насмѣшкой уставившись на юношу своими поблекшими глазами.

Въ то же мгновеніе еще разъ послышался внизу нетерпѣливый голосъ:

— На-гого!

— Вотъ, нашъ баринъ зоветъ!—съ тревогой пробормоталъ Касперъ.—Идемъ.

— А что-жъ вы сдѣлаете съ козломъ?

— Нужно взвалить его на спину, этого коня!

Козелъ, раненый въ самое сердце, лежалъ уже мертвый. Вокругъ него оттаяло и капли воды сочились съ пихтовыхъ вѣтвей. Его великолѣпная голова, безпомощно упавшая, глядѣла на Рафаила мертвыми глазами. Юноша, почувствовавъ вдругъ приливъ бѣшенства, схватилъ кортикъ, чтобы нанести еще одинъ ударъ неподвижному животному, но егерь уже началъ подымать его. Онъ дотащилъ козла до ближайшаго поваленнаго ствола, приподнялъ и, схвативъ руками за ноги, съ изумительной силой взвалилъ себѣ на плечи эту тяжесть. Они пошли внизъ, поминутно попадая въ расщелины каменныхъ глыбъ и горные обвалы, скрытые подъ мхомъ. Подъ ногами ихъ разсыпались гнилые пни, мягкіе, какъ тѣсто, съ рыже-зеленой отъ плѣсени сердцевиной. Визгъ собакъ, внизу горы, указывалъ имъ путь. Рафаилъ, крупными шагами шедшій впереди, увидѣлъ, наконецъ, дядю. Тощій шляхтичъ, низкаго роста, сидѣлъ на корточкахъ возлѣ козы и потрошилъ ее. Окровавленными руками онъ вырывалъ дымившіяся еще внутренности и бросалъ ихъ собакамъ. Когда охотники приблизились, панъ Нардзевскій зловѣще посмотрѣлъ на мужика, смѣрилъ взглядомъ козла и слегка охрипшимъ голосомъ сказалъ:

— Такъ ты, собака, козла для себя оставилъ...

— Но...

— Ты не зналъ, что я здѣсь стою? Какъ тебѣ помнить объ этомъ! И мнѣ приходится послѣ тебя козъ стрѣлять, хамская рожа!

— Да что-жъ, коли онѣ шли какъ-то криво!..

— Криво шли?.. Врешь!

— Еще, думалъ я, чортовы дѣти по вѣтру васъ почуютъ. Вѣтеръ дулъ какъ разъ отъ Кленова. Такъ я про себя разсуждалъ...

— Я тебѣ покажу такое разсужденіе, что ты ноги вверхъ задерешь! Клади козла. А что-жъ ты, Рафаилъ, ничего не несешь съ Лысицы?—ласково спросилъ онъ племянника.

— Не вышли на меня. Я слышалъ только, какъ они мчались за деревьями,—отъ топота даже земля дрожала.

— Сс... Не прошли мимо большого бука... Слыханныя-ли вещи!.. Потроши...—проворчалъ онъ въ сторону мужика.

Когда послѣдній открывалъ маленькій складной ножикъ, висѣвшій у него на ремешкѣ у пояса, Нардзевскій спросилъ его раздраженно:

— Откуда ты стрѣлялъ?

— Изъ-подъ мѣченной ели, гдѣ стоялъ. Козелъ вылѣзъ ко мнѣ прямо подъ дуло, точно пастухъ пригналъ его туда! Тамъ лежала срѣзанная, отесанная елка, и онъ сталъ возлѣ нея; казалось, однимъ прыжкомъ можно бы достать его.

— Откуда-жъ тамъ взялась отесэнная елка?

— Откуда елка? А ее, вельможный пане, срѣзалъ тотъ мужикъ изъ Поромбокъ, у котораго было дѣло съ нѣмцемъ.

— Ничего не знаю ни о нѣмцѣ, ни о дѣлѣ.

— Да вѣдь объ этомъ всѣ въ деревняхъ говорятъ.

— Ну, такъ и ты говори, коли всѣ говорятъ.

— Хорошо. Было это такъ, если говорить сначала... Пріѣхалъ мужикъ изъ Поромбокъ, Ямрозекъ его прозвище, пріѣхалъ парой славныхъ лошадей, — на возу, у него были только колеса и перекладина, —на самую вершину Лысицы за сухой елью. Ему надо было, чтобъ ужъ была хорошая ель, смолистая, на вѣтрахъ высушенная. Онъ дѣлаетъ коробки для соли, ну, нужно сухое дерево. Ну, хорошо. Срѣзалъ онъ ель такую, какъ башня на костелѣ Святого Креста, обрубилъ всѣ вѣтви, все, какъ слѣдуетъ. Получилась колода такая, что хоть изъ нея валъ для мельницы дѣлай. Ямрозекъ раздвинулъ возъ, какъ можно подлиннѣе, такъ что заднія колеса еле-еле держались за подушку, изготовилъ шкворень для затычки, — смотритъ: изъ кустовъ выползаетъ лѣсной досмотрщикъ. Одежда на немъ зеленая, шапочка на головѣ съ какой-то пуговкой, а въ рукахъ ружье. Взглянулъ онъ только разъ на Ямрозка, осмотрѣлъ бревно, измѣрилъ его какимъ-то желтымъ аршиномъ и началъ писать на бумагѣ. А когда кончилъ, тогда только началъ говорить что-то мужику, будто и по нашему, но какъ-то чудно̀. Мужикъ снялъ шапку... Думаетъ про себя:—„неладно!“ Сталъ ему нѣмецъ бормотать по-польски, а въ концѣ гаркнулъ:—Маршъ въ Слупе!.. Ну, хорошо. Мужикъ взялъ шапку, взнуздалъ лошадей и поѣхалъ съ горы той дорожкой, которая идетъ вдоль ручья къ Поромбкамъ. Нѣмецъ шелъ рядомъ съ телѣгой, сопѣлъ, курилъ трубку. Какъ вышли они изъ лѣсу,—тамъ, гдѣ выкорчеванныя полянки громоздятся по горѣ,—Ямрозекъ снялъ шапку, поклонился и говоритъ:

— Пусть ужъ вельможный панъ „фесьтеръ“ проститъ...

Нѣмецъ—все свое:

— Маршъ въ Слупе!

— Ну, и поѣхали опять шагомъ по межамъ, а то и прямо черезъ поля. Проѣхали немного, мужикъ снялъ шапку и говоритъ:

— Пусть ужъ вельможный панъ „фесьтеръ“ хоть на телѣгу сядетъ, потому-что такъ и къ завтраму къ утру до Слупя не доѣдемъ.

Нѣмецъ подумалъ, выбилъ трубку и сѣлъ на телѣгу. Заднія колеса были порядочно далеко отъ переднихъ. Ухватился нѣмчура за шкворни, держится крѣпко за оба. Ямро-

зекъ тоже сѣлъ на передокъ, ноги поставилъ на валекъ и стегнулъ лошадей, да такъ, что онѣ почувствовали. Не стоило ѣхать „въ Слупе“ по дорогѣ,—поѣхали напрямикъ, потомъ вкось, по полямъ, по загонамъ, по пахотѣ. И начали заднія колеса танцовать направо и налѣво, скакать съ загона на загонъ, изъ одного рва въ другой. Нѣмецъ держится обѣими горстями, оретъ. Мужикъ—ничего, ѣдетъ себѣ, куда ему велѣли... Зачѣмъ ему оглядываться? Только покрѣпче стегаетъ... Наконецъ, какъ понеслись кони во всю прыть, какъ хватили заднія колеса о пахоту или о камень... Нѣмецъ и притихъ.

— То-есть, какъ притихъ?—спросилъ Рафаилъ.

— А я и самъ этого не знаю, потому что и онъ, примѣрно, Ямрозекъ, не оглядывался. Думалъ про себя: „какое мнѣ дѣло?“ Велѣлъ панъ „фесьтеръ“ ѣхать,—я и ѣду. И баста. Только когда ужъ въѣхали въ Поромбки, въ деревню, онъ оглянулся: нѣтъ нѣмца. Запечалился онъ. Но, говоритъ, ночь уже приближалась,—что̀ было дѣлать?..

— Кто же нашелъ нѣмца?—спросилъ Нардзевскій болѣе мягко, пуская клубы дыма изъ короткой трубки.

— А, должно быть, кто-нибудь нашелъ, потому что опять таскается онъ по лѣсамъ. Твердый.

— Такъ вамъ и нужно, подлые хамы!—проворчалъ шляхтичъ,—а то вы готовы весь лѣсъ вырубить!

— И-и, вельможный пане, кто бы могъ вырубить такой лѣсъ? Насъ не было, а лѣсъ былъ, насъ не будетъ, а лѣсъ все будетъ на Лысицѣ. Какъ свѣтъ стоитъ, люди всегда съ солью ѣли. Нужно ее въ коробкахъ держать. Всегда люди коробки дѣлали, срѣзали для этого ели, а лѣсъ стоитъ. А какое-жъ право на него имѣетъ какой-то нѣмчура! Лѣсъ—королевскій. Староство у насъ—и баста! Тутъ мы такія стада кабановъ гоняли, такихъ оленей подымали изъ цисовскихъ лѣсовъ до самаго Сѣкерна... Сколько разъ видѣлъ я тутъ на Лысицѣ медвѣдя, когда еще былъ маленькимъ пузыремъ! Ахъ, и славный же это звѣрь—медвѣдь. Или олень... Боже сильный! Когда закинетъ за себя рога, идучи по лѣсу,—пріятно глядѣть! Лишь бы только на святого не напасть... Боже сохрани...

— То-есть, какъ на святого?—спросилъ Рафаилъ.

— Видно, паничикъ не знаетъ о нашемъ оленѣ...—недовольно проворчалъ мужикъ.

— Значитъ, не знаетъ, если спрашиваетъ,—сказалъ Нардзевскій.

— Разсказываютъ такіе люди, которые видѣли...

— Кто видѣлъ?

— Да Лакомецъ видѣлъ. То же говорятъ о старомъ Шафраньцѣ, которому было лѣтъ сто или болѣе, что онъ собственными глазами видѣлъ.

— Какъ же это было?

Касперъ угрюмо посматривалъ и медлилъ.

— Лакомецъ мнѣ говорилъ и божился. Вышелъ, говоритъ, со своимъ ружьемъ и сталъ на загонѣ съ борзыми пана кравчаго Ольховскаго.

— Ага...—замѣтилъ Нардзевскій.

— Ну, вѣдь не я стоялъ, а онъ, и теперь ужъ онъ на Божьемъ судѣ. Господи, прости... Стоитъ это онъ тихонько подъ деревомъ и ждетъ. Вдругъ слышитъ: духъ-духъ... Идетъ. А день былъ вѣтреный, темный. Идетъ что-то внизъ по камнямъ, а впереди какой-то свѣтъ, какъ будто восходъ зимой, когда солнце изъ-за лѣса выходитъ. Взглянулъ Лакомецъ,—видитъ: идетъ медленно старый олень, большой, какъ упряжной конь, и очень красивый. Рога закинулъ... Прицѣлился Лакомецъ прямо въ лобъ. И что́ тогда случилось!.. Держитъ онъ ружье у плеча и не видитъ оленя, а только свѣтъ, точно красное солнце вышло изъ-за лѣса и прямо ударило ему въ глаза. Ружье выпало изъ рукъ, да и самъ онъ грохнулся о землю. А олень прошелъ мимо него, въ сторонѣ. Тутъ онъ и увидѣлъ, что между рогами золотой крестъ, отъ котораго расходится по лѣсу яркій свѣтъ.

— Большой былъ крестъ? — серьезно спросилъ Нардзевскій.

— Какой тамъ — большой! Крестикъ невысокій, только толщиной пальца въ два. Тогда мой Лакомецъ — хвать за ружье и давай Богъ ноги! Еще и на третій день трясся отъ страха, какъ вспомнилъ, что такого звѣря хотѣлъ положить... А если бъ убилъ... Страсти!

— Ты, если бъ и съ крестомъ его встрѣтилъ, не вытерпѣлъ бы.

Мужикъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и продолжалъ:

— Теперь, такой собачій сынъ, ели не даетъ срѣзать! Садилъ онъ ее тутъ, что ли? Твердитъ одно слово: „камера". Все, говоритъ, „камерѣ" принадлежитъ.

— Да, теперь все—камера... — вздохнулъ Нардзевскій. — Ну, кончилъ ты?

Егерь выпрямился и вытеръ руки объ снѣгъ.

— Вельможный пане, они намъ здѣсь и поохотиться съ собачками не дадутъ!..

— Это не твое дѣло.

— А вѣдь говорятъ, что Гурно, Крайно, Поромбки, Бжезинки, Масловъ,—все это нѣмецкій король сдалъ въ аренду молодому пану изъ Ольхова.

— Ну, такъ что́ изъ этого?

— А, значитъ, и въ лѣсахъ можно рубить, хоть и казенные досмотрщики будутъ стеречь деревья. А онъ ужъ козленка не выпуститъ, панъ Ольховскій.

— Посмотримъ. А теперь разведи-ка огонь. У меня руки окоченѣли.

Мужикъ мгновенно вычистилъ мѣсто, сгребъ снѣгъ, наносилъ сухихъ желтыхъ вѣточекъ можжевельника и сосны, высѣкъ огонь и умѣло, быстро, съ удивительной ловкостью раздулъ пламя. Хвои начали потрескивать, и невидимый, голубоватый язычокъ пламени началъ бѣгать то здѣсь, то тамъ по согнутымъ въ дугу вѣткамъ. Рафаилъ тоже помогалъ, сносилъ сухія вѣтви и бросалъ ихъ въ костеръ. Старый шляхтичъ сидѣлъ неподвижно на большомъ камнѣ и пасмурно смотрѣлъ въ огонь. Уже приближался торопливый январьскій вечеръ. Вѣтеръ измѣнился—подулъ съ сѣвера. Съ деревьевъ не падали уже хлопья снѣга, а стекавшія струи воды внезапный морозъ превращалъ въ сосульки.

Касперъ высмотрѣлъ молодую пихточку и началъ срѣзать ее маленькимъ топоромъ, который носилъ за поясомъ. Онъ быстро обтесалъ вѣтви, срѣзалъ верхушку и приготовилъ шестъ въ нѣсколько локтей длины. Затѣмъ связалъ ременными поясами переднія и заднія ноги обоихъ животныхъ и всунулъ между ними этотъ шестъ. Окончивъ все это, онъ подошелъ къ огню и сталъ согрѣвать руки. Панъ Нардзевскій вытащилъ изъ кармана кисетъ и началъ набивать „галиційскимъ“ табакомъ свою глиняную трубку. Продѣлывая это, онъ, не глядя, подалъ егерю большую щепоть табаку. Тотъ снялъ шапку и поблагодарилъ. Затѣмъ сейчасъ-же растеръ табакъ на лѣвой ладони, обильно смочилъ его слюной, размялъ пальцами и положилъ въ трубку. Потомъ сунулъ въ горячій пепелъ, полный красныхъ угольковъ. Когда влажный табакъ хорошо разопрѣлъ, онъ вынулъ трубку изъ пепла и положилъ туда одинъ изъ угольковъ.

Рафаилъ, заинтересовавшись, спросилъ, зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ.

— Зачѣмъ? Потому что только теперь будетъ здоровое курево. Вотъ это тютюнъ! Если бъ ясне-паничекъ попробовалъ... Ужъ съ этимъ никогда не сравнятся ни „дебрейскій листъ“, ни „кнастеръ“ некрошенный, ни нашъ простой табачный листъ.

— Ну, покажите.

— Рафаилъ, осторожно!—крикнулъ Нардзевскій.

Подзадоренный юноша тщательно вытеръ мундштукъ и затянулся, но, тотчасъ же выпустивъ его изъ рукъ, упалъ, какъ будто отъ удара палкой по головѣ. Нѣкоторое время

онъ не могъ вздохнуть, и хотя, наконецъ, успокоился, долго еще чувствовалъ огонь въ груди и въ глоткѣ.

— Такое-то наше мужицкое курево, ясне-паничекъ, хе-хе...

— Ну, будетъ уже тебѣ курить. Идемъ.

Они потушили костеръ. Егерь взялся за одинъ конецъ шеста, а Нардзевскій за другой; оба нагнулись и одновременно, какъ по командѣ, подняли связанныхъ животныхъ. Касперъ шелъ впереди. Конецъ шеста упирался въ его плечо. Болѣе низкій ростомъ Нардзевскій шагалъ въ тактъ съ нимъ, хотя раскачивался направо и налѣво. Когда Рафаилъ, пылая желаніемъ помочь, предложилъ свои услуги, шляхтичъ фыркнулъ на него:

— Оставь! Береги лучше свое ружье...

Такъ они довольно долго спускались съ горы по направленію къ монастырю. Не доходя до источника св. Франциска, свернули влѣво. Нардзевскій охрипшимъ голосомъ далъ приказаніе остановиться и вручилъ племяннику желанный конецъ шеста. Рафаилъ храбро положилъ его на плечо, но въ то-же мгновеніе присѣлъ подъ тяжестью. Онъ испыталъ такое чувство. какъ будто въ плечахъ у него треснули кости. Стиснувъ зубы, съ прерывающимся дыханіемъ, съ краснымъ отъ прилива крови лицомъ, онъ шелъ, однако, стойко до самой бодзентинской дороги. Тамъ опять замѣнилъ его старый шляхтичъ.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда на опушкѣ лѣса они остановились передъ курной избой, занесенной со всѣхъ сторонъ горными снѣгами. Пара лошадей, запряженная въ простыя санки, стояла возлѣ низкихъ дверей. Козъ взвалили на сани при помощи поджидавшаго батрака и безземельнаго хозяина избы, и всѣ три охотника размѣстились кое-какъ рядомъ съ дичью. Молодыя лошади рванулись съ мѣста и пошли въ гору. Снѣгъ послѣ оттепели подмерзъ сверху, покрылся тонкой ледяной корой. Подкованныя копыта рѣзко ударяли въ стеклистый покровъ. Собаки бѣжали съ трудомъ и калѣчились, проваливаясь въ снѣгъ. Обѣ были сонныя, усталыя и кончали это путешествіе, выбиваясь изъ силъ. Нардзевскій ежеминутно подзадоривалъ ихъ ласковыми кличками и свистомъ.

За лѣсомъ, по широкой дорогѣ, сѣкъ, какъ косой, сѣверный вѣтеръ, рѣзкій, пронизывающій до костей. Когда они остановились на перекресткѣ, направо и налѣво виднѣлись огромныя пространства,—двѣ широкія долины, и лѣса, сколько глазъ хваталъ. Одна изъ этихъ долинъ, плоская, со стороны Кѣльцъ, была давно обработанной, населенной мѣстностью, усѣянной большими деревнями, усадьбами, костелами. Другая представляла еще первобытный глухой уголъ. На ней виднѣ-

лись поселенія на вырванныхъ у лѣсной чащи полянахъ. Эти деревни съ лѣсными именами, напоминающими царство и исторію лѣсовъ, какъ Бжезинки, Кленовъ, Вильковъ, Псары, Сѣкерно, Домброва... слали въ чистую лазурь неба высокіе столбы дыма. Высокія горы двумя поясами направлялись къ Лысицѣ и вростали въ нее и затѣмъ дальше шли однимъ хребтомъ, высокимъ, наеженнымъ скалами. На нихъ еще вездѣ стоялъ могучій, царственный лѣсъ. Его издалека синѣющія одежды сѣдѣли отъ снѣга. Лѣса гнулись на далекихъ хребтахъ горъ и подобно длиннымъ серебристымъ рѣкамъ спускались по широкимъ оврагамъ въ долины, гдѣ уже осѣдалъ холодный мракъ вечера. Тамъ, гдѣ кончались лѣса, начиналась область можжевельника, такая же дикая и обширная. Занесенные снѣгомъ кусты можжевельника, казалось, были сотканы изъ самого мороза и производили странную иллюзію,—точно на нихъ среди бѣла дня падалъ лунный свѣтъ. Рафаилъ, уставившись глазами въ пространство, ясно видѣлъ каждый уголокъ и каждую подробность, и въ то же время вспоминалъ все это и усваивалъ, какъ нѣчто иное, относящееся къ дѣтскимъ годамъ. Онъ былъ здѣсь давно, давно, весной... Зеленыя полосы луговъ лежали передъ нимъ и тянулись къ чудной рѣкѣ, къ Черной Нидѣ которая выростаетъ изъ горныхъ ручьевъ. На него повѣяло ароматнымъ вѣтромъ отъ глубокихъ овраговъ горы Радостовой, отъ прелестныхъ овраговъ, надъ которыми повисли березовыя рощи. Хоры соловьевъ нарушали тишину этой весенней ночи, когда онъ проѣзжалъ тамъ давно, положивъ голову на колѣни матери. Теперь онъ разговаривалъ съ дядей, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто мечталъ объ этой далекой, спящей, мертвой долинѣ. Онъ ѣдетъ на дикомъ конѣ. Желѣзными удилами затягиваетъ ему губы и гнетъ его голову къ землѣ. Ѣдетъ къ солнцу,—къ солнцу, которое огненнымъ кругомъ заходитъ за синѣющіе лѣса, невидимые простымъ глазомъ. Далекіе лѣса, далекіе, вѣковѣчные лѣса...

Вертлявыя санки запрыгали во всѣ стороны по дорогѣ, когда лошади понесли подъ гору.

— Эй, ты, балда!—кричалъ Нардзевскій кучеру, когда сани слишкомъ сильно скатывались въ рытвины.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ еще стояло нѣсколько сосенъ и буковъ въ вырубленномъ лѣсу, онъ показалъ на одно изъ этихъ деревьевъ и сказалъ:

— Здѣсь пять лѣтъ тому назадъ я убилъ орла.

— Орла?!

— Ну, да. Я шелъ съ охоты. Было это осенью. Солнце заходило, какъ сейчасъ. Смотрю: на букѣ что-то шевелится.

Я не хотѣлъ глазамъ вѣрить... Ружье было заряжено картечью. Я прицѣлился и выстрѣлилъ.

— А крылья-то, крылья у него какія были! Господи Боже...— замѣтилъ Касперъ.—Когда мы растянули его на землѣ, то собаки,—вѣдь не плохія собаки,—помчались въ поля съ воемъ, и созвать ихъ домой невозможно было.

У Рафаила такъ замерзло лицо, что онъ не могъ говорить. Съ большой дороги свернули на боковую, крутую дорогу, которая шла по самому берегу горной рѣчки. Быстрая вода клубами катилась въ обмерзшихъ берегахъ, ударяя въ плиты льда, который силился схватить ея живое тѣло. Лошади фыркали, и ихъ напряженныя ноги сильно ударяли копытами по твердой дорогѣ,

— Ну, что-жъ, Рафаилъ, у васъ тамъ въ Сандомірщизнѣ нѣтъ ни такихъ ужасныхъ дорогъ, ни такихъ дикихъ мѣстъ? Правда? Дороги тамъ, какъ полъ...

— Но за то лѣса нѣтъ ни клочка.

— Зачѣмъ вамъ лѣсъ! У васъ за то пшеница, какъ нашъ лѣсъ. Вамъ этого мало?

— Я бы предпочелъ здѣсь жить! Здѣсь настоящая жизнь.

— Ты предпочелъ бы здѣсь жить? Что ты говоришь? Эхъ, братецъ, здѣсь не такъ-то легко высидѣть. Здѣсь только такой, какъ я, выдержитъ.

— Ужъ я бы выдержалъ!

— Ты думаешь?

— Ну, да.

— Ну, ну, помни, чтобы я не поймалъ тебя на словѣ и не поселилъ въ этой норѣ.

— Я не боюсь.

— Ого!.. Но знаешь, что меня радуетъ?.. Что мать будетъ довольна? какъ ты полагаешь? Ваши пикники, балы или рауты должны удачно пройти. Есть у насъ козелъ, есть коза, есть въ кладовой десятокъ зайцевъ, есть дикій поросенокъ. Хватитъ на вашъ балъ?.. Говори коротко! Потому что если нѣтъ, то завтра съ разсвѣтомъ поѣдемъ въ лѣсъ.

— Болѣе, чѣмъ достаточно, дядя.

— Ну, не очень-то. Если ужъ поѣхалъ такъ далеко, то съ малой добычей возвращаться не стоитъ. Пусть и наша глушь постоитъ за себя.

Немного погодя, онъ прибавилъ:

— Славная Аннуся... Мы съ твоей матерью изъ всей семьи больше пылали другъ къ другу братскими чувствами. Трудно найти лучшую сестру. Эхъ, Боже милостивый...

— Если бъ дядя пріѣхалъ къ намъ на этотъ пикникъ, то-то бы мама и... папа...

— Только за папу ничего ужъ не обѣщай! Съ папой совсѣмъ другой сантиментъ. Amicus Plato...

— Ну, ладно; но если бъ дядя на пикникъ пріѣхалъ...

— Ты съ ума сошелъ, дисципулюсъ? Я на пикникъ! Я изъ Вырвъ! Тридцать лѣтъ я не выѣзжалъ изъ дому, и теперь вдругъ поѣду на пикникъ, при томъ еще куда-то за Климонтовъ, въ далекій свѣтъ! Что ты говоришь?

И вдругъ рѣзко прибавилъ:

— Не поѣду. Нѣтъ, не поѣду. Довольно!

Уже было темно. Внизу показались темныя деревья, аллеи, постройки, огни въ имѣніи Нардзевскаго. Скоро сани съ разгономъ въѣхали во дворъ и остановились передъ балкономъ дома. Изъ оконъ лился яркій свѣтъ. Когда лошадей осадили, изъ-за угловъ дома выбѣжало нѣсколько человѣкъ. Одни высаживали барина, другіе вытаскивали дичь изъ санокъ. На гумнѣ царило движеніе: въ амбаръ сносили въ мѣшкахъ дневной умолотъ, давали скоту солому, лошадямъ— овесъ и сѣно. Дворовыя собаки, еще привязанныя на цѣпь, отчаянно выли, овчарки, лягавыя и таксы лаяли. Какая-то громадная дворняга поминутно бросалась къ Рафаилу, пытаясь лизнуть его въ лицо.

— Почему такъ свѣтло въ комнатахъ?—спросилъ Нардзевскій.

— Кто-то тамъ пріѣхалъ.

— Кто?

— Нѣмецъ, что́ ли. Трудно его понять. Онъ изъ самыхъ Кѣльцъ, съ нимъ еще одинъ. Тотъ другой поѣхалъ въ Боженцинъ, а этотъ остался и сидитъ.

Нардзевскій фыркнулъ носомъ совсѣмъ не гостепріимно. Наконецъ, онъ не выдержалъ, толкнулъ перваго попавшаго подъ руку слугу, прибавивъ:

— Чортъ васъ побери съ вашимъ нѣмцемъ!

Окруженные бѣшено лаявшей стаей собакъ, охотники вошли на крыльцо и въ комнаты. Навстрѣчу имъ поднялся изъ-за стола сравнительно молодой мужчина, бритый, довольно красивый, одѣтый, по нѣмецкому обычаю, въ короткое черное платье съ лацканами, въ толстые чулки и низкіе башмаки. Онъ ловко поклонился, окидывая Нардзевскаго внимательнымъ взглядомъ. Немного погодя, онъ заговорилъ, съ трудомъ выговаривая слова и съ сильнымъ акцентомъ:

— Имѣю ли честь съ дѣдицемъ, его мостью паномъ Нардзевскимъ?

— Я Нардзевскій; готовъ къ услугамъ... Кого же, если позволите, я имѣю честь... въ этихъ убогихъ... э... стѣнахъ?..

— Моя фамилія Гибль. Изъ кѣлецкаго „крайзамта“.

— Ага... Очень пріятно... Будьте, какъ дома. Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ.

Коммиссаръ Гибль сѣлъ въ оборванное кресло и, при свѣтѣ вздрагивавшаго пламени двухъ сальныхъ свѣчей, равнодушно, холодными глазами всматривался въ Рафаила, который, оставшись послѣ ухода дяди съ глазу на глазъ съ гостемъ, не зналъ, что дѣлать. Онъ не снялъ даже съ плеча своей одностволки. Только Касперъ уже пришелъ къ нему на выручку. Рафаилъ усѣлся въ темномъ углу большой комнаты и тотчасъ почувствовалъ, какъ страшно ему хочется спать. Голодъ раздиралъ его внутренности, но сонъ былъ сильнѣе голода. Глаза юноши еще различали „нѣмчика" и язычки пламени тающихъ свѣчей, но на удивительно большомъ разстояніи...

Цѣлая стая собакъ бродила по комнатамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вскочили даже на диванъ возлѣ стола и въ упоръ смотрѣли на гостя, другія основательно расположились возлѣ большой печи. Нѣманъ и Висла, герои дня, смѣло улеглись въ уголкѣ дивана, который былъ постелью Рафаила. Между тѣмъ, Нардзевскій, сбросивъ лисій полушубокъ, вышелъ изъ сосѣдней комнаты въ легкихъ сапогахъ и лосьей курткѣ съ серебряными пуговицами. Лицо у него раскраснѣлось и глаза налились отъ вѣтра кровью. Онъ сѣлъ за столъ противъ гостя и, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ разговоръ, далъ приказаніе:

— Ужинать!

Касперъ исчезъ въ дверяхъ, которыя вели въ сѣни и кухню на другой сторонѣ большого двора.

— Садись, Рафаилъ,—сказалъ Нардзевскій.

Обращаясь къ Гиблю, онъ прибавилъ:

— Мой племянникъ, Ольбромскій, изъ Сандомірскаго. На піитикѣ въ сандомірскихъ школахъ изводитъ свою juventutem...

Гость молча поклонился, не поднимая глазъ. Нардзевскій смотрѣлъ на него неподвижнымъ взглядомъ, въ выраженіи котораго не было и тѣни доброжелательства.

— Я радъ бы знать,—сказалъ онъ тихо, вѣжливо и почти униженно:—имѣемъ ли мы честь принадлежать къ одной съ вами націи, пане комиссаръ, или, къ сожалѣнію...

Пріѣзжій поднялъ голову. Неопредѣленная улыбка скользнула по его губамъ. Онъ сказалъ осторожно, взвѣшивая слова:

— Я рожденъ въ столичномъ городѣ Вѣнѣ. Тамъ поселился мой отецъ, когда прибылъ изъ чешской страны.

— Изъ чешской страны? скажите, пожалуйста...

— Да, мы славяне.

— Я понимаю.

— Когда мнѣ было шесть лѣтъ, мои родители прибыли въ Восточную Галицію и поселились въ Ярославскомъ крайзамтѣ. Тамъ я воспитался. Отецъ мой былъ повѣреннымъ въ имѣніяхъ князя Олельковича.

— И это понимаю.

— Теперь я... почти галичанинъ. Вѣны не помню, умѣю по польски.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я очень привязанъ къ здѣшнимъ западно-галиційскимъ обывателямъ и къ этому краю. Я командированъ изъ Львова, когда послѣ несчастныхъ событій и печальныхъ замѣшательствъ этотъ край началъ, наконецъ, испытывать счастливое благополучіе подъ властью его величества императора и короля Франца Второго,

— Это вацьпанъ хорошо сказалъ.

— Очень это прекрасный край!

— Ну да, довольно хорошій, только немного невеселый и, какъ самъ панъ замѣтилъ, дурного поведенія, — говорилъ шляхтичъ, качая головой...

— Лучшаго пользованія полями не достаетъ,—осторожно замѣтилъ чиновникъ.—Какія дороги здѣсь, особенно въ Кѣлецкомъ крайзамтѣ. Ахъ, что за дороги! Я думалъ, что только въ Карпатскихъ горахъ такія бываютъ...

— Это, мосци пане, польскія дороги. Но кое-какъ и такими проѣдешь, если заупрямишься. Да что говорить? Проѣдешь туда, куда, казалось бы, только вѣдьма на лопатѣ долетитъ...

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ ужиномъ. Двери раскрылись, и толстая хозяйка принесла блюдо съ колбасой, приправленной превосходнымъ соусомъ. Двѣ дѣвки несли миски съ картофелемъ, обильно облитымъ поджареннымъ саломъ. Въ мгновеніе ока столъ былъ накрытъ скатертью и поставлены фаянсовыя, выщербленныя тарелки. Вилки были очень простыя въ оправѣ изъ оленьяго рога. Гость осторожно принялся за небольшой кусочекъ колбасы, а остальное мгновенно раздѣлили между собой охотники, проголодавшіеся послѣ цѣлаго дня блужданій и поста. Дымящійся картофель исчезъ. Исчезло также второе кушанье: заяцъ, жареный на вертелѣ. У дверей все еще стоялъ Касперъ, глотая слюнки, такъ что гортань у него шевелилась. Онъ былъ занятъ вытаскиваніемъ изъ ружей зарядовъ и промываніемъ дулъ теплой водой.

Рафаилъ, заслышавши увлекательную музыку чистки ружей мокрой паклей, навернутой на шомполъ, уже не касался вина, рюмку котораго пододвинулъ ему дядя. Онъ

присѣлъ на корточки рядомъ съ егеремъ и сонными глазами смотрѣлъ, какъ черная вода стекаетъ изъ дулъ въ миску. Ему надоѣли разговоръ и присутствіе нѣмца, а лечь спать еще невозможно было, такъ какъ постель ему готовили всегда именно въ этой комнатѣ на диванѣ.

— Вашамость добродѣй воспитываетъ, какъ вижу, прекрасныхъ собакъ. Это очень прекрасныя собаки, — говорилъ пришелецъ, гладя съ видимымъ отвращеніемъ голову Нѣмана, который безцеремонно положилъ ему лапы на колѣни.

— Да, недурные псы. Теперь уже состарѣлись, но еще не покидаютъ охоты. Еще и бѣгъ, и нюхъ хорошій сохранили. Особенно сука. Иди-ка сюда, Виселка.

Онъ обнялъ ее и ласково погладилъ.

— Она кажется съ виду какъ будто меланхоличкой, но это псина съ очень и очень хорошимъ чутьемъ, гончая чистѣйшей воды. И тотъ, Нѣманъ, тоже не лишенъ увлеченія и упорства, но онъ только за нею тянется Взгляните-ка, вашамость, какія широкія ноздри! Какія мокрыя! Коли собака такимъ носомъ захватитъ воздуха, то ужъ найдетъ, что слѣдуетъ. А какая за то у этого спина! И мясистая, и длинная, посмотрите, вацьпане! А за то у той... нога. Эге? Пятка продолговатая, видитъ вацьпанъ? Она у меня еще ни разу не оступилась...

— Какъ-же!—замѣтилъ Касперъ,—гдѣ такая соблка оступится. Она идетъ по снѣгу или по вспаханному полю, точно лисица.

— Онъ, хоть и добродѣтельный песъ, но если утомится, молчкомъ, предатель, пробирается, а ее всегда слышно: мчится она по лѣсамъ такъ прямо, какъ дилижансъ по дорогѣ. Голосъ, словно у молодой вдовушки. То, что она нюхомъ быстро схватитъ, онъ долженъ лѣниво, тяжело разбирать мозгами.

— Это очень прекрасныя собаки... А тѣ, дворняги, тоже какія-нибудь достоинства имѣютъ?—съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ Гибль, указывая на большихъ, лохматыхъ псовъ, лежавшихъ возлѣ печки.

— Тѣ? Тоже почтенные псы. На кабана — незамѣнимы! Въ прошломъ году въ самый сочельникъ мы взяли съ ними кабана почти живьемъ.

— Даже такъ?—удивился галичанинъ.

— Мы были вдвоемъ, вотъ съ тѣмъ егеремъ. Проторили кабаны тропинку въ лѣсу, на Буковой горѣ. Ночевали они въ небольшомъ ущельи, въ болотахъ. Мы отправились чуть свѣтъ. Пустили этихъ собачекъ въ заросли. Тихо, тихо... И вдругъ, какъ заореть вотъ этотъ,—Разбой, ай-ай-ай! Мы на-

сторожились, ждемъ! Выгнали они кабана такого, какъ буйволъ, прямо на него, на Каспера. Ну, онъ началъ примѣрять, цѣлиться, приспособляться и, повѣрите ли?—промахнулся. Artifex! Съ нимъ это бываетъ, хотя тридцать лѣтъ ходитъ со мной на звѣря и хвастаетъ, что по бекасу и ласточкѣ въ летъ не промахнется. А собаки свое дѣлаютъ: загоняютъ кабана въ глубокій снѣгъ. Если-бъ вашамость видѣлъ эту картину! Одна вцѣпилась въ ухо, перелѣзла на четвереникахъ черезъ звѣря, повисла и не пискнетъ. А глаза у нея—одна кровь! Другая держитъ за лѣвое ухо; передними лапами врылась въ снѣгъ и не пускаетъ. Третій песъ, Куцый, хватаетъ, хватаетъ... Кабанъ тащитъ всѣхъ ихъ на себѣ и пробирается по снѣгамъ. Но клыками, понимаете ли, вашмость, не можетъ никакъ, потому что Разбой... иногда только дунетъ носомъ или щелкнетъ зубами... Я выстрѣлить не могу,—Боже сохрани, могъ бы собаку убить. А ужъ я бы предпочелъ себѣ ногу прострѣлить, чѣмъ такого пса. Ну, кабанъ уходитъ себѣ въ лѣсъ, а мы, какъ дурни, за нимъ. Наконецъ таки, мой Касперъ осмѣлился. Перекрестился и влѣзъ на кабана, усѣлся на немъ покрѣпче верхомъ, какъ на лошади, каблуками уперся въ землю. Вотъ этимъ самымъ ножикомъ, который виситъ у него на поясѣ, началъ подрѣзывать ему горло. Нахохотался я тогда! Потому что ѣхалъ онъ такъ верхомъ на кабанѣ до тѣхъ поръ, пока не перерѣзалъ всѣ вены и arterias...

— Замѣчательная шельма былъ этотъ кабанъ!—вздохнулъ Касперъ.—Зналъ я его хорошо! Напалъ онъ на меня однажды въ Цисовскомъ и какъ рванулъ клыкомъ за икру, то мясо разорвалъ до кости, будто ножомъ. И чуть-чуть, было, не подмялъ подъ себя, чортовъ сынъ... Ужъ я испугался. Даже и теперь, какъ вспомню, жутко на душѣ. А вѣдь я уже бывалъ подъ кабаномъ. Одинъ рвалъ мой тулупъ на спинѣ то лѣвымъ, то правымъ клыкомъ и топталъ меня ногами, я знаю, какая у нихъ сила! Глянулъ онъ на меня глазками,—такими, какъ желудевая скорлупка,—и въ жилахъ у меня вся кровь замерзла, въ глоткѣ захватило... Но я тоже пощекоталъ его по шейкѣ...

— Ба! Мы здѣсь разсуждаемъ,—замѣтилъ Нардзевскій,—а вашмость, пане коммиссаръ, можетъ быть, совсѣмъ и не охотникъ?

— Я совсѣмъ не охотникъ. Гдѣ же я могъ бы на такую забаву время найти? Всегда на службѣ... Вотъ и теперь я командированъ съ порученіемъ къ вельможному пану, какъ къ землевладѣльцу.

— Ко мнѣ? Съ порученіемъ?

— Да.

— А по какому же дѣлу, если позволите?

— Дѣлъ очень много.

— Даже очень много. Это любопытно...

— Можемъ ли начать сейчасъ?

— Ночь теперь... Но пожалуйста, пожалуйста...

— Я прибылъ еще днемъ и терпѣливо ожидалъ. Завтра я долженъ ѣхать дальше.

— Итакъ, я внимательно слушаю.

— Primo: конскрипція душъ.

— Душъ конскрипція? Мужицкихъ?

— Да.

— Слыханное ли дѣло!

— Баронъ фонъ-Липовскій, первый окружный коммиссаръ кѣлецкаго крайзамта, не имѣя возможности лично явиться, прислалъ меня...

— А какое дѣло вамъ, господа, до моихъ мужиковъ?

Чиновникъ незамѣтно, но отъ души улыбнулся, не поднимая глазъ. Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а задалъ другой:

— Вельможный панъ, на основаніи указа, январьскую долю подати десятаго и двѣнадцатаго гроша экзактору въ Хенцинахъ, Чаплицкому, заплатилъ ли?

— Подать? Что это за подать?

— По вступленіи войскъ его императорскаго и королевскаго величества въ здѣшній край,—говорилъ чиновникъ проповѣдническимъ тономъ,—фельдцейхмейстеръ де-Фуллонъ издалъ прокламацію къ обывателямъ, съ требованіемъ платить подати безъ малѣйшаго замедленія. Въ январѣ прошлаго 1796 года, духовенство съ амвоновъ этотъ циркуляръ объявило, и каждый приходскій священникъ сообщалъ его обывателямъ подъ росписку. Вельможный панъ получилъ ли это publicandum?

— Можетъ быть. Но я не придаю никакого рѣшительно значенія бумагамъ. Мнѣ бумага нужна только затѣмъ, чтобы забивать порохъ и дробь, да и то я предпочитаю пыжи изъ пакли—бумажнымъ.

— И вотъ, противъ лучшаго ожиданія, вельможный панъ одинъ изъ немногихъ не заплатилъ во время.

Нардзевскій сидѣлъ въ своемъ креслѣ, заложивъ руки въ карманы рейтузъ. Его лицо, обвѣянное вѣтрами, было теперь пунцоваго цвѣта, губы были вздуты. Онъ долго молчалъ.

— Очень можетъ быть... противъ лучшаго ожиданія,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Это ad primum. А теперь относительно homagium. Панъ баронъ Липовскій, первый императорскій комиссаръ кѣлецкаго крайзамта, поручилъ мнѣ выразить вельможному пану

неудовольствіе по поводу его абсентеизма въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Чортъ возьми! масса грѣховъ, какъ вижу, удручаетъ мою совѣсть...

— Такъ точно. Вельможный панъ не только лично не явился въ Краковъ...

— Я—въ Краковъ! Чего это вашамость требуешь отъ меня?

— Это не требовалось.

— Уже не требовалось! Значитъ, какъ-же?

— Этого ждали отъ обывателей.

— То требовали, то ждали!.. Я, милостивый государь, тридцать лѣтъ изъ этихъ Вырвъ не выѣзжаю и не выѣду. Не выѣду, хотя бы дубины съ неба падали! Сижу здѣсь, и кончено дѣло. Ничего не знаю... А фонъ-Липовскій первый коммиссаръ... Будетъ уже съ меня и Кракова, и всего остального свѣта.

— Все это возможно...

— Послѣдній разъ я былъ въ Краковѣ anno Domini 1768. Посчитайте-ка, вашмость, сколько это лѣтъ.

— Дѣйствительно,—пробормоталъ Гибль, разсматривая какія-то бумаги.

— Это уже давнія, минувшія времена, милостивый государь. Вы еще и не видали тогда восточной Галиціи.

— Вельможный панъ учился тамъ, вѣроятно?—говорилъ чиновникъ, продолжая сортировать груды своихъ замѣтокъ.

— Учился? Что за идея! Я учился въ Сандомірѣ, въ знаменитой повсюду коллегіи отцовъ Іезуитовъ, хотя теперь отъ нея не осталось ни пепла, ни дыма. Но я не созданъ для науки. Правду говоря, я едва пробился, не безъ труда, черезъ инфиму, грамматику и sintaxim, а поэтикой и реторикой ужъ совсѣмъ пренебрегъ. Краковъ!..—говорилъ онъ задумчиво,—никогда не ступитъ туда моя нога. Это вашамость можешь объявить своему первому барону чего-то тамъ кѣлецкаго!

— Кѣлецкаго округа,—отчетливо и холодно заявилъ чиновникъ.

— По мнѣ, эти названія ни пахнутъ, ни смердятъ...

Гибль незамѣтно записалъ что-то въ памятной книжкѣ.

— Я скажу вацьпану,—продолжалъ шляхтичъ,—почему не люблю Кракова. Вы сами поймете.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Въ ранней молодости я остался сиротой, и опекунъ всего моего наслѣдства, кравчій (упокой, Господи, его душу!) Ольховскій взялъ меня изъ школы, гдѣ я только валандался и бездѣльничалъ. Въ его имѣніи, въ Сеправицахъ, я провелъ молодость. Мою сестру, мать вотъ этого юного юноши, воспи-

тывала покойница жена кравчаго. Панъ Ольховскій, самъ нѣкогда рыцарскаго склада человѣкъ, потому что бывалъ въ походѣ съ королемъ Яномъ, видя во мнѣ охоту къ саблѣ, далъ мнѣ благословеніе отъ имени родителей и въ знакъ и залогъ послушанія antiquo more велѣлъ разложить меня на коврѣ и собственной своей сенаторской рукой отсчиталъ пятьдесятъ батоговъ. Затѣмъ всыпалъ сто монетъ въ мой кошель, далъ мнѣ двухъ почтовыхъ лошадей и двухъ верховыхъ, такихъ какъ бѣсы, воинскій знакъ на грудь и самъ отвезъ меня въ „панцырную хоругвь", которая тогда кружила въ окрестностяхъ Мѣхова. Тогда-то я первый разъ видѣлъ Краковъ. И послѣдній разъ, послѣд- ній... Пусть громъ разразитъ весь вашъ Краковъ! Больше я ужъ не подумаю тамъ быть.

Гость тихо засмѣялся, лукаво поднимая вѣки. Онъ проговорилъ съ притворнымъ удивленіемъ:

— Почему? Вельможный панъ обѣщалъ объяснить...

Шляхтичъ слышалъ это восклицаніе и видѣлъ улыбку, но, не смущаясь, продолжалъ:

— Почему? А вотъ почему... Я выдержалъ въ этомъ Краковѣ осаду вмѣстѣ съ товарищами изъ воеводствъ Сандомірскаго, Краковскаго, а также и земли Саноцкой. Я выдержалъ десятинедѣльный штурмъ города. Я былъ свидѣтелемъ, какъ измѣна открыла непріятелю ворота въ городъ, а мы всѣ съ позоромъ вынуждены были сдаться. Мы сложили, какъ бараны, оружіе и двѣ недѣли ждали взаперти въ краковскомъ замкѣ рѣшенія, что съ нами сдѣлаютъ. Три нашихъ конфедератскихъ союза,—Боже мой, Господи милосердный!—разъединили, и каждый, по приказанію графа, былъ запертъ въ отдѣльной залѣ. И какъ только мы вошли въ эти залы, появился откуда-то караулъ и занялъ всѣ двери и окна. На другой день пришелъ плацъ-маіоръ съ резолюціей, чтобы мы готовились въ путь. Двѣсти семьдесятъ человѣкъ насъ одной шляхты, офицеровъ, вышло маршемъ черезъ Гродскія ворота. А за этими воротами мы встрѣтили конвой карабинеровъ, который повелъ насъ по болотамъ и скверным дорогамъ въ назначенное мѣсто. Позже дали намъ подводы, и такъ мы медленно ѣхали на глазахъ у всѣхъ черезъ Скальбмежъ, Сташовъ, Иваниска... За Сташовымъ идетъ широкій путь черезъ лѣсъ. Ну, мой край былъ уже близко. Издалека виденъ Святой Крестъ... Случился ночлегъ въ мѣстечкѣ Богоріи. Вокругъ постоялаго двора, гдѣ мы въ конюшняхъ спали въ повалку, бодрствовалъ караулъ. Всталъ я позднею ночью, подошелъ къ карабинеру, остановился лицомъ къ лицу и, когда онъ не ожидалъ, выхватилъ у него изъ рукъ оружіе, силой, въ мгновеніе ока...

— Онъ спалъ?—тихо прошепталъ чиновникъ.

— Зачѣмъ спать?.. Бодрствовалъ!

— Такъ какъ-же?

Шляхтичъ печально улыбнулся и передернулъ плечами.

— Не помню уже хорошенько, какъ это было... Достаточно, что онъ меня... ээ... выпустилъ. Я бросился въ дверь въ комнату хозяевъ, выскочилъ въ поле и затѣмъ помчался, сколько было силы въ ногахъ! Солдатишки учинили шумъ и давай сыпать за мной въ темнотѣ, пули такъ и свистѣли мимо ушей. Божья рука спасла меня... Лѣсами пробрался я въ мои Вырвы, босой, оборванный до нага, голодный. А дойдя до этого порога, я сказалъ себѣ: „Теперь клянусь, Господи Іисусе, что больше не выйду!“ И вотъ сижу, какъ лѣсной волкъ. Видишь, вашамость, что я довольно съѣлъ въ вашемъ Краковѣ хлѣба, испеченнаго вмѣстѣ съ мякиной... Замѣтьте, что происходило это въ 1768 году. Зачѣмъ мнѣ теперь въ Краковъ? Что я тамъ увижу?

— Большія перемѣны, желанныя перемѣны. День 17 августа минувшаго года навсегда останется въ памяти тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ его. Избраннѣйшее общество обывателей западной Галиціи обращалось къ дворцовому коммиссару, пану барону Маргелику, выражая желаніе участвовать въ свитѣ при въѣздѣ его мости пана вассала-намѣстника, князя Ауэршперга.

— Избраннѣйшее общество обывателей, вы говорите? Скажите, пожалуйста!

— Такъ точно. Не всѣ могли быть приняты, особенно въ день самаго въѣзда, девятаго августа. Какое это было торжество! Прежде всего, шли къ городу черезъ мостъ изъ предмѣстья Josephstadt...

— Откуда это?

— Изъ предмѣстья, раньше называвшагося Подгуже.

— Раньше называвшагося!.. а теперь Josephstadt..

— Цехи, корпусъ кавалеріи, кучера обывателей, бывшихъ въ свитѣ безъ верховыхъ лошадей, берейтеры, трубачи, а затѣмъ шляхта польская на прекрасныхъ лошадяхъ... Польскія дамы въ каретахъ, дворъ его мости, пана намѣстника, наконецъ, онъ самъ,—и опять корпусъ кавалеріи. Прелестная картина, клянусь Богомъ! А въ день чествованія! Отъ Спискаго дворца до костела Дѣвы Маріи и до каѳедральнаго костела на Вавелѣ, стояла пѣхота и кавалерія въ шеренгахъ. Вышли мѣщане со своими цехами, бѣлое и черное духовенство, депутаты отъ кварталовъ и вся бывшая на лицо шляхта въ парадныхъ костюмахъ, затѣмъ, персоналъ мѣстнаго Gubernium, всѣ чины, академія. Всѣ выстроились на своихъ мѣстахъ. Тихо

было, очень тихо. Тогда началъ звонить на Вавелѣ большой, стародавній колоколъ Сигизмундъ.

Нардзевскій внимательно слушалъ. Не то отъ удивленія, не то отъ восхищенія голова его качалась направо и налѣво, а изъ горла поминутно вырывались съ трудомъ сдерживаемые звуки.

— Вечеромъ,—продолжалъ коммиссаръ,—во всемъ городѣ была иллюминація, а въ Сукенницахъ князь, его мость, Ауэршперъ далъ большой балъ, на которомъ плясали до самаго утра. Съѣздъ былъ такой большой изъ обѣихъ Галицій, что Сукеннице не могли помѣстить гостей. Почти шесть тысячъ шляхты гуляло въ нихъ съ величайшею радостью. За столомъ были провозглашены тосты съ большимъ жаромъ, при звукахъ пушекъ...

Нардзевскій не переставалъ смѣяться. Вдругъ онъ проворчалъ, не поворачивая головы:

— Повѣсь мнѣ карту!

Егерь тотчасъ бросилъ развинченныя ружья и прикрѣпилъ трефоваго туза къ маятнику часовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ противъ мѣста Нардзевскаго. Сдѣлавъ это, онъ быстрыми шагами и въ испугѣ, какъ будто случился пожаръ, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, принесъ оттуда два прекрасныхъ, съ насѣчкой, пистолета, съ рукоятками, богато изукрашенными серебромъ, и положилъ ихъ на столъ возлѣ барина.

— Веди рѣчь дальше, вашамость, если воля твоя... Пріятно мнѣ слушать то, что ты говоришь, пріятно мнѣ, клянусь Богомъ! Хе-хе... Итакъ, говоришь, какъ достовѣрный свидѣтель, шесть тысячъ избраннѣйшей польской шляхты до утра плясали отъ радости, что эти... И тосты, и восклицанія... А королевскій старый колоколъ Сигизмундъ...

Чиновникъ умолкъ и поблѣднѣлъ. Глаза его нѣсколько разъ зловѣще сверкнули и опять скрылись подъ рѣсницами. Правая рука тяжелымъ движеніемъ вытащила изъ-за пазухи шолковаго платья тонкій венеціанскій стилетъ такъ быстро, что это движеніе едва успѣлъ уловить зоркій глазъ Рафаила.

— Говори же, вашамость, милостивый пане, если воля твоя... Пусть и мое сердце до краевъ наполнится радостью тѣхъ дней! Въ этихъ лѣсахъ, живя среди волковъ и лисицъ, я, когда радуюсь, стрѣляю въ карту. Вашей мости навѣрно не вредитъ пороховой дымъ... Ха-ха... Виватъ!

Сказавъ такъ, онъ взялъ первый съ краю пистолетъ и посмотрѣлъ нѣмцу въ глаза. По лицу у него скользила улыбка, а изо рта выходилъ рѣзкій смѣхъ, напоминавшій и икоту, и рыданье.

Лицо Гибля было спокойно, только какъ будто окоченѣло. Его правый глазъ былъ прикрытъ и нижняя челюсть немного выдвинута. Онъ говорилъ медленно, увѣреннымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Весь этотъ незабвенный актъ присяги на вѣрность монархамъ Габсбургской династіи происходилъ въ величайшемъ порядкѣ.

Нардзевскій поднялъ пистолетъ и выстрѣлилъ.

Дымъ наполнилъ комнату. Известка нѣсколько мгновеній сыпалась со стѣнъ и потолка.

Рафаилъ подошелъ къ часамъ и убѣдился, что черный знакъ трефоваго туза былъ выбитъ изъ карты. Когда дымъ разсѣялся и сталъ уноситься въ сосѣднія комнаты, юноша замѣтилъ на пространствѣ раскачиваній маятника множество пуль, сидѣвшихъ въ лиственичныхъ балкахъ. Нѣкоторыя были вбиты одна въ другую и сплющены.

Коммиссаръ совсѣмъ не интересовался результатомъ выстрѣла. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и по временамъ махалъ рукой, чтобы отогнать дымъ. Видя, что Касперъ торопливо заряжаетъ разряженный пистолетъ, онъ сказалъ сухо, отчетливо и смѣло:

— Мнѣ пороховой дымъ не вредитъ, но, можетъ быть, вельможный дѣдицъ броситъ стрѣльбу. Еще важныя дѣла... На основаніи приказанія моего начальства, объявляю, какъ землевладѣльцу, что число рабочихъ дней, которые отнынѣ обязаны работать батраки, въ годъ, безъ различія пола, тринадцать, а число рабочихъ дней бобылей должно равняться двадцати шести днямъ. Крестьяне, владѣющіе землей, если платятъ опредѣленныя подати, могутъ работать въ пользу вельможнаго пана не болѣе трехъ дней въ недѣлю. Дольше восьми часовъ зимой и двѣнадцати лѣтомъ ни одинъ рабочій въ полѣ или на гумнѣ работать не обязанъ. Праздникъ, если таковой приходится въ день барщины, считается въ пользу трудолюбиваго крестьянина.

— Ну, что еще?—проворчалъ Нардзевскій.

— Presshafte Leute, — продолжалъ чиновникъ, — то-есть слабые здоровьемъ, старцы свыше шестидесяти лѣтъ свободны отъ барщины должны быть.

Нардзевскій опять взялъ пистолетъ и выстрѣлилъ. Не ожидая, пока разойдется дымъ, онъ выхватилъ другой пистолетъ изъ рукъ егеря. Послѣдній такъ внимательно слушалъ то, что говорилъ чиновникъ, что едва замѣтилъ движеніе барина.

— Заряжай! — крикнулъ Нардзевскій,—потому что здѣсь же на мѣстѣ размозжу тебѣ голову!

— Ни одинъ крѣпостной...

— Еще что? еще что?

— Ни одинъ кметъ, обиженный паномъ, чтобы никоимъ образомъ самовольно не осмѣлился искать себѣ справедливости; приказано, чтобы въ крайзамтъ въ Кѣльцахъ, прямо къ полномочному коммиссару онъ шелъ съ жалобой,—продолжалъ чиновникъ охрипшимъ голосомъ, почти совсѣмъ уже окутанный пороховымъ дымомъ.

— Пусть попробуетъ!

— Приказано затѣмъ...

— Что, вашамость, хочешь сказать?—тихо, сухимъ голосомъ спросилъ шляхтичъ, подымаясь со своего мѣста. — Я здѣсь панъ, я—законъ! Прадѣды мои здѣсь жили... Моя это земля, мои люди. Эти Вырвы—мой край. Мой и больше ничей! И клянусь Богомъ живымъ, здѣсь никто...

Коммиссаръ смѣялся.

— Во время Яна Казиміра, послѣ войнъ, прибылъ сюда мой прадѣдъ Іосифъ и эту пустыню, заросшую лѣсами, купилъ за деньги, добытыя въ бою, цѣною крови и ранъ. Онъ самъ, своею собственной рукой, натертой въ теченіе лѣтъ панцыремъ и рукавицей, корчевалъ эти поля, вырывалъ пни и можжевельникъ. Онъ самъ сравнялъ новину, убралъ камни. Пойдите-ка и осмотрите эти камешки вокругъ моихъ полей! Цѣлые годы этотъ человѣкъ... На этой-то землѣ сидятъ мои мужики. У него въ распоряженіи не было наемниковъ, а если бъ и были, чѣмъ онъ платилъ бы имъ? Пришли за нимъ люди безпріютные, по доброй волѣ, нищіе, умиравшіе отъ голода, и за куски земли, за постройки и хозяйственный инвентарь обязались платить постоянную дань работой. Ужъ не лучше ли имъ было бы слоняться по свѣту, не имѣть пріюта? Лучше, можетъ быть, было бы таскаться въ видѣ челяди по большимъ дворамъ, чѣмъ сидѣть здѣсь въ чистыхъ хатахъ, на святой, общей землѣ, за которую и денегъ не платили? Жили они здѣсь, какъ одна семья. Моя бабка, сколько помню, моя мать и—Боже упокой ея душу—моя жена лѣчили ихъ. Спроси, вашамость, кого хочешь, какъ я самъ, хоть и суровый человѣкъ...

Гибль качалъ головой.

— Если чиншевикъ владѣетъ тремястами загонами вашей, пане, земли, — заговорилъ онъ съ иронической улыбкой,—то пусть платитъ съ каждаго загона по три мѣдныхъ гроша, согласно обычаю. Придется за всю его землю шестьдесятъ злотыхъ*). Будемъ считать рабочій день, самое дешевое, по пятнадцать мѣдныхъ грошей; получится за всѣ рабочіе дни въ году семьдесятъ восемь злотыхъ. Правильно я говорю?

---

*) Злоты = 15 коп. = 30 грошей.

— Говори, васанъ.

— Такъ какъ-же? Гдѣ же остальное? Кто беретъ восемнадцать злотыхъ? А вѣдь это еще не все! Они должны еще караулить по ночамъ, бѣгать на посылкахъ. А подати! За что же еще платятъ подати? Тоже ли съ прадѣдовской земли? Вѣдь ее-то ужъ они своей работой на пана съ избыткомъ окупили. Даютъ они разные сорта хлѣба, даютъ куръ, яйца, половину пчелинаго меда, должны доставлять въ усадьбу опредѣленное количество льна, ягодъ, орѣховъ, грибовъ. Даже если орѣхъ въ лѣсу не уродится, они должны его дать, потому что такъ давали прапрадѣдамъ при Янѣ Казимірѣ...

Нардзевскій слушалъ все это какъ будто въ остолбенѣніи. Руки его безсильно лежали на пистолетахъ.

Онъ сказалъ спокойно:

— Откуда же, вашмость, знаешь это? Откуда знаешь? Раздражаешь меня, разсчитывая на то, что подъ крышей польскаго шляхтича... Но заклинаю Богомъ живымъ, не продолжай этого дальше...

— Я не боюсь заряженнаго оружія... — сказалъ съ гордостью коммиссаръ, подымаясь со своего мѣста.

Немного погодя, онъ обратился къ егерю со слѣдующими словами:

— Объявить войту и лавникамъ, чтобы завтра вся деревня собралась на помѣщичьемъ дворѣ. Правительственныя распоряженія прочитаны будутъ. Ad tertium... Что касается общественнаго хлѣбнаго магазина...

Нардзевскій взглянулъ на егеря страшными глазами и тихо произнесъ:

— Пусть-ка Яворъ ударитъ въ барабанъ по деревнѣ, чтобы завтра собрались всѣ, кто только живъ. По моему приказу, слышишь! Будетъ наказанъ Томекъ Залѣсякъ за то, что забрался въ мой погребъ. Получитъ передъ всей деревней и на глазахъ вотъ этого пана коммиссара сто пятьдесятъ березовыхъ розогъ, какъ бывало при Янѣ Казимірѣ, Михалѣ Корыбутѣ и другихъ.

— Обявляю торжественно вельможному пану, что это не станется,—сказалъ коммиссаръ.—Бить запрещается вовсе. А теперь я хотѣлъ бы пойти отдохнуть.

Шляхтичъ конвульсивно схватился за голову, и что-то вродѣ лая вырвалось изъ его сдавленной гортани. Онъ всталъ со своего мѣста и началъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы рейтузъ. Лицо его было ужасно, подъ цвѣтъ дыма, который охватывалъ его. То и дѣло, грудь его вздрагивала отъ стона, а губы бормотали безсвязныя слова.

Рафаилъ, сидя, храпѣлъ въ углу дивана. Его сонъ былъ

такъ крѣпокъ, что даже новый выстрѣлъ дяди привелъ его въ себя только на мгновеніе...

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда Нардзевскій началъ будить племянника. Юноша не скоро поднялъ голову. Ему казалось, что онъ только что заснулъ и только немножко подремалъ. И съ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что раздѣтъ и лежитъ подъ одѣяломъ.

— Ну, голубчикъ, клячи запряжены. Пора ѣхать,—говорилъ Нардзевскій.—Путь далекій, а день малый...

Юноша соскочилъ съ постели и началъ одѣваться. На дворѣ слышался людской говоръ, лай собакъ и громкій голосъ чиновника, державшаго рѣчь съ крыльца. Старый шляхтичъ ходилъ по комнатѣ, дергая себя за волосы и за усы. Лицо его было сѣро, глаза дикіе. Онъ торопилъ племянника, объясняя ему охрипшимъ голосомъ, что день коротокъ. Онъ заставилъ его быстро выпить винную похлебку, закуталъ въ медвѣжью бекешу, вывелъ на дворъ и посадилъ въ широкія санки, наполненныя дичью. Четыре славныя лошади, лохматыя и дымящіяся на морозѣ, волновались среди толпы крестьянъ въ рыжихъ „сукманахъ", бабъ въ шерстяныхъ кофтахъ и дѣтей. Когда кучеръ былъ готовъ, Рафаилъ обнялъ дядю и усѣлся на сидѣньи изъ соломы.

Ему жалко было уѣхать, невыразимо жалко... Онъ сгоралъ отъ ненасытнаго любопытства, какъ въ лѣсу, когда послышатся голоса борзыхъ.

„Что-то будетъ? Что случится?"

Онъ видѣлъ воспламененныя лица крестьянъ, ихъ горящіе глаза, которые ничего не замѣчали, кромѣ фигуры чиновника. Гибль, въ мѣховой курткѣ, опершись на столбъ крыльца, что-то обстоятельно разъяснялъ.

Нардзевскій далъ знакъ кучеру, и сани, громко скрипя на морозѣ, двинулись съ мѣста.

— Привести Залѣсяка!—крикнулъ тогда шляхтичъ, прерывая такимъ образомъ рѣчь коммиссара.

Рафаилъ прислушался.

— Солтысъ, барабанить!..—крикнулъ Нардзевскій.

Послышался угрюмый, зловѣщій звукъ барабана...

Лошади Рафаила, отъ удара длиннаго бича, помчались по дорогѣ, искрящейся на морозѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРАКТИКА.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ).

Осмотръ палатныхъ больныхъ закончился; пришедшіе изъ тюремъ размѣщены по палатамъ; часть возвращена обратно, съ помѣткою въ пересыльной книгѣ: „подано пособіе“, — и дѣловое утро можно было считать оконченнымъ: оставалось подписать суточныя требованія и подготовленныя отвѣтныя бумаги. Чувствовалось извѣстное благополучіе: скораго, неотложнаго требованія, предписанія ѣхать куда либо по тюрьмамъ каторги или казармамъ батальона, — не поступало. Я взялся за фуражку, чтобы оставить лазаретъ.

— Г-нъ докторъ! Двое больныхъ прибыли: мужчина и женщина, при бумагѣ изъ управленія нерчинскими ссыльно-каторжными,—проговорилъ одинъ изъ фельдшеровъ, только что вошедшій въ пріемную палату.

— Прибыли? Сейчасъ и съ этими покончимъ, а потомъ и по домамъ...

Подали запечатанный пакетъ; вскрываю: „предписывается исправляющему должность старшаго врача Карійскаго лазарета ссыльно-каторжныхъ средне-карійской тюрьмы Луку (онъ же Лучка) Непомнящаго, 53-хъ лѣтъ, и Розалію Дачеросъ, 32 лѣтъ, подвергнуть медицинскому освидѣтельствованію въ состояніи ихъ здоровья, на тотъ предметъ: могутъ ли они перенести тѣлесное наказаніе плетьми,—первый (Лука Непомнящій) въ количествѣ сорока ударовъ, а вторая (Розалія Дачеросъ) въ количествѣ двадцати ударовъ; а также произвести тѣлесный осмотръ обоимъ: не имѣется ли на ихъ тѣлѣ знаковъ отъ бывшихъ наказаній плетьми, или клеймовыхъ знаковъ. Объ осмотрѣ представить медицинскія свидѣтельства, на каждаго отдѣльно, въ оное Управленіе“.

Предстояла небывалая практика... Я держалъ въ рукахъ бумагу и, по неопытности, соображалъ плохо: общій смыслъ предписанія былъ схваченъ сознаніемъ, а детальное пониманіе, уясненіе не давалось...

— Неразборчиво, должно быть, написано, докторъ? — проговорилъ стоявшій у стола фельдшеръ Иванъ Павловичъ,— позвольте, я прочитаю...

— Да, несовсѣмъ для меня понятно содержаніе, — отвѣтилъ я и подалъ ему предписаніе.

— Пустяки, г-нъ докторъ! Дѣло обычное: свидѣтельствовать на предметъ наказанія плетьми и нѣтъ ли на тѣлѣ знаковъ отъ бывшихъ наказаній и клеймовыхъ знаковъ, — заговорилъ Иванъ Павловичъ, пробѣжавъ глазами бумагу и кладя ея на столъ.—Когда будете свидѣтельствовать? Сейчасъ? Или примете въ лазаретъ на испытаніе? Послѣднее самое лучшее, возиться съ ними придется по часу съ каждымъ... Они стоятъ въ корридорѣ, дожидаются, да и конвой ожидаетъ...

— Пусть заходятъ въ пріемную...

Повертывая голову къ вошедшимъ, я чувствовалъ, какъ туго ворочается шея и горятъ уши...

Передо мной, въ двухъ шагахъ разстоянія, очутился маленькій, худенькій человѣчекъ, не больше двухъ аршинъ трехъ вершковъ роста, съ впалой, вдавленой грудью: „кости да кожа", какъ говорится. Обритая наполовину голова его, какъ захудалый отъ засухи кочанъ капусты, съ всклокоченнымъ вихромъ на небритой половинѣ рѣдкихъ, бѣлобрысыхъ, съ сильною просѣдью волосъ, представляла изъ себя подобіе пѣтушиной головы, ощипанной наполовину и брошенной за ненадобностью... Лучкѣ, на взглядъ, было не менѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду. Его сѣрые кругловатые глаза смотрѣли ласково, устойчиво, не мигая. Неопредѣленная, какъ бы застывшая на толстыхъ, безкровныхъ губахъ улыбка; рѣдкіе, бѣлесоватые, ежомъ торчащіе усы, такого же цвѣта бороденка клинышкомъ, мелкія морщины, избороздившія во всѣхъ направленіяхъ лобъ и щеки, съ бѣловатыми круглыми, рѣзко-выдающимися рубцами на лбу и щекахъ, дополняли лучкино лицо. Дырявая, клочьями, грязная рубаха, таковые же порты и кандалы на сухопарыхъ босыхъ ногахъ — составляли его одѣяніе.

— Не видывали, однако, ваше благородіе, Лучку жигана?— проговорилъ онъ неожиданно гнусавымъ голосомъ.

— Не видывалъ, признаться, Лука! А ты знаешь, зачѣмъ тебя прислали?

— Какъ не знать, ваше благородіе,—знаю! Препорцію могу ли получить отъ крёснаго батьки,—отвѣчалъ онъ спокойно, ласково поглядывая.

— Какого батьки? Гдѣ твой батька?

— Батьки и матки у меня нѣтъ, ваше благородіе,—какіе у бродяги, Непомнящаго, батько и матка? Батько крестный

у насъ обчій для всей каторги: Александръ Ивановичъ,—вотъ нашъ батько! Сестрицы родныя—розгами зовутся, а плеть—наша матушка родимая... Она насъ ласкаетъ, нѣжитъ и обхаживаетъ: разъ поцѣлуетъ—духъ захватитъ; другой, третій поцѣлуетъ—изъ ума вышибетъ... Любитъ насъ наша матушка родимая, потому и ласкаетъ. Вотъ для нея-то я и присланъ къ вашему благородію.

Удивленными глазами я смотрѣлъ на человѣка, однимъ духомъ, ровнымъ, гнусавымъ голосомъ произносившаго аттестацію отца и матери бродяги...

— Давно ты въ каторгѣ?

— Всего-то, съ передышками, лѣтъ двадцать насобирать можно, давно, ваше благородіе,—запамятовалъ! Разгильдѣева, Ивана Евграфовича, помню, его учебу проходили... Насъ въ Карѣ ста два-три наберется разгильдѣевской учебы; обстоятельно подучивали,—неча Бога гнѣвить... Пр-е-е-в-о-о-сх-о-дно можно сказать!

На этотъ разъ покончили съ Лучкой скоро: приняли въ лазаретъ „на испытаніе".—Староста Петръ принесъ лазаретную одежду: лучкины лохмотья были собраны въ кучу и отправлены въ цейхаузъ съ подвязаннымъ ярлыкомъ: „Луки Непомнящаго".

— Не попорти и не запачкай моей одежды, г-нъ староста,—пустилъ Лучка вдогонку уходившему.

Переодѣтый въ довольно чистое лазаретное бѣлье, сѣрый халатъ и кожаныя туфли-опорки, Лучка смотрѣлъ приглядно.

— Помѣстите его, Иванъ Павловичъ, въ восьмую палату, тамъ свободныя кровати. Иди, Лука, отдыхай пока...

Лучка повернулся по-военному на одной ногѣ и неожиданно пошелъ въ присядку къ дверямъ, приговаривая:

— Эхъ ты, Лучка, ты Лучка, душа.

Для тебя и Кара хороша!

— Оказія, а не человѣкъ!—проговорилъ Иванъ Павловичъ.

Пришедшая съ Лучкой женщина, Розалія Дачеросъ, плотная, довольно высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, карими глазами, въ сѣрой юбкѣ и сѣрой же кофточкѣ, смотрѣла боязливо, переступая съ ноги на ногу. Она держала руки на животѣ и нервно перебирала пальцами. На головѣ ея надѣто было подобіе капора, сѣраго-же цвѣта, съ завязками подъ подбородкомъ, и лицо казалось вставленнымъ въ сѣрую рамку. Тонкія губы, небольшой носъ, довольно правильныя черты лица дѣлали ее миловидной, степенной пожилой женщиной. По уходѣ Лучки, сдѣлавъ два-три шага къ столу, она повалилась на колѣни, съ плачемъ и крикомъ:

— Паночка! пане докторъ! Защитите... Помилуйте меня, несчастную, убитую. Ой, панъ! защитите, защитите меня.

Съ трудомъ удалось поднять ее съ пола.

— Встаньте! встань! Не хорошо валяться, я не Богъ, чтобы кланяться мнѣ. Встань!

По лицу ея текли слезы; оно измѣнилось, поблѣднѣло, постарѣло.

— Защитите, пане,—повторяла она, рыдая,—защитите, Христа ради, меня глупую, несчастную... Не знала,—глупа была, ушла съ каторги бродяжить,—сманили! Немного и бродяжила: мѣсяца два не прошло,—поймали... Ой! что со мной будетъ? Что со мной будетъ? Господи! Матерь Божья,—что со мной будетъ! Страшно, панъ докторъ. Ой страшно! Бить будутъ, плетьми бить будутъ... Знаю! Знаю! На то прислана... Панъ докторъ, помилосердуйте, защитите несчастную...

Розалію приняли „на испытаніе,"—помѣстивъ въ женское отдѣленіе.

— Не знаете ли вы, Иванъ Павловичъ, что за человѣкъ Лучка?—обратился я съ вопросомъ къ старому служакѣ, сидѣвшему въ моей комнатѣ послѣ окончанія пріема.

— Лучка-то? Жиганъ и больше ничего... Пропащій человѣкъ! Ихъ, этихъ жигановъ, въ каждой тюрьмѣ десятки; голые, безъ рубахъ и портовъ, какъ мать родила на бѣлый свѣтъ; съ голоду, холоду зубами ляскаютъ,—хуже всякой собаки бродячей... Потѣха съ ними бываетъ, г-нъ докторъ! Въ морозъ, вѣтеръ, слякоть выгоняютъ ихъ на работу въ разрѣзъ,—версты за четыре, за пять. Надо пройти до разрѣза, да тамъ цѣлый день пробыть: небось, проберетъ всякаго жигана, а на что терпѣливы бестіи! Пайки хлѣба, мяса проиграютъ за цѣлый мѣсяцъ впередъ, на баландѣ отсиживаются, жижу похлебываютъ, одежду проиграютъ; мѣсто на нарахъ проиграютъ... Подъ нарами, на полу, живутъ, въ печи залѣзаютъ зимой погрѣться—въ камины, что въ тюремныхъ корридорахъ настроены, въ каменныя трубы... Вытащатъ его оттуда—черный, въ сажѣ да въ золѣ; голый, да худой, какъ скелетъ... Чудная нація! Въ лазаретъ много ихъ поступаетъ больными: исхудалые, едва живые, а все больше съ голоду. Умираетъ ихъ много, далеко больше остальныхъ каторжныхъ, хотя и тѣхъ мретъ достаточно... Осматривать будете тюрьмы, увидите сами, что это за жиганья нація... Любопытный народъ! Лучка жиганъ, бродяга, Непомнящій, только не Иванъ, а Лучка Непомнящій. Всѣ Непомнящіе на Кару приходятъ Иванами: Иванъ Непомнящій, Иванъ безъ прозванія, Иванъ безъ фамиліи, Иванъ безъ отчества,—все Иваны! тѣхъ сотни, а Лучка одинъ... Какъ помню, лѣтъ за пятнадцать другого Лучки Непомнящаго не было. Знаю я этого Лучку достаточно—видывалъ! Возиться съ нимъ приходилось: часто въ лазаретѣ и подолгу

леживалъ. Выпорютъ его въ тюрьмѣ, штукъ двѣсти, триста розогъ за промотъ казенной одежды всыплютъ, едва живого привезутъ, а онъ зубы скалитъ! „Шкурку, говоритъ, починивать прислали. Дорога Лучкина шкурка! Заботится начальство, дай Богъ ему добраго здоровья и много лѣтъ здравствовать!“ Веселый онъ, прибаутчикъ, сказочникъ, музыкантъ на балалайкѣ, пѣсенникъ, складно можетъ говорить, хоть въ пѣсню... Нѣтъ балалайки, своими губами начинаетъ выдѣлывать такіе выкрутасы, что каторга, конвой, а подчасъ и начальство со смѣху помираютъ! Передразнитъ кого угодно: не видавши, скажешь, что смотритель разговариваетъ, а это Лучка его передразниваетъ и рожу похожей на его сдѣлаетъ... Порютъ его за промотъ казенной одежды не на животъ, а на смерть,—шкура, бывало, клочьями виситъ, а онъ все приплясываетъ... Нестоющій вниманія человѣкъ! Много ихъ, такихъ жигановъ, въ тюрьмахъ околачивается, а этотъ особенный изъ нихъ старичонка: въ могилу смотритъ, а неймется... Вотъ сейчасъ опять за побѣгъ плети ему предстоятъ,—сорокъ плетей не шутка! Мѣста на его тѣлѣ нѣтъ такого, которое бы не было изувѣчено, а все бѣгаетъ, бродяжитъ... Бѣгаетъ да приплясываетъ... Жаль дѣлается старичонка: человѣкъ онъ услужливый, добрый, жалостливый; за больными трудными большой охотникъ ухаживать... За битыми плетью, за наказанными, мать родную не надо,—хорошо ухаживаетъ! Онъ, этотъ Лучка, часто въ лазаретъ является: то съ голоду изведется, то шкуру ему розгами снимутъ за его подвиги. Самъ, бывало, едва ходитъ, а за больными ухаживаетъ—хлѣбомъ не корми. Видѣлъ я разъ, — всѣ фельдшера тогда видѣли,—въ восьмой палатѣ лежалъ наказанный Путинъ, сто ударовъ получилъ: полумертваго, въ безпамятствѣ привезли въ лазаретъ, едва дышетъ... Лучка случился въ лазаретѣ, въ больныхъ находился, и какъ же онъ ухаживалъ! Самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ: хлопочетъ, компрессы мѣняетъ, лѣкарство даетъ, а самъ плачетъ, горькими слезами заливается... Не разберешь ихъ, эту каторгу...

— А Розалію Дачеросъ, что приняли на испытаніе, вы знаете, Иванъ Павловичъ?

— Нѣтъ, этой не знаю... Много ихъ на каторгѣ,—про всѣхъ не узнаешь... Сотъ до пяти-шести, навѣрное, женщинъ наберется,—тоже и ихъ прибываетъ не мало. Откуда, какъ подумашь, набирается ихъ столько въ эту каторгу? Правда, женщинъ девятая, восьмая часть противъ мужчинъ приходитъ, а всетаки... Все больше за убійство мужей идутъ. Бьетъ мужъ, тиранитъ, издѣвается,—защиты нѣтъ, — ну и готово! Топоромъ, и дѣлу конецъ! Дѣвки, тѣ за убійство ребятъ: родитъ ребенка—стыдно, задушитъ, а послѣ,—

дорога извѣстная... Не милуютъ и женщинъ,—плетьми бьютъ, когда заслуживаютъ, — тоже исторія! Боятся онѣ плетей... ой, ой, какъ боятся! Больше за побѣги ихъ приговариваютъ... Отсидитъ въ тюрьмѣ разрядъ испытуемыхъ, выйдетъ, какъ говорятъ онѣ, „на волю",—глядишь, и слюбится съ какимъ-нибудь молодцомъ! Тотъ бродяжить вздумаетъ, она за нимъ, туда-же... Поймаютъ; за побѣгъ изъ каторги извѣстная порція: двадцать плетей, съ продолженіемъ стараго срока; новыхъ года два-три набавятъ—вотъ ей и воля! Навѣрное, и Дачеросъ свой срокъ отсидѣла, вышла на волю, да съ кѣмъ-нибудь и пошла по Бушелею бродяжить: однѣ онѣ никогда не уходятъ,—дѣло женское... Бушелей—падь называется въ верховьяхъ рѣки Кары, верстъ двадцать отсюда; выходитъ она гдѣ-то подъ городомъ Нерчинскомъ,—по ней и бродяжатъ... Каторга, подневольная жизнь надоѣстъ кому угодно: малиной, изюмомъ здѣсь кормить не полагается; за изюмомъ погонится, а угодитъ подъ плети, въ рукахъ Сашки-палача и побываетъ... Жаль смотрѣть на этихъ бабъ, когда приходится присутствовать при ихъ наказаніи... Каторжная, каторжная, а всетаки женщина: боль-то отъ плети болью, а стыдъ бабій остается при ней навсегда, никуда онъ не дѣнется... Палачъ мужикъ, кругомъ мужики,—народъ прожженый, а ей, несчастной, раздѣваться надо, оголяться... Со стороны сердце надрывается, стыдно становится, сквозь землю готовъ провалиться... Блѣдная стоитъ, какъ мертвая, посинѣетъ вся; зубы такъ и стучатъ: вотъ-вотъ, сейчасъ упадетъ замертво! Схватятъ, разложатъ, оголятъ и бьютъ, пока не кончатъ... Тяжело и нашему брату бываетъ, г-нъ докторъ, въ этой каторжной службѣ,—не глядѣлъ бы иногда и на бѣлый свѣтъ...

Въ ожиданіи смотрителя средне-карійской тюрьмы, Барина, я сидѣлъ въ его канцеляріи, въ отдѣльной отъ писарской комнатѣ, съ однимъ окномъ, упиравшимся въ пали тюремной ограды. У окна стоялъ длинный некрашеный столъ, заваленный бумагами и казенными прошнурованными книгами. Справа отъ стола стояли довольно высокая конторка, у стѣнъ четыре-пять табуретовъ. Въ отворенную дверь мнѣ видна была писарская, большая квадратная комната и пять писарей изъ вольной команды каторжныхъ, сидѣвшихъ и усердно писавшихъ за двумя столами, поставленными покоемъ. Воздухъ комнатъ былъ наполненъ махорочнымъ, табачнымъ дымомъ. На вопросъ мой при входѣ,—скоро-ли возвратится смотритель?—писаря разомъ отвѣтили: „Не можемъ знать! Долженъ бы возвратиться скоро и все-

непремѣнно придти: ихнее время подходитъ бумаги нужныя подписывать".

Было часа четыре апрѣльскаго сухого дня, и весеннее солнце своими косыми лучами ярко освѣщало писарскую комнату. Отъ нечего дѣлать пришлось разсматривать лица писарей, склонившихся надъ бумагами, усердно выводившихъ буквы. Думалось: все каторга, вездѣ каторга! Всякій изъ сидѣвшихъ за что-то попалъ на Кару, въ чемъ-то провинился, за что-то отбываетъ подневольную работу, чѣмъ бы она ни выражалась. Обыкновенныя крестьянскія лица, съ русыми бородами, подстриженными коротко волосами; одѣты только въ сѣрыхъ курткахъ, съ желтыми тузами на спинѣ...

Входная дверь скрипнула: у притолоки остановился вновь пришедшій, невольно обративъ на себя вниманіе костюмомъ, необычнымъ для каторжнаго.

— Его благородіе, г-на смотрителя можно видѣть?—спросилъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ частности, встряхнувъ своими довольно длинными волосами.

— Смотрителя нѣтъ въ канцеляріи. Дожидайся, если надобность имѣешь: можетъ быть, скоро придетъ,—проговорилъ одинъ изъ писарей.

— Подождемъ! Надобность имѣется...

Вошедшему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Выше средняго роста, коренастый, плотный, съ румяно-лоснящимся, одутловатымъ лицомъ; темно-русая окладистая борода съ просѣдью, закрученные, тараканьи усы; длинные, прямые волосы, подстриженные въ скобку, съ проборомъ по срединѣ головы, были гладко причесаны и блестѣли жирной смазкой, поддерживаясь ремешкомъ, какъ у сапожниковъ за работой. Одѣтъ онъ былъ въ красную, кумачную, поношенную рубаху, сѣрыя, суконныя, заправленныя въ голенища сапоговъ шаровары; поверхъ рубахи была пестрая, клѣточками, жилетка, со стеклянными пуговицами. Вся фигура его изображала человѣка, знающаго себѣ цѣну. Онъ бойко посматривалъ своими сѣрыми глазами, вскидывая ихъ по угламъ и вещамъ, находившимся вокругъ, но отъ косяка дверей не отходилъ. Чаще всего онъ взглядывалъ на меня, сидѣвшаго какъ разъ противъ него, въ смотрительской комнатѣ.

При взглядѣ на меня, онъ старался не встрѣчаться съ моимъ взоромъ и скользилъ глазами по всей моей фигурѣ.

— Какъ тебя зовутъ и какой ты губерніи?—обратился я къ нему, на его частыя оглядыванія и чтобы скоротать время.

— Александромъ, ваше благородіе, Жираковымъ прозываюсь... Команда и всѣ прочіе, кому слѣдоваетъ, зовутъ Сашкой... Губерніи мы дальней, россійской; пришли въ Кару

по несчастному случаю,—проговорилъ онъ бойко и тряхнулъ головой.

— Какой же собственно губерніи?—переспросилъ я.

— Дальней губерніи, ваше благородіе!

— Смотрителя нужно? Его дожидаешься?

— Такъ точно! Приказали прибыть въ канцелярію, — должно быть, по надобности...

— Мастеровой, что-ли: сапожникъ, столяръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! — онъ усмѣхнулся; усмѣхнулись и писаря, переглянувшись между собою.

— Кто же ты? Чернорабочій?

— Палачъ я, ваше благородіе... Въ палачахъ состою десятый годъ, а проживаю въ средней тюрьмѣ,—отвѣтилъ онъ бойко и громко.

Невольно я быстро повернулся къ нему, и, какъ говорится, во всѣ глаза уставился на заплечнаго мастера Сашку, о которомъ пришлось слышать едва не съ перваго дня пріѣзда на Кару. Сашка,—по разсказамъ,—едва ли не главнѣйшій и единственный человѣкъ, державшій въ извѣстныхъ случаяхъ въ своихъ рукахъ здоровье и даже жизнь сотенъ людей...

— Такъ вотъ кто!—мелькнуло въ головѣ.—Вотъ послѣдняя инстанція, послѣдняя статья карающаго закона!—Сашка весело глядѣлъ на меня и видимо наслаждался произведеннымъ впечатлѣніемъ... Минутъ пять-десять не находилось въ головѣ подходящей мысли, слова для дальнѣйшаго разговора.

Побесѣдовать и ближе познакомиться съ „послѣдней инстанціей“ я давно рѣшилъ, чтобы лично убѣдиться, во что можетъ превратиться „сорокъ“, „восемьдесятъ“, „сто“ ударовъ, такъ не рѣдко встрѣчающихся въ практикѣ врача каторжныхъ, при опредѣленіи состоянія здоровья человѣка, которому предстоитъ наказаніе... Чувства гадливости, отвращенія, омерзѣнія я не чувствовалъ въ душѣ къ этому человѣку, жирному, масляному, непринужденно стоявшему и весело смотрѣвшему своими сѣрыми глазами... Правда, я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ во всѣ глаза на неожиданно встрѣтившагося палача.

— Жираковъ фамилія? Да, да! слышалъ о тебѣ много разсказовъ,—проговорилъ я, наконецъ, не очень связно.

— Слыхали, ваше благородіе?—переспросилъ онъ довольнымъ голосомъ.

— Да, слышалъ!.. Отъ многихъ слышалъ... Послушай, Жираковъ, — приступилъ я прямо къ давно намѣченной цѣли,—покажи мнѣ силу возможнаго для тебя удара плетью, и я дамъ тебѣ рублевку на чай,—хочешь?

— Можно, ваше благородіе, очень даже можно,—заговорилъ Сашка оживленно.—Только какъ это сдѣлать? Инструмента нѣтъ въ рукахъ, онъ подъ замкомъ у господина смотрителя находится. А я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ...

— Погоди: придетъ смотритель,—я это дѣло устрою, попрошу твой инструментъ, навѣрно не откажетъ...

Смотритель средней тюрьмы, Д. А. Б—нъ, былъ единственный человѣкъ изъ администраціи каторги, къ которому лежала душа съ перваго же съ нимъ знакомства. Коренастый, здоровенный брюнетъ, силачъ, какіе рѣдко встрѣчаются, онъ въ большинствѣ сношеній съ каторгой держался ровнаго, спокойнаго тона, рѣдко пересаливая и не послабляя. Относился онъ къ каторжнымъ своеобразно: пренебрежительно-покровительственно, какъ относится взрослый человѣкъ къ нашалившимъ дѣтямъ, но держалъ каторгу въ ежевыхъ рукавицахъ по отношенію къ исполненію работъ, уроковъ, задаваемыхъ ежедневно... Простота, ровность, хладнокровіе выдвигали его въ глазахъ тюремной братіи, по сравненію съ другими смотрителями. „Не пилитъ, какъ пила! Не точитъ душу, не ѣстъ, какъ ржа желѣзо!“—говорила каторга.

— Былъ у насъ майданъ,—разсказывали мнѣ однажды,—собрались въ четвертой камерѣ,—все, какъ слѣдоваетъ: водка, карты, табакъ, калачи,—получай, что хочешь, давай только денежки! Дѣло на пятнадцатое было,—значитъ, завтра на работу не выходить, гуляй душа, коли треба есть! Игра была бѣдовая! Я и бродни проигралъ Васькѣ Ржавому. Потомъ, значитъ, осталось человѣкъ шесть, усѣлись на полу, закатываютъ... Васька Безродный на караулѣ сидѣлъ въ корридорѣ,—да и за-а-сни! Уснулъ это онъ, похрапываетъ, денежки съ майдана за охрану зарабатываетъ, Димитрій-то Андреевичъ и шасть въ тюрьму... никто не слыхалъ, какъ замки отворилъ,—какъ кошка, подкрался... Видитъ: спитъ человѣкъ у входныхъ дверей, въ три погибели на корточкахъ согнулся, носомъ сопитъ, ну и догадался! да какъ рѣ-з-а-а-н-е-е-тъ его по уху! „Что жъ ты,—говоритъ,—подлецъ, денежки взялъ, а караулишь плохо,—своего брата подводишь?“ Безродный саженей на шесть въ три переверта отлетѣлъ, ничего не понимаетъ: об-е-е-з-у-у-мѣлъ! Обезумѣешь, небойсь, коли смотритель подковы разгибаетъ, что калачи... Одинъ обезумѣлъ, а другой шасть въ камеру... Сидятъ, голубчики, на полу, денежки-мѣдяки кругомъ разложены, штаны, рубахи, бродни,—все какъ слѣдуетъ быть! Въ игрѣ, извѣстно, одурѣешь, ничего не слы-

шишь, не видишь, да и караульный сидитъ—надежно! Подкрался онъ тихохонько, остановился, смотритъ... съ заду-то ему видно!

„— Съ туза ходи, подлецъ! чего думаешь?“—какъ гаркнетъ на всю камеру... Дѣло извѣстное: свѣча потухла и кто куда... Чиркнулъ спичкой, освѣтился, свѣчу зажегъ; забралъ майданъ, какъ слѣдуетъ быть!.. „Вы, говоритъ, подлецы, караульнаго выбирайте себѣ надежнаго, сами виноваты! Завтра разберемъ!“ На завтра всей камерѣ баню задалъ: не попадайся...

Себя Баринъ не забывалъ: доходами грѣшными и безгрѣшными пользовался, но грабителемъ, истязателемъ не былъ. Жилъ онъ просто, скорѣе прижимисто и денежку любилъ. Водку пилъ ежедневно, но пьяному ему напиваться не удавалось. „Сколько ни пьешь ея, только потѣешь! Ха! ха! ха! Не можетъ осилить меня ни бутинская, ни голдобинская!“ Былъ онъ лѣтъ сорока двухъ, семейный человѣкъ, дѣтей не имѣлъ. Образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, но печатной бумаги, книгъ, журналовъ, газетъ не признавалъ и состоялъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Во всей его фигурѣ, дѣйствіяхъ подкупало добродушіе медвѣдя, ворочающаго въ темномъ лѣсу упавшія деревья-колодины...

Смотритель пришелъ въ канцелярію. На мою просьбу объ „инструментѣ“ и „пробѣ“, онъ разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Ха! Ха! Ха! Ну, докторъ! Ну, утѣшилъ! Ха! ха! ха! Инструмента мнѣ не жаль, — чортъ бы его побралъ! Да что онъ на моей или вашей спинѣ будетъ пробовать свою удаль? Ха! ха! ха! Слуга покорный! Я своей спины не подставлю этому идолу, да и вамъ не совѣтую, докторъ! Ха! ха! ха! Да еше рубль обѣщали за удачу... Ну и выдумали! Ха! ха! Да этотъ идолъ безъ рубля душу вышибетъ...

Сашка, стоявшій на прежнемъ мѣстѣ, почтительно, самодовольно ухмылялся, прикрывая ротъ рукою; ухмылялись и писаря.

— Димитрій Андреевичъ! можно попробовать на табуретѣ,—предложилъ я среди раскатистаго смотрительскаго хохота.

— На т-а-а-б-у-у-ретѣ?! Вотъ такъ штука! Ну, это пожалуй... а по спинѣ,—слуга покорный... Выдумали вы, докторъ, комедію, о которой мнѣ и въ голову не приходило, а я шестой годъ смотрительствую... На табуретѣ, пожалуй,—идетъ! Посмотримъ, Сашка, твое искусство, посмотримъ! Зарабатывай рубль... А я думалъ—по спинѣ! Ха! ха! ха! Даромъ, подлецъ, людей бьетъ, а тутъ по табурету—рубль! Я вамъ раз-

скажу, докторъ, какъ этотъ идолъ коня у В — го вылѣчилъ, упрямый конь былъ, а онъ вылѣчилъ за трешницу... Ну, и вылѣчилъ! Ха! ха! ха!—Воспоминаніе о лѣченіи лошади, видимо, привело его еще въ болѣе веселое настроеніе.

Продолжая смѣяться, Баринъ отворилъ замокъ стоявшей у стѣны конторки и подалъ Сашкѣ продолговатый, не менѣе трехъ четвертей длины, деревянный не крашеный ящикъ, имѣвшій форму небольшого гроба, вершковъ двухъ высоты и вершковъ трехъ ширины. Сашка выдвинулъ продольную крышку и вытащилъ сложенный втрое „инструментъ".

Инструментъ представлялъ толстую, въ полвершка въ діаметрѣ, круглую деревянную ручку, длиною около четверти. Къ одному изъ ея концовъ, круговыми оборотами тонкихъ ремешковъ, было прикрѣплено желѣзное кольцо; отъ этого кольца начинался круглый, сплетенный изъ ремней, цилиндръ, менѣе полувершка въ діаметрѣ и длиною до пяти вершковъ; на свободномъ концѣ цилиндра было такое же желѣзное кольцо, какъ у конца ручки. Отъ послѣдняго кольца шли три отдѣльныхъ, круглосплетенныхъ, какъ казачья нагайка, ременныхъ „хвостика", постепенно утончаясь въ діаметрѣ до толщины мизинца взрослаго человѣка. Каждый „хвостикъ" оканчивался неправильной пуговкой изъ сыромятной кожи, какъ кость, твердой на ощупь. Длина всего „инструмента" съ ручкой была не менѣе пяти четвертей.

По срединѣ тюремной канцеляріи, большой комнаты казарменнаго вида, поставили массивный, некрашеный деревянный табуретъ, при пробѣ руками оказавшійся крѣпко склееннымъ и сколоченнымъ деревянными гвоздями въ спайкахъ ножекъ и перекладинъ. Толщина доски сидѣнья была не меньше указательнаго пальца. Всѣ попробовали табуретъ и убѣдились въ прочности. „Комедія" началась при полномъ вниманіи присутствовавшихъ; смотритель, видимо, вполнѣ заинтересовался „комедіей".

Съ дѣловымъ видомъ Сашка расправилъ „инструментъ", протянувъ его подъ подошвой сапога, и отошелъ шага на три, на четыре отъ табурета.

— Не оконфузься, Сашка,—смотри у меня!—напутствовалъ смотритель. Всѣ сосредоточенно, жадно впились глазами въ табуретъ.

Сашка быстро, съ подскокомъ, двинулся, взмахнулъ плетью и ударилъ... Крышка табурета разлетѣлась въ дребезги; ножки развалились въ стороны, переломившись въ спайкахъ...

— Ну и сволочь! Экъ рѣзанулъ!—проговорилъ смотритель, пряча инструментъ въ конторку.—Какъ ляпнулъ-то! Въ др-е-е-б-е-е-зги... Вотъ такъ комедія!

Палачъ, неотъемлемая принадлежность каторги, послѣдняя

изъ послѣднихъ карающая инстанція, онъ такъ же проходитъ „учебу“ мастерства, какъ и всякій обучающійся ремеслу, для пропитанія бреннаго тѣла... Назначаясь на работы внѣ тюрьмы и въ самой тюрьмѣ, онъ велъ праздную жизнь: ѣлъ жирно, вдоволь набивая свое брюхо отъ подачекъ каторги, тысячъ людей, заранѣе задабривающихъ на случай своего общаго „крестнаго батюшку“. Сашка проживалъ въ средней тюрьмѣ, какъ центральномъ мѣстѣ каторги, числясь въ разрядѣ исправляющихся съ содержаніемъ въ тюрьмѣ. Головы ему не брили, кандалы не надѣвали. Жилъ онъ около кухни, находившейся въ тюремной оградѣ (паляхъ), въ небольшой каморкѣ-комнаткѣ на подобіе чулана и пользовался относительной свободой выхода изъ тюрьмы въ лавки за покупками табаку, чая, сахара; посѣщалъ и контробандные кабачки-притоны, которыхъ было всегда достаточно... Онъ пользовался неотъемлемыми привилегіями тюремной аристократіи обгладывать и высасывать кости, вынимавшіяся изъ котла при раздѣленіи мяса на порціи. Вся эта привилегированная братія (общій староста, камерные старосты, повара, хлѣбопеки) носила общее названіе „костоглодовъ“.

Проживая въ средней тюрьмѣ, палачъ въ случаѣ надобности передвигался подъ конвоемъ полицейскаго казака въ другія тюрьмы для исполненія приговоровъ по суду, а часто и по требованію мѣстнаго начальства для раздачи „двадцати ударовъ“ плетью. Главными его кліентами были приговоренные къ лишенію правъ состоянія,—въ судахъ Европейской и Азіатской Россіи,—приговоры надъ которыми исполнялись по приходѣ ихъ въ каторгу, нерѣдко года черезъ три послѣ объявленія самаго приговора; бывали случаи, что даже черезъ пять лѣтъ. При этомъ встрѣчались и трагикомическіе эпизоды. Приговоренный къ плетямъ, въ пути слѣдованія по этапамъ, „мѣнялъ свою участь“, т. е. за рубль, за два мѣнялся ролью съ поселенцемъ, не упоминая о предстоящемъ ему наказаніи. Смѣнщикъ разсчитывалъ на извѣстное количество лѣтъ каторги, вмѣсто поселенія, а приходилось получать добавочное: „сорокъ“ или „шестьдесятъ“. Какъ онъ ни молился, ни плакалъ и ни разсказывалъ правду,—приговоръ приводился въ исполненіе. Бѣгавшіе изъ каторги, рецидивисты, бродяги были главнѣйшими паціентами по судебнымъ приговорамъ, а таковыхъ насчитывались сотни.

За десять лѣтъ жизни на Карѣ сила обстоятельствъ заставляла нерѣдко и меня самого вступать съ палачемъ въ извѣстныя словопренія.

— Объясни мнѣ, Жираковъ: для чего ты всегда наносишь первый ударъ жестоко, безпощадно? Неужели тебѣ не жаль

человѣка, въ особенности женщину? Самъ ты былъ битъ когда-нибудь?

— Богъ миловалъ, ваше благородіе: не дай Богъ и испытать...

— Вотъ видишь, а бьешь первымъ ударомъ безпощадно...

— Жалѣючи, ваше благородіе! Я тоже человѣкъ, не скотина какая,—понимаю...

— Какъ?! Жалѣючи бьешь безъ всякой пощады? Непонимаю, Жираковъ..

— Очень просто... Я не знаю впередъ, какое приказаніе будетъ насчетъ битвы... можетъ, слабо, можетъ, и своя шкура должна отвѣчать за потачку. Всяко бываетъ! Какому въ руки попадешься... Иной отвернется нарочно,—дѣлай, какъ знаешь; другой съ кулаками къ мордѣ: „бей по закону! Запорю самого подлеца!“ Вотъ и соображаешь... Иной начнетъ будто милостиво, а потомъ разойдется, и узнать его нельзя,—откуда что появилось! Въ шею да въ зубы начнетъ накладывать,—плохо, значитъ, бьешь! Разошелся господинъ, крови попробовалъ,—крики эти самые разжигаютъ,—тутъ его и не узнаешь: звѣрь звѣремъ дѣлается, плеть готовъ изъ рукъ вырвать и самому за битву приняться... Крики бѣда разжигаютъ! Стыдно-ли, горько-ли, а только чтобы не кричалъ... Впередъ, поэтому, и не узнаешь, чего потребуется... Себя жаль, да и человѣка жаль, своего-же брата, въ особенности бабу... А какъ первымъ-то ударомъ оглушишь его, вышибешь изъ памяти, умъ ему отобьешь; дальше онъ и не помнитъ, что съ нимъ происходитъ... По крайности, не такъ боль чувствуетъ... А замолчитъ—фальшивь на ударъ сколько требуется, сколько можно... По этой причинѣ и бьешь сперва-началу во всю мочь... Тоже и мы люди!.. Эхъ, ваше благородіе! Кабы бить всякаго во всю мочь и силу, развѣ кто бы въ живыхъ оставался?! Ни е-д-и-н-н-а-го бы человѣка...

Вечеромъ въ день этой пробы по казенному табурету я сидѣлъ въ квартирѣ Дмитрія Андреевича. На столѣ небольшого зала заботливой хозяйкой былъ поставленъ графинъ водки и закуска, кусокъ жаренаго мяса, два-три соленыхъ огурца и ломти чернаго хлѣба. Мы выпили рюмокъ по пяти, прежде чѣмъ хозяинъ разсказалъ обѣщанное о лошади В—го.

— Выпейте, докторъ, я отъ васъ не отстану,—лошадь не уйдетъ! Чего вамъ такъ приспичило? Выучилъ лошадь, и только... Если бы вы видѣли учёбу, я еще понимаю, похохотали бы! А теперь комедіи и не повторишь... Ха! ха! ха! Дѣйствительно, была комедія... Въ Карѣ отбываютъ каторгу два брата В — іе, оба бывшіе гвардейцы... судьба ихъ поистинѣ жалкая. Образованные люди, блестящіе офицера, имѣвшіе большое родовое состояніе, они,—младшій и стар-

шій,—по взаимному уговору убили средняго брата, растлившаго родную сестру—красавицу, которая въ томъ имъ призналась... Не желая позоромъ семьи убить мать-старушку, они оба порѣшили покончить съ братомъ... Убійство выпало на долю младшаго,—тотъ застрѣлилъ брата. Объ убійствѣ заявили судебной власти, безъ объясненія причинъ, и попали въ каторгу. Какъ самъ слышалъ, такъ и вамъ передаю, докторъ.

— Окончивъ срокъ содержанія въ тюрьмѣ, братья проживаютъ въ арестантскомъ дѣтскомъ пріютѣ: старшій числится сторожемъ, младшій — старостой пріютскихъ рабочихъ-каторжныхъ, тамъ находящихся. Получая деньги отъ матери, младшій, какъ любитель лошадей, купилъ себѣ превосходнаго по ходу иноходца, и нерѣдко разъѣзжалъ по промысламъ, въ особенности сюда, на Средній, за покупками въ лавки для того же пріюта.

— Купленный В—мъ иноходецъ былъ, дѣйствительно, хорошъ по быстротѣ и плавности бѣга, но оказался съ крупнымъ недостаткомъ — норовомъ, „уросомъ", какъ говорятъ сибиряки. Иногда конь отлично слушался возжей, зналъ повороты, останавливался при первомъ окрикѣ. Въ другое время найдетъ на него стихъ, остановится и... ни съ мѣста! Часами, сутками,—какъ разсказывалъ самъ хозяинъ,—приходилось возиться съ упрямой животиной, а подѣлать ничего не могъ. Въ прошломъ 1871 году, въ Рождество морозъ стоялъ трескучій, ядреный,—носъ и уши захватывало. Время праздничное, три дня и каторга не работала, мы тоже успѣвали погостить другъ у друга, визитировали—компаніей ходили изъ дома въ домъ,—понабрались изрядно, едва дорогу различали... Идемъ это мы по улицѣ,—къ моей квартирѣ подвигались, — человѣкъ насъ десятокъ было: съ Нижняго и Усть-Кары понаѣхали, все своя братія... Идемъ, глядимъ: среди улицы, недалеко отъ тюрьмы конь въ бѣговыхъ санкахъ постаиваетъ, а В—ій рядомъ съ санками, съ одной ножки на другую прискакиваетъ... Что онъ дѣлаетъ? Подошли гуртомъ.

— Что дѣлаешь, В—ій, среди улицы, чего прискакиваешь?

— Не спрашивайте, Дмитрій Андреевичъ,—хоть бросай лошадь! Заморозила меня: битыхъ два часа стою, сама промерзла, дрожитъ, а ни съ мѣста! Конь отличный,—жаль. Придется бросить, продать за безцѣнокъ, если кто купитъ... Надоѣло упрямое животное! Что я ни дѣлалъ, ничто не помогаетъ...

— Э! напрасно!—У меня мелькнулъ въ головѣ Сашка: вотъ, думаю, будетъ потѣха!..—Не пожалѣй рублевки; учитель

найдется, выучитъ! Ха! ха! ха! Ей-богу, выучитъ и вылѣчитъ.

— Трехъ рублей не пожалѣю, Димитрій Андреевичъ только бы норовъ бросилъ...

— Идетъ! Тройки много, — да это ваше дѣло, а намъ магарычъ поставишь? Всей честной компаніи? Ха! ха! ха! Порѣшили на выпивкѣ и закускѣ, когда будемъ визитировать на Нижнемъ. Компанія согласилась... Распорядился я за Сашкой послать,—пришлось сходить въ канцелярію выдать инструментъ; передалъ условія: у идола ушки на макушкѣ,—пьяный онъ былъ для праздника Христова... Является Сашка съ инструментомъ въ рукахъ; рожа красная, осовѣлый такой... Публики набралось человѣкъ полсотни: казаки изъ казармы, такъ, постороннихъ, а моя компанія поглядываетъ... Гнѣдой масти красавецъ-конь, иноходецъ, стоитъ какъ вкопаный, ушами поводитъ да боязливо озирается на собравшуюся публику. Сашка къ В—му:

— Говорятъ, трехрублевку жертвуете, ваше степенство, за выучку лошади?

— Выучи, дамъ и трехрублевку...

— Денежки впередъ, ваше степенство,—выучить—выучимъ, не сомнѣвайтесь...

Трехрублевка была вручена и перешла въ карманъ Сашкиныхъ шароваръ. Началъ распоряжаться мой учитель! Ха! ха! ха!—заливался разсказчикъ,—теперь не могу вспомнить, такъ смѣхъ и разбираетъ!.. Компанія моя тоже во вкусъ вошла, насторожилась...

— Садись! садись, ваше степенство,—командовалъ Сашка,—забирайте крѣпче возжи!—В—ій усѣлся, возжи натянулъ.

— Разступись! Отойди съ дороги! Отойди!—командовалъ Сашка,—рожа красная у прохвоста, и ему отличиться захотѣлось, да и тройка въ карманѣ...

— Отскочилъ шаговъ на пять, да съ крикомъ: „берегись! ожгу!“ какъ у-д-а-а-ритъ по крупу лошади! Гулъ раздался, только мы и видѣли коня, всѣ остались съ разинутыми ртами... Разинешь! Ну и сволочь! выучилъ! Копѣекъ сорокъ на водку отъ себя дали за комедію... У-д-и-в-и-т-ельно! Всѣ минутъ десять стояли посреди улицы,—потомъ одумались: пошли доканчивать визиты... Ко-м-е-е-д-ія была!

— Послѣ оказалось, — закончилъ смотритель, — что крупъ лошади былъ пробитъ ударомъ плети до кости, какъ ножомъ, говорятъ, разрѣзало! Конь мчалъ его до пріюта,—шесть верстъ, едва не свернувъ головы хозяину. Норовъ конь бросилъ,—это вѣрно, выучка въ прокъ пошла! Но хозяинъ говоритъ,—чуть крикнуть на коня погромче, принимается бить и таскать, какъ сумасшедшій... Вотъ и не разберешь:

переучилъ Сашка, или перелѣчилъ? Ха! ха! ха! Выпьемте водки, докторъ! Ну ихъ къ чертямъ съ этими науками...

Восьмая палата лазарета, куда помѣстили Лучку на испытаніе, была, пожалуй, исторической по лежавшимъ въ ней больнымъ десятки лѣтъ тому назадъ и не обычной для новичка по той же категоріи больныхъ и теперь. Въ ней помѣщалось двадцать деревянныхъ кроватей, съ матрацами, набитыми соломой, такими же подушками и сѣрыми арестантскаго сукна одѣялами. Между двумя кроватями стоялъ столикъ съ выдвижнымъ ящичкомъ и шкафикомъ. Толстая, вершка въ два, ординарная съ окошечкомъ посрединѣ дверь выходила и отворялась въ полутемный общій корридоръ, дѣлившій зданіе на двѣ равныя половины.

Съ перваго дня знакомства съ лазаретомъ пришлось увидѣть въ этой палатѣ больныхъ „травматическими поврежденіями ягодичныхъ частей тѣла съ нарушеніемъ цѣлости ткани", опредѣлявшихся терминомъ—Castigatio. Больныхъ было пятеро: трое съ травмами отъ розогъ, двое отъ плетей. Въ академическихъ хирургическихъ палатахъ, въ бытность студентомъ четвертаго и пятаго курсовъ, приходилось видѣть разнообразнѣйшихъ травматическихъ больныхъ, но такихъ, какіе встрѣчались въ каторжномъ лазаретѣ, видѣть не случалось. Травмы восьмой палаты, съ нарушеніемъ цѣлости ткани, кромѣ желанія сдѣлать все возможное для скорѣйшаго ихъ излѣченія, вызывали невольное чувство стыда за себя и полную растерянность... Между тѣмъ, сами паціенты относились къ своимъ случайнымъ болѣзнямъ съ равнодушно-тупой покорностью. Съ теченіемъ времени становилась понятнымъ развращенность и нравственная искалѣченность людей, протянувшихъ до конца лямку подневольной работы, не говоря уже про общія условія, задѣвавшія такъ грубо физическую и нравственную сторону человѣка. Недѣлями приходилось раздумывать надъ паціентами восьмой палаты. Какія тяжелыя, мучительныя думы!..

По всѣмъ двѣнадцати палатамъ лазарета проносилось извѣстіе: „Наказаннаго привезли!" „Наказаннаго привезли!.."

— Демку Тарасова, съ Верхней...

— Врешь ты! Караульный сказываетъ—Гришку Рыжаго... Староста тоже говоритъ...

— Не слышалъ,—каковъ? Въ памяти, аль безъ памяти?

— Говорятъ, б-ѣ-ѣ-д-а-а: лежитъ, не шевелится...

— Чего тутъ не шевелится,—слышь, умеръ дорогой...

— Подвезли: дохтуръ тамъ, Иванъ Павловичъ, фельдшера изъ лазарета вышли.

— Обыкновенно, кому-же и быть, какъ не доктору,—тебя, братъ, не попросятъ, а угостить, когда потребуется, угостятъ...

— Молчи, ворона! Не каркай...

Больные толпятся у дверей своихъ палатъ, исключая тяжело больныхъ, неподвижно лежащихъ на кроватяхъ. Толпятся, перебивая другъ у друга выгодныя позиціи для наблюденія. Нерѣдко слышится шопотомъ ругань: „Молчи, сволочь! Битаго привезли, а онъ зубы скалитъ,—тебя-бы!“

У лазаретнаго крыльца остановилась телѣга, запряженная парой быковъ. Два конвойныхъ казака, опустивъ прикладами ружья на землю, остановились по обѣ стороны телѣги. Лица ихъ потны, усталы; добродушно оглядываютъ они собирающуюся около телѣги публику и перебрасываются между собою словами: „Табакъ есть, Митрій?“ Есть,—отвѣчаетъ товарищъ,—вотъ сдадимъ больного, покуримъ,—сейчасъ неловко! „Скорѣе-бы!“—замѣчаетъ первый...

Возница-арестантъ, старичонка, въ сѣрой курткѣ и поношенныхъ дырявыхъ бродняхъ на ногахъ, въ круглой шапкѣ на головѣ, усѣлся у самыхъ быковъ на землю, закурилъ трубочку и балагуритъ съ лазаретнымъ сторожемъ...

— Осень на дворѣ, а жара какая! Пыль,—едва доѣхали... Всю дорогу мучился онъ, стонетъ; какъ тряхнетъ на камнѣ,—бѣда! Въ горлѣ у меня пересохло; кваску бы ты далъ испить,—а?

— Сейчасъ,—это можно...

Въ телегѣ, на соломѣ, покрытый арестантской шинелью, лежалъ привезенный больной, скрючившись въ три погибели. Осеннее солнце ярко свѣтило своими косыми лучами съ голубого, прозрачнаго неба. Десятки ласточекъ носились въ воздухѣ, быстро перелетая ограду лазарета, то поднимаясь въ воздухѣ, то проносясь надъ самой землей, около самыхъ ногъ стоявшихъ смирно животныхъ. Лазаретная собака Шавка, черный, жирный песъ, усѣвшись на крыльцѣ, повертывалъ мордой за пролетавшими ласточками и жмурилъ глаза. Иванъ Павловичъ суетился больше всѣхъ, распоряжаясь служителями...

— Направо заходи! Направо... Становись на заднее колесо, а ты на переднее... Петръ! Иванъ! залѣзайте въ телѣгу слѣва, вотъ—такъ... Подсовывай руки, подсовывай... Бери тихонько! осторожнѣе, осторожнѣе,—не повертывай на спину, не повертывай...

Подхваченный на рукахъ въ телѣгѣ, больной былъ поднятъ на воздухъ и принятъ на руки фельдшеромъ и служителями. Процессія двинулась.

— Тише! тише! Не наклоняй головы, поддерживай,—слы-

шался торопливый полушопотъ. Стоявшіе у дверей палатъ больные въ полномъ молчаніи провожали ихъ глазами.

Конвойнымъ выдается росписка въ доставленіи больного, возница напился квасу и со словами: цобъ! цобъ! телѣга выѣхала изъ лазаретной ограды; ушли и освободившіеся отъ службы конвойные.

Черезъ десять-пятнадцать минутъ послѣ водворенія приведеннаго въ восьмую палату, видимое волненіе между больными успокоилось. Остался лишь медицинскій персоналъ для осмотра, подачи помощи и занесенія найденнаго „травматическаго поврежденія“ въ палатный листокъ...

— Ваше благородіе, сдѣлайте божескую милость: позвольте ухаживать за больными! Мнѣ дѣло знакомое, раньше случалось,—проговорилъ Лучка тихимъ голосомъ.

Я взглянулъ въ лицо жигана: оно было тоже жиганье лицо, но глаза были другіе: они искрились, подернувшись влагой, неестественно расширились и казались остолбѣнѣлыми...

— Ухаживай, Лука! Дѣло доброе...

Лука Непомнящій и Дачеросъ, принятые „на испытаніе“, не выходили изъ головы. Въ чемъ ихъ испытывать? Какъ испытать: могутъ-ли они перенести тѣлесное наказаніе—сорокъ и двадцать ударовъ?!

На второй день послѣ пріема произведено было подробное изслѣдованіе ихъ здоровья.

Лучка, худощавый, истощенный субъектъ до послѣдней возможности, съ атрофированной мышечной тканью, малокровный, страдалъ хроническимъ катарромъ желудка.

— Баланду, мясо, яричный хлѣбъ ѣсть не могу,—говорилъ онъ,—душу съ нихъ воротитъ. Насильно проглотить не могу,—возьмешь и проиграешь—все равно! Молочка бы мнѣ, бѣлаго хлѣбца...

При постукиваніи молоточкомъ для изслѣдованія грудныхъ органовъ, казалось, что легчайшіе удары по тѣлу должны вызывать боль: настолько онъ былъ худъ и изможденъ.

— Не больно тебѣ?—спрашивалъ я постоянно.

— Никакъ нѣтъ! Кабы такъ всегда колотили нашего брата, не жизнь была бы, а масляница...

— Лѣчиться будешь, Лука... Долго придется лежать тебѣ въ лазаретѣ: болѣзнь давняя, застарѣлая... Попробуемъ: можетъ быть, лучше будетъ,—оправишься...

— Ну, а...?—онъ не докончилъ начатой фразы. Надо было видѣть выраженіе этого исхудалаго лица, когда онъ проговорилъ: „Ну, а...“? Сколько безпомощнаго, просительнаго

жалкаго промелькнуло по немъ и застыло, остановилось въ его безкровныхъ губахъ, ввалившихся глазахъ... Понятно было, о чемъ хотѣлось ему спросить: „сорокъ“ неотвязно стояли въ его головѣ...

— Лѣчиться будемъ, Лука; долго придется тебѣ лѣчиться... Жиръ нагуливать, здоровье поправлять будемъ!—съ этими словами я отошелъ отъ кровати.

Въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщалась Дачеросъ, дѣло на болѣе или менѣе продолжительное время рѣшилось скоро. Войдя, я сразу замѣтилъ, какъ посинѣли ея губы и симпатично степенное лицо сразу поблѣднѣло, подернулось дымкой, измѣнилось до неузнаваемости!.. Она не знала, что принесетъ ей приходъ врача.

— Панъ докторъ! дорогой мой, умоленный! — заплакала она,—голова болитъ, сердце сосетъ у меня; тошнитъ и давитъ... Всю ноченьку не спала; чаю пить не могу; ѣда на умъ нейдетъ... Охъ, я несчастная, безталанная!

У Дачеросъ оказалась беременность на четвертомъ мѣсяцѣ, и рѣшеніе откладывалось само собою, самое меньшее,— на семь-восемь мѣсяцевъ. Узнавъ *опредѣленно* свою участь, хотя бы на семь-восемь мѣсяцевъ, Розалія сразу измѣнилась, повеселѣла.

— Слава тебѣ Господи! Матерь Божія, Царица небесная!— говорила она, осѣняя себя ладонью правой руки.

Оставалось рѣшить второй вопросъ: „нѣтъ ли на тѣлѣ знаковъ бывшихъ наказаній плетьми, или клеймовыхъ знаковъ“. Вопросъ въ практикѣ новичка былъ необычный. Какъ ни напрягалась память въ воспоминаніяхъ лекцій по хирургіи, какъ ни рылся я въ учебникахъ, - указанія къ предстоящей „операціи“ не находилось. „Рубцевая ткань, потеря вещества ткани... Зарубцеваніе колотой, огнестрѣльной, ушибленной, разорванной раны. Первымъ натяженіемъ, нагноеніемъ“... Ну, да! ну, да!—мелькнуло въ головѣ.—Это вѣрно! А знаки бывшихъ плетевыхъ ударовъ? клеймъ? можетъ ли онъ перенести новые „сорокъ“, „двадцать“ ударовъ? Этого нигдѣ написано, напечатано не было...

— Иванъ Павловичъ!—обратился я къ фельдшеру,—какимъ способомъ опредѣляются на тѣлѣ знаки наказанія и клеймъ? Научите, пожалуйста: я въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю...

— Очень просто, г-нъ докторъ, очень просто!.. до послѣдней плети сосчитать можно... Знаки плетей узнаются на ягодицахъ,—поясницу, спину бить не полагается... Прежде, кажется, до сороковыхъ годовъ, кнутомъ по спинѣ били,— такихъ въ каторгѣ теперь не встрѣчается: вымерли, пожалуй, всѣ... Давно кнутъ уничтоженъ; теперь плеть, тройчатка распознается... Шпицрутены, что солдатъ били, тѣ на

спинѣ распознаются,—этихъ встрѣчается довольно, не очень давно отмѣнены—съ 1863 года... Шпицрутены на спинѣ распознаются поперечными полосами отъ шеи до поясницы. Этихъ знаковъ вамъ приведется видѣть довольно, а знаковъ отъ кнута не встрѣтите больше, не встрѣтите. Завтра назначьте осмотръ Луки или Дачеросъ, и опредѣлимъ. Пустяки!

Въ рѣшеніяхъ каторжныхъ вопросовъ, вродѣ: „знаковъ наказанія", „клеймъ", присутствовавшій при наказаніи плетьми для подачи медицинской помощи,—когда духъ захватывало и нападало обморочное состояніе, Иванъ Павловичъ неизмѣнно отвѣчалъ: „пустяки, г-нъ докоръ!" Эти „пустяки" безусловно не вязались съ внутреннимъ состояніемъ его самого, съ его истинно отзывчивой добрѣйшей душой! Немудрено, впрочемъ, называть „пустяками" то, что болѣе двадцати лѣтъ подрядъ было обычной, чуть не ежедневной обязанностью, долгомъ службы за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Притупляющая обыденность явленій угоняла куда-то вглубь всякую жалость, воспріимчивость: на поверхности души появлялась толстая кора яко-бы нравственнаго равнодушія...

Въ 2 часа слѣдующаго дня было назначено опредѣленіе „знаковъ наказанія и клеймъ" у Лучки. Желѣзная кровать, стоявшая у стѣны, была выдвинута на средину, ближе къ столу, стоявшему у окна. Около кровати, на табуретѣ поставленъ мѣдный тазъ съ горячей водой; небольшой кусокъ сѣраго мыла, губка и лоскутъ сѣраго арестантскаго сукна лежатъ на столѣ на видномъ мѣстѣ.

Собрались „на операцію" всѣ фельдшера лазарета. Старожилы каторжной службы отлично понимали, что недавно пріѣхавшій врачъ въ этомъ ничего не понимаетъ и не знаетъ, какъ взяться за изслѣдованіе.

Лучка явился изъ восьмой палаты съ неизмѣнной полупрезрительной улыбкой. Въ сѣромъ лазаретномъ халатѣ, тащившемся по полу, въ длинныхъ рукавахъ, которые онъ постоянно засучивалъ,—Лучка напоминалъ большую куклу, обвернутую въ сѣрую тряпицу не по росту.

— Раздѣвайся до нага, Непомнящій, и ложись на кровать спиной кверху!—проговорилъ Иванъ Павловичъ.

Лучка раздѣлся и улегся.

Я присѣлъ на табуретъ съ лѣвой стороны кровати, фельдшера размѣстились кругомъ, не загораживая свѣта. Мокрой губкой съ мыломъ Иванъ Павловичъ началъ обмывать спину и ягодицы лежавшаго. Грязныя струйки воды потекли по бокамъ.

— Узоровъ найдется достаточно,—проговорилъ Лучка,—безъ теплой водицы обозначатся. На спинѣ не ищите: не найдется,—напрасно, Иванъ Павловичъ!

— Лежи! лежи! Тебя не спрашиваютъ,—пробурчалъ сквозь зубы Иванъ Павловичъ.

Ребра, углы, края лопатокъ, спинные и грудные позвонки выдавались всѣми своими возвышеніями сквозь блѣдно-вялую морщинистую кожу: можно было сосчитать всякій бугорокъ, всякое углубленіе. Подъ старательной промывкой горячей водой на лѣвой лопаткѣ, въ верхней ея трети стало выдѣляться какое-то пятно, сѣровато-синяго цвѣта, величиною въ трехкопѣечную монету. Обсушивъ кусочкомъ ваты и приглядываясь внимательнѣе, можно было отчетливо различить букву „Б“.

— Одна примѣта нашлась—проговорилъ фельдшеръ Морозовъ,—найдутся и другія...

— Это клеймо, Иванъ Павловичъ?

— Клеймо, г-нъ докторъ,—бродягу обозначаетъ... Прежде лобъ, щеки клеймили, потомъ отмѣна вышла: на лопаткахъ начали ставить клейма бродягамъ; потомъ на предплечіяхъ... У всѣхъ бродягъ, Непомнящихъ, знаки эти встрѣчаются...

— Примѣта эта особливая, ваше благородіе,—проговорилъ Лучка,—на память ставится, чтобы какъ не затерялся Непомнящій въ лѣсахъ, да тайгахъ...

— Лежи! Лежи!—пробурчалъ опять Иванъ Павловичъ.

— Оказія, а не человѣкъ,—замѣтилъ тихо Морозовъ,—могила, видно, успокоитъ...

Спина, поясница, ягодицы были тщательно обмыты и обтерты до суха ватой. Кускомъ сѣраго сукна, обмакнутаго въ довольно горячую воду и по возможности выжатаго, Иванъ Павловичъ началъ терѣть спину, отъ шеи до крестцовой кости, сначала тихо, а потомъ сильнѣе и сильнѣе, такъ что Лучка невольно изгибался.

Еще прежде, чѣмъ начали обмывать спину мыльной водой, въ области ниже поясницы замѣтны были бѣловато-круглыя полосы, напоминавшія оспенные рубцы, съ возвышавшимися краями-гребешками. Проводя пальцами руки по углубленіямъ и гребешкамъ, можно было ощутить шероховатость покрововъ. Послѣ двухъ-трехъ минутнаго растиранія суконкой поверхность спины гиперемировалась, розовѣла, краснѣла,—ниже поясницы, до крестца, картина рѣзко мѣнялась. Гиперемія (краснота) кожи уничтожалась, вырисовывались бѣлыя, почти сплошныя поперечныя полосы, съ частыми углубленіями, симметрично расположенными; углубленія были до величины женскаго наперстка. Эти морщинистые рубцы, углубленія, валики, клочковатые и правильные гребешки настолько были часты по всей поверхности, что лишь кое-гдѣ обозначались, какъ красная нитка, полоски неповрежденной, гиперемированной кожи.

— Много плетей ты принялъ на своемъ вѣку, Непомнящій! — проговорилъ Иванъ Павловичъ, прекращая свою работу.

— Было дѣло, Иванъ Павловичъ, чего напрасно говорить! Примѣтовъ всякихъ по всему тѣлу у нашего брата достаточно.

Рука автоматически записывала найденныя „примѣты“ и часто, очень часто останавливалась, не дописавши слова. Масса слѣдовъ когда-то бывшихъ увѣчій, десятки, сотни перекрещивавшихся рубцовъ, сморщенныхъ углубленій, дѣйствовали на руку, парализуя ея движеніе... Въ головѣ прыгали мысли, обрывались, опять начинались сызнова: „рубцы, рубцы; рубцы бѣлаго цвѣта... ямки, поперечныя полосы, гребешки, валики неправильной формы...“ А Лучка лежалъ на животѣ, терпѣливо ожидая, когда его благородіе подсчитаетъ, опредѣлитъ форму, давность и количество зарубцеваній... Осмотрѣны были ноги, руки, грудь, голова... Посрединѣ лба и на щекахъ найдены кругловатые, звѣздообразные рубцы, съ едва замѣтными синеватоточечными углубленіями, какъ порошинки мельчайшаго охотничьяго пороха. Рѣдкія точечки распредѣлялись правильно въ поперечномъ направленіи лба и щекъ; всѣхъ точекъ на лбу было шесть: на щекахъ, въ особенности на правой, ряды точекъ въ одномъ мѣстѣ распредѣлялись правильной группой въ продольномъ направленіи, но всѣ онѣ сглаживались звѣздообразнымъ рубцеваніемъ.

— На лбу, щекахъ давніе клеймовые знаки, г-нъ докторъ,—проговорилъ Иванъ Павловичъ, — вытравленные разными способами; сейчасъ ничего не разберешь, какія были буквы. Такъ и записать нужно въ листокъ: опредѣлить, по неясности, нельзя, не представляется возможности...

Послѣ окончанія осмотра Лучка, молча, не сказавши единаго слова, одѣлся и вернулся въ восьмую палату. Вся процедура „изслѣдованія“ заняла не менѣе часа времени, главнымъ образомъ,—отъ продолжительности записи.

— Много этихъ клейменыхъ находится въ Карѣ,—сказалъ Морозовъ, — пожалуй, съ богадѣльщиками, сотъ пять наберется, если не больше...

— Не меньше пятисотъ; десятка лѣтъ нѣтъ, какъ уничтожено клейменіе — куда они подѣваются? — подтвердилъ Иванъ Павловичъ, тщательно промывая губку.

— Не мало между ними и такихъ, что не вытравляютъ клеймъ, — продолжалъ Морозовъ, — лѣтъ по двадцати, по двадцати пяти съ этими знаками живутъ, — старики все больше, въ богадѣльнѣ вѣкъ кончаютъ... Съ этими примѣтами въ могилы сойдутъ, не затеряются и на томъ свѣтѣ... Прежде, какъ помню, всѣ со знаками приходили въ каторгу

На тѣлѣ знаки плетей, шпицрутеновъ; на лбу, на щекахъ клейма... Нѣтъ клейма, нѣтъ знаковъ, значитъ изъ благородныхъ, изъ дворянъ: этихъ миловали, не пятнали... Много передъ нашими глазами прошло этой каторги... О, ой, какъ много! Идутъ и идутъ! Шлютъ и шлютъ... Большая, однако, эта Россія-матушка... Сколько въ рудники, заводы прежде слали, потомъ Кара объявилась,—идутъ и идутъ! Сколько желѣза на кандалы тратится, — страсть! Гдѣ только берутъ его? Года того не проходитъ, чтобы тысяча или больше не поступало на Кару... Бабы, дѣвки, ребята малые съ ними,—куча кучинская! Горе большое, какъ подумаешь,—лучше не думать!..

Мы разошлись по своимъ квартирамъ.

В. К—въ.

ОТЕЦЪ.

(Изъ Розенгайма.)

Одинъ, какъ въ небѣ солнышко,
Сыночекъ у меня.
Съ нимъ—я богатъ безъ золота,
Съ нимъ—въ горѣ веселъ я!

Но рѣдко, рѣдко вижу я
Малютку моего:
Ночь стережетъ ужъ темная
Глубокій сонъ его,

Когда приду съ работы я
Въ свой тихій уголокъ;
А чуть заря забрежжила—
Опять завылъ гудокъ!..

Откроетъ дверь мнѣ вечеромъ
Печальная жена—
Тотчасъ о нашемъ мальчикѣ
Начнетъ разсказъ она.

Какъ онъ рѣзвится весело,
Лепечетъ день-деньской:
„Когда же добрый папочка
Придетъ играть со мной?“

Я, съ дрожью въ сердцѣ, слушаю...
— Да, да! ты правъ, сынокъ:
Отца увидѣть долженъ ты...
Я здѣсь, я здѣсь, дружокъ!—

Въ постелькѣ разметался онъ...
Тревожныхъ сновъ толпа
Плыветъ надъ нимъ... И шепчетъ онъ:
„Гдѣ пà, гдѣ милый пà?“

Его цѣлую въ глазки я,
И вотъ, глядятъ они,—
Двѣ ясныхъ незабудочки...
— Дитя, я тутъ... Взгляни!—

Но снова поплыла надъ нимъ
Туманныхъ сновъ толпа;
Лишь губки смѣхомъ дрогнули:
„О, гдѣ же, гдѣ же пà?“

Я, руки крѣпко стиснувши,
Стою, разбитый весь...
— Дитя! проснешься съ солнцемъ ты—
Меня не будетъ здѣсь!..

П. Я.

Очерки по исторіи цензуры.

(Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. и его предтеча).

I.

Въ прошломъ нашей печати вообще, литературы собственно и журналистики—въ особенности есть еще не мало не только отдѣльныхъ моментовъ, но и цѣлыхъ довольно продолжительныхъ періодовъ, которые, не смотря на свой безспорный интересъ и несомнѣнную связь съ послѣдующимъ, очень мало освѣщены, еще меньше популяризированы. Къ числу такихъ періодовъ принадлежитъ и то восьмилѣтіе, 1848—56 гг., которому посвящена настоящая статья. Это восьмилѣтіе—едва ли не самый мрачный и тяжелый періодъ во всей исторіи русской журналистики. Помимо обыкновенной, оффиціальной и весьма строгой цензуры,—надъ печатнымъ словомъ тяготѣла еще другая цензура, негласная и неоффиціальная, находившаяся въ рукахъ учрежденій, облеченныхъ самыми широкими полномочіями и не стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими рамками закона. Такими учрежденіями были: памятный въ судьбахъ нашей печати такъ называемый „Бутурлинскій комитетъ", учрежденный 2 апрѣля 1848 г., въ эпоху усиленной реакціи, вызванной европейскими событіями начала того года, и служившій ему предтечею, временный, негласный же комитетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова.

Какъ мы уже упомянули, и нормальныя, законныя рамки, въ которыхъ стояла тогда печать, были въ достаточной мѣрѣ тѣсны и строги. Дѣйствовавшій цензурный уставъ 1828 г. представлялъ, правда, нѣкоторый шагъ впередъ сравнительно съ „чугуннымъ" Шишковскимъ уставомъ 1826 г., который облекалъ цензора ролью судьи „достоинства или пользы разсматриваемой (имъ) книги" *) и при дѣйствіи котораго, по выраженію одного изъ цензоровъ, можно было даже и „*Отче нашъ*" истолковывать якобинскимъ нарѣчіемъ". Законъ 1828 г. заключалъ вѣдомство цензуры „въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ истинному ея назначе-

---

*) См. сужденія госуд. сов. по поводу проекта новаго цензурнаго устава (1828 г.). «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи» стр. 45.

нію. Ей не поставляется уже въ обязанность—говорится въ цитированномъ выше мнѣніи государственнаго совѣта—давать какое-либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ, кои, въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ, вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ. Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ" *).

Нужно сказать, однако, что правила, которыми должна была руководствоваться эта „таможня" въ своемъ досмотрѣ, были очень придирчивы, а при примѣненіи на практикѣ строгость закона еще усиливалась, а отнюдь не смягчалась.

Цензура находилась въ то время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Какъ относился къ печати стоявшій съ 1833 г. во главѣ этого министерства гр. С. С. Уваровъ и какое направленіе должна была получить руководимая имъ дѣятельность цензоровъ, можно судить хотя бы по слѣдующему извлеченію изъ записки, поданной гр. Уваровымъ Императору Николаю I, въ 1832 г., послѣ осмотра своего московскаго университета въ качествѣ товарища министра.

„Съ давняго времени,—писалъ гр. Уваровъ,—раздѣлялъ я со многими благомыслящими непріятное впечатлѣніе, производимое дерзкими, хотя отдѣльными усиліями журналистовъ, особенно московскихъ, выступать за предѣлы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушенія къ важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ уже едва ли не всѣ государства въ Европѣ. При вступленіи въ должность, думалъ я, что укротивъ въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія относящимися, можно бы было предоставить имъ полную свободу разсуждать о предметахъ литературныхъ, не взирая на площадныя ихъ брани, на небрежный слогъ, на совершенный недостатокъ вкуса и пристойности; но, вникнувъ ближе въ сей предметъ, усмотрѣлъ я, что вліяніе журна-

*) См. тамъ же. Намъ не разъ придется ссылаться далѣе на это оффиціальное изданіе; замѣтимъ поэтому, что «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи» существуютъ въ двухъ изданіяхъ. Имѣя одно названіе, изданія эти различаются какъ по полнотѣ своего содержанія, такъ и по библіографическимъ даннымъ: одно издано, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, болѣе полное, печаталось въ типографіи морского министерства; другое—печаталось въ типографіи Ф. Персона; на обоихъ одинъ и тотъ же годъ—1862-й. Я пользуюсь первымъ, г. Скабичевскій въ своей книгѣ «Очерки исторіи русской цензуры»—вторымъ.

ловъ на публику, особенно на университетскую молодежь, не безвредно и съ литературной стороны; развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса; студентъ, не имѣющій книгъ, не имѣющій сообщенія съ обществомъ, бѣдный, одинокій студентъ съ жадностью читаетъ журналы и ищетъ въ нихъ пищи для ума и сердца. Что жъ онъ въ нихъ находитъ? Незнаніе правилъ логики и языка, рѣзкій и надменный тонъ въ сужденіяхъ, насмѣшливое представленіе тѣхъ самыхъ людей, отъ коихъ онъ долженъ получать образованіе. Какими глазами будетъ онъ смотрѣть на профессора, котораго онъ видѣлъ наканунѣ покрытаго журнальною грязью? Какое уваженіе можетъ онъ сохранить къ человѣку, обращенному въ общій смѣхъ, и который тѣмъ болѣе обязанъ молчать, чѣмъ болѣе онъ достоинъ своего званія? Борьба съ журналистами сего рода неровная; ихъ крикъ беретъ верхъ надъ простымъ разсудкомъ. Неопытный читатель блуждаетъ во тьмѣ и мало-по-малу свыкается съ площаднымъ духомъ и съ грубыми формами противниковъ, равно недостойныхъ уваженія. Желая возобновить угасшую дѣятельность профессоровъ, имѣлъ я еще въ виду и то, чтобы посредствомъ сего журнала *) внушить молодымъ людямъ охоту ближе заниматься исторіей отечественной, обративъ больше вниманія на узнаніе нашей народности. Не только направленіе къ отечественнымъ предметамъ было бы полезно для лучшаго объясненія оныхъ, но оно отвлекло бы умы отъ такихъ путей, по коимъ шествовать имъ не слѣдуетъ; оно усмиряло бы бурные порывы къ чужеземному, къ неизвѣстному, къ отвлеченному въ туманной области политики и философіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что таковое направленіе къ трудамъ постояннымъ, основательнымъ, безвреднымъ, служило бы нѣкоторою опорою противъ вліянія такъ называемыхъ „европейскихъ идей", грозящихъ намъ опасностію, но силу коихъ, обманчивую для неопытныхъ, переломить нельзя иначе, какъ чрезъ наклонность къ другимъ понятіямъ, къ другимъ занятіямъ и началамъ. Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число „умственныхъ плотинъ". „Не всѣ оныя окажутся, можетъ быть, равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ" **).

Эти „умственныя плотины" для задержки развитія русской общественной мысли и русской журналистики, какъ одного изъ ея выраженій, очень усердно ставились цензурою во все время управленія ею графа Уварова. До какой мнительности дошло

*) Рѣчь идетъ о предложеніи министра московскимъ профессорамъ издавать «Ученыя Записки Московскаго Университета».

**) *Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. П Погодина», IV, 83—85.

цензурное вѣдомство во вторую половину сороковыхъ годовъ, иллюстраціею этого можетъ служить слѣдующій, чисто анекдотическій случай, разсказываемый въ трудѣ г. Барсукова.

Въ концѣ 1847 г. рижскій епископъ Филаретъ писалъ профессору церковной исторіи Горскому: „Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ *). Безъ сомнѣнія, вы, дорогой мой, при всей вашей скромности или осердились бы, или расхохотались бы, если бъ услышали, что „Катехизисъ“ митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ другимъ—кому? Мнѣ. Не правда ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? *Катехизисъ митрополита—лютеранскій катехизисъ*, точныя слова Сербиновича. Эти люди истинно почти помѣшаны“ **). Рѣчь идетъ о томъ „Катехизисѣ“ московскаго митрополита Филарета, по которому милліоны русскихъ учились и учатся въ школѣ...

Но когда разразились европейскія бури 1848 г., всѣ существовавшія обычныя преграды и барьеры для огражденія умовъ отъ „вредныхъ идей“ были признаны недостаточными. Къ цензурному зданію была прибавлена еще новая надстройка, давившая непосредственно на самое цензуру, а чрезъ нее и на находившуюся подъ двойнымъ давленіемъ печать. Этою надстройкою и явились упомянутые нами два негласные комитета.

Ниже мы попытаемся сгруппировать всѣ указанія относительно дѣятельности этихъ комитетовъ, которыя мы нашли въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ печатныхъ источникахъ. Мы ограничиваемся при этомъ ролью простого лѣтописца, предоставляя вездѣ, гдѣ это возможно, говорить самимъ цитируемымъ нами документамъ.

II.

Ближайшимъ поводомъ къ образованію особаго надзора за печатью послужили два доноса, замаскированные сознаніемъ „важности“ и „исключительности“ переживаемаго момента и облеченные въ форму „записокъ“. Вотъ что пишетъ объ этомъ А. В. Никитенко.

„Графъ С. Г. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя***), представилъ Государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ — особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ

*) Редакторъ «Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія».

**) *Барсуковъ*, X, 3—4.

***) Оно состоялось 20 ноября 1847 г.

М. А. Корфъ, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнаютъ, что вслѣдствіе этихъ доносовъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строганова (брата бывшаго попечителя), Дегая и Дубельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены таинственностью и отъ того онъ казался еще страшнѣе" *).

Другой свидѣтель тогдашнихъ событій вполнѣ подтверждаетъ слова цензора-литератора. „Говорили, что барону М. А. Корфу очень хотѣлось увѣнчать свою счастливую служебную карьеру министерскимъ портфелемъ, а зная, что фортуна, какъ дама съ завязанными глазами, не всегда знаетъ сама, на кого обратить свои ласки, былъ не прочь помочь ей, напомнивъ о себѣ въ удобную минуту. Такой минутой представлялось именно то время, когда, по многимъ признакамъ, положеніе министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, могло считаться очень шаткимъ. Но извѣстно было, что Императоръ Николай I былъ врагъ всякихъ наговоровъ и нашептываній, значитъ, дѣйствовать нужно было крайне осторожно и умѣло. Цензура въ ту пору принадлежала къ предметамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и всегда представляла для него настоящую Ахиллесову пяту; съ этой стороны министерство всегда было уязвимо, а тутъ кстати подвернулся въ Парижѣ коммунизмъ... Объ немъ-то **) и вспомнилъ теперь М. А. Корфъ, когда задумалъ помочь слѣпой фортунѣ. При его большомъ умѣ и необыкновенной способности излагать рельефно свои мысли, ему нетрудно было убѣдить Строганова, этого отъявленнаго врага всякаго демократизма, въ томъ, что, въ виду чудовищныхъ революціонныхъ переворотовъ въ Западной Европѣ необходимо обезопасить Россію отъ заноса къ намъ разрушительныхъ идей и ученій коммунизма, соціализма и пр., и что такой безопасности не представляетъ нынѣ дѣйствующая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія слабая цензура, а что въ виду чрезвычайности событій, вызывающихъ опасенія, необходимы и мѣры чрезвычайныя по цензурѣ для должной охраны государственной безопасности. Сильно бываетъ слово во-время и кстати сказанное; внушеніе Корфа оказало свое дѣйствіе. Строгановъ, выбравъ удобную минуту, подалъ Государю записку, составленную въ этомъ смыслѣ" ***).

Теперь намъ остается выслушать одного изъ авторовъ „записокъ"—самого барона М. А. Корфа.

---

*) «Записки и дневникъ», I, 493.

**) О гр. С. Г. Строгановѣ.

***) *К. Веселовскій.* «Отголоски старой памяти» («Русск. Старина», 1899 г. X, стр. 11—12).

„Среди жгучей тревоги, вдругъ овладѣвшей всѣми нами,— пишетъ онъ, — вслѣдствіе парижскихъ вѣстей, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала: „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Оба, пользуясь малоразуміемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что и по проповѣдуемымъ ими, подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ, формами, коммунистическія идеи могли сдѣлаться небезопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы это оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ, изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносчикомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностью есть священный долгъ каждаго изъ насъ, въ такое опасное время еще болѣе, чѣмъ когда-либо; что я буду тутъ дѣйствовать не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства *), и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ Наслѣднику Цесаревичу. Не заставъ Его Высочества, я зашелъ съ нею къ Великому Князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ Наслѣднику, не теряя времени, что я и исполнилъ на другой же день послѣ полученія извѣстія о французской республикѣ, т. е. 23 февраля, вечеромъ. На слѣдующее утро явился посланный съ приглашеніемъ меня обѣдать къ Цесаревичу. За утомленіемъ Цесаревны отъ говѣнія, она не вышла къ столу, и насъ было тутъ, сверхъ хозяина и принца Александра Гессенскаго, только графъ Медемъ, генералъ - адъютантъ графъ Сергѣй Строгановъ **) и я. Едва только мы вошли въ первый кабинетъ Наслѣдника, гдѣ накрытъ былъ обѣдъ, какъ онъ привѣтствовалъ меня перваго словами:

— Искренно благодарю, получили вы уже бумагу?

— Какую, ваше высочество? Я никакой бумаги не получалъ.

— Ну, такъ еще получите. Государь учредилъ особый комитетъ изъ кн. Меншикова, васъ, гр. Александра Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) и Д. П. Бутурлина. Ваша записка пришла какъ нельзя больше кстати. Вчера вечеромъ у Государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее батюшкѣ, и онъ,

---

*) Членъ государственнаго совѣта съ 1843 г.

**) С. Г., бывшій попечитель.

прочитавъ, оставилъ у себя для объясненія съ Орловымъ *), котораго ждалъ въ эту минуту" **).

Тутъ кстати припомнить слова Грановскаго о Строгановѣ, сказанныя Погодину по возвращеніи изъ Петербурга: „онъ такія вещи сдѣлалъ въ послѣднее время, которыя искупить трудно" ***).

Вотъ, слѣдовательно, пути, которыми создался Меншиковскій комитетъ,—*предтеча* комитета 2-го апрѣля, а не его *соименникъ*, какъ то утверждаютъ и г. Скабичевскій въ названной уже выше своей работѣ, и г. Барсуковъ въ своемъ трудѣ о М. П. Погодинѣ, и многіе другіе, касавшіеся этого момента изъ жизни русской печати ****).

III.

Итакъ, надзоръ за печатью, высшій главнаго ея начальника,—министра народнаго просвѣщенія—и его самого ежеминутно контролировавшій, былъ учрежденъ въ послѣднихъ числахъ (24—26) февраля 1848 г.

Пользуясь оффиціальнымъ источникомъ—„Сборникомъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ",—мы дадимъ всѣ его мѣропріятія, тамъ упомянутыя, и часть изъ не вошедшихъ въ него.

Возвратимся сначала къ „Запискамъ" бар. Корфа.

„Дѣйствительно, — продолжаетъ онъ,—27 числа я получилъ отъ гр. Орлова слѣдующую оффиціальную бумагу:

„По дошедшимъ до Государя Императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество на докладѣ моемъ по сему предмету собственноручно написать изволилъ: „Необходимо составить особый комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно-ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ-ли данныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказатель-

*) Ал. Ѳед., шефъ жандармовъ.

**) «Записки бар. М. А. Корфа» («Русск. Старина», 1900 г., III, 571—572).

***) *Барсуковъ*, IX, 282.

****) Объ этомъ, впрочемъ, ниже. Теперь же нужно сказать нѣсколько словъ объ одномъ будто бы еще поводѣ къ образованію Меншиковскаго (по неизслѣдованности вопроса — Бутурлинскаго-тожъ) комитета. Въ цитированномъ мною оффиціальномъ документѣ—«Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи»—указывается на записку князя Вяземскаго, будто бы и служившую ближайшимъ поводомъ къ образованію Меншиковскаго комитета. Ни о запискѣ же гр. Строганова, ни о запискѣ бар. Корфа тамъ не упоминается вовсе. Руководствуясь «Историч. свѣдѣніями», на то же указываетъ и г. Скабичевскій на стр. 344—345 своей книги. Что онъ не могъ пользоваться записками К. Веселовскаго и бар. Корфа, вышедшими послѣ напечатанія его книги (она помѣчена 1892 г.)—это понятно, но почему онъ не обратилъ вниманія на записки и дневникъ Никитенка въ «Русской Старинѣ» 1888—90 гг.—непонятно.

ствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2-го и статсъ-секретаря Дегая. Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія комитета начать немедля".

„Занятія этого комитета продолжались слишкомъ мѣсяцъ и, сверхъ нѣкотораго дополненія цензурныхъ правилъ, заключались во внушеніи редакторамъ журналовъ и цензорамъ и пр." *).

На первыхъ же шагахъ членомъ въ комитетъ вступилъ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ генералъ Дубельтъ, входившій съ 1839 г. въ главное управленіе цензуры, какъ представитель начальника III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Графъ Уваровъ представилъ комитету программы всѣхъ издаваемыхъ тогда журналовъ.

Первое распоряженіе Меншиковскаго комитета вошло въ слѣдующій приказъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12 марта: „Вслѣдствіе обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе Государя Императора на направленіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявить имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности. 2) Главному управленію строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ. 3) Теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность, не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ намеки на строгость цензуры. 4) Пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ" **).

Порядокъ оглашенія мѣропріятій комитета самъ собой установился такъ: комитетъ представлялъ Государю свое мнѣніе или постановленіе, а когда оно получало Высочайшую санкцію, объявлялъ его министру народнаго просвѣщенія; послѣдній, имѣя въ виду негласность комитета, включалъ полученное Высочай-

*) Стр. 573.
**) «Сборникъ постановленій», 243—244.

шее повелѣніе въ свой приказъ, который и объявлялся по министерству или округу.

21 марта 1848 г. князь Меншиковъ сообщилъ графу Уварову Высочайшее повелѣніе: „издатели книгъ или журнала, по первому требованію правительства, обязаны объявлять имя и мѣсто жительства автора, подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, строжайшаго взысканія, какъ ослушники Высочайшей воли“ *).

А черезъ четыре дня—и другое: „не допускать выставленія съ невыгодной стороны общественное званіе или чинъ описываемаго лица“ **).

27-го марта было объявлено слѣдующее предложеніе министра народ. просвѣщенія: „Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе на появленіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ статей, въ которыхъ авторы переходятъ отъ сужденія о литературѣ къ намекамъ политическимъ, или въ которыхъ вымышленные разсказы имѣютъ направленіе предосудительное, оскорбляя правительственныя званія, или заключая въ себѣ идеи и выраженія, противныя нравственности и общественному порядку. Вслѣдствіе сего по Высочайшему повелѣнію созваны были редакторы издаваемыхъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій и имъ было объявлено, что долгъ ихъ не только отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку. Его Императорское Величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры“ ***).

3 апрѣля княземъ Меншиковымъ объявлено графу Уварову Высочайшее повелѣніе: „не пропускать въ печать разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства Имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденіе о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ“ ****).

На другой день учрежденія Бутурлинскаго комитета князь Меншиковъ сдѣлалъ послѣднее свое указаніе графу Уварову, сообщивъ ему волю Государя: „приступить къ соотвѣтственному обстоятельствамъ времени пересмотру цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему толкованій, принявъ въ руководство нѣ-

---

*) «Матеріалы для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати», Спб., 1870 г., ч. I, 279.

**) Тоже, 288.

***) «Сборникъ постановленій», 245.

****) «Матеріалы», 291,

которыя вновь тогда же послѣдовавшія Высочайшія повелѣнія, и въ числѣ ихъ повелѣніе—усилить способы цензуры и улучшить содержаніе цензоровъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ поставить непремѣннымъ правиломъ, чтобы цензоры не имѣли никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей, дабы не отвлекаться отъ цензурныхъ занятій, и отнюдь не участвовали бы въ редакціи періодическихъ изданій" *). Какъ увидимъ ниже, пересмотръ, конечно, не обѣщалъ ничего лучшаго; онъ дѣйствительно усиливалъ способы цензуры.

6 апрѣля объявлено было гр. Уваровымъ Высочайшее повелѣніе: „не запрещать періодическимъ изданіямъ, несмотря на то, что нѣкоторыя заключали число листовъ болѣе опредѣленнаго программами, оставаться при теперешнемъ ихъ объемѣ съ тѣмъ только, чтобы цензура была какъ можно осмотрительнѣе при пропускѣ статей въ печать. Цензоры отнюдь не должны участвовать въ редакціи періодическихъ изданій. Статьи, назначаемыя для какого бы ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно общей гражданской цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя по содержанію своему ихъ спеціально касаются. Пропускъ какой-либо статьи въ книгѣ или иностранной газетѣ не подразумѣваетъ права перепечатывать ту же статью въ брошюрахъ или въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, безъ особаго разсмотрѣнія, но цензоръ обязанъ дѣлать различіе между тѣми и другими, вслѣдствіе различія самаго класса читателей того или другого рода изданій" **).

Изъ неопубликованныхъ оффиціально мѣропріятій Меншиковскаго комитета очень интересно дѣло объ „Отечественныхъ Запискахъ". 3 апрѣля князь Меншиковъ сообщилъ графу Уварову, что Государь 2 апрѣля, — слѣдовательно, въ самый послѣдній день существованія комитета — Высочайше повелѣть изволилъ: „На „Отечественныя Записки" и „Современникъ", замѣченные особенно въ помѣщеніи статей и выраженій сомнительнаго духа, обратить самое строгое вниманіе цензуры и объявить редактору первыхъ ***), равно какъ редактору ****) и отвѣтственнымъ издателямъ послѣдняго *****), что по духу ихъ журналовъ правительство имѣетъ за ними особенное наблюденіе, и если впредь замѣчено будетъ въ оныхъ что-либо предосудительное, или двусмысленное, то они лично подвергнуты будутъ не только запрещенію продолжать свои журналы, но и строгому взысканію".

Вслѣдъ за полученіемъ этого сообщенія Уваровъ собственноручно сдѣлалъ попечителю петербургскаго округа слѣдующее

*) Тоже, 279.
**) «Сборникъ постановленій», 246.
***) А. А. Краевскій.
****) А. В. Никитенко.
*****) И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ.

предписаніе: „Предлагаю вашему превосходительству, призвавъ издателя „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, объявить ему, что если онъ *не измѣнитъ въ основаніяхъ* направленія издаваемаго имъ журнала и собственнымъ наблюденіемъ и выборомъ надежныхъ сотрудниковъ, то журналъ его въ скоромъ времени неминуемо подлежать будетъ запрещенію, а онъ самъ строгому взысканію. Такимъ образомъ, прошу ваше превосходительство внушить Краевскому, что даруемый ему на нѣкоторое время послѣдній срокъ онъ долженъ считать дѣйствіемъ снисходительности, въ оправданіе коей онъ обязанъ рѣшительно принять прямыя мѣры, дабы не подвергнуться сугубой отвѣтственности“.

Исполнивъ относительно Краевскаго приказаніе министра, попечитель доносилъ ему отъ 10 апрѣля: „Во исполненіе предписанія вашего сіятельства Краевскій былъ мною приглашенъ 9 сего апрѣля. Я, въ присутствіи цензоровъ „Отечественныхъ Записокъ“ Фрейганга и Срезневскаго, объявилъ ему содержаніе предписанія вашего сіятельства и старался внушить ему, что онъ обязанъ оправдать дѣлаемую ему снисходительность. Краевскій принялъ съ должнымъ уваженіемъ и полною признательностью сообщенныя ему мною замѣчанія и объяснилъ въ подпискѣ, что предписаніе вашего сіятельства онъ принимаетъ къ подлежащему и точному исполненію“ *).

Изъ видныхъ жертвъ Меншиковскаго комитета назову М. Е. Салтыкова.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ К. Веселовскій: „Въ одинъ день, во второй половинѣ марта Крыловъ **) входитъ ко мнѣ съ таинственнымъ и смущеннымъ видомъ и передаетъ мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, лишь по долгу дружбы, что онъ, по приказанію князя Меншикова, занимается по секретному комитету и что въ этомъ комитетѣ заготовляется всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ на мою, появившуюся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, статью о жилищахъ рабочаго люда въ Петербургѣ указывается, какъ на вредную для общественной безопасности“ ***).

Послѣ описанія своихъ волненій и черныхъ предчувствій гибели, авторъ воспоминаній продолжаетъ разсказывать, какъ къ нему прибѣжалъ черезъ нѣсколько дней тотъ же Крыловъ съ радостной вѣстью, что бѣду пронесло мимо. Дѣло было такъ: „Въ то время, какъ они (члены комитета), за неотысканіемъ чего-нибудь болѣе вѣскаго, рѣшили уже faute de mieux принести въ жертву меня и мою бѣдную статью, въ засѣданіе комитета является одинъ изъ членовъ, кажется П. И. Дегай, съ радостнымъ *эврика! эврика!* и

*) *Барсуковъ*, IX, 289—290.

**) А. Д. Крыловъ, служившій въ военно-походной по флоту канцеляріи, потомъ членъ главн. воен. суда.

***) Авторъ былъ тогда начальникомъ статистич. отдѣленія д—та сельск. хозяйства.

заявляетъ, что въ томъ же томѣ *) „Отечественныхъ Записокъ", въ которомъ напечатана статья Веселовскаго, онъ нашелъ нѣчто еще лучшее или худшее,—не знаю, какъ сказать,—а именно повѣсть подъ заглавіемъ „Запутанное дѣло", подписанную буквами М. С., подъ которыми скрылся авторъ ея, Михаилъ Салтыковъ... По выслушаніи этого сообщенія члены комитета нашли, что въ этомъ снѣ нельзя не видѣть дерзкаго умысла — изобразить въ аллегорической формѣ Россію и что о повѣсти Салтыкова должно быть внесено въ изготовляемый докладъ о вредныхъ направленіяхъ журналовъ. Тогда князь Меншиковъ, согласившись съ этимъ, замѣтилъ, что нельзя обременять вниманіе Государя мелочами, и предложилъ исключить изъ приготовляемаго доклада то, что тамъ было сказано о моей статьѣ, а ограничиться въ немъ одною лишь повѣстью Салтыкова, какъ болѣе подходящею къ цѣли доклада, съ чѣмъ прочіе члены комитета и согласились" **). Дѣйствительно, 28 апрѣля Салтыковъ былъ уже высланъ въ Вятку.

Далѣе мы узнаемъ, что К. С. Веселовскій, убѣдясь вскорѣ еще разъ на опытѣ, какъ небезопасно было занятіе статистикой Россіи, перешелъ къ работамъ по изученію климата, ведя ихъ съ 1848 г. и до 1857-го, пока не былъ назначенъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался метеорологомъ исключительно благодаря Меншиковскому комитету.

Этимъ я и закончу обзоръ дѣятельности Меншиковскаго комитета: другихъ матеріаловъ при самыхъ усиленныхъ поискахъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, найти не удалось.

IV.

Изъ приведеннаго въ предыдущей главѣ отношенія гр. Орлова къ барону Корфу видно, что существованіе Меншиковскаго комитета съ самаго начала считалось временнымъ—впредь до окончанія разсмотрѣнія „правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы". О постоянномъ его функціонированіи, повидимому, не думали. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и показаніе барона Корфа.

---

*) LVII.

**) «Русск. Стар.», 1899 г., X. Не могу попутно не указать, что разсказъ г. Веселовскаго о причинахъ высылки Салтыкова гораздо болѣе правдоподобенъ, чѣмъ всѣ другіе, приводимые г. Скабичевскимъ, а съ его словъ, между прочимъ, и К. К. Арсеньевымъ. Если бы не путали Меншиковскаго и Бутурлинскаго комитетовъ, если бы внимательно отнеслись къ оффиціально подтвержденнымъ датамъ, указаннымъ въ разныхъ источникахъ, то очень скоро отказались бы отъ предположенія, неимѣющаго подъ собой никакой фактической подкладки (Ср.: Собраніе сочиненій Салтыкова, изд. 4-е, VIII, стр. 542; I, 37—38; «Исторію нов. рус. литерат.», Скабичевскаго, изд. 3, стр. 275 и VIII выпускъ «Русской Библіотеки»).

„... Въ заключеніе родилась у Государя мысль учредить, подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ, всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ этою цѣлью вмѣсто прежняго временнаго комитета учрежденъ былъ, 2 апрѣля, постоянный изъ члена государственнаго совѣта Д. П. Бутурлина, статсъ-секретаря Дегая и меня, съ обязанностью представлять всѣ замѣчанія и предположенія свои непосредственно Государю. Сначала надзоръ этого комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ передъ себя Бутурлина и меня, Государь объявилъ, что поручаетъ намъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію.

— Цензурныя установленія,—продолжалъ онъ,—остаются всѣ какъ были; но вы будете—я, то есть какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виноватыми“ *).

Болѣе подробно выясненныхъ побужденій къ образованію постояннаго комитета 2 апрѣля мнѣ нигдѣ не встрѣтилось. Въ оффиціальномъ источникѣ просто сказано: „*Комитетъ этотъ* (Меншиковскій) *вскорѣ уступилъ мѣсто другому*, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Комитетъ этотъ принялъ наименованіе „Комитета 2 апрѣля 1848 г.“, которое онъ и сохранялъ до своего уничтоженія въ 1856 г.“ **).

---

*) «Записки» («Русск. Стар.», 1900 г., III, 573).

**) «Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи», стр. 68—69. Этимъ же источникомъ пользовался и г. Скабичевскій въ своей «Исторіи русской цензуры», но почему-то онъ не замѣтилъ подчеркнутыхъ мною словъ, хотя они есть въ обоихъ изданіяхъ «Историческихъ свѣдѣній». «2 апрѣля 1848 г.,—говоритъ г. Скабичевскій,—былъ учрежденъ особенный комитетъ для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія подъ предсѣдательствомъ морского министра князя Меншикова и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Д. П. Бутурлина, М. А. Корфа, гр. Строганова (брата министра), Дегая и Дубельта. Комитетъ этотъ въ продолженіе своего восьмилѣтняго существованія (1856 г.) оффиціально носилъ названіе «Комитета 2 апрѣля 1848 г.», въ обществѣ же называли его «Совѣтомъ пяти» (стр. 344). Тутъ очевидное смѣшеніе двухъ различныхъ комитетовъ въ одинъ. И г. Барсуковъ сдѣлалъ ту же ошибку, съ тою только разницей, что причины образованія Меншиковскаго комитета (записки гр. С. Г. Строганова и бар. М. А. Корфа) онъ относитъ къ возникновенію комитета 2 апрѣля, очевидно руководствуясь воспоминаніями Никитенка. Никитенко также не различаетъ двухъ комитетовъ, что лишній разъ доказываетъ, насколько были секретны мѣсячныя занятія Меншиковскаго. То же самое приходится сказать о воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго, тогда редактора «Тыгодника». («Русск. Стар.», 1875 г., IX). Въ извѣстной книгѣ Д. Ровинскаго «Русскія народн. картинки» находимъ еще

Теперь сначала нѣсколько словъ о личномъ составѣ комитета 2 апрѣля.

Предсѣдатель, Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, родился въ 1790 г., въ 1808 г. поступилъ корнетомъ въ гусарскій Ахтырскій полкъ, къ 1819 г. прошелъ всѣ чины до полковника включительно; въ 1823 г. произведенъ въ генералы; въ 1833 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника назначенъ къ присутствованію въ сенатѣ, а въ 1840 г.—въ государственномъ совѣтѣ; въ 1843 г. назначенъ директоромъ Императорской публичной библіотеки; въ 1846 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій на русскомъ и французскомъ языкахъ. Его обликъ очень недурно очерченъ въ воспоминаніяхъ графини А. Д. Блудовой, которыя я за неимѣніемъ подъ рукой, заимствую изъ словаря Брокгауза. „Графиня Блудова называетъ Бутурлина очень оживленнымъ, пріятнымъ и остроумнымъ въ разговорѣ, хотя часто рѣзкимъ и желчнымъ. Бутурлинъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божьей Матери, какъ, напримѣръ, такой: „Радуйся незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ!“ Когда Блудовъ замѣтилъ Бутурлину, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего ангела святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ, Д. П. отозвался: „кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія“. Блудовъ замѣтилъ, что подобныя выраженія есть и въ Евангеліи. Бутурлинъ, впрочемъ, уже въ шуточномъ тонѣ, отвѣтилъ, что если бы Евангеліе не было такой извѣстной книгой, то цензурѣ, конечно, „нужно было бы исправить и ее“.

О баронѣ Корфѣ приведено было выше уже достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о немъ. Что касается третьяго члена—статсъ-секретаря Павла Ивановича Дегая, то въ томъ же Энциклопедическомъ словарѣ находимъ, что онъ какъ юристъ, докторъ правъ, отличался широкими взглядами на задачи изученія права вообще и русскаго въ частности; а какъ писатель, стремившійся своими сочиненіями расширить міровоззрѣніе русскихъ юристовъ и указать пособія къ пріобрѣтенію серьезныхъ юридическихъ свѣдѣній, Дегай оставилъ послѣ себя добрую память въ русской юриспруденціи. Мнѣ думается, что въ эту характеристику долженъ быть внесенъ серьезный коррективъ, уже благодаря самому дѣятельному участію Дегая въ Бутурлинскомъ комитетѣ.

Вотъ какъ опредѣляетъ дѣятельность комитета самъ баронъ Корфъ: „Родъ нароста въ нашей администраціи, онъ продол-

---

одно крайне путаное указаніе: «2 апрѣля 1848 г. былъ составленъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, изъ членовъ: кн. Меншикова, Анненкова и барона Корфа». (Сбор. отд. русск. языка и слов. Император. Академіи Наукъ т. XXVII, стр. 345).

жалъ существовать подъ именемъ комитета 2 апрѣля и съ измѣнившимся нѣсколько разъ личнымъ составомъ во все остальное время царствованія императора Николая. Учрежденіемъ его образовалась у насъ двоякая цензура: предупредительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, *съ утвержденія и именемъ Государя,* къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства" *).

Изъ этого можно заключить, что, дѣйствительно, комитетъ 2 апрѣля, будучи снабженъ всѣми полномочіями своего предтечи—Меншиковскаго, сталъ только еще ближе къ особѣ Государя. Никто изъ цензоровъ и авторовъ оффиціально не зналъ объ его существованіи: все шло опять-таки черезъ министра или начальника III отдѣленія. Въ дѣйствовавшемъ тогда законѣ о печати не было никакихъ основаній для оправданія такой верховной надстройки; всякій изъ подвергавшихся наказанію считалъ его внѣ рамокъ правового порядка уже потому, что не зналъ истиннаго источника своихъ злоключеній. Она сваливалась какъ глыба, и не одинъ Салтыковъ подвергся совершенно неожиданной отвѣтственности за пропущенное цензурой сочиненіе.

Дѣйствія III отдѣленія настолько многочисленны и многообразны, что въ этой работѣ имъ не можетъ быть мѣста.

Насколько таинственны были дѣйствія Бутурлинскаго комитета можно судить прежде всего изъ свидѣтельства г. Пржецлавскаго, съ 1853 г. вступившаго членомъ въ главное управленіе цензуры и, слѣдовательно, больше, чѣмъ очень многіе современники, могшаго знать всю эту организацію. Между тѣмъ, вотъ что мы находимъ въ его воспоминаніяхъ: „Это было учрежденіе негласное, а хотя было вообще извѣстно, что оно наблюдаетъ за печатью и повѣряетъ дѣйствія цензуры, но лично до меня какъ издателя журнала, послѣдствія его дѣятельности не доходили ни разу, а о подробностяхъ ихъ я не старался узнавать. Помню только, что цензора моей газеты страшно боялись этой контръцензуры и излишнюю свою осторожность оправдывали этимъ опасеніемъ. Впрочемъ, этотъ комитетъ недолго существовалъ и отъ дѣятельности его не осталось воспоминанія о чемъ-нибудь замѣчательномъ. Это составляетъ, быть можетъ, лучшую похвалу учрежденію такого рода" **).

Ниже читатель увидитъ, „осталось ли что-нибудь замѣчательное", а теперь приведу слова Никитенка: „Постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго на-

*) «Русск. Стар.» 1900 г., III, 574.
**) «Русс. Стар.», 1875 г., IX, 169.

правленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Паническій страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали узнать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ, обвиненія были тяжкія. Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“ *).

„Комитетъ 2-го апрѣля дѣйствовалъ съ большою энергіей и слѣдилъ неослабно за всѣмъ печатаемымъ въ Россіи и за провозимымъ изъ-за границы печатнымъ товаромъ, подобно тому, какъ это дѣлали чиновники особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры. Эти послѣдніе должны были доводить о всѣхъ замѣченныхъ ими недосмотрахъ цензуры до свѣдѣнія министра. Комитетъ сообщалъ ему о томъ же съ своей стороны. Такимъ образомъ можно было, казалось, надѣяться, что никакое упущеніе цензуры, никакое отклоненіе мысли отъ указаннаго ей пути не въ состояніи будутъ укрыться. Дѣйствительно, ничто не ускользало отъ вниманія, по крайней мѣрѣ, комитета 2-го апрѣля“ **).

Главнѣйшее его вниманіе было обращено на междустрочный смыслъ сочиненій, не столько на „видимую“, какъ указывалъ дѣйствующій уставъ 1828 г., сколько на предполагаемую цѣль автора, и не на „дозволительность“ статей, а на приличіе или умѣстность ихъ. Словомъ, воскресалъ Шишковскій уставъ 1826 г... Все „туманное“, „неопредѣленное“, дающее, по мнѣнію комитета, поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ, было указываемо министру, при томъ въ такой, напримѣръ, формѣ: „Хотя означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще прежде происшествій на Западѣ, но какъ проявленіе подобныхъ мыслей не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ, то комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству сдѣлать цензору за пропускъ означенныхъ стиховъ строгое замѣчаніе“. „Надзоръ комитета производился съ изумительной дѣятельностью не только по текущей литературѣ, но, какъ видно изъ предшествовавшаго примѣра, и по сочиненіямъ, изданнымъ ранѣе, онъ простирался на

*) «Записки и дневникъ», I, 494.
**) «Историч. свѣд.», 69.

губернскія вѣдомости, на изданія совершенно спеціальныя и совершенно мѣстныя, какъ напримѣръ, на описаніе пятидесятилѣтняго юбилея наборщика Нёберта, напечатанное въ Митавѣ, на нѣмецкій словарь, въ которомъ замѣчены были нѣкоторыя неприличныя слова, и т. д. Впрочемъ, наблюденіе комитета не ограничивалось одною лишь литературою; онъ обращалъ вниманіе и на механизмъ самаго цензурнаго управленія и указывалъ министру на случавшіяся въ его вѣдомствѣ неисправности, какъ, напримѣръ, на то, что „Journal d'Odessa" выходилъ безъ подписи цензора. Комитетъ же сообщилъ ему Высочайшую волю, чтобы авторы непремѣнно выставляли свои имена подъ статьями; по Высочайшему же повелѣнію потребовалъ списокъ всѣмъ журнальнымъ сотрудникамъ по редакціямъ. Словомъ, Высочайшая воля по дѣламъ цензурнаго вѣдомства объявлалась гр. Уварову (и его преемникамъ—М. Л.) черезъ комитетъ, *и изъ дѣлъ не видно, чтобъ министръ въ это время имѣлъ личные доклады у Государя.* Все это до такой степени лишило гр. Уварова всякой самостоятельности, направленія, иниціативы, что онъ иногда не рѣшался самъ, и даже съ помощью главнаго управленія, разрѣшать или запрещать статьи, а посылалъ ихъ на предварительное обсужденіе главноначальствующаго III отдѣленіемъ, гр. Орлова" *).

Эти замѣчанія оффиціальнаго источника ниже получатъ неоднократное подтвержденіе. Дальнѣйшій детальный обзоръ дѣятельности комитета 2-го апрѣля я предпочитаю вести, придерживаясь хронологическаго порядка.

VI.

Первое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, объявленное по Высочайшему повелѣнію, испрошенному комитетомъ 2-го апрѣля, относится къ 20-му іюня 1848 г. Вотъ оно: „Не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ, порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали" **). Второе отъ 29-го іюня: „1) назначаемыя для руководства студентовъ и воспитанниковъ учебныя записки должны быть литографируемы не иначе, какъ съ означеніемъ на выходящихъ листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи, съ тѣмъ, чтобы на немъ лежала полная отвѣтственность за содержаніе такихъ записокъ; 2) означенныя литографируемыя лекціи должны, по мѣрѣ ихъ изданія, быть доставляемы въ Императорскую публичную библіо-

*) Тамъ же, 69—70.
**) «Собр. постанов.», 250.

теку наравнѣ со всѣми печатаемыми произведеніями, распространивъ оба сіи правила на всѣ вообще учебныя заведенія, въ какомъ бы вѣдомствѣ оныя ни состояли" *).

Изъ дѣлъ 1848 г. прежде всего обращаетъ на себя вниманіе инциндентъ съ оффиціальной газетой „Рус. Инвалидъ".

Очевидно, провѣдавъ объ образованіи постояннаго негласнаго надзора за печатью, гр. Чернышевъ, военный министръ, поспѣшилъ оградить себя отъ могущихъ быть непріятностей и 20-го апрѣля писалъ предсѣдателю военно-цензурнаго комитета: „Неоднократно замѣчено, что редакція газеты „Рус. Инв." не слѣдуетъ общимъ установленнымъ для цензуры правиламъ и что въ газетѣ сей часто проявляются описанія извѣстій въ томъ превратномъ видѣ, въ какомъ выставляютъ ихъ иностранныя газеты. Я поручалъ уже дежурному генералу главнаго штаба Е. И. В. объясниться о семъ съ директоромъ канцеляріи комитета выс. утв. 18-го августа 1814 г. **); но и за симъ редакція помянутой газеты обнаруживаетъ тѣ же превратныя правила. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ 16-го апрѣля, № 82, въ статьѣ „Иностранныя Извѣстія", австрійскія войска названы *непріятельскими;* предводительствующимъ толпами инсургентовъ расточается названіе *храбрыхъ;* а статья изъ Киля *о студентахъ* вовсе не должна имѣть мѣста въ газетѣ. Считая долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство обратить особенное вниманіе на редакцію газеты „Рус. Инвалидъ", какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, поставляю обязанностью присовокупить, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ сей газеты остается на отвѣтственности комитета, предсѣдательствуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ" ***).

Но зоркій глазъ Комитета 2-го апрѣля не прошелъ мимо „политически-неблагонадежнаго" „Рус. Инвалида", и 25-го апрѣля Бутурлинъ писалъ уже военному министру:

„Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ, благодаря Бога, совершенно еще имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на частномъ дворѣ, и въ трактирахъ, и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято, какъ законъ, потому уже одному, что оно печатное. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія,

---

*) Тамъ же, 251—252.

**) Военно-цензурный комитетъ.

***) «Русск. Стар.», 1870 г., X, 598—599.

никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали, напримѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ коммунистскія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничные журналы.

„Между тѣмъ, Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы общаго закона, не оглашать на русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ 84 № „С.-Петерб. Вѣдомостей“ (17 апрѣля) переведено изъ французскихъ журналовъ письмо, гдѣ разсказывается разговоръ одного студента съ коммиссаромъ временнаго правительства и между прочимъ помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: „Пусть банкирскіе дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богатые, надобно будетъ стараться разорить ихъ; теперь богачи—горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать.—Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ такъ же, какъ и богачи?—Нѣтъ, потому, что все у нихъ въ рукахъ и если бы они страдали, то страдали бы не долго“. Такъ и въ 82 № „Рус. Инвалида“ (16 апрѣля) при описаніи шлезвигъ-гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: „Доказательства храбрости, представленныя студентами, принесли бы честь самымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скошенные картечью датчанъ; но они не отступали, пока неравенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ поистинѣ пристыдила кильскихъ егерей“. По мнѣнію Его Величества, статьи, въ родѣ первой, могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентамъ, въ родѣ помѣщенныхъ въ „Инвалидѣ“, могутъ опасно воспалять страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ, нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно бы было, чтобъ подобные случаи не могли уже болѣе повторяться.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ, обозрѣвая подлежащій вопросъ со всѣхъ его сторонъ, убѣдиться изволилъ, что едва ли возможно предуказать какія-нибудь общія, положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ

русскихъ газетахъ: ибо хотя главный вредъ заключался бы, конечно, въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій или подробностей, которыя даютъ или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ или опаснымъ примѣненіямъ, но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ, упомянутый выше о тронѣ) даже если бы изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзенія, коего они заслуживаютъ, оказывалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего Его Императорское Величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ высшаго, такъ сказать, такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобреніе политической части русскихъ газетъ, въ прозорливости и тактѣ которыхъ, конечно, невозможно и усомниться, когда лица сіи вполнѣ ознакомлены будутъ съ образомъ воззрѣнія на сей важный предметъ Его Величества и увидятъ при томъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

„Для достиженія сей цѣли Государь Императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредоточивается въ главномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ Его Величества для поставленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена съ тѣмъ, чтобы они имѣли самое строгое въ указываемомъ нынѣ смыслѣ наблюденіе. О сей Высочайшей волѣ, объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Нессельроде, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство для обращенія особаго на сей предметъ вниманія“. *)

Въ III главѣ читатели ознакомились съ обѣщаніемъ Краевскаго—какъ результатомъ полученной отъ Меншиковскаго комитета „головомойки“. Слово свое онъ сдержалъ: въ іюльской же книжкѣ „Отеч. Записокъ“ была помѣщена его собственная, хотя и никѣмъ не подписанная статья „Россія и Западная Европа въ настоящую минуту“. Начиналась она такъ:

„Европа представляетъ теперь зрѣлище безпримѣрное и чрезвычайно поучительное. Въ одной половинѣ ея—безначаліе со всѣми своими ужасными послѣдствіями; въ другой—миръ и спокойствіе со всѣми своими благами. Опредѣленіе и раздѣленіе здѣсь такѣ вѣрны, что никакія географическія границы не могутъ означать ихъ лучше и вы уже назвали—Западную Европу и Россію. Отъ чего же это изумительнее явленіе, которое поражаетъ всякаго, и особенно тѣхъ, кто не привыкъ вникать въ причины видимыхъ явленій? Отъ чего въ одной половинѣ Европы

*) «Русск. Стар.», 1872 г. V, 784—786.

ниспроверженіе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ основаній, въ другой—умилительное зрѣлище незыблемой законности, которая только заимствуетъ новый блескъ и силу отъ противоположнаго ей явленія?

Затѣмъ на протяженіи печатнаго листа шли объясненія и доказательства этихъ мыслей всей европейской и русской исторіей; статья заканчивалась словами:

„Россія въ юности своей была государствомъ самобытнымъ, отвергнувшимъ всѣ искушенія Запада, а въ крѣпости мужества своего она составляетъ незыблемый колоссъ. Лѣтописи міра не представляютъ подобнаго величія и могущества, и счастіе быть русскимъ есть уже дипломъ на благородство посреди другихъ европейскихъ народовъ. Какъ въ древнемъ мірѣ имя Римлянина означало человѣка по преимуществу, такъ значительно въ наши дни имя русскаго. Мы не гордимся своею славою, силою и своими народными добродѣтелями, но онѣ сами въ себѣ заключаютъ предметъ уваженія для всѣхъ народовъ. Мы не чуждаемся другихъ народовъ, но и не переселяемся къ нимъ цѣлыми населеніями, какъ они къ намъ. Русскіе бываютъ въ Европѣ посѣтителями, гостями, бывали и освободителями отъ рабства, не разъ расплачивались они тамъ съ врагами своими въ великолѣпныхъ ихъ столицахъ; но всегда великодушіе сопровождало ихъ дѣйствія и русская щедрость вошла въ повѣрье у многихъ народовъ. Намъ не надобно ни золота, ни хлѣба, за которыми они пріѣзжаютъ къ намъ, и никому изъ русскихъ не приходитъ въ голову мысль оставить свое отечество для насущнаго пропитанія, за которымъ толпами являются къ намъ чужеземцы. Мы богаты всѣмъ и потому-то всегда готовы помогать, а не вымаливать. Они хотятъ отдѣлить насъ отъ себя?... Неразумные! они не видятъ, что мы уже отдѣлены отъ нихъ, отдѣлены лучше нежели стѣнами—отдѣлены историческимъ своимъ развитіемъ, нравственными своими началами, образованіемъ всѣхъ частей нашего государственнаго устройства.

„Они мечтаютъ, что мы учимся у нихъ жить, тогда какъ мы давно живемъ самобытною жизнью. Великій Петръ учился у саардамскихъ плотниковъ и корабельщиковъ, бесѣдовалъ съ Лейбницемъ, но не бралъ примѣра съ голландскаго народоправленія и не учился религіи у Сорена и другихъ проповѣдниковъ. Такъ и въ наше время, намъ надобны ихъ Уатты, Фультоны, Вернеты, Леверье, а не господа Прудонъ, Кабе и Ледрю-Ролленъ съ товарищами. Намъ надобны успѣхи просвѣщенія и образованности, намъ драгоцѣнны великіе люди, а развратныя ученія мы гонимъ отъ себя, какъ язву, и крѣпкій нравственный карантинъ защищаетъ насъ отъ этого бѣдствія. Мы готовы осыпать золотомъ и окружить всѣми выгодами какого-нибудь ученаго или художника; но не совѣтуемъ французскимъ говорунамъ пріѣзжать къ намъ:

умрутъ съ голода, потому что никто не приметъ ихъ. Пусть роются въ своемъ домашнемъ хламѣ, уже не надѣясь попасть къ намъ въ учителя съ тѣхъ поръ, какъ мудрый Монархъ нашъ преградилъ путь и этой промышленности французскихъ шарлатановъ.

„Россія! драгоцѣнное наше отечество! Цвѣти и красуйся подъ сѣнію своихъ самодержавныхъ Монарховъ, болѣе и болѣе утверждаясь въ основныхъ началахъ твоего могущества и величія. Внѣшнія бури не испугаютъ насъ; мы отдѣлены отъ нихъ несокрушимымъ оплотомъ своей православной вѣры и всего нравственнаго и историческаго своего образованія“ *).

Выставленная подъ статьей въ іюльской книжкѣ дата „25 мая 1848 г.“ наводитъ на размышленія: 26 мая скончался Бѣлинскій— зеркало побаивавшагося его Краевскаго...

Разсердивъ очень Погодина, взбѣшеннаго наглымъ плагіатомъ писаній „Москвитянина“, никѣмъ незамѣчаемыхъ, статья эта обратила на себя благосклонное вниманіе комитета 2 апрѣля, и Бутурлинъ писалъ Уварову: „При обозрѣніи выходившихъ въ теченіе минувшаго іюля періодическихъ изданій, книгъ, отдѣльныхъ сочиненій и пр. комитетъ, Высочайше утвержденный во 2-й день апрѣля сего года, остановился на статьѣ, помѣщенной въ седьмомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ подъ заглавіемъ „Россія и Западная Европа въ настоящую минуту“, статьѣ, написанной самимъ редакторомъ журнала и отличающейся вѣрнымъ взглядомъ на описываемый предметъ, безпристрастнымъ, чуждымъ какого-либо ласкательства и внушающимъ тѣмъ болѣе довѣрія изложеніемъ, особою теплотою религіознаго чувства и патріотическимъ увлеченіемъ, достойнымъ всякой похвалы. Замѣчанія сіи комитетъ счелъ долгомъ повергнуть на Высочайшее воззрѣніе, вслѣдствіе чего Государю Императору благоугодно было повелѣть предоставить вашему сіятельству объявить коллежскому совѣтнику Краевскому, что означенная статья удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Его Императорскаго Величества“ **).

Неполучавшему еще тогда подобныхъ знаковъ благоволенія и безсовѣстно обобранному Краевскимъ Погодину, Даль писалъ: „Если грозятъ закрыть и запечатать фабрику, которая кормитъ, такъ, чай, запоешь и не то!“ ***)

Иначе относились къ „Современнику“, уже Меншиковскимъ комитетомъ взятому, какъ мы видѣли, на замѣчаніе. Извѣстно, что въ 1848 г. Некрасову пришла въ голову мысль дать при журналѣ „Иллюстрированный альманахъ“, вышедшій, однако,

---

*) «Отеч. Зап.», т. LIX, отд. III, 1—20.
**) *Барсуковъ*, IX, 290—291.
***) Тамъ же, 302.

только въ 1849 году. По разсказу А. Я. Головачевой,—„Альманахъ въ рукахъ цензуры сталъ чахнуть: изъ него выбрасывались цѣлыя статьи и калѣчились тѣ, которыя оставались. Мое первое произведеніе „Семейство Тальниковыхъ", помѣщенное въ „Альманахѣ", обратило особенное вниманіе Бутурлина. Онъ собственноручно дѣлалъ замѣтки на страницахъ „цинично", „неправдоподобно", „безнравственно", и въ заключеніе подписалъ: „не позволяю за безнравственность и подрывъ родительской власти" *).

Даже Булгаринъ, и тотъ подпалъ подъ тяжелую руку Бутурлина. Вотъ какую онъ получилъ бумагу 11 іюля отъ попечителя петербургскаго округа.

„Въ іюльской книжкѣ журнала „Библіотека для Чтенія" напечатана ваша статья подъ заглавіемъ: „Воспоминанія Ѳаддея Булгарина", въ которой собраны, между прочимъ, разныя подробности о покойномъ графѣ Сперанскомъ. Не останавливаясь на многихъ, вкравшихся въ эту статью историческихъ невѣрностяхъ и ошибкахъ, Государь Императоръ изволилъ сдѣлать на упомянутую статью слѣдующія замѣчанія:

„1) Авторъ говоритъ, что императоръ Александръ поручалъ Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія, передавалъ ему всѣ поступившіе по этому предмету проекты и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія. Независимо *отъ перваго* вопроса: откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженныя, здѣсь рождается и *другой*: можетъ ли частный человѣкъ распредѣлять, за эпоху столь еще къ намъ близкую, и такимъ диктаторскимъ тономъ славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?

„2) Въ статьѣ выведено, что Сперанскій въ 1812 г. палъ жертвой вражды и зависти, которыя успѣли очернить его и представить человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Сочинитель прибавляетъ даже: „не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они всѣ уже въ могилѣ—тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла. Добрыя и злыя дѣла, остаются и громко возопіютъ въ потомствѣ!" Далѣе слѣдуютъ подробности объ удаленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ и Пермь, описаніе его ощущеній и проч.

„По мнѣнію Его Величества, вся эта выходка совершенно неумѣстна въ печати. Представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, она какъ бы накидываетъ, передъ публикою, тѣнь на характеръ Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самихъ виновниковъ удаленія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ до нынѣ всегда

*) «Русскіе писатели и артисты», изд. 1890 г., 192—193.

оставляемо было подъ покровомъ тайны и слишкомъ, какъ уже упомянуто выше, близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, и безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

„3) Говоря о представленномъ Сперанскимъ въ 1810 г. финансовомъ планѣ, авторъ пишетъ, что этотъ планъ: „принесъ величайшую пользу и приноситъ ее до сихъ поръ, предварительнымъ разсмотрѣніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контролѣ, *который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ Б. Б. Кампенгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностью, безпристрастіемъ и правдивостью*". Такую характеристику *прежняго*, выставленную какъ бы въ противоположность и въ укоръ *послѣдующему и настоящему*, равно какъ и самое мнѣніе, столь рѣзко произносимое о пользѣ мѣръ государственныхъ, Государь Императоръ изволилъ также признать совершенно неприличными.

„4) Въ означенной статьѣ приводится указъ 1816 г., которымъ Сперанскій опредѣленъ былъ снова на службу въ должность пензенскаго гражданскаго губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы въ видѣ *извлеченія его содержанія*, которое, между тѣмъ, представлено совершенно *превратно*. Такъ въ указѣ сказано, что не оказалось *„убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ"* на Сперанскаго, тогда какъ въ статьѣ напечатано, что, по произведенному слѣдствію (сихъ словъ совсѣмъ нѣтъ въ указѣ) *„обвиненія оказались неосновательными"*. Такое искаженіе словъ и смысла Высочайшаго указа, въ свое время гласно обнародованнаго, а теперь приводимаго, какъ историческій цитатъ, въ иномъ совсѣмъ видѣ, представляется, какъ Его Императорское Величество изволилъ выразить, столько же дерзкимъ, сколько и предосудительнымъ.

„Наконецъ 5). Приводя частный разговоръ свой съ Сперанскимъ о постигнувшемъ его въ 1812 г. несчастіи, авторъ влагаетъ въ уста покойнаго графа слѣдующія слова: „Если бъ я былъ въ фамильныхъ связахъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца". Государь Императоръ изволилъ при этомъ изложеніи замѣтить, что если слова сіи и *были точно сказаны*, въ минуту откровенной и не совсѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то, вѣрно уже, не для оглашенія ихъ передъ современною публикою: а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать *вчера* еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и самый образъ дѣйствій правительства, были поносимы приписываемымъ первому подобныхъ мнѣній.

„Вслѣдствіе всѣхъ сихъ замѣчаній Его Императорское Вели-

чество Высочайше повелѣть изволилъ *сдѣлать автору приведенной статьи строгій за нее выговоръ*" *).

Насколько страшенъ былъ Бутурлинскій комитетъ для цензоровъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма одного изъ петербургскихъ знакомыхъ Погодина:—„здѣсь цензура дошла до того, что на дняхъ не пропустила объявленіе въ „Сѣв. Пчелѣ" о книгѣ Куторги „Исторія Аѳинской республики"... Заглавіе казалось революціоннымъ... Ваше цензурное привидѣніе, вампиръ съ обагренными пальцами, для меня противно. Впрочемъ, и здѣсь разъ Елагинъ не пропускалъ, что картофель боленъ. Пожалуй и здѣсь можно видѣть хулу противъ промысла. Въ Петербургѣ теперь рѣшительно паническій страхъ между литераторами" **).

25 ноября Бутурлинъ писалъ гр. Уварову: „При разсмотрѣніи помѣщенной въ десятомъ нумерѣ „Москвитянина" повѣсти Даля, подъ названіемъ „Ворожейка", въ которой разсказываются разныя плутни и хитрости, употребленныя цыганкою проходившаго черезъ деревню табора для обмана простодушной крестьянки и покража ея имущества, комитетъ 2 апрѣля остановился на заключеніи этого разсказа, гдѣ прибавлено: „На деревнѣ сдѣлалась тревога, кто дома былъ изъ мужиковъ кинулись верхомъ по Чардынской дорогѣ—но табора уже съ утра и слѣдъ простылъ. Кидались по сторонамъ, наконецъ, заявили начальству—тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось, но бѣдная Марья лишилась забавнымъ образомъ всего приданаго своего и всѣхъ подарковъ мужа". Находя, что двусмысленно выраженный въ словахъ: „заявили начальству—тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось" — намекъ на обычное, будто бы, бездѣйствіе начальства, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало пропускать въ печать, Комитетъ полагалъ сдѣлать цензору, пропустившему эту неумѣстную остроту, строгое замѣчаніе. Таковое заключеніе комитета Государь Императоръ Высочайше изволилъ утвердить" ***).

Никитенко по этому поводу записалъ въ своемъ „Дневникѣ": „Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы-то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и соціалисты? Въ „Москвитянинѣ" напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка... Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него

*) «Русск. Стар.», 1871 г., XI, 520—522.
**) *Барсуковъ*, IX, 283—284.
***) Тамъ же, 287.

въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь, кромѣ бумагъ по службѣ, и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: писать—такъ не служить; служить—такъ не писать" *).

Вскорѣ же „Казакъ Луганскій" былъ переведенъ въ Нижній-Новгородъ на мѣсто управляющаго удѣльной конторой. Когда онъ увидѣлъ свое имя выставленнымъ въ числѣ сотрудниковъ „Москвитянина" на 1849 годъ, онъ просилъ Погодина немедленно снять его во избѣжаніе непріятностей...

Петербургскій цензурный комитетъ изнемогалъ отъ усиленной работы, и предсѣдатель его просилъ Уварова объ увеличеніи штата, говоря: „При увеличивающихся занятіяхъ цензоровъ по періодическимъ изданіямъ, разсмотрѣніе которыхъ требуетъ теперь гораздо болѣе времени и значительно усиленнаго вниманія, цензорамъ нѣтъ никакой физической возможности исполнять съ успѣхомъ требованія по разсмотрѣнію рукописей" **).

Наконецъ, гр. Уваровъ приказалъ петербургскому университету не выписывать совсѣмъ журналовъ...

А вскорѣ и ректору его — смирнѣйшему Плетневу угрожали увольненіемъ: комитетъ 2 апрѣля заподозрилъ его въ неблагонамѣренности. Вотъ что онъ самъ писалъ по этому случаю Жуковскому: „Моя служба осталась въ прежнемъ мѣстѣ, а недавно еще покачивалась... Стороною я узналъ, что Бутурлинскій комитетъ и на меня подалъ Государю доносъ, находя въ моихъ лекціяхъ и годичныхъ отчетахъ слѣды либеральныхъ идей. Я написалъ наслѣднику письмо, изложивши въ немъ правила моей жизни, службы и всѣхъ сочиненій моихъ. Онъ прочиталъ это Государю, который велѣлъ меня успокоить. Тогда министерство просвѣщенія снова представило меня въ ректоры—и Государь утвердилъ. Но Уваровъ увѣряетъ, что если бы я не поступилъ такъ рѣшительно, то не былъ бы утвержденъ, и (по словамъ его) перемѣна въ способѣ избранія ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности" ***).

Страхъ и ужасъ, наводившіеся комитетомъ 2 апрѣля, не встрѣчали сочувствія даже и въ людяхъ, во всемъ согласныхъ съ политическимъ „курсомъ" того времени. Вотъ что писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ, достаточно извѣстный своей „юридической" поэзіей по адресу Бѣлинскаго: „Мнѣ сказывали, что будто Голохвастовъ запретилъ вашу статью. Да что же это такое... До чего же, наконецъ, хочетъ онъ довести нашу литературу и человѣческую мысль русскаго человѣка? Неужели мы одни во всемъ мірѣ лишены права мыслить и печатать? Ибо цензура Голохвостова

---

*) «Записки и дневникъ», I, 495.

**) *Барсуковъ*, IX, 289.

***) «Сочин. и переписка», III, 623—625, цитирую по Барсукову, IX, 284.

равняется запрещенію печатать...“ *). Въ другомъ письмѣ того же Дмитріева находимъ: „Никогда запрещеніе мысли не доходило до этой степени! Насъ надуваютъ знаніями, какъ пузырь; а послѣ его и завяжутъ, чтобъ они не выскочили наружу. Никогда этого не было“ **).

Самъ Погодинъ, не смотря на свою сугубую благонамѣренность, мучился цензорами „Москвитянина“ и въ концѣ концовъ рѣшилъ обратиться лично къ Государю съ письмомъ о лютости цензуры. Когда объ этомъ намѣреніи узналъ Ив. Кирѣевскій, то онъ написалъ ему письмо, имѣющее большой интересъ для характеристики тогдашнихъ его воззрѣній. „Ты пишешь ко мнѣ, что не худо бы литераторамъ представить адресъ Императору объ излишнихъ и стѣснительныхъ дѣйствіяхъ цензуры. Сначала я оставилъ эту мысль безъ большого вниманія, какъ несбыточную. Потомъ, однако, когда я обдумалъ твой характеръ, и что у тебя часто отъ первой мысли до дѣла бываетъ полъ-шага, — тогда я испугался и за тебя, и за дѣло. Подумай: при теперешнихъ безтолковыхъ переворотахъ на западѣ *время ли* подавать намъ *адресы* о литературѣ? Конечно, цензурныя стѣсненія вредны для просвѣщенія и даже для правительства, потому что ослабляютъ умы безъ всякой причины; но всѣ эти отношенія ничего не значатъ въ сравненіи съ текущими важными вопросами, которыхъ правильнаго рѣшенія намъ надобно желать отъ правительства. Не велика еще бѣда, если наша литература будетъ убита на два или на три года. Она оживетъ опять. А между тѣмъ, подавать просительные адресы въ теперешнее время значило бы поставить правительство во враждебное или, по крайней мѣрѣ, въ недовѣрчивое отношеніе къ литераторамъ, что гораздо хуже, потому что можетъ повести къ слѣдствіямъ неправильнымъ и вреднымъ. Правительство теперь не должно бояться никого изъ благомыслящихъ. Оно должно быть увѣрено, что въ теперешнюю минуту мы всѣ готовы жертвовать всѣми второстепенными интересами для того, чтобы только спасти Россію отъ смутъ и безполезной войны. Мы должны желать только того, чтобы правительство не вмѣшало насъ въ войну по какой-нибудь прихоти или по дружбѣ къ какому-нибудь шведскому или... королю; чтобы оно не пошло давить нашихъ словенъ вмѣстѣ съ нѣмцами; чтобы оно не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями; чтобы оно не позволяло фабрикамъ безъ всякой нужды заводиться внутри городовъ и особенно столицъ, когда онѣ съ такою же выгодою могутъ стоять

*) *Барсуковъ*, IX, 285.
**) Тамъ же, 395.

за нѣсколько верстъ отъ заставы, и пр., и пр. Впрочемъ, всего въ письмѣ не перескажешь“ *).

Въ началѣ мая, баронъ Корфъ встрѣтился съ Государемъ на вокзалѣ въ Царскомъ Селѣ. „Протянувъ мнѣ руку,—разсказываетъ онъ въ своихъ „Запискахъ“, — Государь продолжалъ свою прогулку по галлереѣ вмѣстѣ со мною и началъ говорить о дѣлахъ нашего цензурнаго комитета.

— Послѣднее замѣчаніе ваше объ анекдотѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“,—сказалъ онъ,—не важно; однако, хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло.

— Государь,—отвѣчалъ я—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить что-нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо; прошу и впередъ также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими „Отечественными Записками“ послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну, совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго арго. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ, видимо, приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь и, признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

„Продолжая рѣчь о томъ же предметѣ, Государь сказалъ еще:

— Больше всего мнѣ досадны тупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ болѣе нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ и даже больше, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь, при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, критиковать его дѣйствія и унижать его славу и славу самой Россіи!“ **).

Мих. Лемке.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Тамъ же., 303—304.

**) «Рус. Стар.» 1900 г., III, 575—576.

ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ.

Романъ

Владислава-Станислава Реймонта.

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

I.

Лодзь просыпалась.

Первый рѣзкій фабричный свистокъ нарушилъ тишину ранняго утра, а вслѣдъ за нимъ со всѣхъ сторонъ города, все болѣе безпорядочно и шумно, раздавались другіе, оравшіе хриплыми и дикими голосами, точно хоръ чудовищныхъ пѣтуховъ, металлическими гортанями возглашавшихъ призывъ къ труду.

Громадныя фабрики,—длинные черные корпусы и тонкія шеи-трубы которыхъ мелькали во мракѣ разсвѣта, среди тумана и дождя, — начинали медленно пробуждаться, вспыхивая языками пламени, вздыхая клубами дыма, начинали жить и двигаться въ темнотѣ, которая еще покрывала землю.

Мелкій мартовскій дождь, смѣшанный со снѣгомъ, шелъ, не переставая, и распростеръ надъ Лодзью тяжелый, липкій туманъ; онъ барабанилъ по крышамъ и стекалъ съ нихъ прямо на тротуары, на черныя улицы, покрытыя вязкой грязью, на голыя деревья, прислонившіяся къ длиннымъ стѣнамъ, дрожащія отъ холода, терзаемыя вѣтромъ, который налеталъ откуда-то, съ намокшихъ полей и тяжело проносился по грязнымъ улицамъ города, встряхивалъ заборы, бросался на крыши и падалъ въ грязь, и шумѣлъ между вѣтвями деревьевъ, и ударялъ ими въ окна низкаго, одноэтажнаго дома, гдѣ блеснулъ свѣтъ.

Боровецкій проснулся, зажегъ свѣчу, и вмѣстѣ съ тѣмъ будильникъ началъ отчаянно звонить, указывая пять часовъ.

— Матвѣй, чаю!—сказалъ онъ вошедшему лакею.

— Готово.

— Господа спятъ еще?

— Сейчасъ разбужу, если прикажете, потому что панъ Морицъ говорилъ вчера, что хочетъ сегодня дольше поспать.

— Пойди, разбуди. Ключи уже взяли?

— Самъ Шварцъ заходилъ.

— Телефонировалъ кто-нибудь ночью?

— Кунке былъ дежурнымъ, но, уходя, ничего не сказалъ мнѣ.

— Что̀ слышно въ городѣ?—продолжалъ Боровецкій быстро спрашивать, еще быстрѣе одѣваясь.

— Да ничего, только на Гаеровскомъ рынкѣ зарѣзали работника.

— Довольно, уходи.

— Да, сгорѣла еще фабрика Гольдберга на Цегельной. Ѣздила наша охотничья команда, но все кончилось удачно: остались только стѣны. Начался пожаръ въ сушильнѣ.

— Что̀ еще?

— Ничего, все пошло „fein", съ глянцемъ,—разсмѣялся гогочущимъ смѣхомъ Матвѣй.

— Налей чаю, я самъ разбужу пана Морица.

Онъ одѣлся и пошелъ въ сосѣднія комнаты, — черезъ столовую, въ которой висѣвшая у потолка лампа бросала рѣзкій, бѣлый свѣтъ на круглый столъ, покрытый скатертью и уставленный чашками, и на блестящій самоваръ.

— Максъ, пять часовъ, вставай! — крикнулъ Боровецкій, открывая дверь въ темную комнату, изъ которой пахнуло удушливымъ, насыщеннымъ ароматомъ фіалокъ воздухомъ.

Максъ не отвѣчалъ, только кровать начала трещать и скрипѣть.

— Морицъ!—закричалъ Боровецкій въ другую комнату.

— Я не сплю. Не спалъ всю ночь.

— Почему?

— Думалъ о нашемъ предпріятіи, дѣлалъ кое-какія разсчеты, такъ и прошло время.

— Знаешь, Гольдбергъ сгорѣлъ сегодня ночью, и притомъ до тла, съ „глянцемъ", какъ говоритъ Матвѣй.

— Для меня это не новость, — отвѣтилъ Морицъ, зѣвая.

— Какъ ты узналъ?

— Я уже мѣсяцъ назадъ зналъ, что ему нужно сгорѣть. Я даже удивлялся, зачѣмъ онъ такъ долго затягиваетъ; вѣдь процентовъ со страховой суммы ему не дадутъ.

— Много у него было товара?

— Много было застраховано...

— Сравнялъ свой балансъ.

Оба отъ души разсмѣялись.

Боровецкій вернулся въ столовую и началъ пить чай, а

Морицъ, какъ обыкновенно, разыскивалъ по всей комнатѣ разныя принадлежности своего туалета, браня Матвѣя:

— Я изобью тебѣ морду, я сдѣлаю тебѣ изъ нея красную бумазею, если ты не будешь класть на мѣсто.

— Morgen!—крикнулъ проснувшійся, наконецъ, Максъ.

— Ты не встаешь? Уже пять!

Отвѣтъ заглушили свистки, они раздались теперь надъ самымъ домомъ и ревѣли нѣсколько секундъ съ такою силой, что даже стекла звенѣли въ окнахъ.

Морицъ, въ одномъ бѣльѣ, накинувъ пальто на плечи, сѣлъ у печки, въ которой весело потрескивали смолистые дрова.

— Ты не идешь?

— Нѣтъ. Я хотѣлъ ѣхать въ Томашовъ: Вейсъ писалъ мнѣ, чтобы ему доставить новыя чесальни, но теперь я уже не поѣду. Холодно и лѣнь.

— Максъ, ты тоже остаешься дома?

— Куда спѣшить? Въ это паршивое заведеніе? А впрочемъ, я вчера повздорилъ съ „фатеромъ“.

— Максъ, тебя до добра не доведетъ эта вѣчная грызня со всѣми!—пробормоталъ небрежно и строго Морицъ, поправляя кочергой горящіе дрова.

— Какое тебѣ дѣло! — послышался голосъ изъ другой комнаты.

Кровать сильно затрещала, и въ дверяхъ появилась крупная фигура Макса, въ одномъ бѣльѣ и туфляхъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что для меня это важно.

— Оставь, не раздражай. Карлъ разбудилъ меня, чортъ знаетъ, зачѣмъ, а этотъ еще ругается.

Онъ говорилъ громко, низкимъ, звучнымъ голосомъ.

Затѣмъ вернулся къ себѣ и, немного погодя, принесъ весь свой гардеробъ, бросилъ его на коверъ и началъ медленно одѣваться.

— Ты вредишь нашему предпріятію этой грызней,—снова началъ Морицъ, надвигая золотое пенснэ на свой тощій семитскій носъ, такъ какъ оно постоянно падало.

— Гдѣ? Что? Какъ?

— Вчера у Блюменталей ты сказалъ громко, что большинство нашихъ фабрикантовъ — обыкновенно воры и мошенники.

— Конечно. сказалъ, и всегда повторю это.

Почти враждебная, презрительная улыбка мелькнула у него на лицѣ, когда онъ смотрѣлъ на Морица.

— Ты, Максъ Баумъ, говорить этого не будешь, и не въ правѣ,—это ты знай.

— Почему?—спросилъ Максъ и облокотился на столъ.

— Я объясню тебѣ, если ты самъ не понимаешь. Прежде всего, какое тебѣ дѣло? Что тебѣ до того,—воры-ли они, или порядочные люди? Мы всѣ живемъ здѣсь въ Лодзи, чтобы сдѣлать гешефтъ, чтобы хорошо заработать. Никто изъ насъ не будетъ здѣсь жить до смерти. Но всякій загребаетъ деньгу, какъ можетъ и какъ умѣетъ. А ты — красный, ты радикалъ, пунсовый № 4.

— Я честный человѣкъ, — проворчалъ Максъ, наливая себѣ чай.

Боровецкій, опершись локтями на столъ, закрылъ лицо руками и слушалъ.

Морицъ, услышавъ отвѣтъ, рѣзко обернулся,—такъ что даже пенснэ свалилось и ударилось о спинку стула,—посмотрѣлъ на Макса съ улыбкой ядовитой ироніи на тонкихъ губахъ, погладилъ тонкими пальцами, на которыхъ сверкали бриллiантовыя кольца, рѣдкую, черную, какъ смоль, бороду и насмѣшливо прошепталъ:

— Не говори глупостей, Максъ. Дѣло здѣсь не въ деньгахъ. Дѣло въ томъ, что ты не имѣешь права публично выступать со своими обличеніями, потому что это можетъ повредить нашему кредиту. Мы хотимъ втроемъ открыть фабрику; у насъ ничего нѣтъ, поэтому намъ необходимо имѣть кредитъ и довѣріе тѣхъ, которые дадутъ намъ его. Мы теперь должны быть порядочными людьми, гладенькими, милыми и добрыми. Если Борманъ скажетъ: „Подлая Лодзь",— ты отвѣчай ему, что трижды подлая; ему нужно поддакивать, потому что онъ тузъ. А ты что говорилъ о немъ Кноллю? Что онъ глупый хамъ. Онъ, братецъ, не глупъ, потому что своими мозгами доработался до милліоновъ; у него есть эти милліоны; а мы ихъ тоже хотимъ имѣть. Будемъ говорить о тузахъ тогда, когда у насъ будутъ деньги, а теперь будемъ сидѣть тихонько: они нужны намъ. Ну, пусть Карлъ скажетъ, не правъ-ли я, — я вѣдь забочусь о будущемъ всѣхъ насъ троихъ.

— Морицъ почти вполнѣ правъ, — рѣшительно сказалъ Боровецкій, поднимая холодные, сѣрые глаза на взволнованнаго Макса.

— Я знаю вашу правоту,—лодзинскую правоту, но не забывайте, что я честный человѣкъ.

— Фраза! Старая, банальная фраза!

— Морицъ, ты подлый жидёнокъ!—вскрикнулъ взволнованно Баумъ.

— А ты глупый, сантиментальный нѣмецъ.

— Спорите изъ-за словъ,—холодно проговорилъ Боровецкій и началъ надѣвать пальто.—Жалѣю, что не могу остаться съ вами, но я пускаю въ дѣло новую печатню.

— Чѣмъ кончился нашъ вчерашній разговоръ? — спросилъ уже спокойно Баумъ.

— Открываемъ фабрику.

— Да, но у меня нѣтъ ничего, у тебя нѣтъ ничего и у него нѣтъ ничего,—разсмѣялся онъ громко.

— А вмѣстѣ у насъ столько, ровно столько, сколько нужно для открытія большой фабрики. Что̀ мы потеряемъ? А заработать всегда можно, — прибавилъ онъ, немного погодя. — Впрочемъ, или дѣлать дѣло, или не дѣлать дѣла. Говорите еще разъ.

— Дѣлать, дѣлать!—повторили оба.

— Что̀ это, Гольдбергъ сгорѣлъ?—спросилъ Баумъ.

— Да, подвелъ балансъ. Умный парень, дойдетъ до милліоновъ.

— Или кончитъ въ тюрьмѣ.

— Глупое слово!—фыркнулъ раздраженно Морицъ. — Ты говори такія вещи въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Варшавѣ, но въ Лодзи не говори. Это непріятныя слова, избавь насъ отъ нихъ.

Максъ не отвѣчалъ.

Свистки опять звучали своими пронзительными, раздражающими голосами и все могущественнѣе пѣли утренній гимнъ.

— Ну, мнѣ пора идти. До свиданья, компаньоны, не ссорьтесь, ложитесь спать, и пусть вамъ снятся тѣ милліоны, которые мы заработаемъ.

— Заработаемъ!

— Заработаемъ!—повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Они крѣпко, дружески пожали другъ другу руки.

— Сегодняшній день нужно записать; онъ будетъ для насъ очень памятенъ.

— И прибавь тамъ, Максъ, въ скобкахъ, кто изъ насъ раньше захочетъ надуть другихъ.

— Ты, Боровецкій, шляхтичъ, у тебя гербъ на визитныхъ карточкахъ, ты даже ставилъ свое „von“ на довѣренностяхъ, а ты болѣе всѣхъ насъ—„Lodzermensch“,—проговорилъ Морицъ.

— А ты—нѣтъ?

— Мнѣ прежде всего нѣзачѣмъ говорить объ этомъ, потому что мнѣ нужно набить деньгу. Вы и нѣмцы — хорошіе народы, но только для разговоровъ.

Боровецкій поднялъ воротникъ, тщательно застегнулся и вышелъ.

Дождь моросилъ все время и сѣкъ наискось, почти до половины оконъ маленькихъ домиковъ, которые въ этомъ концѣ Петроковской улицы стояли частыми рядами, кое-гдѣ

только какъ-бы раздвинутые фабричнымъ колоссомъ или великолѣпнымъ дворцомъ фабриканта.

Ряды низкихъ липъ вдоль тротуара сгибались словно автоматы подъ ударами вѣтра, который разгуливалъ по грязной, почти темной улицѣ, такъ какъ рѣдкіе фонари отбрасывали только небольшіе круги желтоватаго свѣта, въ которыхъ блестѣла черная, липкая грязь улицы и мелькали сотни людей, безшумно, но съ безумной торопливостью спѣшившихъ на зовъ свистковъ; они все рѣже раздавались теперь вокругъ.

— Заработаемъ?—повторилъ Боровецкій, останавливаясь и утопая взглядомъ въ хаосѣ трубъ, рисовавшихся въ темнотѣ, въ этой черной, неподвижной, дикой отъ какого-то каменнаго покоя—массѣ фабрикъ, которыя вездѣ и со всѣхъ сторонъ, казалось, выростали передъ нимъ красными, могучими стѣнами.

— Morgen! — крикнулъ кто-то ему и прошелъ дальше.

— Morgen...—прошепталъ онъ и замедлилъ шаги.

Его терзали сомнѣнія; тысячи мыслей, цыфръ, предположеній, комбинацій мелькало у него въ головѣ; онъ почти забылъ, гдѣ онъ и куда идетъ.

Тысячи рабочихъ, какъ тихіе, черные рои, выползли вдругъ изъ боковыхъ переулковъ, которые были похожи на полные грязи каналы, изъ домовъ, стоявшихъ на окраинахъ города, подобно большимъ сорнымъ ямамъ,—и наполнили Петроковскую улицу шумомъ шаговъ, бряцаньемъ жестянокъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ фонарей, отрывистымъ стукомъ деревянныхъ подошвъ „треповъ", какимъ-то соннымъ гуломъ и всхлипываньемъ грязи подъ ногами.

Они заливали всю улицу, шли со всѣхъ сторонъ, заполнили тротуары, толклись на мостовой, гдѣ было множество лужъ. Одни изъ нихъ становились безпорядочной кучей передъ воротами фабрикъ, другіе, выстроившись гуськомъ, длинной нитью исчезали въ воротахъ, какъ бы медленно поглощаемые утробами, пышущими свѣтомъ.

Въ темныхъ глубинахъ начали вспыхивать огни. Черные, молчаливые остовы фабрикъ внезапно озарялись сотнями освѣщенныхъ оконъ и какъ будто сверкали пламенными глазами. Электрическія лампы вдругъ повисали въ темнотѣ и искрились въ пустыхъ пространствахъ.

Бѣлый дымъ начиналъ вылетать изъ трубъ и расползаться между этимъ могучимъ каменнымъ лѣсомъ, который, казалось, выросъ на тысячахъ колоннъ и какъ бы качался въ трепетномъ электрическомъ освѣщеніи.

Улицы пустѣли, фонари тухли, послѣдніе свистки прозвучали, тишина залегла кругомъ,—только слышался плескъ дождя, да все тише посвистывалъ вѣтеръ.

Открывались кабаки и булочныя, кое-гдѣ, въ какомъ-нибудь окошкѣ подъ самой крышей или въ подвалѣ загорались огоньки.

Только въ сотняхъ фабрикъ кипѣла напряженная, горячешная жизнь; глухой грохотъ машинъ гудѣлъ въ туманномъ воздухѣ и терзалъ слухъ Боровецкаго; онъ все еще разгулилъ по улицѣ, смотря на фабричныя окна, за которыми виднѣлись черные силуэты рабочихъ или громадные контуры машинъ.

Ему не хотѣлось идти на работу. Такъ хорошо было—ходить и думать объ этой будущей фабрикѣ, устраивать ее, пускать въ ходъ, беречь. Онъ такъ углубился въ свои мечты, что по временамъ совершенно ясно слышалъ подлѣ себя и чувствовалъ эту будущую фабрику. Видѣлъ груды матерьяловъ, видѣлъ контору, покупателей, безумное движеніе, которое въ ней царило. Чувствовалъ какую-то огромную волну богатствъ, набѣгавшую ему подъ ноги.

Онъ инстинктивно улыбался, глаза его увлажнились и заблестѣли, на блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ выступилъ румянецъ глубокой радости. Онъ нервно погладилъ бороду, мокрую отъ дождя, и пришелъ въ себя.

— Что за глупости!—прошепталъ онъ недовольно и осмотрѣлся вокругъ, какъ бы боясь, не подглядѣлъ ли кто-нибудь этой минутной слабости.

Никого не было, но уже начинало свѣтать, и въ слабомъ, затуманенномъ разсвѣтѣ медленно начинали выдѣляться контуры деревьевъ, фабрикъ и домовъ.

По Петроковской улицѣ потянулись отъ заставъ ряды мужицкихъ возовъ, изъ города загрохотали по выбоинамъ громадные товарные возы, нагруженные углемъ, платформы, наполненныя пряжей, тюками хлопчатой бумаги, сырьемъ или бочками, быстро проносились брички и фаэтончики фабрикантовъ, спѣшившихъ на работу, или съ шумомъ громыхала извозчичья пролетка, везшая запоздалаго служащаго.

Боровецкій въ концѣ Петроковской свернулъ налѣво, въ маленькую, немощенную улицу, освѣщенную нѣсколькими фонарями на веревкахъ и громадной фабрикой, которая была уже въ движеніи. Длинный, пятиэтажный корпусъ сверкалъ всѣми окнами.

Онъ быстро переодѣлся въ грязную, запачканную красками блузу и поспѣшилъ въ свое отдѣленіе.

II.

— Муррей, съ добрымъ утромъ! — крикнулъ Боровецкій.

Муррей, обернутый длиннымъ, синимъ фартукомъ, выдвинулся изъ-за подвижныхъ котловъ, въ которыхъ варились и готовились краски. При матовомъ электрическомъ освѣщеніи, насыщенномъ цвѣтными парами, его длинное, костлявое, тщательно выбритое лицо, съ блѣдно-синими, какъ-бы полинявшими глазами, производило впечатлѣніе каррикатуры „Понча".

— Ахъ, Боровецкій! Я хотѣлъ васъ видѣть, былъ у васъ вечеромъ, засталъ Морица, но я его терпѣть не могу и потому ушелъ.

— Хорошій парень.

— Что мнѣ въ его добротѣ! Я ненавижу его расу.

— Уже печатаютъ пятьдесятъ седьмой номеръ?

— Печатаютъ. Я далъ краску.

— Держится?

— Первые метры немного размазывались. Изъ главной конторы прислали заказъ на пятьсотъ штукъ вашей ламы.

— Ага, двадцать четвертаго номера, блѣдно-зеленой!

— И изъ филіи Бехъ телефонировалъ о томъ-же. Будемъ дѣлать?

— Сегодня уже нѣтъ. У насъ есть срочные ситцы и еще срочнѣе печатанье лѣтнихъ сортовъ трико.

— Телефонировали о бумазеѣ, номеръ седьмой.

— Въ аппретурѣ. Мнѣ сейчасъ нужно туда идти.

— Я хотѣлъ что сказать вамъ....

— Слушаю, слушаю! — отвѣтилъ Боровецкій любезно, но немного недовольно.

Муррей взялъ его подъ руку и отвелъ въ уголъ, за большія бочки, изъ которыхъ поминутно черпали краску.

„Кухня",—такъ называлась эта зала,—утопала во мракѣ. Подъ покатыми, низко висѣвшими крышками, какъ подъ стальными зонтиками, медленно, автоматически вертѣлись широкія, мѣдныя мѣшалки, взбалтывавшія краску въ большихъ котлахъ, блестѣвшихъ полированной мѣдью.

Отъ движенія машинъ дрожало все зданіе. Длинные передаточные ремни, точно блѣдно-желтыя змѣи безконечной длины, мчались съ умопомрачительной быстротой подъ потолкомъ, мелькали надъ двойнымъ рядомъ котловъ, ползли вдоль стѣнъ, перекрещивались высоко вверху, едва замѣтные въ облакѣ ѣдкихъ цвѣтныхъ паровъ, которые, то и дѣло, выры-

вались изъ котловъ, затемняя свѣтъ, и убѣгали сквозь стѣны, черезъ всѣ отверстія, въ другія залы.

Силуэты рабочихъ, въ рубахахъ, вымазанныхъ красками, тихо мелькали и исчезали въ темнотѣ; вагонетки съ грохотомъ вкатывались и выкатывались, переполненныя готовыми красками, которыя онѣ развозили въ печатни и красильни.

Страшно рѣзкій запахъ сѣры расходился повсюду.

— Я купилъ вчера мебель,—тихо шепталъ на ухо Боровецкому Муррей. — Да, въ гостиную я купилъ желтую, шелковую, въ стилѣ имперіи. Для столовой заказалъ дубовую, въ стилѣ Генриха IV, а въ будуаръ...

— Когда же вы женитесь?—прервалъ его Боровецкій довольно рѣзко.

— Ну, этого еще не знаю. Хотя мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе.

— Значитъ, предложеніе уже сдѣлано?— спросилъ Боровецкій и съ ироніей взглянулъ на горбатаго и довольно смѣшного на видъ англичанина; его горбъ показался ему теперь чудовищнымъ, а самъ англичанинъ напоминалъ обезьяну своей длинной, выступающей челюстью и широкимъ ртомъ, крайне подвижнымъ.

— Почти, что сдѣлано. Въ воскресенье она уже говорила мнѣ, какую ей хотѣлось бы имѣть обстановку. Я разспрашивалъ ее подробно, а она отвѣчала такъ, какъ отвѣчаютъ женщины, когда дѣло идетъ о ихъ будущемъ хозяйствѣ.

— Прошлый разъ вы говорили то же самое.

— Да, но у меня и на половину не было такой увѣренности!—увѣрялъ онъ горячо.

— Ну, если такъ, то отъ души поздравляю васъ. Когда же вы покажете мнѣ вашу невѣсту?

— Все въ свое время, все.

— Потому-то я и вѣрю, что вы, въ концѣ концовъ, женитесь, — шепнулъ Боровецкій насмѣшливо.

— Не можете-ли вы завтра зайти ко мнѣ? Я бы непремѣнно хотѣлъ знать ваше мнѣніе объ этой мебели.

— Я зайду.

— Но когда?

— Послѣ обѣда.

Муррей вернулся къ своимъ краскамъ, въ лабораторію, а Боровецкій пошелъ дальше, въ красильню, по корридорамъ и проходамъ, загроможденнымъ вагонетками, полными промокшихъ матерій, людьми и грудами товара, лежавшаго на землѣ въ большихъ кипахъ и ожидавшаго своей очереди.

Ежеминутно къ нему приставали по разнымъ дѣламъ.

Онъ давалъ отрывистыя распоряженія, быстро рѣшая, торопливо объяснялъ, иногда посмотрѣвъ образчикъ краски,

которую приносилъ ему рабочій, отрывисто бросалъ: „хорошо“, или „еще“,—и устремлялся дальше, среди взглядовъ сотенъ рабочихъ, среди шума фабрики, которая гудѣла, точно адъ.

Все дрожало: стѣны, потолки, машины, полы; гудѣли моторы; пронзительно свистѣли безконечные ремни; грохотали по асфальтовому полу вагонетки; лязгали по временамъ маховыя колеса; скрежетали шкивы; среди этого моря прерывистыхъ вздрагиваній то носились какіе-то крики, то раздавалось могучее дыханіе главной машины.

— Пане Боровецкій!

Онъ началъ всматриваться, потому что среди паровъ, которые заполняли всю красильню, почти ничего не было видно, кромѣ неясныхъ контуровъ машинъ. Онъ не зналъ, кто его зоветъ.

— Пане Боровецкій!

Онъ вздрогнулъ, когда кто-то взялъ его подъ руку.

— Ахъ, это вы, — сказалъ онъ, узнавъ собственника фабрики.

— Я за вами гнался, а вы ловко убѣгаете.

— Работы много, пане.

— Да, да, я это понимаю. Я измучился до смерти. — Фабрикантъ, тяжело дыша отъ усталости, крѣпко оперся на руку Боровецкаго и замолкъ.

— Идетъ? да? — спросилъ онъ, немного погодя.

— Работаемъ, — отвѣтилъ кратко Боровецкій и двинулся впередъ.

Фабрикантъ, уцѣпившись за его руку, съ трудомъ тащился. Опираясь еще на толстую палку и согнувшись почти вдвое, онъ поднялъ круглые, красные, ястребиные глаза и большое лицо, лоснящееся, тоже круглое, украшенное маленькими баканбардами и ровно подстриженными усами.

— Что̀-жъ, Ватсоны хорошо дѣйствуютъ?

— Печатаютъ по пятнадцать тысячъ метровъ въ день.

— Мало, — пробормоталъ тотъ тихо, выпустилъ его руку и присѣлъ на вагонеткѣ, полной сырого ситца, обдернулъ свой толстый кафтанъ, оперся на палку и такъ остался тутъ.

Боровецкій пошелъ къ большимъ красильнымъ бадьямъ, надъ которыми, растянутыя на большихъ валахъ, штуки матерій вертѣлись и купались въ краскѣ, разбрызгивая ее на лица и рубахи рабочихъ; они стояли неподвижно, поминутно черпая ладонью воду изъ кадокъ и смотря, есть-ли въ ней еще краска, которую вытягивала матерія.

Нѣсколько десятковъ этихъ валовъ, уставленныхъ рядомъ, все вертѣлись съ мучительнымъ однообразіемъ: длинныя, измятыя штуки матерій купались въ краскахъ, блестя въ туманѣ матовыми пятнами пурпура, лазури и охры.

Съ другой стороны, за двойнымъ рядомъ желѣзныхъ столбовъ, поддерживавшихъ верхніе этажи фабрики и густо разросшихся по огромной залѣ, стояли полоскательницы,— длинные ящики, полные кипящей воды, пѣнившейся отъ соды, механическихъ прачекъ, выжималокъ мыла, по которымъ скользилъ матерьялъ; брызги взбиваемой метелками воды разсыпались по залѣ и образовали надъ прачешными такой густой туманъ, что свѣтъ лампъ былъ едва видѣнъ, словно отраженный въ зеркалѣ.

Механическіе получатели лязгали, принимая какъ бы растопыренными своими руками вымытый уже товаръ, отдавали его рабочимъ, которые прутьями укладывали его въ широкія складки на вагонеткахъ, поминутно подвозимыхъ.

— Пане Боровецкій! — крикнулъ фабрикантъ какой-то тѣни, высунувшейся изъ тумана. Но то былъ не Боровецкій.

Онъ всталъ, поплелся, шаркая по полу своими больными, ревматическими ногами. Ему доставляло наслажденіе купаться въ этой раскаленной атмосферѣ. Онъ тащилъ свое больное тѣло по залѣ, полной испареній, рѣзкихъ запаховъ красокъ, воды, брызгавшей изъ полоскательницъ и кадокъ, стекавшей съ вагонетокъ, хлипавшей подъ ногами, лившейся почти струями съ потолковъ, на которыхъ осѣдалъ паръ.

Безумный, похожій на дрожащій стонъ, лязгъ центрофуги, вытягивавшей воду изъ матерій, наполнялъ всю залу, ввинчивался въ нервы рабочихъ, совершенно поглощенныхъ наблюденіемъ за машинами, и разбивался о цвѣтныя, развѣвавшіяся, какъ знамена, матеріи на „получателяхъ“.

Боровецкій былъ теперь въ сосѣдней залѣ, гдѣ на низкихъ англійскихъ машинахъ старой системы красился грубый черный товаръ на мужскія платья.

Дневный свѣтъ врывался сквозь сотни оконъ, бросая зеленоватый отливъ на черныя испаренія и на рабочихъ, которые, подобно базальтовымъ колоннамъ, стояли неподвижно, заложивъ руки назадъ и всматриваясь напряженно въ машины, гдѣ мелькали десятки тысячъ метровъ, разъѣдаемые пѣнящимися, брызгающими черными красками.

Стѣны непрерывно дрожали. Фабрика работала всѣми мускулами.

Подъемныя машины, прикрѣпленныя на стѣнахъ, соединяли низъ фабрики съ ея верхними четырьмя этажами Поминутно раздавалось глухое бряцанье въ разныхъ мѣстахъ залы: это подъемная машина принимала или выбрасывала изъ себя вагонетки, товары, людей...

День началъ заглядывать и въ большую залу черезъ маленькія, запотѣвшія оконца, затянутыя грязью и паромъ, и яснѣе обрисовывалъ силуэты машинъ и людей, но въ этомъ

сѣро-зеленоватомъ освѣщеніи, въ которомъ плавали длинныя полосы красныхъ испареній и разсыпались нимбы газовыхъ огней, — люди и машины казались какъ бы полусонными, какъ бы призраками, захваченными страшною силою движенія, сбитыми, спутанными, брошенными въ водоворотъ, который съ гуломъ вертѣлся.

Германъ Бухгольцъ, владѣлецъ фабрики, осмотрѣвъ красильню, поплелся дальше.

Онъ обходилъ павильоны, поднимался наверхъ на подъемныхъ машинахъ, спускался по лѣстницамъ, шагалъ по длиннымъ корридорамъ, останавливался у машинъ, осматривалъ товаръ, бросалъ иногда угрюмые взгляды на людей, по временамъ кидая какое-нибудь отрывистое слово, которое, подобно молніи, облетало всю фабрику, отдыхалъ на тюкахъ матеріи или на порогахъ; исчезалъ, чтобы черезъ минуту вновь появиться въ другомъ концѣ фабрики, въ складахъ угля, между вагонами, ряды которыхъ стояли по одной сторонѣ громаднаго четыреугольника двора, огороженнаго, точно заборомъ, стѣнами фабрики.

Онъ былъ всюду, угрюмый и молчаливый, какъ осенняя ночь; гдѣ онъ ни появлялся, куда ни приходилъ,—тотчасъ умолкали разговоры, лица склонялись, глаза переставали видѣть, фигуры сгибались и корчились, точно желая скрыться отъ его взгляда.

Онъ нѣсколько разъ сталкивался съ Боровецкимъ, который все время бѣгалъ по отдѣленію.

Взгляды ихъ встрѣчались дружелюбно.

Германъ Бухгольцъ любилъ своего директора печатни; мало того, онъ цѣнилъ его въ цѣлыхъ 10000 рублей, которые получалъ тотъ ежегодно.

— Это самая лучшая моя машина въ этомъ отдѣленіи,— думалъ онъ, глядя на Боровецкаго.

Самъ онъ уже ничѣмъ не занимался—зять велъ всю фабрику; онъ же, по привычкѣ всей жизни, являлся туда утромъ вмѣстѣ съ рабочими.

На фабрикѣ онъ завтракалъ и просиживалъ до полудня, а послѣ обѣда, если не уѣзжалъ въ городъ, шатался по конторамъ, складамъ, магазинамъ хлопчатой бумаги.

Онъ не могъ жить вдали отъ этого могучаго царства, которое онъ создалъ собственнымъ трудомъ цѣлой жизни и силой своего промышленнаго генія; онъ долженъ былъ ощущать подъ ногами, въ самомъ себѣ эти раздерганныя, трясущіяся стѣны, и чувствовалъ себя хорошо, пробираясь сквозь паутину безконечныхъ ремней и поясовъ, растянутую по всей фабрикѣ, среди рѣзкихъ запаховъ красокъ, бѣлилонъ,

сырыхъ матерьяловъ и жировъ, разогрѣтыхъ въ этой страшной жарѣ.

Онъ сидѣлъ теперь въ печатнѣ и прижмуренными глазами смотрѣлъ на залу, ярко освѣщенную большими окнами, на печатныя машины въ движеніи, на эти желѣзныя пирамиды, работающія торопливо, въ какой-то зловѣщей тишинѣ.

У каждой печатни особая паровая машина жужжала своимъ шкивомъ *), и всѣ они, подобно серебрянымъ, полированнымъ щитамъ, мелькали съ такой быстротой, что невозможно было уловить очертанія, и только какъ будто серебряный нимбъ вертѣлся вокругъ своей оси и разсѣивалъ свѣтлую, искристую пыль.

Машины торопливо работали, не отдыхая ни на минуту; длинныя, безконечныя полосы матерій, извивавшіяся между мѣдными цилиндрами, выдавливавшими на нихъ раскрашенные рисунки, исчезали вверху, на слѣдующемъ этажѣ, въ сушильнѣ.

Люди, стоявшіе сзади машинъ и подкладывавшіе товаръ для печатанія, сонно двигались, а мастера стояли передъ машинами, поминутно наклоняясь, присматриваясь къ цилиндрамъ, подливая краску въ большія кадки, глядя на матерьялъ и опять всматриваясь въ эти тысячи метровъ, мчавшихся съ безумной быстротой.

Боровецкій заходилъ въ печатню, чтобы слѣдить за дѣйствіемъ только что установленныхъ машинъ, сравнивалъ образчики со вновь отпечатанными матерьялами, отдавалъ приказанія; иногда по мановенію его руки задерживали работавшій колоссъ, и онъ подробно осматривалъ его, и опять шелъ дальше, потому что его невольно захватывалъ и этотъ могучій ритмъ фабрики, и эти сотни машинъ, и тысячи человѣкъ, слѣдившихъ за ихъ дѣйствіемъ съ величайшимъ, почти набожнымъ вниманіемъ, и эти горы лежавшихъ товаровъ, развозимыхъ въ вагонеткахъ и сновавшихъ по залѣ, изъ прачешной въ красильню, изъ красильни въ сушильню, оттуда въ аппретуру и еще въ десятокъ другихъ мѣстъ,— прежде чѣмъ выходили совсѣмъ готовыми.

Изрѣдка только присаживался онъ въ своемъ кабинетѣ, рядомъ съ „кухней", и тамъ, въ промежуткахъ между комбинированіемъ новыхъ рисунковъ и разсматриваніемъ присланныхъ изъ-за границы образчиковъ, громадныя кучи которыхъ, наклеенныя въ альбомахъ, лежали по столамъ,—онъ задумывался или, вѣрнѣе, пробовалъ думать о себѣ, о фабрикѣ, затѣваемой въ компаніи съ товарищами, но не могъ сосредоточиться на своихъ мысляхъ, не могъ ни на минуту зам-

*) Колесо, приводимое въ движеніе безконечнымъ ремнемъ.—*Прим. перев.*

кнуться въ себѣ, потому что эта фабрика, гулъ которой доносился до его кабинета, движеніе и пульсъ которой онъ чувствовалъ въ собственныхъ нервахъ, въ движеніи своей крови, не позволяла изолироваться, непреодолимо втягивала и заставляла служить и быть насторожѣ каждаго, кто двигался въ ея орбитѣ.

Онъ вскакивалъ и опять бѣжалъ, но день для него страшно долго тянулся, и около четырехъ часовъ онъ пошелъ въ контору, которая была въ другомъ отдѣленіи, напиться чаю и телефонировать Морицу, чтобы тотъ былъ сегодня въ театрѣ, гдѣ давался любительскій спектакль съ благотворительною цѣлью.

— Господинъ Вельтъ недавно, не больше получаса назадъ, ушелъ отъ насъ.

— Онъ былъ здѣсь?

— Взялъ пятьдесятъ штукъ бѣлаго товара.

— Для себя?

— Нѣтъ, по заказу Амфилова, въ Харьковъ. Могу ли предложить сигару?

— Охотно выкурю, потому что дьявольски усталъ.

Онъ закурилъ и сѣлъ на высокій табуретъ передъ конторкой.

Главный бухгалтеръ, который почтительно угощалъ его сигарой, стоялъ передъ нимъ, набивая табакомъ свою трубку; нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ на высокихъ табуретахъ — „кобылкахъ", писали въ большихъ разлинованныхъ книгахъ.

Тишина, которая господствовала здѣсь, дразнящее скрипѣніе перьевъ, монотонное тиканье часовъ,—все это раздражало Боровецкаго.

— Что слышно, пане Шварцъ?—спросилъ онъ.

— Розенбергъ провалился.

— Совсѣмъ?

— Еще неизвѣстно, но я думаю, что постарается уладить, потому что какая-же польза устраивать обыкновенный провалъ? — бухгалтеръ тихо разсмѣялся, прижимая пальцемъ влажный табакъ въ трубкѣ.

— Фирма теряетъ?

— Это зависитъ отъ того, сколько онъ заплатитъ со ста.

— Бухгольцу извѣстно?

— Онъ еще не былъ сегодня у насъ, но когда узнаетъ,— заболятъ у него мозоли: онъ чувствителенъ къ потерямъ.

— Его кондрашка можетъ разбить,—прошепталъ кто-то изъ сгорбленныхъ за работой.

— Было бы жаль!

— Очень жаль, оборони Богъ!

— Пусть живетъ сто лѣтъ, пусть владѣетъ сотней дворцовъ, сотней милліоновъ, сотней фабрикъ.

— И пусть его сразу сто холеръ возьметъ!—тихо шепнулъ кто-то.

Водворилась тишина.

Шварцъ то грозно смотрѣлъ на писавшихъ, то взгляды валъ на Боровецкаго, какъ бы желая оправдаться, что онъ не виноватъ, но Боровецкій тоскливыми глазами смотрѣлъ въ окно.

Въ конторѣ царила атмосфера подавляющей скуки.

Стѣны до самаго потолка были выложены деревомъ, раскрашеннымъ подъ дубъ, и печально желтѣли, переполненныя полками и книгами, систематически уставленными.

Противъ оконъ стояло большое, четырехэтажное строеніе изъ голаго, краснаго кирпича и бросало сѣро-розоватый, угнетающій отблескъ въ контору.

По двору, вымощенному асфальтомъ, на которомъ отъ времени до времени громыхали вагонетки и проходили люди, въ нѣсколькихъ направленіяхъ пробѣгали на высотѣ перваго этажа широкіе, какъ плечи атлета, безконечные ремни, съ глухимъ ворчаніемъ, отъ котораго безпрестанно дрожали стекла въ конторѣ.

Высоко надъ фабрикой висѣло небо, какъ тяжелый, грязный балдахинъ, съ котораго стекалъ мелкій дождь, лившійся по загрязненнымъ стѣнамъ еще болѣе грязными полосами и расползавшійся по окнамъ конторы, затянутымъ угольной и хлопчатобумажной пылью, точно отвратительная харкотина.

Въ углу конторы, на газовой машинкѣ зашумѣлъ чайникъ.

— Пане Горнъ, не дадите ли мнѣ чаю?

— А можетъ быть, панъ директоръ захочетъ бутербродикъ!—любезно предлагалъ Шварцъ.

— Только немного коширный.

— Это значитъ,—лучшій, чѣмъ вы имѣете обыкновеніе кушать, пане фонъ-Горнъ!

Горнъ принесъ чай и медлилъ уходить.

— Чтó съ вами?—спросилъ его Боровецкій, который былъ съ нимъ лично знакомъ.

— Ничего,—отвѣтилъ Горнъ кратко, съ ненавистью смотря на Шварца, который развертывалъ бутерброды изъ газеты и раскладывалъ ихъ передъ Боровецкимъ.

— У васъ очень болѣзненный видъ.

— Пану Горнъ вредитъ фабрика. Послѣ салоновъ ему трудно привыкнуть къ конторѣ и работѣ.

— Скотина или какой-нибудь паршивецъ могутъ легко привыкнуть къ ярму, а для человѣка это труднѣе,—проговорилъ тотъ со злостью, но такъ тихо, что Шварцъ не понялъ

словъ и только взглянулъ внимательно, тупо улыбнулся и проговорилъ:

— Пане фонъ-Горнъ! Пане фонъ-Горнъ!.. А можетъ быть, панъ директоръ попробуетъ,—вотъ это комбинація ветчины съ пуляркой, очень хорошая; моя жена славится этимъ.

Горнъ отошелъ, сѣлъ у конторки и блуждающимъ взглядомъ водилъ по краснымъ стѣнамъ, по окнамъ, за которыми бѣлѣли кипы хлопчатой бумаги, дергаемой для пряжи.

— Позвольте-ка мнѣ еще чаю.

Боровецкій хотѣлъ поговорить съ Горномъ.

Горнъ принесъ чай и, не поднимая глазъ, повернулся, собираясь уходить.

— Пане Горнъ, не можете ли вы зайти ко мнѣ черезъ полчасика?

— Хорошо, пане директоръ. У меня даже было дѣло, и я собирался зайти къ вамъ. А не можете ли вы сейчасъ выслушать меня?

Онъ хотѣлъ сказать что-то по секрету, но въ это время вошла въ контору женщина, проталкивая передъ собой четверыхъ дѣтей.

— Буди благословенно имя Христово,—проговорила она тихо, повела глазами по всѣмъ этимъ головамъ, которыя поднялись надъ конторками, и покорно поклонилась въ ноги Боровецкому, потому что онъ стоялъ ближе всѣхъ и обладалъ самымъ представительнымъ лицомъ.

— Вельможный пане дѣдицъ *), я вотъ пришла съ просьбой, насчетъ того, что моему мужу оторвало голову машиной, а я теперь бѣдная сирота съ дѣтьми, и мы остались нищія. И пришла я просить справедливости, чтобы панъ дѣдицъ далъ мнѣ вспомоществованіе, такъ какъ моему мужу оторвало голову машиной. Вельможный пане дѣдицъ!—и она опять склонилась къ ногамъ Боровецкаго, разразившись плачемъ.

— За двери, вонъ отсюда! Здѣсь этихъ дѣлъ не разбираютъ!—крикнулъ Шварцъ.

— Замолчите!—сказалъ ему Боровецкій по-нѣмецки.

— Видите ли, она уже полгода дѣлаетъ нападенія на всѣ наши отдѣленія и конторы, и никакъ нельзя избавиться отъ нея.

— Почему-же не удовлетворили ее?

— И вы спрашиваете объ этомъ? Этотъ хамъ нарочно сунулъ свою башку подъ колесо, потому что ему не хотѣлось работать,—ему хотѣлось содрать съ фабрики! А теперь мы плати за его бабу и за бастардовъ!

---

*) «Дѣдицъ»—собственно помѣщикъ, или, вообще, господинъ.—*Пр. перев.*

— Ахъ, ты, паршивецъ, это мои-то дѣти бастарды!—закричала женщина и съ бѣшенствомъ бросилась на Шварца, который отступилъ за столъ.

— Тише, баба!.. Успокойтесь, пожалуйста, и пусть ваши маленькія дѣти не плачутъ,—говорилъ онъ испуганно, указывая на дѣтей, которыя уцѣпились за мать и кричали во всю глотку.

— Вельможный дѣдицъ, это правда, что я отъ самой осени хожу, и все мнѣ обѣщаютъ заплатить, все хожу и прошу, а меня только надуваютъ, да гонятъ, какъ суку, за дверь.

— Успокойтесь, я поговорю сегодня съ хозяиномъ; придите сюда черезъ недѣлю, и вамъ заплатятъ.

— О, пусть тебѣ Іисусъ Христосъ и Пресвятая Матерь Ченстоховская дадутъ счастья, здоровья, богатства и доброе имя, пане мой дорогой!—вскрикивала она, склоняясь къ его ногамъ и цѣлуя его руки.

Онъ вырвался отъ нея и вышелъ, но остановился въ большихъ сѣняхъ и спросилъ, когда она выходила:

— Изъ какихъ вы сторонъ?

— Да вотъ, пане, изъ-подъ самыхъ Скерневицъ.

— А давно въ Лодзи?

— Будетъ года два, какъ мы перебрались сюда, на свою погибель.

— Ходите куда-нибудь на работу?

— Да развѣ захотятъ меня принять эти язычники, эти еретики прокаженные? а потомъ,—на кого я оставлю своихъ сиротъ?

— Чѣмъ же вы живете?

— Бѣдствуемъ, вельможный пане, бѣдствуемъ! Живу я на Балутахъ *), съ семьей ткача, и цѣлыхъ три рубля плачу въ мѣсяцъ за помѣщеніе. Пока жилъ мой покойникъ, то кое-какъ перебивались, хоть иногда и впроголодь или съ одной солью, а теперь, когда его не стало, хожу въ городъ, поденно, въ услуженіе, иногда кто-нибудь позоветъ стирать бѣлье,—такъ и живемъ,—говорила она быстро, закутывая дѣтей въ какіе-то отвратительно грязные обрывки платковъ.

— Почему вы не вернетесь въ деревню, домой?

— Вернусь, пане; какъ только заплатятъ мнѣ за мужика, то, конечно, вернусь,—и пусть моръ посѣтитъ это мѣстечко Лодзь, пусть огонь ее спалитъ, пусть ужъ Іисусъ Христосъ ничего ей не пожалѣетъ, чтобы всѣ въ ней издохли, всѣ до одного.

---

*) Предмѣстье Лодзи.—*Прим. перев.*

— Замолчите, нельзя такъ проклинать,—прошепталъ онъ немного раздраженно.

— Мнѣ нельзя?—вскрикнула она изумленно, поднимая на него блѣдное, некрасивое, истощенное нищетой лицо и заплаканные, поблекшіе синіе глаза.—Вотъ мы, вельможный пане, жили въ деревнѣ только въ нахлѣбникахъ, потому что у мужа было всего три морга *) земли, которые получилъ въ наслѣдство отъ отца, не на что было построить хату,—такъ мы и жили у нашихъ родныхъ, заработкомъ, а всетаки жили по-человѣчески: и картофеля немного садили, и гуся кормили, а то и свинью, и яйца были свои, и корова была, а здѣсь что́? Работалъ, бѣдняга, не разгибая спины, съ утра до ночи, а ѣсть было нечего, жили мы тутъ, какъ нищіе, а не какъ христіане, какъ псы, а не какъ порядочные хозяева.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда? Нужно было сидѣть въ деревнѣ.

— Зачѣмъ?—съ горечью повторила она.—Развѣ я знаю! Всѣ шли,—пошли и мы. Весной ушелъ Адамъ; бросилъ бабу и ушелъ. Пріѣхалъ послѣ жатвы такимъ франтомъ, что никто и узнать его не могъ: платье изъ трико, серебряные часы, колечко, и столько денегъ, что въ деревнѣ и за три года не заработаешь. Люди диву давались, а онъ, прокаженный, жульничалъ, потому что ему заплатили, чтобы онъ привелъ за собой людей изъ деревни,—обѣщалъ Богъ вѣсть что́. Такъ сейчасъ за нимъ и пошли, сначала два парня, Янковъ сынъ и Григорія изъ-подъ лѣса, а потомъ уже, кто только могъ, всѣ шли въ это мѣстечко Лодзь. Каждому захотѣлось городского платья, часовъ и разврата! Я удерживала моего мужика, какъ могла,—потому что зачѣмъ намъ было идти сюда, къ чужимъ, въ далекій свѣтъ? А онъ избилъ меня, какъ животное, и ушелъ, а потомъ пріѣхалъ, взялъ меня съ собой. Іисусе мой дорогой, Іисусе мой!—шептала она, горько всхлипывая и вытирая носъ и слезы грязными руками, и такъ начала дрожать отъ этого отчаяннаго плача, что дѣти прижались къ ней и тоже тихонько стали плакать.

— Вотъ возьмите пять рублей и сдѣлайте такъ, какъ я вамъ говорилъ.

Эта сцена уже тяготила его, онъ быстро повернулся и вышелъ, не ожидая благодарности.

Онъ терпѣть не могъ нѣжностей и чувствительности, а эта женщина затронула въ немъ медленно замиравшую, сознательно подавляемую чувствительность.

Онъ стоялъ нѣкоторое время у „оксидаціоннаго“ котла Mather-Pllatt'a, черезъ который проходилъ сухой, уже отпе-

*) Моргъ—около 1/2 десятины.—*Прим. перев.*

чатанный матерьялъ, и разсѣянно всматривался во вновь образующіеся цвѣта или, вѣрнѣе,—цвѣта, развивающіеся при прохожденіи товара черезъ котелъ. Желтые отъ „протравы“ цвѣточки превратились въ пунцовые, подъ вліяніемъ высокой температуры и сложныхъ растворовъ анилиновой соли.

Фабрика, послѣ минутнаго послѣобѣденнаго отдыха, опять работала съ прежней энергіей.

Боровецкій выглянулъ въ окно своего кабинета, потому что вдругъ начало темнѣть: это сталъ падать снѣгъ густыми хлопьями, и стѣны фабрики и дворъ побѣлѣли. Онъ замѣтилъ Горна, стоявшаго за домикомъ швейцара, черезъ который былъ единственный входъ въ фабрику. Горнъ разговаривалъ съ тою же самою женщиной, а она за что-то благодарила его съ восторгомъ и прятала какую-то бумагу за лифъ.

— Пане Горнъ! — крикнулъ онъ, высовывая голову въ форточку.

— Я сейчасъ только собирался идти къ вамъ—отвѣтилъ Горнъ, появляясь вскорѣ у него.

— Что вы совѣтовали этой бабѣ?—спросилъ Боровецкій довольно строгимъ голосомъ, смотря въ окно.

Горнъ колебался одно мгновеніе, румянецъ покрылъ его дѣвственно-прекрасное лицо, а въ синихъ, добрыхъ глазахъ загорѣлся огонь.

— Я посовѣтовалъ ей пойти къ адвокату: пусть возбудитъ искъ противъ фабрики о вознагражденіи; тогда законъ заставитъ ихъ заплатить.

— Какое вамъ до этого дѣло?—спросилъ Боровецкій, закусывая губы, и началъ слегка барабанить пальцами по оконному стеклу.

— Какое мнѣ дѣло?—повторилъ Горнъ и, помолчавъ минуту, продолжалъ:—меня близко касается всякая нищета и всякая несправедливость, очень близко...

— Какое у васъ здѣсь мѣсто?—рѣзко прервалъ его Боровецкій и сѣлъ у другого стола.

— Практиканта-конторщика, панъ директоръ вѣдь знаетъ это очень хорошо,—отвѣтилъ тотъ, изумленный.

— Ну, такъ, пане Горнъ, мнѣ кажется, что вы не кончите этой практики.

— Въ сущности, мнѣ это уже все равно,—отвѣтилъ онъ довольно рѣшительно.

— Но намъ не все равно,—намъ, фабрикѣ, въ которой вы являетесь однимъ изъ милліона колесиковъ! Мы приняли васъ не затѣмъ, чтобы вы проявляли здѣсь свою филантропію, а чтобы работали. Вы вносите сюда замѣшательство, а здѣсь все основано на совершеннѣйшей спеціализаціи, на правильности и единствѣ.

— Я не машина, а человѣкъ.

— Дома. На фабрикѣ у васъ не требуютъ экзаменовъ по гуманитарности. Фабрикѣ нужны ваши мускулы и вашъ мозгъ, и только за это мы вамъ платимъ,—говорилъ Боровецкій, раздражаясь все больше.—Вы здѣсь машина такая-же, какъ мы всѣ, а потому дѣлайте только то, что васъ касается. Здѣсь не мѣсто для телячьихъ нѣжностей, здѣсь...

— Пане Боровецкій!—рѣзко оборвалъ его Горнъ.

— Пане фонъ-Горнъ! Слушайте, когда я говорю вамъ,—закричалъ тотъ грозно, сбрасывая въ гнѣвѣ большой альбомъ образчиковъ на землю.—Бухгольцъ принялъ васъ по моей рекомендаціи; я знаю вашу семью, желаю вамъ добра, но вы, какъ вижу, страдаете ребяческой демагогіей.

— Вы такъ называете свойственное людямъ сочувствіе?

— Вы компрометируете меня подобными совѣтами, раздаваемыми всѣмъ, у кого есть какія-либо претензіи къ фабрикѣ. Вамъ слѣдовало идти въ адвокаты, тогда вы могли бы защищать всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ, разумѣется, за хорошую плату,—прибавилъ онъ насмѣшливо, потому что его гнѣвъ куда-то испарился, подъ вліяніемъ этого добраго взгляда, какимъ всматривался въ него Горнъ.—Впрочемъ, оставимъ это. Вы поживете немного въ Лодзи, оріентируетесь въ отношеніяхъ, понаблюдаете ближе этихъ угнетенныхъ, и тогда поймете, какъ нужно поступать. А когда перейдетъ къ вамъ все дѣло отъ отца, тогда вы согласитесь, что я правъ.

— Нѣтъ, пане, я въ Лодзи больше не выдержу и дѣла послѣ отца не возьму на себя.

— Что-же вы хотите дѣлать?—воскликнулъ Боровецкій изумленно.

— Еще не знаю. Признаюсь вамъ откровенно, хотя вы такъ рѣзко, слишкомъ рѣзко говорите со мной; впрочемъ, это не важно, потому что я знаю, я знаю, что вы, какъ директоръ такой большой фабрики, иначе говорить не можете.

— Значитъ, вы уходите отъ насъ? Я только это понялъ; но почему?

— Потому что не могу уже выдержать среди этого подлаго лодзинскаго хамства. Вы, какъ человѣкъ извѣстной сферы, вѣроятно, понимаете меня. Потому что я всей душой ненавижу и фабрики, и всѣхъ этихъ Бухгольцовъ, Розенштейновъ, Энтовъ, всю эту гнусную промышленную банду,—проговорилъ онъ возбужденно.

— Ха, ха, ха! вы великолѣпная „фіалка“, несравненная!—искренно разсмѣялся Боровецкій.

— Въ такомъ случаѣ, я больше ничего не скажу,—проговорилъ обиженно Горнъ.

— Какъ хотите; всегда лучше меньше говорить глупостей.

— До свиданья!

— Прощайте. Ха, ха, ха, у васъ актерскій талантъ!

— Пане Боровецкій!—началъ почти со слезами въ глазахъ Горнъ, останавливаясь и пытаясь что-то сказать.

— Что?

Горнъ поклонился и вышелъ.

— Классическая размазня,—прошепталъ вслѣдъ ему Боровецкій и также вышелъ въ сушильню.

Его охватила сухая, раскаленная атмосфера.

Громадные, четырехстѣнные жестяные ящики, наполненные страшно раскаленнымъ и сухимъ воздухомъ, грохотали, точно, отдаленные громы, изрыгая безконечную полосу цвѣтныхъ матерій, сухихъ и жесткихъ.

На низкихъ столахъ, на полу, на возкахъ, которые тихо передвигались, лежали цѣлыя кипы матерій, и въ этомъ сухомъ, ясномъ воздухѣ залы, стѣны которой были почти исключительно изъ стекла, онѣ горѣли матовыми красками золота, пурпура съ лиловымъ оттѣнкомъ, аквамариновой синевы, изумруда,—точно кипы металлическихъ листьевъ, съ матовымъ, мертвымъ блескомъ.

Рабочіе, въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ, съ сѣрыми лицами, съ потухшими глазами, какъ будто выжженными этой оргіей красокъ, медленно, автоматически передвигались, образуя простой придатокъ къ машинамъ.

По временамъ кто-нибудь изъ нихъ бросалъ взглядъ черезъ окна на Лодзь, которая съ этой высоты четвертаго этажа мелькала среди тумана и дыма, разсѣкаемаго тысячами трубъ, крышъ, домовъ, деревьевъ съ осыпавшимися листьями; или, съ другой стороны,—на поля, которыя тянулись вглубь горизонта,—на сѣро-бѣлыя, грязныя, залитыя весеннею оттепелью пространства, пестрѣвшія кое-гдѣ красными зданіями фабрикъ, которыя издали краснѣли въ туманѣ болѣзненными тонами кроваваго мяса; на отдаленные ряды маленькихъ деревушекъ, тихо прильнувшихъ къ землѣ; на дороги, которыя извивались среди полей черною, залитой грязью полосой, мелькавшею между рядами голыхъ тополей.

Машины гудѣли безпрестанно, и безъ умолку свистѣли безконечные ремни, цѣплявшіеся подъ потолкомъ и передававшіе силу въ другія залы; все двигалось въ тактъ съ этими громадными металлическими ящиками сушиленъ, которые получали изъ печатни мокрый товаръ и выплевывали его сухимъ, и стояли въ этой огромной, четыреугольной залѣ, полной печальныхъ красокъ, печальнаго свѣта мартовскаго дня и печальныхъ людей,—стояли, точно часовни Бога-силы, всемогущаго своей властью.

Боровецкій чувствовалъ себя разстроеннымъ и разсѣянно осматривалъ товаръ, не слишкомъ ли онъ высушенъ, и не припаленъ ли.

— Глупый мальчуганъ,—думалъ онъ о Горнѣ, и иногда ему вспоминалось молодое, благородное лицо и голубые глаза, смотрѣвшіе на него съ какимъ-то нѣмымъ гнѣвомъ разочарованія и упрека. Онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то смутное безпокойство. Ему вспоминались нѣкоторыя слова Горна, когда онъ смотрѣлъ на эти толпы людей, безмолвно работавшихъ.

— И я былъ такой, — улетѣлъ онъ мыслью къ давнимъ временамъ своей жизни, но не позволилъ овладѣть собой воспоминаніямъ, не поддался ихъ терзающимъ когтямъ,— уже насмѣшливая улыбка вилась у него на губахъ, а глаза смотрѣли холодно и разсудительно.

— То прошло! прошло!—думалъ онъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ пустоты, какъ будто ему было жаль тѣхъ временъ, жаль тѣхъ невозвратныхъ иллюзій, благородныхъ порывовъ, истрепанныхъ жизнью,—но это продолжалось недолго, и онъ снова овладѣвалъ собой; онъ становился самимъ собой, директоромъ печатни Германа Бухгольца, химикомъ, человѣкомъ холоднымъ, умнымъ, равнодушнымъ, готовымъ на все, настоящимъ „Lodzermensch'емъ", какъ назвалъ его Морицъ.

Въ такомъ именно настроеніи проходилъ онъ черезъ аппретуру, когда одинъ изъ рабочихъ преградилъ ему дорогу.

— Что нужно?—спросилъ онъ отрывисто, не останавливаясь.

— А вотъ нашъ мастеръ, панъ Пуфке, сказалъ, что съ перваго апрѣля у насъ пятнадцать человѣкъ рабочихъ окажутся лишними.

— Да. Мы заведемъ новыя машины, при которыхъ ненужно будетъ столько рабочихъ, какъ при старыхъ.

Рабочій мялъ фуражку въ рукѣ, не зная, что сказать, и не рѣшаясь, но ободряемый взглядами, которые сверкали изъ-за машинъ, изъ-за грудъ матерій, спросилъ, идя вслѣдъ за нимъ:

— А мы что станемъ дѣлать?

— Поищете работы въ другомъ мѣстѣ. Останутся только тѣ, которые раньше у насъ работали.

— Да и мы уже работаемъ три года.

— Что-жъ я подѣлаю, если машина не нуждается въ васъ, потому что она сама можетъ работать. Впрочемъ, до перваго числа, можетъ быть, еще что-нибудь перемѣнится, если расширимъ бѣлильню,—отвѣчалъ онъ спокойно и взошелъ на подъемную машину, которая вмѣстѣ съ нимъ провалилась въ глубинѣ стѣны.

Рабочіе посматривали другъ на друга безмолвно, тревогой сверкали ихъ глаза, тревогой передъ завтрашнимъ днемъ безъ работы, передъ нищетой.

— Стервы, а не машины. Псы, сучьи дѣти,—прошепталъ рабочій и съ ненавистью ткнулъ ногой какую-то машину.

— Товаръ падаетъ на полъ!—крикнулъ мастеръ.

Рабочій быстро надѣлъ фуражку, немного пригнулся и со спокойствіемъ автомата отбиралъ съ машины красную бумазею.

III.

Ресторанъ гостиницы „Викторія“ былъ биткомъ набитъ

Большія, низкія комнаты съ темными стѣнами и желтыми лѣпными потолками, имитирующими дерево, были полны крикливаго шума.

Входная дверь поминутно дребезжала чугунными прутьями, прикрывавшими стекла; ежеминутно кто-нибудь входилъ и исчезалъ въ туманѣ дыма и въ толпѣ людей, заполнявшихъ ресторанъ; электрическія лампы въ буфетѣ постоянно конвульсивно вздрагивали и почти потухали, а газовые рожки, горѣвшіе одновременно съ ними, бросали мутное освѣщеніе на сбившуюся около многочисленныхъ столиковъ массу людей и на бѣлыя скатерти.

— Кельнеръ! Bitte, zahlen!

— Пива!

— Кельнеръ! Bier!

Возгласы перемѣшивались съ глухимъ стукомъ кружекъ.

Гарсоны, въ покрытыхъ жирными пятнами фракахъ, съ салфетками, похожими на тряпки, двигались во всѣхъ направленіяхъ, мелькая грязными манишками надъ головами пившихъ гостей.

Гамъ усиливался отъ безпрестаннаго появленія новыхъ людей и восклицаній:

— „Lodzer Zeitung“! „Ежедневный Курьеръ“! — которыя бросали мальчики, сновавшіе между столами.

— Щегленокъ, дай-ка „Lodzer“, — закричалъ Морицъ, сидѣвшій въ буфетѣ, у окна, въ кругу нѣсколькихъ актеровъ, вѣчно сидѣвшихъ въ трактирѣ.—Знаете, что сдѣлалъ вчера нашъ „фіалка“ vel директоръ!

— Скажи, архифіалка! — вставилъ сгорбленный, старый актеръ.

— Дурень! — отвѣтилъ ему Морицъ. — Такъ вотъ, наша „фіалка“ вчера во второмъ антрактѣ пошелъ за кулисы и, какъ только Нюта явилась со сцены, говоритъ ей: „Вы такъ

чудесно играли, что когда цвѣты будутъ немного дешевле, я куплю вамъ букетъ, хотя бы за цѣлыхъ пять рублей!".

— Что сказалъ?—спросилъ старый актеръ, наклоняясь къ уху сосѣда.

— Чтобы вы поцѣловали собаку въ носъ.

Всѣ разразились смѣхомъ.

— Пане Вельтъ, пане Маврикій, что вы думаете о „цвайконьякъ системѣ"? Вы не сторонникъ ея?

— Пане Бумъ-Бумъ, я сторонникъ системы выталкиванія васъ за двери.

— Я хотѣлъ приказать подать...

— Вы лучше прикажите паясничать за себя.

— Зачѣмъ, — если вы меня выручаете. Панна Ани, коньячку, — распорядился Бумъ-Бумъ, поправляя пенснэ и ударяя въ сжатый кулакъ открытой ладонью правой руки.

— Вашъ предокъ, пане Маврикій, былъ лучше воспитанъ,—опять началъ Бумъ-Бумъ, стоя по серединѣ комнаты съ кускомъ колбасы на вилкѣ.

— Я не могу сказать того-же о вашемъ.

— Warum?—спросилъ кто-то за сосѣднимъ столикомъ.

— Потому что его совсѣмъ не было.

— Нѣтъ, не потому; а потому, что онъ былъ не любезенъ со своими арендаторами дойныхъ коровъ. Вельтъ знаетъ это по своимъ семейнымъ традиціямъ.

— Давно забракованная острота, на пятьдесятъ процентовъ ниже стоимости. Господа, продается Бумъ-Бумъ съ публичнаго аукціона. Кто дастъ за него что-нибудь?—выкрикивалъ насмѣшливо Морицъ.

— Что онъ говоритъ?—опять спросилъ шопотомъ старый актеръ, подзывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомъ гарсона.

— Что ты глупъ!—отвѣтилъ ему такъ-же точно сосѣдъ.

— Кто дастъ что-нибудь за Бумъ-Бума? Господа, продается Бумъ-Бумъ. Онъ старъ, безобразенъ, глупъ, разсыпается, но дешево продается!—выкрикивалъ Морицъ и вдругъ замолчалъ, потому что Бумъ-Бумъ всталъ и смотрѣлъ на него, а немного погодя сказалъ кратко:

— Паршивецъ! Панна Ани, коньячку!

Морицъ шутливо стучалъ кружкой и громко смѣялся, но никто его не поддерживалъ.

Бумъ-Бумъ выпилъ и, наклонивъ угловатое лицо, цвѣта окровавленнаго гусинаго жира, съ вытаращенными, блѣдно-синими глазами, прикрытыми пенснэ на очень широкой ленточкѣ, съ гривкой рѣденькихъ волосъ, прилипшихъ на его высокомъ, четыреугольномъ лбу, со сморщенной, измятой, шершавой кожей, съ наклонившейся впередъ фигурой стараго развратника,—ходилъ по всему ресторану, волоча вздра-

тивавшія отъ табеса ноги, приставалъ къ разнымъ группамъ, говорилъ остроты, надъ которыми самъ смѣялся громче всѣхъ, или разносилъ услышанныя исторіи и повторялъ ихъ съ наслажденіемъ, поправлялъ обѣими руками пенснэ, здоровался почти со всѣми входившими, подходилъ къ буфету и вездѣ былъ слышенъ его хриплый, разлѣзлый голосъ.

— Панна Ани, коньячку! — крикнулъ онъ и опять хлопнулъ ладонью по зажатому кулаку.

Морицъ, пробѣгая глазами „Zeitung", съ нетерпѣніемъ посматривалъ на дверь. Онъ ждалъ Боровецкаго. Наконецъ, онъ всталъ, потому что увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ знакомое лицо.

— Леонъ, когда ты пріѣхалъ?

— Сегодня утромъ.

— Какъ же прошелъ сезонъ?—спросилъ онъ, садясь рядомъ на зеленый диванъ.

— Ве-ли-ко-лѣпно! — отвѣтилъ тотъ, вытянулъ ноги на стулъ и разстегнулъ жилетъ.

— Я думалъ сегодня о тебѣ, а вчера мы даже говорили про тебя съ Боровецкимъ.

— Боровецкій! это—отъ Бухгольца?

— Да.

— Онъ все печатаетъ свои матеріи? Я слышалъ, что онъ хочетъ самостоятельно открыть фабрику.

— И потому-то именно мы говорили о тебѣ.

— А что? — шерсть?

— Хлопчатая бумага!

— Только?

— Пока еще ничего нельзя сказать.

— Деньги есть?

— Будутъ, а сейчасъ есть кое-что поважнѣе,—кредитъ...

— Въ компаніи съ тобой?

— И съ Баумомъ. Знаешь Макса?

— Ого! Въ этомъ векселѣ есть „фелеръ"; одинъ поручитель ненадежный! Боровецкій,—прибавилъ онъ, немного погодя.

— Почему?

— Полячокъ!—отвѣтилъ Леонъ довольно презрительно и вытянулся почти совсѣмъ на диванѣ и на стулѣ.

Морицъ весело разсмѣялся.

— Значитъ, ты его совсѣмъ не знаешь! О немъ много будутъ говорить въ Лодзи. Я вѣрю въ него, какъ въ самого себя, что онъ сдѣлаетъ крупную аферу.

— А Баумъ что изъ себя представляетъ?

— Баумъ—волъ: ему нужно только дать выспаться и выговориться, а потомъ дать работу, и онъ будетъ работать,

какъ волъ; впрочемъ, онъ совсѣмъ не глупъ. Ты могъ бы намъ много помочь и самъ могъ бы много заработать. Намъ уже дѣлалъ предложеніе Кронгольдъ.

— Идите къ Кронгольду: это важная особа; онъ знакомъ со всѣми балаганами, которые покупаютъ товару на сто рублей въ годъ, это знаменитый комми-вояжеръ на Кутно, на Скерневицы. Дѣлайте съ нимъ дѣло, — я не навязываюсь! У меня есть что продавать; у меня съ собой письмо Бухгольца, онъ хочетъ поручить мнѣ агентуру своихъ товаровъ на всемъ Востокѣ; и какія условія предлагаетъ!—Онъ началъ лихорадочно разстегиваться и искать во всѣхъ карманахъ это письмо.

— Я знаю, не ищи. Боровецкій говорилъ мнѣ вчера объ этомъ, потому что онъ рекомендовалъ тебя Бухгольцу.

— Боровецкій! Въ самомъ дѣлѣ? Почему?

— Потому что онъ уменъ и думаетъ о будущемъ.

— И такъ себѣ? Вѣдь на такой сдѣлкѣ онъ могъ бы здорово заработать. Я самъ далъ бы ему двадцать тысячъ bares geld,—провалиться на этомъ мѣстѣ. Какой у него разсчетъ? Мы вѣдь даже почти незнакомы.

— Какой у него разсчетъ, — онъ тебѣ самъ скажетъ; а я скажу тебѣ только, что онъ наличными не возьметъ.

— Шляхтичъ!—проговорилъ съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ Леонъ и плюнулъ на середину комнаты.

— Нѣтъ, онъ только умнѣе всѣхъ, самыхъ умныхъ комми-вояжеровъ и агентовъ „на весь Востокъ“,—отвѣтилъ Морицъ, звоня ножомъ въ кружку.—Много ты продалъ?

— На нѣсколько десятковъ тысячъ: нѣсколько тысячъ наличными, а остальное — самыми надежными векселями, — на четыре мѣсяца, съ поручительствомъ Сафонова! Шелковый гешефтъ, — проговорилъ онъ, хлопнувъ Морица по колѣну отъ удовольствія. — Есть у меня заказъ и для тебя. Вотъ что значитъ дружба.

— На сколько?

— Всего на три тысячи рублей.

— Длинный или короткій товаръ?

— Короткій.

— Вексель, или Nachnahme?

— Nachnahme? Сейчасъ дамъ тебѣ заказъ,—и онъ началъ рыться въ громадномъ, запиравшемся на ключъ портфелѣ.

— Чѣмъ тебя вознаградить?

— Если наличными, то довольно одного процента, по пріятельски.

— Наличныя мнѣ сейчасъ страшно нужны,—предстоятъ расходы; но на этой недѣлѣ заплачу.

— Хорошо. Возьми заказъ. Знаешь, въ Бѣлостокѣ я

встрѣтилъ Лущевскаго; мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Лодзь.

— Куда этотъ графъ ѣдетъ?

— Пріѣхалъ въ Лодзь дѣлать аферу.

— Онъ! Видно, слишкомъ разбогатѣлъ; нужно съ нимъ увидѣться.

— Ничего у него нѣтъ; пріѣхалъ сюда сколотить деньжатъ.

— Какъ, ничего нѣтъ! Вѣдь мы цѣлой гурьбой еще изъ Риги ѣздили въ его имѣнія. Важный былъ баринъ! И уже ничего не осталось?

— Осталось немного резины съ каретныхъ шинъ на калоши! Ха, ха, ха! великолѣпный „вицъ". Правда?—и онъ хлопнулъ Морица по колѣну.

— Что же сдѣлалось съ имѣніемъ? его цѣнили, по крайней мѣрѣ, въ двѣсти тысячъ.

— Теперь онъ самъ считаетъ, что у него тысячъ сто долговъ, а онъ скромный человѣкъ.

— Богъ съ нимъ! Выпьешь?

— Не помѣшаетъ передъ театромъ.

— Кельнеръ, коньякъ, икра, бифштексъ по-татарски, оригинальный портеръ, въ галопъ!

— Бумъ-Бумъ, идите-ка къ намъ!—крикнулъ Леонъ.

— Ахъ, здравствуйте, какъ здоровы, какъ дѣла?—вскрикивалъ тотъ, пожимая ему руку.

— Благодарю, очень хорошо. Я привезъ кое-что изъ Одессы, спеціально для васъ,—онъ вынулъ изъ портфеля порнографическую картинку и далъ ему.

Бумъ-Бумъ поправилъ обѣими руками пенснэ, взялъ картинку и весь погрузился въ восхищенное созерцаніе. Лицо его покраснѣло, онъ чмокалъ языкомъ, облизывалъ свои синія, обвисшія губы, весь дрожалъ отъ удовольствія.

— Прелестно, прелестно! Необыкновенно!—и потащился показывать картинку всѣмъ.

— Свинья!—злобно проворчалъ Морицъ.

— Онъ любитъ хорошія вещи, и какъ знатокъ...

— Не познакомился ли ты опять съ кѣмъ-нибудь?—спросилъ Морицъ съ легкой ироніей.

— Погоди!..—Леонъ щелкнулъ пальцами, потомъ шлепнулъ Морица по колѣну, улыбнулся и вынулъ изъ портфеля, наполненнаго счетами и замѣтками, фотографическую карточку женщины.

— Ну? Красивая машинка?—говорилъ онъ съ величайшимъ удовольствіемъ, зажмуривая глаза.

— Да.

— Правда? Я такъ и зналъ, что она тебѣ понравится. Это француженочка, га!

— Похожа на голландку, но на корову.

— Kein разговоръ. Это дорогая штучка. Сотенную—ни за что, ни про что.

— Я далъ бы пятишницу, чтобы вытолкать ее за дверь.

— Ты всегда бываешь... ну, ужъ не скажу.

— А у тебя комми-вояжерскіе вкусы. Откуда такое животное? Гдѣ ты ее встрѣтилъ?

— Въ Нижнемъ я покутилъ немножечко съ купцами; они и говорятъ, наконецъ: „Пойдемъ, пане Левъ, въ café concert!“ Пошли. Ну, водку, коньякъ, шампанское пили почти изъ бочки, а потомъ слушали пѣніе; она пѣвица, и...

— Погоди, я сейчасъ вернусь!—прервалъ его Морицъ, вскочилъ и направился къ толстому нѣмцу, который вошелъ въ ресторанъ, оглядывая присутствующихъ въ залѣ.

— Gut morgen, пане Мюллеръ!

— Morgen! Здравствуйте, панъ,—отвѣтилъ тотъ небрежно, продолжая разсматривать.

— Вы ищете кого-нибудь? можетъ быть, я могу помочь вамъ?—назойливо присталъ къ нему Морицъ.

— Я ищу пана Боровецкаго,затѣмъ только и пришелъ сюда.

— Онъ сейчасъ будетъ; я ожидаю его здѣсь. Присядьте съ нами. Это мой коллега, Леонъ Конъ!—представилъ онъ товарища.

— Мюллеръ!—бросилъ съ нѣкоторой гордостью прибывшій и присѣлъ.

— Какъ не знать этого! Каждый ребенокъ въ Лодзи знаетъ эту фамилію!—говорилъ быстро Леонъ, торопливо застегиваясь и освобождая мѣсто на диванѣ.

Мюллеръ снисходительно улыбнулся и посмотрѣлъ въ сторону двери, потому что вошелъ Боровецкій съ компаніей. Увидѣвши Мюллера, тотъ бросилъ своихъ товарищей у двери и, снявъ шляпу, шелъ къ этому хлопчато-бумажному царьку, съ появленіемъ котораго въ ресторанѣ стало тише, такъ какъ всѣ наблюдали его съ ненавистью, завистью или гордостью.

— Я почти ждалъ васъ,—началъ Мюллеръ.—У меня къ вамъ дѣло.

Онъ поклонился кивкомъ головы Морицу и Леону, улыбнулся остальнымъ, обнялъ Боровецкаго за талію и вывелъ изъ ресторана.

— Я телефонировалъ на фабрику, но мнѣ отвѣтили, что вы сегодня раньше вышли.

— Мнѣ очень жаль,—отвѣтилъ Боровецкій любезно.

— Я даже писалъ вамъ, самъ писалъ,—говорилъ онъ съ удареніемъ, съ большимъ апломбомъ, хотя въ городѣ навѣрно было извѣстно, что онъ едва умѣетъ подписать свою фамилію.

— Я не получилъ письма, потому что совсѣмъ не заходилъ домой.

— Я писалъ о томъ, о чемъ когда-то уже говорилъ съ вами. Я человѣкъ простой, пане фонъ-Боровецкій, и скажу вамъ еще разъ напрямикъ: я дамъ вамъ тысячу рублей лишнихъ,— переходите ко мнѣ на службу.

— Бухгольцъ прибавилъ бы мнѣ двѣ тысячи, лишь бы я остался,—отвѣтилъ онъ холодно.

— Я дамъ вамъ три; дамъ вамъ четыре! Слышите, дамъ вамъ лишнихъ четыре тысячи, т. е. четырнадцать тысячъ въ годъ: это сумма изрядная!

— Очень вамъ благодаренъ, но не могу принять такого великолѣпнаго предложенія.

— Остаетесь у Бухгольца?—спросилъ Мюллеръ быстро.

— Нѣтъ. Говоря откровенно, я потому отказываюсь отъ вашего предложенія и не остаюсь въ нашей фирмѣ,—что открываю свою фабрику.

Мюллеръ остановился, отступилъ немного, посмотрѣлъ и тише, съ нѣкоторымъ какъ бы уваженіемъ спросилъ:

— Хлопчатая бумага?

— Не скажу ничего, кромѣ того, что не сдѣлаю вамъ никакой конкурренціи.

— Для меня „ganz pommade“ — всякая конкурренція, — воскликнулъ онъ, ударяя себя по карману.—Что вы со мной подѣлаете? Кто можетъ повредить мнѣ? Кто можетъ совладать съ милліонами?

Боровецкій ничего не отвѣтилъ, только улыбнулся, смотря вдаль.

— Какой будетъ товаръ?—началъ Мюллеръ, опять обнимая его, по нѣмецкому обычаю, за талію.

Такъ они разгуливали по асфальтовой, вытоптанной дорожкѣ, тянувшейся черезъ дворъ гостиницы до зданія театра, стоявшаго въ глубинѣ и освѣщеннаго большимъ электрическимъ фонаремъ.

Толпы людей проходили въ театръ.

Кареты, одна за другой, подъѣзжали къ воротамъ гостиницы и оставляли здѣсь тяжелыхъ и, обыкновенно, разжирѣвшихъ мужчинъ и расфранченныхъ женщинъ, которыя, закутавшись, шли подъ зонтиками по этой дорожкѣ, скользкой отъ сырости, потому что, хотя дождь уже пересталъ, но густой, липкій туманъ опускался на землю.

— Вы мнѣ нравитесь, пане фонъ-Боровецкій,—говорилъ Мюллеръ, не дождавшись отвѣта,—вы такъ мнѣ нравитесь, что какъ только обанкротитесь, то сейчасъ найдете у меня мѣсто на какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ рублей.

— Теперь вы бы дали больше?

— Ну, потому что теперь цѣна вамъ больше.

— Спасибо за искренность,—съ ироніей проговорилъ Боровецкій и улыбнулся.

— Да я не хотѣлъ васъ обидѣть; я говорю то, что думаю,— горячо оправдывался Мюллеръ, замѣтивъ эту улыбку.

— Вѣрю. Если я обанкрочусь разъ, то только затѣмъ, чтобы не обанкротиться вторично.

— У васъ голова на мѣстѣ, пане Боровецкій, вы мнѣ очень нравитесь, мы вмѣстѣ могли бы дѣлать хорошія дѣла.

— Какъ быть, если приходится дѣлать ихъ каждому особо!—со смѣхомъ говорилъ Боровецкій, низко кланяясь какимъ-то встрѣчнымъ дамамъ.

— Красивыя женщины—ваши польки, но моя Мада тоже красивая.

— Очень красивая,—отвѣтилъ Боровецкій серьезно, поднимая на него глаза.

— У меня есть планъ! Я вамъ когда-нибудь скажу о немъ,—говорилъ Мюллеръ таинственно, — вы имѣете мѣсто въ театрѣ?

— Есть кресло; мнѣ прислали еще двѣ недѣли назадъ.

— Мы будемъ только втроемъ въ ложѣ.

— Вы и ваши дамы?

— Онѣ уже въ театрѣ, а я нарочно остался, чтобы видѣться съ вами, и всѣ мои планы разрушены. До свиданья. Вы заглянете въ ложу?

— Навѣрно. Сочту пріятнымъ долгомъ.

Мюллеръ скрылся въ дверяхъ, а онъ вернулся въ ресторанъ. Онъ не засталъ уже тамъ Морица, который поручилъ гарсону передать ему, что ждетъ его въ театрѣ.

Въ буфетѣ, куда онъ пошелъ выпить водки, потому что чувствовалъ себя какъ-то удивительно разстроеннымъ, не было почти никого, кромѣ Бумъ-Бума, который, прикрывшись газетой, дремалъ въ углу.

— Бумъ, вы не идете въ театръ?

— Э, зачѣмъ? Смотрѣть на хлопчатую бумагу? вѣдь я ихъ знаю. А вы идете?

— Иду сейчасъ.

Онъ скоро нашелъ свое мѣсто въ первомъ ряду, подлѣ Морица и Леона, который съ жаромъ раскланивался, осматривая въ бинокль какихъ-то блондинокъ, сидѣвшихъ въ балконѣ.

— Красавица первый сортъ, это моя блондинка, — посмотри, Морицъ.

— Ты знакомъ съ нею?

— Знакомъ-ли я? ха, ха, ха, очень близко!.. Познакомь меня съ Боровецкимъ.

Морицъ тотчасъ представилъ ихъ другъ другу.

Леонъ хотѣлъ что-то сказать, уже шлепнулъ даже Морица по колѣну, но Боровецкій всталъ и, повернувшись лицомъ къ залѣ, переполненной сверху до низу самымъ избраннымъ обществомъ, какое только нашлось въ Лодзи, внимательно осматривался, поминутно кланяясь, необыкновенно величественнымъ движеніемъ головы, сидѣвшимъ въ ложахъ и въ креслахъ.

Онъ спокойно стоялъ подъ огнемъ биноклей и взглядовъ, которые направлялись на него со всѣхъ сторонъ театра, жужжавшаго, точно улей. Его высокая, сильная, очень изящная фигура представляла красивую картину.

Прекрасное лицо, съ очень типичными, тонкими очертаніями, украшенное великолѣпными, выхоленными усами, ротъ съ выдающейся нижней губой, нѣкоторая небрежность движеній и взглядовъ,—все это дѣлало его типомъ джентльмэна.

Никто, судя по его блестящей внѣшности, не могъ бы предположить, что этотъ человѣкъ, въ качествѣ фабричнаго химика, въ качествѣ колориста, былъ несравненнымъ въ своей спеціальности; что это человѣкъ, изъ-за котораго велись войны между хлопчатобумажными фабрикантами, чтобы привлечь его на свою сторону; что онъ совершалъ перевороты въ этой области производства.

Сѣрые, съ синеватымъ оттѣнкомъ глаза, тонкое лицо, почти черныя брови, рѣзко очерченный лобъ,—все это придавало ему почти хищный характеръ.

Чувствовалась въ немъ сила воли и непоколебимость.

Онъ довольно высокомѣрно смотрѣлъ на залитый свѣтомъ театръ и на это яркое, сверкавшее бриллiантами общество.

Ложи напоминали собой жардиньерки, обвѣшанныя вишневымъ бархатомъ, на фонѣ котораго, точно цвѣты, сидѣли нарядныя женщины, сіявшія драгоцѣнными камнями.

— Карлъ, сколько сегодня милліоновъ въ театрѣ? — шопотомъ спросилъ Морицъ.

— До двухсотъ,—отвѣтилъ онъ такъ-же точно, медленно обозрѣвая знакомыя лица милліонеровъ.

— Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, пахнетъ милліонами,—замѣтилъ Леонъ, втягивая въ себя воздухъ, насыщенный запахомъ духовъ, живыхъ цвѣтовъ и грязи, принесенной съ улицы.

— Прежде всего лукомъ и картофелемъ, — презрительно прошепталъ Боровецкій, кланяясь съ очень милою улыбкой въ одну изъ ложъ партера, у самой сцены, удивительно красивой еврейкѣ, въ черномъ платьѣ декольте, открывавшемъ ея ослѣпительно бѣлыя, великолѣпно сложенныя плечи и шею, охваченную нитью бриллiантовъ. Бриллiанты блестѣли

надъ висками, въ гребешкахъ, воткнутыхъ въ черные, пущистые волосы, причесанные по модѣ временъ имперіи—на уши, въ которыхъ тоже искрились бриллiанты удивительной величины. Бриллiанты блестѣли на корсажѣ, въ аграфѣ, застегивавшемъ лифъ, и сверкали въ браслетахъ, обвивавшихъ руки въ черныхъ перчаткахъ. Большіе, продолговатые глаза, голубые, какъ великолѣпнѣйшіе сапфиры, рѣзко горѣли. Лицо ея было въ горячемъ тонѣ, слегка оливковомъ, насыщенномъ немного карминомъ крови, лобъ низкій, брови рѣзко очерченныя, носъ прямой и тонкій и довольно большія полныя губы.

Она довольно настойчиво смотрѣла на Боровецкаго, не обращая вниманія на то, что за ней слѣдили бинокли изъ всѣхъ ложъ, иногда незамѣтно бросала взгляды на сидѣвшаго въ глубинѣ ложи мужа, старца явно семитическаго типа, который, опустивъ голову на грудь, сидѣлъ погруженный въ размышленія. По временамъ онъ пробуждался, бросалъ изъ-подъ золотыхъ очковъ проницательные взгляды на публику въ залѣ, одергивалъ на большомъ животѣ жилетъ и шепталъ женѣ:

— Люси, зачѣмъ ты такъ выдвигаешься?

Она притворялась, что не слышитъ, и продолжала осматривать ложи и кресла, переполненныя публикой, преимущественно семитическаго и германскаго типа, или смотрѣла на Боровецкаго, который иногда чувствовалъ эти взгляды, потому что поворачивался къ ней лицомъ, но стоялъ холодный и равнодушный по внѣшности.

— Славная бабенка, эта Цукерова,—шепнулъ Леонъ Боровецкому, желая начать разговоръ, чтобы узнать подробности о своей агентурѣ.

— Вы находите?..—холодно спросилъ Боровецкій.

— Вѣдь я не слѣпой. Посмотрите на ея бюстъ,—я это больше всего люблю въ женщинѣ,—а у нея бюстъ—первый сортъ, какъ бархатъ, ха, ха, ха!

— Чего ты смѣешься? — спросилъ съ любопытствомъ Морицъ.

— Я сказалъ великолѣпный „вицъ“,—отвѣтилъ онъ и со смѣхомъ повторилъ свою остроту Морицу.

Они замолчали, потому что поднялся занавѣсъ, всѣ взоры направились на сцену, только Цукерова изъ-за вѣера смотрѣла на Карла, который, казалось, не замѣчалъ этого, и это, повидимому, такъ раздражало ее, что она, то и дѣло, складывала вѣеръ и ударяла имъ, какъ бы нехотя, по парапету ложи.

Онъ незамѣтно улыбался, бросалъ на нее отрывистые взгляды и продолжалъ смотрѣть съ большимъ вниманіемъ

на сцену, гдѣ любители и любительницы пародировали настоящихъ актеровъ и искусство.

Это былъ спектакль съ благотворительной цѣлью, составленный изъ двухъ водевилей, пѣнія, игры на скрипкѣ и роялѣ, и, наконецъ, изъ живыхъ картинъ.

Въ антрактѣ Боровецкій всталъ, чтобы пройти въ ложу Мюллера, но его остановилъ Конъ.

— Пане Боровецкій, я хотѣлъ съ вами поговорить.

— Нельзя-ли послѣ спектакля, потому что сейчасъ у меня, какъ видите, нѣтъ времени,— отвѣтилъ Боровецкій и ушелъ.

— Онъ важный баринъ, теперь у него нѣтъ времени!

— Онъ правъ, здѣсь не мѣсто для дѣлъ.

— Морицъ, ты совсѣмъ оглупѣлъ. Что ты за вздоръ несешь? Для дѣлъ вездѣ есть мѣсто, только этотъ фонъ-Боровецкій, этотъ великій князь отъ Бухгольца и К°, — такая важная фигура!

Боровецкій, между тѣмъ, вошелъ въ ложу Мюллера; и старикъ вышелъ, чтобы освободить для него мѣсто, потому что тамъ уже сидѣлъ четвертый, какой-то низкій, толстый нѣмецъ.

Онъ поздоровался съ матерью, дремавшей въ глубинѣ ложи, и съ дочерью, которая даже привстала при его появленіи.

— Штэрхъ.

— Боровецкій.

Мужчины представились другъ другу и пожали руки.

Карлъ сѣлъ.

— Какъ вы себя чувствуете?— спросилъ онъ дочь Мюллера, чтобы что-нибудь сказать.

— Превосходно, великолѣпно! — говорила она съ восторгомъ, и ея круглое, розовое лицо, похожее на только что вымытую молодую редиску, загорѣлось яркимъ румянцемъ, который особенно выдѣлился на фонѣ ея свѣтло-зеленаго платья.

Она прикладывала платокъ къ лицу, чтобы скрыть румянецъ, потому что стыдилась его.

Мать набросила ей на плечи великолѣпную кружевную шаль, такъ какъ въ театрѣ чувствовался сквознякъ, и продолжала дремать.

— А вы? — спросила дочь, немного погодя, поднимая на него свои синіе, какъ будто фарфоровые глаза, и въ это мгновеніе, со своими полуоткрытыми, блѣдными губами ребенка и съ поднятымъ личикомъ, стала похожа на свѣжеиспеченную булочку.

— Скажу то-же самое: превосходно, великолѣпно! или: великолѣпно, превосходно!

— Хорошо играютъ, правда?

— Да, по любительски. Я думалъ, что вы будете участвовать въ спектаклѣ.

— Мнѣ очень хотѣлось, но вѣдь меня никто не приглашалъ,—говорила она чистосердечно, съ большою горечью.

— Былъ проектъ пригласить васъ, но не рѣшились, боялись отказа; впрочемъ, доступъ въ вашъ домъ—такъ же труденъ, какъ въ царскій дворецъ.

— Я то-же самое говорилъ паннѣ Мадѣ, — вмѣшался Штэрхъ.

— Это вы виноваты; вѣдь вы бываете у насъ; нужно было сказать мнѣ.

— Не было времени, и забылъ,—оправдывался онъ просто.

Водворилось молчаніе.

Штэрхъ покашливалъ, нагибался уже, чтобы начать разговоръ, но не рискнулъ, видя, что Боровецкій тоскующимъ взглядомъ поводитъ по театру, а Мада совсѣмъ сконфузилась. Ей хотѣлось такъ много сказать, а между тѣмъ, теперь, когда Боровецкій сидѣлъ рядомъ съ ней, когда изъ ложъ съ особеннымъ любопытствомъ лорнировали ихъ, она не знала, о чемъ заговорить, и, наконецъ, начала:

— Вы перейдете въ нашу фирму?

— Къ сожалѣнію, я долженъ былъ отказаться.

— А папа такъ разсчитывалъ на васъ.

— Я самъ очень жалѣю.

— Я думала, вы въ четвергъ будете у насъ: у меня къ вамъ есть просьба.

— Нельзя ли сейчасъ узнать о ней?

Онъ наклонилъ къ ней лицо и засматривалъ въ ложу Цукера.

Люси взволнованно обмахивалась вѣеромъ и, скрываясь за нимъ, повидимому, ссорилась съ мужемъ, который, то и дѣло, обтягивалъ жилетъ на животѣ и выпрямлялся на стулѣ.

— Я хотѣла просить, чтобы вы указали мнѣ какія-нибудь польскія книги для чтенія. Я говорила уже объ этомъ съ папой, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что я глупая и что должна заняться домомъ и хозяйствомъ.

— Ja, ja. Fater такъ сказалъ,—проговорилъ Штэрхъ, отодвигаясь вмѣстѣ со стуломъ нѣсколько вглубь, потому что Боровецкій строго взглянулъ на него.

— Почему вы просите объ этомъ? зачѣмъ вамъ?—спросилъ онъ довольно холодно.

— Потому что хочу,—отвѣтила она рѣшительно,—хочу и прошу дать мнѣ указанія.

— Вѣдь у брата, въ его новомъ дворцѣ, должна быть и библіотека.

Она разсмѣялась очень искренно и тихонько.

— Что такъ смѣшитъ васъ въ моемъ предположеніи?

— Вильгельмъ такъ не любитъ книгъ, что разсердившись на меня, сжегъ всѣ мои книги, когда я, съ мамой была въ городѣ.

— Ja, ja, Вильгельмъ не любитъ книгъ, онъ славный буршъ.

Боровецкій взглянулъ холодно на Штэрха и сказалъ:

— Хорошо, я пришлю вамъ завтра списокъ.

— А если мнѣ хочется имѣть его сейчасъ, немедленно.

— Тогда я могу сейчасъ выписать нѣсколько заглавій, а остальныя завтра.

— Вы добрый парень,—сказала она весело, но, замѣтивъ, что губы его дрогнули отъ иронической улыбки, раскраснѣлась, какъ піонъ.

Онъ сдѣлалъ списокъ на визитной карточкѣ, украшенной гербами, простился и вышелъ.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ стараго Шаю Мендельсона, настоящаго хлопчатобумажнаго царя, котораго называли прямо Шаей.

Это былъ высокій, худой еврей, съ большой, бѣлой, поистинѣ патріархальной бородой, одѣтый въ обыкновенный длинный халатъ, который трепался у него по полу.

Шая всегда бывалъ тамъ, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ быть Бухгольцъ, величайшій его соперникъ въ хлопчатобумажномъ царствѣ, самый крупный лодзинскій фабрикантъ и при томъ личный его врагъ.

Онъ загородилъ путь Боровецкому, который, снявъ шляпу, хотѣлъ пройти дальше.

— Здравствуйте. Нѣтъ сегодня Германа? почему?—говорилъ онъ отвратительнымъ польскимъ языкомъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Боровецкій сухо, потому что онъ не любилъ Шаю, какъ не любила его почти вся не еврейская Лодзь.

— Прощайте,—кинулъ холодно и презрительно Шая.

Боровецкій ничего не отвѣтилъ и пошелъ въ одну изъ ложъ бель-этажа, въ которой былъ цѣлый букетъ женщинъ, и между ними Морицъ съ Горномъ.

Въ ложѣ было очень весело и очень тѣсно.

— Наша малютка прекрасно играетъ; правда, пане Боровецкій?

— Да, и я очень жалѣю, что не приготовилъ букета.

— У насъ есть; ей преподнесутъ послѣ второго дѣйствія.

— Такъ какъ здѣсь тѣсно и весело безъ меня, и у дамъ есть кавалеры, то я выхожу.

— Останьтесь съ нами, — будетъ еще веселѣе, — просила его одна изъ женщинъ, въ лиловомъ платьѣ и съ лиловыми глазами.

— Веселѣе, пожалуй, не будетъ, а тѣснѣе навѣрно будетъ,—говорилъ Морицъ.

— Въ такомъ случаѣ выйди, и сразу будетъ больше мѣста.

— Если бъ я могъ пойти въ ложу Мюллера, то вышелъ бы.

— Могу помочь тебѣ въ этомъ.

— Я выйду, и сейчасъ будетъ больше мѣста, — сказалъ Горнъ, но, замѣтивъ просящій взглядъ молодой дѣвушки, сидѣвшей съ краю ложи, остался.

— Знаете, панна Марія, во сколько цѣнится панна Мюллеръ? Въ пятьдесятъ тысячъ рублей въ годъ!

— Сильная дѣва! Я бы пошелъ на эту аферу,—прошепталъ Морицъ.

— Пододвиньтесь ближе: я что-то разскажу, — шепнула Боровецкому лиловая женщина, и такъ низко наклонилась къ нему лицомъ, что ея темные, волнистые волосы касались его виска. Она прикрылась вѣеромъ и долго шептала ему что-то на ухо.

— Не секретничайте! — сказала самая старшая въ ложѣ женщина, прелестная, лѣтъ сорока съ лишнимъ, совсѣмъ въ стилѣ Вагоссо, съ ослѣпительнымъ тѣломъ, совершенно сѣдыми, чрезвычайно обильными волосами, черными глазами и бровями, съ величественной, импонирующей фигурой.

— Пани Стефанія разсказывала мнѣ любопытныя вещи объ этой новой баронессѣ.

— Ну, она не повторила бы этого при всѣхъ, — шепнула женщина въ стилѣ Вагоссо.

— Панна Мада Мюллеръ изволитъ разсматривать насъ въ бинокль, посмотрите!

— Она похожа сегодня на молоденькую, жирненькую, ощипанную гусыню, завернутую въ зелень петрушки.

— Пани Стефанія притворяется сегодня ядовитой,—сказалъ Горнъ.

— А вотъ дочка Шаи цѣлый ювелирный магазинъ надѣла на себя.

— Вѣдь у нея хватитъ средствъ и на два ювелирныхъ магазина,—прибавилъ Морицъ, надвинувъ пенснэ на носъ и посмотрѣвъ внизъ, въ ложу Мендельсона, гдѣ послѣдній сидѣлъ вмѣстѣ со своей младшей дочерью, одѣтой съ необычайной роскошью, и еще съ какой-то барышней.

— Которая изъ нихъ хромая?

— Роза, съ лѣвой стороны, рыжая.

— Вчера она была у меня въ магазинѣ, все разбросала, ничего не купила и ушла, но у меня за то было время разсмотрѣть ее: она совсѣмъ некрасива, — говорила пани Стефанія.

— Она прелестна, она ангелъ; что — ангелъ! она четыре или пятнадцать ангеловъ, — выкрикивалъ Морицъ, передразнивая стараго Шаю.

— Прощайте, mesdames; пойдемъ, Морицъ; панъ Горнъ останется съ дамами.

— Не зайдете ли вы, господа, пить къ намъ чай послѣ спектакля?—говорила лиловая, смотря на Боровецкаго.

— Я очень благодаренъ, но зайду завтра, сегодня нѣтъ времени.

— Вы приглашены къ Мюллерамъ? — спросила она довольно сухо.

— Въ Грандъ-Отель. Сегодня суббота; пріѣзжаетъ, какъ обыкновенно, Куровскій, и мнѣ нужно поговорить съ нимъ о весьма важныхъ дѣлахъ.

— Поговорите съ нимъ въ театрѣ, вѣдь онъ долженъ быть здѣсь.

— Онъ вѣдь не бываетъ въ театрѣ; развѣ вы его не знаете?

Онъ поклонился и вышелъ, сопровождаемый страннымъ взглядомъ пани Стефаніи.

Дѣйствіе началось уже довольно давно, поэтому онъ пробрался къ своему мѣсту и сѣлъ, но не слушалъ, потому что вокругъ шептали о чемъ-то чрезвычайно таинственно.

Всѣхъ удивилъ тотъ фактъ, что среди дѣйствія вызвали изъ ложи Кнолля, зятя Бухгольца, который сидѣлъ одиноко въ ложѣ, напротивъ Цукера, а затѣмъ,—что незамѣтно удалился изъ театра Гросгликъ, самый крупный лодзинскій банкиръ.

Ему принесли телеграмму, съ которой онъ поспѣшилъ къ Шаѣ.

Эти подробности, передаваемыя другъ другу шопотомъ, облетѣли, подобно молніи, весь театръ и вызвали какую-то смутную, необъяснимую тревогу въ представителяхъ разныхъ фирмъ.

— Что случилось? — спрашивали всѣ, не находя сразу отвѣта.

Женщины были заняты сценой, но большинство мужчинъ въ партерѣ и въ ложахъ всматривалось съ безпокойствомъ въ лодзинскихъ царей и царьковъ.

Мендельсонъ сидѣлъ, сгорбившись, съ очками на лбу,

гладилъ по временамъ бороду великолѣпнымъ движеніемъ руки и, казалось, былъ совершенно поглощенъ представленіемъ.

Кнолль, всемогущій Кнолль, зять и наслѣдникъ Бухгольца, тоже слушалъ внимательно.

Мюллеръ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, ничего не зналъ, потому что смѣялся во всю глотку, когда на сценѣ слышались остроты, смѣялся такъ искренно, что иногда Мада шептала потихоньку:

— Папа, такъ нельзя.

— Я заплатилъ и за это веселюсь, — отвѣчалъ онъ, и дѣйствительно ему было весело.

Цукеръ исчезъ, въ ложѣ сидѣла одна Люси и опять смотрѣла на Боровецкаго.

Меньшіе магнаты и представители такихъ фирмъ, какъ Энде-Гришпанъ, Волькманъ, Баувецель-Биберштейнъ, Пинчовскій, Прусакъ, Стоевскій, вертѣлись на своихъ мѣстахъ все безпокойнѣе, шопотъ перелеталъ съ одного конца на другой, изъ театра поминутно кто-нибудь выходилъ и не возвращался.

Глаза вопросительно смотрѣли вокругъ, съ губъ срывались вопросы, безпокойство овладѣвало дѣльцами все сильнѣе.

И никто не могъ объяснить въ чемъ дѣло, хотя всѣ были увѣрены, что случилось нѣчто важное.

Постепенно это нервное возбужденіе начало переходить даже на тѣхъ, которые не боялись никакихъ дурныхъ вѣстей.

Всѣ ощущали то дрожаніе лодзинской почвы, послѣ котораго такъ часто въ послѣднее время наступалъ ужасный катаклизмъ.

Только верхнія, дешевыя мѣста веселились, хохотали, апплодировали, крича: браво!

Смѣхъ волною падалъ съ галлереи и каскадомъ разбрызгивался по партеру, по ложамъ, падалъ на всѣ эти внезапно встревоженныя головы и души, на эти милліоны, раскинувшіеся среди бархата, покрытые брилліантами, гордые своею властью и величіемъ.

Изъ всѣхъ ложъ, только одна ложа дамъ, знакомыхъ съ Боровецкимъ, участвовала въ веселіи публики верховъ и чувствовала себя прекрасно.

Образовались своего рода рифы на этомъ взволнованномъ морѣ, гдѣ сидѣли спокойно, засматриваясь на сцену; это были преимущественно польскія семьи, которымъ нечего было терять.

— Очевидно, хлопчатая бумага,—шепнулъ Леонъ Боровецкому.—Посмотрите, шерсть и другіе сидятъ почти спокойно... У меня на этотъ счетъ есть глазъ.

— Провалились: Фрумкинъ въ Бѣлостокѣ, Лихачовъ въ Ростовѣ, Алпасовъ въ Одессѣ—шепнулъ Морицъ, который гдѣ-то ужъ пронюхалъ объ этомъ.

Всѣ трое были купцы en gros, одни изъ самыхъ крупныхъ лодзинскихъ покупателей.

— Сколько теряетъ Лодзь?—спросилъ Боровецкій.

Морицъ опять вышелъ и вернулся черезъ нѣсколько минутъ; онъ былъ гораздо блѣднѣе, губы его кривились, глаза странно блестѣли; онъ не могъ отъ волненія надвинуть пенсэ на носъ.

— Есть еще одинъ: Рогопуло въ Одессѣ. Каменныя фирмы, самыя крупныя!

— Сильно упали?

— Лодзь теряетъ милліона два!—прошепталъ Морицъ очень серьезно, стараясь надѣть пенснэ.

— Не можетъ быть,—вскрикнулъ почти громко Боровецкій, вскакивая съ мѣста; сидѣвшая за нимъ публика начала стучать и шикать, чтобы онъ не заслонялъ собою сцены.— Кто тебѣ сказалъ?

— Ляндау, а когда Ляндау говоритъ, то Ляндау знаетъ.

— Кто теряетъ?

— Каждый понемногу, а Кесслеръ, Бухгольцъ, Мюллеръ— больше всѣхъ.

— Но какъ это не поддержали ихъ и допустили такой провалъ!

— Рогопуло убѣжалъ, Лихачовъ умеръ, запилъ съ отчаянія.

— А Фрумкинъ и Алпасовъ?

— Ничего не знаю; говорю только то, что было въ телеграммѣ.

Теперь эти вѣсти разошлись уже по театру. Поминутно можно было видѣть, какъ это извѣстіе, подобно бомбѣ, обрушивались въ разныхъ мѣстахъ его.

Лица поднимались вверхъ, глаза блестѣли, какія-то рѣзкія слова звучали въ воздухѣ, съ шумомъ отодвигались стулья, люди торопливо выбѣгали на телеграфъ и къ телефонамъ.

Театръ совсѣмъ опустѣлъ.

Боровецкій тоже чувствовалъ себя разстроеннымъ: онъ самъ ничего не терялъ, но теряли всѣ вокругъ него.

— Вы ничего не теряете? спросилъ онъ Макса Баума, который, разыскавъ свободный стулъ, сѣлъ ближе къ нему.

— Намъ нечего терять, кромѣ чести, а вѣдь этимъ товаромъ въ Лодзи никто не торгуетъ,—отвѣтилъ тотъ насмѣшливо.

— Славно трещитъ Лодзь.

— Сразу начнется теплый сезонъ.

— Да, да. Для пожарной команды хватитъ работы.

— Станетъ теплѣе, скорѣе и весна придетъ.

— Хорошо бы было: уголь очень дорогъ.

— Вамъ легко смѣяться, потому что вы въ сторонѣ.

— Случалось уже это, случалось. Одна половина свернетъ шею, а другая—заработаетъ.

— Кто больше всего теряетъ?

— Бухгольцъ, Кесслеръ и Мюллеръ.

— Съ этими никогда ничего не случится. Что съ ними подѣлаешь?

— Чортъ ихъ всѣхъ побери! Мнѣ ни тепло, ни холодно отъ того, что они заработаютъ или потеряютъ.

Такъ перекрещивались замѣчанія, вопросы, предположенія, насмѣшки, цифры, взгляды, почти веселые и довольные разореніемъ другихъ.

— Майеръ, говорятъ, не досчитается цѣлыхъ ста тысячъ? Это полезно для его живота: продастъ лошадей, будетъ ходить пѣшкомъ и сразу похудѣетъ,—не потребуется ѣздить въ Маріенбадъ.

— Будутъ дешево продаваться фамильные бриллiанты.

— Волькмана это можетъ доконать; онъ уже начинаетъ скрипѣть.

— Ты, Робертъ, можешь сдѣлать теперь предложеніе его дочери, и тебя уже не вытолкаютъ за дверь.

— Пусть онъ еще подождетъ.

Такъ волновался партеръ, толпа.

Цари сидѣли спокойно.

Шая не сводилъ глазъ съ пѣвицы, и когда она кончила, первый началъ апплодировать, а потомъ зашептался съ Розой и незамѣтно, поглаживая бороду, указалъ на Кнолля, который, облокотившись на парапетъ ложи, кивнулъ головой Боровецкому.

Карлъ въ первомъ же антрактѣ появился у него.

— Вы слышали?—спросилъ Кнолль.

— Слышалъ,—и онъ началъ перечислять фирмы.

— Пустяки.

— Пустяки, два милліона рублей на одну Лодзь?

— Не мы теряемъ; только что былъ Бауэръ и говорилъ, что на насъ приходится всего нѣсколько тысячъ.

— Въ театрѣ разсказываютъ, что около полу-милліона.

— Это Шая распространяетъ, потому что онъ именно столько теряетъ. Глупый жидъ.

— Во всякомъ случаѣ это порядочно отразится на Лодзи; фирмы будутъ вылетать въ трубу, какъ мухи.

— Пусть всѣ издохнутъ, какой намъ отъ этого вредъ?—

проговорилъ холодно Кнолль и посмотрѣлъ на свои холенныя руки, безсознательно слѣдя прищуренными глазами за блескомъ брилліантовъ, находившихся въ кольцѣ лѣвой руки.

— Я говорю съ вами, не какъ съ нашимъ служащимъ, а какъ съ другомъ. Вы знаете, кто долженъ обанкротиться благодаря этому краху?

— Съ увѣренностью не указываютъ почти ни одной фамиліи.

— Это не важно; во всякомъ случаѣ будетъ достаточно проваловъ, а сколько именно,—мы узнаемъ завтра. Веселая будетъ недѣля.

— Настоящее горе!

— Не для насъ; подумайте сами: кто падаетъ? — хлопчатая бумага. Кто остается?—мы, Шая и еще нѣсколько человѣкъ. Эта парциваяя, жидовская конкуренція дешовки издохла на половину или скоро издохнетъ: она сама себя изводитъ. На нѣкоторое время намъ станетъ просторнѣе. Мы начнемъ производить нѣсколько новыхъ сортовъ, которые они производили, ну, и соотвѣтственно больше будемъ продавать. Но это пустяки! Свернутъ себѣ шею,—пусть свернутъ; горятъ,—пусть горятъ; обманываютъ,—пусть обманываютъ; мы всегда останемся. Это, впрочемъ, не важно; есть гораздо болѣе серьезныя вещи: вы увидите скоро, что половина хлопчато-бумажныхъ фабрикъ станетъ, скоро, скоро.

Боровецкій смотрѣлъ на него и слушалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: онъ не любилъ Кнолля и его ужасной высокомѣрности, вытекавшей изъ сознанія могущества милліоновъ.

Послѣ своего тестя онъ былъ самымъ крупнымъ выскочкой въ этомъ мірѣ выскочекъ, хотя самымъ образованнымъ, хорошо воспитаннымъ. отличавшимся пріятнымъ обращеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неумолимымъ, наиболѣе эксплуатирующимъ трудъ людей и вліяніе, которымъ онъ пользовался вездѣ.

— Зайдите къ намъ завтра обѣдать,—я васъ прошу отъ имени отца. А теперь будьте добры взглянуть, который часъ: я не хочу этого сдѣлать, чтобы не подумали, что я куда-нибудь спѣшу.

— Одиннадцать, безъ нѣсколькихъ минутъ.

— Въ которомъ часу уходитъ курьерскій поѣздъ въ Варшаву?

— Въ половинѣ перваго.

— У меня еще есть время. Я долженъ вамъ объяснить, почему для меня маловажны эти слухи о банкротствахъ, о томъ, что Лодзь теряетъ два милліона; получились гораздо болѣе важныя извѣстія...—онъ вдругъ оборвалъ.

— Я могу говорить съ вами, какъ съ дворяниномъ?

— Я думаю, но не понимаю, какое отношеніе...

— Сейчасъ поймете. Вы нашъ другъ, мы никогда не забудемъ того, что вы блестяще поставили нашу печатню... Видите ли, часъ назадъ получена телеграмма изъ Петербурга по весьма важному дѣлу, о томъ, что... что мнѣ необходимо ѣхать туда тотчасъ же, но совершенно секретно.

Онъ торопливо проговорилъ это и не сказалъ того, что хотѣлъ: его остановилъ взглядъ Боровецкаго, холодный и подозрительный, до того пронизывавшій насквозь, что Кнолль сдѣлалъ безпокойное движеніе, поправилъ булавку въ галстукѣ и сталъ смотрѣть въ ложу напротивъ.

— Жена Цукера прелестная женщина.

— И съ прелестными брилліантами.

— Значитъ, вы завтра зайдете къ старику.

— Обязательно.

— У него къ вамъ какое-то спеціальное дѣло... Вы уже уходите?.. Будьте добры, пожалуйста, сказать моему кучеру, чтобы онъ ждалъ меня на Проѣздѣ. Ну, до свиданья. Черезъ нѣсколько дней я вернусь. И такъ, все это тайна, пане Боровецкій.

— Полнѣйшая.

Боровецкій вышелъ съ чувствомъ разочарованія. Онъ видѣлъ, что Кнолль о чемъ-то умолчалъ.

— Что за извѣстіе? Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Почему не сказалъ мнѣ?—думалъ онъ, теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ.

Онъ не ждалъ, пока опустятъ занавѣсъ, и вышелъ, но уже съ улицы вернулся въ театръ и пошелъ въ ложу Цукеровой.

— Я думала, что вы забыли обо мнѣ,—сказала она съ упрекомъ, уставившись на него своими большими, чудными глазами.

— Развѣ это возможно?

— Для васъ все возможно.

— Вы порицаете меня, со словъ друзей и недруговъ.

— Что мнѣ до нихъ? Я видѣла только, что вы вышли.

— Но я вернулся, долженъ былъ вернуться,—проговорилъ онъ тише, почти шопотомъ.

— Въ театръ? вы здѣсь забыли что-нибудь?

— Къ вамъ.

— Правда?!—прошептала она протяжно, и глаза ея засверкали блескомъ радости.—Вы со мной никогда такъ не говорили.

— Но всегда хотѣлъ этого.

Она охватила его взглядомъ, какъ будто цѣлующимъ его лицо, и онъ точно почувствовалъ даже теплое дыханіе на губахъ.

— Вы говорили обо мнѣ тамъ, въ партерѣ, съ паномъ Вельтомъ, я это видѣла.

— Мы говорили о вашихъ брилліантахъ.

— Правда, что такихъ прекрасныхъ нѣтъ ни у кого въ Лодзи?

— Исключая женъ Кнолля и Барона,—сказалъ онъ съ иронической улыбкой.

— А еще о чемъ вы говорили?

— О вашей красотѣ!

— Вы смѣетесь надо мной.

— Не могу я смѣяться надъ тѣмъ, что люблю,—отвѣтилъ онъ подавленнымъ голосомъ, взявъ ея свѣсившуюся руку, но она быстро выхватила ее и смотрѣла широко раскрытыми глазами, озираясь вокругъ, какъ будто эти слова произнесъ кто-нибудь изъ публики.

— Прощайте,—сказалъ онъ, собираясь уйти; онъ злился на себя, чувствуя, что сдѣлалъ глупость: нельзя было говорить ей это такъ прямо, безъ всякой подготовительной процедуры,—но она дѣйствовала на него наркотически.

— Выйдемъ вмѣстѣ, сейчасъ,—отвѣтила она быстро, собрала шаль, коробку съ конфетами, вѣеръ и вышла.

Она одѣвалась молча.

Боровецкій не зналъ, о чемъ заговорить, и только смотрѣлъ на нее, на ея глаза, ежеминутно мѣнявшіе свое выраженіе, на губы, которыя она безпрестанно облизывала, на дивно сложенныя плечи, на великолѣпную, прекрасно развитую фигуру.

Когда она надѣла шляпу, онъ подалъ ей ротонду. Люси немного отклонилась назадъ, чтобы накинуть ее на плечи и при этомъ движеніи коснулась волосами его губъ; онъ отступилъ немного назадъ, какъ будто обожженный, а она, не находя опоры, упала спиной ему на грудь.

Карлъ схватилъ ее въ объятія и впился губами въ ея шею, которая напряглась и скорчилась подъ его пожирающимъ поцѣлуемъ.

Она тихо вскрикнула и на мгновеніе оперлась на него всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ что онъ покачнулся.

Люси выскользнула изъ его объятій.

Она была блѣдна, какъ мраморъ, тяжело дышала, а изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ сверкало пламя.

— Проводите меня до кареты,—проговорила она, не глядя на него.

— Хоть на край свѣта.

— Застегните мнѣ перчатки.

Онъ застегивалъ, но не могъ найти ни петель, ни пуговокъ, такъ же, какъ не могъ встрѣтить ея взгляда, потому

что она не смотрѣла на него; она оперлась однимъ плечомъ на стѣну, повернула немного въ сторону голову, и стояла такъ, держа руку въ его рукѣ, со странной улыбкой на губахъ, пылавшихъ пурпуромъ; по временамъ ее охватывала дрожь, тогда она сильнѣе прижималась къ стѣнкѣ, и какая-то тѣнь, какъ-бы испуга и изумленія, мелькала по ея лицу и въ углахъ губъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, кончивъ застегивать.

Онъ проводилъ ее до кареты, посадилъ и, взявъ за руку, горячо цѣлуя, прошепталъ:

— Простите меня, умоляю васъ.

Она ничего не отвѣтила, но только такъ сильно потянула его къ себѣ, что онъ, не задумываясь, вошелъ въ карету, захлопывая за собой дверцы.

Лошади понеслись.

Боровецкій чувствовалъ себя въ высшей степени возбужденнымъ всѣмъ этимъ происшествіемъ. Онъ еще не успѣлъ придти въ себя, да и не могъ совершенно думать: онъ зналъ только, что она сидитъ подлѣ него, забившись въ уголъ. Онъ слышалъ ея нервное, быстрое дыханіе, а по временамъ, при свѣтѣ уличныхъ фонарей, видѣлъ ея лицо и огромные глаза, всматривавшіеся въ пространство.

Онъ хотѣлъ овладѣть собой, хотѣлъ постучать кучеру, уже безсознательно искалъ ручку, чтобы открыть дверцы и прямо убѣжать, но уже не было ни силъ, ни воли.

— Вы прощаете меня за то, что произошло? — началъ онъ медленно и искалъ ея рукъ, которыя она спрятала подъ ротонду.

Она ничего не отвѣтила и плотно закуталась, какъ бы желая замкнуть въ себѣ, сдержать безумное желаніе броситься ему въ объятія...

— Вы прощаете меня? — повторилъ онъ тише, пододвигаясь къ ней.

Онъ весь дрожалъ, не могъ больше говорить и, не получая отвѣта, прошепталъ очень тихо:

— Люси! Люси!

Она вздрогнула, отпустила ротонду, которая сползала съ ея плечъ, и съ какимъ-то глубокимъ, пронзительнымъ крикомъ бросилась ему на грудь.

— Люблю тебя, люблю! — шептала она, страстно обнимая его.

Ихъ губы слились въ долгомъ, мучительно страстномъ поцѣлуѣ.

— Люблю тебя, люблю!—повторяла она съ наслажденіемъ это слово, цѣлуя его лицо съ захватывающею силой.

Она такъ давно уже жаждала поцѣлуевъ, ласкъ и любви,

и теперь, когда это осуществилось, она ни о чемъ не думала, обо всемъ забыла.

— Нѣтъ, не говори теперь ничего, не говори. Я хочу одна говорить. Хочу все повторять: люблю тебя! Я могу сказать это передъ всѣмъ свѣтомъ; мнѣ уже все равно. Я знаю, что тебя любятъ другія женщины, знаю, что у тебя есть невѣста, но что мнѣ до этого! Я люблю тебя! Люблю не затѣмъ, чтобы и ты меня любилъ, чтобы я ждала отъ этого счастья, не затѣмъ,—я люблю тебя, люблю, и больше ничего. У меня была потребность любить, какъ и у каждаго человѣка. Ты для меня все. Хочешь, я стану передъ тобой на колѣни и буду говорить тебѣ это такъ долго, такъ искренно, пока ты не повѣришь и самъ не полюбишь меня. Я не могу уже притворяться, не могу жить безъ тебя и безъ любви. Люблю тебя, мой единый, мой властелинъ!

Она говорила безпорядочно, торопливо, безсознательно. Она то закутывалась въ ротонду, то бросала ее, то отодвигалась отъ него, то безъ словъ, сіяющая, обнимала его, прижималась къ нему съ поцѣлуемъ.

Боровецкій, охваченный этой безумной вспышкой страсти, очарованный этой сильной и пламенной любовью, голосомъ, обжигавшимъ его огнемъ, и поцѣлуями, которые почти лишали его сознанія, безумствовалъ такъ-же, какъ она.

— Люблю тебя, Люси, люблю! — повторялъ онъ, самъ не сознавая, что говоритъ.

— Не говори ничего, только цѣлуй меня!

Ея голосъ то обрывался и вспыхивалъ бурей, то рыдалъ всею любовью востока, какъ будто пѣлъ всю пламенную пѣснь пѣсней.

— Я такъ мечтала объ этой минутѣ, столько мѣсяцевъ жаждала тебя, столько лѣтъ ждала этого, столько страдала изъ-за этого... А! Теперь я бы съ наслажденіемъ умерла,— вскрикнула она дико.

Карета медленно катилась по страшно грязнымъ и немощенымъ улицамъ, гдѣ не было даже фонарей, и только каретные фонарики раскидывали золотистые столбы свѣта на подвижную, жидкую и глубокую массу грязи, разбрызгивавшуюся даже на каретныя стекла.

Никто не проѣзжалъ и не проходилъ по этой улицѣ, огороженной съ обѣихъ сторонъ высокими заборами, изъ-за которыхъ торчали кучи бревенъ строевого дерева, уложенныхъ въ большіе четырехгранники, или виднѣлась труба какой-нибудь изъ фабрикъ, которыхъ въ этой части города было довольно много.

Большія собаки, оберегавшія фабричные склады, лаяли

и бросались на ворота, царапая когтями доски, отъ бѣшенства, что не могутъ пробраться на улицу.

Сидѣвшіе въ каретѣ ничего не видѣли, ничего не слышали, охваченные волною той внезапной и ослѣпительной любви, которая овладѣла ими.

— Люси!

— Поцѣлуй меня.

— Любишь?

— Поцѣлуй меня.

Только такія слова рвались изъ ихъ грудей, переполненныхъ горячешной страстью. Они не замѣтили даже, какъ карета остановилась.

Они подъѣхали къ отелю Цукера, стоявшему возлѣ городской рощи.

— Иди ко мнѣ,—шептала Люси, крѣпко сжимая его руку.

Инстинктивно, привычнымъ движеніемъ сунулъ онъ другую руку въ карманъ, въ которомъ былъ револьверъ.

— Августъ будетъ здѣсь ждать барина,—обратилась она сурово къ кучеру.

— Иди, никого нѣтъ; онъ,—подчеркнула она это слово,—уѣхалъ. Никого, кромѣ прислуги, нѣтъ дома.

Она выпустила его руку, потому что прислуга открывала дверь.

— Зажечь свѣтъ въ восточной гостиной. Сейчасъ подать чай.

Она бросилась ему на шею, какъ только лакей удалился, страстно поцѣловала и толкнула въ какой-то корридорчикъ, выстланный коврами и оклеенный красными обоями.

— Сейчасъ вернусь, люблю тебя!—сказала она и исчезла.

Боровецкій медленно снялъ пальто, переложилъ револьверъ въ карманъ сюртука и вошелъ въ слабо освѣщенную гостиную.

Бѣлый коверъ изъ бараньихъ шкуръ совершенно заглушалъ шаги.

— А вѣдь это совершенно романтическая авантюра! — прошепталъ онъ, опускаясь на какую-то персидскую кушетку безъ спинки, инкрустированную по красному дереву золотомъ и серебромъ.

— Любопытная женщина, любопытная сцена, — думалъ онъ, осматривая комнату.

Будуаръ былъ обставленъ съ такою роскошью, что даже въ Лодзи, переполненной великолѣпнѣйшими квартирами, онъ могъ вызвать крикъ изумленія.

Стѣны были обтянуты желтымъ, горячаго колорита шелкомъ, съ артистически вышитыми вѣтками краснолиловой сирени.

Во всю длину одной стѣны стояла большая и широкая софа, подъ желтымъ, съ зелеными полосами, балдахиномъ, драпированнымъ въ формѣ палатки и поддерживаемымъ золотыми алебардами. У верха палатки лампа изъ желтыхъ, рубиновыхъ и зеленыхъ стеколъ бросала удивительно одуряющій свѣтъ.

— Торгаши!—прошепталъ онъ съ какимъ-то почти завистливымъ презрѣніемъ, раздраженный этой роскошью, но, тѣмъ не менѣе, осматривалъ все съ любопытствомъ; странные, дорогіе предметы, въ восточно-японскомъ стилѣ, были безпорядочно нагромождены, сравнительно съ величиной комнаты, въ чрезмѣрномъ количествѣ. Кучи шелковыхъ подушекъ яркихъ китайскихъ цвѣтовъ были разбросаны на софѣ и бѣломъ коврѣ и выдѣлялись рѣзкими пятнами, точно разлитыя краски.

Запахъ амбры и violettes de Perse, смѣшанный съ розами, носился по комнатѣ.

На другой изъ стѣнъ сверкала масса восточнаго оружія, очень дорогого, сгруппированнаго вокругъ стального, круглаго сарацинскаго щита, украшеннаго золотомъ и такъ отполированнаго, что въ этомъ полусвѣтѣ комнаты онъ искрился, сверкалъ золотыми украшеніями и рядами рубиновъ и блѣдныхъ аметистовъ, которыми былъ отдѣланъ по краямъ.

Въ одномъ углу, на фонѣ громаднаго вѣера изъ павлиньихъ перьевъ, стояла вызолоченная статуэтка молящагося Будды съ подвернутыми ногами. Въ другомъ—большая японская бронзовая жардиньерка, поддерживаемая золотыми драконами, полная цвѣтущихъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, азалій.

— Милліонерская толкучка,—думалъ Боровецкій, обладавшій замѣчательнымъ художественнымъ вкусомъ и чувствомъ красоты, развитыми еще до степени совершенства спеціальнымъ изученіемъ гармоніи красокъ.

— Барыня просятъ васъ,—прошепталъ, поклонившись, старый, бритый лакей, приподнимая тяжелую портьеру изъ желтаго бархата, покрытую крашеными хризантемами.

— А-а, Осипъ, здѣсь служишь?—спросилъ Боровецкій; онъ зналъ его по другому дому.

— Я пустилъ съ аукціона тѣхъ жидовъ,—прошепталъ онъ тихо, кланяясь ему.

Карлъ только улыбнулся и пошелъ въ столовую.

Люси еще не было.

Онъ услышалъ лишь заглушенный стѣнами какой-то крикливый голосъ изъ дальнихъ комнатъ.

— Въ чемъ дѣло?—невольно спросилъ Боровецкій, вслушиваясь.

— Барыня разговариваютъ съ горничной,—объяснилъ

Осипъ, но съ такимъ холодно-презрительнымъ выраженіемъ лица, что Боровецкій обратилъ на это вниманіе и больше ни о чемъ уже не спрашивалъ.

Лакей вышелъ, а онъ окинулъ взглядомъ столовую; она была меблирована съ банальной лодзинской роскошью: дубовыя панели до половины стѣнъ, буфеты въ Бретонскомъ стилѣ, изъ темнаго орѣха, съ массой серебра и фарфора на полкахъ, старо - нѣмецкія дубовыя, великолѣпныя рѣзныя ножки громаднаго стола, освѣщеннаго люстрой, въ видѣ букета тюльпановъ, въ которомъ горѣло электричество.

Одна часть стола была накрыта для чаю.

Боровецкій сѣлъ, потому что ожиданіе начинало раздражать его, и увидѣлъ на полу, возлѣ стола, какую-то бумагу; онъ поднялъ ее, чтобы положить на столъ, и почти машинально бросилъ на нее взглядъ.

Это была телеграмма, написанная шифромъ фирмы Бухгольца, который употреблялся въ наиболѣе важныхъ случаяхъ.

Боровецкій зналъ этотъ шифръ и чрезвычайно удивился.

— Какъ здѣсь эта телеграмма?

Онъ повернулъ бланкъ, адресъ былъ „Бухгольцъ—Лодзь". Онъ больше уже не стѣснялся и прочелъ:

„Сегодня состоялось рѣшеніе совѣта. Пошлина на американскую хлопчатую бумагу, транспортируемую на Гамбургъ и Тріестъ, повышена до 25 копѣекъ золотомъ съ пуда. Въ дѣйствіе войдетъ черезъ двѣ недѣли. Желѣзнодорожные тарифы за провозъ хлопчатой бумаги отъ западной границы— до 20 копѣекъ съ пуда и версты. Дѣйствовать начнетъ черезъ мѣсяцъ. Черезъ недѣлю будетъ объявлено".

Боровецкій спряталъ телеграмму въ карманъ и вскочилъ со стула, крайне взволнованный.

— Ужасное извѣстіе! Полъ-Лодзи провалится,—шепталъ онъ; теперь ему было понятно, что именно объ этомъ извѣстіи умолчалъ Кнолль, боясь довѣриться ему.—Онъ поѣхалъ въ Гамбургъ покупать запасы хлопчатой бумаги. Закупитъ все, что успѣетъ, и захватитъ въ свои руки всѣхъ мелкихъ фабрикантовъ. Какая афера, какая афера! Теперь бы имѣть деньги!.. А-а!—думалъ онъ, и все закипѣло въ немъ безумнымъ нетерпѣніемъ и неудержимой страстью создать капиталъ благодаря этому случайному извѣстію. — Денегъ! Денегъ!—восклицалъ онъ мысленно, вскакивая со стула.

Его глаза лихорадочно горѣли, все дрожало въ немъ... Первымъ движеніемъ его было—бѣжать отсюда, въ городъ, разыскать Морица и переговорить, и онъ, можетъ быть, поддался бы этому порыву, но въ столовую вошла или, вѣрнѣе, ворвалась Люси и бросилась ему прямо на шею.

Чтеніе шведскихъ и норвежскихъ писателей въ деревнѣ и въ городѣ.

Вѣрность. Разсказъ Бьернстьерне-Бьернсона. (Собраніе сочиненій Бьернстьерне-Бьернсона, т. II, 412—419 стр., 7 стр.).—*Чистый флагъ.* (Переводъ съ норвежскаго). «Родникъ» № 1, 1892 г., 103—109 стр., 7 стр.).—*Загадка жизни.* Разсказъ Бьернстьерне-Бьернсона. (Собраніе сочиненій Бьернстьерне-Бьернсона, т. II, стр. 420—441 стр., 21 стр.).

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я была въ деревнѣ и разсталась со своею деревенскою аудиторіей. Правда, я не прерывала съ нею окончательно нѣкоторой нравственной связи: писала изрѣдка письма; посылала книги; слышала послѣ моей тяжкой болѣзни, заставившей меня ѣхать на воды за границу, какъ мои деревенскіе слушатели дѣлали складчину изъ своихъ скудныхъ заработковъ и служили молебенъ о моемъ выздоровленіи; но всетаки, войдя четыре года спустя въ знакомую хату, я чувствовала нѣкоторое волненіе при мысли, зайдутъ-ли ко мнѣ мои деревенскіе слушатели попрежнему, послѣ обѣдни, и не будутъ-ли чувствовать себя чужими, благодаря продолжительной разлукѣ. Эта душевная тревога осложнялась чувствомъ невыразимой грусти при извѣстіи о смерти трехъ членовъ нашей „хатней семьи". Умеръ Демьянъ, этотъ самородный философъ, глубоко задумывавшійся надъ вопросами жизни, взгляды и мнѣнія котораго были для меня особенно дороги; умерла тихая Александра, носившая на себѣ отпечатокъ како-то неземной кротости, доброты и мягкости. У обоихъ этихъ людей была одна общая черта—необычайная любовь и привязанность къ дѣтямъ. Демьяна подкосила окончательно смерть старшей дочери, а Александра, выдавши свою любимицу далеко замужъ, таяла, таяла и умерла въ грусти по ней. Такова была, по крайней мѣрѣ, народная молва. Савелій Чалый давно жаловался на грудь, давно не давалъ себѣ отдыха въ усиленной работѣ на большую семью, и смерть его являлась болѣе ожиданной. Но всетаки мнѣ было жаль до слезъ всѣхъ трехъ и казалось, что я утратила нѣчто

особенно цѣнное, незамѣнимое и что въ нашей хатѣ не будетъ больше ни прежняго оживленія, ни прежней радости.

Подходя къ ней, я завидѣла издали четырехъ бабъ. Между ними была старостиха, и это явилось моею первою радостью. Мы вошли въ хату. Передъ изображеніемъ плащаницы въ углу теплилась уже лампадка; баба Параска хлопотала у самовара; на столѣ стояло блюдечко съ просвирой, раздѣленной на мелкія частицы; дѣдъ Бруско, одѣтый по праздничному и сильно припомаженный деревяннымъ масломъ, сидѣлъ у печки и улыбался. Бѣдный дѣдъ Бруско! Онъ оглохъ въ эти послѣдніе годы, и мы не услышимъ больше его остротъ по поводу прочитаннаго. Въ улыбкѣ его попрежнему много ироніи, и онъ точно смѣется самъ надъ трагизмомъ своего положенія; но, кромѣ ироніи, его прекрасное, умное лицо озарено необычайной добротой, и всѣ животныя—собаки, кошки, птицы—попрежнему ютятся около него и состоятъ подъ его покровительствомъ. Да, глухота дѣда Бруска является для меня огорчительнымъ фактомъ, тѣмъ не менѣе въ хатѣ свѣтло и весело. Лучи яркаго солнца врываются въ окна сквозь густой вишнякъ и падаютъ и на лики иконъ, и на лубочныя картины, и на кусочки аляповатыхъ обоевъ, приклеенныхъ для украшенія къ стѣнѣ, и на морщинистое, желтое, иконописное лицо бабы Параски. Въ хату мало-по-малу прибываетъ народъ. Появляется величественная фигура бывшаго старшины Тимоѳея Безинскаго; входитъ старикъ Емченко, прибывшій изъ Троицкаго; за нимъ идетъ его высокая черноглазая жена; за нею тихо и скромно, крестясь на иконы, входитъ баба Марья. Я не разсчитывала видѣть ее: о ней мнѣ говорили съ сожалѣніемъ, что она на старости лѣтъ, выходивъ дѣтей и внуковъ, нанялась въ няни на сосѣдній рудникъ къ инженеру, и я очень удивлена и обрадована свиданіемъ съ нею. Я иду къ ней навстрѣчу въ сѣни и спрашиваю, что вынудило ее уйти изъ семьи, а она отвѣчаетъ мнѣ съ кроткой улыбкой: „подати“ и добавляетъ, что вся семья такъ грустила по ней, особенно внучата, что весною она совсѣмъ было рѣшила отойти, но инженеръ и его жена такіе хорошіе, добрые люди, такъ просили ее остаться до осени высмотрѣть ребенка, что у нея не хватило духу покинуть ихъ. Баба Марья очень подалась или, какъ говорятъ у насъ въ Малороссіи, „пидтопталась“ за послѣдніе годы: лицо ея сморщилось; во рту остался одинъ зубъ, и только добрые каріе глаза не тронуло время и работа въ наймахъ. Ей удалось выпроситься у господъ къ обѣднѣ и на чтеніе, и она, очевидно, была чрезвычайно счастлива этимъ. За нею вошелъ Скоморохъ и, чинно перекрестившись, усѣлся на свое обычное мѣсто; за то мѣсто рядомъ оставалось теперь пустымъ: на немъ сидѣлъ обыкновенно другъ его Савелій Чалый. Пришла Акулина за 7 верстъ; вошелъ на костыляхъ Николай Безинскій. Я слышала уже, что

онъ охромѣлъ, и думала встрѣтить жалобы, сѣтованія и ропотъ, но ничего этого не было. Отозвавшись критически о невниманіи докторовъ къ сѣрымъ людямъ и о больницѣ, въ которой пришлось лежать ему, онъ перешелъ къ другимъ темамъ съ прежней веселостью и остроуміемъ. Рѣчь коснулась словъ Государя по поводу необходимости обученія грамотѣ женщинъ въ народѣ, и я съ гордостью доложила, что въ нашей деревенской школѣ учатся теперь 18 дѣвочекъ, а Николай Безинскій разсказалъ, какъ онъ былъ земскимъ гласнымъ и какъ нашъ бывшій земскій начальникъ К., состоявшій тогда тоже въ числѣ гласныхъ, сказалъ рѣчь о томъ, что дѣвочекъ не слѣдуетъ учить грамотѣ, что это одно только баловство; и какъ онъ, Николай Безинскій, былъ возмущенъ этимъ и тоже говорилъ рѣчь, и какъ поддержали его крестьяне нашей волости.—*„От як бы ёму почитати теперь ту газету!“* замѣтилъ Скоморохъ.—*„Та він мабуть читав“*, сказалъ, улыбаясь, Безинскій. Въ это время въ дверяхъ появился сапожникъ Кирилло. Онъ имѣлъ весьма сконфуженный видъ. Четыре года назадъ, придя со мною проститься, онъ былъ пьянъ. Это былъ первый изъ моихъ слушателей, который позволилъ себѣ явиться мнѣ на глаза въ такомъ видѣ, хотя иные изъ нихъ и не прочь выпить, какъ говорили мнѣ стороною. Я не стала тогда разговаривать съ нимъ, но по пріѣздѣ въ городъ написала письмо, и вотъ, очевидно, впечатлѣнія отъ этого письма не изгладились еще за четыре года. Пришлось сказать ему нѣсколько ободряющихъ словъ и просить садиться. За нимъ, точно лиса изъ-за кустовъ, появилась Марусина свекровь со своею дѣланной, притворной улыбочкой и съ видомъ смиренія, котораго въ сущности нѣтъ въ ней, и еще нѣсколько чужихъ бабъ, которымъ, очевидно, доставляетъ удовольствіе присутствовать здѣсь въ хатѣ, хотя я сильно сомнѣваюсь, выносятъ-ли онѣ что-либо изъ чтенія, глядя на ихъ туповатыя лица и нерушимое молчаніе. Затѣмъ вошелъ старикъ Григорій, сморщенный и съежившійся, какъ грибъ. О немъ мнѣ говорили, что онъ отдѣлился отъ сыновей, живетъ въ одиночку, бобылемъ и пьетъ; но на этотъ разъ онъ былъ въ совершенно приличномъ видѣ, принаряженный въ свою толстую сѣрую праздничную свиту, и скромно помѣстился на лавкѣ.

Разговоры во время чаепитія шли самые оживленные, точно будто не было этихъ четырехъ лѣтъ разлуки, и всѣ мы чувствовали себя необыкновенно бодро и весело. Когда послѣдняя чашка была опрокинута донушкомъ вверхъ, на которомъ лежалъ крошечный обгрызочекъ сахару, крестьяне встали помолиться.

Затѣмъ я открыла толстый томикъ повѣстей и разсказовъ Бьернстерне-Бьернсона, и мы приступили къ чтенію. Въ послѣдніе годы я перечитала, кажется, все, что появлялось въ переводѣ изъ шведскихъ и норвежскихъ писателей, и, такъ какъ они про-

изводили на меня глубокое впечатлѣніе, рѣшила подѣлиться этими впечатлѣніями съ моими деревенскими друзьями. Для перваго раза я остановилась на двухъ коротенькихъ разсказахъ—„Вѣрность“ и „Чистый флагъ“. Мнѣ было какъ-то боязно повергать на ихъ судъ для перваго раза какое-либо длинное и сложное произведеніе и потерпѣть фіаско. Но разсчетъ мой оказался невѣрнымъ. И когда я окончила чтеніе намѣченныхъ коротенькихъ разсказовъ, я вдругъ почувствовала полное неудовлетвореніе со стороны моей серьезной аудиторіи: всѣ точно ждали чего-то, и я волею-неволею прочла еще одинъ попавшійся подъ руку разсказъ „Загадка жизни“, и дала себѣ слово въ слѣдующій разъ приступить къ чтенію длинной и сложной драмы. Между тѣмъ, произведенія, прочитанныя мною, были чрезвычайно милы и отмѣчены талантомъ.

Было время, когда ни одинъ разсказъ не могъ обойтись безъ пышныхъ фразъ и эффектовъ; но реализмъ, простота и безыскусственность мало-по-малу завоевали себѣ *права*. Въ маленькомъ разсказѣ „Вѣрность“ нѣтъ ни выдающихся громкими подвигами людей, ни патетическихъ сценъ, ни безнадежной любви, ни самоубійствъ, ничего такого, что бьетъ по нервамъ читателя. Крестьянская семья, описанная въ разсказѣ, совсѣмъ заурядная семья, съ самыми заурядными будничными интересами, но отъ нея вѣетъ теплотою родственныхъ узъ, и вы съ интересомъ слѣдите и за тѣмъ, какъ работаетъ она, и за простыми, честными, безхитростными отношеніями ея членовъ, и за тѣмъ, какъ сходятъ съ жизненной сцены старики, чтобы дать мѣсто молодымъ. Даже дѣвушка, ухаживающая 16 лѣтъ сряду за больной матерью жениха, находящаго, что она нужна матери, а потому нечего думать о бракѣ и новой семьѣ, совсѣмъ не поражаетъ васъ своимъ подвигомъ вѣрности,— такимъ естественнымъ кажется онъ въ общемъ ходѣ вещей.

Но не всегда то, что кажется естественнымъ въ книгѣ интеллигентному человѣку, производитъ такое же впечатлѣніе на непосредственнаго читателя изъ народа. Правда, слушатели мои отдали должную дань и дружной симпатичной семьѣ, и скромной героинѣ, совершившей втихомолку подвигъ вѣрности.—„*Та хоч бы вже невістка була, а то тілько заручена*“ (Да хоть бы была уже невѣсткой, а то только засватана), говорили умиленно женщины относительно той нѣжности, съ которою дѣвушка ухаживала за больною. Но въ итогѣ всетаки явилось сомнѣніе и единодушный отзывъ: „*ні, у нас цёго ніколи не бува*“! Я чувствовала себя нѣсколько сконфуженной и начала разсказывать о томъ, какъ у нѣмцевъ по-долго бываютъ женихомъ и невѣстой. Аудиторія моя слушала меня съ видимымъ интересомъ и вниманіемъ; кто-то замѣтилъ даже: „*може воно краще, прочнійши*“ (можетъ быть оно и лучше, прочнѣе). Но всетаки вокругъ чувствовалось нѣкоторое недовѣріе къ совершившемуся факту, и не разъ по-

вторялось еще: *„у нас цёго ніколи не бува“* (у насъ этого никогда не бываетъ). Вотъ почему вопросъ, рекомендовать ли этотъ разсказъ для чтенія народу, остался для меня открытымъ.

Несравненно большее впечатлѣніе произвелъ „Чистый флагъ“. Разсказъ этотъ рисуетъ предъ вами такую картину: 17 мая, день годовщины конституціи въ Норвегіи, совпалъ съ Троицынымъ днемъ, и норвежцы весело празднуютъ эти два торжества. Въ одномъ изъ этажей большого дома кружокъ студентовъ оживленно подымаетъ бокалы и швыряетъ на улицу лакомства дѣтямъ, идущимъ съ флагами. Въ рукахъ хозяина-студента такой же флагъ, и онъ громко кричитъ съ балкона на улицу: „дѣти! ура сегодняшнему дню!“ А рядомъ съ богатымъ домомъ ютится бѣдный домъ, и въ самой бѣдной комнатѣ этого дома сидитъ печально мать надъ умирающимъ ребенкомъ. Слыша шумъ на улицѣ, мальчикъ проситъ придвинуть его къ окну; ему также хочется идти за ними, за этими веселыми дѣтьми, и онъ слезно проситъ у матери дать ему такой же флагъ. Видя его слезы, мать рѣшается подняться по лѣстницѣ богатаго дома и выпросить у веселаго студента флагъ. Пирующая компанія удивлена появленіемъ незнакомой женщины, и ей приходится разсказать въ короткихъ словахъ и о цѣли своего посѣщенія, и о томъ, что она была женою такого же безпечнаго студента, умершаго отъ кутежей и товарищескихъ пирушекъ. Сердце хозяина охватываетъ состраданіе и участіе; онъ не только несетъ самъ свой флагъ ребенку, но предлагаетъ сдѣлать складчину, и шляпа его быстро наполняется монетами. Ребенокъ счастливъ полученнымъ флагомъ и тихо умираетъ съ улыбкой на губахъ. Студентъ возвращается къ веселой компаніи грустный и задумчивый и торжественно произноситъ обѣтъ, что этотъ бокалъ будетъ послѣднимъ въ его жизни и что никогда жена его не будетъ въ положеніи женщины, которую только что видѣлъ онъ надъ умирающимъ ребенкомъ. Тотъ, кто предположилъ бы въ этомъ концѣ нежеланную тенденціозность и сухое нравоученіе, жестоко ошибся бы въ этомъ. Все въ разсказѣ такъ натурально, живо, естественно, что о дѣланности и нравоученіи не можетъ быть и рѣчи, и хотя обстановка разсказа не изъ народной среды и не изъ русской жизни, онъ глубоко трогаетъ душу читателя изъ народа.

По окончаніи чтенія среди слушателей возбужденъ былъ вопросъ, что собственно помогло произойти перевороту въ душѣ студента? Указывали и на смерть ребенка, и на неожиданное появленіе бѣдной женщины, и на то, что она тоже была женой такого же студента. *„Усв до купи“* (Все вмѣстѣ), подвелъ кто-то итогъ.

Разсказъ „Загадка жизни“ былъ выслушанъ молча и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Очевидно, слушатели напрягали всѣ свои силы, чтобы разгадать ее. Содержаніе разсказа таково. Во

время кораблекрушенія отважный морякъ спасаетъ молодую женщину, которая становится его женой. Они могли бы быть вполнѣ счастливы, но у жены есть тайна на душѣ, которою она не въ силахъ подѣлиться съ мужемъ. Однажды онъ настоятельно требуетъ отъ нея разъясненія этой тайны, и тяжелая сцена кончается тѣмъ, что женщина бросается въ море. Образъ ея преслѣдуетъ мужа и онъ умираетъ съ мыслью о ней.

Разсказъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, и передъ вами невольно встаетъ вопросъ, имѣетъ-ли право одинъ человѣкъ настолько врываться въ душу другого; но встанетъ-ли этотъ вопросъ передъ читателемъ изъ народа и захватитъ-ли его душу этотъ печальный разсказъ, трудно рѣшить заблаговременно. Глядя на суровыя и сосредоточенныя лица моихъ слушателей, пришлось рѣшить его, однако, въ положительномъ смыслѣ. Особенно серьезно и задумчиво было лицо Тимоѳея Безинскаго; ему какъ-будто хотѣлось признаться въ чемъ-то, но онъ колебался; наконецъ, разгладивъ рукою свою широкую и длинную бороду и устремивъ взглядъ куда-то вдаль, онъ разсказалъ намъ исторію, отъ которой у меня захолонуло сердце. Это случилось 6—7 лѣтъ тому назадъ. Дочери его было тогда 11—12 лѣтъ. Она была цвѣтущая, красивая, сильная дѣвочка, любимица отца; и вотъ онъ послалъ ее однажды въ лѣсъ собирать дрова. Подходитъ вечеръ—дѣвочки нѣтъ. Ѣдетъ онъ за нею и находитъ ее безъ чувствъ на опушкѣ лѣса. Когда ее привели въ чувство, дѣвочка ничего не могла разсказать толкомъ.

— *Якись чужой дядько довго, довго гнався за мною, а я швидко, швидко утікала від йёго* (Какой-то чужой человѣкъ долго, долго гнался за мною, а я скоро, скоро убѣгала отъ него), говорила она съ ужасомъ, снова впадая въ забытье. Съ тѣхъ поръ дѣвочка стала хирѣть и таять, какъ свѣча; теперь ей 20-й годъ, но она не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Возили ее въ Луганскъ къ доктору, говоритъ: „сердце“...—*Загублена! Чого-ж йіи питати, і ми з жінкою ніколи ни питаемо — Бог з нею!* (Загублена! Чего-жъ ее разспрашивать, и мы съ женою никогда не разспрашиваемъ—Богъ съ нею!)—закончилъ свою рѣчь Безинскій, скорбно поникнувъ головою. Онъ не провелъ параллели между своимъ разсказомъ и „Загадкой жизни“, но параллель была такъ ясна, и иностранецъ-шкиперъ, неожиданная встрѣча съ которымъ привела въ ужасъ и трепетъ молодую женщину въ разсказѣ, не былъ-ли, „якийс чужий дядько“, который долго, долго гнался въ лѣсу за дѣвочкой. Отвѣтилъ мнѣ Безинскій и на вопросъ, слѣдуетъ-ли назойливо заглядывать въ чужую душу, своимъ печальнымъ заключеніемъ.

Свекровь выдвинула вопросъ, не была-ли маленькая Агнесса дочерью героини разсказа Аасты,—недаромъ она такъ любила

ее. — Мабуть, то йіи дочка була, — повторила она, покачивая головой.

Баба Параска задалась вопросомъ, лучше или хуже было бы, если бъ Аста открыла свою тайну мужу.

Въ концѣ разсказа говорится о нелѣпыхъ слухахъ, ходившихъ о морякѣ передъ его смертью, о дьяволѣ, окруженномъ пламенемъ и прилетавшемъ къ нему и т. д. Меня нѣсколько покоробила эта страница: чтó, какъ повѣрятъ ей?!. Но Емченко замѣтилъ иронически: „*брехня*!“ и многіе поддержали его въ этомъ направленіи и стали говорить о томъ, чего только нѐ выдумаютъ бабы въ подобномъ случаѣ.

Разсказъ „Загадка жизни“, кромѣ своей художественности, заставляетъ глубоко задуматься надъ людскими отношеніями, а потому его нельзя не рекомендовать для развитыхъ читателей изъ народа. Я говорю „развитыхъ“, такъ какъ самая форма разсказа не вполнѣ проста, и мнѣ казалось, что для нѣкоторыхъ изъ моихъ слушателей онъ всетаки остался загадкой,—недаромъ они такъ упорно молчали.

Я остановилась на драмѣ Ибсена „Нора“ (Б. Бьернсонъ, А. Гарборгъ, Г. Ибсенъ, А. Килландъ. Сборникъ произведеній скандинавскихъ писателей. Вып. I. Норвежскіе писатели. Переводъ съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Кіевъ, 1891).

Драма эта далека отъ народной жизни; но почему же народу не слѣдуетъ вглядываться въ другіе слои общества, почему не анализировать, не сравнивать, не проводить параллели, не задумываться надъ тѣмъ, какова не только внѣшняя, болѣе доступная для изученія, но и внутренняя жизнь высшихъ слоевъ общества. И самъ народъ совсѣмъ не чуждъ этого. Если мы находимъ большое нравственное удовлетвореніе въ томъ, чтобы приблизиться къ нему и заглянуть въ его душу, то онъ, въ свою очередь, положительно идетъ намъ навстрѣчу. Существуетъ даже весьма распространенное мнѣніе, будто крестьяне не интересуются описаніемъ своей деревенской, знакомой имъ жизни, а предпочитаютъ книги о лордахъ и маркграфиняхъ. Я не могу согласиться съ этимъ, но доля правды тутъ есть, и это взаимное изученіе можетъ повести только къ большему пониманію другъ друга, къ болѣе правильному выясненію взаимныхъ отношеній.

Нора, прелестная Нора, милая и добрая по природѣ, беззавѣтно любитъ мужа своего Гельмера и трехъ прелестныхъ дѣтей; но и этотъ мужъ, и покойный отецъ смотрятъ на Нору, какъ на дорогую для нихъ игрушку, какъ на куклу. Нора и сама не привыкла задумываться надъ жизнью, она беззаботно лепечетъ и поетъ по цѣлымъ днямъ, но и у нея есть своя затаенная тревога. Въ то время, какъ они были бѣдны, и Гельмеръ получалъ

маленькое жалованье, онъ опасно заболѣлъ и надо было, во что бы то ни стало, ѣхать за границу по предписанію докторовъ. Въ эту критическую минуту Нора рѣшилась сказать мужу, будто взяла деньги у отца, а сама заняла ихъ у человѣка сомнительной нравственности Крокштада, и по невѣдѣнію подписала на векселѣ не только свое имя, но поддѣлала также подпись отца, котораго она не хотѣла тревожить на смертномъ одрѣ. И вотъ, когда, наконецъ, послѣ ряда нравственныхъ терзаній Норы, все это обнаружилось, она ясно сознала свое положеніе куклы и ждала, какъ чуда, поддержки отъ человѣка, котораго беззавѣтно любила. Но человѣкъ этотъ оказался трусомъ и обрушился въ критическую минуту всей тяжестью обвиненій на бѣдную, ни въ чемъ неповинную Нору. Она разомъ поняла это и ушла отъ него.

Когда мы приступили къ чтенію, аудиторія моя была чрезвычайно оживлена; ее занимало рѣшительно все: и то, что здѣсь *„якісь чудні имьяна—не наші“* (какія-то чудныя имена—не наши), и то, что подруга дѣтства Норы Кристина *„здругого симейства“*, и то, что *„гроши звуться у йіх кронами“* (деньги называются у нихъ кронами), и то, *„як гарно вони проміж собою живуть—одно одним утішаеться“* (какъ согласно они между собою живутъ—одинъ другому радуются), однимъ словомъ—все, все. Но по мѣрѣ развитія драмы я все больше и больше чувствовала, какъ энергія моихъ слушателей слабѣетъ, и съ ужасомъ замѣчала скучныя длинноты, которыя ускользали отъ меня при одиночномъ чтеніи. Чувствовался первый приступъ скуки, и слышались только отдѣльныя незначущія замѣчанія.—*„А хіба у нас нема не хозяек?“* говорила старостиха.—*„То він на нейі стілько думок нагнав“*, замѣчала свекровь при разговорѣ Норы съ кредиторомъ ея Крокштадомъ.—*„Скільки-ж то рублів 4000 крон?“* спрашивалъ еще кто-то. Но, насколько выясняются предъ ними характеры дѣйствующихъ лицъ, невозможно было судить. Наконецъ, настали и полнѣйшія недоразумѣнія: старостиха неожиданно заподозрила, что Нора находится въ связи съ докторомъ Ранкомъ, другомъ дома, и, ставши на эту фальшивую точку зрѣнія, ни за что не хотѣла сдвинуться съ нея. Другіе, быть можетъ, не думали этого, но тѣмъ не менѣе обвиняли Нору и во лжи, и въ лицемѣріи, и въ непокорности мужу.—*„Це вона так плеще, що йего нема“*, говорила презрительно старостиха, въ то время какъ Нора весело болтала съ Кристиной.—„Ось побачите—вона и то розлепече!“ (Вотъ увидите, она и то разболтаетъ!)—поддерживала ее иронически свекровь. „Что задумалась моя пташечка—чистыя ли у нея перышки?“ спрашиваетъ шутя Гельмеръ Нору.—*„Мабуть, замазані!“*—смѣются недоброжелательно иные изъ слушателей.

— *„Довгенька казочка!“* (Длинноватая сказочка!)—замѣчаетъ кто-то, зѣвая.

— *„Довгенька та понятлива!“*—говоритъ лицемѣрно свекровь,

которой хочется всѣхъ увѣрить всегда, что она все понимаетъ.

Даже грусть и раздумье Норы не трогаютъ безсердечныхъ на этотъ разъ женщинъ.

— *„Яка весéла була, а теперь зажурилась!“*—говоритъ насмѣшливо старостиха послѣ смерти доктора Ранка, который любилъ Нору и лишилъ себя жизни.

— *„Ще чоловік добрий!“*—поддерживаетъ ее кто-то изъ бабъ.

Даже мысли Норы о смерти вызываютъ шуточное замѣчаніе: *„бачь, куди воно пішло!“*

Рѣшимость Норы уйти изъ семьи и заняться самообразованіемъ вызываетъ новыя шуточки: *„розвінчалась!“ „Від рідних дітей одказалась!“* (Оставила на произволъ судьбы своихъ родныхъ дѣтей).

Дѣло доходитъ до того, что баба Параска говоритъ беззастѣнчиво: *„як би я йіи чоловіком була, я-б иіи била!“* (если бъ я ея мужемъ была, я бы ее била!)—а старостиха доказываетъ, что дѣтей своихъ Нора прижила не съ мужемъ, а съ докторомъ Ранкомъ.

Мужики помалкиваютъ. Они всегда держатъ себя сдержаннѣе и молчаливѣе, чѣмъ бабы. Одинъ только Иванъ Позняковъ воочію живетъ съ драмой и безпрестанно дѣлаетъ замѣчанія и вставки; но замѣчанія эти не идутъ къ дѣлу, и я мысленно рѣшаю, что Позняковъ, какъ и другіе, не понимаетъ сути произведенія. Мнѣ нравится только, что при каждомъ неудачномъ замѣчаніи онъ добавляетъ поспѣшно: *„а впрочем подóждем, що ще далі будетъ“*. Иванъ Позняковъ по обыкновенію силится говорить по-русски, и это ему отчасти удается. Онъ попрежнему статенъ, красивъ, занятъ своей наружностью, и, глядя на его правильныя черты лица и черныя, какъ смоль, кудри, я вспоминала разсказъ его о томъ, какъ господа въ старину присылали за нимъ въ хату каждый разъ, при появленіи гостей, какъ мать умывала его, ребенка, и надѣвала чистую сорочку и какъ господа любовались его наружностью. Впечатлѣнія эти отражаются до сихъ поръ на красивомъ, самодовольномъ лицѣ Ивана Познякова, и онъ ни за что не хочетъ снять своей темносиней щеголеватой чинарки, не смотря на то, что всѣ мужики поснимали, и жара на дворѣ стоитъ страшная. Все это не мѣшаетъ, однако, Ивану Познякову быть умнымъ человѣкомъ, и его выразительные черные глаза блестятъ желаніемъ понять и опредѣлить характеры и дѣйствія героевъ драмы. Замѣчанія его становятся все осмысленнѣе, хотя онъ и добавляетъ каждый разъ: „а, впрочемъ, подождемъ, що ще далі будетъ“. Онъ останавливаетъ даже другихъ, прося не торопиться съ подведеніемъ итоговъ, и говоритъ задумчиво: „да, вона весь вѣкъ, какъ кукла прожила!“ Къ концу драмы образъ Норы и Гельмера и ихъ взаимныя отношенія вполнѣ выясняются пе-

редъ Иваномъ Позняковымъ, и онъ становится ярымъ защитникомъ Норы противъ всѣхъ остальныхъ. Онъ обвиняетъ Гельмера въ томъ, что Нора всю жизнь была для него игрушкой, что онъ долженъ былъ оцѣнить жертву, которую она принесла для него; говоритъ, что, проживя 8 лѣтъ вмѣстѣ, они не знали, какъ слѣдуетъ, другъ друга, что такая женщина, какъ Нора, не могла перенести того недовѣрія, какое высказалъ ей Гельмеръ, когда открылась исторія съ векселемъ, и продолжать послѣ этого быть женою и матерью.

Бабы отчаянно нападаютъ на него, говорятъ, что онъ хочетъ быть умнѣе всѣхъ и воображаетъ, что только онъ одинъ понялъ чтеніе, но Иванъ Позняковъ, принявъ величественную позу, стоитъ на своемъ и хотя и говоритъ, снисходительно улыбаясь: „пусть я одинъ виноватъ остаюсь", тѣмъ не менѣе кое-кого изъ слушателей начинаютъ разбирать, очевидно, сомнѣнія.

— *Як би ми грамотні були,* — говоритъ старостиха, понижая тонъ, — *положили-б поперед себе ті статьі, що судять, і разсудили-б як і що.*

— *Як игрушкою грався...* — отзывается задумчиво Кирилло.

Одна изъ бабъ, которая сама уходила изъ дому, не поладивши съ мужемъ, за что и получила прозвище „*бігуля*", наклоняется къ самому моему уху и говоритъ шопотомъ: „я йіи не віню". Очевидно, она не рѣшается произнести это громко.

Сомнѣніе охватило всѣхъ, и аудиторія настойчиво требуетъ моего мнѣнія. Я избѣгаю обыкновенно высказываться, но тутъ это становится невозможнымъ, и я произношу защитительную рѣчь Норѣ. На лицѣ Ивана Познякова написано торжество, остальные сконфуженно притихаютъ; но мнѣ жаль ихъ, мнѣ досадно, что я выбрала для чтенія эту сложную, длинную, скучную драму съ тонкой психологической подкладкой, въ которой не могли разобраться они. Вѣдь Позняковыхъ немного въ деревнѣ, и они являются исключеніями. Правда, въ этотъ разъ не было двухъ Безинскихъ и Емченка, но, почемъ знать, очень можетъ быть, что эти умные люди, въ силу старинныхъ традицій, также стали бы на сторону Гельмера и назвали Нору „бігулей".

Возвращаясь изъ хаты, я съ горечью сознаю фіаско, которое потерпѣла съ драмой Ибсена. Я вспоминала при этомъ то неотразимое впечатлѣніе, которое производили на моихъ слушателей комедіи и драмы Островскаго, какъ все въ нихъ было просто, понятно и близко; но мнѣ не хотѣлось всетаки такъ скоро сдаться, и въ слѣдующее воскресенье я рѣшила позволить себѣ произвести еще одинъ, быть можетъ, послѣдній опытъ.

Съ этою цѣлью я принялась за перечитку и подготовку одной изъ любимыхъ мною драмъ Ибсена „Врагъ народа". (Докторъ Штокманъ). (Полное собраніе драматическихъ произве-

деній норвежскаго поэта-драматурга Генрика Ибсена, въ переводахъ подъ редакціей А. А. Алексѣева. Переводъ Н. Мировичъ. Москва, 1891).

Идея этой драмы казалась мнѣ такъ прекрасна и проста: человѣкъ, горячо стоящій за правду, не смотря на всѣ матеріальныя выгоды, которыя могли бы дать ему компромиссы, человѣкъ, горячо преданный своей родинѣ, котораго злоба, клевета и корыстолюбіе дѣлаютъ въ глазахъ гражданъ врагомъ народа. Почему не показать этой величественной и драматичной фигуры моимъ деревенскимъ слушателямъ, почему не познакомить ихъ лишній разъ съ поборникомъ правды. И я горячо принялась за перечитку этой драмы, съ карандашомъ въ рукахъ и съ цѣлью сдѣлать нѣсколько незначительныхъ купюръ, если это понадобится. Вначалѣ купюры эти дѣйствительно были незначительны, и я вычеркивала отдѣльныя фразы, такія, напр., какъ: „Индивидуальная личность должна подчиняться обществу или, точнѣе выражаясь,—авторитетамъ“, или: „Я знаю, олигархія будетъ обличать меня, какъ агитатора“. Затѣмъ пришлось зачеркивать цѣлые разговоры и, наконецъ, цѣлыя страницы, напр., о „либеральной независимой прессѣ“; но какъ же было ихъ не вычеркивать, когда эта самая пресса играетъ большую роль въ драмѣ „Врагъ народа“, и какимъ образомъ я заставлю разбираться въ ея двуличіи своихъ деревенскихъ слушателей, не читающихъ даже газетъ; что́ поймутъ они, напр., изъ такого отрывка: „Когда разъединится ихъ партія, мы будемъ изо дня въ день внушать публикѣ, что бургомистръ несостоятеленъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что всѣ главныя административныя мѣста,—словомъ, все муниципальное правительство должно быть передано въ руки людей съ либеральнымъ образомъ мыслей“. Съ каждой новой страницей меня одолѣвали все большія и большія сомнѣнія, читать-ли въ хатѣ драму „Докторъ Штокманъ“, и я сильно колебалась. Какъ вдругъ до меня дошелъ слухъ, что хатняя аудиторія недовольна моимъ чтеніемъ, и Емченко не пришелъ прошлый разъ потому, что предпочелъ сидѣть дома и читать лучшую книжку, которую удалось гдѣ-то добыть ему. Вся семья Емченка грамотная, и даже невѣстку, которая мнѣ передавала это, онъ взялъ грамотную, изъ ученицъ нашей Алексѣевской школы.

Мысль, что я разгоню своихъ деревенскихъ слушателей перечиткой намѣченныхъ мною произведеній шведскихъ и норвежскихъ писателей, перепугала меня до рѣшимости оставить эту затѣю, не смотря на то, что я убила на нее много времени и такъ искренно мечтала, что произведенія эти придутся по душѣ читателю изъ народа. Наканунѣ воскресенья я чувствовала себя человѣкомъ безъ почвы и обратилась къ друзьямъ за совѣтомъ.

Мнѣ указали на разсказъ Короленка „Лѣсъ шумитъ“ *), вышедшій въ народномъ изданіи. Особенно настаивала на этомъ сельская учительница, говоря, что онъ производитъ огромное впечатлѣніе среди читателей изъ народа, и она была права: при чтеніи „Лѣсъ шумитъ“ хатняя семья точно будто прислушивалась вмѣстѣ съ дѣдомъ къ шуму лѣса, точно переживала давно прошедшую старину. И Оксана, выданная силою замужъ за лѣсника, и самъ лѣсникъ, и барскій наушникъ Богданъ, и доѣзжачій Опанасъ, любившій Оксану, и баринъ-самодуръ, которому вздумалось побывать съ собаками въ лѣсу и снова повидаться съ Оксаной, и кровавая расправа, какъ возмездіе за разгулъ и развратъ—все это переживали они когда-то воочію. И если бы передать письменно все то, что говорилось въ хатѣ,—это дало бы темы писателю для новыхъ и новыхъ разсказовъ. Но въ этихъ печальныхъ воспоминаніяхъ, отошедшихъ въ вѣчность, все, казалось, тонуло въ сознаніи, *„що діти наші того не бачили и не побачуть, а тілько прочитають въ книжкахъ“* (что дѣти наши того не видѣли и не увидятъ и только въ книжкахъ могутъ прочесть).

Само собою разумѣется, что разсказъ „Лѣсъ шумитъ“ пригоденъ исключительно для взрослыхъ.

Желая снова привлечь свою разбѣжавшуюся аудиторію и вѣруя въ колоссальную силу таланта Льва Толстого, я остановилась на разсказѣ „Хозяинъ и работникъ“ **). Говорятъ, будто разсказъ этотъ тенденціозенъ. И въ самомъ дѣлѣ, очень можетъ быть, что, задумывая его, авторъ имѣлъ цѣлью показать, что, только отрѣшившись отъ эгоистическихъ стремленій, человѣкъ становится чистымъ и просвѣтленнымъ; но, во-первыхъ, тенденція эта, если ее назвать такъ, совершенно вѣрна и справедлива, а во-вторыхъ, художникъ проявился въ этомъ разсказѣ съ прежней своею силою. Предъ вами двѣ совершенно живыхъ фигуры: разжившійся кулакъ Брехуновъ и бѣднякъ-работникъ его Никита. Когда они пускаются въ путь и подымается вьюга, всѣ симпатіи ваши на сторонѣ плохо одѣтаго, въ дырявыхъ сапогахъ Никиты; даже конь Мухортый вызываетъ больше сочувствія, чѣмъ этотъ разжирѣвшій Брехуновъ, который незадолго передъ смертью считаетъ еще мысленно барыши. Таковы впечатлѣнія и интеллигентнаго читателя, и народа.—*„Скоро уже й смерть прыйде, а винъ богатіе“... „Ему усе одно—барыши!“*—замѣчаютъ иронически слушатели. Но вотъ въ просвѣтленной душѣ Брехунова совершается

---

*) «Лѣсъ шумитъ». (Полѣсская легенда). В. Короленка. Изд. «Правды» № 6. Москва. 1891.

**) Л. Н. Толстой. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ. Изд. «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Ц. 20 к. Москва. 1895.

Л. Н. Толстой. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ. № 201. Москва. 1895.

переворотъ, и мы читаемъ слѣдующее: „приходитъ тотъ, кого онъ ждалъ, и это ужъ не Иванъ Матвѣичъ, становой, а кто-то другой, но тотъ самый, кого онъ ждетъ. Онъ пришелъ и зоветъ его, и этотъ тотъ, кто зоветъ его, тотъ самый, который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту. И Василій Андреичъ радъ, что этотъ кто-то пришелъ за нимъ. „Иду!“ кричитъ онъ радостно, и крикъ этотъ будитъ его. И онъ просыпается, но просыпается совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ онъ заснулъ“. Страница эта должна была бы явиться самою сильною въ разсказѣ и произвести наибольшее впечатлѣніе, но на самомъ дѣлѣ она слабѣе остальныхъ, и это просвѣтлѣніе Брехунова и желаніе отогрѣть собственнымъ тѣломъ Никиту кажется вамъ какъ-бы неожиданнымъ и неестественнымъ.—*„Бачъ колы!“* (Вишь когда!)—замѣчаютъ слушатели, не умиляясь, а иронизируя надъ тѣмъ, что покаяніе пришло слишкомъ поздно къ Брехунову, и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣваютъ, кто это былъ тотъ, „кого онъ ждалъ“, и вы слышите вопросъ: *„хто се?“*

Образъ Брехунова очерченъ слишкомъ ярко и антипатично, чтобы вы могли повѣрить этой минутѣ просвѣтлѣнія; предыдущія 80 страницъ такъ пріучили презирать его, что это просвѣтлѣніе не вызываетъ въ васъ ни малѣйшаго сочувствія и проходитъ какъ-то блѣдно и незамѣтно. Вотъ почему на вопросъ, неожиданно возникшій въ моей хатней аудиторіи: „что было бы, если бъ Брехуновъ не замерзъ, имѣлъ ли бы этотъ случай, это раздумье вліяніе на его послѣдующую жизнь?“, всѣ дружно сходятся въ отрицательномъ отвѣтѣ. Тѣмъ не менѣе разсказъ былъ прослушанъ съ захватывающимъ интересомъ и сопровождался безпрестанными замѣчаніями и восклицаніями, вносящими оживленіе. Одинъ изъ слушателей замѣтилъ наивно, что онъ привыкъ спать въ эту пору, и его невольно клонило все время ко сну, но интересъ къ дальнѣйшей судьбѣ Брехунова и Никиты никакъ не давалъ ему возможности задремать.

Когда я перечитывала въ одиночку произведенія скандинавскихъ писателей въ предположеніи читать ихъ съ народомъ, мнѣ хотѣлось предугадать заранѣе, какъ отнесется къ нимъ моя хатняя аудиторія, и я писала замѣтки на этотъ счетъ. Одни изъ разсказовъ и драмъ были мною такимъ образомъ устранены, другіе приняты. Какъ видно изъ предыдущаго отчета, заранѣе намѣченные мною результаты не всегда оправдывались, но за иные изъ разсказовъ было такъ много ручательствъ, что перечитать ихъ съ крестьянами не представляло, очевидно, риска. Къ числу такихъ разсказовъ принадлежали: „Снѣжная зима“ *)

*) Снѣжная зима. Разсказъ Густава афъ Гейерстама. Перев. со шведскаго М. Лучицкой («Міръ Божій», 1893 г., № 4, 62—82 стр.).

и „Къ чему жить? *). Относительно перваго изъ нихъ въ замѣткахъ моихъ стояло слѣдующее:

„Разсказъ „Снѣжная зима“ рисуетъ убогую жизнь старика и старухи, прожившихъ вмѣстѣ 40 лѣтъ. Разсказъ переданъ просто и навѣрно будетъ понятъ до тонкости читателемъ изъ народа. Можно также предполагать, что онъ вызоветъ сравненіе со своей собственной, такой же незатѣйливой и жалкой обстановкой и разговоры о семейныхъ отношеніяхъ. Старуха умираетъ послѣ домашней сцены съ мужемъ, очень грубой и несправедливой, которую онъ позволяетъ себѣ, не смотря на пристрастіе къ библіи и къ изреченіямъ Христа—положеніе, которое часто можно наблюдать въ жизни, а потому не мѣшаетъ и призадуматься надъ нимъ читателю изъ народа“.

И дѣйствительно, разсказъ былъ прослушанъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ; скажу болѣе—слушатели все время жили съ нимъ. Вотъ перемерзшій Седербергъ возвращается изъ лѣсу не въ духѣ и строго взыскиваетъ со своей перепуганной ночной вьюгой, трепещущей старушки-жены за то, какъ смѣла она безъ него зажигать лампу и тратить керосинъ. Слушатели мои оживленно вмѣшиваются въ эту сцену—бабы тотчасъ становятся на сторонѣ бѣдной Стины и защищаютъ ее, а мужики тянутъ руку Седерберга. — *„Ото стилько там холоду було, як тут тепла“*, остритъ старостиха, отирая платочкомъ потъ съ лица. Вотъ бѣдная Стина слегла въ постель. Опять бабы соболѣзнуютъ о ней и говорятъ: *„вона вже не встане“*, а мужики заподозрѣваютъ ее въ притворствѣ. Возникаетъ споръ на эту тему. — *У мужыка дужче болыть, тилько вин не плаче*, говоритъ одинъ изъ крестьянъ.—*Баба сплаче та й годи, а мужыкъ зараз до шынку* (Женщина переплачетъ да и только, а мужчина сейчасъ въ шинокъ),—замѣчаетъ на это кто-то съ укоризной. Умирая, Стина заботится о коровѣ. Обстоятельство это какъ-то особенно умиляетъ женщинъ, да и не мудрено: онѣ знаютъ по себѣ все значеніе кормилицы семьи—коровы; возникаютъ примѣры и воспоминанія. На одномъ только не останавливается никто изъ слушателей—это на характеристикѣ Седерберга, которому чтеніе и изученіе библіи не помѣшало такъ грубо обойтись со старухой за нѣсколько часовъ до ея кончины; а между тѣмъ, Седербергъ—это главная фигура разсказа. Слѣдуетъ ли послѣ этого рекомендовать перепечатывать его для народа, не смотря на то, что онъ написанъ просто и талантливо и прочтется съ большимъ интересомъ и вниманіемъ деревенскимъ жителемъ?

---

*) Къ чему жить? Разсказъ Эрнеста Альгрена (Викторіи Бенедиктсонъ). Перев. со шведскаго («Русская Мысль», 1893, май, 102—115 стр.).

Относительно разсказа „Къ чему жить?“ я писала въ замѣткахъ моихъ слѣдующее:

„Въ разсказѣ этомъ ярко обрисована печальная фигура одинокой женщины, испытавшей страшное горе, надломившее ея душу и доведшее ее до желанія самоубійства. Авторъ не разъясняетъ вамъ, что это за горе, но вы беззавѣтно вѣрите ему, вглядываясь въ этотъ печальный образъ. Родные предвидятъ катастрофу самоубійства и приставляютъ къ страдающей женщинѣ ребенка въ качествѣ сторожа. Вначалѣ ее раздражаетъ это непрошенное вмѣшательство въ ея рѣшеніе лишить себя жизни, и она близка къ тому, чтобы перенести это раздраженіе на мальчика; но онъ самъ такъ худъ, впечатлителенъ и несчастенъ, такъ много высказываетъ ей инстинктивнаго участія, что жалость къ нему одерживаетъ побѣду надъ мрачнымъ рѣшеніемъ покончить съ жизнью, и страдающая женщина остается жить для него.

Душевныя страданія, разочарованія, доводящія до самоубійства, можно считать скорѣе принадлежностью интеллигентнаго человѣка, а потому врядъ ли читатель изъ народа разберется въ этихъ тонкихъ ощущеніяхъ; но идея разсказа такъ симпатична, и написанъ онъ такъ художественно, что всетаки его слѣдуетъ подвергнуть провѣркѣ“.

И провѣрка сказала мнѣ слѣдующее. Слушатели мои весьма внимательно всматривались въ печальный образъ незнакомой имъ женщины. — *„Та що це з нею робыться?“* — *„Та з чого вона так горюе?“* — *„Усе жалкуе!“* — говорили они съ соболѣзнованіемъ. — „А хиба мало такыхъ?!“ замѣтилъ вдумчиво Безинскій. И я не знала, какъ объяснить себѣ его замѣчаніе. Неужели этотъ умный человѣкъ, десятки лѣтъ наблюдающій жизнь, понялъ болѣзнь нашего вѣка, и страдающая Оттилія вовсе не показалась ему исключительной?! Ребенку слушатели мои тоже очень сочувствовали. — *„И голодне, и ниженькы болять, а воно все йде та йде за нею!“* — *„И ёго жалко, и іи“*. — *„Бачъ, якый сторож!“* — *„Другому хоч як прыказувай — не пишов бы!“*—*„Неначе анголь!“*—*„Добре хлопья, ласкàве!“* (Славный ребенокъ, ласковый!)—„За дитьмы ничóго не утаиться!“—говорили они любовно, точно любуясь на мальчика. Но всетаки я не знала, понятенъ ли имъ нравственный переворотъ, происшедшій въ душѣ Оттиліи, пока не было высказано такихъ замѣчаній: „Іи серце уже до ёго кынулось“. — „Вона ж ёму буде за ридну маты“. Одинъ только образъ безпорно не былъ понятъ моими слушателями—это умная и добрая женщина, невѣстка Оттиліи, создавшая цѣлый планъ спасенія ея отъ самоубійста, который, какъ мы видимъ, вполнѣ удался ей. И такъ какъ въ началѣ разсказа озлобленная Оттилія относилась къ ней съ раздраженіемъ, слушатели рѣшили, что это злая и дурная женщина и

что, быть можетъ, самое горе Оттиліи произошло отъ нея. Впрочемъ, образъ невѣстки играетъ второстепенную роль, а потому при перепечаткѣ разсказа для народа можно было бы, пожалуй, совсѣмъ опустить его, такъ какъ все вниманіе читателя невольно сосредоточено на героинѣ и мальчикѣ.

Въ нашей воскресной школѣ существуетъ группа ученицъ, которая въ статистическихъ спискахъ носитъ названіе „выше программы". Она состоитъ изъ дѣвушекъ, пробывшихъ 5—6 лѣтъ въ школѣ или поступившихъ въ нее уже хорошо грамотными. По сословію—это мѣщанки или государственныя крестьянки, по профессіи—преимущественно швеи, хотя есть изъ нихъ и дѣвушки, живущія у родителей и занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ. Ученицы эти давнымъ-давно исчерпали запасъ школьной библіотеки и пользуются книгами откуда Богъ пошлетъ. Но, такъ или иначе, онѣ перечитали уже многое изъ русскихъ авторовъ, и вопросъ объ ихъ чтеніи становится серьезнымъ вопросомъ. Вотъ почему, перечитавши многое изъ шведскихъ и норвежскихъ писателей, я пришла къ сознанію, что произведенія эти представляютъ собою цѣнный вкладъ въ ту литературу, которая можетъ быть предложена развитому юношеству изъ народа. Для меня не представлялось сомнѣній, что мысли, чувства и положенія дѣйствующихъ лицъ будутъ поняты моей аудиторіей какъ нельзя лучше. Но какъ разберется она въ основной идеѣ автора, какъ отнесется къ той или иной тенденціи, проводимой имъ, куда собственно будутъ клониться ея симпатіи или антипатіи—все это представлялось для меня вопросами въ высшей степени интересными въ области отвѣта, что читать народу. Чтенія мои прежде всего должны были послужить къ умственному развитію моихъ слушательницъ, къ раздумью ихъ надъ жизненными задачами, къ переработкѣ и усвоенію честныхъ мыслей и принциповъ, а съ другой—отвѣтить мнѣ на вопросъ, насколько удачно выбранъ мною матеріалъ для чтенія. Читать въ школѣ по воскресеньямъ мы не могли, такъ какъ школа преслѣдуетъ собственно свою программу, сообщающую ученицамъ знанія. Вотъ почему я пригласила своихъ молодыхъ слушательницъ на домъ по праздничнымъ днямъ въ 12 час. дня.

Первымъ разсказомъ я намѣтила „Укоры совѣсти".

Укоры совѣсти. Разсказъ Августа Стриндберга. Кіевскій сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Кіевъ 1892 г.

Разсказъ этотъ написанъ въ высшей степени талантливо и тема его чрезвычайно трогательна. Молодой офицеръ фонъ-Блейхроденъ, покинувшій во время войны нѣжно любимую жену, груститъ о ней и пишетъ ей длинныя письма. Переписка эта обрывается, однако, въ тотъ трагическій моментъ, когда онъ полу-

чаетъ приказъ разстрѣлять трехъ юношей французовъ. Онъ вѣренъ долгу и приводитъ въ исполненіе приказъ. Но нервы не выдерживаютъ укоровъ совѣсти и послѣ ряда душевныхъ терзаній Блейхроденъ лишается разсудка. Описаніе больницы, снабженной всѣми аттрибутами современной науки, личность доктора, идеальнаго человѣка и глубокаго психолога, путешествіе по направленію къ сумасшедшему дому жены, ожидающей съ минуты на минуту появленія ребенка, рожденіе этого ребенка—все это передано такъ живо, такъ трогательно, что всецѣло захватываетъ душу читателя. Блейхроденъ выздоравливаетъ и поселяется навсегда въ странѣ мира Швейцаріи, чтобы не возвращаться никогда болѣе къ кровавымъ сценамъ и насилію.

Разсказъ произвелъ, очевидно, должное впечатлѣніе на моихъ слушательницъ; иныя изъ нихъ даже плакали. Но изъ бесѣды выяснилось, что уваженіе къ исполненному долгу стояло у нихъ на первомъ планѣ. Война также являлась для нихъ чѣмъ то роковымъ и неизбѣжнымъ, и учительницѣ пришлось самой подать мысль о томъ, какъ хорошо было-бы безъ войны. Одна изъ дѣвушекъ удивлялась даже, почему герой испытывалъ такія сильныя страданія по поводу рѣшенія, въ которомъ онъ лично былъ невиновенъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ. „Онъ могъ пожертвовать развѣ самимъ собою, но это трудно“, произнесла задумчиво другая дѣвушка.—Но это раздумье всетаки желательно и полезно, думала я, глядя на печальныя лица моихъ слушательницъ.

По окончаніи чтенія я возбудила вопросъ о томъ, желательно ли было-бы видѣть этотъ разсказъ изданнымъ отдѣльно и упрощеннымъ для менѣе развитыхъ читателей изъ народа? Мы стали сообща пересматривать его и искать въ немъ непонятныхъ словъ, выраженій, описаній. Работа эта казалась мнѣ тоже полезною для моихъ развитыхъ слушательницъ. Почему бы не знать имъ, что есть люди, заботящіеся объ изданіи книгъ для народа, ищущіе пищи для него въ произведеніяхъ великихъ писателей и желающіе упростить языкъ этихъ произведеній, чтобы быть понятыми народомъ. Непонятныхъ словъ мы нашли чрезвычайно много: „геологическое бюро“, „третичныя наслоенія“, „геологическая формація“, „философія безсознательнаго“, „шелъ по діагонали“, „становится какимъ-то конгломератомъ“, „исписывалъ ихъ силлогизмами“, „на центральной почвѣ“, „о солидарности человѣчества“, „о космополитизмѣ“, „о культурныхъ людяхъ“ и пр.

— „Очень часто,—говорила одна изъ ученицъ,—хотя слово и не знакомо тебѣ, а всетаки можно по смыслу догадаться“.

— „А вотъ что можетъ еще случиться,—заговорила другая дѣвушка,—начнетъ малограмотный человѣкъ разсказъ читать, прочтетъ одну страницу—непонятно, прочтетъ другую—непонятно, и броситъ“.

— „А я такъ вотъ о чемъ жалѣю,—замѣтила третья,—спросишь кого-нибудь, что оно значитъ,—объяснятъ. И кажется въ ту минуту, что никогда не забудешь; между тѣмъ, пройдетъ 2—3 мѣсяца, встрѣтишь его въ другой книгѣ и опять не знаешь, что оно означаетъ“.

Иныя изъ этихъ мудреныхъ словъ ученицы объясняли необыкновенно толково и логично; такъ, напримѣръ, на вопросъ, кого называютъ энтузіастомъ, одна изъ дѣвушекъ отвѣчала: „человѣка, обладающаго особенной способностью воодушевляться“ (я записала точно ея отвѣтъ). За то встрѣчались слова, при которыхъ оказывалась безсильною догадливость моихъ развитыхъ слушательницъ; такъ, напримѣръ, намъ встрѣтилась фраза: „культурный человѣкъ“; никто не могъ объяснить этого слова и только одна изъ дѣвушекъ сказала послѣ короткаго раздумья: „я читала когда-то на книжкѣ заглавіе—„Культура растеній“, но не могу догадаться, что это значитъ“. Когда намъ попался въ разсказѣ длинный рядъ знаменитыхъ именъ, то хотя ученицы и прочли ихъ съ самыми невозможными удареніями, какъ напримѣръ: Руссо, Вольтеръ, Гуно, Викторъ Гюго, хотя одна и спросила меня: „Вольтеръ—это все равно, что Вальтеръ-Скоттъ“?—тѣмъ не менѣе для всѣхъ ихъ было понятно, что рѣчь идетъ о великихъ людяхъ. Труднѣе было намъ читать страницы, недоступныя пониманію на той ступени развитія, на которой находились мои слушательницы. Какъ на такія страницы, я укажу на 265 (разсужденіе Шопенгауера о жизни и смерти), 266 (о житейской лжи); 270 (бредъ больного воображенія на тему о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди были счастливы), 277 (характеристика Блейхродена, какъ современнаго европейскаго типа) и 280 (разсужденіе о космополитизмѣ и общемъ мирѣ и гармоніи). На этихъ страницахъ учительницѣ пришлось подолго останавливаться и читать чуть не лекцію, въ то время какъ внимательные и серьезные глаза смотрѣли на нее, силясь все уловить и усвоить.

Когда я думала потомъ о примѣненіи этого разсказа къ малограмотному читателю изъ народа, для меня было очевидно, что онъ требуетъ не однихъ только пропусковъ непонятныхъ словъ, не однихъ купюръ, а полной талантливой переработки матеріала въ простой, безхитростный разсказъ, въ которомъ бы осталась всетаки симпатичная идея, вложенная авторомъ, и трогательные живые образы, въ которые воплощена она.

Но ничто такъ не интересовало меня, какъ перечитка въ городѣ „Норы“, той самой „Норы“, которая осуждена была моими деревенскими слушателями и нарушила задуманную мною программу. И вотъ, возвратившись въ городъ, я рѣшила прочитать то же драматическое произведеніе со взрослыми развитыми ученицами воскресной школы. „Какъ ни умны мои крестьяне

отъ природы", думала я, „но всетаки городская молодежь, побывавшая въ школѣ, имѣющая постоянное соприкосновеніе съ интеллигентными людьми, читающая разнообразныя книги, посѣщающая театры, должна тоньше понять типы культурныхъ людей и разобраться въ ихъ сложныхъ отношеніяхъ". Съ этою цѣлью я собрала къ себѣ группу взрослыхъ дѣвушекъ, ученицъ воскресной школы, которая въ шутку зовется у насъ „университетомъ". Въ школѣ нашей каждая учительница обыкновенно знаетъ близко только ученицъ своей группы; а такъ какъ я постоянно занималась съ начинающими, то степень развитія нашего „университета" не была въ достаточной степени знакома мнѣ и, приступая къ чтенію, я разсчитывала ознакомиться съ міросозерцаніемъ моихъ слушательницъ посредствомъ наводящихъ вопросовъ, какъ это бывало прежде; но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ я почувствовала, что имѣю дѣло съ развитыми и интеллигентными людьми. Только что я прочла заглавіе „Нора", какъ одна изъ дѣвушекъ, глядя на меня своими умными глазами, сказала оживленно: „Это драма Ибсена; намъ очень хвалили ее, и мы съ Варей взяли себѣ на завтра билеты на галеркѣ".

— Въ такомъ случаѣ вамъ, быть можетъ, не интересно будетъ слушать ее въ чтеніи?—спросила я, нѣсколько сконфуженная этой неожиданностью.

— О, нѣтъ, напротивъ!—отвѣчала дѣвушка.—Это явится подготовкой къ лучшему пониманію произведенія.

— А я,—добавила ея миловидная сосѣдка, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка,—иду обыкновенно въ библіотеку и беру на домъ пьесу, которую собираюсь смотрѣть въ театрѣ, чтобы лучше вникнуть въ ея смыслъ и значеніе.

— Хорошо также бываетъ перечитать пьесу и послѣ того, какъ видѣлъ ее на сценѣ; мнѣ это случалось,—замѣтила третья.

Я начала читать. Дѣвушки слушали меня съ огромнымъ вниманіемъ и интересомъ. Это ощущается обыкновенно чтецомъ и подымаетъ его нервы. Вотъ почему я читала съ большимъ одушевленіемъ и такъ утомилась въ третьемъ дѣйствіи, что не въ силахъ была продолжать и обратилась къ одной изъ ученицъ съ просьбой окончить драму.

— Я плоховато читаю,—замѣтила она застѣнчиво, но всетаки взяла отъ меня книгу.

Не знаю, была-ли эта скромность съ ея стороны или отсутствіе самоувѣренности, но я положительно была поражена прелестью и выразительностью ея чтенія; и если бы мнѣ сказали, что это читаетъ настоящая артистка, я ни минуты не усомнилась бы въ этомъ.

Драма окончилась. Я сидѣла понуря голову и не смѣла предложить ни одного провѣрочнаго вопроса, — такъ ясно было для

меня теперь, съ кѣмъ имѣю я дѣло. Дѣвушки тоже молчали, очевидно, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пережитой драмы. Я первая прервала молчаніе. Мнѣ захотѣлось разсказать имъ, какъ потерпѣла я фіаско съ этой драмой въ деревнѣ, не смотря на то, что крестьяне, слушавшіе меня, были очень умные люди.

— Они не поняли „Норы", они засудили ее,—говорила я горячо.

— Напрасно вы такъ думаете, Христина Даниловна,—возразила мнѣ учтиво дѣвушка постарше, молчавшая до тѣхъ поръ.— Увѣряю васъ, что они поняли ее какъ нельзя лучше, но не могли простить ей ея поступковъ, вслѣдствіе присущихъ имъ предразсудковъ противъ женщины.

— А какъ мнѣ хотѣлось, — замѣтила молоденькая дѣвушка съ доброй улыбкой,—чтобы они помирились и чтобы все кончилось благополучно!

— Развѣ это возможно,—возразила ей ея сосѣдка болѣе зрѣлаго возраста,—развѣ можно забыть и простить такую обиду, какую нанесъ ей мужъ; развѣ можно помириться съ такимъ малодушнымъ и презрѣннымъ человѣкомъ, какъ онъ?!

Разговорившись съ ними по душѣ, я поинтересовалась узнать званіе и профессію каждой изъ нихъ. Всѣ онѣ были или крестьянки, или мѣщанки, или модистки, или бѣлошвейки.

— Но вы не думайте, Христина Даниловна, — сказала одна изъ нихъ,—мы хоть и простыя работницы, а постоянно думаемъ о своемъ развитіи. Вотъ и теперь, почти всѣ изъ насъ ходятъ слушать лекціи профессоровъ при ремесленномъ училищѣ.

И она назвала мнѣ нѣсколько знакомыхъ именъ и объяснила, какіе именно предметы читаютъ они.

— А я не могла попасть туда, — сказала молоденькая дѣвушка съ неподдѣльной грустью,—больше не принимаютъ.

— А вы дѣйствуйте моимъ именемъ,—замѣтила я ей въ утѣшеніе,—ваши профессора знаютъ меня.

— Простите, Христина Даниловна, — сказала, вспыхнувъ, ея сосѣдка,—но мы именно пробрались туда вашимъ именемъ, увѣренныя, что вы ничего не будете имѣть противъ этого.

Я отвѣчала, что онѣ правы.

Когда онѣ ушли, я невольно задумалась надъ споромъ, происходившимъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нашей комиссіи по III тому „Что читать народу?" Одни утверждали, что за послѣднія 10—15 лѣтъ народился новый читатель, которому долженъ быть посвященъ III-й томъ; что для этого читателя мы должны заняться обозрѣніемъ всей литературы и сосредоточить наше вниманіе на выработкѣ для него программъ по самообразованію. Другіе возражали, что 10—15 лѣтъ *) совсѣмъ неболь-

*) Періодъ времени отъ появленія изъ печати II-го тома «Что читать народу?»

шой срокъ въ жизни народнаго образованія, особенно въ такой странѣ, гдѣ оно подвигается медленно, и, не отрицая факта нарожденія новаго читателя, просили не забывать, что за спиной этихъ единицъ стоятъ сотни тысячъ неграмотнаго, темнаго люда, для котораго стоитъ поработать, игнорируя тѣ единицы, которыя такъ или иначе достигли извѣстнаго развитія и способны безъ нашей помощи разбираться и въ литературѣ, и въ текущихъ вопросахъ современной жизни; и, наконецъ, утверждали, что подобная задача даже не подъ силу скромной учительницѣ, окончившей курсъ въ средне-учебномъ заведеніи, которая сама, быть можетъ, нуждается въ программахъ по самообразованію, выработанныхъ учеными людьми.

Вспоминая о своей только что разошедшейся аудиторіи, я думала: „вотъ онъ, этотъ новый читатель, чувствующій и мыслящій точно такъ же, какъ и мы сами". И не смотря на нравственное удовольствіе, только что пережитое мною отъ сообщества съ этими симпатичными людьми, мнѣ казалось, что имъ легко обойтись безъ нашей помощи, что они стали уже на ноги, окрѣпли и самостоятельно найдутъ правильный путь, что только ихъ меньшая братія, неграмотная и неразвитая, вопіетъ о нашей помощи.

Х. Алчевская.

Новыя книги.

I. Колышко. Волки и овцы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб.

Есть рѣчи елейныя, тихія, кроткія, и тѣмъ не менѣе пропитанныя ненавистничествомъ,—робкимъ, заглушеннымъ, залитымъ крокодиловыми слезами, подъ которыми скрытая злоба шипитъ чуть слышно, окутанная чаднымъ и смраднымъ туманомъ. Эти слезы, этотъ туманъ свидѣтельствуютъ всетаки о чемъ-то въ родѣ стыда, не позволяющаго злопыхательству совлечь съ себя фиговый листъ и предстать передъ взорами современниковъ во всемъ своемъ природномъ великолѣпіи. Но иногда стыдливый туманъ улетучивается куда-то. Фиговый листочекъ спадаетъ,—и открывается зрѣлище въ родѣ того, какое представлено въ „Волкахъ и овцахъ" г-на Колышко.

Его герой, горный инженеръ Бѣльскій, насильникъ, извергъ и казнокрадъ. Эту послѣднюю особенность авторъ, впрочемъ, отнюдь не подчеркиваетъ, но она съ несомнѣнностью вырисовывается изъ нѣкоторыхъ эпизодовъ романа и, такъ сказать, окра-

шиваетъ въ національные цвѣта фигуру, которая безъ этого могла бы, пожалуй, показаться абстрактной, до того сгущены въ ней всевозможныя гнусности.

Еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, лѣтъ за десять до начала дѣйствія романа, герою случилось усмирять „бунтъ“ рабочихъ на заводѣ, гдѣ онъ служилъ помощникомъ управляющаго.

Не желая доводить дѣло до суда, онъ предложилъ населенію выдать зачинщиковъ. Среди выданныхъ первымъ былъ Логгинъ Рожновъ. Огромнаго роста, съ шапкой черныхъ волосъ, съ загорѣлымъ и красивымъ лицомъ великорусскаго типа, онъ стоялъ передъ Бѣльскимъ, гордо закинувъ голову и заложивъ руки въ карманы. Ихъ взгляды мѣряли другъ друга. Бѣльскій презрительно улыбался.

— Ты что же это затѣялъ?—спросилъ онъ.

— Что затѣялъ, то и сдѣлалъ,—нагло отвѣчалъ Рожновъ.

— Вотъ и посмотримъ,—прошипѣлъ Бѣльскій, сверкнувъ глазами. Онъ шепнулъ стражнику, и черезъ минуту появились два пука розогъ. При видѣ розогъ, Логгинъ дрогнулъ и побѣлѣлъ. Онъ ринулся было назадъ, хотѣлъ скрыться въ толпѣ, но толпа отступила, а стражники уже держали его за руки и вязали. Онъ дрожалъ съ головы до ногъ. Изъ толпы вырвалась женщина съ мальчикомъ лѣтъ 10-ти. Она съ громкимъ воемъ упала на колѣни передъ Бѣльскимъ, а мальчикъ всталъ возлѣ Логгина, точно собираясь его защитить.

То были жена и сынъ Логгина. Баба обнимала ноги Бѣльскаго, моля освободить мужа отъ сраму, а мальчикъ, дрожа какъ и отецъ, шепталъ ему:

— Тятя, не давайся!

Логгинъ скрипѣлъ зубами, веревки впивались ему въ тѣло, четыре стражника едва могли удержать его.

Послѣ отчаянной борьбы его удалось свалить. Но тутъ мальчикъ вцѣпился зубами въ одного изъ стражниковъ. Пришлось и его связать, предварительно оглушивъ ударомъ кулака въ темя. Логгинъ видѣлъ, какъ упалъ его сынъ, какъ ловила ноги Бѣльскаго его жена, и глаза его налились кровью. Онъ, хрипя, заревѣлъ:

— Прочь, Матрена! Не смѣй!.. Не надо!.. Я ему припомню... А вы,—обратился онъ къ односельчанамъ,—вы, подлые скоты, холопы, проклятое сѣмя...

Его голову прижали къ землѣ, и началась экзекуція. Логгинъ не пикнулъ. Обливаясь кровью, онъ всталъ и молча прошелъ передъ односельчанами къ своей усадьбѣ. Въ эту ночь село сгорѣло, а Логгинъ съ женой и сыномъ скрылись (стр. 123—125).

Вскорѣ послѣ этого происшествія блестящая карьера Бѣльскаго оборвалась, впрочемъ, не потому, чтобы онъ былъ признанъ стоящимъ не на высотѣ положенія, а просто потому, что умеръ его принципалъ, инженеръ Дубенскій. Передъ этимъ Бѣльскій успѣлъ очень своеобразнымъ способомъ „свести счеты“ съ этимъ Дубенскимъ, который высокомѣрнымъ обращеніемъ оскорблялъ его гордость: Бѣльскій отомстилъ ему тѣмъ, что „почти насильно“, „со стиснутыми зубами и дико сверкавшими глазами“ овладѣлъ его женой, когда Дубенскій умиралъ. Оргіи страсти разыгрывались рядомъ съ комнатой больного, и Бѣльскій „испытывалъ садическое наслажденіе отъ стоновъ страданія умираю-

щаго и стоновъ страсти его жертвы" (стр. 118). Послѣ смерти Дубенскаго, Бѣльскій на средства его вдовы благопріобрѣлъ на Уралѣ участокъ земли съ залежами угля и сталъ его разрабатывать для сосѣдней желѣзной дороги. Уголь оказался прескверный, но у Бѣльскаго была сильная „рука" въ управленіи дороги и потому все шло отлично. Правда, у него не хватало оборотныхъ средствъ, но и изъ этого затрудненія онъ вышелъ съ честью, примѣнивъ не шаблонный, не научный, но за то очень дешевый способъ эксплуатаціи, а именно—„обрушеніе". Онъ рылъ, т. е., конечно, не самъ рылъ, а заставлялъ рыть галереи подъ пластами угля, а затѣмъ вынималъ подпорки и обрушивалъ пласты. Люди нерѣдко гибли подъ обвалами, но какіе ужъ это были люди! Безпаспортные бродяги, бѣглые ссыльно-поселенцы и каторжники. Другихъ геніальный предприниматель не держалъ. Правда и то, что даже эти паріи иногда теряли терпѣніе и пытались „бунтовать", но довольно было Бѣльскому пригрозить имъ револьверомъ или напомнить о существованіи станового, чтобы привести это стадо „овецъ" къ полному повиновенію.

У Бѣльскаго есть молодой помощникъ,—его незаконный сынъ Миша Зайцевъ, самъ, впрочемъ, неподозрѣвающій своего близкаго родства съ принципаломъ, котораго онъ боготворитъ, потому что видитъ въ немъ воплощеніе „силы". По молодости лѣтъ и наивности этотъ Зайцевъ пробуетъ иногда возражать противъ упрощенныхъ пріемовъ „эксплуатаціи" копей, но Бѣльскій рѣзкимъ натискомъ всегда побѣждаетъ его сопротивленіе. Въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго,—каковъ попъ, таковъ и приходъ. Гораздо интереснѣе то, что послѣ одного изъ столкновеній между отцомъ и сыномъ самъ авторъ рѣшительно нарушаетъ нейтралитетъ простого бытописателя и устремляется на помощь къ своему герою. Авторъ признаетъ, конечно, что послѣдствія способа „обрушенія" были у Бѣльскаго „не всегда удачны", и что „въ разное время нѣсколько десятковъ рабочихъ погибли подъ обвалившимися глыбами угля и глины". Но, — объясняетъ онъ, — и это „но" по истинѣ великолѣпно, — „*въ общемъ процентъ погибшихъ былъ не великъ*, и Бѣльскій не безъ основанія говорилъ, что въ несчастіяхъ этихъ, главнымъ образомъ, виноваты сами рабочіе..." „Миша, весь еще проникнутый теоріей, весь еще *подъ вліяніемъ школьной скамьи* (sic!), не могъ примириться съ такимъ способомъ веденія дѣла, протестовалъ и боролся. Но, когда дѣло касалось работъ „внѣ закона", когда Бѣльскій вырывалъ когтями у природы свою добычу, — продолжаетъ патетически авторъ, — тутъ онъ принималъ рядъ мѣръ не предвидѣнныхъ *даже* (sic!!) наукой, тутъ онъ былъ олицетворенной осторожностью. Вотъ почему упреки Миши и рядъ предъявленныхъ имъ требованій не были вполнѣ основательны. Вотъ почему Бѣльскій внутренно былъ оскорбленъ поступкомъ Миши, а болѣе того — огорченъ, что

Миша не проникъ въ духъ его предпріятія, въ *идею* его (курсивъ вездѣ нашъ), оставаясь защитникомъ формы его, рутинеромъ" (стр. 106—108). И когда дочь Дубенской, Вѣра, тоже по молодости и неопытности, заявляетъ дерзкій протестъ противъ „системы" Бѣльскаго, онъ, не задумываясь, возражаетъ ей: „У меня не благотворительное учрежденіе, а заводъ... При томъ же здѣсь не крѣпостной, а добровольный трудъ. Если между здѣшнимъ народомъ есть невольники, первый изъ нихъ я самъ". — „Невольникъ чего?" — спросила Вѣра. — „*Идеи и долга! — твердо* отвѣтилъ Бѣльскій..." Итакъ, великолѣпный Бѣльскій все предусмотрѣлъ, все сообразилъ, все учелъ и даже подъ все подвелъ особый „идейный" фундаментъ. И тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ одинъ роковой промахъ. Повидимому, онъ мало читалъ „Гражданина",—и вслѣдствіе этого упустилъ изъ виду въ своихъ разсчетахъ благодѣтельное вліяніе розги. Онъ не предугадалъ, что послѣ порки (и благодаря ей) Логгинъ Рожновъ проявитъ удесятеренную энергію, развернетъ во всю ширь дремавшія въ немъ способности, сдѣлается милліонеромъ, дастъ своему сыну высшее техническое образованіе за границей, откроетъ рядомъ съ нимъ, Бѣльскимъ, другія, болѣе богатыя, копи, обставитъ ихъ разработку по послѣднему слову науки и создастъ ему, Бѣльскому, такую конкуренцію, съ которою борьба будетъ невозможна. А, между тѣмъ, именно такъ и случилось, и случилось именно благодаря поркѣ. Сомнѣній въ этомъ не можетъ быть никакихъ, потому что самъ авторъ удостовѣряетъ (на стр. 138): „Если бы не порка, Логгинъ *никогда* свою гордую мысль о созданіи новаго рода съ новыми не мужицкими чертами и съ не мужицкой силой, не привелъ бы въ исполненіе". А молодой Рожновъ, сынъ высѣченнаго, получившій высшее образованіе, идетъ еще дальше и, изливая душу передъ своимъ, какъ пишетъ г. Колышко, *наперстникомъ* (т. е. наперсникомъ), говоритъ: „Не будь этой драмы (т. е. порки) въ его (отца) жизни, которая (очевидно, не жизнь, а порка) для другого можетъ быть и прошла бы безслѣдно, мы бы съ нимъ до сихъ поръ пахали землю и ростили скотъ. Не знаю, счастливѣе ли были бы? Но я благодаренъ судьбѣ и, если бы не та же судьба, мнѣ и въ голову не пришло бы искать оскорбителя моего отца и мстить ему. Да и сейчасъ, когда я его нашелъ, когда онъ подъ рукой у меня и даже почти въ рукахъ,—я особенной злобы къ нему не питаю. *Готовъ даже поклониться и поблагодарить*" (стр. 166).

Словомъ, принципъ розги, подъ перомъ автора, торжествуетъ блистательную побѣду. Но послѣдствія порки, благодѣтельныя an und für sich, — получивъ осязательное воплощеніе въ милліонахъ Рожнова, едва не оказываются роковыми для Бѣльскаго. И тутъ-то завязывается узелъ той садически-плантаторско-уголь-

ной драмы, которая составляетъ содержаніе „Волковъ и овецъ“. Бѣльскій не въ силахъ выдержать конкуренцію рожновскихъ милліоновъ. Какъ герой, вознесенный авторомъ на высокій пьедесталъ, онъ, однако, не сдается. Онъ гордо отвергаетъ выгодную сдѣлку, предложенную ему молодымъ Рожновымъ съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе Вѣры Дубенской, ослѣпительной молодой красавицы, въ которую тотъ влюбленъ. Въ Бѣльскомъ, не смотря на его 50 лѣтъ, тоже разгорается неудержимая страсть къ Вѣрѣ, которая инстинктивно ненавидитъ его за поруганіе матери и не скрываетъ своей ненависти. Подъ вліяніемъ ревности, Бѣльскій выгоняетъ Рожновыхъ изъ своего дома и бросается въ послѣднюю, отчаянную борьбу. Онъ еще увеличиваетъ яркость своихъ „обрушеній“, ведетъ рабочихъ почти на вѣрную смерть, вызываетъ „бунтъ“, усмиряетъ его, получаетъ ударъ долотомъ отъ одного изъ усмиряемыхъ и всѣми этими подвигами такъ плѣняетъ Вѣру, что она, вопреки „голосу крови“, въ концѣ-концовъ, проникается взаимностью въ отвѣтъ на его страсть... Положимъ, авторъ устами одного ученаго резонера высказываетъ ту мысль, что „женщина, какъ мы на нее смотримъ, *съ угла* логики, справедливости и *теоріи вѣроятія* — ерунда“ (стр. 198). Но въ данномъ случаѣ, „съ угла“ авторскаго замысла, произошла совсѣмъ не ерунда, а нѣчто, какъ онъ выражается, „обратно противоположное“, т. е. чистѣйшая „логика“: Бѣльскій такъ великолѣпенъ, такъ неотразимъ, что ни одна женщина передъ нимъ устоять не можетъ. Кстати, маленькая подробность: удовлетворяя свою страсть, герой г-на Колышко „рычитъ“ (стр. 555); вотъ какой онъ мужественный и интересный мужчина! Дать ему погибнуть отъ руки выпоротаго имъ Рожнова—было бы слишкомъ прозаично. Больше того: это было бы явнымъ поруганіемъ „принципа“ и „идеи“. И потому въ самый критическій для Бѣльскаго моментъ, по щучьему велѣнью, по авторскому хотѣнью, появляется невѣдомо откуда выгодный покупатель на его убыточныя копи. Тутъ драма приближается къ концу. Не смотря на то, что уже былъ моментъ, когда „губы ихъ слились“, Вѣра не хочетъ отдаться своему избраннику раньше, чѣмъ умретъ ея мать. Но неукротимый герой, наскучивъ ожиданіемъ, „беретъ“ Вѣру полу-насильственно, почти на глазахъ своей бывшей любовницы, которая, слыша его „рычанье“, сходитъ съ ума, а онъ, подъ вліяніемъ, нечаянно вырвавшихся у Вѣры нѣсколькихъ жесткихъ словъ, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Такимъ образомъ, дѣло своей жизни, дѣло „идеи и долга“ онъ вѣнчаетъ мученическимъ вѣнцомъ. И авторъ въ символической формѣ даетъ намъ понять, что это „дѣло“ не умерло, что оно еще найдетъ себѣ продолжателя: у Вѣры родился отъ Бѣльскаго сынъ, и спустя полтора года она уже пишетъ своей подругѣ: „Представь себѣ, этотъ карапузъ поймалъ жука и проситъ, чтобы я его раздавила...“ „Какой хищникъ! Весь въ папашу!“—прибавляетъ съ умиленіемъ

счастливая мать... Остается только поставить себѣ вопросъ: какими новыми „обрушеніями“ удивитъ любезное отечество этотъ многообѣщающій отпрыскъ славнаго героя? Перейдя отъ жуковъ къ людямъ, останется ли онъ побѣдителемъ или, не соразмѣривъ натиска съ отпоромъ, разобьетъ свой крѣпкій лобъ и сломаетъ острые зубы?.. Какъ бы кто ни рѣшалъ этотъ вопросъ, нельзя не воздать должнаго г-ну Колышкѣ за ту откровенность, съ которою онъ обнажилъ передъ нами завѣтныя горести, радости и упованія „волковъ...“ Въ этомъ — бытовой интересъ его произведенія. Но оно любопытно и въ другомъ смыслѣ. Читатель видѣлъ, что Бѣльскій все время находится въ состояніи какого-то бѣшенаго изступленія: онъ то-и-дѣло съ пѣной у рта, по-собачьи, кидается на людей. И романъ въ особенности любопытенъ тѣмъ, что онъ представляетъ собою несомнѣнный, хотя, быть можетъ, и полубессознательный, полу-наивный, *апоѳеозъ* такого „собачьяго бѣшенства“,—явленіе, во всякомъ случаѣ, довольно рѣдкое въ литературѣ...

Ив. Наживинъ. Дешевые люди. Очерки и разсказы. М. 1903.

Кромѣ разсказовъ, въ книжку г. Наживина вошелъ довольно длинный рядъ бѣглыхъ фельетонныхъ набросковъ, въ которыхъ беллетристическій вымыселъ почти отсутствуетъ, а публицистика временами подаетъ руку обличительному жанру. Послѣдній при этомъ выигрываетъ, подымаясь на высоту иллюстрацій къ нѣкоторымъ, не очень, впрочемъ, крупнымъ обобщеніямъ. Что же касается публицистики, то она остается иногда въ проигрышѣ. Для примѣра можно указать на стр. 141—142, гдѣ авторъ мимоходомъ, но съ большой категоричностью, рѣшаетъ вопросъ о преимуществахъ частнаго владѣнія передъ общиннымъ... Но это— между прочимъ. Главный предметъ наблюденій г. Наживина составляетъ глухая провинція, въ особенности сѣверная. Путешествуя по „системѣ“ отъ Рыбинска до Олонца, онъ отмѣчаетъ разнообразныя „достопримѣчательности“ родной культуры, сливающіяся въ одноцвѣтную картину всеобщаго „спустярукавства“ и „косопузости“,—два характерныя выраженія, которыя могли вырваться только у человѣка, дѣйствительно приглядѣвшагося къ изображенному быту и не оставшагося равнодушнымъ къ его уродливымъ сторонамъ. Общественная библіотека, въ которой нѣтъ самыхъ необходимыхъ научныхъ руководствъ, но за то есть романы г. Гейнце и какой-то „Червецъ калифорнскій“; народный домъ, въ которомъ отсутствуетъ народъ, но присутствуютъ чины, наблюдающіе за порядкомъ; „монументъ юной промышленности“ въ образѣ Видлицкаго Путиловскаго завода, поглотившаго два милліона рублей и прекратившаго своего дѣятельность послѣ двухъ лѣтъ работы; путейская пристань, „показанная въ отчетѣ въ суммѣ сорока шести тысячъ“, изъ коихъ, въ сущности, „ты-

сяча за пристань, да сорокъ пять за мавританскій стиль"; алчные и завистливые путейскіе разговоры о манчжурской дорогѣ, гдѣ, „говорятъ, въ отчетахъ есть графа для списыванія рельсовъ, которые идутъ на усышку"; путеецъ, отдающій по телефону приказъ, чтобы срочный пассажирскій пароходъ ждалъ его шесть часовъ; и многіе другіе факты, свидѣтельствующіе, до какой степени можетъ забыться на Руси „человѣкъ съ гвоздемъ (или „съ плевкомъ", какъ говорятъ крестьяне) во лбу"—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ разнообразныхъ явленій, которыя не безъ основанія приводятъ автора къ пессимистическому выводу: „дешевые люди". Но г. Наживинъ, въ сущности, вовсе не пессимистъ, упорно отыскивающій всюду однѣ темныя стороны. Онъ съ удовольствіемъ останавливается и на проблескахъ свѣта, когда встрѣчаетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ открылъ у „канавныхъ людей" (т. е. у рабочихъ на Бѣлозерскомъ каналѣ) значительно развитое сознаніе своего человѣческаго достоинства. „Бродячая жизнь,—объясняетъ онъ,—жизнь при рѣкѣ, на людяхъ, отшлифовала его (приканавнаго жителя), научила его многому; онъ знаетъ себѣ цѣну, какъ человѣку"... „Канавный человѣкъ не похожъ ни на забитаго земледѣра, ни на фабричнаго... Онъ лучше того и другого". Можетъ быть, и здѣсь дано нѣсколько поспѣшное обобщеніе, подсказанное предвзятой мыслью. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что авторъ вовсе не отворачивается отъ ободряющихъ впечатлѣній, и не его вина, если ихъ такъ мало, что окончательный итогъ остается почти непоколебленнымъ. Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду и того, что въ жизни есть области, хотя и интересныя, но въ то же время такія, что ихъ никакъ не тронешь перомъ. Конечно, провинція могла бы возразить на обвиненіе въ „косопузости" и „спустярукавствѣ", что, молъ, я кое-гдѣ и подтянулась немного, и рукава стала приводить въ порядокъ... Да мало-ли чего нѣтъ! Вотъ, напр., авторъ заглянулъ въ Финляндію, плѣнился благообразіемъ финляндскаго быта и почувствовалъ желаніе воскликнуть: „Да здравствуетъ культура"! Но онъ тутъ же спохватывается и произносить только: „Да здравствуетъ ку... гм... гм..!" При такихъ условіяхъ, пожалуй, очень ужъ строго разбирать его не приходится... И тѣмъ не менѣе мы всетаки думаемъ, что не въ публицистикѣ, а въ художественномъ творчествѣ дѣйствительное призваніе г. Наживина. Среди его разсказовъ, правда, тоже попадаются блѣдные и мало обработанные наброски, но встрѣчаются и достаточно выдержанныя вещи, оставляющія стройное и не поверхностное впечатлѣніе. Изъ нихъ въ особенности заслуживаютъ вниманія: „У лукоморья", „Два старика" и „Золотой". Въ этихъ трехъ разсказахъ обнаруживается хотя и небольшое, не отмѣченное какими-нибудь яркими индивидуальными признаками, но неподдѣльное дарованіе, согрѣтое искреннимъ и идейнымъ отношеніемъ къ окружающему.

А. Г. Туркинъ. Уральскія миніатюры. Разсказы и очерки. Екатеринб. 1902.

Собранные въ этой книжкѣ очень маленькіе разсказы, предназначавшіеся, повидимому, для фельетоновъ провинціальной газеты, обладаютъ безспорными литературными достоинствами. Среди массы появляющихся въ наше время беллетристическихъ издѣлій очень рѣдко приходится натолкнуться на книгу, въ которой параллельно съ большими или маленькими положительными достоинствами не лѣзла бы на первый планъ непомѣрная претенціозность автора. Пренебрегая художественнымъ матеріаломъ, въ изобиліи разсыпаннымъ въ окружающей его повседневной обстановкѣ, такой беллетристъ рисуетъ чрезвычайныя, героическія положенія, съ фальшивыми дѣйствіями и фальшивыми чувствованіями. Лежащая передъ нами книжка представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ такого рода произведеніями. Литературныя претензіи автора ея настолько скромны, что у читателя остается отъ прочитанной книги такое впечатлѣніе, словно онъ бесѣдовалъ съ заводскимъ служащимъ, отъ лица котораго написаны разсказы г. Туркина. Описывая въ литературныхъ очеркахъ свои наблюденія, авторъ остается все время простымъ наблюдателемъ, сохраняя свой опредѣленный уголъ воспріятія.

У каждаго человѣка, какъ бы неинтересно ни сложилась его личная жизнь, всегда найдется что поразсказать другимъ людямъ. Если это человѣкъ наблюдательный, если внѣшнія событія проектируются въ его сознаніи со всѣми характерными деталями, если вдобавокъ это человѣкъ достаточно грамотный, то очень легко можетъ произойти, что какая нибудь случайность возбудитъ въ немъ писательскій порывъ. Въ такомъ человѣкѣ можетъ совершенно отсутствовать творческая способность, но здравый умъ да грамотное перо могутъ оказаться достаточными, чтобы обезпечить въ немъ источникъ полезной литературной работы. Какъ ни скромны эти требованія, въ дѣйствительности, однако, среди множества беллетристовъ очень мало людей, удовлетворяющихъ имъ. Всякій хочетъ быть большимъ художникомъ, не имѣя на то никакихъ данныхъ. Никто не скажетъ,—я сапожникъ, буду писать о томъ, на какія мысли меня наводитъ шитье сапогъ, и буду шить сапоги. Обыкновенно думаютъ: возьму перо, дождусь вдохновенія и поражу міръ плодами своего творчества. Въ результатѣ человѣкъ вмѣсто того, чтобы заняться какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ, начинаетъ изводить бумагу.

Литературная профессія имѣетъ у насъ въ Россіи особую привлекательность. Причины этого сложны, и мы не станемъ здѣсь разбирать ихъ. Отмѣтимъ лишь, что одно изъ главныхъ свойствъ литературной профессіи—это ея сравнительная независимость, которая придаетъ ей особое обаяніе при сильной зависимости въ другихъ сферахъ дѣятельности. Литература является

какъ бы убѣжищемъ, въ которомъ человѣкъ можетъ оставаться болѣе чѣмъ гдѣ либо самимъ собою, быть болѣе чѣмъ гдѣ либо свободнымъ. Такъ или не такъ это на самомъ дѣлѣ — вопросъ другой, но несомнѣнно, что благодаря такому представленію, литературная профессія является весьма заманчивой въ умѣ средняго обывателя, лелѣющаго мечту о свободной и полезной дѣятельности. По тому количеству печатной бумаги, которое ежегодно выбрасывается на рынокъ, нельзя составить и приблизительнаго понятія о количествѣ всякаго рода литературныхъ произведеній, которыя остаются въ рукописяхъ. Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы упрекать русскаго обывателя въ чрезмѣрной любви къ бумагомаранію. Совсѣмъ напротивъ, мы глубоко убѣждены, что литературная, какъ и всякая иная, производительность русскаго народа могла бы въ сотни разъ повыситься и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ при иныхъ культурно-политическихъ условіяхъ. Несомнѣнно, что подъ корою невѣжества русскій народъ таитъ въ себѣ большія творческія способности, которыя не могутъ найти исхода для своего воплощенія. Съ другой стороны, несомнѣнно и то, что въ болѣе культурныхъ странахъ, гдѣ средній обыватель умѣетъ тверже держать въ своей рукѣ перо и гдѣ печати принадлежитъ больше правъ на независимость, бумаги изводится на каждаго грамотнаго человѣка гораздо больше. Разница лишь та, что тамъ сапожникъ, написавшій воспоминанія о томъ, какъ онъ снималъ мѣрку съ ноги Лассаля, остается сапожникомъ; у насъ же онъ броситъ послѣ этого шило и станетъ писать повѣсти и разсказы.

Г. Туркинъ—далеко не сапожникъ въ литературѣ, но и не большой художникъ. Скромность и наблюдательность позволяютъ ему смотрѣть кругомъ простыми глазами, подмѣчать массу трудно уловимыхъ деталей и видѣть въ самыхъ простыхъ, самыхъ обыденныхъ фактахъ богатѣйшее проявленіе разнообразныхъ свойствъ человѣческой души. Эта наблюдательность, эта простота воспріятія воспроизведенія имѣются у г. Туркина въ высокой степени. За то большого творчества авторъ „Уральскихъ миніатюръ“ не проявляетъ: онъ вноситъ въ свою записную книжку толково воспринятые факты и картины и, окрасивъ ихъ слегка цвѣтомъ собственнаго душевнаго настроенія, въ толковомъ же литературномъ изложеніи передаетъ читателю. Сильныхъ разсказовъ, въ которыхъ авторъ сумѣлъ бы художественными образами захватить дыханіе и ускорить пульсъ читателя, въ книжкѣ нѣтъ, но многіе разсказы представляютъ собою яркую жанровую картину заводской жизни. Автору удается самые простые моменты, мимо которыхъ всякій проходитъ безъ вниманія, подчеркивать съ умомъ и теплотою, благодаря которымъ читатель видитъ въ нихъ проявленіе большихъ и общихъ свойствъ души.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ авторъ рисуетъ деликатными штри-

хами истому человѣческой души, томящейся въ тискахъ мѣщанскаго быта. Иногда голосъ этой души раздается громко и грубо (разсказъ „Дерзости"), иногда онъ слышенъ чуть-чуть, слабо-слабо, и на недосказанномъ словѣ глухо обрывается поднятый изъ нѣдръ существа крикъ скорби о похороненныхъ мечтахъ. И эти тонкія проявленія авторъ умѣетъ подмѣчать и умѣетъ толково изображать ихъ передъ читателемъ.

Жюль Ренаръ. Рыжикъ. Харьковъ, 1902.

Рыжикъ—это нелюбимый мальчикъ въ семьѣ. Вся книжка состоитъ изъ ряда коротенькихъ сценъ, рисующихъ отношеніе къ Рыжику его родителей и окружающихъ. Авторъ беретъ только внѣшнія проявленія этихъ отношеній, ярко изображая постоянныя мелкія несправедливости, въ атмосферѣ которыхъ складывается душа ребенка. Обыкновенная мѣщанская семья, ни хорошая, ни дурная, самые обыденные факты, заурядный мальчикъ — таковъ фонъ чрезвычайно живыхъ и яркихъ картинъ Жюля Ренара. Ребенокъ всасываетъ своею дѣтской душою получаемыя отъ окружающихъ впечатлѣнія и формируетъ на основаніи этихъ впечатлѣній свое отношеніе къ нимъ. Все очень просто, совершенно обычно, настолько обычно, что врядъ ли есть большая семья, которая была бы чужда фальши, описываемой Жюлемъ Ренаромъ. Эта книжка ярче любого педагогическаго трактата демонстрируетъ ненормальность въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, неразрывную съ мѣщанскимъ семейнымъ строемъ. Ребенокъ безмолвно негодуетъ на причиняемыя ему несправедливости и, не умѣя найти во время словъ протеста, копитъ въ себѣ озлобленіе, уродующее душу. Книжка Ренара пользуется во Франціи большимъ успѣхомъ, и это понятно: очень многіе должны находить въ ней свое отраженіе. Произведеніе это носитъ обличительный характеръ; это болѣе памфлетъ, чѣмъ художественное произведеніе, и удачный, больно бичующій памфлетъ. Въ переводѣ должно быть книга сильно проиграла частью уже потому, что она обязана своею силой крайней простотѣ и обыденности тѣхъ мелкихъ семейныхъ происшествій, въ которыхъ проявляются бичуемыя авторомъ ненормальности, частью же и самый переводъ нельзя назвать достаточно удачнымъ. То, что выходитъ просто и совершенно натурально по-французски, въ русскомъ переводѣ пріобрѣтаетъ какую-то вычурность, отъ которой, конечно, дѣло переводчика было предохранить книгу, сильную именно своею простотой. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ мѣстъ:

— Я тебѣ запрещаю говорить: «да, мама», строить оригинала. И берегись, если я услышу, что ты насвистываешь или напѣваешь подъ носъ, строя изъ себя беззаботнаго извозчика. Со мной ничего не подѣлаешь своей ироніей.

П. Ѳ. Николаевъ. Вопросы жизни въ современной литературѣ. М., 1902.

Гр. Новополинъ. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ, 1902.

Появленіе этихъ двухъ книгъ знаменательно для нашего „поворотнаго“ времени, когда „смута умовъ“ начинаетъ понемногу укладываться, и „сумрачныя настроенія“ сбитаго съ толка общества—замѣтно проясняться. Теперь какъ нельзя болѣе кстати—болѣе или менѣе спокойные и безпристрастные обзоры ретроспективнаго характера, бросающіе свѣтъ на разсѣивающійся мракъ недавняго прошлаго и подводящіе итоги борьбы за идеи и идеалы 60-хъ и 70-хъ годовъ. Нельзя сказать, чтобы названныя книги вполнѣ удовлетворяли эту назрѣвшую потребность, но все же онѣ значительно содѣйствуютъ установленію правильнаго взгляда на общественную жизнь и состояніе литературы въ „сумрачную“ эпоху послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

Книга г. Николаева составилась изъ „журнальныхъ замѣтокъ“, печатавшихся почти каждый мѣсяцъ въ „Русской Мысли“ въ продолженіе пяти лѣтъ (1893—1898 г.). Онѣ составляютъ не только живую хронику „вопросовъ жизни“ въ девяностыхъ годахъ, какъ они, эти вопросы, отражались въ „современной литературѣ“, но и свѣжее, самоличное свидѣтельство очевидца и непосредственнаго участника событій, о которыхъ въ скоромъ времени уже будетъ написана исторія, или, по крайней мѣрѣ, будутъ складываться и разсказываться разныя преданія. Самъ авторъ въ обращеніи къ „читателямъ“ рекомендуется такъ: „Авторъ—простой и скромный рядовой той фаланги „стариковъ“,—увы! теперь уже небольшой,—которые пережили краткую эпоху „смуты умовъ“, пережитую нашей интеллегенціей и печатью въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и переживаемую ими отчасти еще теперь“. Считая себя „рядовымъ“ г. Николаевъ тутъ же характеризуетъ ту вѣру и надежду, которыя вдохновляли его, „рядового“, въ его писаніяхъ и тѣсно объединяли его и соратниковъ его съ „вождями“. „Всѣ они“,—говоритъ онъ,—т. е. „рядовые и вожди“—ни на одну минуту не усомнились въ томъ, что время „смуты“ пройдетъ и пройдетъ скоро, и что Игнатовичи и Шемодуровы (герои произведеній г. Чирикова и г. Боборыкина) не доживутъ еще до лысины и до сѣдыхъ волосъ и уже *сами* убѣдятся въ ошибочности своихъ взглядовъ, — что, однимъ словомъ, и интеллигенція, и ея дѣтище—литература—*вернутся* къ тому идейному багажу, который мы, старики, всю жизнь—и словомъ, и дѣломъ,—несли на своихъ плечахъ“... И вотъ, представляя образцы этой защиты дорогого „идейнаго багажа“ и давая матеріалъ для характеристики времени и его борьбы, авторъ со вздохомъ облегченія и удовлетворенія констатируетъ, что теперь „смута умовъ“, такъ сильно измучившая автора и его единомышленниковъ и соратниковъ въ борьбѣ, заканчивается, и что „фаланга“ имѣетъ

теперь всѣ основанія „снова и снова надѣяться и, пожалуй, даже торжествовать побѣду—не свою, а своей идеи“.

Не столь увѣренно и побѣдно настроенъ авторъ другой книги, посвященной исторіи и значенію тѣхъ „сумерокъ“, которыя окутали нашу жизнь и литературу непроницаемымъ покровомъ съ начала 80-хъ годовъ. Характеризуя омертвѣніе жизни и упадокъ литературы 80-хъ годовъ, а также порожденные ими измельчаніе идеаловъ, общественный индифферентизмъ, культъ „малыхъ дѣлъ“, и „средняго человѣка“, „совершенствованіе личности“ и „равнодушіе къ добру и злу“,—г. Новополинъ не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что было въ началѣ „болѣзненнаго“ процесса, и что стало къ концу его, между началомъ „смуты“ и концомъ всѣхъ „пересмотровъ“, окончившихся, какъ извѣстно, совсѣмъ неожиданно. Нужно замѣтить тутъ же, что книга г. Новополина написана, видимо, въ 1900 году,—по крайней мѣрѣ, такая помѣтка стоитъ въ концѣ ея). Вслѣдствіе этого, онъ впадаетъ въ черезчуръ мрачный, по нашему мнѣнію, тонъ и въ слишкомъ большую огульность выводовъ и характеристикъ. Такъ, во второй главѣ „Упадокъ литературы“ авторъ соглашается съ мрачными вороньими карканьями „гонителей русской общественности“ и также находитъ полное, безнадежное и непоправимое „паденіе“ литературы, характеризуя ея настоящее состояніе едва ли не преувеличенными отрицательными чертами: „Богатые, стройные колосья замѣнились захудалыми, тощими колосиками, *чуть замѣтными* между чертополохомъ и полынью“. Въ послѣдней главѣ „Походъ противъ 60-хъ и 70-хъ годовъ“ довольно подробно разсмотрѣны и оцѣнены выходки и вылазки противъ „наслѣдія“ предыдущихъ десятилѣтій со стороны представителей „свободной критики“, т. е., главнымъ образомъ со стороны восьмидесятниковъ“, между тѣмъ, какъ походъ продолжался и въ 90-хъ годахъ, хотя и въ другомъ родѣ. Правда, этотъ пробѣлъ восполняется предыдущей главой „Марксизмъ“, правильно и цѣльно воспроизводящей первый большой выходъ нашихъ „учениковъ“, но тутъ опять нѣтъ детальной и послѣдовательной разработки всѣхъ фазисовъ развитія этого движенія, а отмѣчены слишкомъ огульно и безотносительно однѣ его отрицательныя черты, между тѣмъ, какъ теперь возможно болѣе объективное и вдумчивое къ нему отношеніе.

Нѣкоторою абстрактностью и той же огульностью отличается вся схема эволюціи, чрезъ которую прошелъ весь общественный недугъ, разъѣдавшій общественный организмъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Не то, чтобы эта схема была ложна по существу. Всѣ входящіе въ нее элементы на лицо или были на лицо, и перечисленные въ ней періоды, дѣйствительно, переживались: „періодъ скорби за идеалъ“ и „слезъ о свободѣ“, „періодъ скорбнаго раздумья“, „періодъ культуртрегерства и апологіи средняго человѣка“ (Такъ называются 4, 5 и 6 главы). Нельзя также отрицать, что пере-

живался періодъ увлеченья „совершенствованіемъ личности“ и „непротивленіемъ злу“ (глава 7), пропаганды философіи „по ту сторону добра и зла“ (глава 8) и общаго „равнодушія къ добру и злу“ (глава 9). Но какъ долго они продолжались и въ какой послѣдовательности, въ какомъ порядкѣ они смѣнялись или же сосуществовали одновременно, — трудно будетъ опредѣлить даже значительно позднѣе, а не то, что теперь, почти въ разгаръ событій. Нѣсколько произвольнымъ намъ кажется пріурочивать къ каждому изъ этихъ періодовъ кого-нибудь изъ нашихъ современныхъ и наиболѣе выдающихся писателей-художниковъ. Безъ сомнѣнія, Гаршинъ, по всему своему нравственному облику и трагичности судьбы, можетъ быть отнесенъ къ выразителямъ періода „боли за идеалъ“ и „слезъ о свободѣ“. Но онъ принадлежитъ не къ одному этому періоду и столько же олицетворялъ эту „скорбь“ и „слезы“, сколько и дѣятельную проблему своего поколѣнія (не „восьмидесятниковъ“). Мораль и философію Л. Н. Толстого тоже нельзя сводить къ ученію о „совершенствованіи личности“ и „непротивленіи злу“. Къ тому же, его ученіе и практика 80-хъ годовъ отличаются значительно отъ его морали и дѣятельности послѣдняго десятилѣтія...

Книга г. Новополина заслуживаетъ лучшей внѣшности, чѣмъ та, которая ей придана. Мы увѣрены, что она дождется второго изданія и получитъ болѣе полную и тщательную отдѣлку въ деталяхъ.

Сказки и легенды, собранныя братьями Гриммъ. Пер. А. С. Фридеманъ. Изд. О. Н. Поповой. 2 т. Спб. 1903.

Избранныя сказки братьевъ Гриммъ. Пер. А. С. Фридеманъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903.

Разговоры о бѣдности нашей переводной литературы поднимаются довольно часто и обставляются нерѣдко довольно убѣдительными данными. Она, дѣйствительно, бѣдна, и въ ней есть чувствительные и своеобразные пробѣлы. Но убѣдительность тѣхъ данныхъ, которыми доказываютъ ея бѣдность, весьма условна; съ внѣшней стороны они безспорны, но если разобраться въ нихъ, то окажется, что многое изъ „классиковъ“ иностранныхъ литературъ остается внѣ перевода безъ всякаго вреда для русскаго читателя. Очень легко взывать о томъ, что у насъ—помилуйте!—не переведена Магабгарата; не такъ ужъ трудно и заполнить такой пробѣлъ. Но вотъ, онъ заполненъ; переводчикъ и издатель приносятъ жертвы и жертвы эти оказываются безплодными: вожделѣнный классикъ встрѣчаетъ нѣсколько рецензій—скучный и мелочный разборъ спеціалиста, развязный разговоръ неуча, вчера еще не знавшаго о существованіи классика, безразличный отзывъ цехового журнальнаго оцѣнщика, давно притупившаго свою чуткость и свои знанія—и затѣмъ полное, мертвое равно-

душіе публики, которую такъ легко было изображать рвущейся пріобщиться къ сокровищамъ всемірной литературы. Если бы у насъ не было перевода „Мессіады“ или „Гамбургской драматургіи“ или „Персидскихъ писемъ“ или „Обрученныхъ“ или „Тристрама Шенди“, то какъ легко было бы говорить о пробѣлахъ. Но эти произведенія появляются—и ихъ не читаютъ въ переводѣ, какъ не читали въ подлинникѣ, и они перестаютъ быть пробѣлами лишь въ каталогахъ книжныхъ складовъ. Нѣмцы не читаютъ „Мессіаду“ и откровенно заявляютъ объ этомъ; мы лицемѣримъ и переводимъ ее, тратя безцѣльно столь нужныя силы, время и вниманіе.

Къ такимъ не нуждающимися въ переводѣ классическимъ произведеніямъ принадлежитъ обширное собраніе нѣмецкихъ сказокъ и легендъ, появленіе котораго нѣкогда составило эпоху въ изученіи народной словесности. Спеціалисту переводы ненужны, для обыкновеннаго читателя они едва ли интересны, для дѣтей—которыхъ, судя по виду книги, имѣло въ виду изданіе—они во многихъ случаяхъ вредны. Распространено мнѣніе о какой-то особенной пригодности произведеній народной словестности для дѣтей; это обывательское воззрѣніе не разъ подвергалось основательной критикѣ. Есть точки соприкосновенія между душой дѣтской и душой простого человѣка, но едва ли надо доказывать, что не всякое произведеніе древняго творчества — начиная съ Библіи — пригодно сплошь и въ сыромъ видѣ для ребенка, какъ бы оно ни было значительно и содержательно, велико и свято. И менѣе всего пригодны для него очень и очень многія изъ гриммовскихъ сказокъ съ ихъ причудливой космогоніей, случайностью этическихъ мотивовъ, сложностью міровоззрѣнія, лежащаго въ ихъ основѣ. Все это безконечно интересно и поучительно для основательнаго и глубокаго изученія, но врядъ ли умѣстно въ рукахъ ребенка. Можно быть какого угодно мнѣнія о роли моральнаго элемента; можно игнорировать отсутствіе прѣсной морали или возмущаться ея ненужной, антихудожественной и антивоспитательной ролью въ прежней дѣтской литературѣ; но надо помнить, что если книги безсильны создать хорошихъ или дурныхъ людей, то онѣ легко дѣлаютъ людей лучше или хуже. И трудно сказать, какое поученіе вынесутъ дѣти изъ разсказовъ, гдѣ сплошь и рядомъ побѣдное торжество принадлежитъ ловкому пройдохѣ, гдѣ успѣхъ падаетъ съ неба въ руки безразличному безъ всякихъ заслугъ съ его стороны, гдѣ безсмысленное зло играетъ ту именно роль, которую оно играетъ въ испуганной мысли древняго человѣка. Сказки создавались вѣками; въ нихъ отлагалось все безграничное разнообразіе индивидуальныхъ воззрѣній, теоретическихъ и практическихъ; ихъ антропоморфизмъ имѣлъ опредѣленное и ограниченное значеніе, какого теперь не имѣетъ: и весь этотъ міръ первобытной жизни, сложной, свое-

образной, жестокой, вторгается въ душу ребенка. Онъ сдѣлаетъ изъ этого свои выводы, которыхъ не имѣли въ виду ни древній творецъ-народъ, ни современный воспитатель. Сказки нужны дѣтямъ, но далеко не всѣ, и выборъ надо дѣлать съ толкомъ.

Опытъ такого выбора сдѣланъ довольно удачно въ сокращенномъ изданіи гриммовскихъ сказокъ, лежащихъ предъ нами; онъ, впрочемъ, не былъ труденъ. Сюда вошли по преимуществу сказки, уже освященныя давнимъ примѣненіемъ въ дѣтскомъ чтеніи и въ этомъ отношеніи не возбуждающія сомнѣній; здѣсь „Золушка" и „Мальчикъ съ пальчикъ", „Красная Шапочка" и „Дѣдушка и внучекъ", „Гензель и Гретель" и „Шиповничекъ" и т. п. Эта книжка вполнѣ пригодна для дѣтей.

Т. Лубенецъ. Педагогическія бесѣды. Спб. 1903.

Бесѣды, собранныя въ книгѣ г. Лубенца, представляютъ собою результатъ его практической дѣятельности въ народной школѣ, личныхъ наблюденій и теоретическихъ изученій, и въ свое время обращены были неоднократно къ слушателямъ педагогическихъ курсовъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ. Онѣ трактуютъ о постановкѣ предметовъ обученія въ начальной школѣ, о пріемахъ обученія, о воспитательныхъ средствахъ и цѣляхъ: о вступительномъ урокѣ и о школьной дисциплинѣ, о букваряхъ и книгахъ для чтенія, о заучиваніи стихотвореній и о письменномъ изложеніи мыслей, о наглядномъ преподаваніи и о языкѣ малорусской школы, о диктовкахъ и о дисциплинѣ. Содержаніе книги разнообразно и полно; въ своихъ совѣтахъ учителямъ авторъ охотно и умѣло опирается на убѣдительныя данныя своего богатаго опыта; его здравыя и положительныя воззрѣнія на подробности преподаванія въ общемъ заслуживаютъ сочувствія. Дидактика занимаетъ господствующее мѣсто въ книгѣ, которая не дѣлается оттого менѣе интересной для тѣхъ, кого имѣлъ въ виду авторъ. Мы назвали бы основную идею, не формулированную отчетливо, но положенную въ основаніе его бесѣдъ, идеей естественнаго обученія; довѣріе къ природнымъ силамъ и нравственной личности ученика—такова основа его дидактическихъ и педагогическихъ совѣтовъ. Ученикъ есть нѣчто данное; отъ него надо отправляться; использовать во всей полнотѣ то, что онъ собою представляетъ, такова задача настоящаго педагога. Преподаваніе должно быть всегда и во всемъ легко не потому, что боязно затруднить ученика, но потому, что эта легкость есть гарантія естественности преподаванія, его внутренней послѣдовательности, его воспитательнаго характера.

Съ точки зрѣнія этихъ основныхъ идей, успѣшно проведенныхъ на различныхъ детальныхъ совѣтахъ, даваемыхъ въ полезныхъ бесѣдахъ г. Лубенца, наше вниманіе остановила одна глава

не вполнѣ согласная съ общимъ духомъ его книги,—глава о первоначальномъ обученіи въ народныхъ школахъ, гдѣ дѣти говорятъ на малорусскомъ нарѣчіи. „Господствующимъ языкомъ обученія въ начальныхъ школахъ нашего обширнаго отечества, само собою разумѣется, долженъ быть русскій литературный языкъ". Если „само собою разумѣется", то можно-бы обойтись и безъ доводовъ. Однако, авторъ ихъ приводитъ, хотя уже лучше бы онъ ихъ не приводилъ. Вотъ они: „Такой языкъ нуженъ нашему крестьянину прежде всего, какъ языкъ общегосударственный: на немъ пишутся законы, производится судъ и, наконецъ, дѣлаются всякаго рода правительственныя распоряженія. Возставать противъ употребленія русскаго литературнаго языка въ малорусскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ народныхъ школахъ значитъ идти наперекоръ нуждамъ крестьянскаго населенія того или другого края. Кромѣ того, русскій языкъ есть въ то же время языкъ интеллигенціи и литературы, и потому, какъ образовательное средство, онъ положительно незамѣнимъ въ школахъ. Слѣдовательно, знаніе русскаго языка составляетъ существеннѣйшую и необходимую потребность каждаго русскаго гражданина". Послѣднее—безспорно, и, однако, право, трудно сказать, что болѣе удивительно въ этомъ разсужденіи: его безсиліе доказать то, что оно должно доказывать, его кургузый утилитаризмъ, не видящій въ языкѣ ничего, кромѣ средства судиться и учиться, или, наконецъ, его покорное преклоненіе предъ фактами, которые могли бы вызвать совсѣмъ иное отношеніе.

Надо ли доказывать, что языкъ, котораго дѣти не знаютъ, не можетъ быть языкомъ обученія; можно учить тому, чего ученикъ не знаетъ, но немыслимо учить его при посредствѣ того, чего онъ не знаетъ: вѣдь ученіе есть неизмѣнный переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, какъ же можно объяснять что нибудь новое при посредствѣ того, что само неясно. Знаніе русскаго языка есть необходимая потребность русскаго гражданина?—хорошо, пусть русскій языкъ поэтому и будетъ важнѣйшимъ предметомъ преподаванія въ школѣ, дѣти которой его не знаютъ; а что они его не знаютъ въ школѣ малорусской, доказываетъ г. Лубенецъ достаточно убѣдительными данными; по его мнѣнію, эти данныя доказываютъ только, что „было бы крайне неразумно требовать, чтобы народный сельскій учитель въ своей практикѣ совершенно избѣгалъ мѣстнаго нарѣчія". Съ другой стороны, все же возставать противъ употребленія русскаго языка въ малорусской школѣ значитъ „идти наперекоръ нуждамъ" народа. Но въ чемъ эти нужды? Неужто въ томъ, чтобы научиться понимать законы на счетъ самостоятельнаго пониманія другихъ, болѣе важныхъ вещей. Элементарное правило педагогики требуетъ: исходить изъ данныхъ духовныхъ средствъ ученика и использовать ихъ до конца, ибо только этимъ путемъ можно

воспитать въ немъ то, что подлежитъ воспитанію: прежде всего работу мысли. Недостаточно усвоенныя формы чужого языка убиваютъ мысль. Авторъ самъ говоритъ о нѣкоторыхъ возможныхъ недостаткахъ, вызываемыхъ вторженіемъ незнакомаго языка въ сферу дѣтской мысли; таковы „привычка не останавливаться на усвоиваемой мысли, не вдумываться въ предметъ изученія, развитіе склонности къ многословію, результатомъ чего невольно появляется навыкъ къ путаницѣ“; но онъ считаетъ это лишь результатомъ „заучиванія заразъ большого количества неизвѣстныхъ словъ въ началѣ обученія русскому языку“. А то, что педагогу въ выясненіи важнѣйшихъ предметовъ, въ пріученіи къ твердому самостоятельному движенію мысли придется опираться на сутолоку, внесенную въ дѣтскій умъ неусвоенными категоріями родственнаго, *но тѣмъ болѣе путающаго* языка,—это авторъ считаетъ, очевидно, вопросомъ второстепеннымъ. Если бы еще онъ опирался на признаніе неустранимыхъ фактовъ, еслибы онъ говорилъ: „въ малорусской школѣ приказано преподавать по русски; это неизбѣжно—постараемся смягчить антипедагогическое значеніе этого порядка вещей“: мы сказали бы, что это практикъ, реалистъ, считающійся съ тѣмъ, что есть. Но г. Лубенецъ идетъ дальше и, рѣшительно отстаивая „временное устное употребленіе въ южнорусской народной школѣ малорусскаго нарѣчія и примѣненіе первой учебной книжки, принаровленной къ обученію грамотѣ въ южно-русскихъ мѣстностяхъ“, становится теоретикомъ и апологетомъ современнаго положенія и столь же рѣшительно, хотя и менѣе основательно утверждаетъ: „тѣсная внутренняя связь и близкое родство между малорусскимъ и общерусскимъ литературнымъ языкомъ настолько очевидны, что общее преподаваніе на малорусскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ *немыслимо*“. Курсивъ нашъ, и мы употребили его, чтобы подчеркнуть смѣлость автора; такими логическими курбетами можно доказать что угодно.

Кеннингэмъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. (Средніе вѣка и новое время). М. 1903.

Небольшая, но содержательная и продуманная книжка профессора кембриджскаго университета Кеннингэма представляетъ собою продолженіе ранѣе изданнаго имъ обзора исторіи древняго міра съ той же, т. е. экономической точки зрѣнія. Книга Кеннингэма охватываетъ исторію Западной Европы съ пятаго столѣтія вплоть „до нашихъ дней“. Разумѣется, отъ небольшого тома, какой представляетъ собой сочиненіе Кеннингэма, нельзя ожидать, чтобы онъ далъ сколько-нибудь полную картину экономической исторіи Западной Европы за послѣдніе полтора тысячелѣтія. Авторъ и не ставитъ себѣ такой задачи. Его задача—бо-

лѣе скромная: это—окинуть однимъ взглядомъ, какъ бы съ высоты птичьяго полета, картину историческаго развитія Западной Европы, взглянувъ на эту картину съ одной, спеціальной точки зрѣнія—экономической. Спѣшимъ заранѣе разочаровать поклонниковъ экономическаго матеріализма въ исторіи. Въ книгѣ Кеннингэма они напрасно стали бы искать излюбленнаго ими „метода“ подрубанія исторической дѣйствительности подъ прокрустово ложе ихъ апріорныхъ и—не въ обиду имъ будь сказано—довольно-таки узкихъ идей. Все сочиненіе англійскаго ученаго проникнуто глубоко научнымъ духомъ,—духомъ серьезнаго изслѣдованія и вдумчиваго отношенія къ той сложной проблемѣ, которая называется историческою дѣйствительностью. Онъ стремится ее понять и объяснить безъ всякой предвзятой теоріи, безъ всякаго заранѣе приготовленнаго объясненія. Стараясь понять и объяснить исторію „западной цивилизаціи съ экономической точки зрѣнія“, онъ вовсе не претендуетъ на то, чтобы истолковать всю многосложную совокупность элементовъ историческаго процесса исключительно экономическими факторами. Онъ довольствуется лишь тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно и долженъ, при современномъ состояніи историческихъ знаній, ограничиться историкъ,—то есть выясненіемъ той роли, какую тѣ или другіе факторы экономическаго порядка играли въ исторіи „западной цивилизаціи“. И эта роль, дѣйствительно, выяснена авторомъ, если и не детально,—что, впрочемъ, и не входитъ въ его задачу,—то во всякомъ случаѣ довольно отчетливо и въ общемъ исторически-вѣрно. Но Кеннингэмъ не ограничивается характеристикой вліянія хозяйственныхъ факторовъ на культурную и политическую исторію Западной Европы,—онъ старается выяснить также и другую сторону дѣла, именно вліяніе факторовъ культурныхъ и политическихъ на исторію хозяйственныхъ отношеній. Въ этомъ отношеніи особенно интересна первая часть книги, гдѣ авторъ старается выяснить значеніе христіанства для хозяйственнаго развитія Западной Европы.

Книга Кеннингэма написана занимательно и общедоступно. Это не значитъ однако, чтобы чтеніе ея не требовало извѣстной подготовки. Для читателя, который взялъ бы ее въ руки, не прослушавъ или не прочитавъ предварительно курса исторіи Западной Европы въ средніе вѣка и новое время и хотя бы краткаго руководства по политической экономіи, добрая половина богатаго, но крайне сконцентрированнаго содержанія этой книги пропадетъ даромъ, не усвоенная, не оцѣненная, не понятая.

Относительно перевода, не имѣя подъ руками оригинала, ничего не можемъ сказать о его точности. Что же касается языка, то онъ довольно грамотенъ, что, какъ извѣстно, далеко не представляетъ собою зауряднаго явленія. Но было бы во всякомъ случаѣ лучше, если бы переводчикъ избѣгалъ транскрипціи, вмѣ-

сто перевода, нарицательныхъ терминовъ („текстильное производство“, стр. 218), а на транскрипцію собственныхъ именъ обращалъ побольше вниманія („Бургъ“ вмѣсто „Буржъ“, стр. 146 „трентскій ссборъ“ вмѣсто „тридентскій“, стр. 135).

Во всякомъ случаѣ мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію проф. Мануилова, предпославшаго переводу книги Кеннингэма небольшое предисловіе, что „появленіе этой книги на русскомъ языкѣ представляется во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно желательнымъ“. Не сомнѣваемся, что она найдетъ себѣ сочувственный пріемъ у той части читающей публики, которая жаждетъ серьезнаго историческаго чтенія.

А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Спб. 1902.

Небольшая книжка г. Никольскаго, носящая столь громкое заглавіе, является плодомъ большого и довольно страннаго недоразумѣнія. Она представляетъ собою отдѣльное изданіе нѣсколькихъ статей, большинство которыхъ впервые было напечатано авторомъ въ теченіе первой половины прошлаго года въ газетѣ „Новое Время“. Въ свое время эти статьи вызвали суровую критику со стороны небезызвѣстнаго знатока современнаго юридическаго быта русскаго крестьянства, г. Страховскаго, помѣстившаго по поводу ихъ въ журналѣ „Право“ спеціальную замѣтку подъ краснорѣчивымъ заглавіемъ: „Какъ нельзя писать объ общинѣ“. Выпуская свои статьи отдѣльнымъ изданіемъ, г. Никольскій воспользовался названной замѣткой для исправленія нѣкоторыхъ изъ допущенныхъ въ нихъ фактическихъ ошибокъ, но не счелъ нужнымъ въ чемъ-либо измѣнить свою основную мысль. Между тѣмъ, именно эта основная мысль, опредѣляющая собою все содержаніе писаній г. Никольскаго, является однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Постараемся указать его сущность по возможности въ короткихъ словахъ.

Признавая современное экономическое положеніе русскаго крестьянства весьма печальнымъ, г. Никольскій вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что вся тяжесть этого положенія создана исключительно общиной или, какъ онъ порою предпочитаетъ выражаться, общиннымъ порядкомъ. Высказывая столь смѣлую мысль, авторъ не трудится сколько-нибудь внимательно разобраться въ порядкахъ общиннаго землевладѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ограничивается и однимъ повтореніемъ шаблонныхъ обвиненій общины въ томъ, что она стѣсняетъ предпріимчивость крестьянина и мѣшаетъ сельскохозяйственному прогрессу. Вредъ, приносимый общиной, по мнѣнію г. Никольскаго, несравненно шире и глубже, такъ какъ отъ общины ведутъ свое начало всѣ тѣ стѣсненія правъ личности, какія только существуютъ въ крестьянскомъ быту и отличаютъ этотъ бытъ отъ жизни другихъ сословій. Такъ, напри-

мѣръ, ограниченіе семейныхъ раздѣловъ „является вполнѣ логичною и даже необходимою принадлежностью общиннаго быта“ (55). Авторъ знаетъ, что, не смотря на законъ, ограничивающій семейные раздѣлы, въ крестьянскомъ быту „постоянно и въ огромномъ количествѣ происходятъ раздѣлы самовольные“, но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ его заключеніямъ о „логикѣ общиннаго быта“, такъ какъ такая логика, согласно оригинальному представленію г. Никольскаго, проявляется въ дѣйствіяхъ не столько самихъ крестьянъ, сколько весьма далекихъ отъ нихъ общественныхъ сферъ. „Эта вопіющая логика общиннаго строя,—поясняетъ онъ,—до такой степени несокрушима, что, когда проводился законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой полагалъ даже возможнымъ предоставить сельскому обществу отбирать полевой надѣлъ у самовольно отдѣлившихся крестьянъ и лишать ихъ права на какую-либо долю имущества двора“ (56, 57). Идя тѣмъ же самымъ путемъ, г. Никольскій устанавливаетъ причинную связь между существованіемъ общины и отсутствіемъ у крестьянина права выдѣлиться изъ состава сельскаго общества безъ согласія послѣдняго, между общиной и паспортными порядками, установленными для крестьянъ. Тотъ порядокъ, при которомъ „сельскій міръ можетъ при существованіи за кѣмъ-либо недоимокъ отказать въ возобновленіи паспорта на отлучку, отобрать надѣлъ, подвергнуть даже тѣлесному наказанію, отказать въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства и тѣмъ, между прочимъ, закрыть доступъ въ учебныя заведенія, находящіяся въ городахъ, и на службу гражданскую, а лицъ, считаемыхъ имъ вредными и порочными, предоставить въ распоряженіе правительства безъ суда и слѣдствія“, составляетъ, по словамъ автора,—„прямое, логическое послѣдствіе общиннаго быта“. Правда, эти „послѣдствія общиннаго быта“ существуютъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ общиннаго землевладѣнія. Но это обстоятельство нисколько не смущаетъ г. Никольскаго, считающаго въ виду его необходимымъ лишь „сдѣлать оговорку о томъ, что общинный бытъ, имѣющій свои корни въ общинномъ землевладѣніи, не составляетъ, къ сожалѣнію, исключительной принадлежности тѣхъ только мѣстностей, въ которыхъ преобладаетъ общинное землевладѣніе“ (71—2, 73). Иначе говоря, г. Никольскій смѣшалъ общинное землевладѣніе съ тѣмъ положеніемъ, которое предоставлено у насъ крестьянству, какъ сословію, и съ функціями сельскаго общественнаго управленія и крестьянскихъ учрежденій, и результаты двухъ послѣднихъ изъ указанныхъ причинъ всецѣло отнесъ на счетъ первой, попутно найдя общинный бытъ и тамъ, гдѣ нѣтъ самой общины.

Разъ открывъ этотъ миѳическій „общинный бытъ“, равно существующій въ мѣстностяхъ съ общиннымъ и подворнымъ земле-

владѣніемъ, г. Никольскій не щадитъ уже красокъ для изображенія вредныхъ послѣдствій изобрѣтеннаго имъ призрака. Община, по его словамъ, ставитъ крестьянъ въ условія, худшія даже тѣхъ, въ какихъ они находились при крѣпостномъ правѣ. „Общинный строй гражданскихъ правоотношеній въ крестьянскомъ быту“ даетъ „полную аналогію съ крѣпостнымъ состояніемъ, съ тою развѣ разницей, что въ крѣпостномъ состояніи крестьяне имѣли въ своемъ господинѣ очень часто человѣка болѣе или менѣе просвѣщеннаго, культурнаго, понимающаго основы правильнаго гражданскаго правопорядка, тогда какъ новый господинъ крестьянъ—сельскій міръ—такъ же теменъ, какъ и вся сельская масса, но при этомъ лишенъ чувства нравственной отвѣтственности и порядочности и сплошь и рядомъ болѣе чѣмъ доступенъ самымъ дряннымъ вліяніямъ, особенно, когда проводникомъ послѣднихъ является достаточное количество зелена-вина“ (76). Никто иной, какъ общинный бытъ, виноватъ и въ сохраненіи розги для крестьянъ: „логика общиннаго начала плохо уживается съ чувствомъ человѣческаго достоинства, такъ что напрасно приписываютъ какъ бы правительственному недосмотру ту „особенность“ общиннаго быта, что тамъ до сихъ поръ розга еще сохраняетъ права гражданства“ (138). Мало того,—общинный бытъ создалъ даже пониженіе нравственнаго уровня крестьянъ. „Семейныя добродѣтели, почтеніе къ родителямъ, къ старшимъ,—все это теперь, по общимъ отзывамъ, ниже, чѣмъ было въ крѣпостную эпоху“,—и виноватъ въ этомъ общинный бытъ (139—140). Наконецъ, тотъ же общинный бытъ мѣшаетъ проникновенію въ деревенскую жизнь вліянія какъ церкви, такъ и школы. „Вліяніе церкви ослабляется тѣми же общинными началами, проникающими въ плоть и кровь, ибо церковь обращаетъ свой голосъ къ личности, одаренной волею, свободной въ своихъ поступкахъ, сознающей свою нравственную отвѣтственность, а крестьянинъ обезличенъ общиннымъ началомъ и его примѣненіемъ—стаднымъ строемъ всего быта“. Борьба съ невѣжествомъ деревни при помощи школы и распространенія грамотности въ свою очередь „очень затрудняется тѣмъ же общиннымъ складомъ крестьянскаго быта, такъ какъ этотъ бытъ становится поперекъ дороги всякой попыткѣ, всякому отдѣльному усилію примѣнить къ жизни и къ дѣлу знанія, вынесенныя изъ школъ“ (140).

Этотъ „общинный бытъ“, повинный въ столь пагубныхъ послѣдствіяхъ и существующій даже тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія, очевидно, не тожественъ съ тою общиной, какая существовала еще при крѣпостномъ правѣ и затѣмъ пережила его паденіе, будучи укрѣплена положеніемъ 19 февраля 1861 г. Дѣйствительно, г. Никольскій удостовѣряетъ, что открытый имъ „общинный бытъ“ имѣетъ весьма недавнее происхожденіе и созданъ ничѣмъ инымъ, какъ „народничествомъ“, которымъ заразились

высшія административныя сферы Россіи съ середины 70-хъ годовъ. Авторы положенія 19 февраля, по словамъ г. Никольскаго, разсматривали общинное устройство крестьянъ, какъ временную мѣру, но затѣмъ „основы крестьянскаго быта, созданнаго положеніемъ 19 февраля какъ бы въ видѣ временного, переходнаго порядка, подъ вліяніемъ „народническаго“ направленія въ послѣднее 20-лѣтіе, были закрѣплены цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣръ, которыя изолировали крестьянскій бытъ гораздо въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ при освобожденіи изъ крѣпостной зависимости“. Результатами этого „народническаго направленія“ явились законодательное ограниченіе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ въ 1886 г., положеніе 1889 г. о земскихъ начальникахъ и нѣкоторые другіе законы послѣднихъ лѣтъ. Въ то же время „высшія судебно-административныя инстанціи, властно руководящія крестьянскимъ дѣломъ, настойчиво и систематически работали надъ созданіемъ коллективизма въ крестьянскомъ благоустройствѣ и правопорядкѣ“, при чемъ „особенно видное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Правительствующему Сенату“ (131—5). Чрезвычайно ярко изобразивъ тѣ опасности, какими грозитъ созданный народничествомъ администраціи коллективизмъ крестьянскаго быта, г. Никольскій переходитъ, наконецъ, къ перечисленію мѣръ, какими можно спасти отечество. Главнѣйшія изъ предлагаемыхъ имъ мѣръ сводятся къ слѣдующему. На крестьянъ надо распространить силу гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ X томѣ дѣйствующаго свода законовъ. Власть земскихъ начальниковъ слѣдуетъ распространить на лицъ всѣхъ сословій, сохранивъ за названной должностью ея сословный характеръ, но предоставивъ ея носителямъ при отправленіи своихъ судебныхъ функцій руководствоваться уставами мирового суда. Волостные суды и правленія слѣдуетъ преобразовать во всесословныя учрежденія, съ тѣмъ, однако, чтобы судьи и старшины не выбирались, а назначались, дабы при „дарованіи крестьянскому сословію дѣйствительной гражданской свободы“ оно „не явилось фактическимъ руководителемъ волостного управленія“. Наконецъ, надо предоставить отдѣльнымъ домохозяйствамъ право выдѣла полевой надѣльной земли изъ общиннаго землевладѣнія въ участковое. „Кто хочетъ хозяйственной самостоятельности, пусть выдѣляется; кто предпочитаетъ оставаться участникомъ общиннаго землевладѣнія, пусть остается имъ. Вотъ и вся реформа,—восторженно восклицаетъ г. Никольскій.—Никакой ломки, никакого насилія, а лишь устраненіе существующаго насилія“ (188—194). Пока такая мѣра остается на бумагѣ, нѣтъ, конечно, ни ломки, ни насилія. Но нѣтъ нужды доказывать, что попытка проведенія подобной „реформы“ въ жизнь повела бы къ грандіозной ломкѣ и во многихъ случаяхъ отозвалась бы серьезнымъ насиліемъ.

Читатель, быть можетъ, давно уже сѣтуетъ на насъ за то, что

мы такъ долго останавливаемъ его вниманіе на такомъ несомнѣнномъ пустякѣ, какимъ является книжка г. Никольскаго. Но дѣло въ томъ, что эта сумбурная и глубоко невѣжественная книжка представляетъ собою типичный образчикъ той безцеремонной развязности, съ какою гг. нововременскіе публицисты приступаютъ къ наиболѣе сложнымъ вопросамъ нашей жизни. Желая воспроизвести такой образчикъ возможно полнѣе, мы и позволили себѣ такъ подробно остановиться на плодахъ своеобразнаго юридическаго и историческаго творчества г. Никольскаго.

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб., 1902.

За послѣднее время въ нашей общественной жизни, а отчасти и въ нашей литературѣ, все чаще приходится наблюдать проявленія болѣе или менѣе серьезнаго вниманія къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства. Въ прямой связи съ этимъ все чаще слышатся и рѣчи о необходимости устраненія всякаго рода принудительныхъ воздѣйствій въ области религіозныхъ вѣрованій. Затрагиваемый этими рѣчами вопросъ давно уже принадлежитъ къ числу наиболѣе острыхъ и жгучихъ вопросовъ русской жизни и, конечно, наивно было бы ожидать, что онъ можетъ быть рѣшенъ внезапно, внѣ всякой зависимости отъ иныхъ сторонъ общественнаго и государственнаго быта. Сколько-нибудь прочное и широкое рѣшеніе этого вопроса, несомнѣнно, остается пока дѣломъ будущаго, но тѣмъ болѣе причинъ въ настоящемъ привѣтствовать всякое обращеніе вниманія общества въ его сторону, какъ лишнюю пройденную ступень на лѣстницѣ, ведущей къ такому будущему. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ заслуживаетъ привѣтствія книга г. Бобрищева - Пушкина, поставившаго своею задачей разсмотрѣніе нѣкоторыхъ особенностей той роли, какую играетъ въ настоящее время судъ передъ лицомъ расколо-сектантскаго движенія. Въ своемъ предисловіи авторъ самъ указываетъ, что его книга можетъ получить для читателя двоякое значеніе. Съ одной стороны, она можетъ содѣйствовать установленію „надлежащей точки зрѣнія на наблюдаемое нынѣ все большее и большее усиленіе раскалыванія русской земли въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ“, съ другой — можетъ оказаться „полезной судебнымъ дѣятелямъ въ ихъ затруднительномъ нынѣ по дѣламъ раскольниковъ - сектантовъ положеніи“. Въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ, хотя, быть можетъ, и не въ равной мѣрѣ, книга г. Бобрищева-Пушкина является, дѣйствительно, полезнымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы.

Сравнительно менѣе интереса представляетъ первая половина книги, состоящая изъ двухъ главъ, трактующихъ объ „общихъ условіяхъ борьбы государства и церкви съ раскольниками и сек-

тантами“ и о „средствахъ и пріемахъ борьбы съ отступниками“. Изложеніе автора въ этихъ главахъ страдаетъ нѣкоторой безсистемностью, подчасъ сильно дающей себя чувствовать читателю. Къ тому же авторъ, удѣляя въ этой части своего труда немало мѣста для воспроизведенія исторіи отношеній русскаго государства къ церкви въ прошломъ, порою пользуется для такого воспроизведенія черезчуръ спеціальными, а то и устарѣлыми работами, оставляя въ сторонѣ новѣйшія и болѣе общія изслѣдованія, которыя дали бы ему возможность легче и успѣшнѣе разобраться въ трактуемыхъ имъ вопросахъ. Неоднократно жалуясь на недостатокъ научной литературы о расколѣ и сектантствѣ, г. Бобрищевъ-Пушкинъ въ то же время не пользуется даже извѣстными „Очерками по исторіи русской культуры“ П. Н. Милюкова. Съ другой стороны и въ тѣхъ случаяхъ, когда автору извѣстны вполнѣ опредѣленные выводы научной литературы, онъ не всегда съ достаточною послѣдовательностью проводитъ эти выводы въ собственномъ трудѣ. Такъ, принимая, по собственному признанію, большинство положеній цѣнной работы г. Рейснера („Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону“), онъ, однако же, временами стремится какъ бы смягчить рѣзкій, но отвѣчающій дѣйствительности характеръ этихъ положеній оптимистическими утвержденіями, которыя въ дальнѣйшемъ опровергаются приводимыми имъ же фактами. При всемъ томъ, главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ этой части своего труда, сохраняютъ свое значеніе. „Важно помнить,—такъ формулируетъ онъ наиболѣе существенный изъ этихъ выводовъ,—что у государства есть свои независимые отъ церкви интересы и обязанности, и обратно въ такомъ же положеніи находится и церковь: было бы большой ошибкой и могло бы вызвать очень опасныя послѣдствія смѣшеніе въ цѣляхъ и въ дѣятельности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ“ (50). Нѣсколько труднѣе согласиться съ г. Бобрищевымъ-Пушкинымъ, когда онъ рѣшительно утверждаетъ, что такой выводъ „не только вѣренъ теоретически, но оказывается назрѣвшимъ и проведеннымъ болѣе или менѣе послѣдовательно за послѣднія два столѣтія до нынѣшняго времени черезъ всю административно-законодательную дѣятельность русскаго правительства“ (103). Если несомнѣнно, что подобный выводъ оказывается назрѣвшимъ, если можно даже утверждать, что общее теченіе русской жизни направляется къ его признанію, то все еще необходимо оговорить, что путь, ведущій къ такому признанію, проходится лишь крайне медленно и идетъ большими зигзагами.

Краснорѣчивыя доказательства этого въ изобиліи даются, между прочимъ, въ трехъ послѣднихъ главахъ работы самого г. Бобрищева-Пушкина. Эти послѣднія главы, въ которыхъ авторъ является уже болѣе самостоятельнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ и наиболѣе цѣнную часть его труда. Центральнымъ пунк-

томъ ея служитъ обсужденіе того примѣненія, какое получаетъ въ практикѣ различныхъ судебныхъ инстанцій извѣстный законъ 1894 г., ограничившій права штундистовъ и въ частности воспретившій имъ молитвенныя собранія. Авторъ горячо возражаетъ противъ встрѣчающейся на практикѣ „спутанности понятій, благодаря которой церковь рисуется ея чрезмѣрно ревностному поборнику единственной опорой государства, долженствующаго отдать всѣ свои силы на служеніе ей". „Отсюда,—замѣчаетъ онъ,—простой, но глубоко ошибочный переходъ къ обязанности судьи преслѣдовать исключительно интересы господствующей церкви, не стѣсняясь ни закономъ, ни рамками изслѣдованія, ни даже принципами судебной этики. Если бы такое заключеніе было вѣрно, то, спасая государство, каждый судья въ сущности долженъ былъ бы превратиться въ миссіонера, и при томъ воинствующаго, а если онъ этого не дѣлаетъ, то онъ виноватъ" (128). Но въ дѣйствительности судья не миссіонеръ: онъ „дѣйствуетъ не во имя религіи" и долженъ стоять исключительно на почвѣ закона. Сообразно этому и законъ 1894 г. судья можетъ примѣнять лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вполнѣ доказано, что обвиняемые подходятъ подъ этотъ законъ, т. е. исповѣдуютъ именно то „штундистское" ученіе, формула котораго дана въ разъясняющемъ законъ 4 іюля 1894 г. циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г. То обстоятельство, что на практикѣ такихъ случаевъ можетъ вовсе не найтись, нисколько не ослабляетъ силы указаннаго требованія. Мало того, послѣднее,—какъ выясняетъ авторъ путемъ ряда интересныхъ справокъ съ противосектантской литературой,—пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду все усиливающагося въ миссіонерской средѣ стремленія распространять названіе штунды и на другія раціоналистическія секты и тѣмъ самымъ подводить ихъ подъ дѣйствіе исключительнаго закона 1894 г. Переходя къ порядку производства въ судахъ дѣлъ, возбуждаемыхъ на основаніи закона 1894 г., авторъ въ рядѣ не менѣе интересныхъ примѣровъ возсоздаетъ картину, своею яркостью поучительную не для однихъ только судебныхъ дѣятелей. „Съ каждымъ новымъ процессомъ,—такъ резюмируетъ онъ самъ впечатлѣніе этой картины,—все яснѣе сказывается полная невозможность сколько-нибудь, не только юридически, но и просто съ общей точки зрѣнія, разумно и толково проводить такіе процессы" (139). Доказательствъ обвиненія въ нихъ не бываетъ и по существу не можетъ быть, богословская же экспертиза, не говоря уже о томъ, что она исходитъ отъ лицъ, являющихся стороною въ дѣлѣ, не даетъ разъясненія конкретныхъ фактовъ, ограничиваясь обыкновенно лишь повтореніемъ общаго опредѣленія штунды. При такихъ условіяхъ обвинительные приговоры по дѣламъ о молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ не имѣютъ подъ собою реальной

почвы. Этотъ взглядъ автора, по его указанію, раздѣляется и Сенатомъ, не разъ уже отмѣнявшимъ въ кассаціонномъ порядкѣ подобные приговоры. Тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, состоявшіяся уже сенатскія рѣшенія не служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для обвинительныхъ приговоровъ низшихъ судебныхъ учрежденій въ другихъ аналогичныхъ процессахъ. Говоря объ этой сторонѣ дѣла, г. Бобрищевъ-Пушкинъ обнаруживаетъ, впрочемъ, несовсѣмъ понятный оппортунизмъ, доходя почти до готовности оправдывать дѣйствія низшихъ судовъ. Съ нѣсколько странною для юриста мягкостью онъ замѣчаетъ, что иногда „даже при полномъ убѣжденіи мѣстнаго судьи въ юридической неосновательности обвиненія вытекающій отсюда фактъ постоянныхъ оправданій не можетъ, однако, не представляться судьѣ неудобнымъ, слишкомъ дразнящимъ не-юристовъ, среди которыхъ онъ живетъ“, тогда какъ въ другихъ случаяхъ судья „неохотно уступаетъ обвинительнымъ вліяніямъ, какъ близкій свидѣтель житейскихъ неурядицъ, неизбѣжнаго слѣдствія религіозной распри“ (142). Едва-ли эти оправданія являются особенно вѣскими. Во всякомъ случаѣ самая возможность ихъ способна лишь подчеркнуть серьезное значеніе заканчивающихъ трудъ г. Бобрищева-Пушкина пожеланій объ уничтоженіи законодательствомъ тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ возникаютъ въ настоящее время сектантскіе процессы.

Литвиновъ-Фалинскій, В. П. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчія и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ, 1903.

Первое изданіе книги г. Литвинова-Фалинскаго вышло въ декабрѣ 1898 года. Теперь передъ нами лежитъ третье изданіе. Для книги спеціальнаго содержанія (и сравнительно высокой стоимости) такое явленіе нельзя не признать большимъ успѣхомъ. Очевидно, книга пользуется спросомъ. Чѣмъ обусловливается вообще спросъ на книгу? Во-первыхъ, достоинствомъ или интересомъ самаго содержанія книги, а во-вторыхъ, потребностью въ ней какъ въ орудіи для удовлетворенія извѣстныхъ цѣлей. Примѣромъ перваго рода книгъ могутъ служить такія книги, какъ „Эпоха великихъ реформъ“ Г. А. Джаншіева или сочиненія Максима Горькаго. Другого рода книги, пользующіяся большимъ спросомъ на книжномъ рынкѣ, суть учебники, рекомендуемые (не всегда по достоинству) въ качествѣ учебныхъ руководствъ, поваренныя книги, календари и т. п. Нисколько не желая умалять достоинства книги г. Литвинова-Фалинскаго или сравнивать ее съ „сочиненіями“ г. Иловайскаго или Елены Молоховецъ, мы должны причислить ее всетаки къ книгамъ второй

категоріи. Хотя вопросы, здѣсь разбираемые, представляются, несомнѣнно, интересными и имѣющими большое общественное значеніе, тѣмъ не менѣе трудно предполагать, чтобы интересъ къ нимъ per se могъ вызвать въ неполные четыре года цѣлыхъ три изданія. Намъ кажется, что спросъ на книгу г. Литвинова-Фалинскаго неразрывно связанъ съ тѣмъ „промышленнымъ оживленіемъ", которое обуяло русскую жизнь въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія. Увеличилось число случаевъ „отвѣтственности предпринимателей", увеличился и спросъ на книгу, которая толкуетъ объ этой отвѣтственности и является до сихъ поръ чуть ли не единственной по данному предмету.

Сочиненіе г. Литвинова-Фалинскаго послѣдовательно и подробно разсматриваетъ основанія и формы гражданской и уголовной отвѣтственности предпринимателей по русскимъ законамъ съ постоянными ссылкими на соотвѣтствующія мѣста иностранныхъ законодательствъ. Общій выводъ, который получается по прочтеніи книги, можетъ быть выраженъ приблизительно такимъ образомъ. Отвѣтственность предпринимателей за смерть и увѣчіе рабочихъ и права послѣднихъ на вознагражденіе по дѣйствующему въ Россіи законодательству не опредѣляются особыми (спеціальными) законами, какъ въ бо̀льшей части западно-европейскихъ государствъ (и у насъ въ Финляндіи), а нормируются на основаніи общей уголовной и гражданской отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе de jure и существующія узаконенія въ достаточной, хотя и неполной, мѣрѣ ясно опредѣляютъ отвѣтственность предпринимателей и обезпечиваютъ право рабочихъ на вознагражденіе. Если de facto право это осуществляется далеко не во всѣхъ случаяхъ, то это зависитъ не столько отъ недостатковъ законодательства, сколько отъ незнакомства съ нимъ. Подробныя ссылки на иностранныя законодательства даютъ возможность читателю яснѣе представить себѣ недостатки существующаго права у насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ предвидѣть на основаніи аналогіи будущее развитіе тѣхъ правовыхъ нормъ, которыми регулируются отношенія предпринимателей и рабочихъ. Изданіе спеціальныхъ законовъ, несомнѣнно, могло бы содѣйствовать бо̀льшему обезпеченію потерпѣвшихъ несчастія рабочихъ, а одновременно упростило-бы и ускорило существующія формы судопроизводства. Необходимость такихъ законовъ и выдѣленіе ихъ изъ области общихъ законоположеній, опредѣляющихъ отвѣтственность предпринимателей, обусловливается самой природой событій, создающихъ эту отвѣтственность. Тогда какъ въ обыденной жизни несчастные случаи, нарушающіе здоровье или жизнь человѣка, являются рѣдкими исключеніями, въ промышленной жизни, наоборотъ, такія несчастія являются неизбѣжными спутниками работы, и въ большинствѣ случаевъ несчастіе съ рабочимъ обусловливается не столько *виной предприни-*

мателя, сколько *виной предпріятія*. Такимъ образомъ, въ основѣ созданія спеціальныхъ законовъ лежитъ не столько юридическое, сколько экономическое начало. Отвѣтственность по общимъ законамъ обнимаетъ собой только тѣ случаи, гдѣ есть личныя дѣйствія или упущенія (вина предпринимателя). Но при фабричныхъ несчастіяхъ въ большинствѣ случаевъ личная вина настолько неуловима или такъ отдаленно связана съ происшедшимъ несчастіемъ, что установить ее положительно невозможно. Между тѣмъ, потеря работника для семьи или утрата имъ работоспособности произошли несомнѣнно по винѣ предпріятія. Отличительной особенностью спеціальныхъ законовъ является то, что тяжесть доказательствъ переносится съ истца на отвѣтчика, тогда какъ общіе законы обыкновенно признаютъ лишь право, доказанное истцомъ, и невозможность доказать право истолковывается въ пользу отвѣтчика. По нашимъ законамъ, въ дѣлахъ о вознагражденіи за причиненный вредъ, согласно ст. 366 устава гражд. судопр., тяжесть доказательствъ не лежитъ, однако, исключительно на истцѣ, а распространяется также и на отвѣтчика, „который долженъ доказать свои возраженія". Не смотря на всю желательность выдѣленія отвѣтственности предпринимателей изъ общаго законодательства въ спеціальные законы, на послѣдніе нельзя всетаки смотрѣть, какъ на nec plus ultra возможной и желательной для общества нормировки взаимныхъ отношеній предпринимателей и рабочихъ по дѣламъ о фабричныхъ несчастіяхъ. Если почти всѣ спеціальные законы расширяютъ предѣлы отвѣтственности предпринимателей, то относительно расширенія правъ потерпѣвшихъ по этимъ законамъ нельзя говорить положительно: вознагражденіе потерпѣвшимъ опредѣляется обыкновенно въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ по законамъ общегражданскимъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ разбираемой книги относительно другого зла, порождаемаго условіями фабричной жизни, именно относительно профессіональныхъ болѣзней. „Разница между несчастными случаями и профессіональными болѣзнями чисто внѣшняя; если вредныя условія производства дѣйствуютъ на организмъ внезапно, то мы получаемъ несчастный случай; если же эти условія проявляютъ свое дѣйствіе въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, то мы получаемъ профессіональную болѣзнь; лишь на этомъ признакѣ формальнаго свойства и основано различіе между случаями и болѣзнями, что во всякомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для выдѣленія профессіональныхъ болѣзней изъ группы вознаграждаемыхъ по спеціальнымъ законамъ несчастій" (стр. 63). Тѣмъ не менѣе въ спеціальныхъ законахъ (за исключеніемъ швейцарскаго) отвѣтственность предпринимателей не опредѣляется болѣе или менѣе точно. Наша ст. 684 т. X, ч. I, свода

законовъ гражданскихъ, на которой главнымъ образомъ и основывается вся отвѣтственность предпринимателей, не исключаетъ возможности иска за утрату трудоспособности и вслѣдствіе профессіональныхъ болѣзней, но понятно, что доказать такой искъ не легко. Въ дальнѣйшемъ развитіи спеціальные законы должны будутъ опредѣленно установить отвѣтственность предпринимателей и за ущербы, причиняемые рабочимъ профессіональными болѣзнями, въ большей или меньшей степени свойственными почти каждому фабрично-заводскому предпріятію. Если бы авторъ не остановился только на профессіональныхъ болѣзняхъ, то ему пришлось бы, развивая эту тему, упомянуть также и объ обезпеченіи тѣхъ рабочихъ, которые сдѣлались „инвалидами труда" независимо отъ происшедшихъ съ ними несчастныхъ случаевъ или профессіональныхъ болѣзней. Фабрика или заводъ пользуются рабочимъ въ лучшую пору его жизни и выбрасываютъ его за бортъ тотчасъ же, какъ только старость или болѣзни подкосятъ его здоровье. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ фабричныхъ мѣстностяхъ указывалось, что деревня, жертвуя фабрикѣ своими лучшими силами, принуждена содержать и кормить ея отбросы. Но это еще хорошо, если связь съ землей не окончательно порвана, если есть еще деревня, которая можетъ какъ-ни-какъ пріютить хилаго старца или умирающаго чахоточнаго. А вѣдь теперь у насъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ число такихъ рабочихъ, которые покончили всѣ связи съ сельскою жизнью, у которыхъ уже нѣтъ деревни... Имъ-то куда дѣваться въ случаѣ старости или болѣзни?

Глава V книги г. Литвинова-Фалинскаго посвящена вопросу о реализаціи отвѣтственности предпринимателей путемъ страхованія рабочихъ. Насколько успѣшно развивается у насъ это дѣло, можно судить потому, что, начавшись всего съ 1888 года, черезъ 10 лѣтъ страхованіе обнимало уже почти одну треть всего числа рабочихъ нашей крупной промышленности. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ авторомъ, видно, что частныя страховыя общества, которыя у насъ главнымъ образомъ и оперируютъ, „выдаютъ въ вознагражденіе потерпѣвшимъ лишь половину суммъ, поступающихъ въ видѣ страховыхъ премій, что едва-ли представляется цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ интересамъ какъ застрахованныхъ рабочихъ, такъ и страхователей". Такое „неудобство" страхованія въ частныхъ обществахъ съ успѣхомъ устраняется въ начинающихъ возникать теперь взаимныхъ обществахъ страхованія фабрикантовъ отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Эти общества, какъ и взаимныя общества страхованія отъ огня, не преслѣдуютъ коммерческаго интереса и не имѣютъ нужды класть себѣ въ карманъ половину страховой преміи. Въ настоящее время

у насъ дѣйствуютъ три общества взаимнаго страхованія: въ Ригѣ, Одессѣ и Иваново-Вознесенскѣ *).

Въ „Заключеніи" авторъ, разсуждая о необходимости созданія у насъ спеціальныхъ законовъ публично-правового характера и о дальнѣйшемъ развитіи страхованія взаимнаго или государственнаго, говоритъ, что задача возможнаго обезпеченія рабочихъ „можетъ быть удовлетворительно разрѣшена лишь при условіи, что рабочимъ обезпечивается вспомоществованіе *во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они утратили трудоспособность вслѣдствіе причинъ, связанныхъ съ производимыми ими работами*". Такая формулировка кажется намъ недостаточной. Если обезпеченіе (а не вспомоществованіе) будутъ получать только тѣ рабочіе, которые утратили трудоспособность вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или профессіональныхъ болѣзней (связь которыхъ съ производствомъ, между прочимъ, можетъ быть установлена далеко не всегда легко), то громадный процентъ инвалидовъ фабричнаго и заводскаго труда всетаки останется необезпеченнымъ.

Въ „Приложеніяхъ" къ книгѣ помѣщены: краткій обзоръ иностранныхъ законодательствъ объ отвѣтственности предпринимателей, извлеченія изъ русскихъ законовъ, уставъ Рижскаго общества взаимнаго страхованія, таблицы и правила, опредѣляющія утрату трудоспособности, и другія свѣдѣнія. Все это дѣлаетъ сочиненіе г. Литвинова-Фалинскаго не только интересной въ соціально-юридическомъ смыслѣ, но и полезной въ качествѣ справочнаго руководства.

Больница Св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. Краткая исторія возникновенія больницы, ея настоящее тяжелое положеніе и единственно возможный выходъ изъ этого положенія въ будущемъ. Спб. 1902.

Авторъ этой брошюры—главный врачъ больницы Св. Николая, д-ръ Н. Реформатскій. Побудительные мотивы, заставившіе лицо, стоящее во главѣ учрежденія, говорить о его недостаткахъ—совершенно понятны, и мы убѣждены, что авторъ избралъ наиболѣе вѣрный путь къ тому, чтобы улучшить совершенно невѣроятныя условія этой больницы, являющейся мрачнымъ пятномъ въ ряду принадлежащихъ городу учрежденій — а именно путь открытаго и безпристрастнаго признанія существующаго зла. „Безъ опасенія впасть въ ошибку,—говоритъ д-ръ Реформатскій,—

можно сказать, что полезная роль больницы Св. Николая Чудотворца по отношенію къ обществу выражается лишь въ томъ, что въ ней лишена

*) Послѣдній съѣздъ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ въ концѣ ноября 1902 года единогласно высказался за скорѣйшее утвержденіе выработаннаго уже проекта устава взаимнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими.

свободы и возможности проявлять свои тѣ или другіе опасные порывы болѣе 1000 душевно-больныхъ. По справедливости этакое учрежденіе не заслуживаетъ чести называться больницей, а должно быть отнесено къ разряду мѣстъ заключенія, каковымъ оно и было со дня своего основанія, 62 года тому назадъ».

Хотя именоваться мѣстомъ заключенія—честь поистинѣ небольшая, но несомнѣнно, что для зданія, описываемаго въ брошюрѣ, и такая честь несоразмѣрно велика. И въ тюрьмѣ недопустимо, чтобы содержаніе воздуха было „далеко ниже самыхъ минимальныхъ указаній и требованій гигіены", чтобы обитатели „валялись на соломенникахъ на грязномъ полу", чтобы въ учрежденіи не переводились заразныя заболѣванія — рожа, септицемія, воспаленіе легкихъ, чахотка, брюшной тифъ и т. под. Картина, нарисованная д-ромъ Реформатскимъ, до такой степени ужасна, что представлялось бы совершенно невѣроятнымъ безучастное отношеніе обывателя къ гнѣздящемуся у него подъ бокомъ злу, послѣ того, какъ это зло вскрыто нелицепріятною рукою такъ близко освѣдомленнаго человѣка. Теперешнее состояніе больницы Николая Чудотворца таково, что дальнѣйшее удержаніе его было бы прямо позоромъ для города, въ рукахъ котораго находится завѣдываніе ею.

Авторъ считаетъ необходимымъ „во что бы то ни стало немедленно приступить къ устройству новой больницы для острыхъ, свѣже-заболѣвшихъ душевныхъ больныхъ". Конечно, это необходимо, и д-ръ Реформатскій ограничивается указаніемъ только на эту необходимость, потому что въ ней видитъ рѣшеніе непосредственно стоящей передъ его глазами задачи. Но самая возможность существованія такой отвратительной клоаки наводитъ на болѣе общій вопросъ о состоятельности города въ выполненіи лежащихъ на немъ задачъ. Дѣло призрѣнія больныхъ, и особенно душевно-больныхъ, такъ близко касается каждаго обывателя, что передъ нимъ естественно долженъ встать при чтеніи брошюры д-ра Реформатскаго вопросъ о своемъ правѣ на участіе въ выборѣ и контролѣ тѣхъ органовъ, отъ исправности которыхъ тѣсно зависитъ благополучіе его самого и близкихъ ему людей. Именно съ этой точки зрѣнія мы желаемъ самаго широкаго распространенія брошюрѣ г. Реформатскаго.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій *В. Г. Бѣлинскаго*. Въ 12 томахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VI. Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и двухъ снимковъ съ рукописей. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе сочиненій *Георга Брандеса*. Переводъ съ датск. Подъ ред. М. В. Лучицкой. Изданіе Б. К. Фукса. Т. X. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Собраніе сочиненій *Эрнеста Ренана*. Переводъ съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Т. IX. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Собраніе сочиненій *Элизы Ожешко*. Переводъ съ польск. подъ ред. С. С. Зелинскаго. Т. XI. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 4 р., съ дост. и перес. 5 р.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изданіе и редакція В. М. Саблина. М. 1903. Ц. 1 р.

Собраніе сочиненій *Макса Нордау*. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. X. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Современные армянскіе поэты. Подъ ред. Льва Уманца и Аракела Дервишъ. М. 1903. Ц. 1 р.

Стихотворенія *Н. Благосвѣтлова*. Харьковъ. 1902. Ц. 40 к.

А. Никитинъ. «Прощенный Демонъ» (Поэма) и другія стихотворенія. М. 1903. Ц. 50 к.

Сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Вып. 5. Женская доля. Вятка. 1902. Ц. 10 к.

Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы «Кобзаря» С. П. Дремцова. Съ иллюстраціями и фрагментами музыки М. Лисенко. Вып. I. Изданіе С. П. Дремцова. Вятка. 1902. Ц. 45 к.

Борисъ Цапенко. Стихотворенія. М. 1902. Ц. 25 к.

С. Л. Гинцбургъ. Басни. Витебскъ. 1903. Ц. 20 к.

Ф. С. Шкулевъ. «Не всѣмъ счастье» и другіе разсказы и стихотворенія. М. 1902. Ц. 20 к.

Ф. С. Шкулевъ (Писатель изъ народа), Кто виноватъ? и другіе разсказы и пѣсни. Книжка вторая. М. 1903. Ц. 50 к.

Ив. Наживинъ. Передъ разсвѣтомъ. М. 1903. Ц. 1 р.

И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). Т. II. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1903. Ц. 80 к.

Н. Пружанскій. Большіе таланты. Повѣсти и разсказы. Т. III. Спб. 1903. Ц. 1 р. 40 к.

М. Крестовская. Исповѣдь Мытищева. Вопль. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Ц. 1 р.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. Въ царствѣ красокъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1903. Ц. 1 р.

П. Соломно. Маленькія драмы. Этюды. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Сочиненія *Е. О. Дубровиной*. Романы, повѣсти, разсказы. Спб. 1902. Ц. 70 к.

П. М. Невѣжинъ. Озлобленные. Романъ. М. 1902. Ц. 2 р.

В. Л. Дѣдловъ. Лирическіе разсказы. Спб. 1902. Ц. 1 р.

На скрижаляхъ памяти. (Съ натуры безъ оглядки). Сочиненіе *Ф. Рафганова*. Николаевъ. 1902.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Среди людей. Очерки и разсказы. Съ портретомъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова и его біографіей. Ц. 1 р.—Незамѣтные люди. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Среди народа. Романъ *П. Розегера*. Переводъ съ нѣм. М. Чепинской. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1903. Ц. 40 к.

Саранча. Романъ *А. Грушецкаго*. Переводъ съ польск. Е. Леонтьевой и И. Леонтьева. Изданіе редакціи «Образованія». Спб. 1903. Ц. 80 к.

Шарль Бодлэръ. Маленькія поэмы въ прозѣ. Переводъ и вступитель-

ная статья А. Александровича. М. 1902. Ц. 80 к.

Вѣра. Одна изъ многихъ. Изъ дневника молодой дѣвушки. Переводъ съ нѣм. А. Ф. Л. Москва. 1903. Ц. 50 к.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ. Переводъ М. Н. Семенова. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1902. Ц. 2 р. 40 к.

Какъ я провела свою юность. Приключенія подростка. Разсказы для юношества *Клементины Гельмъ.* Переводъ съ нѣм. М. 1902.

Р. Киплингъ. Переводъ съ англ. В. Кошевичъ. Съ иллюстраціями П. Яковлева. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Три разсказа изъ Книги дебрей. Ц. 50 к.—Два разсказа изъ книги дебрей. Ц. 30 к.—Два разсказа изъ Книги дебрей. Ц. 30 к.

Всев. Чешихинъ. Волчокъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1903. Ц. 15 к.

Мыкола Чернявськый. Зори. Збирныкъ поезій. У Кыиви. 1903. Ц. 65 к.

Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського. У Кыиви. 1903. Ц. 2 р.

Т. Г. Шевченко. Катерына. У Кыиви. 1902. Ц. 2 к.

Избранныя сказки и легенды братьевъ *Гриммъ.* Переводъ А. С. Фридеманъ. Съ иллюстраціями П. Гротъ-Іоганна и П. Лейнвебера. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Австралійскія легенды. Сказки Нунгабурровъ, разсказываемыя ими дѣтямъ. Съ иллюстраціями, сдѣланными туземнымъ художникомъ. Собраны *К. Ланго-Паркеръ.* Переводъ С. Русовой. Изданіе В. И. Яковенко. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Викторъ Обнинскій. Сказки стараго гнома. Калуга. 1903. Ц. 75 к.

Изданія Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1902. *Н. В. Гоголь.* Избранныя сочиненія. Три тома. Ц. 1 р. 50 к.—Тарасъ Бульба. Иллюстрированное изданіе. Ц. 18 к.—Майская ночь. Иллюстр. изданіе. Ц. 7 к.—Сорочинская ярмарка. Иллюстр. изданіе Ц. 7 к.—Ревизоръ. Ц. 12 к.—Женитьба. Ц. 10 к.—Страшная месть. Съ 12 рис. Ц. 10 к.—*В. П. Острогорскій.* Н. В. Гоголь. Литературно-біографическій очеркъ. Ц. 8 к.—*М. Н. Загоскинъ.* Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Ц. 40 к.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. VIII. Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Полутомъ II. Переводъ съ нѣм. Н. О. Лосскаго. Съ портретомъ Гегеля. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Прогрессивная эволюція сознательнаго начала природы, какъ основа міровоззрѣнія. Сочин. *В. Малинина.* Нижній-Новгородъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. *А. Ѳ. Брандтъ.* Отъ матеріализма къ спиритуализму. Харьковъ. 1902. Ц. 50 к.

Давидъ Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. Переводъ съ англ. С. И. Церетели. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1902. Ц. 1 р.

В. Вартаньянцъ. Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю. Критическій этюдъ. Тифлисъ. 1902. Ц. 20 к.

Алексѣй Плетневъ. Эмиль Золя. Критическій очеркъ. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Николай Горинъ. Основныя идеи произведеній М. Горькаго. Изданіе В. М. Пирожкова. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Е. Некрасова. Народныя книги для чтенія въ ихъ 25-ти лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Вятка. 1902. Ц. 40 к.

Домашнія библіотеки. Опытъ составленія систематическаго указателя книгъ для самообразованія. *А. В. Пановъ.* Нижній-Новгородъ. 1903. Ц. 30 к.

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе 2-е. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Эвилъ-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Морисъ Мюрэ. Еврейскій умъ. Переводъ съ франц. Е. Отоцкой. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Ш. В. Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Переводъ подъ ред. Н. Сперанскаго. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Ц. 45 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Вопросы вмѣненія и уголовной отвѣтственности въ позитивномъ освѣщеніи. (Изъ журнала «Вѣстникъ Права»). Спб. 1902.

Неврозы и фиксированныя идеи. *Пьера Жане.* Переводъ съ франц. М. П. Литвинова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 3 р.

М. Е. Базилевичъ. Житоміръ. 1902. Меланома въ ряду злокачественныхъ новообразованій желѣзистаго типа.—Гомологи эмбріональнаго вещества и дериваты плоскаго эпителія на

отдаленныхъ стадіяхъ біологическаго цикла.

Вопросы соціальной гигіены. Изданіе д-ра Н. Лейненберга. № 1. Д-ръ *Э. фонъ-Лейденъ*. Какъ предохранить себя отъ чахотки? Переводъ съ нѣм. Одесса. 1903. Ц. 15 к.

Н. Новомбергскій. Очерки по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Составилъ *Э. Паркеръ*. Перевелъ съ англ. генеральнаго штаба полковникъ Грулевъ. Съ 6 картами. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей П. М. Головачева, съ приложеніемъ 4 видовъ и 3 плановъ стариннаго Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Воспоминанія бурскаго генерала *Хр. Девета*. Борьба буровъ съ Англіею. Переводъ съ голландск. Е. Н. Половцовой. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями пастора Гиллота. Съ 128 иллюстраціями и 2 картами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. Ц. 3 р.

И. С. Штейнгауеръ. Общій курсъ географіи. Родиновѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, землевѣдѣніе и міровѣдѣніе для низшихъ учебныхъ заведеній. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Краткій курсъ физической географіи. Составилъ *Э. Лесгафтъ*. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Н. Н. Ковалевскій. Возрастающее оскудѣніе деревни. Причины этого явленія и мѣры къ его устраненію. М. 1903.

Совѣты земледѣльцу. *А. И. Косича*. Казань. 1903. Ц. 5 к.

Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельскохозяйственныхъ отношеній. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

А. Матвѣевъ. Желѣзное дѣло Россіи въ 1901 г. Продолженіе ежегодника «Уральскіе металлы». Изданіе уполномоченныхъ съѣзда уральскихъ промышленниковъ. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Ж. Фино. Философія долговѣчности. Переводъ съ франц. О. А. Литинскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Д-ръ *Н. Н. Шиповъ*. О материнскомъ инстинктѣ. Смоленскъ. 1903. Ц. 90 к.

Джонъ Леббонъ. Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рис. Переводъ съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Изданіе П. А. Беркоса. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Ллойдъ Морганъ. Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. Переводъ М. К. Ланге. Изданіе П. А Беркоса. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Образованіе коралловыхъ рифовъ и происхожденіе известняковъ. I томъ. *И. Н. Стрижовъ*. Екатеринбургъ. 1903.

Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборникъ статей. Вып. I. Подъ редкн. Дм. Шаховскаго. М. 1902. Ц. 1 р.

В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Съ портретомъ автора. 2-е изданіе. Спб. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

«Сердце и школа». Изъ лекцій для публичнаго чтенія. *Ѳ. Г. Подоба*. М. 1903. Ц. 1 р.

П. А. Зюкова. Изданіе редакціи «Всходовъ». Спб. 1903. Товарищъ. Азбука для обученія чтенію и письму. Ц. 15 к.—Товарищъ. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Ц. 25 к.—Товарищъ. Книга для чтенія въ школѣ. Второй годъ обученія. Ц. 45 к.—Товарищъ. Книга для чтенія въ школѣ. Третій годъ обученія. Ц. 55 к.—Книга для учителей. Методическія указанія къ учебной книгѣ «Товарищъ». Ц. 30 к.

Recueil de récits historiques. I. L'histoire ancienne. Сборникъ историческихъ статей. I. Древняя исторія. Снабдилъ примѣчаніями и словаремъ *Н. Д'Оръ*. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Ц. 75 к.

Черный король. Альманахъ «Шахматнаго Обозрѣнія» за 1902 г. М. 1903. Ц. 1 р.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой. Изданіе Ив. Ив. Иванова. Казань. 1902. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Изъ Англіи.

I.

1874 г., какъ извѣстно, явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи англійскаго земледѣлія. Блестящій періодъ расцвѣта быстро смѣнился эпохой упадка, которая продолжается до сихъ поръ. То было не случайное явленіе, а фатальное, носившее характеръ настоящей революціи. Одни изслѣдователи считаютъ 1875 (въ особенности же 1877), годъ началомъ смерти англійской земли. Другіе полагаютъ, что, если и произойдетъ возрожденіе земледѣлія въ Соединенномъ Королевствѣ, то хозяйственныя формы будутъ отнюдь не крупно-капиталистическія. „Является наиболѣе вѣроятнымъ—очевидно, здѣсь можетъ идти рѣчь только о вѣроятности,—что, когда пробьетъ часъ возрожденія англійскаго земледѣлія, то возрожденіе это совершится именно въ формѣ возсозданія крестьянства. Съ того момента, когда Англія принуждена будетъ обратиться къ своей землѣ, какъ источнику средствъ существованія, теперешняя „тяга въ городъ“ должна смѣниться противоположнымъ теченіемъ, тягой въ деревню“. Цитируемый авторъ полагаетъ, что рѣшительнымъ факторомъ въ данномъ случаѣ можетъ явиться государство. „Если возрожденіе земледѣлія,—говоритъ онъ,—явится *государственной необходимостью*, то, вѣроятно, та же необходимость понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оно обратится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ“ *). Другой авторъ, остроумная книга котораго произвела глубокое впечатлѣніе въ моментъ своего появленія,—тоже увѣренъ, что англійское земледѣліе можетъ возродиться; но для этого онъ полагаетъ необходимымъ наличность крутого поворота въ формахъ производства. „Попытка возрожденія стараго не приведетъ рѣшительно ни къ чему,—говоритъ онъ, — новыя условія требуютъ новыхъ формъ проявленія“ **).

Ко всѣмъ этимъ взглядамъ я возвращусь еще впослѣдствіи. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ вызвало вопль въ рядахъ англійскихъ фермеровъ и землевладѣльцевъ. Въ 1879 г. парламентъ назначилъ большую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ герцога Ричмондскаго, для изслѣдованія причинъ упадка земледѣлія. Въ 1882 г. коммиссія издала свой отчетъ, въ которомъ констати-

*) *С. Н. Булгаковъ.* Капитализмъ и земледѣліе, т. I, стр. 333—334.
**) «Fields, Factories and Workshops», третье изданіе, 1901, p. 40.

руется „великое бѣдствіе, обрушившееся на земледѣльческіе классы". Отъ кризиса пострадали одинаково „и землевладѣльцы, и фермеры, и скотопромышленники". Кризисъ объясняется двумя причинами: неблагопріятными климатическими явленіями и иностранной конкурренціей. По поводу послѣдней члены коммиссіи говорятъ: „мы предвидѣли гибель, когда обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ налоговъ, но, увы! массы—за дешевый хлѣбъ!" Констатировать явленіе гораздо легче, чѣмъ найти средство бороться съ нимъ. Результатомъ работъ коммиссіи явился земельный билль 1883 г. (Agricultural Holdings Act), который былъ принятъ палатой и просуществовалъ до 1901 г., когда на смѣну явился новый законъ. Такъ какъ положеніе земледѣлія не улучшалось, а ухудшалось, то въ 1893 г. парламентъ назначилъ вторую большую коммиссію подъ предсѣдательствомъ Шау-Лефевра. Результаты опубликованы въ 1896 г. Коммиссія посовѣтовала поправки въ системѣ арендныхъ договоровъ, уменьшеніе стоимости провоза по желѣзнымъ дорогамъ, вознагражденіе за поврежденія, причиненныя дичью, воспрещеніе продажи ввозныхъ продуктовъ за отечественныя, преслѣдованіе фальсификаціи продуктовъ и пр. Правительство дало большую льготу землевладѣльцамъ (Agricultural Rates Act, 1896), но отъ пособія, или „взятки" помѣщикамъ, какъ выражается оппозиція, положеніе земледѣлія не улучшилось. Посмотримъ теперь, какъ выражается въ цифрахъ кризисъ, переживаемый англійскимъ земледѣліемъ. Я воспользуюсь данными 1902 г., собранными спеціально для послѣдняго, десятаго изданія „Encyclopaedia Britannica". Прежде всего, эти данныя констатируютъ, что площадь обрабатываемой земли въ Англіи сокращается съ каждымъ годомъ. Размѣры запашки опредѣляются слѣдующей таблицей:

Годы.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Всего.
1875 . . .	3.514,088	2.751,362	4.176,177	10.441,627
1880 . . .	3.065,895	2.695,000	4.191,716	9.952,611
1885 . . .	2.553,092	2.447,169	4.282,594	9.282,855
1890 . . .	2.483,595	2.300,994	4.137,790	8.922,379
1895 . . .	1.456,042	2.346,367	4.527,899	8.330,308
1900 . . .	1.901,014	2.172,140	4.145,633	8.218,787

Сокращеніе запашекъ подъ ячмень идетъ прогрессивно, не смотря на то, что не только Шотландія, но и Англія не забываютъ завѣта, оставленнаго Бернсомъ въ знаменитой поэмѣ:

«Then let us toast John Barleycorn,
Each man a glass in hand;
And may his great prosperity
Ne'er fail in old Scotland».

(Такъ станемъ же привѣтствовать съ стаканомъ въ рукахъ Джона Ячменное зерно. Пусть онъ всегда процвѣтаетъ въ Ста-

рой Шотландіи). Количество выпиваемаго пива въ Англіи отнюдь не сокращается.

Сокращеніе запашекъ обусловливалось паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Свѣтъ сталъ короче за двадцать пять лѣтъ. Англійскіе фермеры оказались не въ силахъ конкурировать съ своими соперниками изъ Аргентины или Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдующая таблица показываетъ стоимость имперскаго квартера пшеницы, ячменя и овса. Квартеръ пшеницы равняется 528 русск. фунтамъ, квартеръ ячменя—440 р. ф, овса—343 р. фун.

Года.	Пшеница.		Ячмень.		Овесъ.	
	шил.	пенс.	шил.	пенс.	шил.	пенс.
1875	45	2	38	5	28	8
1876	46	2	35	2	26	3
1877	56	9	39	8	25	11
1878	46	5	40	2	24	4
1879	43	10	34	—	21	9
1880	44	4	33	1	23	1
1881	45	4	31	11	21	9
1882	45	1	31	2	21	10
1883	41	7	31	10	21	5
1884	35	8	30	8	20	3
1885	32	10	30	1	20	7
1886	31	—	26	7	19	—
1887	32	6	25	4	16	3
1888	31	10	27	10	16	9
1889	29	9	25	10	17	9
1890	31	11	28	8	18	7
1891	37	—	28	2	20	—
1892	30	3	26	2	19	10
1893	26	4	25	7	18	9
1894	22	10	24	6	17	1
1895	23	1	21	11	14	6
1896	26	2	22	11	14	9
1897	30	2	23	6	16	11
1898	34	—	27	2	18	5
1899	25	8	25	7	17	—
1900	26	11	24	11	17	7

Повышеніе цѣнъ въ 1898 г. объясняется не временнымъ возрожденіемъ англійскаго земледѣлія, а войной Соединенныхъ Штатовъ съ Испаніей. Она вызвала сильную игру на хлѣбъ, что и повело къ временному повышенію цѣнъ. Заключеніе мира сопровождалось немедленнымъ паденіемъ пшеницы на девять шиллинговъ на квартеръ. Мирный договоръ принесъ разореніе не для одного зарвавшагося спекулянта. „Мы ввозимъ ежегодно громадныя количества продуктовъ, которые мы могли бы легко производить въ Англіи“,—говоритъ Эрнестъ Уильямсъ, авторъ книги „Made in Germany“. Вторая часть положенія будетъ разсмотрѣна дальше, что же касается ввоза, то слѣдующая таблица показываетъ, на сколько Англія зависитъ теперь отъ Соединенныхъ Штатовъ въ подвозѣ хлѣба въ зернѣ.

Привезено въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ:

Года.	Зернового хлѣба.	Муки.	Всего.
1875	51.876,517	6.136,083	58.012,600
1880 . . .	55.261,924	10.558,312	65.820,236
1885	61.498,864	15.832,843	77.331,707
1890	60.474,180	15.773,336	76.247,516
1895	81.749,955	18.368,410	100.118,365
1900	68.615,990	21.542,035	90.158,025

Мнѣ придется привести еще одну таблицу, чтобы набросать въ цифрахъ картину кризиса англійскаго земледѣлія. Таблица эта опредѣляетъ площадь пустующей земли. Сюда не входятъ горы. Не вошли также и верещаки. Послѣдніе составляютъ характерную особенность Англіи. Только въ ней живутъ капиталисты, могущіе затрачивать ежегодно 80—100 тысячъ руб. на наемъ громаднаго верещака. Цѣлый годъ поле пустуетъ. Въ сентябрѣ же арендаторъ пріѣзжаетъ съ пріятелями на двѣ недѣли, чтобы пострѣлять куропатокъ. Упадокъ земледѣлія такъ великъ, что землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ для себя превратить поле въ верещаки и сдать его въ аренду богачу, чѣмъ сдавать землю фермеру подъ посѣвъ хлѣба. Въ Шотландіи и на островѣ Льюисѣ прогнаны съ земли крофтеры, а участки превращены въ верещаки. Таблица, однако, не заключаетъ вовсе верещаковъ, а только поля, пригодныя подъ выпасъ. Ихъ было:

Въ 1875 г.	30.110,555	акровъ.
» 1880 »	31.106,324	»
» 1885 »	32.354,277	»
» 1890 »	33.212,635	»
» 1895 »	33.892,256	»
» 1900 »	34.285,846	акровъ *).

Вся площадь Англіи, считая лѣса, скалы, болота и верещаки, исчисляется въ 56 мил. акровъ.

Я упомянулъ одну изъ главныхъ причинъ паденія англійскаго земледѣлія — иностранную конкуренцію. Перейдемъ къ другому важному фактору — бѣгству деревни въ городъ. Мы обратимся къ громадному, капитальному труду, вышедшему недѣли три тому назадъ. Не такъ давно, говоря о книгѣ Раунтри, мнѣ пришлось отмѣтить характерную особенность англійскихъ изслѣдованій подобнаго рода. Авторы пользуются „перво-первоисточниками", если можно такъ выразиться. Это значитъ, что они сами собираютъ тотъ богатый статистическій матеріалъ, надъ которымъ оперируютъ. Такъ составилось многотомное изслѣдованіе лондонской жизни („Labour and Life of the People") Чарльза Бузса; по такому плану

*) «The New Volumes of the Encyclopaedia Britannica», v. XXV, 1902, p. 182.

изслѣдовалъ Раунтри жизнь провинціальныхъ городовъ („Poverty. A Study of Town Life"). Этому же плану слѣдовалъ Райдеръ Хаггардъ, авторъ только что вышедшаго капитальнаго, двухтомнаго труда: „Rural England, Being an Account of Agricultural and Social Researches carried out in the years 1901 and 1902" *). Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь три капитальныхъ изслѣдованія, которыя охватываютъ всесторонне современную англійскую жизнь. „Къ концу XVIII и къ началу XIX вѣка, — говоритъ Райдеръ Хаггардъ,—мой великій предшественникъ Артуръ Юнгъ посвятилъ много томовъ тому же вопросу, что и я теперь, т. е. положенію земледѣлія въ Англіи. Замѣчательное изслѣдованіе Маршаля посвящено тому же предмету и обнимаетъ періодъ отъ 1787—1800 гг. (General Survey of the rural Economy of England). Въ 1830 году обнародовалъ свой трудъ „Rural Rides" Уильямъ Коббетъ. Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ появился трудъ сэра Джемса Кэйрда, подъ названіемъ „Англійское земледѣліе". Затѣмъ вышелъ отчетъ, составленный спеціальнымъ корреспондентомъ „*Таймса*". Все это труды, имѣющіе громадное значеніе до настоящаго времени, но перемѣны, которыя произошли въ послѣднее время въ этой области такъ велики,—говоритъ авторъ,—что понадобилось настоятельно новое изслѣдованіе". Артуръ Юнгъ составилъ свои выводы на основаніи наблюденій, собранныхъ имъ въ двадцати шести земледѣльческихъ графствахъ. Райдеръ Хаггардъ изслѣдовалъ такое же число графствъ, но прибавилъ еще острова Джерзей и Гернзей. Авторъ долго подготовлялся къ своему труду. Подготовка его одинаково теоретическая и практическая. „Я снималъ и снимаю еще и теперь землю,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—работалъ на фермѣ въ Наталѣ". Кромѣ того, авторъ путешествовалъ и изслѣдовалъ на мѣстѣ положеніе земледѣлія въ Голландіи, Норвегіи, Франціи, въ Италіи, Сиріи, въ Египтѣ, Южной Африкѣ, Соединенныхъ Штатахъ, Мексикѣ и въ центральной Америкѣ. За два года онъ проѣхалъ 26 графствъ, опросилъ землевладѣльцевъ, фермеровъ, сельскохозяйственныхъ рабочихъ и пр. Получилась масса сырого матеріала, занимающаго въ печати болѣе 1300 страницъ большого формата. Я отказываюсь отъ мысли исчерпать въ одномъ письмѣ весь этотъ громадный матеріалъ, а намѣренъ только извлечь данныя для освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ, которые, какъ мнѣ кажется, представляютъ громадный интересъ.

---

*) Деревенская Англія. Отчетъ объ агрикультурныхъ и соціальныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1901—1902 гг. Лондонъ, 1902 годъ, v.v. I—II.

II.

„Нѣкоторыя мѣстности въ Англіи опустѣли теперь, какъ южно-африканская степь. Большія дороги тамъ безлюдны, проселочныя—поросли травой, говоритъ Райдеръ Хаггардъ. На сельскаго рабочаго смотрятъ сверху внизъ, въ особенности же молодыя женщины его собственнаго класса. Въ концѣ концовъ, онъ самъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо низшее. Сельскій работникъ находится на самой нижней ступени общественной лѣстницы. Чувствуя это и не имѣя никакихъ надеждъ на будущее, онъ предпочитаетъ бѣжать изъ деревни, если только есть какая-нибудь возможность". „Изучая вопросъ объ опустѣніи деревенскихъ округовъ Англіи, мы наталкиваемся на поразительныя цифры,—продолжаетъ изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ. Въ 1851 г. въ Англіи и Уэльсѣ было 1.253,800 сельскихъ работниковъ. Въ 1891 г.—только 780,700. Покуда еще неизвѣстны результаты переписи 1901 г.; но не подлежитъ сомнѣнію, что число сельскихъ работниковъ еще уменьшилось за десять лѣтъ. Но возьмемъ данныя 1891 г. Отъ 1851—1891 г. населеніе Англіи и Уэльса увеличилось на 50%; сельское же населеніе уменьшилось больше чѣмъ на 33%. Въ 1891 г. городское населеніе составляло 77% всѣхъ жителей Англіи, тогда какъ деревенское только 23%" *).

Когда Райдеръ Хаггардъ собиралъ матеріалы для своей книги, онъ удѣлялъ много вниманія вопросу о тягѣ изъ деревни въ городъ. Онъ собралъ много показаній фермеровъ въ двадцати шести графствахъ. Постараюсь извлечь наиболѣе характерныя показанія. Въ большинствѣ случаевъ эти данныя сильно носятъ печать „помѣщичьихъ" взглядовъ. Землевладѣльцы и фермеры, видя свою гибель, сваливаютъ вину на конкуренцію и на „ходжа" (сельскаго работника), который не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Но, не смотря на „помѣщичье" освѣщеніе, мнѣ кажется, отвѣты эти такъ характерны, что потомъ намъ не трудно будетъ сдѣлать изъ нихъ надлежащія выводы.

Мы въ графствѣ Гэмпширъ. „Въ окрестностяхъ Вернгэма тысячи акровъ земли пустуютъ теперь; владѣльцу остается только разводить на ней кроликовъ". „Изъ всѣхъ вопросовъ, которые предстоитъ землевладѣльцамъ разрѣшить въ Гэмпширѣ,—показываетъ крупный фермеръ,—рабочій вопросъ самый важный. Теперь почти невозможно достать молодыхъ сельскихъ работниковъ, такъ какъ молодежь не желаетъ оставаться въ деревнѣ. Она уходитъ въ городъ. Исходъ прогрессивно растетъ, такъ,

*) Rural England, v. II, p. p. 540, 565.

что на мѣстѣ остаются только старики... Когда эти вымрутъ, тогда трудно даже сказать, что будетъ. Теперь очень часто трудно найти жнецовъ. На фермѣ въ 400 акровъ, лежащей въ двухъ миляхъ отъ города, арендаторъ въ сѣнокосъ остался совершенно безъ работниковъ". „Въ окрестностяхъ Комба (Гэмпширъ) громадныя пространства земли такъ запустѣли, вслѣдствіе бѣгства деревни, что на очистку полей отъ кустарника пришлось бы затратить колоссальныя суммы. Деревни, которыя сравнительно еще недавно процвѣтали,—лежатъ теперь въ развалинахъ. Населеніе эмигрировало. Работниковъ невозможно убѣдить остаться на мѣстѣ". Мы теперь въ Кентѣ, въ сердцѣ сельско-хозяйственнаго района. „Бѣгство деревни въ городъ—непоправимое зло, показываетъ крупный землевладѣлецъ, сэръ Эдвинъ Дауэсъ.— Крайне трудно сказать, что нужно сдѣлать. По всей вѣроятности, высокая заработная плата могла бы остановить переселеніе. Но помѣщики были бы въ состояніи поднять заработокъ, если бы повысились цѣны на сельскіе продукты путемъ покровительственныхъ тарифовъ. Но этого никогда не будетъ. При наличныхъ же условіяхъ можно предвидѣть еще паденіе цѣнъ на сельскіе продукты и, поэтому, пониженіе заработной платы. Когда это случится, переселеніе изъ деревни въ городъ пойдетъ еще быстрѣе" *). Быть можетъ, протекціонизмъ поднялъ бы цѣны на сельскіе продукты; но это отнюдь не означаетъ, что и заработная плата „ходжа" повысилась бы. Время расцвѣта протекціонизма было ужасной эпохой для англійскаго сельскаго работника. „Первая половина XIX в. была эпохой аграрнаго протекціонизма, осложненная, кромѣ того, рядомъ войнъ и кризисовъ. Наиболѣе выгодна была эта эпоха для лэндлордовъ, которые старались увеличить свою ренту—и отчасти успѣвали въ этомъ— на счетъ фермера, въ свою очередь стремившагося вознаградить себя на счетъ рабочаго. Для рабочаго эта эпоха была порой такой нищеты, позора и униженія, которая едва ли имѣетъ себѣ равную въ исторіи XIX вѣка" **). „Наши земледѣльческіе работники работаютъ шесть дней въ недѣлю,—говоритъ авторъ „Essay on Trade and Commerce", цитируемый Карломъ Марксомъ,—и, по всей вѣроятности, они представляютъ самый счастливый классъ между всѣми нашими работниками". Онъ самъ разсказываетъ въ чемъ состояло „счастье" англійскаго сельскаго работника. „Ихъ рабочія силы всегда напряжены до послѣдней степени; они не могли бы ни жить хуже, чѣмъ они живутъ теперь, ни работать больше" ***). Въ годы протекціонизма, о которыхъ вздыхаютъ теперь имперіалисты, положеніе „ходжа" было отчаянное. Но

*) Rural England, v. I. p. p. 57, 58, 60, 162.

**) *С. Н. Булгаковъ*, Капитализмъ и земледѣліе, т. I, стр. 336.

***) Капиталъ, т. I, стр. 225.

благотворители могли подать ему только два совѣта: „не плодись такъ быстро“ и „ступай въ рабочій домъ“, при томъ не въ простой, а въ „идеальный“. Авторъ того времени Экартъ совѣтовалъ: „всѣ бѣдняки должны быть запираемы въ идеальный рабочій домъ... Подобный домъ долженъ быть сдѣланъ домомъ ужаса“...

„Вся молодежь уходитъ изъ деревни въ большіе города,— показываетъ землевладѣлецъ Гоу, въ графствѣ Девонширъ. Въ деревнѣ работникъ получаетъ 15 ш. въ недѣлю, имѣетъ котэджъ, огородъ, можетъ держать свиней и куръ; но, тѣмъ не менѣе, его тянетъ въ Плимутъ, гдѣ внѣшнія условія жизни въ трущобахъ хуже. Когда въ Дартморъ пріѣзжаетъ къ родственникамъ полисмэнъ или желѣзнодорожный носильщикъ, служащіе въ Лондонѣ,—показываетъ тотъ же Гоу,—они ослѣпляютъ своимъ блескомъ и *своею независимостью* десятокъ молодыхъ парней, которые тотчасъ же отправляются въ большой городъ искать счастья“. „Мы могли бы еще кое-какъ удержаться,—говоритъ другой крупный фермеръ,—если бы не недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Во всемъ округѣ я не знаю ни одного молодого человѣка, который не ушелъ бы въ городъ“. Другой землевладѣлецъ, опрошенный авторомъ, „сдѣлалъ все возможное, чтобы удержать населеніе деревни отъ эмиграціи“. Онъ пробовалъ устраивать агрономическіе классы, давалъ призы за хорошую работу и пр. „Молодежь отказывалась посѣщать школу; получивъ призъ, она употребляла его на то, чтобы добраться до города“. Заработная плата въ этомъ мѣстѣ Девоншира равняется 16 шил. въ недѣлю, кромѣ котэджа и права пользоваться снятымъ молокомъ. Въ общемъ это составляетъ около 20 шил. въ недѣлю. „Теперь приходится платить 17 ш. въ недѣлю такимъ старикамъ, которые въ молодости, во время расцвѣта силъ, довольствовались 12 шил. въ недѣлю. Молодежь бѣжитъ въ города, хотя тамъ человѣкъ въ 40 лѣтъ считается уже старикомъ“.

„У фермеровъ много хлопотъ съ работниками—показываетъ другой свидѣтель въ противоположномъ концѣ того же графства...—Молодежь считаетъ деревенскую работу „грязной“. За послѣдніе два года рабочій вопросъ особенно обострился. Даже семнадцатилѣтніе парни,—жалуется помѣщикъ,—подняли голову. Работникъ стоитъ теперь на 30% больше, чѣмъ прежде, хотя достоинство его упало на 30%“. Помѣщикъ Хэссей, въ томъ же Девонширѣ, полагаетъ, что все дѣло не въ заработной платѣ, а въ *образованіи*. Молодые люди желаютъ теперь работать не столько руками, сколько головой. Свидѣтель считаетъ нѣсню крупнаго землевладѣнія въ Англіи спѣтой; но полагаетъ, что возрожденіе мелкаго хозяйства вполнѣ возможно.

Землевладѣлецъ Ротъ выдаетъ „ходжу“ такую аттестацію: „Молодежь—безстыдна, лѣнива, неспокойна. Она бѣжитъ въ городъ,

поступаетъ во флотъ, эмигрируетъ въ Канаду, словомъ, идетъ всюду", но только не въ наймы къ помѣщику. „Во многомъ виновато образованіе. Въ школахъ мальчики учатъ различныя глупости, послѣ которыхъ имъ не сидится на мѣстѣ" *).

Сквайры теперь только могутъ изливать свои жалобы. Даже наиболѣе заскорузлые изъ нихъ вполнѣ убѣдились, что „die Lust ist gross, allein die Kraft ist schwach"; что въ вольномъ русскомъ переводѣ означаетъ: „руки коротки"!

„Молодые люди бѣгутъ въ городъ,—жалуется другой землевладѣлецъ.—Во всемъ этомъ въ значительной степени виновато образованіе, получаемое ими. Въ деревнѣ они не находятъ примѣненія его... Если уже школы нужны, то слѣдуетъ устранить хоть всѣхъ нынѣшнихъ учителей и замѣнить ихъ другими, болѣе толковыми" **). Варіаціи на ту же тему мы слышимъ въ Кэмбриджширѣ. „Земледѣліе погибаетъ,—показываетъ крупный землевладѣлецъ Аликсъ. Надеждъ нѣтъ никакихъ. Если такъ дѣло будетъ продолжаться, то нивы въ Кэмбриджширѣ придется забросить и превратить ихъ въ лужайки для спорта богатыхъ людей. Тогда хоть явится возможность извлечь что-нибудь изъ земли. Все остальное пространство земли придется превратить въ верещаки, опять же для богатыхъ людей... Деревни пустѣютъ. Населеніе бѣжитъ въ городъ. Мы не смѣемъ сколько-нибудь „очеловѣчить ходжа", потому что, какъ только онъ начинаетъ думать, то немедленно покидаетъ деревню".

Чего ищетъ молодежь въ городахъ? „*Стремленіе къ независимости* усилилось въ деревняхъ—показываетъ одинъ свидѣтель, землевладѣлецъ.—И это такъ естественно въ наше время прогресса! Неизвѣстное представляетъ такъ много заманчиваго въ себѣ". Деревни являются теперь только питомниками для городовъ,—показываетъ другой свидѣтель. Даже потерпѣвъ неудачу въ городѣ, „ходжъ" не возвращается въ деревню". Почти то же самое заявляетъ землевладѣлецъ Чипингъ въ другомъ графствѣ, въ Оксфордширѣ. „Рабочія руки становятся не доступными, ихъ негдѣ достать. Заводъ и фабрики высасываютъ всѣ рабочіе соки изъ деревни... Съ каждымъ годомъ вопросъ становится все сложнѣе". Нигдѣ на фермахъ нельзя найти работниковъ моложе сорока лѣтъ. „Рабочій вопросъ въ деревнѣ затмилъ всѣ остальные,—показываетъ лэндлордъ Холлъ.—Молодыхъ работниковъ нельзя достать. Они всѣ ушли въ городъ, въ погонѣ за высокой заработной платой и за развлеченіями. Когда старики вымрутъ, тогда фермы придется бросить. И теперь технически обученныхъ сельскихъ работниковъ почти уже нѣтъ совершенно. Вопросъ объ опустѣніи деревни покуда неразрѣшимъ". Заработная плата сельскихъ

*) Rural England, v. I, p. p. 185, 188, 189, 197, 199, 202.
**) Ib., p. p. 206, 209—210.

работниковъ теперь, сравнительно, высока: средній работникъ получаетъ до 15 шиллинговъ въ недѣлю и даровой котэджъ. Пастухи имѣютъ отъ 16 до 18 и даже до 19 шиллинговъ. Въ 1900 г. заработная плата поднялась еще на 1 шиллингъ въ недѣлю; но это не удержало работниковъ въ деревнѣ. „Три четверти юношей и всѣ молодыя дѣвушки ушли изъ деревни,—показываетъ школьный учитель въ Грэтъ-Ролрайтѣ (Оксфордширъ).—Остались только дураки и слабоумные. Заработная плата въ округѣ равна 15 шил. въ недѣлю. Въ Чилтэрнъ Хилсъ, въ томъ же графствѣ, скоро не останется молодыхъ людей. По мнѣнію свидѣтеля, исходъ можно задержать хорошими котэджами и щедрой раздачей земельныхъ участковъ (allotments). Крупное земледѣліе погибло, но возможно еще мелкое. „Въ Ислипѣ, въ чисто земледѣльческой деревнѣ, было 600 жителей. Теперь всѣ, которымъ меньше 30 лѣтъ, ушли въ города. Главной приманкой является работа на желѣзныхъ дорогахъ близъ Лондона или, точнѣе, болѣе высокая заработная плата тамъ. Ушли всѣ энергичные и предпріимчивые. Остались дураки, лѣнивые и безвольные“.

Мы переходимъ въ графство Линкольнширъ. „Вотъ что получаютъ здѣсь работники, нанимаемые на годъ: тринадцать шиллинговъ въ недѣлю деньгами, котэджъ и огородъ, 13 стонъ („стонъ“—14 фунт.) копченаго сала въ годъ, 50 гарнцевъ картофеля, 60 вязанокъ хвороста и 10 шил. на пиво во время стрижки овецъ. Все это составляетъ, въ общемъ, 19 шил. въ недѣлю. Поденщики получаютъ 2 шил. 9 п. въ день; но все это не удерживаетъ ихъ въ деревнѣ. Молодежь бѣжитъ въ городъ. Ее привлекаетъ не только болѣе высокая заработная плата, но и надежда на что-нибудь лучшее. Въ городѣ у человѣка есть шансы подняться“, тогда какъ въ деревнѣ все поразительно ясно до самой смерти. Сегодня, черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ тридцать лѣтъ—будетъ рѣшительно одно и то же. Эта опредѣленность приводитъ въ отчаяніе энергичныхъ молодыхъ людей и они безъ сожалѣнія покидаютъ „13 стонъ копченаго сала и пятьдесятъ гарнцовъ картофеля“. Въ два года населеніе въ Блибрукѣ (Линкольнширъ) уменьшилось на 15%. „Всѣ остальныя деревни—въ такомъ же положеніи“. „Изъ моихъ учениковъ—показываетъ школьный учитель въ Блибрукѣ,—послѣ окончанія, остались только отпѣтые дураки. Всѣ бойкіе и способные ушли изъ деревни, чтобы больше никогда туда не возвращаться“. „Рабочіе руки рѣдки,—показываетъ Эминсонъ въ Гонерби Хоузѣ (Линкольнширъ); но самое важное—перемѣна въ физической внѣшности сельскихъ работниковъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ въ той мѣстности сельское населеніе отличалось рослостью и красотой. Теперь—всѣ оставшіеся калѣки или дураки. Мы видимъ только хромыхъ, кривыхъ, горбатыхъ, глухихъ, идіотовъ и пр. Однимъ словомъ, остались тѣ, которые въ городахъ не нужны. Эти от-

бросы городовъ вступаютъ въ бракъ. Такимъ образомъ,—деревню ждетъ еще полное вырожденіе.

III.

Я могъ бы набрать гораздо больше такихъ показаній, но думаю, что и ихъ достаточно. Итакъ, мы видимъ, что всѣ опрошенные показываютъ слѣдующее. Въ настоящее время наблюдается поголовное бѣгство „ходжа“ изъ деревни въ городъ. Остаются только старики, слабоумные и калѣки. Молодежь бѣжитъ, хотя вопросъ о заработной платѣ не имѣетъ первенствующаго значенія: „ходжъ“ въ деревнѣ получаетъ теперь, въ общемъ, до 18—20 шил. въ недѣлю (считая квартиру, картофель и пр.). Такъ какъ въ деревнѣ покупательная способность денегъ нѣсколько выше, чѣмъ въ городѣ, то заработная плата въ обоихъ мѣстахъ почти равна. Гораздо бо́льшее значеніе въ „тягѣ изъ деревни въ городъ“ имѣютъ другіе факторы, кромѣ стремленія получить нѣсколько лишнихъ шиллинговъ въ недѣлю: жажда независимости и стремленіе выдти изъ состоянія, въ которомъ все слишкомъ опредѣленно. Это значитъ слѣдующее. Получалъ ли „ходжъ“ 9 шил. въ недѣлю или 15, жилъ ли онъ въ развалившейся мурьѣ или въ котэджѣ о трехъ комнатахъ, — онъ всегда оставался въ полной зависимости у „сквайра“ и священника. Землевладѣлецъ не только предъявлялъ требованіе на мускульную силу „ходжа“, но и на душу его. „Сквайръ“ предписывалъ, какъ долженъ себя держать „ходжъ“, чѣмъ онъ имѣетъ право развлекаться и какъ долженъ спасать свою душу. Если священникъ доносилъ, что два воскресенья не видалъ „ходжа“ въ церкви, землевладѣлецъ приказывалъ работнику немедленно убираться на всѣ четыре стороны. Тогда „ходжей“ въ деревнѣ было много и плодились они какъ кролики. У „ходжа“ случилось несчастье: его дочь-дѣвушка забеременѣла. Объ этомъ священникъ донесъ „сквайру“, и помѣщикъ, блюдя нравственность своихъ работниковъ, приказалъ отцу выгнать дочь, а когда тотъ не послушался, то его самого вышвырнули изъ котэджа. Жилъ ли работникъ въ плохомъ котэджѣ или въ хорошемъ, самое главное заключалось въ томъ, что онъ никогда не зналъ, гдѣ будетъ ночевать черезъ день. Землевладѣлецъ бралъ себѣ все время „ходжа“ и, кромѣ того, требовалъ отъ него особаго почтенія, такъ какъ, не шутя, считалъ себя его благодѣтелемъ. Только въ городѣ „ходжъ“ начиналъ пользоваться тѣми громадными гражданскими правами, которыхъ добились англичане.

*) Rural England, v. II, p. p. 4, 27, 37, 103, 106, 108, 112, 114, 116, 117, 161, 234.

Въ деревнѣ, кромѣ того, энергичныхъ молодыхъ людей приводила въ отчаяніе крайняя опредѣленность всего: никакихъ надеждъ въ будущемъ. Черезъ тридцать лѣтъ будетъ такая же чистка навоза, какъ сегодня, какъ десять лѣтъ тому назадъ. И съ проникновеніемъ культуры въ деревню, „ходжъ" сталъ задумываться все чаще и чаще.

Не нужно думать, что бѣгство обусловливается отвращеніемъ къ земледѣльческому труду и чарующимъ вліяніемъ труда фабричнаго. Наиболѣе энергичные и талантливые сельскіе работники добираются до Канады, становятся тамъ засельщиками новыхъ мѣстъ и образуютъ оплотъ страны. Когда явилась слабая возможность воспользоваться мелкими участками въ Англіи, „ходжъ" добивается клочка земли. Но самое важное—независимость, стремленіе отдѣлаться отъ патроната сквайра и священника. Мы увидимъ дальше, что Райдеръ Хаггардъ, считая пѣсню капиталистическаго земледѣлія въ Англіи спѣтой, — находитъ возможнымъ возникновенія класса „іоменовъ", т. е. крестьянъ собственниковъ. Въ этомъ отношеніи, англійскій изслѣдователь пришелъ къ такимъ же выводамъ, какъ и С. Н. Булгаковъ. „Конечнымъ итогомъ развитія англійскаго земледѣлія въ XIX в.,— говоритъ онъ въ своей интересной книгѣ,—является стремленіе и въ обществѣ, и въ законодательствѣ и литературѣ возстановить то, разрушеніемъ чего началась его исторія,—крестьянское хозяйство; въ этомъ заключается, косвеннымъ образомъ, осужденіе пройденнаго пути, приговоръ надъ капиталистической организаціей земледѣлія, съ которымъ согласуется и обвинительный вердиктъ исторіи" (*).

Въ показаніяхъ, собранныхъ Райдеромъ Хаггардомъ, любопытна еще одна черта. Она показываетъ, какъ иногда рисковано выводить соціологическіе законы. Большинство землевладѣльцевъ, опрошенныхъ изслѣдователемъ, жалуются на гибель земледѣлія вслѣдствіе того, что „ходжъ" бѣжитъ и пересталъ плодиться. Мнѣ припоминается одно мѣсто, изъ „Principle of Popoulation", гдѣ Мальтусъ, разбирая взглядъ стариннаго экономиста Джемса Стюарта, доказываетъ, что не увеличеніе плодовитости улучшаетъ земледѣліе, а наоборотъ **). Авторъ убѣждаетъ сельскихъ работниковъ въ томъ, что только воздерживаясь отъ брака, они улучшатъ свое матеріальное положеніе и окажутъ громадную услугу государству, такъ какъ тогда, неизбѣжно, земледѣліе должно улучшиться.

„Если сельскій работникъ не можетъ содержать своихъ дѣтей,—говоритъ Мальтусъ,—они должны умереть, а если онъ тѣмъ не менѣе женится, не смотря на вѣроятность, что они

*) «Капитализмъ и земледѣліе», т. I, стр. 338.
**) V. III, p. 44, изд. 1817 г.

умрутъ съ голода,—то онъ виноватъ во всѣхъ несчастьяхъ, которыя навлекаетъ на свою голову, на жену и на дѣтей. Въ прямыхъ его интересахъ не вступать въ бракъ, до тѣхъ поръ, покуда трудолюбіемъ и экономіей не наберетъ достаточно денегъ, чтобы обезпечить семью. Это улучшитъ его положеніе" *). Дѣла „ходжа" и теперь не настолько блестящи, чтобы онъ могъ „копить", а сто лѣтъ тому назадъ такой совѣтъ равнялся запрещенію вступать когда-либо въ бракъ.

„Какъ бы сильны ни были побужденія страсти,—разсуждаетъ дальше Мальтусъ,—они, въ общемъ, подчиняются вліянію разума. Поэтому, въ предѣлахъ возможности убѣдить каждаго человѣка поступать согласно требованіямъ его же собственныхъ интересовъ. До сихъ поръ люди, имѣя дѣло съ бѣдняками, скрывали отъ нихъ истинную причину ихъ бѣдности. Когда заработная плата настолько низка, что едва хватаетъ на содержаніе двухъ дѣтей,—работникъ женится и приживаетъ ихъ пять или шесть. *Конечно*, онъ терпитъ тогда жестокую нужду. Онъ жалуется на скудость заработка, котораго не хватаетъ на прокормленіе семьи. Онъ обвиняетъ приходъ за то, что тотъ недостаточно быстро является къ нему на помощь. Онъ жалуется на жадность богачей, не уступающихъ ему того, безъ чего они могутъ легко обойтись, обличаетъ несправедливость общества, урѣзавшаго его долю. Быть можетъ даже работникъ осуждаетъ Провидѣніе, опредѣлившее его мѣсто въ обществѣ... Обвиняя всѣхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, никогда не вспомнитъ объ истинномъ источникѣ всѣхъ бѣдствій и несчастій, меньше всего онъ думаетъ обвинять самого себя. А между тѣмъ онъ то самъ и является главной причиной несчастій. Быть можетъ, работникъ уже сознаетъ, что лучше было бы ему не жениться; но никогда ему не вспомнится, что, женившись, онъ сдѣлалъ преступленіе. Ему постоянно говорили, напротивъ, что народить подданныхъ для своего короля—похвальное дѣло. Работникъ такъ и сдѣлалъ и страдаетъ за это"... **) Точно такъ же краснорѣчиво, какъ теперь экономисты—крупные землевладѣльцы доказываютъ „ходжу", что онъ „обязанъ" плодиться и размножаться,—Мальтусъ выставляетъ ему на видъ, что плодиться сильно—не слѣдуетъ. „Возможность улучшить свое матеріальное положеніе находится въ рукахъ самого работника, а не кого либо другого,—говоритъ Мальтусъ.—Общество и правительство, въ этомъ отношеніи, не могутъ сдѣлать рѣшительно ничего. Если даже они искренно желаютъ придти на помощь работнику, то они говорятъ безсознательно неправду, когда обѣщаютъ облегчить его участь. Когда заработная плата недостаточна для поддержанія семьи, то это неопровержимое доказательство, что странѣ ненужны

*) Ib. p. 105.
**) Ib., p. 107—108.

лишніе подданные. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что государство не можетъ прокормить ихъ. Поэтому, если работникъ женится при наличности этихъ условій, то онъ не только не оказываетъ услугу обществу, но, наоборотъ, навлекаетъ на него и на себя великія бѣдствія". Дальше Мальтусъ доказываетъ, что уговаривать работниковъ жениться все равно, что толкать въ воду людей, не умѣющихъ плавать. Въ обоихъ случаяхъ „мы искушаемъ Провидѣніе".

„Тѣ, которые дѣйствительно желаютъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ,—продолжаетъ Мальтусъ въ другомъ мѣстѣ,—должны поднять сравнительную пропорцію между цѣнами на трудъ и стоимостью предметовъ первой необходимости и, такимъ образомъ, дать работнику возможность пользоваться бо̀льшимъ комфортомъ въ жизни. До сихъ поръ, съ этой цѣлью, благотворители стремились пораньше женить работника. Достигалось же то, что нарождалось много работниковъ и рынокъ заполнялся". Нужно попробовать нѣчто другое. „Когда было найдено, что кислородъ не только не излѣчиваетъ чахоточныхъ, какъ предполагалось, но даже отягчаетъ симптомы, сдѣланы были опыты съ газомъ противоположнаго характера. Съ такимъ же благоразуміемъ слѣдуетъ поступать при излѣченіи общественной болѣзни-чахотки. И когда дознано, что притокъ новаго запаса рабочихъ силъ только отягчаетъ симптомы, нужно пріостановить этотъ приростъ". Конечно, прежде всего, люди, имѣющіе цѣлью улучшить благосостояніе общества,—говоритъ Мальтусъ,—стремятся усилить производительность страны; но быстро убѣждаются, что приростъ населенія идетъ быстрѣе, чѣмъ прогрессъ производительныхъ силъ земли. Это все равно, что послать черепаху поймать зайца. Убѣдившись, что „по законамъ природы" средства къ существованію не могутъ угнаться за приростомъ населенія, мы должны остановить приростъ послѣдняго. „Если мы сумѣемъ убѣдить зайца лечь спать, то у черепахи будетъ нѣсколько шансовъ поймать его" *).

Теперь многіе землевладѣльцы, опрошенные Райдеромъ Хаггардомъ, заявляютъ, что государство должно „убѣдить" ходжа, что прямой „долгъ его предъ обществомъ"—плодиться и размножаться!

Въ виду гибели капиталистическаго земледѣлія въ Англіи,—не разъ поднимался въ печати вопросъ, какъ поддержать его, помимо того, чтобы убѣдить „ходжа" плодиться. Когда ученіе имперіализма было сформулировано, защитники его выставляли на видъ, что протекціонизмъ поддержитъ гибнущее земледѣліе.

„Таможенный кордонъ вокругъ имперіи явится крѣпостной

*) «An Essay on the Principle of Population», v. III (изд. 1817 г.) p.p. 110—113.

стѣной, за которой наша промышленность и земледѣліе смогутъ отсидѣться отъ нападенія непріятеля, т. е. нашихъ промышленныхъ соперниковъ",—говоритъ Эрнестъ Уильямсъ, главный экономистъ протекціонизма.—Авторъ съ восторгомъ отмѣчаетъ возвращеніе къ этой экономической системѣ. „Начало, хотя слабое,—говоритъ онъ,—сдѣлано въ 1902 г. По ироніи судьбы министръ финансовъ, убѣжденный фритредеръ, внесъ въ свой послѣдній бюджетъ налогъ на хлѣбъ въ зернѣ и на муку. Правда, налогъ этотъ такъ не высокъ (шиллингъ на квартеръ), что еще не можетъ быть названъ покровительственнымъ; но *принципъ*, тѣмъ не менѣе, принятъ; фермеры и землевладѣльцы теперь съ надеждой будутъ смотрѣть на будущее... До сихъ поръ, при системѣ фритредерства, таможенной пошлиной облагались только такіе продукты, которые не могли конкурировать съ отечественными. Но теперь старый принципъ разрушенъ. Введя налогъ на зерно, правительство обложило пошлиной привозный продуктъ, конкурирующій на внутреннемъ рынкѣ съ отечественнымъ. Такимъ образомъ, возвращеніе къ протекціонизму началось съ 1902 г." *). Министръ колоній тоже видитъ въ будущемъ такую же имперію, какая рисуется Эрнесту Уильямсу. „Если мы захотимъ, имперія будетъ довлѣть самой себѣ,—сказалъ онъ на конференціи премьеровъ колоній.—Имперія наша такъ обширна! Продукты ея такъ разнообразны! Нѣтъ ничего, начиная отъ продуктовъ первой необходимости, до предметовъ изысканной роскоши, чего не было бы въ предѣлахъ имперіи". Въ „British Trade and Zollverein Issue" экономистъ Л. Чіоза сгруппировалъ въ этомъ году всѣ доводы противъ цолльферейна. Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что колоніи могутъ предложить метрополіи покровительственную торговлю съ небольшимъ населеніемъ, тогда какъ сами получаютъ льготы на торговлю съ населеніемъ въ $41^1/_2$ мил. Дальше авторъ указываетъ, что $^2/_3$ привознаго сырья идутъ не изъ колоній, а изъ за границы. Вывозная торговля Англіи исчисляется въ 800.000,000 мил. ф. ст. Въ колоніи вывозится товаровъ только на 200 мил. ф. ст., тогда какъ въ иностранныя государства на 600 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, цолльферейнъ, если и принесетъ выгоду колоніямъ, — будетъ смертельнымъ ударомъ для Англіи. Дальше. Колоніи получаютъ изъ иностранныхъ государствъ такіе фабрикаты, которыхъ Англія доставить не можетъ.

Такимъ образомъ, если, дѣйствительно, налогъ на зерновой хлѣбъ и на муку означаетъ первый шагъ къ протекціонизму, какъ говоритъ Эрнестъ Уильямсъ, то позволительно усомниться, чтобы былъ сдѣланъ второй шагъ, болѣе рѣшительный. Въ этомъ

---

*) «Daily Mail» Year Book, 1903, p. 149.

мы убѣждаемся, если внимательно просмотримъ книгу Райдера Хаггарда.

Землевладѣльцы и крупные фермеры, конечно, мечтаютъ о запретительныхъ тарифахъ на хлѣбъ. „Всѣ землевладѣльцы въ Девонширѣ—за протекціонизмъ въ какомъ бы то ни было видѣ,—говоритъ Райдеръ Хаггардъ. — Во всякомъ случаѣ, они желали бы налога хотя бы на привозную муку и прессованный кормъ для скота. Съ какимъ бы крупнымъ фермеромъ я ни заговаривалъ, я постоянно слышалъ разсужденія о необходимости и справедливости запретительныхъ пошлинъ. Но сельскіе работники, которые убѣдились, какъ быстро улучшилось ихъ положеніе вслѣдствіе дешевизны заграничныхъ продуктовъ, имѣютъ на протекціонизмъ совсѣмъ другіе взгляды, чѣмъ землевладѣльцы. И какія бы достоинства или недостатки ни имѣлъ протекціонизмъ,—я могу только сказать, что въ Девонширѣ онъ не явился бы панацеей. Быть можетъ, при протекціонизмѣ рента повысится. Быть можетъ, на фермы явится тогда большій спросъ, чѣмъ теперь. Но излѣчитъ ли протекціонизмъ корень зла? Можетъ ли процвѣтать земледѣліе, если нѣтъ соотвѣтственнаго населенія, желающаго остаться и работать на землѣ? Удержитъ ли протекціонизмъ сельскихъ работниковъ въ деревнѣ?“. Авторъ приходитъ къ отрицательному отвѣту *). Въ графствѣ Сомерсетъ, крупный землевладѣлецъ, опрошенный авторомъ, говоритъ, что „единственное средство возродить земледѣліе—протекціонизмъ; но это абсолютно невозможно“. Налогъ на зерновой хлѣбъ,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель, — явился бы великимъ благодѣяніемъ (для помѣщиковъ, конечно); тогда запашки возросли бы“... „Фермерство невозможно при отсутствіи сельскихъ работниковъ. Если они уходятъ, гибнетъ земля. Если исходъ „ходжа“ нельзя остановить, то соотвѣтственное число акровъ пахатной земли должно неминуемо превратиться въ верещаки. Быть можетъ, если удвоить заработную плату, кое-кто изъ работниковъ возвратился бы, но ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи нести такихъ расходовъ. Если бы работника можно было убѣдить, что запретительныя пошлины на хлѣбъ отзовутся выгодно на его карманѣ и увеличатъ его заработную плату,—быть можетъ, вопросъ разрѣшился бы. Но никто изъ политиковъ не посмѣетъ предложить ничего подобнаго. Проповѣдывать протекціонизмъ—ересь“ **). Въ Іоркширѣ мы слышимъ тѣ же рѣчи. Землевладѣльцъ со вздохомъ прибавляетъ, что протекціонизмъ вещь очень хорошая, но, увы! все населеніе противъ него. „Въ пользу протекціонизма можно было бы выставить безчисленное количество доводовъ,—говоритъ одинъ изъ свидѣтелей; но приходится смотрѣть дѣй-

*) Rural England, v. I, p. 217.
**) Ib., p. 252.

ствительности прямо въ глаза. Протекціонизмъ можно было бы ввести опять въ Англіи лишь послѣ какой-нибудь страшной катастрофы, а потому лучше объ этомъ не думать. Говорить о протекціонизмѣ, какъ объ мѣрѣ для излѣченія нашихъ бѣдствій—все равно, что пытаться прошибить лбомъ стѣну. Нужно, поэтому, остановиться на палліативахъ" *). Въ Суффолькѣ землевладѣльцы скромнѣе. Они—противъ пошлинъ на пшеницу и готовы были бы удовлетвориться налогомъ въ $2^1/_2$ шил. на мѣшокъ привозной муки. „Результатомъ этого было бы повышеніе цѣнъ на пшеницу на 1—2 шил. на квартеръ... Тогда умирающая промышленность возродилась бы, давъ занятіе многимъ работникамъ". Со вздохомъ свидѣтель заканчиваетъ, что министры не посмѣютъ предложить такой налогъ, страшась массъ **).

Авторъ приходитъ къ заключенію, что прямо нужно отказаться отъ протекціонизма: проповѣдывать эту мысль—значитъ гнаться за болотнымъ огонькомъ ***). Мы должны остановиться на палліативахъ, суммируетъ онъ въ концѣ второго тома результаты своихъ изслѣдованій.—Я не знаю широкаго и прямого пути, ведущаго въ утопію, т. е. въ возрожденную деревню... Въ настояще время соединилось вмѣстѣ много условій, грозящихъ гибелью англійскому земледѣлію. Изъ этихъ условій, прежде всего, нужно назвать иностранную конкуренцію. За границей выращивать хлѣбъ можно дешевле, чѣмъ въ Англіи. По причинѣ покровительственныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, иностранные продукты могутъ быть доставлены на англійскіе рынки дешевле, чѣмъ мѣстные продукты изъ одного конца Англіи въ другой. Если это иностранное соперничество обострится еще больше, въ Англіи станетъ невозможно воздѣлывать поля. Больше того, будетъ убито даже скотоводство. Въ Лейстерширѣ и другихъ графствахъ мнѣ говорили, что пониженіе цѣнъ на мясо на два пенса на фунтъ, или даже меньше, убьетъ окончательно всѣхъ скотопромышленниковъ... Произойдетъ ли подобное пониженіе цѣнъ? Оптимисты говорятъ: нѣтъ. Они думаютъ, что вывозящія страны сами станутъ потребителями излишка продуктовъ, когда увеличится населеніе, или когда повысится благосостояніе послѣдняго. Быть можетъ, оптимисты правы... Для борьбы съ иностранной конкуренціей есть только одно средство—протекціонизмъ; но о немъ мнѣ приходится сказать слѣдующее. Протекціонизмъ въ Англіи невозможенъ. Мысль о возвращеніи къ нему—химера. Я убѣжденъ, что введенный недавно маленькій налогъ на зерновой хлѣбъ—послѣдній опытъ въ этомъ направленіи. Дальнѣйшихъ попытокъ ни одно англійское министерство не рѣшится

*) Rural England, v. II, p. 311.
**) Ib., p. 415.
***) Ib. v. I, p. XVIII.

сдѣлать. Нужно вспомнить къ тому же, что маленькій налогъ былъ введенъ не для улучшенія положенія англійскаго земледѣлія, но для увеличенія государственнаго дохода. Что случится въ будущемъ, мы не можемъ предсказать, Возможно, что страшная катастрофа, въ видѣ полнаго національнаго разгрома, натолкнетъ разоренное государство на протекціонизмъ, какъ на послѣднее средство спасенія; но покуда такую катастрофу трудно даже предвидѣть.

Фритредерство пустило глубокіе корни въ странѣ. Оно составляетъ теперь *нераздѣльную* часть нашей національной жизни. Попытка вырвать корни свободной торговли можетъ повести къ гражданской войнѣ. По моему глубокому убѣжденію,— продолжаетъ Райдеръ Хаггардъ, — свободная торговля — одна изъ тѣхъ немногихъ причинъ, изъ-за которой англійскій народъ способенъ начать революцію. Отмѣна свободной торговли поведетъ къ баррикадамъ и къ вооруженнымъ возстаніямъ. Быть можетъ, различныя отрасли промышленности станутъ добиваться и добьются покровительственныхъ тарифовъ; это принесетъ пользу однимъ классамъ и вредъ другимъ; но народъ никогда не допуститъ при нормальныхъ условіяхъ, чтобы пища вздорожала вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ. Вопросъ о вліяніи тарифовъ на цѣны продуктовъ первой необходимости ясенъ рѣшительно для каждаго работника, даже самаго отсталаго. Высокіе тарифы отзываются на его карманѣ и, такимъ образомъ, никакой аргументъ не убѣдитъ работника въ пользѣ покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Протекціонизмъ означаетъ вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ, а это, въ свою очередь, означаетъ, меньше пищи и больше работы. Чтобы предупредить послѣднее, даже наиболѣе смирные и уважающіе законъ англичане возьмутся за оружіе. Скажутъ: „въ другихъ странахъ протекціонизмъ не создалъ же революцій". Да, такъ, но тамъ не знали, что такое свободная торговля. Чего глазъ не видитъ, того сердце не хочетъ. Массы въ Англіи знаютъ, какъ увеличилось ихъ благосостояніе вслѣдствіе свободной торговли. Кто стоитъ за протекціонизмъ? немногіе экономисты и многіе землевладѣльцы и крупные фермеры. Всѣ остальные — противъ него. Самыми упорными противниками протекціонизма явятся сельскіе работники, потому что при немъ положеніе ихъ было отчаянное. Лишь при свободной торговлѣ они нѣсколько увидали свѣтъ. На основаніи всего этого я прихожу къ заключенію, что на протекціонизмъ нечего разсчитывать при изысканіи средствъ для возрожденія земледѣлія. Красивымъ сномъ не исцѣляется болѣзнь *).

*) Rural England, v. II, p.p. 536—539.

IV.

Мы переходимъ теперь къ „палліативамъ“, предлагаемымъ Райдеромъ Хаггардомъ. Прежде всего мы наталкиваемся на не новое предложеніе „обновить землю“ путемъ возвращенія къ тому, что такъ систематически разрушалось въ Англіи. Нашъ изслѣдователь за такъ называемыя „allotments“ (мелкіе земельные участки). Процессъ возникновенія и насажденія крупнаго земледѣлія въ Англіи разсказывался много разъ. Онъ хорошо извѣстенъ и русской публикѣ по ряду переводныхъ и оригинальныхъ трудовъ. Мнѣ достаточно, поэтому, напомнить въ нѣсколькихъ словахъ читателямъ главнѣйшіе факты.

Крѣпостное право юридически исчезло въ Англіи въ XIV в., хотя фактически продержалось гораздо позже. Слѣдъ его мы можемъ найти даже въ XVIII в. „Громадное большинство населенія состояло въ XV стол. изъ свободныхъ крестьянъ, имѣющихъ собственныя хозяйства, все равно подъ какими бы феодальными вывѣсками ни скрывалось ихъ право собственности. Въ крупныхъ господскихъ имѣніяхъ—bailif, прежде также крѣпостной, былъ вытѣсненъ свободнымъ арендаторомъ. Земледѣльческіе наемные рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые употребляли свое свободное время на работы у крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, частью изъ самостоятельнаго, очень малочисленнаго класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были въ то же время крестьянами съ собственнымъ хозяйствомъ, такъ какъ они, кромѣ платы, получали котэджъ съ 4 и болѣе акрами земли. Кромѣ того, они, наравнѣ съ настоящими крестьянами, пользовались *общинной землей*, гдѣ пасся ихъ скотъ и которая давала имъ вмѣстѣ съ тѣмъ топливо: дрова, торфъ, уголь“ *).

Еще въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII столѣтія, независимое крестьянство, yeomanry, было многочисленнѣе класса фермеровъ. Оно составляло главную силу Кромвелля и въ нравственномъ отношеніи стояло выше пьянаго сельскаго дворянина и его прислужниковъ деревенскихъ поповъ, вѣнчавшихъ барскихъ любовницъ. Тогда даже батраки участвовали въ пользованіи общинной землей **). Марксъ говоритъ, что „yeomanry исчезло около 1750 г., а въ концѣ XVIII столѣтія исчезаютъ также и послѣдніе слѣды общиннаго владѣнія хлѣбопашцевъ“. Это несовсѣмъ такъ. Въ дѣйствительности, „yeomanry“ просуществовало гораздо дольше. Мы наблюдаемъ остатки его даже въ XIX вѣкѣ. Мелкое земледѣліе стало исчезать вслѣдствіе безсовѣстнаго и рѣшительно безпримѣрнаго

*) *К. Марксъ*. Капиталъ. т. I, стр. 617.
**) *К. Марксъ*. Капиталъ. т. I. «Первоначальное накопленіе».

расхищенія общинныхъ земель. Процессъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ „огораживанія полей“ (enclosure). Сперва законодательство боролось съ покушеніями крупныхъ землевладѣльцевъ на общинныя поля, но потомъ стало помогать расхищенію и пауперизаціи деревенскаго населенія. По выраженію Маркса, „прогрессъ XVIII вѣка проявился въ томъ, что теперь самъ законъ сталъ способствовать грабежу народныхъ земель“. Бѣдность скоро получилась великая. По словамъ писателя XVIII вѣка, „фермеры запрещаютъ жильцамъ котэджей содержать какое бы то ни было живое существо, кромѣ самихъ себя, подъ тѣмъ предлогомъ, что если у нихъ будетъ скотъ или дворовыя птицы, то они будутъ воровать изъ амбаровъ кормъ. Они говорятъ также: держите сельскихъ работниковъ въ бѣдности и вы сдѣлаете ихъ трудолюбивыми“. Удивительно, какъ мало изобрѣтательны на аргументы представители извѣстныхъ взглядовъ! Положенія фермеровъ повторяютъ теперь экономисты, защищающіе интересы южно-африканскихъ золотопромышленниковъ.

Только, вмѣсто „сельскіе работники“, они подставляютъ „негры“. Характеръ процесса „огораживанія полей“, „какъ насилія и ограбленія трудящихся классовъ, не измѣняется отъ рѣшенія того спорнаго вопроса, были-ли юридически правы землевладѣльцы, огораживая въ свое исключительное пользованіе общинныя поля. Нѣкоторые компетентные изслѣдователи думаютъ, что юридически землевладѣльцы имѣли основанія для этой экспропріаціи, но это было то именно право, о которомъ сказано: summum jus—summa injuria“ *). Общій результатъ огораживанія полей былъ таковъ. Въ общей сложности положеніе низшихъ классовъ народа ухудшилось почти во всѣхъ отношеніяхъ, мелкіе землевладѣльцы и фермеры дошли до положенія поденщиковъ и наемниковъ, и въ то же время имъ стало гораздо труднѣе *поддерживать* свое *существованіе* въ этомъ положеніи. Дѣйствительно, похищеніе общественныхъ земель и сопровождавшій его переворотъ въ земледѣліи имѣлъ такое быстрое дѣйствіе на сельскихъ работниковъ, что между 1765 г. и 1780 г. рабочая плата ихъ начала падать ниже minimum'а и стала дополняться оффиціальными вспомоществованіями для бѣдныхъ. Оцѣнка расхищенія общинныхъ земель сдѣлана давно уже и, повидимому, прочно установилась въ литературѣ. Но въ этомъ году сдѣлана попытка защитить „огораживаніе полей“. Я говорю о статьѣ Эндерсона Граама „Allotments and Small Holdings“ въ десятомъ изданіи „Encyclopaedia Britannica“. Грандіозное предпріятіе это—является тяжелой батареей, выдвинутой англійскимъ биржевымъ капиталомъ для защиты всѣхъ позицій своихъ. „Не подлежитъ сомнѣнію (!?),—говоритъ Эндерсонъ Граамъ, что огораживаніе полей было необходимо. Оно улучшило зе-

*) *С. Булгаковъ*, Капитализмъ и земледѣліе, т. I, стр. 174.

мледѣліе и прогрессъ его сталъ подвигаться громадными скачками" *). Изъ книги Райдера Хаггарда мы видимъ, до чего достигло теперь англійское капиталистическое земледѣліе своими „громадными скачками"! Для подтвержденія своихъ взглядовъ Эндерсонъ Граамъ ссылается на экономиста XVIII вѣка, сэра Фрэнсиса Идена (Eden). Объ этомъ писателѣ, восхвалявшемъ огораживаніе полей, мы находимъ у Маркса слѣдующія желчныя строки. „Стоическое равнодушіе, съ какимъ политико-экономъ смотритъ на дерзкое нарушеніе „священнаго права собственности" и на грубѣйшее насиліе надъ лицами, когда они нужны для положенія основанія капиталистическому способу производства, можно видѣть, между прочимъ, на „филантропическомъ" сэрѣ Фрэнсисѣ Иденѣ, имѣющемъ, кромѣ того, еще торійскій оттѣнокъ. Цѣлый рядъ грабежей, мерзостей и бѣдствій, сопровождавшихъ насильственную экспропріацію народа... приводитъ его только къ такому „комфортабельному" заключенію: „Должно быть установлено надлежащее отношеніе между пахатной и пастбищной землей. Еще въ продолженіе всего XIV и большей части пятнадцатаго вѣка на одинъ акръ пастбищной земли приходилось 2,3 и даже 4 акра пахатной. Въ серединѣ шестнадцатаго столѣтія отношеніе измѣнилось такимъ образомъ, что на три акра пастбищной земли стало приходиться два акра пахатной; потомъ на два акра пастбищъ—одинъ акръ пашни, пока, наконецъ, не установилось надлежащее отношеніе, т. е. на три акра пастбищъ—одинъ акръ пахатной земли" **).

Но, въ концѣ концовъ, даже современный защитникъ огораживанія полей находитъ, что „по отношенію къ крестьянамъ, проявлена была извѣстная степень несправедливости". Вотъ какъ выражаетъ въ цифрахъ эту „извѣстную степень несправедливости" Протеро, авторъ труда „Pioneers and progress of English Farming".

Огорожено, т. е. присвоено общинныхъ земель въ царствованіе:

Королевы Анны	1,439	акровъ.
Георга I	17,960	»
Георга II	318,778	»
Георга III	6.288,910	»
Георга IV / Вильгельма IV	340,380	»
Викторіи	1.405,197	»
За 186 лѣтъ	8.372,662	акра.

Въ послѣдней четверти XIX вѣка вполнѣ выяснились результаты капиталистическаго земледѣлія въ Англіи. Начался рядъ попытокъ поправить зло. Прежде всего мы видимъ возникновеніе

*) Encyclopaedia Britannica, v. I, 1902, p. 321.
**) *К. Марксъ*, Капиталъ, т. I, стр. 625.

двухъ „лигъ“, имѣющихъ цѣлью національзировать землю въ Англіи (Land Nationalisation League и Land Restoration Society). О дѣятельности того и другого общества, о пропагандистахъ, отправляющихся въ „красныхъ“ и „желтыхъ“ вагонахъ всюду по Англіи— я какъ-то писалъ уже въ *Русскомъ Богатствѣ* въ 1898 г. Затѣмъ мы имѣемъ общества, поставившія цѣлью старинную формулу: „три акра и корова“. Горячимъ сторонникомъ этой формулы явился въ семидесятыхъ годахъ Джозефъ Арчъ и фактотумъ Чэмберлэна—Джесъ Колингсъ. Нынѣшній министръ колоній тогда еще не былъ „пророкомъ имперіалистическаго корана“, а находился въ фазисѣ „краснаго радикализма“. Тогда лордъ Сольсбри называлъ Чэмберлэна „Джэкомъ Кэдомъ“, а Рандольфъ Черчель— „томпаковымъ Робеспьеромъ“! Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія парламентъ, наконецъ, сдѣлалъ шагъ къ возсозданію въ Англіи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ. Въ 1887 г. внесенъ былъ въ парламентъ билль о пріобрѣтеніи мелкихъ земельныхъ участковъ (The Allotments Act). Въ этомъ актѣ въ первый разъ внесенъ принципъ принудительнаго выкупа земли у лэндлордовъ. Въ 1890 г. прошелъ новый земельный актъ. Наиболѣе важное значеніе имѣлъ „Small Holdings Act“ 1892 г. Въ силу этого закона дѣло устроенія мелкихъ хозяйствъ поручается совѣту графства (County Conseil), который дѣйствуетъ непосредственно или назначаетъ особую коммиссію. Иниціатива можетъ принадлежать или совѣту графства, или же избирателямъ. Участки подъ мелкія хозяйства продаются или отдѣльнымъ лицамъ, или кооперацiямъ. Покупатель вноситъ только $^1/_5$ цѣны, остальныя деньги даетъ ему взаймы совѣтъ графства, при чемъ долгъ погашается въ теченіе 50 лѣтъ. Совѣтъ графства играетъ роль посредника, а не благотворительнаго учрежденія, почему цѣна должна быть разсчитана такъ, чтобы не оставить его въ убыткѣ. Правительство открываетъ на этотъ предметъ кредитъ изъ 3%, при чемъ долгъ этотъ долженъ быть погашенъ въ теченіе 50 лѣтъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтъ графства можетъ дать деньги на пріобрѣтеніе земли изъ городскихъ суммъ, получаемыхъ отъ взиманія налоговъ съ домонанимателей. Прежде чѣмъ предоставить землю покупщикамъ или арендаторамъ, совѣтъ графства можетъ произвести необходимыя улученшія, т. е. построить службы, котэджъ и пр. *).

Авторъ статьи о мелкихъ хозяйствахъ въ десятомъ изданіи *Британской Энциклопедіи* сильно напираетъ на то, что „въ Англіи предпочитаютъ личную иниціативу общественному предпріятію“. „Британская Энциклопедія“, между прочимъ, задалась цѣлью обличать „муниципальный соціализмъ“, подрывающій-де интересы

*) Читающіе только по-русски найдутъ подробности объ Small Holdings Act въ книгѣ Булгакова «Капитализмъ и земледѣліе», т. 1, стр. 326—328.

„отдѣльныхъ предпринимателей“. Такимъ образомъ, партіи, давшей средства на изданіе Энциклопедіи, не можетъ нравиться то значеніе, которое придается совѣтамъ графствъ въ пріобрѣтеніи земли.

Если Small Holdings Act не принесъ желательныхъ результатовъ, то не потому, что общество хуже ведетъ дѣла, чѣмъ единичное лицо (какъ утверждаетъ *Британская Энциклопедія*), а потому, что совѣты графствъ не имѣютъ достаточной возможности *заставить* землевладѣльцевъ продать землю. Радикалы теперь усиленно агитируютъ, чтобы права совѣтовъ графствъ были расширены въ этомъ смыслѣ.

Вотъ таблица, показывающая число мелкихъ хозяйствъ въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи.

	Отъ 1 до 5 акровъ.		Отъ 5 до 50 акровъ.		Свыше 50 акр.	
	Число хозяйствъ.	Число акровъ.	Число хозяйствъ.	Число акровъ.	Число хозяйствъ.	Число акровъ.
Въ Англіи . . .	87.055	265.268	170.591	3.288.669	122.533	21.290.751
» Уэльсѣ . . .	10.763	35.633	30.969	635.024	18.556	2.167.702
» Шотландіи .	20.150	65.991	33.921	608.930	25.568	4.219.645
	117.968	366.892	235.481	4.532.623	166.657	27.678.098

Мелкія хозяйства распредѣлены не одинаково по графствамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Чеширѣ или въ Уорчестрѣ,—мелкія хозяйства преобладаютъ. Въ другихъ, какъ, напр., въ Уэстморлэндѣ или же въ Девонширѣ, преобладаютъ крупныя хозяйства. Слѣдующія цифры болѣе точно показываютъ число очень маленькихъ хозяйствъ.

	Меньше одного акра.	Въ одинъ акръ.	Выше.
Въ Англіи	522.163	34.459	556.622
» Уэльсѣ	12.179	1.095	13.274
» Шотландіи . . .	7.648	1.589	9.237
	541.990	37.143	579.133

(Таблицы эти взяты изъ десятаго изданія *Британской Энциклопедіи*, v. I, p. 323).

V.

Стараясь выяснить значеніе мелкихъ хозяйствъ, Райдеръ Хаггардъ широко пользовался системой опросовъ. „Въ Уильтширѣ и въ Гэмпширѣ всюду раздается общій крикъ, что деревня пустѣетъ,—пишетъ онъ.—Напротивъ, въ Уинтерсло (Уильтширъ), по всей вѣроятности, ближайшая всенародная перепись покажетъ, что населеніе не только не уменьшилось, но, наоборотъ, даже увеличилось“. Явленіе это—результатъ мелкихъ хозяйствъ, существующихъ здѣсь.

Въ этомъ округѣ была ферма (Cooper's Farm), состоящая изъ 195 акровъ. Она съ трудомъ давала заработокъ троимъ работникамъ, теперь ферма раздѣлена на пятьдесятъ участковъ, которые даютъ средства къ существованію такому же числу семействъ. Въ Бэркомбѣ (Суссексъ) ферма въ 400 акровъ была невыгодна помѣщику. Ее раздѣлили на двадцать четыре участка отъ 2—125 акровъ. И мелкія хозяйства эти идутъ хорошо.

Царствомъ мелкихъ хозяйствъ является Девонширъ. „Среди фруктовыхъ садовъ тамъ всюду видны каменныя, крытыя черепицей фермы. Неприхотливыя постройки обнесены заборомъ, у воротъ котораго задумчиво стоитъ корова или свинья... Характерной особенностью графства являются мелкія хозяйства. Крупныхъ фермъ почти нѣтъ. Большая часть хозяйствъ ведется на 20—50 акрахъ. Не рѣдко можно встрѣтить фермы, снимаемыя уже четвертымъ поколѣніемъ. Все свидѣтельствуетъ о необыкновенной любви къ землѣ; но сама судьба противъ этого наслѣдственнаго инстинкта. Я бесѣдовалъ со многими мелкими фермерами, но всѣ они говорили мнѣ, что изъ дѣтей не сдѣлаютъ земледѣльцевъ“ *). Авторъ объясняетъ это рентой, которая быстро возрастаетъ въ Девонширѣ.

Выкупъ земли, если бы онъ былъ возможенъ, по мнѣнію автора, сразу улучшилъ бы положеніе. Конкуренція иностранныхъ производителей не страшна здѣсь фермерамъ, если бы имъ не приходилось платить ренту. „Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, какъ для улучшенія земледѣлія, такъ и для того, чтобы воспрепятствовать бѣгству въ городъ—являются мелкія хозяйства,—показываетъ одинъ изъ свидѣтелей, опрошенныхъ авторомъ въ Девонширѣ... Мелкія хозяйства могутъ отлично пойти“ **). Нужно прибавить, что совѣты крупныхъ землевладѣльцевъ далеко не безкорыстны. Тѣ изъ нихъ, которые еще не совсѣмъ отчаялись въ возможности хозяйничать, надѣются, повидимому, что мелкія хозяйства, удержавъ населеніе въ деревнѣ, составятъ извѣстный резервъ, откуда можно будетъ вербовать работниковъ. „Онъ (т. е. свидѣтель) полагаетъ, что мелкія хозяйства будутъ выгодны и крупнымъ землевладѣльцамъ. Онъ знаетъ положеніе дѣлъ въ Уорикширѣ (Warwickshire), гдѣ мелкихъ хозяйствъ очень много. Здѣсь землевладѣльцы всегда могутъ найти крестьянъ, готовыхъ помочь имъ въ свободное время. Работая хорошо для себя, мелкіе фермеры привыкаютъ относиться такимъ же образомъ къ интересамъ предпринимателей. Во многихъ округахъ для выполненія сколько-нибудь отвѣтственной работы берутъ только мелкихъ фермеровъ“ ***). Любопытно, что эти же самые мотивы

*) «Rural England», v. I, p.p. 17. 131, 176.
**) Ib., p. 182.
***) Ib., p. 208.

(улучшеніе земледѣлія) крупные землевладѣльцы выставляли когда-то, когда требовали пауперизаціи деревенскаго населенія. Тогда доказывалось, что только „вольный человѣкъ", т. е. не имѣющій ни кола, ни двора бобыль можетъ быть хорошимъ сельскимъ работникомъ.

Другой свидѣтель высказываетъ то же предположеніе, что мелкое фермерство будетъ выгодно крупнымъ землевладѣльцамъ. „Сельскихъ работниковъ почти нѣтъ теперь, — заявляетъ онъ.— Единственный способъ имѣть ихъ—завести мелкія фермы. Работникъ долженъ имѣть котэджъ и клочокъ земли, гдѣ могъ бы держать корову". Просматривая подобныя показанія, становится понятно, почему теперь во главѣ „лиги", втиснувшей свои задачи въ формулу: „три акра и корова" — стоитъ вождь дикихъ, непримиримыхъ консерваторовъ — лордъ Вимисъ. „Три акра и корова", конечно, недостаточны для того, чтобы прокормить семью; но за то представляютъ достаточный якорь, чтобы удержать бѣгущее населеніе. А такъ какъ „при трехъ акрахъ и коровѣ" понадобятся еще подспорныя занятія, то крупные землевладѣльцы разсчитываютъ, что въ работникахъ не будетъ недостачи. Это обстоятельство имѣютъ въ виду тѣ „лиги", которыя стоятъ за полную національзацію земли или за кооперативныя земледѣльческія фермы, какъ въ Кетерингѣ или Вуличѣ. Въ англійской литературѣ существуетъ прекрасный трудъ, въ которомъ говорится о попыткахъ этого рода. Я имѣю въ виду книгу Генри Димареста Ллойда „Labor Copartnership", вышедшую въ 1898 г. Въ „Русскомъ Богатствѣ" мнѣ пришлось уже говорить и объ этой книгѣ, и о личныхъ наблюденіяхъ надъ кооперативными фермами. Я пытался выяснить тогда, почему прежнія земледѣльческія коопераціи, основанныя оуэнистами, терпѣли неизмѣнно неудачу и почему опыты въ Кетерингѣ и Вуличѣ дали такіе блестящіе результаты. Прежнія коопераціи являлись первымъ звеномъ, тогда какъ въ Кетерингѣ или Вуличѣ они составляютъ заключительный шагъ: тамъ существуютъ мощныя потребительно-производительныя общества. Они заводили кооперативныя фермы, имѣя готовый, вполнѣ обезпеченный рынокъ, т. е. собственныхъ сочленовъ. Кромѣ того, эти коопераціи могли примѣнить всѣ послѣднія требованія агрономіи. Оуэнистскія земледѣльческія коопераціи явились искусственнымъ созданіемъ нѣсколькихъ прекраснодушныхъ людей, въ родѣ артелей Н. В. Левитскаго, и погибли. Кетерингская или Вуличская ферма являются естественнымъ фазисомъ эволюціи мощнаго кооперативнаго движенія... Возвратимся, однако, къ свидѣтелямъ, опрошеннымъ Райдеромъ Хаггардомъ. Многіе изъ нихъ смотрятъ крайне пессимистически на будущность англійскаго земледѣлія. Они не видятъ никакого просвѣта впереди; но всѣ опрошенные полагаютъ, что мелкія хозяйства могутъ устоять даже тамъ, гдѣ капиталистиче-

скимъ грозитъ гибель. „Впереди я вижу только полное разореніе,—говоритъ крупный фермеръ въ Дорсетширѣ; единственная надежда, что деревня не погибнетъ—мелкія хозяйства". Городскіе и сельскіе совѣты должны воспользоваться закономъ 1892 г. и предоставить въ распоряженіе населенія участки въ размѣрѣ отъ 10--40 акровъ. Въ желающихъ снять ихъ недостатка не будетъ *). Иногда изслѣдователю приходилось слышать оригинальныя возраженія противъ мелкихъ хозяйствъ. Они (возраженія) дѣлались сквайрами, не занимающимися хозяйствомъ, но живущими въ деревнѣ ради спорта. Такъ одинъ сквайръ въ Бэркуртѣ (Дорсетширъ) заявляетъ: „Мелкія хозяйства допустимы только тогда, когда они возникаютъ на окраинахъ городовъ. Въ деревнѣ они рѣшительно вредны. Какъ только фермеръ получаетъ поле, онъ огораживаетъ его проволочной сѣткой и все досужее время бродитъ кругомъ съ ружьемъ, отгоняя дичь. Если число мелкихъ фермъ увеличится, то самый благородный спортъ: охота на лисицъ погибнетъ, и тогда изъ Англіи хоть бѣги" **).

Въ томъ же округѣ въ Дорсетширѣ существуетъ цвѣтущая колонія мелкихъ фермъ. Тамъ было большое (для Англіи) хозяйство въ 343 акра. Ферма не шла. Владѣлецъ тогда разбилъ ее на восемьдесятъ участковъ отъ 1 до девяти акровъ, которые предложилъ купить въ разсрочку, на выгодныхъ условіяхъ. Теперь эти фермы процвѣтаютъ. Покупатели выплатили уже всю стоимость. Крайне любопытны опыты, сдѣланные муниципалитетами, воспользовавшимися закономъ 1892 г. о „Small holdings". Прежде всего, въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть про Бьюдли, старинный и красивый городъ въ Уорстершире. Прежде всего, городъ выполнилъ рядъ муниципальныхъ предпріятій, задуманныхъ по примѣру Глазго: т. е. построилъ собственный водопроводъ, электрическій генераторъ и трамвай и пр. Предпріятія оказались выгодны для населенія. Тогда Бьюдли занялся улучшеніемъ положенія населенія на окраинахъ. Онъ пріобрѣлъ 10.300 акровъ земли и разбилъ ихъ на небольшія фермы, которыя и предложилъ желающимъ купить на льготныхъ условіяхъ, въ разсрочку. Слѣдующія цифры даютъ представленіе о числѣ фермъ, устроенныхъ городомъ, и о размѣрахъ ихъ.

*) Rural England, v. I, p.p. 260. 267.
**) Ib,, 272.

Размѣры фермъ.	Число участковъ.
Меньше 1 акра, но заключающіе сады больше, чѣмъ въ $^1/_4$ акра	233
Отъ 1 — 2 акровъ . . .	46
» 2 — 3 » . . .	37
» 3 — 5 » . . .	44
» 5 — 10 » . . .	54
» 10 — 15 » . . .	29
» 15 — 20 » . . .	13
» 20 — 30 » . . .	24
» 30 — 50 » . . .	22
» 50 — 60 » . . .	10
» 60 — 80 » . . .	6
» 80 —100 » . . .	15
» 100 —150 » . . .	16
» 150 —200 » . . .	7
Свыше 200 » . . .	7

Всего городъ устроилъ, такимъ образомъ, 560 фермъ, которыя идутъ теперь отлично. Садоводство играетъ видную роль. Въ особенности много на этихъ участкахъ вишневыхъ садовъ. Подспорнымъ дѣломъ на совсѣмъ маленькихъ фермахъ является плетеніе корзинъ и откармливаніе птицъ, въ особенности индѣекъ. На не городской землѣ за аренду платили—по $2^1/_2$ ф. ст. за акръ. Городъ назначилъ 2 ф., а потомъ $1^1/_2$ ф., при чемъ деньги идутъ на погашеніе стоимости земли. Бьюдли отнюдь не думалъ явиться „филантропомъ". Англичане вообще въ принципѣ противъ „филантропіи", такъ какъ полагаютъ, что подобное предпріятіе неминуемо должно погибнуть. Многіе англійскіе города выстроили теперь, напр., образцовые ночлежные дома и цѣлыя улицы дешевыхъ котэджей. Но муниципалитеты не „филантропствуютъ", а снимающіе дешевые городскіе котэджи не чувствуютъ себя „облагодѣтельствованными". Дѣло разсчитано такъ, что прибыль не только покрываетъ расходъ, но приноситъ еще 3—$3^1/_2$%, что, при дешевизнѣ капитала въ Англіи, совсѣмъ allright. Бьюдли, заводя фермы, разсчиталъ точно такимъ же образомъ. Рента не только покрываетъ затраченный капиталъ, но и приноситъ 3%, т. е. какъ разъ столько, сколько платитъ за занятый на покупку земли капиталъ самъ городъ. Вотъ подробности о нѣкоторыхъ городскихъ фермахъ.

„№ 2. У фермера восемь акровъ въ двухъ участкахъ, въ одномъ два, въ другомъ шесть акровъ. Владѣлецъ говоритъ, что съ земли онъ можетъ жить вполнѣ, хотя для этого ему приходится много работать. Полевыя работы заполняютъ все время. Значительную часть участка занимаетъ фруктовый садъ. Фермеръ разводитъ также терновникъ, который продается по фунту за 1000 лозъ (для огораживанія полей).

№ 3. Фермеръ былъ прежде каменьщикомъ. У него теперь три акра земли. По разсчетамъ, она приноситъ ему, круглымъ

счетомъ, 5 шил. въ день. № 4. Участокъ состоитъ изъ двадцати четырехъ акровъ каменистой земли. Рента, вмѣстѣ съ погашеніемъ капитальнаго долга—40 ф. ст. въ годъ. Вся земля идетъ подъ пастбище и подъ фруктовый садъ. Фермеръ аккуратно выплачиваетъ ренту и ему хватаетъ на жизнь. Онъ имѣетъ пять коровъ и порядочный птичникъ. Снятымъ молокомъ на фермѣ отпаиваютъ свиней. № 6. Два акра, занятыхъ фруктовымъ садомъ. Фермеръ держитъ свиней. Подсобнымъ занятіемъ является плетеніе громадныхъ корзинъ для кораблей, везущихъ уголь. Корзины продаются по 12 шил. за дюжину. „Я не могъ не замѣтить энергію, съ которой работалъ этотъ человѣкъ,—отмѣчаетъ Райдеръ Хаггардъ.—То было какое-то дикое стараніе. Даже говоря со мной, онъ не покидалъ работы". № 7. Владѣлецъ былъ прежде кузнецомъ. Участокъ состоитъ изъ двадцати акровъ. Значительную часть занимаетъ фруктовый садъ... Въ общемъ, изслѣдователь заявляетъ: „не смотря на то, что многіе участки отстоятъ далеко отъ желѣзной дороги, а рента довольно высока, всѣ фермеры могутъ жить результатами своего труда" *). Въ томъ же Бьюдли энергично дѣйствуетъ вольное агрономическое общество. Оно устраиваетъ лекціи и вечерніе курсы для фермеровъ, которыхъ знакомитъ съ химіей и съ примѣненіями ея въ хозяйствѣ. Въ томъ же графствѣ маленькій городъ Кэстлъ Мортонъ пошелъ по слѣдамъ Бьюдли. Совѣтъ взялъ въ долгосрочную аренду запущенную ферму въ 120 акровъ. Земля была очень плоха. Городъ раздѣлилъ ее на участки отъ 4 до 6 акровъ. Каждый клочекъ состоялъ изъ пастбищной и пахатной земли. Совѣтъ сдалъ ихъ по 12 шил. за акръ. Охотники на участки нашлись быстро. Теперь земля значительно улучшилась. Городъ теперь снимаетъ еще 260 акровъ земли. Желающихъ взять участки очень много. Совѣтъ сожалѣетъ только о томъ, что не можетъ заставить лэндлордовъ продать землю **).

Въ Соуздоунѣ (Суффолькъ) – сельскій совѣтъ пріобрѣлъ 3700 акровъ и раздѣлилъ ихъ на мелкіе участки. Гдѣ прежде рента была 42—45 шил. за акръ, тамъ теперь фермеръ платитъ городу 10 шил. „Спросъ на мелкіе участки очень великъ, но фермеры часто не имѣютъ достаточнаго капитала" ***). „Маленькія фермы могутъ процвѣтать даже въ такомъ графствѣ, какъ Суффолькъ, гдѣ всѣ условія, повидимому, не благопріятны. Онѣ держатся съ успѣхомъ, не смотря на низкія цѣны на хлѣбъ" ****).

---

*) Rural England., v. I, pp. 323—329.
**) Ib.. p. 382.
***) Ib., v. II, pp. 488—489.
****) Ib., 417.

VI.

Довольно, однако, отдѣльныхъ фактовъ. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ приходитъ изслѣдователь. Авторъ указываетъ, прежде всего, что сельскій рабочій бѣжитъ, потому что ничто его не удерживаетъ у земли. Въ деревнѣ — все постыло сколько-нибудь способному работнику. У него нѣтъ тамъ никакихъ надеждъ впереди. До самой смерти онъ можетъ предвидѣть только сѣрое, монотонное прозябаніе на чужой землѣ, въ чужомъ котэджѣ, въ полной зависимости отъ воли и произвола сквайра и священника. Изслѣдователь доказываетъ, что крупное земледѣліе гибнетъ, но мелкія хозяйства держатся успѣшно. И потому Райдеръ Хаггардъ приходитъ къ заключенію, что послѣднія были бы крайне полезны теперь. „Если сдѣлать нѣкоторыя оговорки,— резюмируетъ изслѣдователь свои взгляды,—то я признаю громадное значеніе мелкихъ хозяйствъ Всюду, гдѣ они существуютъ въ Англіи, тамъ деревенское населеніе благоденствуетъ, земля обрабатывается хорошо, и „тяга въ городъ“ не проявляется въ бурной формѣ“. Авторъ спѣшитъ оговориться, что не вѣритъ, чтобы въ современной жизни возможно было искусственно создать громадный классъ крестьянъ собственниковъ. Желаніе земельныхъ участковъ должно исходить снизу, отъ самого населенія. Было бы совершенно безполезно,— продолжаетъ изслѣдователь,—если бы правительство, напримѣръ, ассигновало 50 мил. ф. ст. и поручило бы спеціальному департаменту создать классъ крестьянъ собственниковъ. Въ концѣ концовъ, такая попытка кончилась бы неудачей, а на рукахъ у правительства очутилась бы масса земли. Есть много графствъ въ Англіи, гдѣ всѣ естественныя условія противъ какого бы то ни было земледѣлія... И, тѣмъ не менѣе, въ каждомъ графствѣ есть много людей, гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ, которые охотно взяли бы мелкіе участки и обрабатывали бы ихъ съ пользой для себя и для государства. Къ нимъ на помощь должно явиться государство. По мнѣнію изслѣдователя, дѣйствіе закона 1892 г. (Small Holdings Act) должно быть расширено. Муниципалитеты или центральный департаментъ, т. е. министерство земледѣлія, должны имѣть право экспропріировать землю у лэндлордовъ... При такомъ содѣйствіи, а также при развитіи кооперативныхъ банковъ исчезнувшій классъ іоменовъ можетъ опять народиться *). Мы видимъ, что къ государству обращаются и призываютъ его сдѣлать то же, съ разрушенія чего оно начало. „Если возрожденіе земледѣлія явится *государственной потребностью*,—говоритъ С. Н. Булгаковъ въ цитированной выше книгѣ,—то, вѣроятно, та же необходимость

*) Rural England, II, p. p. 546—550.

понудитъ государство принять болѣе рѣшительныя мѣры для созданія крестьянства, изъ орудія экспропріаціи оно обратится въ орудіе возвращенія земли трудящимся классамъ". (*Капитализмъ и земледѣліе*, т. I, стр. 334). Лично мнѣ кажется, что новый, мощный факторъ англійской жизни—имперіализмъ, созданный колоссальнымъ ростомъ „космополитизированнаго капитала", какъ будто бы, содѣйствуетъ отливу „ходжа" въ сторону наименьшаго сопротивленія, т. е. въ колоніи. О вліяніи этого фактора на эмиграцію цвѣта пролетаріата, т. е. городскихъ, технически обученныхъ рабочихъ, мнѣ приходилось уже говорить не разъ. А если вліяніе космополитизированнаго капитала дѣйствительно вызоветъ замѣтный отливъ сельскихъ работниковъ, напримѣръ, въ Канаду, тогда врядъ ли обратная „тяга изъ города въ деревню" будетъ замѣтна, даже если государство приметъ усиленныя мѣры къ возрожденію класса іоменовъ. Но тутъ мы переходимъ въ область однѣхъ догадокъ.

Діонео.

Литература и жизнь.

Г. Ашешовъ о Некрасовѣ.—Г. Мережковскій объ отцахъ и дѣтяхъ.—Г. Туганъ-Барановскій о самомъ себѣ.—Г. П. Г. о г. Струве.—Г. Пекаторосъ о современныхъ настроеніяхъ.—М. Э. Гуковскій о новыхъ вѣяніяхъ и настроеніяхъ.

Въ своихъ декабрьскихъ номерахъ всѣ журналы и газеты посвятили болѣе или менѣе обстоятельныя статьи памяти Некрасова по поводу двадцатипятилѣтія со дня его смерти. Исключеніе представляетъ „Русская Мысль", ограничившаяся напечатаніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ писемъ покойнаго поэта, изъ которыхъ одно сопроводила по малый мѣрѣ страннымъ примѣчаніемъ. Бѣгло передавъ одинъ старый разсказъ про Некрасова, почтенный журналъ прибавляетъ: „Эту темную, некрасивую исторію, въ свое время возбуждавшую много толковъ и сплетенъ въ литературныхъ кругахъ, теперь нѣтъ интереса разсказывать, тѣмъ болѣе, что до правды все равно не добраться". „Нѣтъ интереса разсказывать", и однако, почтенный журналъ разсказалъ; „до правды все равно не добраться", и однако, тѣнь брошена...

Изъ статей, посвященныхъ памяти Некрасова, меня больше другихъ заинтересовала статья г. Ашешова „Поэзія совѣсти", напечатанная въ журналѣ „Образованіе".

Статья г. Ашешова раздѣяется на двѣ главы или части. Первая называется „Некрасовъ—человѣкъ", вторая—„Некрасовъ—

поэтъ". Существующими попытками разобраться въ сложномъ образѣ Некрасова, какъ человѣка,—признавая за нѣкоторыми изъ нихъ большія достоинства,—г. Ашешовъ не удовлетворенъ. Такъ, Достоевскій „далъ блестящую художественную гипотезу о творчествѣ, душѣ и нравственномъ обликѣ Некрасова. Но эта гипотеза, при всей своей глубокой и заманчивой красотѣ, при всей своей силѣ и экспрессивности, остается только гипотезой, при внимательномъ разсмотрѣніи нисколько не приближающей насъ къ разгадкѣ". Поэтому г. Ашешовъ желаетъ дать свой литературный портретъ поэта. Онъ говоритъ: „сдѣлаемъ попытку (и это будетъ только гипотезой) уяснить себѣ психическій образъ поэта мести, печали и гнѣва, пѣвца обездоленной Руси и народнаго трибуна, которому „неизвѣстный другъ" бросилъ въ лицо (?) свое знаменитое „Не можетъ быть", а извѣстные друзья—обвиненіе въ томъ, что его поэзія—„не выраженіе порыва искренняго чувства и полета *безкорыстной* мысли, а просто *лицемѣрное* литературное краснобайство, *разсчитанное* самымъ *холоднымъ* образомъ" *).

Казалось бы, если характеристика Некрасова, сдѣланная Достоевскимъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не достигаетъ цѣли, потому что „остается только гипотезой", то зачѣмъ намъ характеристика, сдѣланная г. Ашешовымъ, которая есть тоже „только гипотеза"? Какъ бы то ни было, „гипотеза" г. Ашешова по существу ничѣмъ не отличается отъ того, что было давно высказано въ литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, назвать Некрасова „homo duplex,—а къ этому собственно и сводится гипотеза г. Ашешова,—не значитъ сказать что-нибудь непредвидѣнное не только хоть бы тѣмъ же Достоевскимъ, но и любымъ изъ читавшихъ „Рыцаря на часъ" и другія покаянныя стихотворенія Некрасова. Это одинъ изъ варьянтовъ общепризнанной, самимъ поэтомъ съ необыкновенною силою и яркостью выраженной мысли. Мы ничего, разумѣется, не имѣемъ противъ подобныхъ варьянтовъ, но не видимъ резона противополагать ихъ другимъ, неудовлетворяющимъ г. Ашешова, характеристикамъ Некрасова, какъ человѣка. Въ подробностяхъ, однако, есть кое-что, исключительно г. Ашешову принадлежащее.

Онъ указываетъ нѣсколько причинъ образованія того, по его мнѣнію, пробѣла въ нашей литературѣ, который онъ думаетъ восполнить своей „гипотезой": во-первыхъ, недостатокъ біографическихъ матеріаловъ, во-вторыхъ,—соображенія тактическаго характера. „Когда грязныя руки потянулись къ Некрасову, когда его имя стали трепать скулодробительные органы общественной мысли распутнаго толка,—естественно, противники такой вакханаліи должны были сдерживаться и изъ мотивовъ такта объ одномъ

*) М. Антоновичъ и Ю. Жуковскій въ «Матеріалахъ для характеристики современной литературы» (въ 1869 г.).

умалчивать, а о другомъ говорить въ смягченномъ тонѣ, терпѣливо ожидая лучшихъ временъ, когда для объективной правды народятся равноправныя условія... И это понятно... Но это не исключаетъ возможности быть правдивымъ... Соображенія тактичности осложняются въ данномъ случаѣ еще нѣкоторыми привходящими фактами, весьма грустнаго свойства. Дѣло въ томъ, что разбить статую Некрасова пытались и пытаются не только потомки Святополка Окаяннаго въ публицистикѣ, но и люди „своего стана", „нашего берега". Съ окаянными публицистами борьба—по крайней мѣрѣ, теоретическая—весьма недолга. Но „нашебережные" представляютъ собою силу очень серьезную и щекотливую". „Правда, это было давно",—прибавляетъ г. Ашешовъ, указывая на брошюру гг. Антоновича и Жуковскаго, изъ чего, повидимому, слѣдуетъ, что статую Некрасова разбить не *пытаются*, а только *пытались*.

Матеріалы для біографіи Некрасова совсѣмъ уже не такъ скудны, какъ это кажется г. Ашешову, но это не важно. Что же касается тактическихъ соображеній, то они были очень естественны при жизни поэта, но затѣмъ въ нихъ не было никакой надобности. Въ дѣйствительности тѣневыя стороны личности Некрасова давно у всѣхъ передъ глазами, и я рѣшительно не понимаю, какія у г. Ашешова основанія думать, что друзья и почитатели Некрасова, говоря о немъ, не были „правдивы". Повидимому, г. Ашешовъ имѣетъ здѣсь въ виду разоблаченія гг. Антоновича и Жуковскаго. Эти „нашебережные", какъ ихъ называетъ нашъ авторъ, представляютъ собою, по его мнѣнію, какъ мы сейчасъ видѣли, силу „очень серьезную и щекотливую". О щекотливости этой силы судить не берусь, да, признаться, и не понимаю, что значитъ щекотливая сила, а о ея серьезности готовъ и теперь повторить сказанное мною больше десяти лѣтъ тому назадъ: по эффекту, на который разсчитывали гг. Антоновичъ и Жуковскій, ихъ памфлетъ оказался „хлопушкой, брошенной шаловливой дѣтской рукой подъ поѣздъ". Г. Ашешовъ съ этимъ не согласенъ. Нѣтъ, — говоритъ онъ, — не хлопушка это была, „а серьезный литературно-общественный инцидентъ, безпримѣрный по смѣлости его иниціаторовъ и по почину апеллированія къ общественному суду, какъ рѣшителю дѣйствій писательской совѣсти". „Правда,—соглашается г. Ашешовъ,—„хлопушка ничему не помѣшала", правда, „даже злѣйшіе враги не утилизировали" вышеупомянутой брошюры, но „злая накипь все же осталась". Почему хлопушка ничему не помѣшала и почему даже злѣйшіе враги ею не воспользовались, это слишкомъ ясно изъ собственнаго разсказа г. Ашешова: „Въ *1868 г.* Некрасовъ взялъ у Краевскаго, пользовавшагося самой отрицательной репутаціей, въ аренду „Отечеств. Записки"; *въ журналѣ предполагалось участіе М. Антоновича и Ю. Жуковскаго, но эта комби-*

нація не состоялась. Въ 1869 г. эти же два журналиста и опубликовали свои „Матеріалы“, въ которыхъ выставили цѣлый рядъ обвиненій противъ Некрасова“. Стоитъ только сопоставить подчеркнутыя мною слова, чтобы убѣдиться въ слишкомъ уже низменномъ источникѣ памфлета, который поэтому и не могъ возбудить ни довѣрія, ни сочувствія. Нынѣ г. Ашешовъ извлекаетъ изъ него слѣдующій „*важный* пунктъ обвиненій, адресованный Некрасову“: „Вы въ одномъ собраніи формально отреклись отъ вашихъ сотрудниковъ, высоко поднявшихъ и обогатившихъ вашъ журналъ, утверждали, что вы ни душой, ни тѣломъ неповинны въ томъ, что дѣлалось въ журналѣ, что они держали васъ въ рукахъ... что вы давно хотѣли,но не могли отдѣлаться отъ нихъ“.

И, г. Ашешовъ серьезно думаетъ, что это „важный пунктъ обвиненій“, предъявленный „очень серьезною силой“, а не простая сплетня уже по самой формѣ своей! И что почитатели Некрасова, не придававшіе этой сплетнѣ значенія, тѣмъ болѣе, что они же не старались скрыть дѣйствительно большіе и несомнѣнные грѣхи поэта,—что почитатели эти были недостаточно „правдивы“!

Много грѣховъ лежитъ на душѣ Некрасова и нѣтъ никакой надобности преувеличивать ихъ число и значеніе. Нѣтъ надобности утверждать,—какъ это дѣлаетъ г. Ашешовъ,—что „на всемъ психическомъ строѣ“ Некрасова „должна была отразиться наслѣдственность по развратному и пьяному отцу“, когда мы никакихъ данныхъ для обвиненія поэта въ развратѣ и пьянствѣ не имѣемъ. Нѣтъ надобности и безъ того достаточно извѣстную черту Некрасова усугублять такими великолѣпными обвиненіями: „Съ точки зрѣнія практичности Некрасовъ поступалъ вполнѣ пристойно, когда занялся издательствомъ сборниковъ и альманаховъ. Былъ запросъ времени на эти изданія... Но эта практичность дисгармонировала со славными традиціями литературы, съ нашими лучезарными преданіями и лучезарными порывами сдѣлать изъ писательскаго дѣла высокую миссію, благородный долгъ, безкорыстное служеніе“. Г. Ашешовъ забываетъ, что всѣ эти славности и лучезарности не мѣшали издавать альманахи и сборники и Карамзину („Аониды“), и Бестужеву съ Рылѣевымъ („Полярная Звѣзда“), и Дельвигу („Сѣверныя цвѣты“) и проч. проч., и Бѣлинскому не мѣшали мечтать о сборникѣ „Левіафанъ“. Да и чѣмъ собственно отличается по существу изданіе альманаха или сборника отъ изданія журнала? А къ изданію Некрасовымъ „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“ г. Ашешовъ никакого минуса не приставляетъ. Кстати объ „Отечественныхъ Запискахъ“. Какъ извѣстно, Некрасовъ добровольно предложилъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, Салтыкову и Елисееву, участіе въ доходахъ съ этого журнала. Фактъ это общеиз-

вѣстный, но почему-то неупоминаемый счетчиками доходовъ Некрасова, хотя, сколько я знаю, единственный въ исторіи нашей журналистики. Я отнюдь не хочу пѣть хвалу безкорыстію Некрасова, но если, во имя правдивости, изъ дали временъ вытаскиваются на бѣлый свѣтъ какія-то сплетни, то почему бы, кажется, не вспомнить и указанный сейчасъ фактъ, даже нотаріальнымъ порядкомъ засвидѣтельствованный.

Переходя ко второй части статьи г. Ашешова,—„Некрасовъ—поэтъ",—мы и здѣсь найдемъ кое-что, доселѣ о Некрасовѣ несказанное. Я остановлюсь лишь на одномъ изъ такихъ пунктовъ. Но прежде обращу вниманіе на заглавіе статьи г. Ашешова. Она называется „Поэзія совѣсти", и въ текстѣ читаемъ, напримѣръ, между прочимъ: „Въ основу поэзіи Некрасова легла совѣсть". Или: „Его совѣсть была совѣстью русскаго общества"; „многосторонній и гибкій талантъ, отзывчивый на всѣ стороны жизни, начиная отъ мужицкой и вплоть до буржуазной и сановной, освѣщалъ всѣ эти стороны свѣтомъ своей совѣсти и совѣсти общественной". Въ этихъ словахъ есть извѣстная, даже очень большая доля правды. Но вѣдь вотъ самъ же г. Ашешовъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи называетъ Некрасова „поэтомъ мести, печали и гнѣва"; значитъ, на Некрасовской лирѣ были, кромѣ струны совѣсти, натянуты и другія, и, сосредоточивая свое вниманіе на „поэзіи совѣсти", г. Ашешовъ суживаетъ ея роль и значеніе. А это обстоятельство позволяетъ почтенному автору воспѣть Некрасову слѣдующій, чреватый отрицаніемъ гимнъ въ прозѣ: „Въ моменты весны русской общественности пришелъ поэтъ и сталъ пѣть дивныя пѣсни, скорбныя думы. Его тоскливая совѣсть такъ удивительно сливалась съ совѣстью общественною, переживавшею кризисъ покаянія за долги исторіи. И поэтъ могучими стихами облегчилъ этотъ кризисъ". Далѣе идетъ еще пламеннѣе и краснорѣчивѣе, но я не даромъ замѣтилъ, что этотъ краснорѣчивый гимнъ чреватъ отрицаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣло идетъ о какомъ-то уже пережитомъ кризисѣ, то естественно, увѣнчавъ Некрасова лаврами, воздвигнувъ ему монументъ головокружительной высоты,—прибавить: но намъ онъ уже болѣе не нуженъ, нашему уму и сердцу онъ уже ничего не говоритъ. Приблизительно такъ и поступаетъ г. Ашешовъ.

«Общественная совѣсть и совѣсть поэта вели къ народу вообще, къ неопредѣленной крестьянской массѣ».

«Эта любовь къ народу и эта вѣра были смутны и неопредѣленны, ибо были лишь романтическими терминами народничества безъ яснаго анализа по существу. Наше народничество—мы говоримъ, конечно, не о грязныхъ его хвостахъ—запечатлѣно романтизмомъ, а нѣкоторые моменты его въ семидесятыхъ годахъ и былиннымъ героизмомъ, отъ котораго вѣетъ величавостью сѣдыхъ временъ. Некрасовъ, какъ и романтики народничества, даже тѣ, которые рѣзко подчеркивали свое тяготѣніе къ опредѣленному трудящемуся слою, представленіе о народѣ имѣли слишкомъ общее, быть можетъ, только немногимъ

болѣе рельефное, чѣмъ люди сороковыхъ годовъ, когда они мечтали объ освобожденіи крестьянъ, какъ массы вообще, независимо отъ составляющихъ ее элементовъ».

«Страданія народа» останутся на безконечно долгое время острою темою литературы вообще, поэзіи въ частности, останутся вездѣ и всюду, гдѣ останется неразрѣшеннымъ нынѣшній соціальный вопросъ. Но на пространствѣ его эволюціи каждый періодъ вкладываетъ въ него свое содержаніе, а это содержаніе съ Некрасовскихъ временъ значительно измѣнилось. Загадочный сфинксъ изъ сплошной черной массы распался на слои и терминъ «народъ» (какъ и «любовь къ народу») потерялъ теперь ту высоту звука, какую онъ имѣлъ въ семидесятыхъ годахъ. Съ момента освобожденія крестьянъ до нынѣшняго времени протекъ слишкомъ продолжительный періодъ времени, чтобы народная масса оставалась тою же неизмѣнною, нуждающеюся въ общей альтруистической опекѣ интеллигенціи. На первый планъ выдвинулся теперь трудъ внѣ-сословныхъ классовъ, и онъ дѣлался и дѣлается центромъ жизненныхъ интересовъ, симпатій и антипатій, содѣйствія и противодѣйствія. Но и въ этихъ новыхъ предѣлахъ есть много различныхъ ступеней, положеній, оттѣнковъ, чтобы можно было окрестить ихъ однимъ терминомъ. Но какъ бы то ни было, общая альтруистическая опека интеллигенціи должна уступить мѣсто признанію самодѣятельности и развитія автономной трудовой личности, которая сама себя опредѣлитъ, что, конечно, не исключаетъ возможности равноправнаго сотрудничества высшихъ культурныхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія, всякая поэзія народной скорби «вообще» не можетъ уже удовлетворить современное поколѣніе. Послѣднее уже переросло ее, и помочи общихъ туманныхъ порывовъ могутъ только натрудить ему плечи. У насъ такъ много насущныхъ задачъ, такъ много неотложной дѣятельной работы, что неопредѣленная скорбь «вообще» о народѣ, какой-то байронизмъ Ярославской губерніи былъ бы не только излишнимъ и безполезнымъ, но и вреднымъ».

«Нѣсколько застывшее въ теченіе послѣднихъ періодовъ общество занято теперь анализомъ многихъ началъ и крѣпкихъ корней. Корни эти вынимаются изъ глубины дремавшей мысли, отряхивается съ нихъ земля, счищаются всякіе наросты, и мысль пытливо изслѣдуетъ сущность того, что вросло въ насъ, охватило насъ. Опаснѣе всего въ такіе моменты повторять старые лозунги. Старые лозунги безъ провѣрки, безъ очистки анализомъ—метафизика. Метафизика, правда, красивая вещь. Но она—шуршаніе мысли, которая ходитъ вокругъ да около искомаго икса, замѣняя кружевомъ словъ формулу точнаго, какъ химическій, анализа сущности».

«Для неопредѣленной тоски и скорби о неопредѣленномъ народѣ настала теперь ликвидирующая исторія. Уже давно идетъ провѣрка «старыхъ корней» такого типа, а такъ какъ Некрасовъ въ нашемъ культурномъ обществѣ пользуется большимъ обаяніемъ, и такъ какъ именно съ нимъ связаны эти блуждающіе термины о скорби, то необходимо разобраться на этотъ разъ серьезнѣе и глубже. Необходимо отграничить байронизмъ и сантиментальничанье отъ идейной и моральной сущности того, что мы называемъ защитою трудовыхъ слоевъ и автономной личности. Какъ романтикъ неопредѣленной народной скорби, Некрасовъ устарѣлъ. Его тоска не можетъ развивать элементы нашего міросозерцанія, стремящагося быть точнымъ и опредѣленно-устойчивымъ Ей надо сойти изъ отвлеченныхъ высотъ на землю и опредѣленно указать, къ кому именно она направляется и во имя какихъ идеаловъ она изливается. Въ процессѣ, который теперь совершается, ясно видно стремленіе трудовой единицы выдти на автономный путь. Этотъ мотивъ, вполнѣ естественно, былъ чуждъ Некрасовской поэзіи. Теперь, наоборотъ, «народной» поэзіей можетъ быть лишь та, которая основнымъ мотивомъ выдвинетъ эту жажду трудовой единицы быть хозяиномъ въ жизни. Этотъ мотивъ очень ясно сквозитъ у Горькаго—романтика pur sang.

За исключеніемъ этой особенности (неопредѣленности народной скорби и самаго народа), у Некрасова все же остается цѣлое колоссальное богатство мотивовъ, въ которыхъ ярко свѣтится любовь не къ народу вообще, а къ обездоленнымъ, несчастнымъ и униженнымъ».

Да не посѣтуетъ на меня читатель за эту длинную выписку. Очень она длинна, но за то читатель видитъ все ядро мысли автора, завернутое имъ въ цвѣтную оболочку хвалебныхъ словъ, перерѣзанное въ разныхъ мѣстахъ такими же хвалебными прожилками. Дѣло въ томъ, что у г. Ашешова бойкое перо, я бы сказалъ: неудержимо бойкое. Красивыя или, по крайней мѣрѣ, громкія фразы, льются съ этого пера сами собой, и автору жалко ихъ вычеркнуть даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ вполнѣ неумѣстны. Выше я отмѣтилъ одну изъ такихъ фразъ вопросительнымъ знакомъ. Г. Ашешовъ пишетъ, что „неизвѣстный другъ" *бросилъ Некрасову въ лицо свое знаменитое „Не можетъ быть"*. Несвѣдущій человѣкъ можетъ подумать, что „неизвѣстный другъ" нанесъ Некрасову какое-то оскорбленіе, тогда какъ въ дѣйствительности его стихотвореніе было знакомъ сочувствія и ободренія. Но „бросилъ въ лицо"—это такъ картинно! Такова же фраза о „байронизмѣ Ярославской губерніи". „Бросивъ ее въ лицо" поэту, авторъ тотчасъ же самъ почувствовалъ ея неумѣстность, но, вмѣсто того, чтобы просто выкинуть ее, онъ принимается усиленно расшаркиваться передъ Некрасовымъ: „*Во избѣжаніе недоразумѣній*, спѣшу оговориться, что эта фраза менѣе всего посягаетъ на авторитетъ поэзіи Некрасова. Я слишкомъ благоговѣйно чту его и слишкомъ многимъ ему обязанъ, чтобы ради краснаго словца пустить дешевую стрѣлу въ дорогое имя. Пѣсни Некрасова звучатъ для меня не только какъ музыка поэзіи народныхъ мотивовъ, какъ произведенія поэта, первыми прочитанныя мною сознательно и вдумчиво. Онѣ звучатъ для меня, какъ отголосокъ свѣтозарной юности, когда я, на свѣтломъ побережьи грезъ, полныхъ весенняго очарованія, переживалъ и радостныя, и угрюмыя думы о дѣланіи жизни и искалъ ключа... И если я нѣсколько рѣзко отзываюсь о неопредѣленной скорби и о какомъ-либо губернскомъ или уѣздномъ байронизмѣ, то лишь для того *чтобы выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія*".

„Свѣтозарная юность", „свѣтлое побережье грезъ", „весеннее очарованье",—все это превосходно, но вѣдь красное-то словцо и дешевая стрѣла ими не отмѣняются. И если г. Ашешовъ пустилъ въ ходъ свой байронизмъ Ярославской губерніи, *чтобы выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія*, а потомъ *во избѣжаніе недоразумѣній* нашелъ нужнымъ сообщить нѣчто о своей свѣтозарной юности, то не проще ли было зачеркнуть этотъ „байронизмъ". Тѣмъ болѣе, что это „красное словцо" не только

не можетъ устранить какія бы то ни было недоразумѣнія, а можетъ, напротивъ, наплодить ихъ.

У нашего автора есть другое, гораздо болѣе удачное красное словцо—„шуршаніе мысли". Примѣняетъ онъ его неправильно,—къ метафизикѣ. Метафизика слишкомъ тяжеловѣсна, чтобы къ ней можно было приложить такое, если позволено будетъ такъ выразиться, легкокрылое выраженіе. Но самое выраженіе удачно и больше всего подходитъ оно къ разсужденіямъ г. Ашешова, хотя онъ и не хочетъ „ходить вокругъ да около искомаго икса, замѣняя кружевомъ словъ формулу точнаго, какъ химическій, анализа сущности". Взять хоть бы тотъ же „байронизмъ Ярославской губерніи". Что это значитъ? въ чемъ не то, что соль, а просто даже смыслъ этого выраженія? Г. Ашешовъ хочетъ торжества „автономной личности". Но вѣдь байронизмъ и есть апологія автономной личности, правда личности исключительной, въ родѣ нынѣшняго „сверхчеловѣка", гордо противопоставляющей себя всему міру и презирающей радости и горести толпы,—мотивъ совершенно чуждый Некрасову. А при чемъ тутъ Ярославская губернія,—уже совершенно понять нельзя. Словомъ, „байронизмъ Ярославской губерніи" есть не болѣе, какъ шуршаніе мысли, и изъ такихъ шуршаній и состоитъ главнымъ образомъ статья г. Ашешова, насколько она оригинальна, а не представляетъ собою удачныхъ или неудачныхъ варьянтовъ давно сказаннаго.

Стремясь къ „точному и опредѣленно-устойчивому міросозерцанію", къ „формулѣ точнаго, какъ химическій, анализа сущности", г. Ашешовъ, отъ имени „современнаго поколѣнія", сдаетъ въ архивъ огромную часть поэзіи Некрасова, но даруетъ жизнь мотивамъ сочувствія „не къ народу вообще, а къ обездоленнымъ, несчастнымъ и униженнымъ". Онъ полагаетъ, что послѣдніе по своему содержанію и характеру болѣе точны и опредѣленны, чѣмъ имѣющіе въ виду „народъ вообще". Позволю себѣ замѣтить почтенному автору, что есть униженные и униженные, несчастные и несчастные. Въ концѣ концовъ, очень униженными оказываются нѣкоторые самодуры Островскаго, очень несчастливъ биржевой игрокъ, разорившійся на неудачной спекуляціи, и т. п. Но муза мести не скорбѣла о такихъ несчастныхъ и униженныхъ, и намъ не завѣщала скорбѣть. И, думаю, муза мести была права, разумѣя подъ несчастными не несчастныхъ „вообще". Пусть не пеняетъ на меня г. Ашешовъ за приставку слова „вообще": я говорю въ видахъ „точнаго, какъ химическій, анализа", который и онъ имѣлъ въ виду, приставляя это слово къ слову „народъ". Народъ Некрасова былъ не „народомъ вообще", а всею совокупностью трудящихся классовъ. И если Некрасовъ пѣлъ по преимуществу о горестяхъ и рѣдкихъ радостяхъ крестьянъ, какъ класса ему съ дѣтства особенно близкаго и знакомаго, то изъ этого отнюдь не

слѣдуетъ, что онъ проглядѣлъ „различныя ступени, положенія, оттѣнки“, которыя такъ ясно видитъ г. Ашешовъ. Мнѣ даже какъ-то странно напоминать, что Некрасовъ зналъ о существованіи Власа того времени, когда онъ „слылъ кащеемъ - мужикомъ“: „у всего сосѣдства бѣднаго скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ не повѣритъ гроша мѣднаго, втрое съ нищаго сдеретъ“. Власъ покаялся, но Некрасовъ зналъ и нераскаянныхъ, зналъ, что они могутъ слагаться въ цѣлые „разбойничьи хоры“. Вспомните въ „Юбилярахъ и тріумфаторахъ“ бывшаго бурлака Савву, провозглашающаго на Лукулловскомъ пирѣ тостъ за „братьевъ-мужиковъ“, и „Христова мужичка“ Шкурина, разжившагося со свиной щетины. Вспомните про пѣсню на томъ пиршествѣ:

Два-три подрядчика съ дѣдушкой Саввой
Въ пѣніе душу кладутъ;
Спой такъ пѣвецъ,—наградили бы славой!
За сердце звуки берутъ!
Что-жъ это, Господи! Всѣхъ задушевнѣй
Шкурина голосъ звучитъ!
Вѣетъ лѣсами, рѣкою, деревней,
Русской истомой томитъ!
Все въ этой пѣснѣ: тупое терпѣніе,
Долгое рабство, укоръ...
Чуть и меня не привелъ въ умиленіе
Этотъ разбойничій хоръ!

И послѣ этой смѣло задуманной и ярко написанной картины „разбойничьего хора“ изъ „Христовыхъ мужичковъ“, поющаго настоящую народную, за душу хватающую пѣсню, г. Ашешовъ говоритъ о „народѣ вообще“! „Внѣ сословные классы“ существовали и при крѣпостномъ правѣ, а съ момента освобожденія стали обозначаться съ быстро возрастающею ясностью, и ихъ не могъ не видѣть Некрасовъ. Но, конечно, онъ и теперь, если бы дожилъ до настоящей минуты и прочиталъ статью г. Ашешова,— подивился бы странному утвержденію своего критика, что вопросъ о сословномъ положеніи крестьянства упраздненъ жизнью; хотя не хуже его зналъ, что Шкурины и Саввы легко перешагиваютъ черезъ этотъ порогъ.

Какихъ-нибудь четыре-пять лѣтъ тому назадъ, когда у насъ еще были въ ходу словечки въ родѣ „деревенскій идіотизмъ“, „мужикъ есть мелкій буржуа“, и т. п., когда серьезно рекомендовалось забыть о существованіи крестьянства и сосредоточить вниманіе исключительно на фабричныхъ рабочихъ, — могла бы явиться чрезвычайно интересная статья о Некрасовѣ. Тема ея была бы, конечно, та же самая, что и у г. Ашешова: Некрасовъ устарѣлъ. Но она была бы интересна своею прямолинейною опредѣленностью, своею наивною рѣзкостью и откровенностью. Къ сожалѣнію, тѣ словечки не дожили до двадцатипятилѣтія смерти Некрасова, когда приходится такъ или иначе высказаться о музѣ

мести и печали, и, такимъ образомъ, капризная судьба лишила насъ курьезнѣйшаго литературнаго эпизода. „Міръ Божій“ напечаталъ, правда, у себя статью о Некрасовѣ г. Кранихфельда, въ которой авторъ сообщаетъ намъ, что покойный поэтъ, „слѣдуя Карлейлю“, „создалъ цѣлый культъ героевъ“ изъ интеллигенціи (а вовсе не культъ мужика или „народа вообще“, какъ говорятъ иные!). Этотъ культъ героевъ „совершенно скрывалъ отъ него возможныя историческія перспективы“. Такими скромными словами оканчивается статья г. Кранихфельда, и по неволѣ мечтаешь о тѣхъ молніяхъ мысли г. Тугана-Барановскаго или г. Струве, которыя засверкали бы по поводу годовщины смерти Некрасова на страницахъ того же „Міра Божія“, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Что же касается г. Ашешова, то, не смотря на его страстную жажду опредѣленности и точности, онъ до такой степени не точенъ и не опредѣлененъ, что точно въ какой-то непроницаемой мантильѣ изъ нѣсколькихъ слоевъ „кружева словъ“ передъ нами красуется. Кромѣ уже приведенныхъ примѣровъ, остановимся еще на одномъ.

Въ пику отсталому и устарѣлому Некрасову, г. Ашешовъ рѣшительно объявляетъ, что „общая альтруистическая опека интеллигенціи должна уступить мѣсто признанію самодѣятельности развитія автономной трудовой личности, которая сама себя опредѣляетъ, что, конечно, не исключаетъ возможности равноправнаго сотрудничества высшихъ культурныхъ силъ“. Долженъ сознаться, я ничего не понимаю въ этой фразѣ. Не понимаю, что значитъ „общая альтруистическая опека“, не понимаю, въ какомъ смыслѣ „признаніе самодѣятельности“ можетъ быть выставлено въ пику поэзіи Некрасова, не понимаю, что значитъ, въ устахъ г. Ашешова, „автономная трудовая личность“. Послѣдняго выраженія тѣмъ болѣе не понимаю, что г. Ашешовъ его поясняетъ; мы видѣли—какъ поясняетъ: „Теперь „народной“ поэзіей можетъ быть лишь та, которая основнымъ мотивомъ выдвинетъ эту жажду трудовой единицы быть хозяиномъ въ жизни. Этотъ мотивъ очень ясно сквозитъ у Горькаго, — романтика pur sang“. — Раньше г. Ашешовъ очень недружелюбно относился къ романтизму и романтикамъ, какъ мѣшающимъ „ясному анализу по существу“, а тутъ отсылаетъ насъ къ романтику, да еще pur sang. Но это не важно. А, дѣйствительно, важно слѣдующее. Г. Горькій крупный талантъ, но ему предстоитъ еще будущее, и въ этомъ будущемъ, мнѣ кажется, серьезный переломъ. Какъ бы то ни было, до настоящей минуты „основнымъ мотивомъ“ его творчества была отнюдь не „автономная трудовая единица“. Можно разно смотрѣть на босяка, автономно раздающаго и получающаго всяческія поруганія, автономно отправляющагося въ кутузку, автономно пьянствующаго, и т. п., но это во всякомъ случаѣ не „трудовая

единица“ и даже не просто безработный, а прямо презирающій трудъ, что многіе изъ героевъ г. Горькаго выражаютъ категорически. Г. Горькій подчеркиваетъ въ нихъ силу, въ чемъ бы она ни состояла и на что бы она ни была направлена, силу, дѣлающую изъ нихъ своего рода сверхчеловѣковъ, гордо презирающихъ всѣхъ и все. А это ведетъ къ „босяцкому байронизму“, каковой гораздо больше къ лицу многимъ произведеніямъ г. Горькаго, чѣмъ нелѣпый „байронизмъ Ярославской губерніи“ къ поэзіи Некрасова.

Г. Ашешовъ говоритъ отъ имени „современнаго поколѣнія“: оно не удовлетворяется музой мести и печали, Некрасовъ, значительной долей своей поэзіи устарѣлъ для него... Жаль, что г. Ашешовъ не остановился на анализѣ,—хотя бы и не столь точномъ, какъ химическій,—понятія: „современное поколѣніе“, потому что „современное поколѣніе вообще“ немножко неясно. Когда-то мы отлично знали, что надо разумѣть подъ этими двумя словами, но нынѣ ими обозначаются вещи весьма различныя. Въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ мы видѣли заявленіе г. Александра Бенуа: звѣзда Некрасова, въ числѣ другихъ старыхъ звѣздъ, закатилась потому, что „все молодое и свѣжее бросилось въ объятія мистики“. Правда, тутъ же оказалось, что, по словамъ самого почтеннаго критика, это молодое и свѣжее страдаетъ старческою дряхлостью, но г. Бенуа имѣетъ въ виду все-таки современное поколѣніе. То-ли оно самое, отъ лица котораго сдаетъ въ архивъ Некрасова г. Ашешовъ? Далѣе, г. Ашешовъ чрезвычайно презираетъ метафизику, которая, хотя и „красивая вещь“, но есть не болѣе, какъ „шуршаніе мысли“, а „старые“, „избитые лозунги—та же метафизика“. Но гг. Струве, П. Г., Бердяевъ и др. утверждаютъ, что, напротивъ, отрицаніе метафизики есть „старый лозунгъ“, а современное поколѣніе рѣшительно къ ней поворачиваетъ. Допустимъ, что для „современныхъ поколѣній“ г-дъ Бенуа и Струве Некрасовъ такъ же устарѣлъ, какъ и для современнаго поколѣнія г. Ашешова и что, какъ бы ни различно относились они къ другимъ вещамъ,—на устарѣлости музы мести и печали они сходятся Но вотъ, на недавнихъ литературныхъ вечерахъ въ память двадцатипятилѣтія смерти Некрасова я видѣлъ толпу юношей и молодыхъ дѣвушекъ,—несомнѣнныхъ представителей современнаго поколѣнія,—видѣлъ ихъ горящія одушевленіемъ лица, слышалъ ихъ крики и громы аплодисментовъ, въ особенности, когда одинъ изъ чтецовъ закончилъ словами Некрасова:

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—«страданія народа»
И что поэзія забыть ее должна.
Не вѣрьте юноши, не старѣетъ она!

И я не знаю, правъ-ли г. Ашешовъ... Но передо мной лежатъ нѣкоторые матеріалы для анализа—конечно, не столь точнаго, какъ химическій, я такихъ претензій не имѣю—для анализа того, что называется современнымъ поколѣніемъ. Я хочу подѣлиться ими съ читателемъ.

Въ прошломъ году г. Мережковскій предложилъ Литературному Фонду прочитать въ его пользу лекцію о Л. Толстомъ. Содержаніе и характеръ этой лекціи были извѣстны комитету Фонда, такъ какъ г. Мережковскій только что передъ тѣмъ прочелъ ее въ петербургскомъ Философскомъ Обществѣ. Какъ учрежденіе, чуждое всякой партійности, комитетъ фонда не счелъ для себя возможнымъ воспользоваться предложеніемъ г. Мережковскаго, и лекція не состоялась. Обиженный авторъ разослалъ по нѣкоторымъ редакціямъ протестъ подъ заглавіемъ: „Отцы и дѣти русскаго либерализма", въ которомъ взглянулъ на свое фіаско, какъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы между „отцами" и „дѣтьми". Заявивъ, что разницы между русскими „либералами" и русскими „консерваторами" онъ не видитъ, г. Мережковскій продолжаетъ: „По мѣрѣ того, какъ прежняя граница между „либералами" и „консерваторами" стирается, выступаетъ новое, гораздо болѣе жизненное, хотя еще не сознанное раздѣленіе между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, между „отцами" и „дѣтьми" русскаго либерализма. „Отцы" либералы съ каждымъ днемъ все болѣе кажутся дѣтямъ своимъ „консерваторами", а теперешніе отцы, подобно отцамъ всѣхъ временъ, считаютъ дѣтей своихъ непокорными блудными дѣтьми, „нигилистами", отступниками (въ политикѣ отцы—„народники", дѣти—„марксисты" въ искусствѣ—„реалисты" и „декаденты", въ философіи—„позитивисты" и „мистики"); считаютъ ихъ даже людьми „по ту сторону добра и зла",—къ числу послѣднихъ, кажется, въ настоящую минуту отнесенъ и я. Я не обманываю себя: „отцы" либерализма не поймутъ меня, просто не услышатъ, потому-ли, что нѣтъ у меня словъ для ихъ ушей, или потому, что у нихъ нѣтъ ушей для моихъ словъ. Но я теперь и обращаюсь не къ „отцамъ", а къ „дѣтямъ", къ моимъ сверстникамъ".

Однако, и сверстники не выразили сочувствія г. Мережковскому: одни просто промолчали, а другіе даже очень сурово отъ него отмахнулись и одобрили поступокъ Литературнаго фонда; и удивительно, что г. Мережковскій не предвидѣлъ такого результата своего протеста, въ самомъ основаніи котораго лежитъ странное недоразумѣніе. Совершенно непонятно, почему сюда приплетена борьба отцовъ и дѣтей. Комитетъ фонда ежегодно обновляется на одну треть по выбору общаго собранія, и для членовъ его нѣтъ ни максимальнаго, ни минимальнаго возраста. Г. Мережковскому подъ сорокъ лѣтъ, - возрастъ хорошій и для нашего брата-старика даже завидный,—хотя и не очень ужъ

юный,—и его сверстники совсѣмъ не рѣдкость въ комитетѣ фонда. Въ своемъ отказѣ отъ услугъ г. Мережковскаго комитетъ руководствовался исключительно литературнымъ приличіемъ, и сводить дѣло на борьбу поколѣній нѣтъ никакихъ основаній.

Тѣмъ не менѣе, въ протестѣ г. Мережковскаго есть одна чрезвычайно интересная подробность. Это именно противопоставленіе „отцовъ", какъ народниковъ, реалистовъ и позитивистовъ, „дѣтямъ", какъ марксистамъ, декадентамъ и мистикамъ. Оставимъ „отцовъ" въ сторонѣ и сосредоточимъ свое вниманіе исключительно на „дѣтяхъ", на „современномъ поколѣніи". Спрашивается, возможно ли въ немъ, въ этомъ поколѣніи, сочетаніе такихъ разнохарактерныхъ элементовъ, какіе усваиваетъ ему г. Мережковскій? Если бы мы задали этотъ вопросъ года три - четыре тому назадъ кому-нибудь изъ „учениковъ", ну хоть г. Тугану-Барановскому, онъ съ негодованіемъ отвѣтилъ бы, что это невозможно, что цѣльное ученіе Маркса нельзя разрывать на части, и заимствуя изъ него „политику", быть въ то же время декадентомъ и мистикомъ. Однако, устами младенцевъ говоритъ истина, и доля ея есть въ странномъ, на первый взглядъ, утвержденіи г. Мережковскаго. У насъ несомнѣнно есть люди, въ просторныхъ головахъ которыхъ какъ-то уживаются марксизмъ, декадентство, мистицизмъ и даже еще болѣе сложныя сочетанія: недаромъ г. Мережковскій замѣчаетъ, что, кромѣ того, „считаютъ ихъ людьми по ту сторону добра и зла". И это есть, и разное другое. Какъ ни странно такое совмѣстительство несовмѣстимаго, ему, мнѣ кажется, не трудно найти объясненіе. Читатель помнитъ, надѣюсь, указаніе г. Бенуа: „въ 80-хъ годахъ, когда у общества была отнята и послѣдняя надежда на участіе въ государственномъ переустройствѣ",—„все молодое и свѣжее бросилось въ объятія мистики". Указаніе это требуетъ поправокъ. Во-первыхъ, „молодое и свѣжее" было, какъ мы видѣли, можетъ быть, и молодо, но отнюдь не отличалось свѣжестью. Во-вторыхъ, мистицизмъ, какъ болѣе или менѣе широко захватившая русскихъ людей волна, есть явленіе совсѣмъ недавнее. Ему предшествовали, начиная съ 80-хъ годовъ, многія другія „новыя слова". Тутъ было и „новое слово" „Недѣли" о „реабилитаціи дѣйствительности" и „свѣтлыхъ явленіяхъ", и толстовство въ смыслѣ „непротивленія злу", и „новая мозговая линія" г. Волынскаго, и марксизмъ, и „босячество", и декадентство, и ничшеанство, и, наконецъ уже, мистицизмъ. Все это, съ чрезвычайною быстротою перекатываясь другъ черезъ друга, въ свое время производило болѣе или менѣе значительный шумъ и оставляло въ просторныхъ головахъ извѣстный осадокъ. Въ настоящее время можно считать совсѣмъ забытыми недѣльное „новое слово", теорію „непротивленія злу" и „новую мозговую линію" г. Волынскаго, хотя послѣдній имѣетъ право гордиться, прислушиваясь къ нѣкоторымъ новѣйшимъ рѣчамъ, а можетъ быть,

впрочемъ, и скорбѣть: несправедливая судьба, давно утопивъ его въ Летѣ, передала слѣдующіе ему лавры другимъ... Какъ бы то ни было, и послѣ него „волна на волну набѣгала, волна погоняла волну“ съ такою быстротою, что люди, жаждущіе новыхъ словъ, не успѣвали не то что пару сапогъ износить въ промежуткахъ между двумя новыми теченіями, а просто опомниться. Въ результатѣ и получилась та разностильная меблировка просторныхъ головъ, которая радуетъ сердце г. Мережковскаго

Мнѣ кажется, что радоваться тутъ нечему. Я совершенно устраняю вопросъ о достоинствѣ всѣхъ этихъ послѣдовательно увлекавшихъ насъ волнъ. Пусть всѣ онѣ равно прекрасно удовлетворяютъ запросы ума и сердца, или пусть каждая послѣдующая дѣлаетъ это лучше предыдущей, и мы въ сказочныхъ семимильныхъ сапогахъ несемся къ идеалу истины и справедливости. Пусть такъ. Но къ этому идеалу, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ никакого отношенія тотъ даже не эклектизмъ, а просто сумбуръ, который слагается изъ осадковъ несовмѣстимыхъ теченій. Скажутъ, можетъ быть, что такіе сумбурно новые люди и въ старые годы бывали. И у Тургенева, кромѣ „отцовъ“ и настоящихъ „дѣтей“, есть Ситниковъ, на визитныхъ карточкахъ котораго фамилія напечатана по-французски на одной сторонѣ и славянской вязью на другой; есть Евдокія Кукшина, презирающая „отсталую“ Жоржъ Зандъ, потому что та не знаетъ эмбріологіи, „а въ наше время какъ вы хотите безъ этого?“ и распѣвающая съ Ситниковымъ модный романсъ „Дремлетъ сонная Гренада“. Это вѣрно. Такіе сумбурные люди, компрометирующіе всякое дѣло и всякую идею своимъ прикосновеніемъ, всегда возможны, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ представляютъ собою даже неизбѣжную сорную корзинку исторіи, вмѣщающую разные клочки и обрывки. Но нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ ихъ больше и сумбуръ ихъ сложнѣе, чѣмъ когда-нибудь, — въ зависимости отъ обилія „новыхъ словъ“, „послѣднихъ словъ“ и чрезвычайной быстроты и рѣзкости, съ которыми они другъ друга смѣняютъ.

Кукшиныхъ и Ситниковыхъ можно презирать, какъ презираетъ ихъ не только Базаровъ, а и птенецъ Аркадій, можно смѣяться надъ ихъ гордыми аллюрами и украшающими ихъ разноцвѣтными перьями. Но дѣло не въ нихъ только. Есть люди, искренно и страстно ищущіе правды, и о нихъ-то слѣдовало бы подумать вождямъ новыхъ теченій, провозвѣстникамъ новыхъ словъ. О нихъ и о самихъ себѣ. Вы помните страстныя, самобичующія письма Бѣлинскаго, когда онъ, перейдя въ новую вѣру и оглядываясь на свой вчерашній день, „проклиналъ свое стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью“, скорбѣлъ объ „отвратительныхъ мерзостяхъ, сказанныхъ имъ печатно“, громилъ свои „ужасныя заблужденія“. Это понятно. Если всякій коренной внутренній переломъ тяжело переживается, то тѣмъ горше долженъ расплачи-

ваться за него писатель, въ особенности вліятельный писатель, вождь, за которымъ шли, котораго слушали, который отвѣтственъ за многія души и передъ многими душами. И какъ бы ни былъ ослѣпителенъ новый свѣтъ, возсіявшій передъ писателемъ, скорбь о минувшемъ заблужденіи должна его грызть...

Должна?

Передо мной лежитъ только что изданная редакціей „Міра Божія" книга г. Тугана-Барановскаго „Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи". Въ предисловіи къ ней, между прочимъ, читаемъ: „Я никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса, но еще очень недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь. Я избѣгалъ называть себя марксистомъ, но общественное мнѣніе признало меня таковымъ—и я не протестовалъ противъ этого. Дальнѣйшее развитіе моихъ взглядовъ привело меня, однако, мало-по-малу, къ полному разрыву съ ортодоксальнымъ марксизмомъ, который, по моему глубокому убѣжденію, сдѣлалъ свое дѣло и никакой будущности не имѣетъ.... Такимъ образомъ, я разошелся съ своими прежними идейными товарищами и расхожусь съ ними все больше и больше. Мои прежніе теоретическіе друзья становятся моими врагами. Объ этомъ я, не могу не пожалѣть, но такъ какъ твердая и вѣчная истина не можетъ не быть единственнымъ маякомъ добросовѣстнаго ученаго, то я и буду продолжать, насколько мнѣ позволяютъ силы и умѣнье, по своему искать объективной истины, не игнорируя критики, но и не отклоняясь ради нея отъ своего пути".

А на послѣдней страницѣ „Очерковъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи" напечатано: „Старое рушится и отовсюду растутъ побѣги новой жизни. Идетъ новый міръ, создаются новыя формы искусства, крѣпнутъ новыя теченія философской и научной мысли, развивается въ нѣдрахъ стараго новый соціальный строй. Уступаетъ напору жизни и застывшая догма марксизма. Величественное теоретическое зданіе, воздвигнутое авторомъ „Капитала", даетъ одну трещину за другой, обваливается и если пока держится, то лишь потому, что еще не созрѣла новая соціальная система, долженствующая замѣнить ветшающій марксизмъ... По своимъ философскимъ предпосылкамъ новая доктрина должна явиться прямой противоположностью соціальному матеріализму".

Въ декабрѣ 1895 г. (статья „Значеніе экономическаго фактора въ исторіи" въ „Мірѣ Божіемъ"), въ апрѣлѣ 1896 (тамъ же статья „Экономическій факторъ и идеи") и позже, напримѣръ, въ январѣ-февралѣ 1899 г. (статья „Споры о фабрикѣ и капитализмѣ" въ „Началѣ") г. Туганъ-Барановскій выступалъ провозвѣстникомъ экономическаго или соціальнаго матеріализма. Это было „новое направленіе", какъ называлъ его тогда самъ г. Туганъ-Барановскій, рѣшительно утверждая основной догматъ марксизма:

„Философія, наука, искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы, всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства“. И вообще г. Туганъ-Барановскій былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ „учениковъ“, доходя въ своемъ экономическомъ матеріализмѣ до послѣднихъ предѣловъ грубой прямолинейности. Но вотъ прошло три-пять лѣтъ, и „новое“ ученіе становится „ветшающимъ марксизмомъ“... Гордо поднятое знамя спускается однимъ изъ знаменоносцевъ. Мало того: „новая (то-есть уже самая новая) доктрина должна явиться *прямою противоположностью* соціальному матеріализму“!

Мимоходомъ сказать, какъ сходны даже въ мелкихъ подробностяхъ всѣ эти открытія новыхъ словъ. Вы помните, что и г. Бенуа, превознеся новое слово въ искусствѣ, тутъ же утверждаетъ, что „за дверью стоитъ реакція“ и что насъ ждетъ „слѣдующій, вѣроятно *противоположный* фазисъ искусства“.

Какъ уже сказано, я теперь не вхожу въ оцѣнку „новаго“ и *противоположнаго* самаго новаго по существу. Я только отмѣчаю необычайную быстроту и рѣзкость ихъ смѣны и предлагаю подумать о судьбѣ тѣхъ, кто внимаетъ этимъ новымъ и противоположнымъ самымъ новымъ глаголамъ. Вѣдь и фасоны дамскихъ туалетовъ, не говоря уже о мужскихъ, мѣняются, пожалуй, не быстрѣе. Прогрессъ дѣло хорошее, но если молодой человѣкъ кончаетъ гимназію при новомъ курсѣ, а университетъ при самомъ новомъ противоположномъ, изъ-за котораго уже выглядываетъ самоновѣйшій, то это не прогрессъ, а зигзагъ, и рядъ такихъ зигзаговъ ни къ чему, кромѣ верхоглядства или скептическаго равнодушія, привести не можетъ. Разумѣется, если заблужденіе сознано, оно должно быть отброшено немедленно, но представителямъ новыхъ словъ не мѣшало бы осторожнѣе плевать въ колодцы, изъ которыхъ имъ приходится потомъ пить, что нынѣ дѣлается съ поразительно легкимъ сердцемъ.

Я еще разъ прошу читателя припомнить страстныя самобичеванія Бѣлинскаго и затѣмъ перечитать вышеприведенную исповѣдь г. Тугана-Барановскаго. Теперь, когда передъ почтеннымъ авторомъ рисуется нѣчто противоположное новое, онъ прощается съ своими „идейными товарищами“, прибавляя, впрочемъ, что никогда и не былъ ихъ идейнымъ товарищемъ: правда, его называли марксистомъ, но онъ только не протестовалъ противъ этого, а въ дѣйствительности таковымъ не былъ (такъ что неизвѣстно даже, съ кѣмъ и зачѣмъ онъ прощается); онъ былъ и есть „добросовѣстный ученый“ и всегда имъ останется... Видите, какъ это просто, легко, пріятно, какъ это далеко отъ драмы, которую переживалъ Бѣлинскій, именно въ силу своей „добросовѣстности“...

И точно также г. Струве, за котораго говоритъ, впрочемъ,

г. П. Г. („Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“ въ „Проблемахъ идеализма“). Г. Струве тоже былъ марксистомъ и также пересталъ имъ быть, но,—говоритъ г. П. Г.,—„очень внимательный и чуткій читатель могъ и тогда уже уловить въ рѣзкихъ рѣшеніяхъ Струве скрывавшуюся за ними внутреннюю неувѣренность въ правильности найденнаго исхода, мучившую автора, но имъ не сознанную и заглушенную; некритическая насильственность этого исхода должна была, однако, обнаружиться“. Г. Струве высказывалъ „рѣзкія“ рѣшенія въ марксистскомъ духѣ, но проникающій въ его душу г. П. Г. видѣлъ за этими рѣзкостями „неувѣренность“, и если этого не видѣли многіе и многіе, соблазненные рѣзкостью, такъ это потому, что они были не „очень внимательны и чутки“. Г.—же Струве можетъ съ чистою совѣстью пить изъ заплеваннаго имъ колодца...

Но въ чемъ же состоитъ различіе между вчера новымъ, а сегодня ветшающимъ марксизмомъ, съ одной стороны, и сегодняшнимъ противоположнымъ новымъ — съ другой. На вопросъ этотъ во всей его обширности я не берусь отвѣтить, а приведу лишь кое-что, и то больше въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія.

Комментируя и объясняя взгляды Маркса, Энгельсъ писалъ: „Согласно законамъ буржуазнаго хозяйства, большая часть продукта, произведеннаго рабочимъ, принадлежитъ не ему. Если мы говоримъ—это несправедливо, этого не должно быть, то до всего этого хозяйству нѣтъ никакого дѣла. Мы выражаемъ лишь то, что данный экономическій фактъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству. Марксъ основывалъ свои соціальныя требованія не на этомъ, а на необходимости крушенія капиталистическаго строя, которое съ возрастающей силой происходитъ на нашихъ глазахъ“.

Вмѣстѣ съ знаменитой метафорой: экономика есть фундаментъ, а религія, право, наука, искусство—надстройка,—это убѣжденіе Маркса въ непререкаемой точности его соціальнаго предвидѣнія, было усвоено нашими „учениками“, и въ томъ числѣ г. Туганомъ-Барановскимъ, соотвѣтственно упростившись въ ихъ умахъ. Не дальше, какъ въ 1899 г. Туганъ-Барановскій такъ формулировалъ „новый принципъ, универсальный и могущій служить солиднымъ базисомъ для общественной дѣятельности“: „Принципомъ этимъ является не только признаніе законосообразности историческаго процесса, но и опредѣленное представленіе о его направленіи. Новое міросозерцаніе основывается на глубокой увѣренности, что, какъ бы мы ни были слабы, побѣда останется за нашими идеалами, ибо таковы неизбѣжные законы исторической эволюціи“. И г. Туганъ-Барановскій подтрунивалъ надъ „утопистами“, идеалы которыхъ расходятся съ дѣйствительностью, съ фактическимъ ходомъ вещей.

„Новое направленіе въ нашей общественной жизни еще только складывается“,—писалъ онъ въ томъ же 1899 г. Увы! черезъ три года оно уже развалилось, и нынѣ, въ „Очеркахъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи“, г. Туганъ-Барановскій пишетъ: „Вопросъ заключается въ данномъ случаѣ не въ томъ, существуетъ ли соціальная необходимость или нѣтъ, подчиненъ ли историческій процессъ закону причинности или не подчиненъ. Этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ философской и научной мыслью въ утвердительномъ смыслѣ... Могу ли я *хотѣть*, могу ли я напрягать свои силы для достиженія того, что я сознаю, какъ необходимо долженствующее произойти? Вотъ въ чемъ вопросъ. И мы должны на него отвѣтить категорическимъ—нѣтъ!.. Хотя будущее такъ же подчинено закону причинности, какъ и прошедшее, хотя будущія событія съ такой же роковой необходимостью вытекаютъ изъ настоящихъ, какъ настоящія изъ прошедшихъ, все же психологическая неувѣренность въ будущемъ навсегда останется основаніемъ нашей дѣятельности... Не соціальное предвидѣніе, а соціальный идеалъ является верховнымъ вождемъ въ соціальной борьбѣ. Познаніе есть только вѣрный слуга, выполняющій приказанія своего владыки. Но этотъ сверхъопытный владыка—соціальный идеалъ—не создается руками своего слуги“.

И т. д., и т. д. Паѳосъ вчерашняго марксиста поднимается все выше и выше. Онъ требуетъ неустанной борьбы съ дѣйствительностью, даже когда „погасла послѣдняя искра“ надежды на осуществленіе идеала, ибо „нравственный долгъ безпощаденъ и повелѣваетъ намъ quand même! во что бы то ни стало продолжать борьбу, которая должна кончиться только съ жизнью“. Онъ уличаетъ марксистовъ въ несправедливости и вредоносности ихъ „презрительнаго отношенія къ соціальному идеализму вообще и къ идеализму великихъ утопистовъ въ частности“. „Безъ энтузіазма,—восклицаетъ онъ,—безъ безкорыстнаго, религіознаго подчиненія себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе высокому, чѣмъ мы сами, нельзя достигнуть великихъ соціальныхъ цѣлей, которыя марксизмъ получилъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, отъ утопистовъ. А только идеалъ—прекраснѣйшее достояніе нашего духа—можетъ порождать энтузіазмъ. Борьба съ идеализмомъ ведетъ къ равнодушію къ широкимъ общественнымъ задачамъ, требующимъ самоотверженной работы и самопожертвованія личности“.

Вотъ, значитъ, самоновѣйшее противоположное... Можетъ показаться, что оно отдаетъ очень старымъ, и именно опять таки тѣмъ колодцемъ, въ который г. Туганъ-Барановскій плевалъ съ особеннымъ усердіемъ. Но пусть, довѣримъ почтенному автору: пусть онъ и теперь такъ же новъ, какъ былъ противоположно новъ три года тому назадъ. Но я боюсь, что ему завтра же при-

дется еще разъ обновиться, и опять въ противоположную сторону. Это случится, какъ только онъ познакомится съ Ничше, который, повидимому, остается пока внѣ его кругозора, или, по крайней мѣрѣ, со статьей г. Бердяева „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“ въ „Проблемахъ идеализма“. Авторъ этой статьи точно все въ зеркало смотрится: не отсталъ ли онъ отъ г-на Струве? Вровень ли съ нимъ идетъ г. Булгаковъ? Достаточно ли онъ вообще самостоятеленъ и оригиналенъ? Это не мѣшаетъ ему просто перелагать блестящія рѣчи автора „Заратустры“ на свой тусклый языкъ. Это не помѣшаетъ и г. Тугану-Барановскому узнать, что „безкорыстное, религіозное подчиненіе себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе высокому, чѣмъ мы сами“, „самопожертвованіе личности“ и т. п.,—все это ist altmodisch. И когда г. Туганъ-Барановскій это узнаетъ, онъ поспѣшитъ переодѣться, оставаясь, конечно, „добросовѣстнымъ ученымъ“.

Въ прошломъ году въ Одессѣ вышла книжка г. Пекаторова „Современныя настроенія (Діалоги)“. Содержаніе—бесѣда нѣсколькихъ человѣкъ на тему о томъ, „какъ нужно жить и что нужно дѣлать“. Въ числѣ собесѣдниковъ есть Челкаловъ, „блѣдный человѣкъ съ испитымъ лицомъ и съ загадочнымъ, порою презрительнымъ взглядомъ, одѣтъ въ рубаху съ косымъ воротомъ, подпоясанную ремешкомъ“. Онъ говоритъ, между прочимъ, такія рѣчи: „Есть на свѣтѣ соколы и есть ужи пресмыкающіеся! Не быть ужу соколомъ и не въ моготу соколу пресмыкаться!.. Смѣлымъ мы пѣсню поемъ!... У кого сила есть—тому воля, у кого силы нѣтъ—тому футляръ! И напрасно противъ этого идти! За себя стойте, себѣ жизнь отвоевывайте, а другіе пусть сами о себѣ думаютъ!“—Другой собесѣдникъ, Дѣдовъ, „сѣдой старикъ съ крупными чертами лица, въ рубахѣ и лаптяхъ“, разсуждаетъ такъ: „Не сложная культура нужна людямъ, а первобытная простота, простой здоровый трудъ, природа, и, главное, связь съ людьми, любовь къ людямъ и ко всему живому прежде всего, любовь безграничная, не позволяющая дѣлать насиліе даже для защиты своего ребенка, даже для самозащиты, не позволяющая убійства даже для удовлетворенія голода: убійство животныхъ для ѣды ихъ мяса—деморализуетъ человѣка. Наша культура—ушла отъ естественной жизни, наша культура это ядъ, который погубитъ человѣчество, если оно не свернетъ назадъ“. И т. д.—Въ бесѣдѣ участвуетъ еще Клермонтъ, „блѣдный молодой человѣкъ“. Современному человѣку,—говоритъ онъ,—„нужны тонкіе оттѣнки цвѣтовъ и звуковъ, тонкіе, едва уловимые переливы, ему нужна опьяняющая музыка звуковъ и цвѣтовыхъ нюансовъ, запаховъ, вкусовъ и осязаній. Ему нуженъ особый, едва теперь предугады-

ваемый новымъ искусствомъ, міръ легкій, таинственный, міръ неразгаданныхъ грезъ, міръ, создаваемый искусствомъ, экстазомъ, опьяненіемъ, міръ, который неизмѣримо лучше обыкновенной грубой природы! И это во всемъ. Мы не можемъ теперь любить женщину грубой, примитивной любовью! Намъ нужно теперь особое обаяніе, нужно не самое обладаніе—оно утратило интересъ и прелесть — нужно постоянное стремленіе къ обладанію, какъ къ чему-то особенному, невыразимому, таинственному! Не самая любовь, а только отдаленный ея ароматъ, ароматъ опьяняющій... Нужна теперь мечта, красота, миражъ, нѣчто сверхъчувственное". Изъ дальнѣйшаго разговора выясняется, что Клермонтъ претендуетъ на званіе „сверхъ-человѣка" и въ качествѣ таковаго „хочетъ прежде всего своего собственнаго счастія. Съ какой стати я долженъ любить своего ближняго? Съ какой стати я добровольно отдамъ ему то, что принадлежитъ мнѣ, хотя бы по насильственному праву?"

Не будемъ вглядываться въ остальныхъ собесѣдниковъ г. Пекатороса (ихъ остается еще три). Авторъ не имѣетъ никакихъ художественныхъ претензій и желалъ, повидимому, только дать разнымъ „современнымъ настроеніямъ" вполнѣ высказаться. Но форма „діалоговъ" представляетъ для этого и свои удобства, и свои неудобства. Собесѣдники г. Пекатороса остаются каждый при своемъ, но послѣднее слово, безъ спора, авторъ предоставляетъ нѣкоему Зосимову, излагающему очень туманную доктрину, похожую на то, что столь же туманно говоритъ г. Мережковскій о единеніи Богочеловѣка и Человѣкобога, о грядущемъ исчезновеніи представленія о времени и пространствѣ и т. п. Зосимову никто не возражаетъ, хотя рѣчь его вовсе ужъ не такъ побѣдоносна, но никто съ нимъ и не соглашается: авторъ просто опускаетъ занавѣсъ, можетъ быть, просто потому, что надо же его когда-нибудь опустить. Но и остальные собесѣдники остаются иногда безъ возраженій на такихъ пунктахъ, которые могли бы ихъ поставить въ затруднительное положеніе.

Напримѣръ, Челкаловъ рѣшаетъ вопросъ о любви и бракѣ такъ: „Въ любви весь смыслъ тотъ, что она счастье даетъ. Я люблю, счастье это чувствую, хорошо мнѣ сидѣть на мѣстѣ—сижу, разлюбилъ или надоѣло, — что тутъ разговаривать? расправилъ крылья, и все тутъ!"—„А она?"—спрашиваетъ нѣкто Ладовъ.—„Она? Она то же, какъ и я! ей надоѣло—пусть улетаетъ! Свобода обоюдная. Пожили вмѣстѣ, были счастливы и слава Богу. Зачѣмъ же дальше-то канитель тянуть!" Ладовъ не догадывается спросить: „а оно?" то есть ребенокъ, дитя или дѣти? хотя было бы очень любопытно выслушать на этотъ счетъ мнѣніе Челкалова. Другой примѣръ. Когда сверхъ-человѣкъ Клермонтъ излагаетъ свои требованія сверхъ-чувственныхъ наслажденій, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: „Хорошо, вы будете жить по ва-

шему,—до этого собственно никому нѣтъ дѣла,—жизнью утонченной, сверхъ-чувственной, прекрасно! босяки живутъ тоже по своему — великолѣпно! Только скажите, пожалуйста, на какія средства вы будете жить? Босяки не мирятся съ жизнью, вы тоже, тѣ довольствуются коркой хлѣба, сороковкой водки, да босяцкой свободой; работаютъ плохо, безпорядочно—это ихъ дѣло, за то и живутъ плохо—по нашему пониманію. Вы другое дѣло, вы хотите сверхъ-чувственной жизни, утонченной, съ полутонами, съ особыми запахами и вкусами. Сдѣлайте одолженіе, живите! Но... на какія средства?"—И этотъ любопытный вопросъ остается опять-таки безъ отвѣта. Сверхъ-человѣкъ переспрашиваетъ съ недоумѣніемъ: „Какъ на какія средства?" Его собесѣдникъ поясняетъ свой вопросъ, казалось бы, и безъ того никакихъ недоумѣній не возбуждающій, входитъ въ подробности, отвлекается въ сторону, въ разговоръ вмѣшивается третье лицо, затрагивая новую тему, и сверхъ-человѣкъ такъ и не сообщаетъ, на какія средства онъ будетъ вести сверхъ-человѣческую жизнь.

Этотъ маленькій вопросъ о средствахъ не приходилъ въ голову сверхъ-человѣка Клермонта, не приходилъ онъ и въ голову автора книги „Новыя вѣянія и настроенія" (Одесса 1903), М. Э. Гуковскаго. Изъ предисловія издателя узнаемъ, что Гуковскій, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, покончилъ съ собой самоубійствомъ, не доведя до конца начатаго труда. А онъ жаждалъ жизни и жизнь улыбалась ему. Издатель, г. Хмѣльницкій, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующую трогательную подробность: „За нѣсколько часовъ до смерти онъ написалъ мнѣ изъ Люцерна письмо, въ которомъ проситъ напечатать и издать этотъ трудъ, обративъ выручку отъ продажи на устройство народной библіотеки въ какомъ-либо селеніи". Покойникъ много работалъ. Не смотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже издать цѣлый рядъ небольшихъ сочиненій, большею частію переводныхъ, изъ которыхъ многія самъ же и перевелъ или снабдилъ ихъ вступительными статьями, писалъ и въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ былъ несомнѣнно даровитъ, хотя его „Новыя вѣянія и настроенія" представляютъ собою работу слишкомъ зелено-юношескую и не оригинальную, чтобы можно было по ней судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ его дарованія. Г. Хмѣльницкій говоритъ о „смѣлости и мѣстами нѣкоторой парадоксальности сужденій" молодого автора. Дѣло, однако, въ томъ, что въ настоящее время у насъ уже не требуется большой смѣлости для варьяцій на темы, данныя Ничше, съ одной стороны, и декадентами—съ другой,—это достаточная проторенная дорога, — а изъ такихъ именно варьяцій и состоитъ книга Гуковскаго.

Надо отдать справедливость безвременно погибшему молодому писателю. Выступая въ качествѣ главнымъ образомъ художественнаго критика апологетомъ „новыхъ вѣяній и настроеній", онъ

отнюдь не обольщается настоящимъ и больше возлагаетъ надежды на будущее. Онъ говоритъ о людяхъ, которые „всегда стремятся присосѣдиться къ самому, самому послѣднему теченію, и поэтому теперь, когда въ обществѣ чувствуется потребность въ новыхъ словахъ, въ искренней, правдивой оригинальности, имъ приходится манерничать и оригинальничать, такъ какъ они лишены яркой художественной индивидуальности. Это кривлянье и манерничанье, несомнѣнно присущее многимъ новымъ художникамъ, легли тяжкимъ позорнымъ памятномъ на все молодое искусство". И не разъ возвращается Гуковскій къ этой темѣ, твердо, однако, вѣруя, что въ недалекомъ будущемъ „появится настоящее новое искусство и настоящіе новые люди".

Три вещи дороги „современному поколѣнію", какъ его представляетъ себѣ Гуковскій: во-первыхъ—правда, во-вторыхъ—свобода, въ третьихъ—сила, и соотвѣтственно этому у него три врага: ложь, рабство, слабость. Многіе и прежде, конечно, боролись съ этими врагами, но современное поколѣніе иначе, по новому ихъ понимаетъ. Такъ, правдой въ искусствѣ считалась вѣрная передача изображаемаго, будутъ ли то внѣшніе предметы, событія или движенія человѣческой души; современное же искусство не гонится за правдой изображенія, а требуетъ лишь правдиваго отраженія личнаго настроенія художника. Свобода разумѣлась прежде главнымъ образомъ въ политическомъ или вообще гражданскомъ смыслѣ, какъ свобода той или другой угнетаемой группы—національной, сословной, классовой, профессіональной; современное поколѣніе не цѣнитъ этой свободы, ему нужна личная свобода отъ всѣхъ условностей долга, обязанности по отношенію къ какой бы то ни было группѣ, свобода всѣхъ „инстинктовъ". Сила цѣнилась прежде въ зависимости отъ того, какъ и къ чему она прилагается; для современнаго поколѣнія она представляетъ цѣнность сама по себѣ, какъ таковая.

Надо замѣтить, что, развивая эти положенія, Гуковскій старается до извѣстной степени приладиться къ воззрѣніямъ, которымъ онъ противополагаетъ свое новое, и дѣлаетъ это сознательно. „Въ молодомъ порывѣ,—говоритъ онъ,—многіе заходятъ ужъ слишкомъ далеко, стараются какъ можно скорѣе разорвать съ прошлымъ, затоптать въ грязь то, чему еще такъ недавно всѣ поклонялись, уничтожить свои недавніе идеалы... Мы, однако, не должны чуждаться всего новаго направленія, всѣхъ молодыхъ желаній и стремленій только потому, что въ нихъ есть нѣкоторыя непріятныя, рѣзкія, а подчасъ даже уродливыя черты". Поэтому Гуковскій по временамъ пытается смягчить свои въ основѣ отнюдь не оригинальныя, но часто очень рѣзкія сужденія. Напримѣръ: „Эпоха революцій возбудила въ обществѣ цѣлый рядъ надеждъ, которыя не оправдались; утратили въ извѣстной степени свое обаяніе парламентаризмъ и всеобщая подача голосовъ;

ушла въ область преданія былая идеализація толпы и народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы перестали расточать прекрасныя слова о долгѣ личности передъ народомъ, о необходимости служенія ему и т. д., и т. д. *Я вовсе не хочу сказать, что эти старыя идеи сдѣлались ненужными, что ихъ пора выбросить за бортъ*, я полагаю только, что онѣ не могутъ уже одушевлять насъ, что мы не можемъ жить только ими однѣми, такъ какъ онѣ сдѣлались слишкомъ обыденными, слишкомъ общеизвѣстными, и служеніе имъ, ихъ осуществленіе перешло изъ сферы подвижничества въ область обыкновенной сѣренькой практической дѣятельности".

При всемъ интересѣ, который въ разныхъ отношеніяхъ представляютъ нѣкоторыя сужденія Гуковскаго, я не буду слѣдить за всѣми ими, тѣмъ болѣе, что—еще разъ напоминаю читателю—въ сегодняшнихъ замѣткахъ не беру на себя критики различныхъ новыхъ теченій. Теперь меня другое занимаетъ. Поэтому приведу только одну группу мнѣній такъ рано погибшаго юноши:

«Въ былое, еще очень недавнее время, человѣкъ видѣлъ цѣль своей жизни, своего существованія въ трудѣ, выполненіи обязанностей, служеніи долгу и обществу. Конечно, и теперь мы продолжаемъ трудиться, работать, служить обществу, приносить ему пользу, но все это не удовлетворяетъ насъ, не заполняетъ цѣликомъ нашего существованія. Теперь мы смотримъ на все это, именно какъ на обязанности, на долгъ, которые иногда, даже нерѣдко, кажутся намъ скучными, тяжелыми, и мы очень часто желали бы освободиться отъ нихъ, зажить широкою, вольною жизнью безъ всякихъ обязанностей и труда».

«Современный человѣкъ стремится къ свободѣ, и поэтому онъ не хочетъ знать такихъ словъ, какъ долгъ, обязанности, жертва, слова эти кажутся ему ненужными, устарѣвшими, и онъ хочетъ освободиться отъ нихъ. Словъ этихъ не можетъ признавать свободный человѣкъ, такъ какъ служеніе долгу не совмѣстимо съ свободой, уничтожаетъ послѣднюю. Утрачивая, однако, вѣру въ значеніе всѣхъ этихъ словъ, мы этимъ самымъ устраняемъ и прописную мораль съ ея шаблоннымъ различіемъ между добромъ и зломъ между хорошимъ и дурнымъ... Каждый настоящій человѣкъ идетъ свободно и гордо своей дорогой, не зная внутренней борьбы, ни кому, ни во имя чего не принося жертвъ, не зная долга и обязанностей».

«Если отцы всегда считали нужнымъ служить какой-нибудь задачѣ, то ихъ дѣти ужъ совершенно инымъ образомъ относятся къ жизни... «Я молодъ!—говоритъ Эргардтъ (въ драмѣ Ибсена «Боркманъ»). Я тоже хочу жить! Жить собственной своей жизнью!.. Я не хочу теперь работать! Вѣдь я молодъ! До сихъ поръ я не сознавалъ этого. Но теперь это чувство проникаетъ меня насквозь. Я не хочу работать! Только жить, жить!..» Слова эти характерны не только для Эргардта, но для всего молодого поколѣнія»

Итакъ: современное поколѣніе г. Ашешова имѣетъ своимъ идеаломъ „автономную трудовую личность"; современное поколѣніе Гуковскаго согласно съ этимъ относительно автономіи личности, но исключаетъ изъ своего идеала трудъ,—трудъ и нравственный долгъ и жертву; современное поколѣніе г. Тугана-Барановскаго требуетъ жертвъ отъ личности во имя долга; со-

временное поколѣніе г. Бердяева ставитъ на высокій пьедесталъ личность и отвергаетъ жертву, признавая, однако, нравственный долгъ, основъ для котораго ищетъ не на землѣ, а въ надзвѣздныхъ сферахъ; современное поколѣніе г. Ашешова совершенно отрицаетъ экскурсіи въ надзвѣздныя сферы, видя въ нихъ лишь шуршаніе мысли; не взываетъ къ надзвѣзднымъ сферамъ и молодое поколѣніе Гуковскаго, но за то тѣмъ громче вопіютъ о нихъ „дѣти" г. Мережковскаго и современное поколѣніе „Новаго пути", о которомъ я было совсѣмъ забылъ... Можно опасаться, что „современное поколѣніе" всѣхъ этихъ господъ есть совсѣмъ не современное поколѣніе и что каждый изъ нихъ либо сообщаетъ намъ „сны сердца своего", либо выдаетъ малую часть за цѣлое, дѣлаетъ поспѣшное и неосновательное обобщеніе малаго количества фактовъ, наблюденныхъ въ какомъ-нибудь уголкѣ. Есть, впрочемъ, еще третій исходъ—мѣшанина, въ которой всякаго жита по лопатѣ. Но и это состояніе умовъ есть, надо надѣяться, тоже частное явленіе, обобщенію не подлежащее.

Вѣроятную причину этой мѣшанины, поскольку она дѣйствительно существуетъ, поскольку г. Мережковскій правъ, усвоивая „современнымъ дѣтямъ" несовмѣстимые элементы мысли и чувства, мы видѣли. Она состоитъ въ той чрезвычайной быстротѣ, съ которою вотъ уже много лѣтъ смѣняются у насъ „новыя слова", оставляя послѣ себя каждое извѣстный слѣдъ въ душѣ молодыхъ поколѣній. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: отъ чего зависитъ эта самая быстрота и рѣзкость обновленій, такъ часто переходящихъ въ „противоположное"? Если бы глашатаи всѣхъ этихъ новыхъ словъ мѣняли свои убѣжденія ради какихъ-нибудь стороннихъ, корыстныхъ цѣлей, то это не представляло бы особеннаго интереса: ренегаты всегда были, есть они, конечно, и теперь, но съ ними и разговоръ другой. Интересно именно то, что въ данномъ случаѣ съ жердочки на жердочку противоположную прыгаютъ люди искренніе, безкорыстные, если, можетъ быть, и подкупаемые соблазномъ роли вождя, „властителя думъ", какъ у насъ принято говорить, то всетаки вѣрящіе въ свою миссію. Они мѣняютъ одно міросозерцаніе на другое, искренно признавъ свою ошибку, хотя, какъ мы видѣли на примѣрѣ г. Тугана-Барановскаго, иногда при этомъ слишкомъ ужъ любуются на себя, упуская изъ виду, что они не только сами ошибались, но и другихъ ввели въ соблазнъ. Разумѣется, заблужденіе должно быть отвергнуто, но почему нынѣ такъ часты эти заблужденія—и такъ не долго живутъ убѣжденія?

Растеніе, имѣющее корни въ землѣ, живетъ столько, сколько ему полагается природой; растеніе, у котораго срѣзаны корни, гибнетъ раньше своего срока. Я думаю, что наши новѣйшія новыя слова суть нѣчто вродѣ этихъ растеній, у которыхъ нѣтъ корней. Г. Бенуа вѣрно указалъ дату, съ которой „все молодое

и свѣжее бросилось въ объятія"—не одного мистицизма, а цѣлаго ряда новыхъ словъ, изъ которыхъ каждое отцвѣтало, не успѣвши расцвѣсть, ибо ни у одного изъ нихъ не было корней. Что у нихъ корня не было, это свидѣтельствуется уже самою кратковременностью ихъ существованія, конецъ которому кладутъ сами ихъ глашатаи черезъ три-четыре года. И дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что послѣднее „дитя", Гуковскій,—для котораго г. Туганъ-Барановскій есть не только „отецъ" въ качествѣ сегодняшняго идеалиста, но и „дѣдъ" въ качествѣ вчерашняго матеріалиста,—не можетъ отвѣтить на вопросъ, заданный сверхъ-человѣку Клермонту: на какія средства вы будете жить новою широкою и цвѣтной жизнью, если не хотите работать? Не можетъ, потомучто жить безъ работы значитъ жить на чужой счетъ, а для этого нужно или довольствоваться босяцкой сороковкой съ соленымъ огурцомъ на закуску и съ перспективой кутузки за воровство или нищенство; или же имѣть гарантированныя общественнымъ строемъ права. Въ первомъ случаѣ мудрено жить широкой цвѣтной жизнью, во-второмъ—нельзя не опираться на гарантирующую общественную форму, а то и другое не удовлетворяетъ Гуковскаго.

Гуковскій былъ искреннее, талантливое полное силъ „дитя", но кончилъ онъ самоубійствомъ, такъ или иначе не справившись съ жизнью, въ которую вступалъ подъ гордымъ знаменемъ правды свободы и силы...

Ник. Михайловскій.

Письмо изъ Франціи.

Наблюдатель, не особенно долго живущій въ странѣ и поверхностно знакомый съ политической исторіей Франціи, будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, пораженъ зрѣлищемъ, которое представляетъ теперь борьба партій: свобода, демократія и республика находятъ въ настоящее время самыхъ жаркихъ, повидимому, друзей и совѣтниковъ въ томъ самомъ лагерѣ, который заключаетъ въ себѣ наиболѣе видныхъ представителей различныхъ оттѣнковъ реакціи; многіе же искренніе республиканцы и демократы стоятъ за извѣстныя ограниченія свободы и защищаютъ нѣкоторыя исключительныя мѣры. Главнымъ образомъ эта странная перемѣна ролей обнаруживается по вопросу о конгрегаціяхъ; но ее можно прослѣдить и во многихъ отрасляхъ современной государственной политики.

Въ самомъ дѣлѣ, Дрюмонъ, вотъ уже сколько лѣтъ призывающій „спасительную саблю“, которая должна на разстояніи ста лѣтъ продѣлать новое восемнадцатое Брюмера и установить режимъ, удовлетворяющій всѣмъ „здоровымъ интересамъ страны“, этотъ самый Дрюмонъ жестоко обличаетъ современныхъ французовъ за то, что они „окоровились“ (se sont avachis) и не возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ на защиту попираемой, молъ, свободы. Кассаньякъ, въ качествѣ усерднаго апологета бонапартистскаго режима знающій, что такое „сильная власть“, обращаетъ, однако, свои традиціонныя ругательства на республиканцевъ уже за то, что они нарушаютъ основныя начала демократическаго строя. Люди „трона и алтаря“, призывающіе всѣми силами „благодѣтельную монархію“ на столбцахъ „Le Gaulois“ и тому подобныхъ органовъ, учатъ сторонниковъ современныхъ свободныхъ учрежденій „истинной республикѣ“. Завѣдомые клерикалы и бывшіе защитники политики „моральнаго порядка“ во время Макъ-Магона теперь ломаютъ съ утра до вечера копья во славу „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“ 1789 и даже 1793 г., стоятъ за неприкосновенность личности, строгую законность, торжество „вѣчной справедливости“, неограниченную свободу совѣсти, мнѣнія, словъ, печати, собраній, школьнаго преподаванія.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, напр., когда въ Бретани монахи и монашенки, подталкиваемые реакціонерами, оказывали вооруженное (не всегда рыцарскими орудіями, а зачастую самыми плебейскими нечистотами) сопротивленіе властямъ, монархисты стали жаркими поборниками инсуррекціи и съ паѳосомъ цитировали параграфъ 35-ый „самой демократической изъ французскихъ конституцій“ (слова соціалиста Олара), а именно конституціи 24-го іюня 1793 г.

И когда во время все этихъ же монашескихъ бунтовъ нѣсколько клерикальныхъ офицеровъ довольно высокаго ранга отказались вести солдатъ противъ инсургентовъ, то тѣ самые люди, которые всегда стояли за безусловную воинскую дисциплину и съ гордостью повторяли въ теченіе всей своей жизни реакціонной афоризмъ: „намъ не надо разсуждающихъ штыковъ“,—тѣ самые люди, говорю я, теперь вдругъ воспылали жаркою любовью къ „святынѣ человѣческаго убѣжденія“ и требовали для военныхъ права обсуждать приказы начальства и отказываться отъ исполненія тѣхъ изъ нихъ, какіе окажутся противорѣчащими долгу совѣсти.

Точно также, когда реакціонные публицисты вліятельныхъ провинціальныхъ газетъ призывали осенью 1902 г. гражданъ къ возстанію, и правительство рѣшило преслѣдовать ихъ судомъ исправительной полиціи, то опять-таки тѣ самые „люди порядка“, которые до сихъ поръ не могли вдосталь нажаловаться

на распущенность прессы при республикѣ, которые всегда стояли за самыя крайнія мѣры для „обузданія“ печатнаго слова, теперь сразу нашли драгоцѣнныя свойства въ свободной прессѣ и наиболѣе подходящій трибуналъ для ея проступковъ въ судѣ присяжныхъ Теперь „приговоръ улицы“, „дикое сужденіе двѣнадцати первыхъ попавшихся лавочниковъ и кабатчиковъ“ оказалось вещью, представляющею неизмѣримо больше гарантій для „торжества справедливости“, чѣмъ резолюціи „судей—чиновниковъ“, рѣшающихъ дѣла въ угоду „тираніи правительства“. Мало того, „возбужденіе одной части населенія противъ другой“ путемъ печати перестало быть ужаснымъ преступленіемъ какъ разъ въ глазахъ „людей порядка“, которые теперь цѣлыми пригоршнями черпаютъ аргументы у крайнихъ домократовъ, всегда показывавшихъ всю щекотливость, всю скользкость обвиненія писателя въ томъ, что онъ своими статьями могъ вызвать среди импульсивныхъ читателей желаніе перейти къ преступному акту.

Съ другой стороны, въ лагерѣ сторонниковъ „правительственной обороны“ вы найдете очень много искреннихъ республиканцевъ и демократовъ, полагающихъ, что при настоящихъ условіяхъ свѣтское общество вынуждено защищаться противъ своихъ вѣчныхъ враговъ извѣстными исключительными мѣрами. Разумѣется, въ этомъ лагерѣ до сихъ поръ есть не мало людей, которые остаются безусловно вѣрными принципу самой широкой свободы, полагая, что она, подобно копью Ахилла, обладаетъ свойствомъ врачевать тѣ самыя раны, какія нанесла. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что большинство передовыхъ республиканцевъ и почти всѣ радикалы склоняются теперь въ той или иной степени къ ограничительному законодательству, по крайней мѣрѣ, относительно воинствующаго клерикализма, грозящаго опасностью свободнымъ учрежденіямъ страны. И это прежде всего вызываетъ несогласія и вообще оживленный обмѣнъ мнѣній среди самихъ демократовъ и республиканцевъ, а затѣмъ ихъ полемику съ вновь объявившимися поклонниками свободы изъ реакціоннаго лагеря.

Но тутъ, конечно, приходится различать. Консервативные республиканцы, мелинисты и значительная часть умѣренныхъ республиканцевъ оттѣнка газеты „Le Temps“ съ жаромъ борются противъ исключительныхъ мѣръ „республиканской обороны“. Однако, чистота источника ихъ побужденій можетъ быть болѣе, чѣмъ заподозрѣна. Замѣтьте, всѣ эти люди были нѣмы и глухи къ аргументамъ всеисцѣляющей и всемогущей свободы, когда сами стояли у власти. Тогда для нихъ опасность была „налѣво“; и въ то время, какъ не было такой услуги, которой бы они не оказали реакціонерамъ и „присоединившимся“ подъ предлогомъ „открытой для всѣхъ республики“, не было вмѣстѣ съ тѣмъ та

кого крупнаго и мелкаго притѣсненія, такой политической интриги, въ которой бы они не были повинны по отношенію не только къ крайнимъ партіямъ, но и простымъ радикаламъ. Правленіе Мелина характеризовалось прежде всего угнетеніемъ демократическихъ элементовъ со стороны администраціи. И никто, ни депутатъ оппозиціи, ни профессоръ университета, ни гимназическій или сельскій учитель, ни свободолюбивый писатель, ни членъ рабочей организаціи не могъ похвалиться, что мелинизмъ не давилъ на него прямо или косвенно, откровенно или лицемѣрнымъ и обходнымъ путемъ. Дѣятели, боровшіеся съ Мелиномъ и его группой, не совершали и одной сотой доли тѣхъ противозаконныхъ поступковъ, къ которымъ въ настоящее время охотно прибѣгаютъ милитаристы, клерикалы и „патріоты"; и однако, въ ту недавнюю, но печальную эпоху правительство не только не церемонилось съ своими политическими врагами, но нарушало существующее законодательство при преслѣдованіи ихъ зачастую мнимыхъ преступленій, а умѣренная печать ни однимъ словомъ не заикалась о декларацiи 1789 г. и тѣмъ менѣе 1793 г. И надо было странѣ очутиться лицомъ къ лицу съ опасностью реакціоннаго переворота, а демократическимъ элементамъ выдвинуть для борьбы съ этою опасностью „министерство республиканской обороны", чтобы мелинисты и тому подобные партизаны „открытой для всѣхъ республики" проснулись въ одно прекрасное утро ярыми защитниками всяческой свободы и „въ особенности свободы именно для нашихъ враговъ". Уже одно это обстоятельство заставляетъ относиться болѣе, чѣмъ скептически къ вольнолюбивымъ разсужденіямъ Мелина и Рибо, „Journal des Débats" и „Temps".

Интереснѣе разнорѣчія, прокинувшіяся въ лагерѣ искреннихъ республиканцевъ и демократовъ. Возьмемъ хотя бы такой пунктъ. При министерствѣ Вальдэка-Руссо (въ іюлѣ 1901 г.) прошелъ, какъ извѣстно, значительнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ и сенатѣ законъ, который отмѣняетъ предшествовавшія стѣснительныя мѣры противъ ассоціацій, давая имъ возможность возникать безъ разрѣшенія правительства, но дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ исключеніе для религіозныхъ конгрегацій, которыя, наоборотъ, должны испрашивать спеціальное разрѣшеніе. А послѣдующая дѣятельность правительства направлена на то, чтобы по возможности ограничить ихъ число, въ то время какъ въ парламентѣ и странѣ демократическіе элементы ведутъ агитацію съ цѣлью добиться такого законодательства, которое совершенно бы стняло у конгрегацій право содержать школы. Конечно, сейчасъ же возникаетъ вопросъ среди искреннихъ сторонниковъ республики и свободы: какъ же относиться къ этимъ исключительнымъ мѣрамъ съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ? И вопросъ этотъ не можетъ не возбуждать—и, дѣйствительно,

уже возбудилъ—жаркіе споры именно среди передовыхъ республиканцевъ (объ умѣренныхъ мы не говоримъ, такъ какъ охарактеризовали ихъ тактику выше).

Въ самомъ дѣлѣ, если большинство республиканцевъ, поддерживающихъ исключительныя мѣры, удовлетворяются такимъ соображеніемъ, что мы, молъ, стоимъ за самую широкую личную и политическую свободу, но дѣлаемъ единственное исключеніе по отношенію къ клерикаламъ, потому, что они исконные враги свободы и пользуются ея выгодами лишь для того, чтобы затѣмъ подавить ее; если, говорю я, республиканское и радикальное большинство стоитъ на подобной точкѣ зрѣнія, то встрѣчаешь не мало и такихъ послѣдовательныхъ демократовъ, которые видятъ въ этомъ рѣшеніи удобный практическій аргументъ, но отнюдь не принципіальный отвѣтъ на великій историческій вопросъ о свободѣ и требуютъ именно такого принципіальнаго отвѣта.

Такъ лѣтомъ 1902 г. историкъ Габріель Моно, игравшій такую видную роль въ дрейфусовскомъ дѣлѣ среди защитниковъ справедливости, подвергалъ слѣдующей критикѣ точку зрѣнія республиканскаго большинства въ вопросѣ о школьномъ обученіи:

Тѣ, кто, подобно мнѣ, являются сторонниками безусловной свободы ассоціацій и въ то же время отдѣленія церкви отъ государства... испуганы и крайне огорчены, видя, какъ сегодняшніе антиклерикалы выказываютъ по отношенію къ католической церкви чувства и доктрины, тожественныя съ тѣми, которыя еще недавно католики выказывали къ протестантамъ и всякаго рода еретикамъ. Теперь читаешь въ нѣкоторыхъ газетахъ, что невозможно, молъ, позволять католической церкви продолжать попрежнему воспитывать французскую молодежь въ заблужденіи; мнѣ пришлось даже прочитать, что «невозможно допускать свободу заблужденія». Какъ будто свобода заблужденія не является именно самою сущностью свободы! И подумать только, что тѣ, которые пишутъ эти фразы, протестуютъ противъ папскаго Силлабуса, въ то же время буквально копируя его. Неужели же мы осуждены на то, чтобы вѣчно качаться между двумя формами нетерпимости, и крикъ «да здравствуетъ свобода» будетъ у насъ всегда лишь крикомъ преслѣдуемой оппозиціи, вмѣсто того, чтобы быть крикомъ торжествующаго большинства?

Надо ли говорить, что противъ такого взгляда раздались многочисленные протестующіе голоса въ лагерѣ же демократовъ и радикальныхъ республиканцевъ; и даже органъ умѣренныхъ („министерскихъ") соціалистовъ возражалъ противъ выставленнаго Габріелемъ Моно понятія о „безусловной свободѣ", говоря, что такой свободы нѣтъ, и что всякая свобода осуществляется среди извѣстныхъ общественныхъ условій, а потому по необходимости должна претерпѣвать извѣстныя же ограниченія. Какъ бы то ни было, вопросъ о конгрегаціяхъ, а особенно о правѣ конгрегацій обучать юношество продолжалъ и продолжаетъ усиленно занимать французское общество: чувствуется, что обѣ стороны, и защитники, и противники клерикализма,—придаютъ гро-

мадное значеніе именно міровоззрѣнію подростающихъ поколѣній и, стало быть, вліянію на нихъ извѣстной школьной системы. Такъ осенью прошлаго года Фердинандъ Бюиссонъ, извѣстный дѣятель по народному образованію, выработавшій школьное законодательство, приписываемое обыкновенно Ферри (и прошедшій въ палату депутатовъ на послѣднихъ выборахъ, побивъ конкурента изъ націоналистовъ), послалъ длинное письмо въ „Temps", въ которомъ старался доказать необходимость исключительныхъ мѣръ противъ конгрегацій съ точки зрѣнія свободы. Суть этой радикальной діалектики заключалась въ томъ, что искренній поборникъ прогресса долженъ, молъ, требовать возможно полной свободы, и въ томъ числѣ свободы преподаванія, для всякаго дѣйствительно свободнаго человѣка; но такая свобода не можетъ быть дана клерикалу, потому что католическій священникъ или монахъ въ силу самыхъ обѣтовъ своихъ отказываются быть свободными людьми, замѣняя отвѣтственную и сознательную дѣятельность автоматическимъ послушаніемъ духовной власти. Я привелъ, конечно, это разсужденіе не потому, чтобы считалъ его безупречнымъ именно съ точки зрѣнія демократа, но потому, что хотѣлъ дать читателямъ образчикъ очень распространенной аргументаціи въ радикальномъ лагерѣ. Въ концѣ концовъ она приводитъ къ требованію абсолютнаго запрещенія католикамъ преподавать въ школахъ.

И требованіе такого запрещенія входитъ, дѣйствительно, въ программу многихъ радикаловъ, соединяясь съ требованіями уничтоженія конгрегацій, отдѣленія церкви отъ государства, прекращенія дипломатическихъ сношеній съ папой, тогда какъ у наиболѣе послѣдовательныхъ и принципіальныхъ радикаловъ два послѣднія требованія ставятся во главу угла и считаются вполнѣ достаточными для того, чтобы дать началу свободы его полное развитіе и вовсе уже не касаться далѣе ни религіозныхъ конгрегацій, ни клерикальнаго преподаванія. Здѣсь мы приходимъ къ пункту, въ которомъ интересно прослѣдить взгляды на интересующій насъ вопросъ, господствующіе среди политической партіи, находящейся еще лѣвѣе всевозможныхъ фракцій радикализма, а именно среди не-буржуазной крайней партіи.

Особенности французской политической исторіи сказываются здѣсь въ томъ, что у этой партіи во Франціи далеко нѣтъ такихъ общихъ или значительно преобладающихъ мнѣній по вопросу клерикализма, какія мы, напр., замѣчаемъ у соотвѣтствующей партіи Германіи, ибо за Рейномъ эта партія считаетъ религію „частнымъ дѣломъ" (Privatsache) и неизмѣнно возстаетъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, хотя бы онѣ были направлены и противъ безусловно вредныхъ для свѣтской цивилизаціи и современнаго общества орденовъ, въ родѣ іезуитовъ,—о чемъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже.

Дѣйствительно, среди современныхъ не-буржуазныхъ демократовъ Франціи есть фракціи, которыя держатся крайнихъ,—но не самыхъ крайнихъ и послѣдовательныхъ—взглядовъ обыкновенной радикальной партіи, требуя, напр., отдѣленія церкви отъ государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказывая религіознымъ конгрегаціямъ въ правѣ свободнаго возникновенія и существованія, равно какъ въ правѣ преподаванія. Сюда, напр., относятся уже упомянутые мною „министерскіе" соціалисты, органъ которыхъ, „La Petite République", въ лицѣ нѣкоторыхъ молодыхъ педагоговъ, въ родѣ Густава Тэри, настаиваетъ на необходимости покончить съ конгреганистскимъ преподаваніемъ; и отличается отъ радикаловъ лишь тѣмъ, что къ обычнымъ ихъ требованіямъ присоединяетъ гораздо болѣе рѣшительные планы конфискаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, но при этомъ отодвигаетъ ихъ на неопредѣленное будущее, а въ практическомъ отношеніи довольствуется мѣрами, предпринимаемыми теперешнимъ министерствомъ.

Съ другой стороны, есть такія фракціи, какъ гэдисты (нынѣ вошедшіе вмѣстѣ съ бланкистами и кой-какими мелкими организаціями въ составъ одной фракціи „Единства"), которыя въ этомъ отношеніи стоятъ на діаметрально-противоположномъ концѣ антиклерикальныхъ мѣръ, настаивая на немедленной конфискаціи духовной собственности и переходѣ ея въ руки націи и немедленномъ же отдѣленіи церкви отъ государства, а въ прочемъ презрительно-равнодушно относясь къ церковной политикѣ „министерства обороны" и даже обличая узко-демагогическій, вредный, по ихъ мнѣнію, для рабочихъ интересовъ характеръ борьбы радикальной буржуазіи противъ католицизма. Для надлежащаго пониманія этой точки зрѣнія надо припомнить, что французскіе марксисты порою черезчуръ буквально принимаютъ положеніе объ экономическомъ фундаментѣ и идеологическихъ надстройкахъ и потому порою же воздерживаются отъ активной дѣятельности въ области этихъ надстроекъ, возлагая надежды на отраженный ударъ отъ измѣненія въ самомъ фундаментѣ. Не вырвалась-ли у такого умнаго человѣка, какъ Гэдъ, въ пылу полемики съ „министерскими" соціалистами неудачная фраза, что для настоящаго коллективиста и буржуазная республика Лубэ, и полуфеодальная монархія Вильгельма II одно и то же,—что, кстати сказать, очень скандализировало прежде всего нѣмецкихъ товарищей.

На послѣднемъ конгрессѣ гэдисты высказались, напр., противъ антиклерикальной политики радикаловъ и своихъ „министерскихъ„ братьевъ-враговъ на томъ основаніи, что, молъ, истинная причина духовнаго гнета пролетаріата заключается въ экономическомъ гнетѣ; и что рабочій классъ должемъ освобождать себя съ фундамента, памятуя, что все прочее ему приложится, а антиклерикализмъ предоставить извѣстной части буржуазіи, которая охотно

кричитъ „долой католицизмъ“, чтобы отвлечь массы отъ главной борьбы и не дать имъ кричать „долой капитализмъ“.

Промежуточное положеніе занимаютъ въ этомъ вопросѣ бланкисты, которые тоже требуютъ немедленнаго проведенія крайнихъ имущественныхъ мѣръ противъ конгрегацій, напр. конфискаціи имуществъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываются отъ исключительнаго политическаго законодательства, проектируемаго радикалами, и лишь стараются толкать правительство возможно далѣе по этому пути. Словомъ, и среди крайней не-буржуазной демократіи, мнѣнія по вопросу о борьбѣ съ клерикалами расходятся довольно значительно и, въ общемъ идя далѣе рѣшеній, предлагаемыхъ простымъ радикализмомъ, обнаруживаютъ гораздо болѣе замѣтныя колебанія мысли, чѣмъ тѣ, съ какими мы встрѣчаемся у не-буржуазныхъ демократовъ за предѣлами Франціи. Объясненіе подобнаго явленія заключается, какъ уже было сказано, въ особенностяхъ политической исторіи страны, и ниже читатель найдетъ кое-какія соображенія по этому поводу. Но въ виду этого будетъ очень полезно познакомиться именно съ мнѣніями не-буржуазныхъ демократовъ внѣ Франціи, относительно пріемовъ борьбы съ клерикализмомъ. Недаромъ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ рѣшилъ обратиться съ такимъ вопросомъ и къ представителямъ крайняго демократическаго міровоззрѣнія въ различныхъ странахъ и напечаталъ отвѣты на него подъ рубрикой такъ называемой анкеты или „изслѣдованія“, затянувшагося на нѣсколько книжекъ: я говорю о статьяхъ „Enquête sur l'anticléricalisme et le socialisme“, появившихся въ №№ 107—110 „Le Mouvement“ и заключающихъ въ себѣ мнѣнія бельгійцевъ Вандервельда и Дестрэ, испанца Пабло Иглезіаса, англичанина Квелча, итальянца Энрико Ферри и нѣмцевъ Фольмара и Каутскаго, изъ французовъ же одного Эдуарда Валльяна (не-буржуазные демократы Франціи, очевидно, полагали, что ихъ мнѣнія уже достаточно извѣстны изъ газетныхъ статей, рѣчей на собраніяхъ и т. п.).

Интересно въ извѣстномъ смыслѣ уже предисловіе сотрудника журнала, которому принадлежитъ иниціатива „изслѣдованія“ и группировка отвѣтовъ. Сотрудникъ этотъ, Андре Моризэ, прямо говоритъ, что его натолкнули на эту мысль длинные разговоры, которые ему пришлось вести во время недавняго путешествія по Германіи съ тамошними не-буржуазными демократами, крайне удивлявшимися лѣтнимъ манифестаціямъ значительнаго числа французскихъ товарищей противъ клерикаловъ.

Всегда я натыкался на одинъ и тотъ же вопросъ: да изъ-за чего же наши французскіе друзья такъ бросаются въ вульгарный антиклерикализмъ *).

И вотъ, присматриваясь къ тактикѣ нѣмецкой партіи по отношеніи къ церкви и желая для большей поучительности познако-

*) № 107 (отъ 1-го ноября 1902 г.), стр. 1921.

мить французскихъ товарищей не только съ этой тактикой, но и со взглядами не-буржуазныхъ демократовъ прочихъ странъ, Моризэ и обратился съ просьбой высказать печатно свое мнѣніе объ антиклерикализмѣ къ представителямъ крайняго міровоззрѣнія въ различныхъ государствахъ Европы.

Просматривая эти отвѣты,—а нѣкоторые изъ нихъ сравнительно очень длинны и представляютъ настоящія небольшія монографіи, напр., отвѣтъ Каутскаго (появившійся и по-нѣмецки въ „Neue Zeit"),—приходишь къ тому заключенію, что свойственный большинству французскихъ крайнихъ демократовъ антиклерикализмъ гораздо менѣе распространенъ въ другихъ странахъ. Мало того: наиболѣе послѣдовательные представители міровоззрѣнія относятся къ нему едва ли и не съ наиболѣе сильнымъ неодобреніемъ. Возьмемъ, напр., такого выдающагося и прямолинейнаго политика, какимъ является одинъ изъ самыхъ крупныхъ вожаковъ бельгійской рабочей партіи, Эмиль Вандервельдъ. Избѣгая рѣзкихъ выраженій по адресу французскихъ антиклерикаловъ родственнаго лагеря и даже указывая на кой-какія косвенныя выгоды, которыя можетъ принести его идеямъ политика современнаго правительства Франціи, Вандервельдъ, однако, въ концѣ концовъ рѣшительно высказывается противъ банальнаго антиклерикализма и обращается съ такимъ вопросомъ къ французскимъ товарищамъ:

Неужели они воображаютъ, что подобныя нападенія въ состояніи привлечь на ихъ сторону рабочихъ, оставшихся вѣрными церкви?

И, говоря вообще, неужели они думаютъ, что, запрещая католическія процессіи, не позволяя патерамъ носить рясу, принимая или предлагая противъ католиковъ исключительныя мѣры, они приготовляютъ наступленіе лучшаго общества?

Такіе способы дѣйствія не только составляютъ крупную ошибку, потому что даютъ католической церкви выгоды, вытекающія изъ преслѣдованій, не нанося ей существеннаго ущерба; но,—что неизмѣримо болѣе опасно, — они идутъ въ разрѣзъ съ самими принципами нашего міровоззрѣнія и свободной мысли; они уменьшаютъ нашу нравственную силу, давая нашимъ противникамъ право утверждать, что наша нетерпимость равняется ихъ нетерпимости; они, наконецъ, ставятъ препятствія сближенію всѣхъ эксплуатируемыхъ, маскируя глубокій антагонизмъ интересовъ болѣе поверхностнымъ антагонизмомъ мнѣній и вѣрованій...

Поскольку католицизмъ касается только небесныхъ вещей, не претендуя на управленіе земными, мы можемъ и должны—ибо того требуетъ интересъ пролетаріата — разсматривать католическую религію какъ частное дѣло, или, употребляя выраженіе, кажущееся намъ предпочтительнымъ, какъ *дѣло личной совѣсти каждаго.*

У того, кто приходитъ, чтобы вступить въ наши ряды, достаточно спросить, принимаетъ ли онъ нашу программу.

Но намъ нечего спрашивать у него, кромѣ того, вѣритъ-ли онъ въ непорочное зачатіе; и, католикъ или свободомыслящій, онъ долженъ имѣть нравственную гарантію, что наши убѣжденія будутъ одинаково уважаться.

Въ настоящее время многочисленныя раціоналистическія группы примыкаютъ къ бельгійской рабочей партіи. Но если завтра же какая-нибудь ассо-

ціація католическихъ рабочихъ, становясь на почву борьбы классовъ, пожелаетъ присоединиться къ нашей партіи, сохраняя, однако, въ цѣлости свой религіозный идеалъ, то мы не могли бы отстранить такую группу, не вредя рабочему дѣлу и не посягая на свободу совѣсти *).

Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, Вандервельдъ требуетъ дѣйствительнаго и полнаго отдѣленія церкви отъ государства, высказываясь за безусловную свободу для всѣхъ вѣроисповѣданій и сектъ жить, развиваться, заниматься религіознымъ прозелитизмомъ, обучать юношество, но отрицая въ то же время всякое право различныхъ религіозныхъ организацій на полученіе самомалѣйшаго пособія изъ государственнаго бюджета. Съ другой стороны, Вандервельдъ не закрываетъ глаза на то обстоятельство, что между различными церквами есть во всякомъ случаѣ одна, которая говоритъ о свободѣ лишь тогда, когда не можетъ сдѣлать иначе, но въ сущности всегда стремилась и стремится къ исключительному господству и подавленію другихъ вѣрованій: это—церковь католическая, пропитанная клерикальнымъ духомъ. Онъ поэтому и полагаетъ, что люди его міровоззрѣнія отнюдь не могутъ „оставаться равнодушными къ борьбѣ противъ клерикализма"; но онъ отрицательно относится къ обычной антиклерикальной политикѣ.

Мы не хотимъ войны булавочными уколами.

Мы отказываемся прибѣгать къ средствамъ принужденія и преслѣдованія, которыя мы всегда осуждали у нашихъ противниковъ.

Мы возлагаемъ всѣ наши надежды на силу примѣра, на очевидность научной истины и въ особенности на всесильное дѣйствіе экономическихъ измѣненій... **).

Еще рѣзче осуждаетъ политику антиклерикализма бельгійскій же рабочій депутатъ Дестрэ, высказывая даже оптимистическую надежду на перемѣну политики католицизма, какъ только онъ почуетъ измѣненіе въ относительной мощи современныхъ историческихъ силъ:

Было справедливо сказано, что либеральная буржуазія поддерживаетъ умышленно клерикализмъ, какъ нищій поддерживаетъ дающую ему пропитаніе язву: крикъ *долой патеровъ*—былъ всегда для буржуазіи превосходной диверсіей, когда люди начинали требовать мало-мальски живо соціальныхъ реформъ. Само-собою разумѣется, что рабочій антиклерикализмъ носитъ совершенно другой характеръ... Стараясь подняться на болѣе высокую точку зрѣнія, мы должны сказать, что вовсе не считаемъ необходимымъ союзъ между нашимъ идеаломъ и антиклерикализмомъ. Либкнехтъ былъ правъ, говоря, что ожесточенная борьба противъ церкви не есть нашъ истинный путь... Борьба классовъ затрудняется, когда ее затемняютъ борьбою вѣрованій. Да и потомъ разсчетливо ли, для пріобрѣтенія политической власти, начинать съ объявленія войны большинству націи?..

Кромѣ того, если я такъ разсуждаю, то именно потому, что питаю от-

*) Ibid., № 107, стр. 1930—1932, *Passim*.

**) Ibid, стр. 1936 — 1937.

вращеніе ко всякаго рода клерикализму. Мое чувство свободы настолько живо, что я не могу допустить никакого принужденія въ области мысли. Я желаю, чтобы государство вмѣшивалось въ производство и распредѣленіе богатствъ; но если оно должно еще вмѣшиваться въ управленіе совѣстью каждаго, то тогда получилась бы удушающая тиранія. А къ несчастію существуетъ и раціоналистическій, и республиканскій клерикализмъ. Я знаю, что его жрецы претендуютъ на то, что дѣйствуютъ во имя разума, свободы, на волю націи. Но быть угнетаемымъ во имя этихъ-ли идей, или во имя католицизма, все же значитъ быть угнетаемымъ. А я желаю быть свободнымъ.

Если бы государство выполняло по отношенію къ рабочему классу весь свой долгъ, а именно въ области образованія и помощи бѣднымъ, являющихся существенными сферами государственной дѣятельности, но завѣдываніе которыми и издержки церковь взяла на себя, то вопросы клерикализма перестали бы быть затруднительными.

Прибавлю, что я не считаю католическую церковь непримиримымъ врагомъ. Исторія учитъ насъ, что она очень гибка: она всегда съ большою готовностью освящала то, что окончательно удалось. Въ настоящее время она враждебна нашему міровоззрѣнію, потому что капитализмъ еще стоитъ на ногахъ; завтра же, если мы восторжествуемъ, она безъ труда докажетъ намъ подходящими цитатами, что она еще болѣе стоитъ на нашей точкѣ зрѣнія, чѣмъ мы, и стояла до насъ.

Пока же, всякій разъ, какъ мы встрѣтимъ ее на пути, съ нею надо, конечно, бороться. Но въ этой борьбѣ мы должны пріучиться и обязаться никогда не прибѣгать къ насилію... Кротость, терпимость, истинное уваженіе ко всякому искреннему убѣжденію, проповѣдь и примѣръ болѣе широкаго и лучшаго идеала! Не ругательствами мы можемъ прервать старую-престарую колыбельную пѣсню человѣческой нищеты *).

Нѣмцы рѣшительно противъ антиклерикальной политики, и въ этомъ отношеніи, за очень немногими исключеніями, партія обнаруживаетъ замѣчательное единодушіе, начиная съ умѣренныхъ „ревизіонистовъ“ и бернштейніанцевъ и кончая такъ называемыми „ортодоксами“. Такъ, въ своемъ отвѣтѣ крайне умѣренный Фольмаръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ тактику партіи въ этой области:

Въ нашей парламентарной дѣятельности, какъ среди рейхстага, такъ и въ ландтагахъ, мы всегда были согласны въ томъ, чтобы протестовать всякій разъ, когда наши противники хотѣли злоупотреблять религіей, отдавая ее на служеніе цѣлямъ свѣтскаго владычества, и чтобы бороться противъ всякаго вліянія церкви на функціи государства, особенно въ школѣ. Съ другой стороны, мы всегда были единодушны въ томъ, чтобы дать всѣмъ церквямъ и религіознымъ общинамъ полную свободу во всѣхъ ихъ частныхъ дѣлахъ. Когда, во время культуркампфа, государство пыталось вмѣшаться въ эти послѣднія и издало исключительные законы противъ іезуитовъ и другихъ орденовъ, мы совершенно опредѣленно высказались противъ этихъ мѣръ, мы потребовали для всѣхъ общаго права и свободы мнѣній **).

Такова же въ сущности и точка зрѣнія Каутскаго, который въ своемъ отвѣтѣ не ограничился непосредственными соображе-

---

*) l. c., стр. 1940—1942.

**) Ibid., стр. 1944.

ніями, внушаемыми современнымъ антиклерикальнымъ движеніемъ, но попытался обосновать ихъ путемъ цѣлой исторической диссертаціи. Въ ней онъ трактуетъ и о происхожденіи религіи вообще; и о соціально-экономической и политической эволюціи церковныхъ организацій подъ вліяніемъ общаго движенія человѣчества; и объ измѣненіи характера антиклерикализма въ связи съ характеромъ различныхъ практикующихъ его классовъ и въ зависимости отъ особыхъ условій той или другой страны. Меня завело бы, конечно, далеко отъ предмета моей статьи желаніе подробно разбирать взгляды этого зачастую узковатаго, но и всегда мыслящаго писателя: достаточно сказать, что они тѣсно связаны съ такъ называемымъ „историческимъ матеріализмомъ“ и отличаются обычными недостатками достоинствъ этого міровоззрѣнія,—прямолинейной схематичностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ яностью и опредѣленностью. Для насъ же въ данный моментъ интереснѣе мнѣніе Каутскаго по непосредственно интересующему насъ вопросу.

Каутскій справедливо подчеркиваетъ половинчатый характеръ буржуазнаго антиклерикализма и не менѣе справедливо отмѣчаетъ убыль искренности въ этомъ движеніи по мѣрѣ того, какъ буржуазія все болѣе и болѣе становится обезпокоена ростомъ сознанія среди трудящихся массъ и, обламывая остріе у своей антиклерикальной политики, стремится даже превратить церковную организацію въ орудіе свѣтскаго господства привилегированныхъ классовъ,—явленіе, которое бросается въ глаза всякому маломальски внимательному наблюдателю и на которое я неоднократно обращалъ вниманіе читателей въ своихъ корреспонденціяхъ. Разсматривая борьбу буржуазіи съ клерикалами, Каутскій даже черезчуръ обнажаетъ ее отъ всякихъ идеальныхъ факторовъ и, бросая всѣ фракціи буржуазнаго класса въ одинъ горшокъ, отказываетъ этой борьбѣ въ какомъ бы то ни было значеніи:

Не надо позволять себѣ обманываться шумомъ, поднимаемымъ всей этой борьбой; вѣдь это семейныя ссоры, и каждая сторона нуждается въ другой; онѣ не могутъ отдѣлиться. Столкновенія эти представляютъ серьезныя неудобства лишь для третьяго лица, для борющагося пролетаріата, если онъ принимаетъ въ серьезъ этотъ споръ и основываетъ на немъ новую тактику.

Бросить пролетаріатъ рядомъ съ буржуазіей въ новый культуркампфъ, это значитъ направить по ложному пути импульсъ пролетаріата, расточать понапрасну его силу. Это значитъ представить ему ссору между буржуазіей и церковью, какъ великій актъ, призванный спасти міръ, это значитъ сосредоточить его энергію на дѣлѣ, изъ котораго ничего не можетъ выдти и которое ни къ чему не можетъ привести... Буржуазія и пролетаріатъ не могутъ вести общую борьбу противъ церкви. Классовое положеніе пролетаріата требуетъ совершенно другой религіозной политики, чѣмъ политика буржуазіи *).

Переходя къ опредѣленію этой политики пролетаріата, Каут-

*) № 109 (отъ 1-го декабря 1902 г.), стр. 2152.

скій видимо испытываетъ затрудненіе, когда ему приходится говорить о современной Франціи. Какъ человѣкъ, достаточно знакомый съ особенностями исторіи страны, онъ хочетъ принимать въ разсчетъ эти мѣстныя условія; какъ членъ нѣмецкой партіи, держащейся иной тактики, онъ хочетъ придать этой тактикѣ общее для всѣхъ государствъ значеніе и потому приписываетъ ей болѣе принципіальной характеръ, чѣмъ какой она, можетъ быть, имѣетъ въ дѣйствительности. Это и сказывается на нѣкоторыхъ колебаніяхъ обыкновенно столь опредѣленной мысли Каутскаго, не доходя, впрочемъ, до того, чтобы затронуть самыя основы тактическихъ взглядовъ нѣмецкаго теоретика, въ общемъ рѣшительно возстающаго, подобно бельгійскимъ товарищамъ по идеалу, противъ ходячаго антиклерикализма.

Такъ, съ одной стороны, Каутскій говоритъ:

Можно понять пролетаріатскую точку зрѣнія такимъ образомъ, что принимается буржуазная тактика по отношенію къ конгрегаціямъ, но въ то же время ставится требованіе, чтобы изъ нея логически и рѣшительно выводились всѣ ея послѣдствія. Впрочемъ, такова историческая роль, предназначенная пролетаріату: пока у него нѣтъ собственной классовой политики, то какъ низшій классъ, не стѣсняемый никакими соціальными соображеніями, какъ фракція демократіи, пролетаріатъ долженъ ловить либерализмъ на словѣ и постоянно побуждать его доводить либеральные принципы до ихъ крайнихъ слѣдствій... Во Франціи, гдѣ традиціи Великой революціи продолжаютъ оказывать могущественное дѣйствіе, гдѣ, съ другой стороны, конгрегаціи сдѣлались столь опредѣленными боевыми организаціями на службѣ реакцій, для людей нашего міровоззрѣнія дѣло идетъ о томъ, чтобы превзойти либераловъ не только качественнымъ характеромъ борьбы противъ конгрегацій, но еще и энергіею борьбы; словомъ, въ этой странѣ должно требовать уничтоженія орденовъ и конфискаціи ихъ имуществъ *).

Или:

Историческія причины даютъ намъ возможность понять, почему большинство французскихъ товарищей хочетъ бороться съ конгрегаціями путемъ ихъ насильственнаго устраненія **).

Въ одномъ мѣстѣ Каутскій даже выгодно оттѣняетъ французское школьное дѣло, хотя и созданное буржуазіей:

Справедливость требуетъ сказать, что послѣ войны 1870 г. Франція сдѣлала цѣлый рядъ превосходныхъ попытокъ реформировать первоначальное образованіе, и ея школьный режимъ во многихъ отношеніяхъ превосходитъ столь прославленную прусскую систему. Однако, ни въ одной сферѣ буржуазное государство не можетъ создать ничего рѣшительнаго ***).

Но, съ другой стороны, французской тактикѣ, которую „можно понять“ съ исторической точки зрѣнія и даже допускать при извѣстныхъ условіяхъ какъ „должную“, Каутскій противоставляетъ нѣмецкую тактику и, незамѣтно сливая ее съ общеобязательной,

---

*) l. c., стр. 2267—2268, № 110 (отъ 15-го декабря 1902 г.).
**) Ibid., стр. 2273.
***) Ibid., стр. 2271.

по его мнѣнію, тактикой, высказывается противъ обычныхъ пріемовъ антиклерикальной борьбы.

Такъ относительно нѣмецкихъ условій Каутскій пишетъ:

Положеніе дѣлъ носитъ иной характеръ въ Германіи. Потому и поведеніе партіи по отношенію къ конгрегаціямъ не одно и тоже. Она высказалась противъ всякаго ограниченія свободы ассоціацій, хотя бы и религіозныхъ. По нашему мнѣнію, эта тактика болѣе согласуется съ принципами и лучше отвѣтствуетъ положенію, которое пролетаріатъ занимаетъ, какъ классъ. Дѣйствительно, всякая мѣра, направленная противъ этой свободы, должна въ концѣ-концовъ прямо или косвенно нанести ударъ скорѣе пролетаріату, чѣмъ конгрегаціямъ... Кто вручаетъ оружіе общественной власти для того, чтобы ограничить свободу извѣстнаго, господствующаго класса, тотъ долженъ ожидать, что завтра же повернутъ это оружіе противъ пролетаріата и еще съ большою силою... Это замѣчаніе прилагается къ борьбѣ противъ конгрегацій. Дѣйствительно, есть два пути. Или издаютъ исключительный законъ, направленный противъ конегргацій, и, значитъ, признаютъ законность примѣненія исключительныхъ мѣръ къ неудобнымъ политическимъ врагамъ, открывая путь къ такимъ законамъ, которые сегодня направлены противъ анархистовъ, а завтра, можетъ быть, будутъ направлены противъ людей нашего міровоззрѣнія: исключительные законы культуркампфа предшествовали исключительнымъ законамъ, направленнымъ въ 1878 г. противъ нашей партіи. Или же стараются заключить конгрегаціи въ рамки общаго законодательства. Но тогда такъ стѣсняютъ право ассоціаціи, что и другія общества могутъ очутиться подъ ударомъ закона. Зачѣмъ же становиться на этотъ опасный путь? *)

И, наконецъ, переходя отъ тактики нѣмецкой партіи къ тактикѣ вообще, Каутскій заключаетъ:

... какъ низшій классъ, пролетаріатъ питаетъ инстинктивное отвращеніе ко всякому притѣсненію и самыя горячія симпатіи ко всѣмъ угнетаемымъ, будетъ-ли то нація или религіозная община, не имѣющая, однако, ничего общаго съ его классовыми интересами... Культуркампфъ во вкусѣ Бисмарка благопріятствуетъ церкви до нельзя, оставляя позади даже самыя пылкія ея желанія. Онъ вызываетъ на пользу церкви и среди католическихъ пролетаріевъ столь-же сильную пропаганду, какъ преслѣдованіе Діоклатіана, и лишь незначительнымъ образомъ умеиьшаетъ ея матеріальное могущество, благодаря полумѣрамъ, обусловливаемымъ слабостью буржуазіи. Церковь болѣе выигрываетъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ теряетъ въ матеріальномъ. Именно культуркампфъ Бисмарка привлекъ на сторону партіи центра пролетарскія массы католическихъ мѣстностей Пруссіи и въ теченіе долгаго времени формировалъ изъ нихъ самыя послушныя войска этой партіи. Культуркампфъ, который ведется теперь во Франціи, произведетъ, несомнѣнно, гораздо менѣе сильное дѣйствіе по той простой причинѣ, что, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени онъ гораздо менѣе важенъ, чѣмъ бисмарковскій... Мы безповоротно скомпрометтировали бы свое положеніе по отношенію къ котолическимъ рабочимъ, если бы шли противъ нихъ и противъ ихъ церкви бокъ-о-бокъ съ свободомыслящими чиновниками и буржуа и если бы вносили въ ихъ ряды не борьбу классовъ, а культуркампфъ... Мы должны, наоборотъ, показывать имъ, что католическій рабочій ближе стоитъ къ свободомыслящему рабочему, чѣмъ свободомыслящій буржуа, должны показывать, что съ этимъ послѣднимъ черное или бѣлое духовенство, составляющее въ

*) Ibid., пр. 2268—2269.

сущности часть имущихъ и господствующихъ классовъ, имѣетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ съ пролетаріемъ, какъ бы набоженъ онъ ни былъ... Такимъ образомъ, религіозная политика нашей партіи должна существенно отличаться отъ политики либерализма, и наша партія имѣетъ всѣ причины публично доказывать, что ея религіозная политика совершенно другая *).

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя колебанія Каутскаго по отношенію къ Франціи не мѣшаютъ видѣть, что въ концѣ концовъ его общая точка зрѣнія исключаетъ тактику обычнаго антиклерикализма. И въ сущности такое мнѣніе раздѣляется и почти всѣми остальными представителями европейскаго не-буржуазнаго демократизма, приславшими свои отвѣты на вопросъ, такъ что мы можемъ обойтись безъ подробнаго анализа ихъ взглядовъ. Но характерно то обстоятельство, что единственный французъ, отвѣтившій на приглашеніе редакціи, а именно бланкистъ Эдуардъ Валльянъ, не смотря на свое крайнее общественно-политическое міровоззрѣніе, высказывается, наоборотъ, за антиклерикализмъ, хотя за антиклерикализмъ, идущій далеко за предѣлы радикально-буржуазнаго антиклерикализма. Говоря о противорѣчивой и непослѣдовательной политикѣ современнаго министерства по отношенію къ католической церкви, Валльянъ такъ развиваетъ свою точку зрѣнія:

Мы отнюдь не одурачены этой двойной игрой; но мы можемъ воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ, которое болѣе возбуждено, чѣмъ то ставили себѣ задачею (кто? правительство и демократическая буржуазія? Н. К.), и которое не можетъ успокоиться, пока не добьется положительнаго результата. Должно припереть радикаловъ къ стѣнѣ и заставить ихъ или сознаться въ своей двуличности, или же уничтожить конгрегаціи, конкордатъ, и бюджетъ культовъ. Это—первые акты, которые приведутъ къ приданію вполнѣ свѣтскаго характера всему образованію и всѣмъ функціямъ государства, равно какъ къ отобранію имъ имуществъ, захваченныхъ церковью **).

Итакъ, какъ только мы очутились во Франціи и среди французскихъ дѣятелей, антиклерикализмъ начинаетъ занимать очень видное мѣсто въ тактикѣ даже крайнихъ партій, хотя, конечно, эти партіи лишь на минуту останавливаются на буужуазно-демократической агитаціи противъ католицизма и, отправляясь отъ нея, требуютъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ вплоть до окончательнаго уничтоженія церковныхъ организацій и конфискаціи церковной собственности. Спрашивается, что же является причиною такой распространенности, такой живучести антиклерикальнаго теченія во Франціи? Постараюсь дать на этотъ вопросъ надлежащій отвѣтъ; но прежде всего укажу значеніе цитированныхъ выше не-французскихъ мнѣній. Если я остановился сравнительно долго на нихъ, то на это есть два основанія. Во-первыхъ, эти

*) Ibid., стр. 2282—2283.
**) № 107, стр. 1938.

мнѣнія интересны уже сами по себѣ, интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ наиболѣе убѣдительную аргументацію противъ антиклерикализма, разбирающую слабыя стороны его съ точки зрѣнія передовыхъ началъ современной цивилизаціи: безпрепятственнаго развитія личности и выработки общественной солидарности трудящагося человѣчества. Во-вторыхъ, эти мнѣнія не могутъ быть заподозрѣны въ лицемѣрномъ подлаживаніи къ требованіямъ политической минуты, какъ то приходится констатировать по отношенію къ мнѣніямъ буржуазныхъ и клерикальныхъ враговъ исключительныхъ мѣръ противъ воинствующаго католицизма.

Если, напримѣръ, плохо скрывающій свое реакціонное міровоззрѣніе литературный критикъ Фагэ, съ которымъ я познакомилъ въ свое время читателя, пишетъ цѣлую книгу якобы въ защиту либерализма *), а на самомъ дѣлѣ въ защиту современнаго клерикализма, то мы можемъ объяснить свободолюбивыя разсужденія автора желаніемъ пособить воинствующимъ католикамъ выдти изъ непріятнаго положенія, въ которое они себя поставили, вызвавъ интригами и конспираціей послѣднихъ лѣтъ сначала оборонительную, а затѣмъ и наступательную войну свѣтскаго общества и республиканской демократіи. И Фагэ цѣликомъ входитъ въ категорію буржуазныхъ писателей, ничего не находившихъ сказать въ защиту свободы, когда реакціонеры и мелинисты всячески попирали ее, и вдругъ обрѣтшихъ краснорѣчіе, когда прогрессивная Франція подняла, наконецъ, перчатку, брошенную темными силами прошлаго. Довольно, дѣйствительно, нѣсколькихъ афоризмовъ общаго характера и нѣсколькихъ прорывающихся отъ времени до времени у автора фразъ, чтобы читатель проникъ въ суть этихъ, повидимому, ужасно либеральныхъ разсужденій и почти анархическихъ аргументовъ противъ какого бы то ни было общественнаго принужденія. Вотъ, напримѣръ, какую „либеральную формулу“ отношеній между личностью и обществомъ строитъ нашъ любитель свободы:

все, что касается полиціи, и все, что касается защиты, должно быть регулировано общественнымъ закономъ; остальное вполнѣ свободно,—остальное, т. е. индивидуальный трудъ или же трудъ индивидуумовъ, объединенныхъ свободной ассоціаціей **).

Что касается до приложеній этого принципа, то достаточно читателю встрѣтиться одинъ-два раза съ фразами вродѣ той, которую мы сейчасъ приведемъ, чтобы безошибочно опредѣлить характеръ либерализма мосье Фагэ:

Мы должны вручить государству для защиты страны *всѣ* права, если это

*) Emile Faguet, *Le libéralisme*. Парижъ, 1902.
**) *Le libéralisme*, стр. 28.

ему нужно, т. е. право нарушать какъ разъ всѣ мои права. Въ дѣлѣ національной защиты государство можетъ, если это надобно, располагать абсолютною властью и законодатель можетъ, хотя и оставаясь вѣренъ *правамъ человѣка*, вручить ему такую абсолютную власть *).

Какъ конкретные примѣры либерализма нашего автора, любопытно сопоставить слѣдующую оцѣнку дѣйствій правительства по отношенію къ католическому патеру, съ одной стороны, и свѣтскому учителю—съ другой. Въ главѣ о „свободѣ чиновниковъ" авторъ различаетъ между агентами власти, которые должны безпрекословно повиноваться правительству, и собственно чиновниками, которые получаютъ жалованье отъ правительства, но служатъ всей націи и которымъ правительство не можетъ навязывать свои оффиціальные взгляды и требовать безусловнаго раздѣленія ихъ. Намъ нѣтъ надобности критиковать это мнѣніе автора. Но нельзя не указать на наличность двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ при его приложеніи къ клерикальнымъ и свободомыслящимъ чиновникамъ. Напримѣръ, со времени конкордата бѣлое духовенство, оплачиваемое бюджетомъ культовъ, считается особой категоріей чиновниковъ правительства. Эти своеобразные чиновники въ послѣднее время не стѣснялись съ церковной кафедры провозглашать крестовый походъ противъ республиканскаго правительства и увѣщевали католиковъ подъ страхомъ небеснаго наказанія низвергнуть нечестивый строй. Правительство порою выражало свое неудовольствіе на такую пропаганду, а искренніе республиканцы прямо негодовали на проповѣдниковъ coup d'etat. И вотъ мосье Фагэ бросаетъ по адресу этимъ продерзостныхъ враговъ духовенства слѣдующую сокрушительную тираду:

Кто не слышалъ пресловутой фразы: «патеры возстали противъ правительства, которое платитъ имъ». Она обычна во всѣхъ клубахъ, кружкахъ и кафе Франціи, принадлежащихъ къ демократической партіи. Она глупа. Она глупа даже по отношенію и т. д., и т. д. **).

Другой случай. Въ 1901 году учитель исторіи въ одной гимназіи,—замѣтьте не на лекціи, а въ газетѣ, гдѣ онъ имѣлъ право высказывать свои мысли, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ,—предостерегалъ читателей противъ увлеченія шовинистской политикой и развивалъ общечеловѣческій идеалъ мира и согласія между націями. Оклеветанный націоналистической прессой, онъ былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію, исключенію изъ учащаго персонала и т. п., „правительствомъ національной обороны", испугавшимся газетной кампаніи „патріотовъ". Но вотъ что пишетъ по этому поводу нашъ свободолюбивый защитникъ клерикальной антиправительственной проповѣди:

Я предполагаю,—и такой фактъ, дѣйствительно, случился въ прошломъ году,—что какой-нибудь учитель исторіи напишетъ, внѣ своихъ школьныхъ

*) l. c., стр. 173.
**) Ibid., стр. 59—60.

занятій, что-нибудь противъ отечества. Онъ можетъ сколько угодно утверждать, что внѣ класса онъ свободный человѣкъ, какъ и всякій другой: ему замѣтятъ, что его миссія въ качествѣ учителя исторіи укрѣплять дѣтей въ понятіи объ отечествѣ и культѣ его... и что по этому онъ долженъ необходимо выбирать между своими взглядами или своимъ учительствомъ *).

Итакъ, патеръ въ церкви призываетъ прихожанъ, грозя страшными для католиковъ карами, къ возстанію противъ свободнаго демократическаго строя: о, не касайтесь его,—восклицаетъ мосье Фагэ,—вы не имѣете права требовать отъ него, чтобы онъ раздѣлялъ ваши оффиціальные взгляды; вы ему платите, но онъ служитъ всей націи, а посему руки дальше отъ этого убѣжденнаго гражданина въ рясѣ!.. Съ другой стороны, гимназическій учитель пишетъ въ газетѣ противъ отравляющей французовъ заразы шовинизма: о, поскорѣе уберите прочь этого измѣнника отечества,—поднимаетъ негодующій крикъ тотъ же мосье Фаге,—пусть онъ выбираетъ одно изъ двухъ: или вѣрою и правдою служить платящей ему первой въ мірѣ странѣ, или писать свои возмутительныя статьи въ защиту гуманнаго идеала!..

Приведенныя мѣста достаточно характеризуютъ автора „Либерализма“ и потому его критика антиклерикальнаго движенія должна, несомнѣнно, внушать большой скептицизмъ всякому маломальски безпристрастному читателю. Но тѣ мнѣнія не-буржуазныхъ демократовъ внѣ Франціи, которыя рѣзко осуждаютъ антиклерикализмъ, конечно, не могутъ быть смѣшаны съ „либеральною“ защитою похода католическаго духовенства противъ свѣтскаго общества. Тѣ мнѣнія не подсказаны интересами минуты и не внушены опасеніями за судьбу очаговъ католической пропаганды. Они представляютъ собою выраженіе искреннихъ и постоянныхъ взглядовъ на антиклерикализмъ со стороны партій, которыя до сихъ поръ были въ числѣ угнетаемыхъ, но не угнетающихъ, которыя руководятся интересами свободнаго развитія личности и общежитія, которыя, наконецъ, желаютъ отстоять общую почву безпрепятственной идейной борьбы какъ для самихъ себя, такъ и для своихъ враговъ. Этотъ характеръ упомянутыхъ мнѣній бросается въ глаза всякому непредубѣжденному читателю. И если, не смотря на подобное могучее давленіе истинно гуманныхъ взглядовъ своихъ заграничныхъ товарищей, французскіе крайніе демократы,—не говоря уже о буржуазныхъ демократахъ и радикалахъ,—обнаруживаютъ такое сильное тяготѣніе къ антиклерикализму, то должны же существовать извѣстныя историческія причины, фатально порождающія боевое настроеніе среди наиболѣе передовыхъ французскихъ партій и бросающія ихъ въ активную борьбу противъ католицизма. Только указаніе на эти причины даетъ ключъ къ объясненію тактики людей, вообще очень

*) l. c., стр. 176.

мало расположенныхъ къ исключительнымъ мѣрамъ и, наоборотъ, возлагающихъ большія надежды на возможно широкое и энергичное распространеніе сознанія среди человѣчества.

Всѣ эти причины можно, во избѣжаніе подробностей, свести къ одной основной: если католицизмъ является вотъ уже сколько вѣковъ великой реакціонной силой, объявившей войну свѣтской цивилизаціи и пытающейся подчинить себѣ современное общество, то нигдѣ этотъ воинствующій характеръ католической церкви не обнаруживается съ такою опредѣленностью, какъ во Франціи. Антиклерикальное теченіе представляетъ поэтому здѣсь неизбѣжное историческое противодѣйствіе духовной реакціи, не перестающей ни на одну минуту нападать на окончательныя, казалось бы, пріобрѣтенія общественнаго прогресса. Можно, конечно, оплакивать,—какъ дѣлаютъ это сторонники искренняго или лицемѣрнаго „либерализма",—подобное фатальное столкновеніе двухъ безспорно могучихъ силъ, тянущихъ въ разныя стороны, а потому нейтрализующихъ значительное количество творческой энергіи Франціи. Но если хорошенько вглядѣться въ этотъ вѣковой конфликтъ, то поймешь, что онъ именно неизбѣженъ, что существованіе воинствующаго католицизма такъ же фатально вызываетъ существованіе антиклерикальнаго движенія, какъ поляризація электричества необходимо выражается въ двухъ противоположныхъ токахъ. И говоря такъ, надо постоянно имѣть въ виду, что клерикализмъ и католицизмъ во Франціи синонимы, что протестантская, напр., религія съ ея различными самыми крайними и свободными сектами не даетъ здѣсь никакихъ хлопотъ правительству и свѣтскому обществу, и что, съ другой стороны, надо быть антисемитствующимъ демагогомъ, чтобы вѣрить хотя бы вліянію буддизма на ходъ событій въ странѣ. Между тѣмъ, католическая церковь была и остается до сихъ поръ тѣмъ l'infame, тѣмъ губительнымъ принципомъ, который съ такимъ жаромъ приглашалъ „раздавить" еще Вольтеръ, и рука котораго чувствуется во всѣхъ явныхъ и тайныхъ попыткахъ свалить свободный демократическій режимъ.

Та, какъ бы отклоняющаяся отъ традиціонной, роль, которую играетъ католицизмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, позволяетъ только лучше схватить неизмѣнный въ сущности характеръ католической религіи, проявляющійся во всей своей чистотѣ именно во Франціи. Тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ Англіи и Германіи, протестантизмъ сумѣлъ сложиться, съ одной стороны, въ государственную церковную организацію, съ другой стороны, разбиться на массу независимыхъ сектъ,—тамъ, говорю я, католицизму приходится подавлять свои деспотическія наклонности и на половину прикрывать либеральной маской свою истинную физіономію,

ибо тамъ онъ принужденъ вести борьбу за существованіе, отбиваться отъ своихъ духовныхъ соперниковъ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, церковь отдѣлена совершенно отъ государства, но гдѣ сильное религіозное движеніе пропитываетъ свѣтское общество элементами всевозможныхъ сектантскихъ міровоззрѣній, тамъ католицизмъ еще болѣе долженъ прикрываться личиною либерализма, тамъ онъ долженъ пускать въ ходъ почти исключительно демократическіе пріемы пропаганды, потому что только такимъ путемъ онъ можетъ надѣяться на успѣхъ въ вихрѣ сталкивающихся религіозныхъ ученій, основанныхъ прежде всего на личномъ, хотя зачастую нелѣпомъ убѣжденіи.

Во Франціи же католическая церковь проявляетъ, наоборотъ, какъ нельзя лучше свои истинныя тенденціи, и понятно, почему. Франція представляетъ собою единственную великую страну, которая, со времени первой революціи, объявила войну клерикальному авторитету во имя свѣтской цивилизаціи; и которая въ тоже время, по несчастію, не отдѣлила церкви отъ государства, а наоборотъ, если можно такъ выразиться, посадила на одну цѣпь эти два враждебныя начала, соединивъ ихъ узами конкордата. Свѣтская власть настолько далеко зашла въ отрицаніи клерикальнаго господства, что вооружила противъ себя церковь; но вмѣстѣ съ тѣмъ она все же не настолько продвинулась впередъ на пути этого отрицанія, чтобы не внушить католицизму мысли о возможности возстановить свой авторитетъ путемъ политической борьбы противъ свѣтскаго государства. Такимъ образомъ, Франція страдаетъ въ одно и то же время и отъ своей смѣлости, и отъ своей робости. Она раздражила церковь, подчеркнувъ строго свѣтскій характеръ своего правительственнаго строя, и она не обезвредила своего врага, не рѣшившись окончательно изгнать его изъ свѣтскаго общества. Если читатель позволитъ мнѣ употребить нѣсколько вульгарное сравненіе, то я сказалъ бы, что правительство Франціи не успѣло вытолкнуть окончательно католицизмъ за двери современнаго общества, но лишь ущемило его дверью конкордата,—положеніе, крайне неудобное для обѣихъ борющихся сторонъ и объясняющее, почему отъ времени до времени врагъ свѣтской цивилизаціи успѣваетъ протискиваться внутрь политическаго строя и, схватываясь съ государствомъ, старается привести его въ подчиненное состояніе. Католицизмъ чувствуетъ, что онъ теряетъ въ силу строго свѣтскаго характера правительства, и видитъ, что онъ могъ бы выиграть, если-бъ ему удалось превратить свѣтскую власть въ своего вассала.

Въ этомъ суть безпрестанной борьбы церкви и государства во Франціи, и это же является причиною, почему церковь не перестаетъ прямо или косвенно, явно или изподтишка вести борьбу съ современнымъ режимомъ и участвуетъ во всѣхъ реакціонныхъ предпріятіяхъ противъ французской демократіи, если только

не вдохновляетъ ихъ. Съ другой стороны, начинаешь понимать, почему, за рѣдкими исключеніями, различныя правительства, смѣнявшіяся во Франціи за послѣднія сто лѣтъ, такъ подозрительно относятся къ католической церкви и словно руководятся въ приложеніи къ ней жестокой формулой стараго Рима: adversus hostem aeterna auctoritas,—„нѣтъ срока давности для чужестранца". И вотъ государственная власть вѣчно стоитъ на стражѣ свѣтскихъ интересовъ, защищая ихъ отъ притязаній духовнаго авторитета. Приходится поэтому объяснить лишь усталостью мысли и усиленіемъ реакціонныхъ элементовъ въ міровоззрѣніи дряхлѣющаго Тэна то обстоятельство, что въ послѣднемъ томѣ своего труда о „Происхожденіи современной Франціи" этотъ авторъ приписываетъ преобладаніе антиклерикальной политики во Франціи ревнивому всезахватывающему характеру государства этой страны. Если и допустить извѣстную долю истины въ этой оцѣнкѣ французской черезчуръ централизованной власти, то главная-то причина государственнаго (и, замѣтьте это, общественнаго) антиклерикализма лежитъ ужъ, конечно, не въ этомъ, а въ глубокомъ противорѣчіи между свѣтскимъ и клерикальнымъ міровоззрѣніями,—что очень удачно развилъ, между прочимъ, въ томъ же томѣ самъ Тэнъ. Помните его характеристику двухъ „картинъ міра", развертывающихся одна въ представленіи католика, другая въ представленіи человѣка, подвергшагося вліянію свѣтской цивилизаціи нашихъ дней:

... Для католическихъ націй несогласіе не уменьшается съ теченіемъ времени, а усиливается; двѣ картины, изъ которыхъ одна нарисована вѣрою, а другая наукой, становятся все болѣе и болѣе непохожими, и внутреннее противорѣчіе двухъ міросозерцаній дѣлается крайне рѣзкимъ въ силу самаго развитія ихъ, такъ какъ каждое изъ нихъ развивается по своему и оба вмѣстѣ взятыя въ совершенно различномъ направленіи,—одно путемъ догматическихъ рѣшеній и усиленія дисциплины, другое путемъ ростущихъ научныхъ открытій и ихъ практическаго приложенія *).

Прибавьте къ этой характеристикѣ двухъ враждебныхъ началъ психологію типичнаго представителя воинствующаго католицизма, а именно члена монашескаго ордена, и вы поймете, какая непримиримая борьба должна вестись во всей странѣ между духовнымъ авторитетомъ, требующимъ себѣ безусловнаго подчиненія, и свѣтскимъ обществомъ, основаннымъ въ наши дни на развитіи критической мысли и самостоятельности въ личности. Вотъ что, дѣйствительно, говоритъ опять таки самъ Тэнъ, изображая психическія особенности любого монаха, принадлежащаго къ одному изъ многочисленныхъ здѣшнихъ орденовъ:

---

*) N. Taine, *Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne*, II; Paris, 1894, 4-е изд., стр. 142.

На основаніи обѣта послушанія онъ отдаетъ всю свою личность двойному авторитету, одному писанному, а именно уставу, другому живому, а именно своему настоятелю, на которомъ лежитъ обязанность истолковывать, прилагать и заставлять исполнять этотъ уставъ; за исключеніемъ случаевъ, когда повелѣнія настоятеля прямо и рѣзко противорѣчили бы самой буквѣ устава, онъ отказывается разбирать, даже въ глубинѣ души, мотивы и умѣстность предписаннаго ему акта; онъ заранѣе отдалъ въ чужія руки всѣ будущія выраженія своей воли, онъ отрекся отъ управленія собой; отнынѣ его внутренній двигатель находится внѣ его и въ другомъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого, неожиданная и самопроизвольная иниціатива свободной воли исчезаетъ изъ его поведенія, чтобы уступить мѣсто заранѣе опредѣленному, обязательному и незыблемому порядку, всеобъемлющему кадру, твердыя подраздѣленія котораго плотно охватываютъ и всю совокупность, и подробности жизни *).

Естественно, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Франція рѣшилась, если можно такъ выразиться, секулизировать нравственную личность гражданина, существенной чертой политической исторіи страны стала безпрерывная война духовной власти противъ свѣтской. Эта война принимаетъ иногда яркія, иногда замаскированныя формы; клерикальная организація порою прямо стремится къ порабощенію свѣтскаго общества въ союзѣ съ различными элементами реакціи, порою ограничивается, повидимому, лишь требованіемъ признанія своей равноправности, порою, наконецъ, играетъ лицемѣрную роль угнетенной жертвы и борется якобы во имя всеобщей свободы. Но въ видѣ ли подземнаго ручья, въ видѣ ли бурнаго всѣмъ замѣтнаго потока, католицизмъ ни на минуту не перестаетъ подкапываться подъ основанія современной цивилизаціи. Въ сущности онъ не измѣнилъ своей старой-престарой болѣе, чѣмъ тысячелѣтней природы, не отказался отъ стремленій ко всемірному господству, и если почему наиболѣе ярко обнаруживаетъ свою вражду къ свѣтскому режиму во Франціи, то лишь потому, что, какъ уже было сказано, здѣсь онъ встрѣтилъ и наибольшій отпоръ своимъ притязаніямъ.

Позволю себѣ сдѣлать короткое, но необходимое отступленіе. Передо мною лежитъ французскій, только что законченный переводъ извѣстнаго сочиненія американца Генри-Чарльза Ли объ инквизиціи въ среднихъ вѣкахъ **). Книга эта произведа довольно

*) l. c.. стр, 103.

**) Англійскій оригиналъ появился уже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ: Henry Charles Lea, *A History of the Inquisition of the middle ages;* Нью Іоркъ, 1888 (три тома). Французскій переводъ, прекрасно выполненный Соломономъ Рэнакомъ, имѣетъ значеніе почти оригинальнаго изданія, такъ какъ сдѣланъ съ экземпляра, содержащаго рукописныя поправки и дополненія самого автора, и носитъ заглавіе *Histoire de l'Inquisition au moyen âge* Парижъ, т. I—III, 1900—1902.

Есть, кромѣ того, краткое изложеніе труда Ли Шарлемъ Ланглуа: Ch.—Y. Langlois, *L'Inquisition, d'après les travaux récents*; Парижъ 1900 (эта книжка недавно переведена на русскій подъ заглавіемъ «Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ»).

большую сенсацію въ кругу образованныхъ читателей, потому что ея появленіе совпадало съ обостреніемъ вопроса объ отношеніяхъ церкви и государства, обостреніемъ, которое въ значительной степени было связано съ моральной встряской, пережитой Франціей въ дѣлѣ Дрейфуса. Ли очень ученый, но очень умѣренный авторъ, который, согласно извѣстной формулѣ, борется не съ людьми, а съ учрежденіями, и потому свободенъ отъ страстныхъ преувеличеній. Въ письмѣ къ переводчику, помѣщенномъ въ началѣ второго тома, онъ самъ такъ характеризуетъ свое сочиненіе:

Въ этомъ трудѣ я долженъ былъ разсказать о многихъ ужасныхъ событіяхъ,—о жестокости, организованной въ цѣлую систему, о тысячахъ страданій, причиненныхъ невиннымъ, о буряхъ, поглотившихъ цѣлыя населенія; но, если память не измѣняетъ мнѣ, я не произнесъ ни слова порицанія по адресу тѣхъ, которые, по совѣсти, были виновниками этихъ золъ, думая, однако, что такимъ образомъ они совершали божіе дѣло *).

И, однако, этотъ самый, крайне добросовѣстный и спокойный писатель наполнилъ свой большой трудъ безчисленными примѣрами мучительства, кровожадности, вѣроломства, обнаруженныхъ людьми, которые претендовали на то, что нѣтъ спасенія внѣ католической церкви, и буквально огнемъ и мечомъ истребляли всякое дѣйствительное или только кажущееся имъ отклоненіе отъ традиціонной догмы. Я позволю себѣ изъ тысячи фактовъ остановиться лишь на одномъ обобщающемъ мѣстѣ, гдѣ Ли удачно представилъ жестокій и вмѣстѣ лицемѣрный характеръ католической церкви, зажегшей повсюду костры инквизиціи и въ то же время, при помощи софистической уловки, увѣрявшей, что она собственно тутъ не при чемъ:

Такъ какъ ересь считалась самымъ большимъ преступленіемъ, то желаніе, бывшее общимъ для мірянъ и духовенства, придать наказанію возможно строгій и яркій характеръ, находило подходящее орудіе въ кострѣ. Благодаря царившей въ то время системѣ экзегетики было, впрочемъ, нетрудно найти въ Св. Писаніи намекъ на казнь огнемъ. Въ Евангеліи отъ Іоанна, дѣствительно, читаемъ (XV, 6): «аще кто во мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, яко же розга̀, и изсышетъ: и собираютъ ю и воогнь влагаютъ: и сгараетъ» (переводя Ли, я даю славянскій текстъ; въ русскомъ слово «розга̀» передано «вѣтвью», что соотвѣтствуетъ греческому κλῆμα и латинскому palmes,—термины, которые прилагаются ко всякой вѣтви вообще, а виноградной въ особенности, и значитъ описываютъ обычную операцію винодѣла съ высохшими виноградными вѣтвями. Дѣло идетъ, какъ видитъ читатель, не о какомъ-нибудь особомъ и спеціально придуманномъ пророческомъ наставленіи для грядущей инквизиціи, а о самомъ естественномъ и, можно сказать, банальномъ образѣ восточной прозы Н. К.). Буквальное истолкованіе метафоръ Св. Писанія было слишкомъ частымъ источникомъ ошибокъ и преступленій, чтобы мы могли удивляться этому примѣненію священнаго текста. Принятый церковью комментарій декрета Лукія III въ 1184 г., предписывающаго отдавать еретиковъ свѣтской власти для наказанія, цитируетъ этотъ текстъ Св. Іоанна и императорское законодательство, а затѣмъ торжественно заключаетъ,

*) l. c., т. II, IX—X.

что смерть огнемъ есть именно наказаніе, которое подходитъ къ еретикамъ «согласно законамъ божескимъ и человѣческимъ не менѣе, какъ и согласно всеобщему обычаю». И не надо думать, что люди изъ жалости сначала удушали, напр., еретика, а потомъ уже сжигали; авторы, начертавшіе обязанности инквизиціи, провозглашаютъ, что виновный долженъ быть сожженъ *живымъ* и всенародно; они прибавляютъ, то *позволительно спалить цѣлый городъ*, если онъ является убѣжищемъ еретиковъ.

Но каковы бы ни были нравственныя колебанія, испытанныя въ XI и XII вѣкахъ церковью въ ея отношеніи къ ереси, она никогда не сомнѣвалась касательно поведенія, которое, по ея мнѣнію, приличествовало въ этомъ пунктѣ свѣтской власти. Очень старый обычай, основанный на идеѣ нравственной благопристойности, запрещалъ духовному лицу принимать участіе въ приговорѣ, влекущемъ смерть или изувѣченіе; оно не должно было даже находиться въ пытальной комнатѣ, гдѣ обвиняемыхъ растягивали на дыбѣ. И это отвращеніе къ виду крови и страданія было еще болѣе преувеличено какъ разъ въ эпоху самыхъ кровавыхъ преслѣдованій. Въ то самое время, какъ тысячи людей избивались въ Лангедокѣ, Латеранскій соборъ (1216) возстановилъ каноническія правила, запрещавшія духовнымъ лицамъ произносить смертный приговоръ или присутствовать при казни. Они не должны даже были дѣлать никакой хирургической операціи, требовавшей употребленія огня или желѣза... Если бы эта боязнь участвовать въ причиненіи страданій была искренна, то она была бы достойна всяческаго уваженія съ нашей стороны; но тутъ былъ лишь лукавый обходъ съ цѣлью снять съ себя отвѣтственность за извѣстные акты. Въ дѣлахъ противъ еретиковъ, духовный судъ не произносилъ кровавыхъ приговоровъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что объявлялъ обвиняемаго еретикомъ; затѣмъ онъ «отпускалъ» его, т. е. передавалъ его свѣтской власти съ лицемѣрными мольбами обходиться съ нимъ милосердно, пощадить его жизнь и не проливать его кровь. Но чтобы въ точности знать, что слѣдуетъ думать объ этомъ призывѣ къ состраданію, достаточно припомнить себѣ теорію церкви относительно обязанностей свѣтской власти. Инквизиторы, дѣйствительно, возвели на степень непреложнаго правила, что люди, выражающіе сомнѣніе касательно законности преслѣдованій въ сферѣ совѣсти, совершаютъ преступленіе, равное по своей важности самой ереси, и заслуживаютъ потому одинаковаго наказанія *).

Намъ нечего разсказывать дальнѣйшее развитіе инквизиціи, ея видоизмѣненія въ болѣе позднюю эпоху, когда, благодаря теологической софистикѣ, инквизиторъ, напр., получилъ возможность присутствовать при мученіяхъ жертвы и даже управлять палачами. Достаточно схватить тотъ поистинѣ діявольскій характеръ ея, который слагался изъ непомѣрной жестокости и глубочайшаго лицемѣрія и который позволилъ католическимъ писателямъ отрицать заднимъ числомъ всѣ ужасы инквизиціи и сваливать ихъ на свѣское законодательство эпохи.

Не доходилъ-ли всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ бонапартистъ Кассаньякъ, этотъ воспитанникъ іезуитовъ, на пути клерикальныхъ софизмовъ до такой лжи, что прямо отрицалъ участіе духовной власти въ сожженіи свободомыслящаго писателя Этьеня Долэ и ухитрялся доказывать, что это ауто-да-фе (имѣвшее мѣсто въ Парижѣ въ 1546 г.) было дѣломъ свѣтскаго суда,

*) Ibid., II, стр. 251—253 (222—224 англійскаго оригинала).

который, согласно тогдашнимъ законамъ, осудилъ Долэ на казнь не за ересь, а за самыя ужасныя уголовныя преступленія? Какъ бы то ни было, католическая церковь нисколько не измѣнила своей внутренней природы со времени процвѣтанія инквизиціи и еще въ началѣ этого вѣка вносила, когда могла, даже въ политическое законодательство одновременно духъ жесточайшей нетерпимости и мучительствъ и лицемѣрное увѣреніе въ кротости.

Напомню изъ массы примѣровъ лишь одинъ, но за то очень характеристическій и представляющій почти буквальное воспроизведеніе средневѣковыхъ софизмовъ инквизиціи, съ которыми насъ познакомилъ Ли. Когда Бурбоны окончательно бросились при реставраціи въ руки католицизма, въ парламентъ былъ, какъ извѣстно, внесенъ клерикалами законопроектъ о святотатствѣ, грозившій нѣкоторыми параграфами виновному смертной казнію и отрѣзаніемъ руки, „какъ отцеубійцѣ". Проектъ этотъ былъ вотированъ (въ апрѣлѣ 1824 г.) съ нѣкоторыми измѣненіями. Но замѣчательно, что тѣ самые епископы, которые требовали крайне тяжелыхъ каръ за „покушенія противъ предметовъ священнаго культа" въ католическихъ церквяхъ, но не желали приравнять къ нимъ въ этомъ отношеніи храмовъ другихъ вѣроисповѣданій,—эти самые епископы сочли нужнымъ облечь свои свирѣпыя требованія въ слова любви и кротости. Передъ окончательнымъ вотомъ парижскій архіепископъ даже заявилъ:

Такъ какъ обсуждаемый законъ назначаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертную казнь, то епископы, въ качествѣ служителей Бога, пришедшаго на землю, дабы искупить человѣчество, а не погубить, просятъ позволенія воздержаться отъ подачи голосовъ *).

Итакъ, словно эхо на продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, голосъ католицизма XIX столѣтія отвѣчалъ голосу инквизиціи XIII тѣмъ же „лукавымъ обходомъ", о которомъ говоритъ Ли. Пусть, по нашему настоянію, пройдетъ законъ, на основаніи котораго будутъ отрѣзаться руки „святотатцамъ": мы, служители Бога любви, здѣсь ни при чемъ; мы, какъ раньше кроткіе инквизиторы, „отпускаемъ" виновнаго, т. е. передаемъ свѣтской власти съ жаркой просьбой пощадить его жизнь и не проливать его крови... насколько это возможно совмѣстить съ смертной казнью и отрѣзаніемъ руки!..

Такимъ образомъ, читатель видитъ, что все въ мірѣ измѣняется, не измѣняется лишь сущность католицизма, не измѣняется оригинальное сочетаніе въ немъ свирѣпой нетерпимости

*) Théophile Lavallée, *Histoire des Francais* (продолженная Frédéric Lock'омъ): Парижъ, т. V новаго изд. 1884 г., стр. 254.

и лицемѣрія. И все XIX-е столѣтіе и еще начало XX-го отмѣчены во Франціи борьбой клерикальнаго авторитета и свѣтскаго общества, борьбой, которая играетъ видную роль даже на ряду съ великами политическими и соціальными столкновеніями классовъ.

Первая революція пыталась сначала рѣшить вопросъ объ отношеніи церкви и государства, по возможности не затрогивая интересовъ духовенства (насколько это было, конечно, возможно съ паденіемъ системы феодальной собственности, которая, кстати сказать, давала громадныя преимущества высшему духовенству и держала въ нуждѣ и лишеніяхъ низшее). Даже грозный конвентъ въ первые восемь мѣсяцевъ своего существованія старался держаться на почвѣ завѣщаннаго ему предшествовавшими революціонными правительствами „гражданскаго учрежденія духовенства", т. е. попытки вдвинуть національную „галликанскую" церковь въ систему новаго государства и требовать отъ священниковъ, какъ отъ всѣхъ чиновниковъ, присяги на вѣрность націи.

Мы знаемъ, какое страшное сопротивленіе вызвала вскорѣ эта половинчатая мѣра со стороны духовенства. Національная французская церковь могла быть проникнута галликанскимъ духомъ, когда, съ одной стороны, ея высшіе представители были феодалами въ странѣ, дававшей имъ всевозможныя привилегіи, а съ другой — монархическій абсолютизмъ не только не боролся съ католицизмомъ во имя свободы убѣжденій личности, но смотрѣлъ на духовенство, какъ на пособника для отстаиванія своей политической власти и зачастую въ угоду клерикальнымъ тенденціямъ подавлялъ свободу совѣсти подданныхъ (напр., въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV-го). Но когда рухнулъ феодализмъ, и когда свобода совѣсти была признана неотъемлемымъ правомъ человѣка, галликанскія идеи духовенства быстро растаяли, и количество „папистовъ", искавшихъ руководительства въ Римѣ, возросло среди французскихъ духовныхъ лицъ въ громадной пропорціи. Принесшіе присягу священники подвергались всевозможнымъ преслѣдованіямъ реакціи, и большинство духовенства рѣшительно перешло на сторону эмигрантовъ и коалиціи враговъ отечества. Тогда-то прокатилась исходившая отъ горячихъ патріотовъ Франціи грозная волна раскатоличенія, которая, однако, далеко не повсемѣстно вела къ закрытію церквей и насилію надъ вѣрующими, какъ это говорятъ реакціонные историки, и имѣла отнюдь не „философскій", а политическій характеръ, характеръ самозащиты страны противъ внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей *). Конвентъ же,

*) Ср. A. Aulard, *Histoire politique de la révolution française*; Парижъ, 1901, стр. 469.

хотя нерѣдко и поддавался давленію крайнихъ патріотовъ, защищалъ, однако, свободу культовъ, отдѣлить же церковь отъ государства не рѣшался.

Знаменательно, что это отдѣленіе было вотировано Конвентомъ лишь послѣ Термидора и паденія террористовъ и, совпавъ съ ослабленіемъ исключительныхъ мѣръ противъ католиковъ, отнюдь, однако, не обезоружило ихъ: клерикализмъ не могъ вынести этого устраненія правительствомъ всякаго вѣроисповѣднаго элемента изъ государственной власти и продолжалъ конспирировать противъ свѣтскаго демократическаго режима. Когда личная политика Бонапарта, сначала консула, потомъ императора, заставила его сдѣлать политическую ошибку конкордата, то самъ же новый Цезарь принужденъ былъ сознаться, что послѣ самаго безцеремоннаго обращенія и съ папою, и съ національнымъ духовенствомъ онъ не могъ создать галликанскаго теченія въ этомъ духовенствѣ и даже при концѣ своего бурнаго царствованія оставлялъ его все болѣе и болѣе проникнутымъ доктринами ультрамонтанства. Духовенство Франціи проповѣдывало, правда, въ катехизисѣ необходимость подчиненія императору за его заслуги католической церкви и въ угоду не любившему шутить деспоту. Но какъ только палъ Наполеонъ, оно проявило свои истинныя тенденціи, постаравшись захватить въ свои руки Бурбоновъ и направляя ихъ политику не въ сторону національныхъ, а въ сторону всемірно-католическихъ, клерикальныхъ интересовъ.

И кто знакомъ мало-мальски съ исторіей реставраціи, безъ труда найдетъ немало примѣровъ этого ультрамонтанскаго вліянія, сказывавшагося въ проведеніи законовъ въ родѣ упомянутаго нами закона о святотатствѣ и подчинявшаго себѣ народное образованіе, гражданскія отношенія (отмѣна закона о разводѣ, который былъ возстановленъ—и то не въ первоначальной формѣ—лишь при третьей республикѣ) и т. п.

У послѣдовательныхъ католиковъ этой эпохи самъ монархическій принципъ является лишь орудіемъ осуществленія клерикальныхъ стремленій, и даже абсолютный король считался законнымъ представителемъ божественнаго права, пока это угодно папѣ, этому королю королей. Можно подумать, что съ XII вѣка, кульминаціонной эпохи папства, и до XIX вѣка время совершенно прекратило свое теченіе, для ревностныхъ католиковъ, ибо въ 1819 г. графъ де-Местръ въ своемъ „Папѣ“ писалъ слѣдующія строки, чреватыя угрозами по адресу свѣтской монархіи:

Законъ, предписывающій повиновеніе государямъ, есть общій законъ, подобный всѣмъ прочимъ; онъ хорошъ, справедливъ и необходимъ *вообще*. Но если на тронѣ Неронъ, то онъ можетъ *показаться* ошибкой.

Почему въ такомъ случаѣ не быть разрѣшенію подданныхъ отъ этого закона, основанному на непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ? Не лучше-ли

дѣйствовать съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ и во имя авторитета, чѣмъ бросаться на тирана со слѣпой стремительностью, имѣющей всѣ симптомы преступленія?

Но къ кому обращаться за такимъ разрѣшеніемъ?.. Нѣтъ другого компетентнаго авторитета, кромѣ высшей духовной власти, единственной на землѣ и верховныя прерогативы которой составляютъ часть божественнаго откровенія *).

Такъ говорилъ жаркій апологетъ католицизма и его главы, папы, обращаясь къ свѣтской монархіи, какъ ни какъ являющейся, по его мнѣнію, лишь частнымъ выводомъ изъ божественнаго права. Что же долженъ былъ думать такой прямолинейный клерикализмъ о формахъ политической власти, основанныхъ на представленіи о верховенствѣ народа? Вотъ почему нѣтъ ничего поучительнѣе для уразумѣнія истиннаго смысла католицизма, какъ исторія мирнаго и даже сентиментальнаго сожительства церкви и государства въ эпоху февральской революціи, когда наивные республиканцы приглашали патеровъ на освященіе деревьевъ свободы, а патеры, кропя водою эти символы демократіи, ухитрялись доказывать необходимость республики цитатами изъ духовныхъ сочиненій. Мы знаемъ, какое горькое разочарованіе ждало чувствительныхъ людей 48-го года; и какъ, добившись, еще во время президенства Людовика-Наполеона, клерикальнаго закона о свободѣ обученія, отдававшаго, не смотря на свое названіе, школу подъ опеку перкви, католическое духовенство съ восторгомъ привѣтствовало декабрьскій переворотъ и возносило гимны къ небу за счастливо возникшую имперію. Въ то время, какъ лилась еще кровь и „смѣшанныя коммиссіи“ посылали республиканцевъ въ Ламбессу и Кайенну, архіепископъ Сибуръ говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ:

Человѣкъ, котораго Богъ держалъ въ резервѣ для спасенія Франціи, явился. Никогда еще перстъ Божій не былъ столь ясно видѣнъ, какъ въ великихъ событіяхъ, вызвавшихъ этотъ результатъ. Да снизойдетъ въ изобиліи помощь свыше на того, кто до сихъ поръ оказался столь достойнымъ великой миссіи, которую онъ получилъ **).

Кто не знаетъ, что первые годы третьей имперіи были періодомъ удушающаго господства двухъ тѣсно сплетенныхъ между собою деспотизмовъ, свѣтскаго и духовнаго; и что если цезаристская диктатура находила сильную духовную поддержку въ католической церкви, то послѣдняя извлекала еще болѣе осязательныя выгоды изъ симпатій бонапартистскаго режима. Съ другой стороны, какъ только либеральныя идеи стали просачиваться понемногу въ практику этого режима, и какъ только особенности внѣшней политики Наполеона III привели его въ столкновеніе съ

*) L. de Maistre, *Du pape*; т. I, стр. 218—219 ліонскаго изданія 1836 г.
**) *Le Pilori*; Лондонъ—Женева—Нью-Іоркъ, 1854, стр. 138.

папствомъ (напр., во время войны за освобожденіе Италіи), такъ сейчасъ же клерикализмъ открылъ кампанію противъ своего недавняго союзника, и послѣдніе годы имперіи прошли въ зачастую неудачномъ лавированіи власти между требованіями свѣтской цивилизаціи и притязаніями католической церкви.

Вся исторія третьей республики наполнена, то усиливающимся, то ослабѣвающимъ, но никогда совершенно не прекращающимся шумомъ борьбы католической церкви противъ свѣтскаго режима. Не говоря уже о мелкихъ стычкахъ, достаточно упомянуть крупныя политическія столкновенія, въ которыхъ клерикализмъ, добиваясь господства, неизмѣнно поддерживалъ реакцію. Кто не помнитъ борьбы монархическо-бонапартистской коалиціи, или такъ называемаго „моральнаго порядка" противъ республиканской партіи послѣ макъ-магоновскаго coup d'Etat 16-го мая 1877 г., когда боевое министерство Бройля-Фурту шло на приступъ демократическихъ учрежденій? И что же? всѣ французскіе епископы бросились, согласно публичному и формальному увѣщанію папы Пія IX, въ избирательную кампанію и превратили пастырскія посланія въ политическіе манифесты для защиты оффиціальныхъ кандидатовъ министерства *). Все духовенство возсылало тенденціозныя молитвы о дарованіи побѣды реакціонерамъ; не было, кажется, такого мѣста во Франціи, гдѣ бы патеры не толкали подъ угрозою ада своихъ прихожанъ вотировать противъ „злочестивыхъ республиканцевъ".

Когда въ отвѣтъ на это восторжествовавшая демократія ступила на путь школьныхъ реформъ и рѣшила организовать всеобщее, даровое и свѣтское обученіе, клерикалы въ союзѣ съ политическими реакціонерами пытались всячески затормозить прогрессивное законодательство, а послѣ новаго пораженія лишь на время ослабили сопротивленіе республиканскому режиму и снова бросились въ битву при первомъ удобномъ случаѣ. Выборы 1885 г., пославшіе двѣ сотни монархистовъ въ палату, были, какъ извѣстно, отмѣчены самой отчаянной агитаціей духовенства, которое не стыдилось на югѣ и въ Бретани дѣлать скабрезныя увѣщанія прихожанкамъ во вкусѣ стачки женъ изъ аристофановской Лизистраты, чтобы заставить мужей вотировать за реакцію.

Буланжистское движеніе опиралось въ очень сильной степени на клерикаловъ, для которыхъ наиболѣе ловкими совѣтниками браваго генерала была придумана „открытая для всѣхъ республика". Клерикалы же, выполняя маккіавелевскій планъ Льва X, присоединились къ этой республикѣ, чтобы подъ сѣнію „новаго духа", обуявшаго бывшихъ сподвижниковъ Ферри, пріобрѣсти достаточно силъ для рѣшительнаго нападенія на школьное законо-

*) См. уже цитированную выше *Histoire des Francais* (продолженная Maurice Dreyfous'омъ); Парижъ, 1901, т. VII, стр. 61—62.

дательство и прочія пріобрѣтенія свѣтскаго общества. Клерикалы были наилучшими пособниками и реакціонной политики мелинистовъ, скомпрометтировавшихъ было своими уступками вѣчнымъ врагамъ демократическаго строя самую идею республики. Клерикалы старались организовать настоящій заговоръ противъ свободныхъ учрежденій страны во время дѣла Дрейфуса и были сильнымъ цементомъ, связывавшимъ шовинистскіе и монархическіе элементы. Наконецъ, клерикалы толкали недавно къ возстанію невѣжественныхъ бретонцевъ, въ катехизисахъ которыхъ, написанныхъ на кельтскомъ языкѣ, находятся религіозныя предписанія вотировать за людей, рекомендуемыхъ патерами, и спрашивать у послѣднихъ совѣта во время избирательной кампаніи. На этомъ фактѣ, указанномъ въ только-что (въ первыхъ числахъ нашего января) произнесенной рѣчи министра Комба, мы можемъ закончить нашъ краткій очеркъ исторіи столкновеній церкви и государства во Франціи. Отсюда читатель можетъ видѣть, съ какою настойчивостью и упорствомъ католическая церковь ведетъ свою вѣковую борьбу противъ свѣтскаго характера французскаго государства, и какъ, значитъ, неизбѣжно здѣсь возникновеніе антиклерикализма въ качествѣ идейнаго противовѣса церковной агитаціи.

Подводя итоги, мы должны поэтому оцѣнивать современное антиклерикальное движеніе съ двухъ точекъ зрѣнія: и какъ неизбѣжный результатъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ; и какъ болѣе или менѣе цѣлесообразное орудіе для борьбы за широкіе общечеловѣческіе идеалы. Что касается перваго пункта, то, безъ сомнѣнія, французскій антиклерикализмъ оказывается не доктринернымъ измышленіемъ „фанатиковъ свободомыслія“, какъ часто характеризуютъ его реакціонеры, но необходимымъ звеномъ въ желѣзной цѣпи историческихъ событій, которыя обострили борьбу между духовнымъ авторитетомъ и свѣтскимъ развитіемъ личности именно на французской почвѣ. И надо лишь удивляться, какъ люди, претендующіе на политическую проницательность, не видятъ въ здѣшнемъ антиклерикализмѣ чисто органической потребности свободнаго строя въ самозащитѣ.

Что же касается до вопроса о цѣлесообразности антиклерикализма, какъ орудія широкаго прогресса, то можно сомнѣваться, чтобы антиклерикализмъ въ его преобладающихъ здѣсь формахъ могъ двинуть великую страну далеко по пути общественнаго прогресса. Для этого прежде всего французскому антиклерикальному движенію не достаетъ послѣдовательности и смѣлости: онъ останавливается на полдорогѣ, не рѣшаясь пока отдѣлить церковь отъ государства, передать въ руки націи накопленныя имущества орденовъ; и онъ идетъ противъ своего же принципа свободнаго развитія личности и общежитія, такъ какъ ограничиваетъ въ приложеніи къ католикамъ свободу ассо

ціацій и свободу преподаванія. Какъ мѣра инстинктивной самообороны, это исключительное законодательство можетъ имѣть временное значеніе. Но какъ путь правильнаго развитія демократіи и общечеловѣческаго прогресса, онъ не годится, ибо приводитъ къ малодушному отрицанію самаго принципа: безпрепятственнаго роста критической мысли въ личности и справедливости въ общественныхъ формахъ. Потому, чѣмъ скорѣе отъ временныхъ мѣръ самозащиты Франція придетъ къ органическимъ мѣрамъ соціальнаго прогресса, тѣмъ болѣе выиграетъ общечеловѣческая цивилизація.

Достаточно сказать, что если нація окончательно сорветъ съ своихъ ногъ ядро каторжника, представляемое конкордатомъ; если она превратитъ въ національную собственность имущества орденовъ и монастырей, которыя по своей идеѣ являются именно національными имуществами, такъ какъ, согласно самимъ же принципамъ церкви, должны быть посвящены бѣднымъ и больнымъ; если нація обезпечитъ не только школу, но и пропитаніе дѣтямъ и покроетъ страну учрежденіями для бѣдныхъ и больныхъ, то она можетъ отказаться отъ всякихъ исключительныхъ мѣръ противъ клерикализма и преспокойно дать католическимъ организаціямъ свободу обученія и ассоціацій. Нужда, необезпеченность, невѣжество—лучшіе вербовщики клерикальной арміи: ихъ устраненіе подорветъ основную силу воинствующаго католицизма...

Но я замѣчаю, что перешелъ къ реформамъ, которыя носятъ широкій и общественный характеръ и потому могутъ быть проведены лишь на почвѣ общаго рѣшенія соціальнаго вопроса или, по крайней мѣрѣ, первыхъ крупныхъ преобразованій современнаго строя. Лишь тогда свѣтская цивилизація можетъ заставить замолчать своего вѣчнаго врага, клерикализмъ, словами старинной поговорки римлянъ: adversus solem ne loquitor—не спорь противъ самого солнца. Но надо же, чтобы сначала взошло это солнце счастія и радости людей.

Н. Е. Кудринъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Изъ итоговъ послѣдней сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній въ 1902 г.—Ходатайство Шенкурскаго городского управленія о введеніи земскихъ учрежденій въ Архангельской губерніи.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — III. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

Начало каждаго новаго года возбуждаетъ невольное и естественное желаніе оглянуться назадъ, на годъ минувшій, и попытаться подвести итоги оставленнаго имъ наслѣдства. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на только что прошедшій годъ, то главные его результаты придется отыскивать, несомнѣнно, не въ сферѣ порядковъ русской государственной и общественной жизни. Богатый важными событіями, 1902 годъ тѣмъ не менѣе, не внесъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ названные порядки и сохранилъ ихъ въ прежнемъ видѣ, отчасти даже усиливъ ихъ характерныя особенности. Но, и оставаясь въ старыхъ рамкахъ, русская жизнь все же не стояла въ теченіе прошлаго года на одномъ и томъ же мѣстѣ. Разнообразныя событія этого года немало содѣйствовали перемѣнѣ въ настроеніи русскаго общества и дали не одинъ серьезный толчокъ оживленію общественной самодѣятельности.

До извѣстной степени подобный подъемъ можно было наблюдать, между прочимъ, и въ сессіи земскихъ собраній, занявшей собою послѣдніе мѣсяцы 1902 года. Правда, въ средѣ земскихъ дѣятелей этотъ подъемъ достигъ не особенно большихъ размѣровъ. Событія не оправдали высказанной нами въ прошломъ году надежды, что земскія собранія возьмутъ на себя задачу восполненія работъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ по выясненію нуждъ сельскаго хозяйства. Въ дѣйствительности лишь немногія изъ земскихъ собраній рѣшительно поставили себѣ эту задачу и еще меньшее число ихъ болѣе или менѣе успѣшно справилось съ сопровождавшими ее препятствіями. Саратовское губернское земское собраніе постановило возбудить передъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности ходатайство о допущеніи къ участію въ совѣщаніи въ качествѣ свѣдущаго лица представителя губернскаго земства по выбору губернскаго земскаго собранія и управа, какъ сообщалось въ газетахъ, представила это ходатайство мѣстному губернатору *).

---

*) «Сар. Дневникъ», 27 окт. 1902 г.

Въ свою очередь засѣдавшее въ октябрѣ прошлаго года саратовское уѣздное земское собраніе постановило создать изъ своей среды особую коммиссію для составленія доклада о нуждахъ сельскаго хозяйства и затѣмъ передать свои заключенія по этому докладу въ губернское собраніе и въ уѣздный комитетъ *). Около этого же времени вопросъ о необходимости для земства высказаться о важнѣйшихъ потребностяхъ сельскаго хозяйства и главныхъ препятствіяхъ къ правильному его развитію былъ поднятъ въ херсонскомъ губернскомъ земскомъ собраніи **). Нѣсколько позже судьба этого вопроса на земскихъ собраніяхъ рѣзко измѣнилась Въ Новгородѣ, послѣ состоявшагося 1 декабря открытія очередного губернскаго собранія, одинъ изъ гласныхъ предложилъ управѣ вопросъ, почему въ перечнѣ докладовъ не помѣщенъ докладъ о заключеніяхъ губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Въ отвѣтъ на это предсѣдатель собранія заявилъ, что онъ не можетъ допустить обсужденія этого вопроса, такъ какъ, согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, вопросы, касающіеся выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и подлежащіе обсужденію особаго совѣщанія, не могутъ быть разсматриваемы на земскихъ собраніяхъ ***). Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ та же исторія повторилась и въ другихъ мѣстахъ. Въ Самарѣ прочитанный въ земскомъ собраніи предсѣдателемъ губернской земской управы докладъ о желательности приглашенія въ особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности представителей земства вызвалъ со стороны предсѣдателя собранія заявленіе, что онъ не находитъ возможнымъ допустить обсужденіе этого вопроса. По этому поводу въ собраніи возникли было пренія, но предсѣдатель закончилъ ихъ категорическимъ заявленіемъ, что онъ считаетъ предложеніе управы „несвоевременнымъ, нелогичнымъ и даже нежелательнымъ“ и потому снимаетъ его съ очереди ****). Подобнымъ же образомъ въ Костромѣ на второмъ засѣданіи губернскаго земскаго собранія предсѣдатель его заявилъ, что онъ снимаетъ съ очереди возбужденный буйскимъ уѣзднымъ земствомъ вопросъ о возбужденіи ходатайства о допущеніи двухъ выборныхъ представителей отъ губернскаго земства въ особое совѣщаніе, находя, что губернское собраніе не въ правѣ обсуждать этотъ вопросъ. „Нѣкоторые гласные—прибавляетъ сообщившій это извѣстіе газетный корреспондентъ — заявили было протестъ, но собраніе было прервано и по возобновленіи его предсѣдатель поставилъ на обсужденіе другіе вопросы“ *****). Законъ

*) «Сар. Дневникъ», 8 окт. 1902 г.
**) «Об. Новости», 15 окт. 1902 г.
***) «Нижег. Листокъ», 23 дек. 1902 г.
****) «Сам. Газета». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 18 дек. 1902 г.
*****) «Р. Вѣдомости», 7 дек. 1902 г.

предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ право возбуждать передъ правительствомъ ходатайства о мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждахъ, не ограничивая круга такихъ ходатайствъ указаніями и распоряженіями администраціи, и не уполномочиваетъ предводителя дворянства, являющагося предсѣдателемъ земскаго собранія, снимать съ обсужденія послѣдняго всякій вопросъ, который представится несвоевременнымъ либо нежелательнымъ самому предсѣдателю. Имѣющіяся въ печати свѣдѣнія не позволяютъ однакоже судить о томъ, были ли употреблены названными земскими собраніями какія-либо усилія для выясненія этой стороны дѣла. Во всякомъ случаѣ позволительно думать, что такія усилія, если они даже употреблялись, остались черезчуръ робкими и разрозненными. Вопросъ, благополучно прошедшій въ Саратовѣ и оказавшійся въ Самарѣ несвоевременнымъ, а въ Костромѣ неподлежащимъ компетенціи земства, во многихъ другихъ губерніяхъ не возбуждался вовсе или отвергался самими земскими собраніями, если его поднимали отдѣльные гласные. Такъ, въ происходившемъ 18 декабря засѣданіи петербургскаго губернскаго собранія гласный К. К. Арсеньевъ предложилъ собранію ходатайствовать о предоставленіи губернскому земству возможности, непосредственно и черезъ уполномоченныхъ, высказаться о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты правительствомъ для поднятія сельскохозяйственной промышленности въ Петербургской губерніи. Большинство собранія отнеслось однако къ этому предложенію индифферентно и послѣ возраженій предсѣдателя управы и предсѣдателя собранія предложеніе г. Арсеньева было отвергнуто большинствомъ 22 голосовъ противъ 20-ти *).

То обстоятельство, что вопросъ объ участіи земства въ выясненіи современныхъ нуждъ сельскаго хозяйства на протяженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ могъ получить столь различное рѣшеніе въ разныхъ мѣстностяхъ, само по себѣ уже краснорѣчиво говоритъ о недостаткѣ единства и устойчивости въ средѣ земскихъ дѣятелей. Но въ свою очередь неустойчивость и разъединенность, сказавшіяся въ дѣйствіяхъ земцевъ и не позволившія имъ воспользоваться важнымъ моментомъ, въ который ихъ голосъ могъ бы пріобрѣсти серьезное значеніе, едва-ли объясняются всецѣло внѣшними и случайными причинами. Скорѣе можно думать, что эти свойства современныхъ земскихъ дѣятелей стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ дѣйствующей системы земскаго представительства, которая носитъ на себѣ явственный сословный отпечатокъ и отводитъ главную роль въ мѣстномъ самоуправленіи одному классу, имѣющему къ тому же возможность отстаивать свои интересы и иными путями. Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ долговременная привычка къ

*) «Р. Вѣдомости», 22 дек. 1902 г.

пассивности оказалась въ земской средѣ сильнѣе логическихъ соображеній и требованій минуты.

Отмѣчая эту сторону минувшей земской сессіи, необходимо всетаки прибавить, что въ собраніяхъ этой сессіи можно было наблюдать и другого рода факты, свидѣтельствовавшіе объ извѣстномъ подъемѣ настроенія среди дѣятелей мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣдніе годы, какъ намъ неоднократно приходилось указывать, въ земствѣ происходила своеобразная эволюція, шедшая параллельно тѣмъ ограниченіямъ, какія устанавливались для земской дѣятельности извнѣ. Эта эволюція направлялась къ уничтоженію старыхъ земскихъ традицій и къ введенію въ область земскаго дѣла бюрократическихъ пріемовъ и сословныхъ тенденцій, причемъ процессъ проникновенія этихъ пріемовъ и тенденцій въ земскія сферы годъ отъ году совершался рѣшительнѣе и быстрѣе. Такъ дѣло шло до самаго послѣдняго времени, но на земскихъ собраніяхъ только что закончившейся сессіи этотъ процессъ сказался уже въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшихъ имъ собраніяхъ. Если онъ и не остановился совершенно, то, по крайней мѣрѣ, проявленія его сдѣлались рѣже и слабѣе. Въ земскихъ собраніяхъ 1902 г. не слышно было громкаго выраженія сочувствія со стороны земскихъ дѣятелей къ „сдерживающимъ вліяніямъ“ въ земствѣ, какъ не слышно было и о рѣшеніяхъ передать ту или иную отрасль земскаго дѣла въ чужія руки. Не получили, повидимому, въ теченіе этой сессіи широкаго распространенія и столь частые въ предыдущіе годы острые конфликты между управами и земскими служащими, равно какъ столкновенія земскихъ собраній съ дѣятелями печати. Однако совсѣмъ безъ такихъ столкновеній дѣло все же не обошлось.

Въ Самарѣ, какъ слышно, остается еще неразрѣшеннымъ конфликтъ между губернской управой и мѣстнымъ статистическимъ бюро. Чердынское уѣздное земство съ минувшаго октября осталось совершенно безъ врачей. Всѣ старые врачи ушли со службы этого земства еще прошлымъ лѣтомъ; на ихъ мѣсто были приглашены новые, но въ октябрѣ ушли и они. Причиной такого поголовнаго бѣгства врачей явилось, по ихъ словамъ, поведеніе назначенной въ Чердынскій уѣздъ управы, сдѣлавшей службу въ Чердынскомъ земствѣ рядомъ униженій *). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вредный для земскаго дѣла конфликтъ былъ созданъ, по крайней мѣрѣ, не коренными земскими дѣятелями. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о другомъ эпизодѣ, разыгравшемся въ орловскомъ земствѣ.

Въ засѣданіи орловскаго губернскаго земскаго собранія 12 декабря предсѣдатель собранія М. А. Стаховичъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Открывая сегодняшнее засѣданіе, я прежде всего счи-

*) «Волжскій Вѣстникъ». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 14 дек. 1902 г.

таю долгомъ исполнить возложенное на меня порученіе: г. управляющій губерніей поручилъ мнѣ выразить свое глубокое сожалѣніе по поводу отчета, помѣщеннаго въ сегодняшнемъ № *Орл. Вѣстника*, который не согласуется съ истиной и который по своему тону является неприличнымъ даже въ частной товарищеской бесѣдѣ, не говоря уже объ органахъ печати. Больше такихъ отчетовъ въ *Орл. Вѣстникѣ* не будетъ; съ сегодняшняго дня всѣ газетные рефераты о засѣданіи собранія будутъ представляться на провѣрку предсѣдателя и членовъ собранія; ничего, бросающаго тѣнь на гласныхъ, пропущено больше не будетъ и, такимъ образомъ, съ сегодняшняго дня занятія гласныхъ будутъ обезпечены отъ нежелательнаго вторженія и могутъ идти, согласуясь съ истиннымъ положеніемъ и достоинствомъ гг. гласныхъ. Мое заявленіе прошу занести въ журналъ". Выслушавъ это заявленіе, собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ**). Вслѣдъ затѣмъ однако редакція „Орловскаго Вѣстника" напечатала въ своей газетѣ „открытое письмо гг. губернскимъ гласнымъ". Въ виду большого интереса, представляемаго этимъ документомъ, мы позволимъ себѣ воспроизвести его цѣликомъ.

„Засѣданіе 12 декабря—говорится въ немъ—было открыто извѣстнымъ вамъ, гг. гласные, заявленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалось, что отчетъ о засѣданіи собранія, помѣщенный въ № *Орловскаго Вѣстника* отъ 12 декабря, не соотвѣтствуетъ истинѣ и тѣмъ условіямъ приличія, которыя приняты даже въ частной интимной бесѣдѣ. Далѣе, въ этомъ заявленіи говорилось о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты въ цѣляхъ предупрежденія въ будущемъ этого двойного нарушенія. На сдѣланное заявленіе никакого возраженія не послѣдовало, что даетъ поводъ редакціи обратиться къ гг. гласнымъ съ настоящимъ открытымъ письмомъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вышеупомянутый отчетъ соотвѣтствовалъ истинѣ, такъ какъ никѣмъ изъ гг. гласныхъ ни въ этомъ засѣданіи, ни послѣ не было сдѣлано никакого точнаго указанія въ этомъ отношеніи, мы находимъ нужнымъ остановиться лишь на второй части заявленнаго противъ насъ обвиненія. Приличіе, конечно, каждый можетъ понимать и толковать по своему. Одно только несомнѣнно, что всякій непредубѣжденный человѣкъ, который прочтетъ отчетъ, помѣщенный въ № *Орловскаго Вѣстника* отъ 12 декабря, вынесетъ лишь одно впечатлѣніе, это—явное несоотвѣтствіе между силами губернскаго собранія, назначеніе котораго—обсужденіе вопросовъ общегубернскаго характера, при томъ существеннаго значенія,—съ тѣми докладами, которые ему, т. е. собранію, по той или иной причинѣ приходилось выслушивать. Силы собранія, такимъ образомъ, признавались выше тѣхъ, которыхъ требовала производившаяся до

*) «Нижег. Листокъ», 23 дек. 1902 г.

того времени собраніемъ работа. Что же тутъ оскорбительнаго для собранія, противъ чего слѣдовало бы принимать какія бы то ни было мѣры? Далѣе, въ тѣхъ стѣнахъ, которыя не разъ слышали всякія указанія на тѣ стѣсненія, какія вносятся у насъ цензурой, въ которыхъ не разъ раздавались рѣчи въ защиту свободнаго слова, собраніе своимъ молчаливымъ согласіемъ одобрило мѣру, какъ разъ противоположную принципамъ, по существу своему неотдѣлимымъ отъ принциповъ общественной самодѣятельности. Мало того,—цензура, какъ ни какъ, съ правильной или неправильной точки зрѣнія, имѣетъ въ своемъ основаніи защиту тѣхъ или иныхъ установленій. Отъ чего же въ данномъ случаѣ защищалось собраніе? Ради чего оно прибѣгло къ тому, о чемъ, съ принципіальной точки зрѣнія, не разъ высказывалось, какъ о несогласномъ съ интересами общества, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на это имѣлось извѣстное основаніе? Въ виду такого отношенія собранія, въ связи съ тѣми рѣзкостями, которыя были сдѣланы въ вышеуказанномъ заявленіи по адресу *Орловскаго Вѣстника*, редакціи не оставалось ничего другого, какъ только прекратить печатаніе отчетовъ собранія" *).

И то недоумѣніе, въ какое дѣйствія земскаго собранія повергли редакцію „Орловскаго Вѣстника", и рѣшеніе, принятое послѣдней въ виду этихъ дѣйствій, представляются, нужно признаться, вполнѣ естественными. Мы не будемъ уже говорить о томъ эпизодѣ, который послужилъ въ данномъ случаѣ поводомъ къ возбужденію гоненія на печать, эпизодѣ, по меньшей мѣрѣ, курьезномъ и едва-ли не сводящемся къ чисто опереточному недоразумѣнію. Но, и минуя эту сторону дѣла, создающую для орловскихъ гонителей печати не лишенное комизма положеніе, крайне трудно вообще понять, какимъ образомъ преданность мѣстному самоуправленію можетъ сочетаться съ враждебнымъ отношеніемъ къ гласности. Казалось бы, если въ газетныхъ сообщеніяхъ о земскомъ собраніи были допущены тѣ или иныя неточности и ошибки, то онѣ могли быть легко исправлены при помощи той же прессы и во всякомъ случаѣ не могли дать повода для враждебнаго отношенія къ печати. Между тѣмъ въ Орлѣ такое отношеніе, само по себѣ уже странное, приняло вдобавокъ крайне рѣзкую форму, вполнѣ оправдывающую рѣшеніе „Орловскаго Вѣстника" отказаться отъ помѣщенія всякихъ отчетовъ о засѣданіяхъ земскаго собранія. Въ послѣдніе годы бывали уже случаи, когда подобныя рѣшенія принимались нѣкоторыми газетами въ результатѣ оскорбительныхъ выходокъ, допускавшихся по ихъ адресу кое-какими не въ мѣру ревнивыми къ своему достоинству земскими дѣятелями. Въ этихъ случаяхъ порою еще возможно было нѣкоторое сомнѣніе на счетъ того, правильно-ли

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 21 дек. 1902 г.

поступаетъ газета, отказываясь изъ-за нанесенныхъ ей оскорбленій служить общественному дѣлу путемъ удовлетворенія законныхъ интересовъ своихъ читателей. Но орловскій инцидентъ не оставляетъ мѣста и такимъ сомнѣніямъ. Когда предсѣдатель и члены земскаго собранія, не ограничиваясь оскорбительными отзывами по адресу печати, прибѣгаютъ къ попыткѣ стѣсненія предоставленной ей свободы и изъявляютъ полную готовность принять участіе въ спеціальной цензурѣ газетныхъ сообщеній, касающихся засѣданій земскаго собранія, при чемъ цѣлью подобной цензуры открыто ставится такой порядокъ, при которомъ въ печать „не будетъ пропущено ничего, бросающаго тѣнь на гласныхъ", тогда для уважающей себя газеты не остается другого выхода, какъ совершенно прекратить печатаніе матеріала, за достовѣрность котораго она не можетъ болѣе отвѣчать передъ читателями. Можно лишь удивляться, что орловскіе земцы не предвидѣли неизбѣжности такого результата своей неумѣренной обидчивости. Не менѣе удивительна, впрочемъ, и самая эта обидчивость, доведшая земскихъ дѣятелей до попытокъ закулиснаго воздѣйствія на печать и до рѣшимости громогласно заявлять объ успѣхѣ такихъ попытокъ. Подобныя заявленія, плохо мирящіяся съ истиннымъ достоинствомъ земскаго дѣятеля, дико и странно звучатъ въ устахъ г. Стаховича, въ послѣднее время какъ будто выступавшаго въ роли искренняго и послѣдовательнаго сторонника общественной самодѣятельности. Но чѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ инцидентъ, разыгравшійся между орловскимъ земствомъ и печатью, тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что этотъ инцидентъ остался совершенно одинокимъ и другихъ, подобныхъ ему, не было на протяженіи всей истекшей земской сессіи. Въ этомъ отношеніи послѣдняя выгодно отличалась отъ непосредственно предшествовавшихъ ей сессій, и такой ея характеръ въ свою очередь является свидѣтельствомъ благотворнаго подъема энергіи, проникшаго въ земскую среду и остановившаго тѣ успѣхи, какіе сдѣлала было въ ней широко распространенная въ нашей общественной жизни болѣзнь свѣтобоязни.

До извѣстной степени этотъ подъемъ энергіи сказался и на характерѣ и результатахъ работъ земскихъ собраній. Пересматривая имѣющіеся въ печати отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній минувшей сессіи, можно видѣть, что вниманіе ихъ привлекали по преимуществу двѣ группы вопросовъ—вопросы народнаго образованія и вопросы, касающіеся организаціи самихъ земскихъ учрежденій. При этомъ по отношенію къ обѣимъ этимъ группамъ вопросовъ въ дѣятельности многихъ земствъ сказался характерный переломъ воззрѣній.

Въ ряду вопросовъ, связанныхъ съ нуждами народнаго образованія, въ минувшей сессіи особенно выдѣлился вопросъ о земскихъ субсидіяхъ на церковно-приходскія школы и школы гра-

моты, находящіяся въ завѣдываніи духовенства. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ многія земскія собранія охотно соглашались на такія субсидіи, частью исходя изъ того соображенія, что всякая школа заслуживаетъ поддержки, частью уступая доводамъ лицъ, находившихъ самою подходящею для крестьянина школою именно школу церковную. Теперь отношеніе если не всѣхъ, то все же многихъ земскихъ собраній къ подобнымъ субсидіямъ рѣзко измѣнилось. Какого рода причины вызвали эту перемѣну и какъ она проявилась на практикѣ, всего лучше могутъ показать нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.

Бобровское уѣздное земское собраніе, рѣшивъ въ теченіе девяти лѣтъ осуществить въ своемъ уѣздѣ всеобщее обученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ постановило отклонить ходатайство духовнаго вѣдомства объ увеличеніи на 300 р. пособія на церковно-приходскія школы съ выдачею этихъ денегъ въ безотчетное распоряженіе духовенства. При этомъ собраніе подтвердило, что и существующее пособіе въ 400 р. можетъ быть выдаваемо только на дѣйствительныя нужды опредѣленныхъ школъ и лишь при условіи точнаго соблюденія духовенствомъ установленныхъ земствомъ правилъ, которыя въ настоящее время черезчуръ часто нарушаются *). Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ земское собраніе постановило совершенно отказать въ субсидіи церковнымъ школамъ. Это постановленіе до извѣстной степени было связано съ другимъ рѣшеніемъ собранія, отказавшаго о. уѣздному наблюдателю церковно-приходскихъ школъ въ его просьбѣ — „признать неправильнымъ и необоснованнымъ взглядъ г. инспектора народныхъ училищъ на причины пустованія земскихъ школъ“. Столь огорчившій о. наблюдателя взглядъ инспектора народныхъ училищъ былъ формулированъ этимъ послѣднимъ въ его отчетѣ въ такихъ словахъ: „причиною убыли учащихся (въ земскихъ школахъ) служитъ переходъ учениковъ въ церковно-приходскія училища, особенно въ тѣхъ училищахъ, гдѣ законоучителями состоятъ разныя лица и гдѣ поэтому ведется конкурренція въ численности учащихся: законоучители требуютъ, чтобы приходскія дѣти посѣщали церковную, но не земскую школу“. Дѣйствительно, во время происходившихъ въ собраніи преній выяснилось, что церковныя школы открываются не столько тамъ, гдѣ ощущается настоятельная потребность въ училищѣ, сколько тамъ, гдѣ уже есть школы земскія, и въ видахъ конкурренціи съ послѣдними, причемъ порою такая конкурренція ведется при помощи весьма оригинальныхъ пріемовъ: такъ, въ одномъ селѣ настоятель мѣстной церкви учениковъ земской школы не пускаетъ въ алтарь, а учениковъ церковно-приходской школы пускаетъ, и это своеобразное отлученіе отъ церкви питомцевъ земской школы не остается безрезультат-

*) «Спб. Вѣдомости», 13 окт. 1902 г.

нымъ *). Не трудно, конечно, представить себѣ, что земское собраніе, стремясь къ скорѣйшему распространію образованія въ народной средѣ, не могло найти большого смысла въ тратѣ земскихъ денегъ на подобную конкурренцію школъ.

Нѣсколько иными соображеніями было вызвано аналогичное рѣшеніе орловскаго земства Вятской губерніи. Названное земство, признавъ, что существующія въ Орловскомъ уѣздѣ и находящіяся въ завѣдываніи духовенства школы грамоты являются мало продуктивными, постановило упразднить всѣ такія школы въ количествѣ двадцати и въ теченіе девяти лѣтъ замѣнить ихъ такимъ же числомъ нормальныхъ земскихъ училищъ **). Въ другихъ мѣстахъ земскія учрежденія вынуждены были признать мало продуктивными не только школы грамоты, но и церковно-приходскія училища. Рузское уѣздное земское собраніе въ 1901 г. поручило кн. П. Д. Долгорукову ознакомиться съ состояніемъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда. Въ своемъ отчетѣ объ исполненіи этого порученія, представленномъ собранію въ прошломъ году, кн. Долгоруковъ указалъ, какъ на характерныя черты большинства церковно-приходскихъ школъ, на господство въ нихъ механическаго обученія и на полное неразвитіе учениковъ. „Читаютъ—говорилось, напримѣръ, въ этомъ отчетѣ, объ ученикахъ одной изъ церковныхъ школъ Рузскаго уѣзда—монотонно, какъ псалтирь, не останавливаются на точкахъ; передать самостоятельно прочитанное не могутъ. Ученики какіе-то дикіе и запуганные, такъ что трудно добиться отъ нихъ отвѣта. Общее развитіе очень плохо и преподаваніе исключительно механическое; поэтому, съ точки зрѣнія просвѣщенія, впечатлѣніе отъ школы получается неудовлетворительное“. Въ такомъ же родѣ и другіе отзывы упомянутаго отчета. Авторъ его нашелъ возможнымъ даже констатировать, что по сравненію съ церковно-приходскими школами и „Законъ Божій преподается въ земскихъ школахъ Рузскаго уѣзда осмысленнѣе, такъ какъ болѣе требуется передачи своими словами и болѣе обращается вниманія на религіозно-нравственную сторону предмета“. Такое положеніе церковныхъ школъ зависитъ, по словамъ отчета, отъ коренныхъ условій самой постановки дѣла, причемъ главными изъ такихъ условій являются матеріальная необезпеченность школъ и частая смѣна учителей, видящихъ къ тому же въ преподаваніи не главное свое дѣло, а лишь средство къ полученію духовныхъ должностей ***).

Подобное же явленіе было отмѣчено и земскими дѣятелями Харьковскаго уѣзда, настаивавшими на томъ, что въ интересахъ дѣла народнаго образованія предпочтительнѣе развивать земскія

*) «Спб. Вѣдомости», 24 окт. 1902 г.
**) «Сар. Дневникъ», 12 ноября 1902 г.
***) «Спб. Вѣдомости», 16 дек. 1902 г.

школы, такъ какъ въ нихъ преподаваніе ведется спеціалистами, исключительно занимающимися школьнымъ дѣломъ, тогда какъ въ церковныхъ школахъ преподаютъ главнымъ образомъ діаконы и отчасти священники, часто отвлекаемые вдобавокъ отъ школьнаго дѣла своими обязанностями по приходу. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи былъ установленъ тотъ фактъ, что во всѣхъ почти церковныхъ школахъ Харьковскаго уѣзда взималась плата за обученіе въ размѣрѣ отъ 50 копѣекъ до 3 рублей, хотя получавшаяся этими школами земская субсидія была прямо обусловлена безплатностью обученія. На собраніи выяснилось, что епархіальное вѣдомство не соблюдало и другихъ условій, которыми была обставлена выдача земской субсидіи: послѣдняя должна была распредѣляться между школами равномѣрно, а въ дѣйствительности распредѣлялась иначе, деньги, отпущенныя на оборудованіе школъ, выдавались въ награду священникамъ и т. д. Послѣ обнаруженія всѣхъ этихъ фактовъ уѣздное собраніе подавляющимъ большинствомъ голосовъ отказалось какъ отъ продолженія субсидіи церковно-приходскимъ школамъ, такъ и отъ выдачи имъ условной ассигновки предыдущаго года *). Харьковское губернское земское собраніе точно такъ же отклонило обращенную къ нему просьбу о пособіи одной изъ церковно-приходскихъ школъ г. Харькова, согласившись съ своей управой, что земскія средства всегда должны расходоваться подъ контролемъ земства и не могутъ быть передаваемы въ безконтрольное распоряженіе какого-либо посторонняго учрежденія, хотя бы и вполнѣ компетентнаго въ своемъ дѣлѣ **). Въ Полтавской губерніи три года тому назадъ въ смѣту губернскаго земства была внесена ассигновка въ 3.000 р. на пособіе церковно-приходскимъ школамъ, но послѣднее собраніе, вопреки мнѣнію управы, предлагавшей сохранить эту ассигновку и на будущее время, постановило исключить ее изъ смѣты ***).

Аналогичныя постановленія были приняты и земствами нѣкоторыхъ поволожскихъ губерній. Такъ, въ Казанской губерніи козьмодемьянское, тетюшское и ядринское уѣздныя земскія собранія сократили въ шесть разъ размѣръ выдаваемыхъ ими пособій на содержаніе церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты ****). Въ Саратовской губерніи балашовское земство въ виду плохой постановки учебнаго дѣла въ школахъ грамоты рѣшило совершенно отказаться отъ выдававшагося имъ прежде пособія *****). Въ хвалынскомъ уѣздномъ собраніи вопросъ о пособіи церковнымъ школамъ также вызвалъ рѣзкую критику

*) «Спб. Вѣдомости», 8 окт. 1902 г.
**) «Спб. Вѣдомости», 24 дек. 1902 г.
***) «Р. Вѣдомости», 19 дек. 1902 г.
****) «Р. Вѣдомости», 29 дек. 1902.
*****) «Сар. Дневникъ», 11 окт. 1902 г.

послѣднихъ. „Шесть лѣтъ—говорилъ предсѣдатель собранія—мы боремся съ дурною постановкою школьнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ, шесть лѣтъ мы просимъ высшее епархіальное начальство прислушиваться къ нашимъ заявленіямъ, но всѣ наши старанія остаются безплодными". Съ своей стороны предсѣдатель управы указалъ, что онъ въ теченіе года посѣтилъ около 19 церковныхъ школъ уѣзда. „Дѣлая оцѣнку результатовъ своихъ наблюденій,—говорилъ ораторъ,—я долженъ сказать, что, если церковныя школы и даютъ какое-либо развитіе, то это развитіе слишкомъ односторонне. Ученики не въ состояніи связно, своими словами передать прочитанное, не въ состояніи объяснить значеніе самыхъ общеупотребительныхъ предметовъ, совершенно незнакомы съ главными фактами исторіи своей родины и т. д. Сопоставляя церковныя школы съ земскими, я по совѣсти долженъ отдать первенство послѣднимъ... Можетъ быть, частичными поправками и можно что-либо сдѣлать, но въ корнѣ дѣло невѣрно. Переходя къ этимъ частичнымъ поправкамъ, я долженъ указать на слѣдующее: уѣздное отдѣленіе епархіальнаго совѣта неоднократно дѣлало постановленіе, чтобы дьякона не были назначаемы учителями; между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году въ школы, гдѣ были вполнѣ правоспособные учителя, назначены учителями діакона. При назначеніи субсидіи въ послѣдніе годы земскимъ собраніемъ было обусловлено, чтобы жалованье учителямъ церковно-приходскихъ школъ во всѣхъ школахъ было доведено до 300 р. и чтобы въ учителя были назначаемы лишь лица съ спеціальнымъ образованіемъ. До сихъ поръ это условіе не выполняется"... Въ концѣ концовъ собраніе рѣшило на 1903 годъ сохранить субсидію церковно-приходскимъ школамъ, но обставить выдачу этой субсидіи рядомъ условій, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручило управѣ къ будущему собранію разработать планъ открытія новыхъ земскихъ школъ, которыя могли бы замѣнить собою существующія церковныя школы *).

Условное рѣшеніе получилъ вопросъ о земской субсидіи на церковныя школы и въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ камышинское уѣздное земство принадлежало къ наиболѣе усердно поощрявшимъ церковныя школы и годъ отъ году увеличивало свою ассигновку на нихъ, доведя ее, наконецъ, почти до 7,000 р. Это обстоятельство не помѣшало однако же тому, что въ прошломъ году изъ синодальныхъ средствъ не было сдѣлано никакой ассигновки на нужды церковныхъ школъ Камышинскаго уѣзда, тогда какъ земская ассигновка была зачислена епархіальнымъ совѣтомъ въ общую сумму по губерніи. Выходило такимъ образомъ, что камышинское земство отпускаетъ средства на содержаніе церковныхъ

*) «Сар. Дневникъ», 20 окт. 1902 г.

школъ для того, чтобы эти школы могли быть заводимы въ другихъ уѣздахъ, земства которыхъ предпочигаютъ тратить свои деньги на земскія школы. Когда такое положеніе дѣла въ сентябрѣ прошлаго года выяснилось передъ земскимъ собраніемъ, послѣднее первоначально рѣшило совершенно отказать въ пособіи церковнымъ школамъ, но затѣмъ измѣнило это рѣшеніе и постановило внести въ смѣту 6.600 р. на непредвидѣнныя издержки съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи эта сумма была употреблена или на пособіе школамъ грамоты, если о содержаніи ихъ послѣдуетъ соглашеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ, или на открытіе новыхъ земско-общественныхъ училищъ, если такое соглашеніе не состоится *).

Въ различныхъ и очень далекихъ другъ отъ друга углахъ Россіи наблюденія земскихъ дѣятелей вскрыли, такимъ образомъ, одну и ту же картину положенія церковныхъ школъ. Плохо обставленныя съ матеріальной стороны, скудно снабженныя учебными пособіями, отданныя въ завѣдываніе преподавателей, не имѣющихъ спеціальнаго образованія и нерѣдко отвлекаемыхъ посторонними обязанностями, эти школы лишь въ весьма недостаточной степени служатъ дѣлу народнаго просвѣщенія и часто возникаютъ не столько въ силу прямой нужды въ нихъ, сколько въ цѣляхъ конкурренціи съ школою земской. Въ свою очередь эта конкурренція ведется при помощи пріемовъ, имѣющихъ мало общаго съ педагогикой, и заходитъ такъ далеко, что церковныя школы не только возникаютъ главнымъ образомъ тамъ, гдѣ уже есть школы земскія, но и перестаютъ рости въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земство отказывается отъ развитія своихъ школъ въ пользу церковныхъ, передавая свои средства духовенству. Но это непрерывное соперничество не оказываетъ сколько-нибудь благотворнаго вліянія на внутренній строй церковной школы. Стремясь не столько превзойти земскую школу, сколько вытѣснить ее, церковная школа упорно остается при рутинныхъ, давно устарѣлыхъ пріемахъ учебнаго дѣла и мало заботится какъ о собственномъ усовершенствованіи, такъ и о пріобрѣтеніи прочнаго вліянія на населеніе путемъ широкаго распространенія образованія. Руководители этой школы, не прилагая съ своей стороны энергичныхъ усилій къ ея внутреннему развитію, вмѣстѣ съ тѣмъ не налагаютъ на себя и заботы сколько-нибудь считаться съ взглядами мѣстнаго населенія и его представителей и, даже испрашивая земскія субсидіи, находятъ возможнымъ и правильнымъ расходовать полученныя такимъ путемъ суммы всецѣло по своему усмотрѣнію, совершенно не соображаясь съ поставленными при ихъ выдачѣ условіями и не стараясь поднять свои школьные

---

*) «Сар. Дневникъ», 8 окт. 1902 г.

порядки на уровень тѣхъ требованій, какія предъявляетъ земство къ своимъ школамъ.

При такомъ положеніи дѣла представляется вполнѣ естественнымъ обнаружившееся въ послѣдней сессіи земскихъ собраній стремленіе многихъ земствъ отказаться отъ поддержки церковныхъ школъ и сосредоточить исключительно въ своихъ рукахъ расходованіе земскихъ средствъ на нужды народнаго образованія. Остается лишь пожелать, чтобы это стремленіе, свидѣтельствующее объ нѣкоторомъ оживленіи земской дѣятельности, развернулось возможно шире и полнѣе. Конечно, одного этого условія было бы еще слишкомъ мало для возвращенія земской школѣ истиннаго ея значенія и для нормальной постановки дѣла народнаго образованія. Достаточно вспомнить, что законъ о предѣльности земскаго обложенія ограничилъ возрастаніе расходовъ земства на нужды народнаго просвѣщенія и что наряду съ этимъ церковная школа заняла вдвойнѣ привилегированное положеніе, получая для себя значительныя средства изъ государственнаго казначейства и давая своимъ ученикамъ бо́льшія права, чѣмъ школа земская. Нѣкоторыя изъ земскихъ собраній минувшей сессіи рѣшили обратить вниманіе правительства на ненормальность вытекающихъ изъ такого положенія послѣдствій. Такъ, семеновское уѣздное земство Нижегородской губерніи постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ уравненіи льготъ по отбыванію воинской повинности для лицъ, окончившихъ курсъ земской и церковно-приходской школы. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время одноклассныя церковныя школы въ отношеніи льготы по воинской повинности причислены къ 3-му разряду учебныхъ заведеній, тогда какъ земскія училища съ одинаковой программой отнесены къ 4-му разряду. Нижегородское губернское земское собраніе, въ которое поступило это ходатайство, единогласно рѣшило присоединиться къ нему *). Въ свою очередь симбирское губернское земское собраніе, изыскивая возможность увеличить свои просвѣтительные расходы, постановило возбудить ходатайство передъ министерствомъ финансовъ о предоставленіи въ распоряженіе земствъ Симбирской губерніи на дѣло народнаго образованія всѣхъ средствъ, отпускаемыхъ въ настоящее время на эту губернію попечительствамъ о народной трезвости **). Къ сожалѣнію, однако, земскія собранія прошлаго года не пошли далѣе подобныхъ частныхъ ходатайствъ, которыя не могутъ на практикѣ получить серьезнаго значенія уже по тому одному, что они охватываютъ лишь отдѣльныя послѣдствія того явленія, о какомъ идетъ въ нихъ рѣчь, и, не касаясь его существа, рекомендуютъ для борьбы съ нимъ

*) «Сар. Дневникъ», 8 янв. 1903 г.
**) «Р. Вѣдомости», 18 дек. 1902 г.

чрезмѣрно мелкія мѣры, носящія исключительно палліативный характеръ. Для болѣе рѣшительныхъ шаговъ со стороны земскихъ учрежденій время, очевидно, еще не настало, хотя въ окружающей ихъ дѣйствительности они могли бы найти много указаній на необходимость такихъ шаговъ.

Быстрому и успѣшному развитію земской школы препятствуетъ, однако, не только ограниченность земскихъ средствъ. Въ своихъ заботахъ объ этой школѣ земству не разъ уже приходилось обращать вниманіе на недостатки ея внутренняго строя и, между прочимъ, считаться съ упорно впѣдряющимся въ нее учебнымъ формализмомъ. Было время, когда земскіе дѣятели разсчитывали добиться общихъ мѣропріятій, которыя устранили бы возможность подобнаго формализма въ народной школѣ и обезпечили бы ей вполнѣ жизненный характеръ. Затѣмъ, послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, наступили годы, когда земство ограничивалось болѣе пассивнымъ отношеніемъ къ учебнымъ порядкамъ народной школы, прибѣгая лишь къ частнымъ мѣрамъ для возможнаго воздѣйствія на эти порядки. Съѣздъ дѣятелей по начальному народному образованію, происходившій въ Москвѣ въ 1901 г., вновь оживилъ, повидимому, въ земскихъ сферахъ интересъ къ внутреннему строю народной школы и далъ толчокъ къ нѣкоторымъ новымъ попыткамъ измѣненія этого строя. По крайней мѣрѣ, московское уѣздное земство, подъ непосредственнымъ вліяніемъ работъ съѣзда, приступило въ прошломъ году къ выработкѣ проекта желательныхъ измѣненій въ типѣ начальной школы. Къ сожалѣнію, это скромное начинаніе сразу же встрѣтило на своемъ пути препятствія и, къ еще большему, пожалуй, сожалѣнію, земство отнеслось къ этимъ препятствіямъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Эта исторія настолько любопытна, что на ней стоитъ остановиться подробнѣе.

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ московская уѣздная управа предложила земскому собранію „просить московскій уѣздный училищный совѣтъ о сокращеніи въ народныхъ школахъ курса грамматики съ цѣлью постановки изученія этого предмета въ полное соотвѣтствіе съ заключительными требованіями министерской программы 1897 г. и для этой цѣли принять для земскихъ школъ уѣзда детальную программу, выработанную на съѣздѣ учителей 1901 г.“ Однакоже послѣ внесенія этого доклада въ земское собраніе предсѣдатель послѣдняго, кн. Голицынъ, заявилъ, что онъ „вынужденъ изъять изъ обсужденія собранія“ упомянутый докладъ, такъ какъ закономъ земскимъ учрежденіямъ дано только право завѣдыванія хозяйственною стороной школьнаго дѣла, но не предоставлено входить въ постановку преподаванія и касаться вопросовъ методики. Напрасно предсѣдатель управы и нѣкоторые гласные пытались доказывать, что вносимое управою предложеніе вовсе не выходитъ изъ предѣловъ компетенціи земскаго собра-

нія. Всѣ такія попытки въ самомъ началѣ обрывались предсѣдателемъ собранія, который и настоялъ на своемъ рѣшеніи. Въ слѣдующемъ засѣданіи собранія девять гласныхъ представили по этому поводу особое мнѣніе. Находя рѣшеніе предсѣдателя собранія „неправильнымъ по существу и не соотвѣтствующимъ смыслу и духу подлежащихъ узаконеній", авторы этого мнѣнія указывали, что земство, содержащее школы и отвѣчающее за нихъ передъ населеніемъ, ближайшимъ образомъ заинтересовано въ общемъ ходѣ и характерѣ преподаванія въ нихъ и никакъ не можетъ быть устранено отъ обсужденія соотвѣтствующихъ вопросовъ. Право на такое обсужденіе признается за земскими учрежденіями какъ дѣйствующими законами, такъ и компетентными ихъ разъясненіями. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. предоставляетъ земству, кромѣ „попеченія о развитіи средствъ народнаго образованія", и „участіе въ завѣдываніи содержимыми на его счетъ школами и учебными заведеніями". Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. обязываетъ членовъ отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ ежегодно представлять земскимъ собраніямъ отчеты о состояніи начальныхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство. Наконецъ, въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 11 октября 1893 г. говорится: „по смыслу нынѣ дѣйствующихъ законоположеній участіе земства и городовъ въ попеченіи о народномъ образованіи не можетъ быть ограничено исключительно хозяйственными распоряженіями, а можетъ безпрепятственно проявляться до предѣловъ, за которыми начинается исключительная сфера власти правительственныхъ органовъ". По указанію авторовъ особаго мнѣнія, управа и не выходила за эти предѣлы, внося въ земское собраніе предложеніе обратиться съ просьбою къ училищному совѣту, почему не было и основанія снимать такое предложеніе съ обсужденія собранія. Въ самомъ собраніи къ этому мнѣнію присоединилось еще четверо гласныхъ. Съ своей стороны управа также представила особое мнѣніе, въ которомъ указывала, что предсѣдатель собранія можетъ не допускать къ разсмотрѣнію заявленія отдѣльныхъ членовъ собранія, но не доклады управы. Въ данномъ случаѣ предсѣдателемъ снятъ съ очереди докладъ, напечатанный съ разрѣшенія губернатора для разсылки гласнымъ и допущенный имъ къ разсмотрѣнію въ собраніи, и такимъ путемъ не только нарушены права земской управы, но и „установлена цензура предсѣдателя собранія надъ цензурою губернатора". Правда, въ подтвержденіе своего права снять докладъ управы предсѣдатель сослался на указъ сената отъ 19 октября 1886 г., въ которомъ говорится, что для такихъ распоряженій, какъ опредѣленіе и увольненіе учителей, составленіе учебныхъ плановъ, программъ преподаваемыхъ предметовъ и т. п. установлены педагогическіе и училищные совѣты, въ дѣятельность

коихъ земству вмѣшиваться не слѣдуетъ. Но управа въ своемъ докладѣ и не вмѣшивалась въ дѣятельность названныхъ учрежденій, а предлагала лишь обратиться съ просьбою къ училищному совѣту, просить же о чемъ-либо подлежащую власть закономъ не воспрещается. Если уѣздное земство можетъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ измѣненіи преподаванія въ земскихъ школахъ, то, очевидно, оно не лишено права аналогичныхъ ходатайствъ передъ уѣздными учрежденіями. Исходя изъ этихъ соображеній, управа заключала свое особое мнѣніе утвержденіемъ, что предсѣдатель собранія нарушилъ права какъ управы по представленію докладовъ, такъ и земскаго собранія по ихъ разсмотрѣнію. Оба эти особыя мнѣнія были затѣмъ приложены къ журналу предыдущаго засѣданія собранія.

Казалось, дѣятели московскаго земства собрались серьезно отстаивать свои права. Но прошло еще нѣсколько дней и въ заключительномъ засѣданіи собранія весь этотъ инцидентъ закончился совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ этомъ засѣданіи по словамъ газетнаго отчета, „предсѣдатель собранія, кн. Голицынъ, касаясь спорнаго, по его мнѣнію, вопроса о правильности его дѣйствій, объяснилъ, что онъ руководился указанными имъ статьями закона и разъясненіями правительствующаго сената, но не имѣлъ въ виду того сенатскаго разъясненія, которымъ прямо устанавливается право земскаго собранія возбуждать предъ училищнымъ совѣтомъ ходатайства объ измѣненіи программы преподаванія въ начальныхъ школахъ. Въ виду этого предсѣдатель предложилъ собранію принести на его дѣйствія жалобу въ правительствующій сенатъ для разъясненія вопроса. Заявленіе это встрѣчено было единодушными апплодисментами. По предложенію гласнаго Говорова (того самаго, замѣтимъ въ скобкахъ, который шесть дней тому назадъ внесъ въ собраніе особое мнѣніе 9 гласныхъ) собраніе выразило кн. Голицыну благодарность за его искреннее радѣніе объ интересахъ земства, а по предложенію гласнаго Мартынова поручило управѣ принести въ правительствующій сенатъ жалобу на недопущеніе предсѣдателемъ собранія къ разсмотрѣнію въ собраніи доклада управы о размѣрахъ преподаванія грамматики въ начальныхъ земскихъ школахъ“ *).

Знакомясь съ этимъ отчетомъ, на первыхъ порахъ, признаться, крайне трудно отдѣлаться отъ мысли, что все изложенное въ немъ явилось результатомъ неумѣстной шутливости, некстати обуявшей почтенныхъ членовъ московскаго уѣзднаго земства. Казалось бы, если кн. Голицынъ первоначально „не имѣлъ въ виду“ указаннаго ему сенатскаго разъясненія, то въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ обладалъ полною возможностью ознакомиться съ этимъ разъясненіемъ и исправить допущенную ранѣе ошибку. Если бы онъ

*) «Р. Вѣдомости», 4, 5 и 11 окт. 1902 г.

поступилъ такимъ образомъ, у земскаго собранія было бы нѣкоторое основаніе благодарить его, по крайней мѣрѣ, за то, что онъ нашелъ въ себѣ мужество сознаться въ сдѣланной ошибкѣ, не упорствуя въ ней. Но у кн. Голицына, повидимому, не оказалось подобнаго мужества и онъ лишь предложилъ земскому собранію жаловаться на его дѣйствія въ сенатъ и такимъ путемъ добиваться разъясненія уже разъясненнаго однажды вопроса. Со стороны не легко понять, почему это предложеніе вызвало столь бурный восторгъ земскаго собранія, выразившійся „единодушными аплодисментами". Жаловаться на дѣйствія своего предсѣдателя земское собраніе можетъ и безъ приглашенія со стороны послѣдняго. Въ данномъ же случаѣ радоваться такому приглашенію, казалось бы, было тѣмъ менѣе основаній, что за нимъ скрывалась серьезная затяжка того дѣла, объ успѣхѣ котораго хлопотало земство. И однако земское собраніе нашло возможнымъ немедленно благодарить своего предсѣдателя, создавшаго эту затяжку, за его „искреннее радѣніе объ интересахъ земства". Надо сознаться, что московское собраніе не особенно удачно выбрало моментъ для засвидѣтельствованія этой искренности. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ участники этого собранія дѣйствовали вполнѣ серьезно, и тѣмъ не менѣе въ общемъ ихъ дѣйствія представляютъ собою поистинѣ удивительную картину. Предсѣдатель земскаго собранія снимаетъ съ его обсужденія докладъ управы и самъ же предлагаетъ обжаловать свои дѣйствія; собраніе протестуетъ противъ дѣйствій предсѣдателя и въ то же самое время выражаетъ ему благодарность. Обѣ стороны какъ будто дѣлали не свое собственное дѣло, а чье-то чужое, какъ будто опасались додумать свои мысли до конца и сдѣлать изъ нихъ неизбѣжные выводы. Такое отсутствіе смѣлой послѣдовательности, быть можетъ, удобно въ частныхъ сношеніяхъ, но въ общественномъ дѣлѣ оно составляетъ серьезное препятствіе для всякаго прогресса, способствуя уничтоженію той грани, которая должна отдѣлять друзей извѣстной идеи отъ ея враговъ, и создавая путаницу понятій въ обществѣ. Самъ по себѣ изложенный инцидентъ, конечно, не особенно важенъ, но дѣло въ томъ, что онъ представляетъ собою характерный примѣръ той непослѣдовательности, какая сказывается въ дѣйствіяхъ многихъ современныхъ земцевъ, стоящихъ въ нерѣшительности между двумя путями. Впрочемъ, за этимъ эпизодомъ можно признать еще и другое значеніе: онъ какъ нельзя болѣе наглядно обрисовываетъ всѣ неудобства положенія общественнаго дѣятеля, рѣшающаго идти сразу по двумъ дорогамъ.

Возвращаясь къ болѣе общимъ итогамъ послѣдней земской сессіи, необходимо отмѣтить, что наряду съ вопросами народнаго образованія въ ней видное мѣсто занимали вопросы, касающіеся организаціи самого земства. Во многихъ земскихъ собраніяхъ

прошлаго года продолжалось дѣятельное обсужденіе проекта мелкой земской единицы, нашедшаго себѣ немалое число новыхъ сторонниковъ и въ тѣхъ земствахъ, которыя ранѣе оставались равнодушными къ нему. Между прочимъ, за ходатайство о созданіи мелкой земской единицы высказалось въ минувшемъ году и московское губернское собраніе, пойдя въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ своей управы, настроенной болѣе оппортунистически и предлагавшей замѣнить мелкую единицу мѣстными земскими попечительствами. Одновременно съ этимъ въ нѣкоторыхъ земствахъ былъ поднятъ и другой вопросъ—объ исправленіи наиболѣе существенныхъ недостатковъ дѣйствующей системы земскаго представительства, придающей земскимъ учрежденіямъ сословный характеръ и лишающей ихъ возможности быть истинными представителями интересовъ всего мѣстнаго населенія. Такъ, екатеринбургское уѣздное собраніе постановило ходатайствовать объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ и о такомъ измѣненіи порядка избранія этихъ гласныхъ, при которомъ они дѣйствительно избирались бы населеніемъ, а не назначались администраціей. Тотъ же вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго представительства въ земствѣ обсуждался и въ другихъ уѣздныхъ собраніяхъ Пермской губерніи. Насколько серьезное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ на мѣстѣ и къ какимъ аномаліямъ приводитъ дѣйствующій въ настоящее время порядокъ, можетъ показать хотя бы слѣдующій примѣръ, указанный въ запискѣ шадринской управы. Отъ избирательнаго собранія по Шадринскому уѣзду полагается по закону 7 гласныхъ, а отъ сельскихъ обществъ—8, всего 15 гласныхъ отъ уѣзднаго населенія. Между тѣмъ, земскій сборъ съ сельскихъ обществъ составляетъ 82% общей суммы сбора по уѣзду, а сборъ съ частныхъ владѣльцевъ—только 8% этой суммы. Иначе говоря, интересы крестьянскаго и не-крестьянскаго сословій представлены въ земскомъ собраніи совершенно неравномѣрно *). То же самое явленіе существуетъ и въ другихъ губерніяхъ и, хотя не вездѣ оно проявляется съ такою рѣзкостью, но всюду составляетъ предметъ серьезнаго неудобства для земства, поскольку послѣднее стремится служить интересамъ всего населенія своего района. Три года тому назадъ намъ приходилось уже отмѣчать ходатайство нѣкоторыхъ земствъ объ устраненіи этого явленія путемъ соотвѣтствующаго измѣненія системы земскаго представительства. И въ истекшемъ году подобныя ходатайства были возбуждены не только земствомъ Пермской губерніи. Съ еще болѣе рѣшительнымъ ходатайствомъ въ этомъ смыслѣ выступило нижегородское губернское земское собраніе, высказавшееся, по предложенію своей управы, за введеніе безсословнаго земства въ томъ

*) «Спб. Вѣдомости», 4 и 5 окт.; «Р. Вѣдомости», 8 окт. 1902 г.

видѣ, какъ было оно организовано по закону 1864 г. Сверхъ того названное собраніе приняло докладъ своей управы, предложившей, въ отвѣтъ на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ о возможности пониженія земельнаго ценза, признать желательными слѣдующія измѣненія цензовыхъ условій для выбора гласныхъ въ Нижегородской губерніи: понизить земельный цензъ до 150—200 десятинъ и цензовую стоимость домовъ, фабрикъ и заводовъ по земской оцѣнкѣ до 7.500 р.; допустить въ число избирателей перваго собранія лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, обладающихъ надлежащимъ цензомъ, безъ различія сословій, согласовать число гласныхъ отъ перваго и второго избирательныхъ собраній съ числомъ выборщиковъ, живущихъ въ губерніи, принявъ первое число равнымъ половинѣ второго; предоставить право участія въ выборахъ во второмъ собраніи мѣстнымъ крестьянамъ, обладающимъ, независимо отъ надѣльной земли, личнымъ имущественнымъ цензомъ; признать за мѣстными крестьянами, имѣющими полный цензъ, и за кандидатами въ гласные отъ сельскихъ обществъ такое же право на выборы, какъ и за владѣльцами полныхъ цензовъ другихъ сословій; выборы гласныхъ отъ крестьянъ производить по участкамъ черезъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы выбранные по большинству голосовъ утверждались гласными на общемъ основаніи, какъ и по другимъ сословіямъ, а остальные изъ выбранныхъ зачислялись кандидатами; наконецъ, согласовать представительство отъ крестьянскихъ обществъ съ количествомъ владѣемой ими земли, ограничивъ извѣстнымъ процентомъ общее число гласныхъ *). Аналогичный, но еще болѣе опредѣленный проектъ былъ принятъ тверскимъ губернскимъ собраніемъ, рѣшившимъ на запросъ министерства отвѣтить, что существующая система земскаго представительства подлежитъ реорганизаціи на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) право участія въ земскомъ представительствѣ должно быть распространено на крестьянское населеніе; 2) земское представительство должно быть построено на началѣ безсословности; 3) при опредѣленіи числа гласныхъ отъ всѣхъ классовъ населенія долженъ быть принятъ одинъ и тотъ же имущественный критерій; 4) имущественный цензъ долженъ быть пониженъ; 5) не самостоятельно, но въ видѣ корректива къ имущественному цензу, долженъ быть допущенъ принципъ образовательнаго ценза; 6) всѣ лица, вполнѣ или отчасти обязанныя нести по службѣ полицейскія функціи и занимающія классныя должности по крестьянскому управленію, должны быть устранены отъ участія въ земскихъ собраніяхъ. Попытка возбудить вопросъ о недостаткахъ современной системы земскаго представительства была сдѣлана и во владимірскомъ

*) «Спб. Вѣдомости», 15 дек. 1902 г.

губернскомъ земствѣ, но здѣсь эта попытка была остановлена предсѣдателемъ собранія, заявившимъ, что онъ не можетъ допустить обсужденіе такого вопроса *).

Изъ другихъ вопросовъ, выдвинутыхъ послѣднею земскою сессіей, можно указать еще одинъ, сравнительно новый въ практикѣ земствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій серьезное значеніе. Таковъ именно поднятый нѣкоторыми южными земствами вопросъ о принятіи мѣръ къ охраненію сельскимъ рабочихъ отъ увѣчій, причиняемыхъ сельско-хозяйственными машинами. На страницахъ хроники „Русскаго Богатства" намъ приходилось уже указывать на то обстоятельство, что годъ отъ году увеличивающееся употребленіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи ведетъ пока за собою не улучшеніе, а ухудшеніе участи сельскаго рабочаго, сказывающееся, между прочимъ, и въ чрезвычайно быстромъ ростѣ числа травматическихъ поврежденій, получаемыхъ рабочими въ экономіяхъ. Въ 1900 г. съѣздомъ фабричныхъ инспекторовъ изъ губерній харьковскаго фабричнаго округа былъ выработанъ проектъ обязательныхъ постановленій объ огражденіи наиболѣе опасныхъ частей сельско-хозяйственныхъ машинъ, разосланный затѣмъ въ губернскія земскія управы. Около того же времени въ уѣздныхъ земствахъ Полтавской губерніи былъ поднятъ, по иниціативѣ полтавскаго общества врачей, вопросъ о мѣрахъ къ огражденію сельскихъ рабочихъ отъ наносимыхъ машинами увѣчій и къ предоставленію пострадавшимъ рабочимъ вознагражденія, но тогда онъ не встрѣтилъ себѣ достаточнаго сочувствія въ губернскомъ земствѣ, которое ограничилось ссылкой на необходимость болѣе обстоятельнаго изученія этого вопроса. Въ прошломъ году полтавская губернская управа приступила къ такому изученію и результатомъ его явился любопытный докладъ, внесенный ею въ земское собраніе. Согласно даннымъ этого доклада, при производствѣ въ 1900 г. подворной переписи въ губерніи было зарегистрировано 385 случаевъ пораненія рабочихъ сельско-хозяйственными машинами. Изъ этого числа въ 74,3% всѣхъ случаевъ пораненія были причинены конными молотилками, въ 9,4%—паровыми молотилками, въ 4,4%—жатками и косилками и въ 2,1% вѣялками и сортировками. Болѣе половины всѣхъ пострадавшихъ (51,8%) составляли дѣти и подростки въ возрастѣ отъ 8 до 20 лѣтъ. Изъ пострадавшихъ 7,2% умерли, 1,1% стали вполнѣ неработоспособны, 68,4% стали частью неработоспособны, т. е. потеряли руку или ногу, 9,3% временно лишились работоспособности и лишь 14% по выздоровленіи оправились вполнѣ. Исходя изъ этихъ свѣдѣній, наглядно выясняющихъ важность вопроса, полтавская управа и составила проектъ обязательныхъ постановленій объ огражденіи сельскихъ рабочихъ

*) «Р. Вѣдомости», 7 дек. 1902 г.

отъ увѣчій, аналогичный тѣмъ постановленіямъ, какія ранѣе были приняты на этотъ счетъ екатеринославскимъ и херсонскимъ земствами. Тотъ же самый вопросъ обсуждался въ минувшемъ году и въ курскомъ губернскомъ земствѣ, поручившемъ своей управѣ къ будущему собранію представить детальный проектъ правилъ, направленныхъ къ огражденію сельскихъ рабочихъ отъ увѣчій, причемъ многіе члены собранія высказывались въ пользу ходатайства о возложеніи закономъ на уклоняющагося отъ отвѣтственности хозяина обязанности доказывать, что увѣчье произошло не по его винѣ, а по винѣ рабочаго.

Какъ видно изъ сказаннаго, земская сессія минувшаго года отличалась не только болѣе слабымъ проявленіемъ тѣхъ отрицательныхъ чертъ, какія за послѣдніе годы стали было сказываться въ дѣятельности реформированныхъ земскихъ учрежденій, но и нѣкоторымъ усиленіемъ положительныхъ стремленій земства. Въ земской средѣ, отражающей на себѣ духъ времени, несомнѣнно, совершается замѣтный подъемъ энергіи, происходитъ извѣстное оживленіе, сближающее дѣятелей этой среды съ другими сферами нашего общества. Для бо́льшаго успѣха такого сближенія, обезпечивающаго собою прочность культурной работы земства, необходимо однако, чтобы пробудившаяся энергія земскихъ дѣятелей не останавливалась на полу-дорогѣ и соединялась съ извѣстною широтою мысли и послѣдовательностію дѣйствій. Лишь при соблюденіи этихъ условій дѣятели мѣстнаго самоуправленія получатъ возможность ввести свою работу въ русло главнаго потока общественной жизни и, лишь усиливая этотъ потокъ, они смогутъ справиться съ разнообразными препятствіями, какія въ настоящее время встрѣчаетъ ихъ дѣятельность. Опытъ прошлыхъ лѣтъ долженъ былъ показать представителямъ мѣстнаго самоуправленія, что на всякомъ иномъ пути эти препятствія являются неустранимыми и что они принимаютъ тѣмъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ больше готовности къ приспособленію обнаруживаютъ встрѣчающіяся съ ними общественныя силы. Не менѣе поучителенъ въ этомъ отношеніи и опытъ ближайшаго прошлаго.

Говоря о земской сессіи минувшаго года, мы до сихъ поръ не упоминали о двухъ ея эпизодахъ, имѣющихъ большой интересъ. Одинъ изъ этихъ эпизодовъ произошелъ въ Полтавѣ. Мѣстнымъ губернаторомъ было обращено вниманіе на отмѣченные въ докладѣ ревизіонной коммиссіи губернскаго земства перерасходы по нѣкоторымъ статьямъ бюджета и въ бумагѣ, присланной по этому поводу въ управу, губернаторъ предложилъ ей на будущее время избѣгать всякихъ отступленій отъ утвержденной смѣты. „Нужно сказать, — прибавляетъ сообщившій объ этомъ случаѣ корреспондентъ „Р. Вѣдомостей“, — что рѣдкая смѣта рѣдкаго земства выполняется безъ нѣкоторыхъ отступленій въ подроб-

ностяхъ и что ревизіонная коммиссія, отмѣчая, какъ всегда, эти отступленія, не давала, однако, основанія для заключенія объ особенномъ увеличеніи перерасходовъ въ наступающемъ году. А такъ какъ до сихъ поръ всѣ вопросы этого рода, даже болѣе серьезнаго характера, рѣшались и санкціонировались исключительно собраніемъ, то предложеніе губернатора вызвало нѣкоторую сенсацію, какъ новая черта въ отношеніяхъ администраціи и земства" *).

Другой, но уже гораздо болѣе сложный, эпизодъ такого рода произошелъ въ Харьковѣ. Здѣсь губернаторъ, кн. Оболенскій, открывая губернское земское собраніе, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Нынѣшній годъ не далъ мнѣ возможности объѣхать всѣ уѣзды и личнымъ наблюденіемъ ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлали земцы въ своихъ уѣздахъ. Только три уѣзда я могъ объѣхать. Говорить подробно о своихъ впечатлѣніяхъ при этомъ объѣздѣ я не буду. Сообщу вамъ здѣсь одно: я знаю много земствъ, но такихъ земскихъ учрежденій, какъ у васъ, не видалъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ большихъ городовъ губерніи для турецкихъ плѣнныхъ были устроены бараки, эти же бараки называются теперь земской больницей. Заразныя отдѣленія вмѣщаютъ по 30 и болѣе зараженныхъ разными болѣзнями и могущихъ передавать заразу другъ другу. Я думаю, что все это проистекаетъ не только отъ отсутствія средствъ, но и по многимъ другимъ причинамъ. Вотъ почему такой явный фактъ я и указываю вамъ. Въ нынѣшнемъ году я особенно внимательно обратился къ изученію смѣтъ и отчетовъ земствъ: смѣты и отчеты—вотъ то зеркало, которое показываетъ, что постановленія приводятся въ исполненіе на дѣлѣ и населеніе получаетъ обратно то, что оно въ правѣ получить, разъ оно несетъ налоги. Почти во всѣхъ земствахъ нѣтъ оборотнаго капитала. Характеръ оборотныхъ капиталовъ, вопреки закону, извращенъ; онъ только на счету, въ кассѣ же оборотнаго капитала у васъ нѣтъ. Вамъ предстоитъ обсудить этотъ важный вопросъ. Я полагаю, что многіе изъ васъ могутъ отвѣтить мнѣ, что оборотнаго капитала нѣтъ, потому что прежній надзоръ не требовалъ его. Я, какъ давній земецъ, привыкъ думать, что не отъ губернаторской канцеляріи и не только отъ бдительности губернатора зависитъ правильное теченіе земскихъ дѣлъ, а отъ самихъ земствъ и земскихъ гласныхъ. Затѣмъ, есть одно частное обстоятельство. Въ жизни Волчанскаго уѣзда нѣтъ указаній, чтобы ревизіонными коммиссіями были провѣрены дѣйствія прежнихъ управъ, а между тѣмъ въ этомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного счета спеціальныхъ капиталовъ. Это обстоятельство будетъ представлено на ваше благоусмотрѣніе. Итакъ, все это ставитъ меня въ необходимость предложить

*) «Р. Вѣдомости», 19 дек. 1902 г.

вашему вниманію эти вопросы. Надѣюсь, что вы серьезно отнесетесь къ нимъ, исправите уѣздныя смѣты и укажете путь, какъ возстановить оборотный капиталъ" *).

Фактическія указанія, приведенныя въ этой рѣчи харьковскаго губернатора, очевидно, мало соотвѣтствовали общимъ ея заключеніямъ. По словамъ кн. Оболенскаго, онъ „могъ объѣхать только три уѣзда", но говорилъ онъ о земскихъ учрежденіяхъ всей губерніи. То обстоятельство, что въ одномъ изъ городовъ губерніи — на земскомъ собраніи выяснилось, что рѣчь шла о Сумахъ, — для земской больницы было приспособлено зданіе, 25 лѣтъ тому назадъ служившее баракомъ для турецкихъ плѣнныхъ, само по себѣ ничего еще не говоритъ о неудобствахъ этого зданія. Въ свою очередь отсутствіе въ земскихъ кассахъ оборотнаго капитала не разъясняетъ еще вопроса о томъ, получаетъ-ли населеніе то, что оно въ правѣ получить, а само это отсутствіе названнаго капитала находитъ себѣ простое и давно извѣстное объясненіе въ порядкѣ взиманія земскихъ сборовъ. Губернское собраніе, выслушавъ рѣчь губернатора, поручило ея обсужденіе соединенной коммиссіи, составленной изъ трехъ коммиссій, ревизіонной, редакціонной и предсѣдателей управъ. Въ засѣданіи 17 декабря собраніемъ былъ выслушанъ подробно мотивированный докладъ этой коммиссіи. „Журнальнымъ постановленіемъ государственнаго совѣта—говорится въ заключеніи этого доклада—высказано было пожеланіе, чтобы губернаторы при открытіи губернскихъ собраній высказывали свой взглядъ на предстоящія собранію задачи и предлагали на обсужденіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ они находятъ полезнымъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что ни по буквѣ, ни по духу законовъ губернатору не предоставлено право высказывать собранію одно только огульное осужденіе дѣятельности земства". Послѣ преній, на время которыхъ публика и представители печати были удалены предсѣдателемъ изъ залы засѣданія, собраніе большинствомъ 31 голоса противъ 12 приняло слѣдующія постановленія: „принести жалобу въ сенатъ на то, что харьковскій губернаторъ въ рѣчи, сказанной имъ послѣ открытія собранія, сдѣлалъ рѣзкія, оскорбительныя для собранія, осужденія земскихъ учрежденій въ губерніи безъ указанія на какіе-нибудь недостатки, которые могли бы быть исправлены губернскимъ земствомъ", и „довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, что такія рѣчи губернатора волнуютъ собраніе и лишаютъ того спокойствія, которое необходимо при рѣшеніи серьезныхъ дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіямъ". Съ своей стороны оффиціальныя „Харьковскія Губернскія Вѣдомости", сообщая объ этихъ постановленіяхъ земскаго собранія, заканчиваютъ посвященную имъ статью такими

*) «Харьк. Губ. Вѣдомости», 2 дек. 1902 г.

словами: „Что правда, сказанная г. губернаторомъ харьковскимъ земцамъ, очень горька,—это несомѣнно. Но въ ней они могутъ винить только себя. Лично для кн. И. М. Оболенскаго совершенно безразлично: какъ отнеслось губернское собраніе къ сказанной имъ правдѣ. Но съ общественной точки зрѣнія постановленіе губернскаго земскаго собранія весьма прискорбно. Изъ него ясно, что наши земцы не съумѣли спокойно и дѣловито отнестись къ даннымъ имъ отъ губернатора указаніямъ. Вмѣсто того они почувствовали себя обиженными и сами же признаются, что втеченіе 17 дней занимались „серьезными дѣлами, ввѣренными земству", безъ того „спокойствія", которое для этого нужно Такая откровенность достойна лучшаго примѣненія. А неосновательная и чрезмѣрная щепетильность едва-ли составляетъ качество, достойное похвалы въ серьезныхъ общественныхъ дѣятеляхъ" *).

И полтавское, и харьковское губернскее земство въ послѣдніе годы далеко не отличались большою устойчивостью и сдѣлали не мало шаговъ въ сторону отъ старыхъ земскихъ традицій ради лучшаго примѣненія къ обстоятельствамъ. Но, какъ видно, сдѣланныхъ ими въ этомъ отношеніи успѣховъ оказывается уже недостаточно.

Какъ ни велики и серьезны ограниченія, выпадающія на долю современныхъ земскихъ учрежденій, все же послѣднія, даже въ своемъ настоящемъ, весьма далекомъ отъ совершенства, видѣ, успѣваютъ оказывать населенію немалыя услуги, и тѣ мѣстности Россіи, которыя не имѣютъ этихъ учрежденій, находятся въ несравненно менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Время отъ времени представители этихъ мѣстностей и выступаютъ съ просьбами о введеніи у нихъ земства. Въ прошломъ году съ такимъ ходатайствомъ относительно Архангельской губерніи обратилось къ правительству, какъ намъ сообщаютъ, собраніе уполномоченныхъ упрощеннаго городского управленія г. Шенкурска. Поводомъ къ этому ходатайству для названнаго собранія послужилъ докладъ мѣстнаго городского старосты, г. Едемскаго. Послѣдній въ своемъ докладѣ указывалъ на то, что Архангельская губернія, благодаря отсутствію въ ней земскихъ учрежденій, терпитъ значительныя неудобства. По абсолютному количеству земскихъ сборовъ эта губернія занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто и на каждаго жителя въ ней такого сбора приходится 1 р. 27 к. Но этотъ сборъ распредѣляется между землями различныхъ категорій крайне неравномѣрно: на казенныя земли онъ падаетъ въ размѣрѣ, немного превышающемъ копейку съ десятины, на удѣль-

*) «Харьк. Губ. Вѣдомости», 9 января 1903 г.

ныя—2, 3 к., на частновладѣльческія, крестьянскія и городскія—въ размѣрѣ 18, 5 к. съ десятины. Съ другой стороны расходы изъ этого сбора въ Архангельской губерніи носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ сосѣднихъ съ нею земскихъ губерніяхъ. На врачебную часть въ Архангельской губерніи тратится 18% всѣхъ расходовъ, а въ Олонецкой—22%; на народное образованіе въ первой изъ этихъ губерній поступаетъ—0,5% всѣхъ расходовъ, а во второй—11%. И медицинская помощь, и народная школа, и дѣло содѣйствія экономическому благосостоянію населенія поставлены въ сосѣднихъ земскихъ губерніяхъ значительно лучше, чѣмъ въ Архангельской. Между тѣмъ крестьянское населеніе этой губерніи переживаетъ тяжелое время и благосостояніе его за послѣдніе годы быстро клонится къ упадку. Чтобы предотвратить такой упадокъ, по мнѣнію г. Едемскаго, необходимо, наряду съ увеличеніемъ земельнаго пользованія крестьянъ, принять мѣры къ широкому развитію народнаго образованія, но это дѣло подъ силу только земству, составленному по общему Положенію и стоящему близко къ населенію.

Собраніе уполномоченныхъ шенкурскаго городского управленія, принявъ всѣ эти положенія докладчика, съ своей стороны присоединило къ нимъ указаніе на то, что населеніе Шенкурскаго уѣзда по своему составу, бытовымъ условіямъ и умственному развитію не отличается отъ населенія сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ Олонецкой и Вологодской губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Въ виду этого собраніе, находя, что введеніе земскихъ учрежденій въ Шенкурскомъ уѣздѣ и вообще въ Архангельской губерніи явилось бы весьма полезнымъ и желательнымъ въ видахъ общаго улучшенія земскаго хозяйства и въ частности установленія равномѣрности въ обложеніи земель земскимъ сборомъ, постановило обратиться черезъ губернатора къ правительству съ ходатайствомъ о введеніи въ Архангельской губерніи земскихъ учрежденій по общему положенію о нихъ.

II.

Приводимъ важнѣйшія правительственныя распоряженія и сообщенія, состоявшіяся за мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный 1 января настоящаго года на имя министра-финансовъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Витте.

„Сергѣй Юліевичъ. Десять лѣтъ назадъ въ Бозѣ почивающій Родитель Мой призвалъ васъ къ управленію министерствомъ финансовъ. Не смотря на тяжелыя послѣдствія неурожая 1891 г.,

принявшись съ твердою вѣрою въ экономическую мощь русскаго государства и съ настойчивою энергіею за упорядоченіе русскихъ финансовъ, начатое вашимъ предмѣстникомъ, вы имѣли утѣшеніе оправдать довѣріе и заслужить благодарность Императора Александра III.

„Нынѣ, по истеченіи десятилѣтія вашей дѣятельности по управленію финансами, Мнѣ пріятно выразить вамъ Мою признательность за все, чѣмъ вы въ теченіе сихъ послѣднихъ восьми лѣтъ оправдали и Мое къ вамъ довѣріе. Съ тою же вѣрою въ силы русскаго народа и съ тою же преданностью Престолу вы не только облегчали Мнѣ трудъ осуществленія главнѣйшихъ заботъ Моихъ объ усиленіи государственнаго могущества и обороны и о благосостояніи государства, Мнѣ Богомъ ввѣреннаго, но и пробудили къ самодѣятельности многія отрасли и лучшія силы народнаго труда, упрочили независимость и устойчивость денежнаго обращенія, усилили рессурсы казны, чѣмъ давали изъ года въ годъ возможность сводить безпрепятственно постепенно увеличивавшіяся государственныя росписи и, независимо отъ вашихъ многосложныхъ служебныхъ обязанностей, вы къ полному Моему удовольствію исполнили возложенный Мною на васъ трудъ преподаванія государственной экономіи Наслѣднику Моему, Любезнѣйшему Брату, Великому Князю Михаилу Александровичу.

„Съ надеждою на дальнѣйшее продолженіе столь полезной Государству и Мнѣ службы вашей во главѣ ввѣреннаго вамъ министерства, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

„На подлинномъ Собственною Его Величества рукою написано: „и благодарный Николай“.

Въ той же газетѣ 21 декабря прошлаго года было опубликовано слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи объ усиленіи прокурорскаго надзора нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, а также объ увеличеніи штатовъ временной канцеляріи при министерствѣ юстиціи по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ, мнѣніемъ положилъ:

„I. Учредить: 1) шестьдесятъ девять новыхъ должностей товарища прокурора окружнаго суда, а именно: въ округѣ с.-петербургскаго окружнаго суда — шесть такихъ должностей; въ округахъ московскаго, варшавскаго, рижскаго, гродненскаго и минскаго окружныхъ судовъ—по четыре должности въ каждомъ; въ округахъ люблинскаго, виленскаго, могилевскаго и витебскаго окружныхъ судовъ—по три должности въ каждомъ; въ округахъ петроковскаго, ковенскаго, кишиневскаго, кіевскаго, харьковскаго, екатеринославскаго, полтавскаго и таганрогскаго окружныхъ судовъ—по двѣ должности въ каждомъ и въ округахъ одесскаго,

сувалкскаго, нижегородскаго, тверского, тульскаго, ярославскаго, елисаветградскаго, каменецъ-подольскаго, симферопольскаго, херсонскаго, самарскаго, тифлисскаго, бакинскаго, кутаисскаго, и воронежскаго окружныхъ судовъ—по одной должности въ каждомъ и 2) семь новыхъ должностей товарища прокурора судебной палаты, а именно: въ московской судебной палатѣ—двѣ должности, а въ варшавской, виленской, кіевской, тифлисской и харьковской судебныхъ палатахъ—по одной должности въ каждой.

„II. Въ дополненіе и измѣненіе Высочайше утвержденнаго 28 декабря 1892 года мнѣнія Государственнаго Совѣта объ установленіи постояннаго штата центральнаго управленія министерства юстиціи: 1) учредить съ 1 января 1903 года, двѣ новыя должности товарища прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда и одну новую должность товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты и 2) увеличить, съ того же срока, на три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ, суммы, отпускаемыя въ распоряженіе министра юстиціи на усиленіе средствъ центральнаго управленія по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ.

„III. Предоставить министру юстиціи командировать для занятій производящимися въ центральномъ управленіи особыми уголовными дѣлами одного изъ товарищей прокурора с.-петербургской судебной палаты.

„IV. Принять на средства Государственнаго казначейства, съ 1904 года, вызываемые означенными въ отдѣлахъ I и II мѣрами новые расходы въ общемъ количествѣ двухсотъ двадцати девяти тысячъ рублей въ годъ, въ томъ числѣ: 1) 177,500 р. за содержаніе семидесяти одного товарища прокурора окружного суда, считая по 2,500 р. каждому; 2) 16,000 р. на разъѣзды двадцати товарищей прокуроровъ, считая по 1,000 р. десяти лицамъ (6 въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ и 4 въ московскомъ) и по 600 р. десяти лицамъ (3 въ варшавскомъ окружномъ судѣ, 4 въ рижскомъ, 2 въ кіевскомъ и 1 въ одесскомъ); 3) 32,000 р. на содержаніе восьми товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ, и 4) 3,500 р. на усиленіе средствъ центральнаго управленія министерства юстиціи по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ.

„V. На приведеніе, въ 1903 году, въ дѣйствіе указанныхъ въ отдѣлѣ I мѣръ, въ сроки и постепенности по усмотрѣнію министра юстиціи, отпустить изъ Государственнаго казначейства сто сорокъ четыре тысячи триста тридцать три рубля тридцать три копѣйки, а на приведеніе въ дѣйствіе, съ 1-го января 1903 года, мѣръ, указанныхъ въ отдѣлѣ II,—двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

„Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 8 декабря 1902 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить“.

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатано

слѣдующее сообщеніе: „2 сего января, въ 1-мъ часу дня между содержащимися въ одесской тюрьмѣ въ количествѣ 600 человѣкъ общеуголовными арестантами возникли безпорядки, повидимому, заранѣе задуманные и начавшіеся по сигналу, поданному при раздачѣ обѣда. Безпорядокъ сопровождался взломомъ дверей въ камерахъ, бросаніемъ и поломкой мебели, разбитіемъ оконныхъ стеколъ, освобожденіемъ сидѣвшихъ по камерамъ другими вырвавшимися и прибѣжавшими изъ тюремныхъ мастерскихъ рабочими арестантами, выбрасываніемъ тюфяковъ и кроватей въ коридоры, и загроможденіемъ послѣднихъ цѣлыми грудами разнаго рода обломковъ, совершенно затруднявшихъ свободные проходы. Безуспѣшность сдѣланныхъ попытокъ прекратить волненіе путемъ увѣщаній вызвала необходимость употребленія оружія со стороны тюремной стражи, которая и произвела нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, ранивъ при этомъ двухъ изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ арестантовъ, изъ коихъ одинъ, Дерещъ, неоднократно осужденный за карманныя кражи, ночью того же дня скончался, а другой Берманъ оказался съ легкимъ поврежденіемъ пальца на лѣвой рукѣ. Вслѣдствіе волненія угрожающаго характера, начальникъ тюрьмы вынужденъ былъ запереть всѣ выходы и удалиться со стражей изъ главнаго корпуса. Прибывшій вслѣдъ за симъ въ тюрьму исполняющій должность градоначальника распорядился призывомъ войска, которое въ составѣ двухъ ротъ 15-го стрѣлковаго полка заняло внутреннее помѣщеніе тюрьмы. Такимъ образомъ порядокъ былъ возстановленъ. Послѣ спокойно прошедшей ночи, 3 января, около 6 часовъ утра такого же характера безпорядки послѣдовали въ женскомъ отдѣленіи тюрьмы, помѣщающемся въ особомъ отъ главнаго корпуса зданіи. По невозможности прекратить волненіе собственными средствами, начальникъ тюрьмы вынужденъ былъ пригласить расположенный въ главномъ корпусѣ военный нарядъ. При входѣ въ женское отдѣленіе, въ коемъ содержалось болѣе 100 заключенныхъ, солдаты произвели два выстрѣла, однимъ изъ которыхъ была убита наповалъ отбывавшая наказаніе за кражу арестантка Сивакова. Послѣ этого волненіе прекратилось и установленный въ тюрьмѣ порядокъ болѣе ничѣмъ не нарушался“.

III.

За послѣдній мѣсяцъ состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 14 декабря 1902 г.: „на основаніи 155 ст. уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить печатаніе частныхъ объявленій въ „Прикаспійской Торгово-Промышленной Газетѣ“.

2) 26 декабря 1902 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печати, св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Курьеръ“ на три мѣсяца“.

и 3) 29 декабря 1902 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить печатаніе частныхъ объявленій въ „Прикаспійской Торгово-Промышленной Газетѣ“, воспрещенное распоряженіемъ отъ 14-го сего декабря“.

Сверхъ того, какъ сообщалось въ газетахъ *), особымъ отдѣломъ ученаго комитета министра народнаго просвѣщенія издаваемый подъ редакціей Н. Ф. Михайлова журналъ „Вѣстникъ Воспитанія“ признанъ непригоднымъ по содержанію и направленію для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 12 „Русскаго Богатства“ 1902 г. въ отдѣлѣ „Новыя книги“ въ рецензію на книгу *С. Н. Прокоповича* „Кооперативное движеніе въ Россіи“ вкрались грубыя опечатки:

		Напечатано:	*Надо:*
стр. 79,	стр. 8 снизу.	технику	психику.
» 80,	» 14 сверху.	напиткахъ	капиталъ.

---

*) «Нижег. Листокъ», 17 дек. 1902 г.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

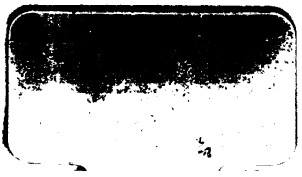
Отъ	Э. Я. Мелодистъ 2 р., А. Надецкаго 10 р., Е. Михайловой 1 р., А. Я. Штернбергъ 1 р., В. Н. Ксандрова 1 р., В. Д. Лидина 1 р., Д. М. Бранковскаго 1 р., Е. М. Ксандровой 1 р., Н. В. Кирилова 1 р., А. А. Волкенштейнъ 1 р., Л. А. Волкенштейнъ 1 р. (изъ Владивостока)	21 р. — к.
„	служащихъ 14 уч. по постройкѣ Забайкальской ж. д. остатокъ суммъ, не израсходованный на альбомъ	38 „ 60 „
„	псаломщика Ѳ. Ѳ. Зелепугина.	2 „ — „
„	Р. А. Соловьева изъ Ревеля	3 „ — „
„	І. К. Шидельскаго изъ м. Зинькова . . .	1 „ — „
„	студентовъ Казанскаго университета . . .	5 „ — „
„	К. Г. Пѣнькевича изъ Мотоля	2 „ 75 „
	Итого . . .	73 р. 35 к.

А всего съ прежде поступившими 964 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова:

Отъ	инженера Привалова, собранные по подпискѣ среди Кизлярской интеллигенціи . .	26 р. 80 к.
„	Л. В. Л. изъ Ярославля	5 „ — „
„	студентовъ изъ г. Бѣжецка.	7 „ — „
„	служащихъ пенсіонной кассы изъ Рыбинска	7 „ 40 „
„	учащихся изъ Рыбинска	2 „ 60 „
„	доктора А. А. Киселя изъ Москвы	20 „ — „
	Итого . . .	68 р. 80 к.

А всего съ прежде поступившими 98 р. 80 к.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 25 января 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.